

КАРЛ МАРКС

ИЗБРАННЫЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ

ТОМ

I

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИНСТИТУТ МАРКСА—ЭНГЕЛЬСА—ЛЕНИНА при ЦК ВКП(б)

КАРЛ МАРКС

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

В ДВУХ ТОМАХ

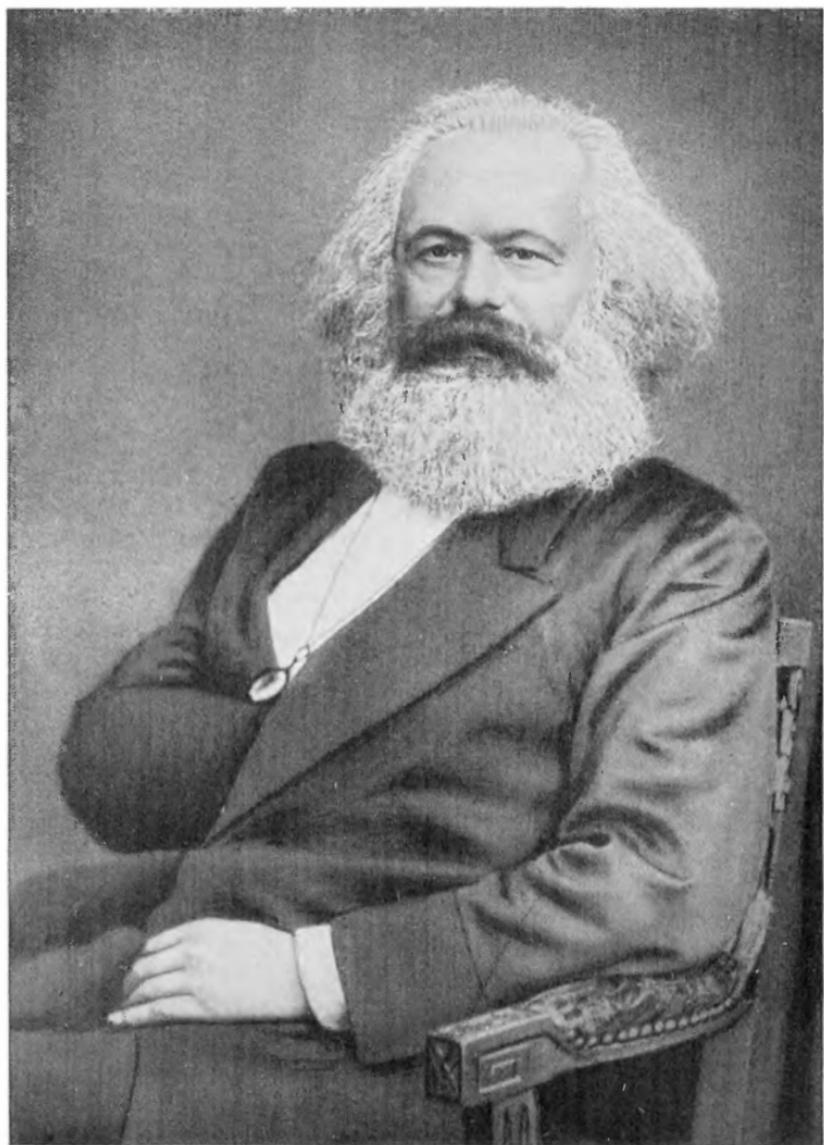
ПОД РЕДАКЦИЕЙ
М. Б. МИТИНА

ТОМ

I

ОГВЗ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1940

ПРЕДИСЛОВИЕ

I

Идейное вооружение кадров партийных и непартийных большевиков, вооружение их марксистско-ленинской теорией является насущнейшей политической задачей. Выход в свет «Краткого курса истории ВКП(б)» и последовавшее затем постановление ЦК ВКП(б) о партийной пропаганде подняли дело идейного вооружения кадров марксистско-ленинской теорией на невиданную до сих пор высоту.

В своем докладе на XVIII съезде ВКП(б) товарищ Сталин говорил: «Нужно признать, как аксиому, что чем выше политический уровень и марксистско-ленинская сознательность работников любой отрасли государственной и партийной работы, тем выше и плодотворнее сама работа, тем эффективнее результаты работы, и наоборот, — чем ниже политический уровень и марксистско-ленинская сознательность работников, тем вероятнее срывы и провалы в работе, тем вероятнее измельчание и вырождение самих работников в деляг-крохоборов, тем вероятнее их перерождение. Можно с уверенностью сказать, что, если бы мы сумели подготовить идеологически наши кадры всех отраслей работы и закалить их политически в такой мере, чтобы они могли свободно ориентироваться во внутренней и международной обстановке, если бы мы сумели сделать их вполне зрелыми марксистами-ленинцами, способными решать без серьезных ошибок вопросы руководства страной, — то мы имели бы все основания считать девять десятых всех наших вопросов уже разрешенными»¹.

Наша партия в своей работе по коммунистическому воспитанию масс ставит себе задачу — помочь нашим кадрам овладеть теорией марксизма-ленинизма, наукой о законах развития общества, наукой о пролетарской революции, наукой о строительстве коммунистического общества. Вернейшим путем к овладению этой, самой передовой в мире наукой, раскрывающей законы общественного развития, является серьезное и вдумчивое изучение произведений Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина. В их произведениях сосредоточено колоссальное идейное богатство, они насыщены глубочайшим содержанием. Произведения классиков

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 598, изд. 11-е.

марксизма-ленинизма обобщают весь опыт борьбы рабочего класса и трудящихся масс за полное свое освобождение. Они вооружают нас пониманием исторических событий, пониманием того, как и куда двигались и двигаются классы, какие они ставят перед собой цели, каковы задачи борьбы за дело рабочего класса в различные исторические периоды. Предлагаемое читателю новое издание двухтомника избранных произведений Маркса идет навстречу идейным запросам наших кадров, которые, следуя указаниям большевистской партии, горячо взялись за изучение теории марксизма-ленинизма. В этом двухтомнике дан ряд важнейших произведений великого основоположника научного коммунизма Карла Маркса, а также некоторые из произведений его великого друга и соратника Ф. Энгельса.

В первый том включены по преимуществу те произведения Маркса, в которых дается общее изложение марксистской теории, марксистского мировоззрения, основ экономического учения Маркса, учения о партии пролетариата, о ее стратегии и тактике, учения об исторической роли пролетариата. В первый том избранных произведений Маркса входят «Манифест Коммунистической партии» Маркса и Энгельса, «Развитие социализма от утопии к науке», «Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии» Энгельса, тезисы Маркса о Фейербахе. Помимо этого здесь дан ряд известных писем Маркса и Энгельса, посвященных вопросам материалистического понимания истории.

Из произведений Маркса по вопросам его экономической теории в первом томе даны его лекции, которые он читал в Брюссельском немецком рабочем союзе в 1847 г. («Наемный труд и капитал»), и его доклад на заседании Генерального Совета I Интернационала — «Заработная плата, цена и прибыль». Обе эти брошюры — образцы ясного, популярного изложения основ экономической теории Маркса, полное развитие которых дано в монументальном труде Маркса — «Капитале». Кроме этого дано предисловие Маркса к первому тому первого немецкого издания «Капитала», отрывок из послесловия к второму немецкому изданию первого тома «Капитала», а также отрывок из 24-й главы первого тома «Капитала». В этой главе Маркс подводит итоги своему исследованию и делает общий вывод о тенденциях развития капитализма, излагает общие законы капиталистических отношений, показывает неизбежность краха капитализма, ликвидации капиталистического строя рабочим классом при помощи его диктатуры. В двухтомнике помещены также две статьи Энгельса о «Капитале», в которых дана популярная характеристика содержания первого тома «Капитала».

Во втором томе двухтомника избранных произведений Маркса собраны по преимуществу его исторические работы, материал, посвященный деятельности Маркса как вождя пролетарской пар-

тии. Содержание этого тома охватывает по существу весь период деятельности Маркса как пролетарского революционера, как вождя и организатора революционной партии рабочего класса, как вождя Международного Товарищества Рабочих (I Интернационала).

Этим произведениям Маркса мы предпосылаем некоторые из работ Энгельса, Ленина и Сталина о Марксе и марксизме. По сравнению с предыдущим изданием двухтомника добавлена работа товарища Сталина о диалектическом и историческом материализме, в которой дано классическое изложение мировоззрения рабочего класса, мировоззрения большевистской партии. В этом своем произведении товарищ Сталин подвел итог всему развитию диалектического и исторического материализма. Оно является вершиной философской мысли марксистско-ленинской науки.

II

«Манифест Коммунистической партии» Маркса и Энгельса принадлежит к важнейшим программным документам марксизма. Это произведение является величайшим творением человеческого гения. «Манифест Коммунистической партии» — первая боевая программа научного коммунизма. Еще в 1895 г. Ленин писал о «Манифесте Коммунистической партии» следующее: «Эта небольшая книжечка стоит целых томов: духом ее живет и движется до сих пор весь организованный и борющийся пролетариат цивилизованного мира»¹. В своей работе «Карл Маркс» Ленин писал о «Манифесте»: «В этом произведении с гениальной ясностью и яркостью обрисовано новое мирозерцание, последовательный материализм, охватывающий и область социальной жизни, диалектика, как наиболее всестороннее и глубокое учение о развитии, теория классовой борьбы и всемирно-исторической революционной роли пролетариата, творца нового, коммунистического общества»².

«Манифест Коммунистической партии» Маркса и Энгельса завершил целый этап в идейном развитии основоположников научного коммунизма. Это произведение явилось выводом из всей той поистине гигантской работы по выработке нового мировоззрения, которая была проделана Марксом и Энгельсом с самого начала 1840-х годов. Это произведение подвело итог большой революционной деятельности, которую Маркс и Энгельс развили за этот период времени.

«Манифест Коммунистической партии» подвел итоги громадной теоретической и практической работе по критике, разоблачению, разгрому всякого рода лжесоциалистических учений буржуазного и мелкобуржуазного типа, которые имели в тот период хождение.

¹ Ленин, т. I, стр. 413.

² См. стр. 14—15 тома I настоящего издания.

Каждая мысль и каждое слово «Манифеста Коммунистической партии» научно взвешены и проверены. Классическая форма изложения, чеканный стиль, необычайная мощь мысли гениальных учителей рабочего класса Маркса и Энгельса, железная логика, прозрачная ясность «Манифеста Коммунистической партии» — все это олицетворяло мощь, силу и величие вышедшего на арену боевой политической деятельности рабочего класса. Рабочий класс словами «Манифеста Коммунистической партии» гордо и открыто возвестил свою программу, свои великие исторические задачи.

Впитав в себя все плодотворное, что было раньше в развитии науки и философии, все наиболее ценное, что было создано крупнейшими учеными, философами, историками, социологами, экономистами, переплавив все это в огне своего критического подхода с точки зрения интересов и задач рабочего класса, Маркс и Энгельс изложили в «Манифесте» новое величественное мировоззрение — диалектический и исторический материализм, основы научного коммунизма, учение об исторической роли рабочего класса.

Открытие материалистического понимания истории впервые подняло общественное знание до степени науки. Это открытие устранило и отбросило прочь все важнейшие недостатки, которые были характерны для домарксистских общественных учений, коренным образом изменило понимание общественного процесса. Прежние исторические учения видели причины исторических событий либо в мыслях, желаниях, стремлениях исторических деятелей, либо, как это имело место, например, у Гегеля, в деятельности мирового абсолютного духа. Даже блестящая плеяда французских материалистов и атеистов XVIII столетия (Ламетри, Гельвеций, Гольбах, Дидро), сделавшая столь много в деле критики поповщины и идеализма, в деле возвещения и распространения материалистического взгляда на природу, в объяснении общественных явлений, оставалась, в конечном счете, на позициях идеализма. Точно так же обстояло дело и во взглядах великого немецкого материалиста, одного из ближайших предшественников Маркса и Энгельса — Фейербаха.

Великие социалисты-утописты — Сен-Симон, Фурье, Оуэн всю свою жизнь надеялись, что изменение общественного устройства придет в результате доброй воли короля или богачей, когда они воодушевятся их социалистическими учениями. Все эти общественные теории не могли объяснить действительные корни исторических событий, вскрыть законы истории. Другой крупнейший недостаток домарксистских социальных теорий, на который указывает Ленин, состоял в том, что в этих так называемых теориях или учениях совершенно не уделялось внимания роли подлинных творцов человеческой истории — народных масс. В противовес этим общественным теориям, страдавшим органиче-

скими пороками, Маркс и Энгельс разработали новую теорию, теорию исторического материализма, которая, собственно, и дала возможность поднять общественное знание до степени точной науки.

Основная идея, которая красной нитью проходит по всему «Манифесту Коммунистической партии», состоит в том, что экономическое производство и развитие материальных производительных сил общества лежит в основе общественной жизни, обуславливает строение общества, составляет основу политической и умственной истории каждой исторической эпохи. Отправной пункт исторического материализма состоит в следующем: общественное бытие определяет общественное сознание. Исторический материализм отбросил в сторону всякий произвол и субъективизм в подходе к явлениям общественной жизни. Теория исторического материализма благодаря этому дает возможность раскрыть действительные корни всех без исключения идей и различных тенденций в общественной жизни.

Через весь «Манифест Коммунистической партии» проходит учение о классовой борьбе в обществе. И до Маркса был ряд ученых, которые пользовались в своих исследованиях идеей классовой борьбы в обществе. Уже древние историки высказывают некоторые гениальные догадки о значении классовой борьбы в жизни людей. Социалист-утопист Сен-Симон объясняет ход и исход французской буржуазной революции 1789 г. борьбой между имущими и неимущими. В период реставрации во Франции ряд ученых (Гизо, Тьерри, Минье и др.), подобно Сен-Симону, также рассматривали исторические события с точки зрения борьбы классов. Однако то, что раньше носило характер отдельных гениальных догадок у тех или других ученых, что было вскользь высказано в виде отдельных верных замечаний, то у Маркса и Энгельса приобрело стройный и цельный характер, стало разработанной научной теорией, охватывающей всю историю человечества.

Маркс и Энгельс в «Манифесте Коммунистической партии» показали, что вся история человечества, о которой имеются письменные источники, есть история борьбы классов. «Свободный и раб, — писали они в «Манифесте Коммунистической партии», — патриций и плебей, помещик и крепостной, мастер и подмастерье, короче — угнетающий и угнетаемый находились в вечном антагонизме друг к другу, вели непрерывную, то скрытую, то явную борьбу, всегда кончавшуюся революционным переустройством всего общественного здания или общей гибелью борющихся классов»¹.

Далее идет следующая замечательная характеристика основного антагонизма буржуазного строя: «Наша эпоха, эпоха буржуазии, отличается однако тем, что она упростила классовые

¹ См. стр. 139 тома I настоящего издания

противоречия: общество все более и более раскалывается на два большие враждебные лагеря, на два большие, стоящие друг против друга, класса — буржуазию и пролетариат»¹.

С исключительной силой рисуют Маркс и Энгельс в своем «Манифесте» развитие буржуазного строя. Они показывают всю прогрессивную роль, которую сыграла буржуазия в истории общества по сравнению с предшествующим феодальным строем. Менее чем за 100 лет — указывают они — буржуазия создала более мощные и более грандиозные производительные силы, чем все предшествующие поколения вместе взятые. Но буржуазия — говорят они в «Манифесте» — похожа на волшебника, который вызвал к жизни из-под земли могучие силы и с которыми он сам уже не в состоянии справиться и загнать их обратно. С необычайной силой вскрывает «Манифест Коммунистической партии» все противоречия буржуазного общества. Рядом с буржуазией растет ее антагонист, ее могильщик — пролетариат. Буржуазия не может сделать и шагу вперед в своем развитии без того, чтобы не рос пролетариат, чтобы одновременно не создавать условий для своей грядущей гибели.

На немногих страницах «Манифеста Коммунистической партии» дана такая картина классовой борьбы в обществе, смены одного способа производства другим, равной которой нет во всей мировой литературе. Авторы «Манифеста» не останавливаются, однако, только на характеристике, роли и значении классовой борьбы в обществе; они доводят понимание классовой борьбы в обществе до неизбежности и необходимости насильственного революционного свержения буржуазии и установления господства пролетариата, как главного рычага построения коммунистического общества. И в этом именно состоял великий шаг вперед основоположников научного коммунизма по сравнению с предшествующими учениями о классовой борьбе в обществе.

Какой надо было обладать мощью научного проникновения в законы общественного развития, какой надо было обладать силой революционного вдохновения, верой в историческую роль рабочего класса для того, чтобы 90 с лишним лет тому назад, когда капитализм шел в гору, находился в расцвете своих сил, до конца раскрыть все противоречия капитализма и научно предсказать его неизбежную гибель! Какой надо было обладать глубокой ненавистью к эксплуататорам и большой человеческой любовью к угнетенным народным массам, чтобы со всей остротой поставить коренную задачу пролетарской революции — превращения пролетариата в господствующий класс, для того, чтобы перестроить общество на коммунистических началах! Нельзя в краткой вводной статье изложить содержание «Манифеста Ком-

¹ См. стр. 139 тома I настоящего издания.

мунистической партии». Это произведение надо изучать и изучать. Период, прошедший после создания этого произведения, является периодом борьбы научного социализма против всяких враждебных течений, закончившейся полным триумфом марксистского учения, триумфом, который возможен только для теории научного коммунизма, ибо только марксизм дает верную картину общественного развития. Мы живем теперь в счастливое время, когда в нашей стране великие идеи, провозглашенные в «Манифесте Коммунистической партии», полностью воплощены в жизнь. Рабочий класс нашей страны сверг буржуазию, уничтожил эксплуататорские классы, добился победы социалистического общества.

Нашу эпоху характеризует новый величественный манифест коммунизма — Сталинская Конституция. Разве мы в чеканных формулировках нашей новой Советской Конституции не видим прямого продолжения и развития гениальнейших идей «Манифеста Коммунистической партии»? Разве мы в диктатуре рабочего класса в нашей стране, во всей борьбе, которая проводится нашей партией под руководством товарища Сталина, не видим продолжения идей «Манифеста Коммунистической партии»? Дело обстоит именно так. Идет одна линия развития революционного марксизма, это линия марксизма-ленинизма, одна линия от «Манифеста Коммунистической партии» Маркса и Энгельса, от работ Ленина до величайших творений товарища Сталина.

III

Брошюра Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке», данная в двухтомнике избранных произведений Маркса вслед за «Манифестом Коммунистической партии», принадлежит к выдающимся произведениям марксистской теории. Она является популярным и в то же время глубоко теоретическим и историческим введением в теорию научного социализма. Эта брошюра составлена из трех глав «Анти-Дюринга»: из «Введения» и 1-й и 2-й глав отдела «Социализм». Для изучающих теорию марксизма-ленинизма эта брошюра представляет замечательное дополнение к «Манифесту Коммунистической партии». В ней даны глубокий научный анализ и критика идей предшественников марксизма, краткое положительное изложение основ научного коммунизма. Развивая положения «Манифеста Коммунистической партии», Энгельс в своей брошюре дает характеристику идей просветителей Франции XVIII столетия, оценку идей великих социалистов-утопистов — Сен-Симона, Фурье и Оуэна. Энгельс в своей брошюре кратко излагает основные черты марксистского диалектического метода и показывает всю его противоположность метафизическому методу мышления. Он дает оценку философии Гегеля и вскрывает глубокое внутреннее противоречие между

консервативной и революционной сторонами философии Гегеля, между системой абсолютного идеализма и его диалектическим методом. Энгельс в этой брошюре особо подчеркивает, что социализм превратился из утопии в науку благодаря двум великим открытиям Маркса — материалистическому объяснению истории и теории прибавочной стоимости. Энгельс дает в этом своем произведении изложение основ научного социализма. В этой связи он излагает и существо марксистского взгляда на государство, вскрывая все значение, которое имеет диктатура рабочего класса для перехода к новому общественному строю. Энгельс высказывает в своей работе известное положение об отмирании государства после уничтожения классов и построения социализма. Этот вопрос был специально подробно рассмотрен товарищем Сталиным в его историческом докладе на XVIII съезде партии. Обобщая опыт диктатуры рабочего класса в СССР, двигая вперед марксистско-ленинское учение о государстве и диктатуре пролетариата, товарищ Сталин доказал, что победа социализма в нашей стране, в стране, находящейся в условиях капиталистического окружения, вовсе не означает отмирания государства, хотя у нас уже ликвидированы эксплуататорские классы.

Приведя из «Анти-Дюринга» классическую формулу развития социалистического государства, данную Энгельсом (см. стр. 209 тома I настоящего издания), о том, что с уничтожением эксплуататорских классов и построением социализма должно наступить отмирание государства, товарищ Сталин следующим образом, на основе опыта социалистического строительства в стране, находящейся в условиях капиталистического окружения, конкретизирует и развивает дальше марксистскую теорию. Товарищ Сталин устанавливает, что это положение Энгельса верно при одном из следующих двух условий: «а) если вести изучение социалистического государства с точки зрения только лишь внутреннего развития страны, заранее отвлекаясь от международного фактора, изолируя страну и государство для удобства исследования от международной обстановки, или б) если предположить, что социализму уже победил во всех странах или в большинстве стран, вместо капиталистического окружения имеется налицо окружение социалистическое, нет больше угрозы нападения извне, нет больше нужды в усилении армии и государства»¹. Товарищ Сталин показал, что общую формулу Энгельса об отмирании государства при коммунизме, которая выражала точку зрения марксистов на этот вопрос в определенную историческую эпоху, нельзя механически распространить на тот конкретный случай — создание социалистического государства в капиталистическом окружении, который мы имеем у нас. Обобщив весь опыт строи-

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 602, изд. 11-е.

тельства и укрепления Советского государства, товарищ Сталин обосновал необходимость сохранения государства даже при коммунизме в случае, если при построении коммунизма в нашей стране еще будет продолжать существовать капиталистическое окружение. Этот важнейший вывод, сделанный товарищем Сталиным по вопросу о государстве, является образцом творческого развития марксистско-ленинской теории. Он имеет решающее значение для практики строительства коммунизма в нашей стране. Решение, которое дано товарищем Сталиным по вопросу о государстве и коммунизме, поднимает на новую, высшую ступень теорию марксизма-ленинизма. Мы не будем здесь больше останавливаться на других произведениях Маркса и Энгельса, помещенных в первом томе. Каждое из них, начиная с «Наемного труда и капитала» Маркса, «Людвига Фейербаха» Энгельса, тезисов Маркса о Фейербахе и кончая письмами Маркса и Энгельса по вопросам исторического материализма, требовало бы специального освещения. Эти произведения надо серьезно и основательно изучать. Каждое из них является неоценимым пособием при овладении теорией марксизма. Эти произведения принадлежат к золотому фонду марксистской теории. Нельзя быть сознательным марксистом, коммунистом без того, чтобы все эти произведения не были изучены во всех их деталях.

IV

Основную часть второго тома избранных произведений Маркса составляют исторические работы: «Революция и контрреволюция в Германии» Маркса и Энгельса, «Классовая борьба во Франции 1848—1850 г.г.» Маркса, «18 брюмера Луи Бонапарта» Маркса, «Гражданская война во Франции» Маркса. Далее, во второй том входят «Критика Готской программы» Маркса и ряд писем и отдельных статей Маркса и Энгельса, относящихся к их борьбе за пролетарскую партию, а также по национально-колониальному вопросу.

Исторические работы Маркса принадлежат к выдающимся образцам анализа с точки зрения материалистического понимания истории величайших исторических событий XIX столетия.

Энгельс, оценивая воззвания Генерального Совета I Интернационала в связи с франко-прусской войной, написанные Марксом, отмечал, что они не менее, чем «Гражданская война во Франции», представляют собой выдающийся образец «удивительного, впервые проявившегося в «Восемнадцатом брюмера Луи Бонапарта» дара автора верно схватывать характер, значение и необходимые последствия крупных исторических событий в то время, когда эти события еще только разыгрываются перед нашими глазами или только что свершились»¹.

¹ См. стр. 357 тома II настоящего издания.

В исторических работах Маркса дан глубокий анализ крупнейших исторических событий, которые потрясли Европу в XIX столетии. Революции 1848 г., охватившие Францию, Германию, Австрию и ряд других стран, по выражению Маркса, шумно и беспорядочно провозгласили освобождение пролетариата — «эту тайну XIX столетия и его революций» (Маркс). Они обнаружили под казавшейся твердой корой буржуазного строя такие внутренние противоречия, такой необъятный океан, которому достаточно притти в движение, чтобы разбить на части целые материки.

Июньское восстание парижских пролетариев, «грандиознейшее событие в истории европейских гражданских войн» (Маркс), со всей силой обнаружило глубину антагонизмов, присущих буржуазному обществу. Вся буржуазная и аристократическая Европа задрожала от июньского землетрясения. Велико было всемирно-историческое значение этой битвы, в которой рабочий хотя и потерпел поражение, но показал, на что он уже способен.

После поражения революций 1848 г. наступает полоса реакции, «мирного» развития капитализма, полоса дальнейшего расцвета его производительных сил, проникновения его во все новые и новые области земного шара. Получает вновь свое полное подтверждение анализ развития буржуазного общества, данный Марксом и Энгельсом в «Манифесте Коммунистической партии». Буржуазия и шагу ступить не может без того, чтобы не рос и не развивался рабочий класс. В начале 60-х годов наступает новый подъем рабочего движения в главных странах Европы. На волне этого подъема рабочего движения возникает в 1864 г. I Интернационал, организатором, вождем и душой которого становится Карл Маркс. Ленин говорит, что Маркс выработывает все важнейшие документы I Интернационала, что он стремится направить рабочее движение разных стран в русло совместной деятельности. Маркс выковывает единую тактику борьбы рабочего класса в борьбе с различными формами непролетарского, домарксистского социализма (Мадзини, Прудон, Бакунин, английский либеральный тред-юнионизм, лассальянские колебания вправо и т. п.). I Интернационал под руководством Маркса становится крупной силой, «новой великой державой», которая приводит в трепет и ужас буржуазию всех стран.

Кульминационным пунктом подъема рабочего движения и деятельности I Интернационала является величайшее событие XIX века — Парижская Коммуна. Всемирно-историческое значение Коммуны как первой формы, хоть и незрелой и непрочной, диктатуры пролетариата исключительно велико.

Нет лучшего пособия для изучения всех этих исторических событий, всех этих великих этапов борьбы рабочего класса за свое освобождение, чем исторические работы Маркса. Они насыщены боевым вдохновением и революционной страстью. Они удивительно

рко показывают тайные пружины исторических событий, до конца раскрывают законы исторического движения, во всей наглядности характеризуют диалектический исторический процесс.

Исторические работы Маркса («Классовая борьба во Франции 1848—1850 г.г.», «18 брюмера Луи Бонапарта», «Гражданская война во Франции» и т. д.) представляют собой не хронологический перечень событий, характерный для так называемых объективистских историков. Эти исторические исследования Маркса также не представляют собой бесплодной, сухой схемы. Его анализ исторических событий насыщен плотью и кровью. Он не отвлекается от оценки роли и значения деятельности тех или других исторических лиц, выдвинутых на первый план. Маркс дал непревзойденную характеристику исторических «деятелей» буржуазии и аристократии этой эпохи. Его меткие, пригвождающие характеристики, его портреты этих «деятелей» навсегда вошли в историю. Он безжалостно срывает маски с жалкого и ничтожного Франкфуртского парламента. Он дает убийственные характеристики Ледрю-Роллена и Кавеньяка. Он пригвождает навсегда к позорному столбу истории жалкую посредственность, продажную сволочь, пародию на своего великого дядю — Наполеона I — Луи Бонапарта. С необычайной силой и революционной страстью показывает Маркс гнусную фигуру кровожадного карлика-чудовища — Тьера, который «в течение более чем полувека очаровывал французскую буржуазию, потому что он представлял собою самое совершенное идейное выражение ее классовой испорченности»¹.

В своих исторических работах Маркс дает образец глубочайшего проникновения в психологию масс, классическую характеристику колебаний мелкой буржуазии. Ленин, оценивая исторические работы Маркса, писал: «В ряде исторических сочинений Маркс дал блестящие и глубокие образцы материалистической историографии, анализа положения *каждого* отдельного класса и иногда различных групп или слоев внутри класса, показывая воочию, почему и как «всякая классовая борьба есть борьба политическая»².

Маркс в исключительно яркой форме анализирует сложную сеть общественных отношений и переходные ступени от одного класса к другому, от прошлого к будущему, которые были характерны для этих крупных исторических событий.

Диалектический подход к анализу событий прощупывается буквально на каждом шагу. Маркс рассматривает борьбу классов и самые классы не в статическом, застойном виде, а в движении. Он прослеживает все детали взаимной расстановки классов в эти

¹ См. стр. 385 тома II настоящего издания.

² См. стр. 23 тома I настоящего издания.

бурные революционные годы 1848—1850, а затем и в период Парижской Коммуны. Если иметь в виду, что эти произведения написаны буквально вслед за происходившими событиями, или же в тот период, когда они происходили, то можно только удивляться великому гению Маркса, так бесподобно сумевшему раскрыть до корня скрытые пружины исторических событий.

Энгельс указывал, что 28 мая 1871 г. последние бойцы Парижской Коммуны пали на холмах Бельвиля в борьбе с превосходившими их силами. А уже через два дня, 30 мая, Маркс прочел Генеральному Совету I Интернационала свое великое произведение, в котором «историческое значение Парижской коммуны было изображено краткими, сильными чертами, но с такой меткостью и — главное — верностью, каких никогда не достигала вся последующая обширная литература по этому вопросу»¹.

Изучение великих исторических произведений Маркса является прекрасной боевой школой. Они идейно вооружают наши кадры пониманием связи исторических событий. Они со всей силой обнаруживают революционный темперамент, боевое вдохновение, величайшую веру в массы, которая была так характерна для основоположника научного коммунизма — Карла Маркса.

В своем предисловии к русскому переводу писем Маркса к Кугельману, касаясь специально оценки Марксом Парижской Коммуны, Ленин писал: «Маркс в *сентябре 1870* года, за полгода до Коммуны, прямо предупредил французских рабочих: восстание будет *безумием*, сказал он в известном адресе Интернационала. Он вскрыл *заранее* националистические иллюзии насчет возможности движения в духе 1792-го г. Он умел *не задним числом*, а за много месяцев сказать: «Не надо браться за оружие».

И как он повел себя, когда это *безнадежное*, по его собственному сентябрьскому заявлению, дело стало осуществляться в марте 1871 года? Может быть, Маркс использовал это (как Плеханов декабрьские события) только для «ущемления» своих врагов, прудонистов и бланкистов, руководивших Коммуной? Может быть, он стал брюзжать, как классная дама: я говорил, я предупреждал, вот вам ваша романтика, ваши революционные бредни? Может быть, он проводил коммунаров, как Плеханов декабрьских борцов, назиданием самодовольного филистера: «Не надо было браться за оружие»?

Нет. 12-го апреля 1871-го года Маркс пишет *восторженное* письмо Кугельману, — письмо, которое мы повесили бы охотно на стенке у каждого русского социал-демократа, у каждого русского грамотного рабочего.

Маркс, назвавший в сентябре 1870 года восстание безумием, в апреле 1871 года, видя народное, массовое движение, относится

¹ См. стр. 358 тома II настоящего издания.

к нему с величайшим вниманием участника великих событий, знаменующих шаг вперед во всемирно-историческом революционном движении.

Это — *попытка*, говорит он, разрушить бюрократически-военную машину, а не просто передать ее в другие руки. И он поет настоящую осанна руководимым прудонистами и бланкистами парижским «геройским» рабочим. «Какая гибкость, — пишет он, — какая историческая инициатива, какая способность самопожертвования у этих парижан!»... «История не знает еще примера подобного героизма».

Историческую инициативу масс Маркс ценит выше всего. Ох, если бы поучились у Маркса наши русские с.-д. в оценке *исторической инициативы* русских рабочих и крестьян в октябре и декабре 1905 года!

Преклонение глубочайшего мыслителя, предвидевшего за полгода неудачу, перед *исторической инициативой* масс, — и безжизненное, бездушное, педантское: «Не надо было браться за оружие!» Разве это не небо и земля?

И, как *участник* массовой борьбы, которую он переживал со всем свойственным ему пылом и страстью, сидя в изгнании в Лондоне, Маркс принимается критиковать *непосредственные шаги* «безумно-храбрых» парижан, «готовых штурмовать небо»¹.

На основе анализа соотношений классовых сил Маркс в своих исторических работах сформулировал основы пролетарской тактики и задачи пролетариата в буржуазно-демократической революции. Он выдвигает учение о непрерывной революции, о переходе от буржуазно-демократической революции к диктатуре пролетариата.

Каждая из исторических работ Маркса, как это прекрасно показал Ленин в своей книге «Государство и революция», является шагом *вперед* в развитии марксистского учения о государстве.

В своей работе «18 брюмера Луи Бонапарта» Маркс делает громадный шаг вперед в учении о государстве по сравнению с «Манифестом Коммунистической партии». В «Манифесте» вопрос о диктатуре пролетариата ставится еще абстрактно, в общих понятиях и выражениях. В «18 брюмера» на основе итогов революции 1848—1851 гг. делается дальнейший шаг вперед и конкретизируется марксистское учение о государстве. Маркс делает крайне важный, точный вывод: все прежние революции только совершенствовали старую государственную машину. Задача же пролетарской революции в том, чтобы *разбить, сломать* буржуазную государственную машину.

Ленин писал: «Именно такой вопрос Маркс ставит и решает в 1852-ом году. Верный своей философии диалектического мате-

¹ Ленин, т. X, стр. 364—365.

риализма, Маркс берет в основу исторический опыт великих годов революции, 1848—1851 г.г. Учение Маркса и здесь, как и всегда, есть освещенное глубоким философским мирозерцанием и богатым знанием истории *подытоживание опыта*¹.

На основе анализа уроков и опыта Парижской Коммуны, первой попытки создания диктатуры пролетариата, Маркс с особой четкостью формулирует не только вопрос о необходимости для рабочего класса разбить, сломать старую государственную машину и на ее место поставить новую государственную машину. Он формулирует уже ответ на вопрос о том, какой должна быть эта новая государственная машина, создаваемая в пролетарской революции рабочим классом.

Маркс указал, что этой найденной в массовом революционном движении рабочего класса новой формой государственной власти в период перехода от капитализма к социализму должна быть не парламентарная республика, а государство типа Парижской Коммуны. Этот вывод Маркса опять явился громадным шагом вперед в развитии марксистской теории. «Но, к сожалению, — сказано в «Кратком курсе истории ВКП(б)», — это указание Маркса не получило дальнейшего развития в трудах Маркса и было предано забвению. Кроме того, авторитетное заявление Энгельса в его критике проекта Эрфуртской программы в 1891 году о том, что «демократическая республика... является... специфической формой для диктатуры пролетариата», не оставляло сомнения, что марксисты продолжают считать демократическую республику политической формой для диктатуры пролетариата. Это положение Энгельса стало потом руководящим началом для всех марксистов, в том числе и для Ленина»².

На основе нового опыта классовой борьбы в эпоху империализма, на основе опыта революции 1905 г. и в особенности февральской революции 1917 г., выдвинувшей новую форму политической организации общества — Советы рабочих и крестьянских депутатов, Ленин пришел к новому выводу, двигая вперед марксистскую теорию и обогащая ее, что политической формой диктатуры пролетариата должна быть республика Советов.

V

Во второй том избранных произведений Маркса входит «Критика Готской программы» Маркса. Это произведение наряду с «Манифестом Коммунистической партии» принадлежит к важнейшим программным документам марксистской теории. На немногих страницах в очень сжатых и кратких формулировках Маркс разрабатывает важнейшие теоретические основы программы проле-

¹ Ленин, т. XXI, стр. 388.

² Краткий курс истории ВКП(б), стр. 340.

тарской партии. «Критика Готской программы» была написана Марксом в 1875 г., немедленно после того, как он ознакомился с проектом программы, выработанным на совместном совещании фракций эйзенахцев и лассальянцев в Готе 14—15 февраля 1875 г.

Как известно, до этого времени германское рабочее движение было расколото на две партии: на так называемых эйзенахцев и лассальянцев. О причинах раскола германского социализма Ленин говорит следующее: «Историческая причина раскола германского социализма сводилась, коротко говоря, к следующему. На очереди стоял вопрос объединения Германии. Оно могло совершиться, при тогдашнем соотношении классов, двояко: либо путем революции, руководимой пролетариатом и создающей всенемецкую республику, либо путем династических войн Пруссии, укрепляющих гегемонию прусских помещиков в объединенной Германии.

Лассаль и лассальянцы, видя слабые шансы пролетарского и демократического пути, вели шаткую тактику, приспособляясь к гегемонии юнкера Бисмарка. Их ошибки сводились к уклону рабочей партии на бонапартистски-государственно-социалистический путь. Напротив, Бебель и Либкнехт последовательно отстаивали демократический и пролетарский путь, борясь с малейшими уступками пруссачеству, бисмарковщине, национализму»¹.

Объединение Германии произошло по-бисмарковски. Спор о путях объединения Германии был, таким образом, историей снят. Отпала одна из важнейших причин раскола в германском рабочем движении. Встал вопрос об объединении эйзенахцев и лассальянцев. Маркс и Энгельс полностью поддерживали самый факт объединения, отражавший тягу германского рабочего класса к единству перед лицом наступавшей реакции. Однако возмущение Маркса и Энгельса было вызвано теми принципиальными уступками лассальянцам со стороны эйзенахцев, которые они допустили при объединении, выражением чего и явилась Готская программа.

Маркс послал свои замечания («Критику Готской программы») Бракке 5 мая 1875 г. Нельзя и сейчас читать сопроводительное письмо к этим замечаниям без глубокого волнения. В этом письме мы видим Маркса в качестве непреклонного вождя пролетарской партии. Это письмо, проникнутое глубочайшей принципиальностью и непримиримостью к предателям интересов пролетариата, является ярчайшим документом рабочего движения. Маркс просит Бракке ознакомить со своими критическими замечаниями вождей эйзенахцев Гейба и Ауэра, Бебеля и Либкнехта. Он сообщает сжато суть дела своим партийным друзьям, для которых предназначались эти заметки, и просит их, чтобы они не истолковывали впоследствии ложно те шаги, которые он должен будет предпринять. При этом Маркс добавляет: «Я имею в виду краткое

¹ Ленин, т. XVI, стр. 547.

заявление, которое Энгельс и я опубликуем после объединительного съезда; мы заявим, что мы совершенно непричастны к принципам указанной программы и не имеем с ней ничего общего.

Это необходимо, так как за границей распространен заботливо поддерживаемый врагами партии взгляд, — взгляд совершенно ложный, — будто мы тайно руководим отсюда движением так называемой эйзенахской партии»¹. Он затем со всей прямотой указывает, что программа никуда не годится и только деморализует партию.

Далее следуют известные слова Маркса: «Каждый шаг действительного движения важнее дюжины программ. Поэтому, если нельзя было, — а обстоятельства этого не допускали, — выйти за пределы эйзенахской программы, то следовало бы просто заключить соглашение о действиях против общего врага. Составляя же принципиальные программы (вместо того чтобы отложить это дело до того момента, когда оно будет подготовлено более длительной совместной работой), воздвигают тем самым перед лицом всего мира вежи, по которым люди судят об уровне партийного движения»².

Шестнадцать лет пролежали эти заметки Маркса неопубликованными, и только в 1891 г. по настоянию Энгельса они были опубликованы в органе германских социал-демократов «*Neue Zeit*», редактировавшемся Каутским. Нет возможности останавливаться здесь на всех деталях той борьбы, которую пришлось выдержать Энгельсу для того, чтобы добиться опубликования этих заметок Маркса. Энгельс принудил Каутского опубликовать эти заметки, категорически заявив ему, что он их сам опубликует в другом органе, если они не будут опубликованы в «*Neue Zeit*». Энгельс считал необходимым в 1891 г. опубликовать эти заметки потому, что в рядах германской социал-демократии пышным цветом расцветали оппортунизм, забвение и предательство интересов пролетариата.

Содержание «Критики Готской программы» исключительно велико. Оно охватывает большую группу важнейших программных вопросов борьбы рабочего класса. В своих заметках Маркс до конца разоблачает культ Лассалья и лассальянства, который получил такое развитие в германской социал-демократической партии. Он показывает подлинное лицо Лассалья и разоблачает его позиции как по сути дела предательские в отношении интересов рабочего класса. С особой силой обрушивается он на известное положение Лассалья о том, что по отношению к пролетариату все остальные классы представляют собой одну сплошную реакционную массу.

Маркс подвергает бичеванию узкий национализм программы. Маркс уже тогда разглядел в соответствующих положениях Готской программы серьезнейшую опасность, которую предста-

¹ См. стр. 445 тома II настоящего издания.

² Там же, стр. 445—446.

вляли для рабочего движения элементы государственного и национального социализма, нашедшие себе место в программе. Маркс считал необходимым заклеить преклонение перед прусско-помещичьим государством Бисмарка и увлечение прусско-помещичьим национальным социализмом Родбертуса, которые имели место в рядах германских социал-демократов. Маркс не только вскрыл политическую и теоретическую несостоятельность ласальянских положений, которые были в этой программе. Он дал гениальный набросок положительных задач рабочего класса в социалистической революции. Именно в «Критике Готской программы» Маркс выдвинул свое знаменитое положение о переходном периоде и диктатуре пролетариата. «Между капиталистическим и коммунистическим обществом — писал он — лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как *революционной диктатурой пролетариата*»¹. По поводу этого места Ленин указывал, что это — «знаменитое рассуждение Маркса, подводящее итог всему его революционному учению»².

В «Критике Готской программы» Маркс развертывает свое знаменитое положение о социализме и коммунизме как о двух фазах в развитии нового общественного строя. В этом различении двух стадий в развитии коммунизма особенно сказалась великая гениальность Маркса. Он подошел к этому вопросу, к развитию нового общественного строя как подлинный диалектик и научно предсказал те этапы, которые будут пройдены пролетарской революцией в деле построения коммунизма. И весь опыт нашего социалистического строительства показывает всю правоту анализа Маркса. Учению о двух стадиях развития коммунистического общества Ленин и Сталин придают исключительное значение. Можно сказать, что учение Маркса о двух стадиях развития коммунизма, развитое и конкретизированное дальше Лениным и Сталиным, лежит в основе всего нашего представления о переходе к коммунистическому обществу. Небольшие заметки Маркса в «Критике Готской программы» насыщены таким огромным содержанием, что ставит их вместе с «Манифестом Коммунистической партии», «Капиталом» в ранг самых выдающихся произведений марксистской теории.

Мы не можем здесь останавливаться на других материалах Маркса, входящих в состав второго тома. Можно повторить то, что сказано в отношении материалов первого тома. Каждое из произведений Маркса представляет собой веку в развитии марксистской теории и должно быть самым тщательным образом изучено. В каче-

¹ См. стр. 461 тома II настоящего издания

² Ленин, т. XXIII, стр. 338.

стве примера укажем хотя бы на следующую жемчужину марковского творческого гения. Мы имеем в виду его речь на юбилее чартистской «Народной газеты», которая помещена в данном, втором томе. Вот с какой силой Маркс характеризует противоречия буржуазного общества в этой речи, которая была произнесена им на юбилее газеты в 1856 г.: «В наше время—говорил Маркс—каждая вещь как бы чревата своей противоположностью. Мы видим, что машина, обладающая чудесной силой сокращать и делать плодотворнее человеческий труд, приводит к голоду и истощению. Новоизобретенные источники богатства благодаря каким-то роковым чарам становятся источниками лишений. Победы искусства куплены, по видимому, ценой потери морального качества. В той же самой мере, в какой человечество становится властелином природы, человек попадает в рабство к другому человеку или становится рабом своей собственной подлости. Даже чистый свет науки не может, по видимому, сиять иначе, как только на мрачном фоне невежества. Результат всех наших открытий и всего нашего прогресса, очевидно, тот, что материальные силы наделяются духовной жизнью, а человеческая жизнь оупляется до степени материальной силы. Этот антагонизм между современной промышленностью и наукой, с одной стороны, и нищетой и распадом — с другой, этот антагонизм между производительными силами и общественными отношениями нашей эпохи есть осязаемый, подавляющий и неоспоримый факт»¹.

Особенно надо обратить внимание на материалы, которые даны во втором томе, относящиеся к оценке положения дел в Индии и Ирландии. С исключительной силой показывает Маркс результаты эксплуатации и угнетения Ирландии со стороны английских лэндлордов и фабрикантов и грабежа со стороны господствующих классов Англии индусских трудящихся. Маркс предсказывает в своей статье «Будущие результаты британского владычества в Индии» неизбежный и необходимый подъем борьбы индийских трудовых масс за национальное самоопределение, против английского капитализма. Маркс указывает, что не может быть свободного английского рабочего класса без освобождения Ирландии и Индии. Маркс предвидит великую революционную борьбу, которая предстоит в этих двух частях британского империализма, которая подорвет могущество английского капитализма и приведет также и к освобождению английского рабочего класса.

Произведения Маркса и Энгельса, вошедшие в данный двухтомник, являются прекрасным и неопенимым пособием при изучении теории марксизма-ленинизма.

Все работы Маркса и Энгельса даны в этом издании в проверенном и исправленном переводе.

М. Митин.

¹ См. стр. 340—341 тома II настоящего издания.

Человек, впервые давший социализму, а тем самым и всему рабочему движению наших дней научную основу — Карл Маркс — родился в 1818 г. в Трире. Сначала он изучал право в Бонне и Берлине, но вскоре целиком отдался изучению истории и философии и уже готов был в 1842 г. стать доцентом философии, когда политическое движение, возникшее со времени смерти Фридриха-Вильгельма III, направило его жизнь по другому руслу. Вожди рейнской либеральной буржуазии в Кельне — Кампгаузен, Ганзман и др. основали при его участии «Rheinische Zeitung» [«Рейнскую Газету»], и Маркс, который произвел огромное впечатление своей критикой прений в рейнском областном ландтаге, был приглашен осенью 1842 г. стать во главе газеты. Конечно, «Рейнская Газета» выходила под цензурой, но цензура не могла с ней справиться¹. «Рейнская Газета» почти всегда добивалась печатания статей, которые были необходимы; сначала цензору для вычеркивания подбрасывали менее ценный материал, покуда он не уступал сам или не бывал вынужден пойти на уступки под угрозой, что газета завтра не выйдет. Будь еще десяток газет, обладавших мужеством «Рейнской Газеты», издатели которых не пожалели бы лишних нескольких сотен талеров на издержки набора, — и цензура в Германии стала бы невозможной уже в 1843 г. Но немецкие собственники газет были мелочные, трусливые обыватели, и «Рейнская Газета» вела борьбу в одиночку. Она выводила из строя одного цензора за другим. Наконец, для нее была установлена двойная цензура, так что после первой цензуры ее должен был еще раз и окончательно просматривать правительственный президент². Но не помогло и это. В начале 1843 г. правительство

¹ Первым цензором «Рейнской Газеты» был полицейский советник Доллешаль, тот самый, который зачеркнул однажды в «Kölnische Zeitung» [«Кельнской Газете»] объявление о переводе *Филалетом* (будущим королем Иоганном Саксонским) «Божественной комедии» Данте, сделав следующее примечание: «Из божественного нечего устраивать комедий». (*Примечание Энгельса.*)

² Правительственный президент — *регирунгс президент* — представитель центральной исполнительной власти в районе. *Ред.*

заявило, что с этой газетой ничего нельзя поделать, и попросту запретило ее.

Маркс, женившийся тем временем на сестре будущего реакционного министра фон-Вестфалена, переселился в Париж и стал издавать там вместе с А. Ругэ «Немецко-Французский Ежегодник», в котором он «Критикой гегелевской философии права» начал ряд своих социалистических произведений. Далее, вместе с Ф. Энгельсом им было издано «Святое семейство. Против Бруно Бауэра и К^о» — сатирическая критика одной из последних форм, которую принял тогдашний немецкий философский идеализм.

Занятия политической экономией и историей великой французской революции все же оставляли Марксу еще достаточно времени для того, чтобы при случае нападать на прусское правительство; последнее отомстило ему, добившись весной 1845 г. от министерства Гизо высылки Маркса из Франции. Г-н Александр фон-Гумбольдт, видимо, сыграл при этом роль посредника. Маркс переехал в Брюссель и опубликовал там в 1847 г. на французском языке «Misère de la Philosophie» [«Нищета философии»], критику на «Philosophie de la Misère» [«Философия нищеты»] Прудона, а в 1848 г. «Discours sur le libre échange» [«Речь о свободе торговли»]. В то же время он воспользовался случаем основать в Брюсселе Немецкий рабочий союз и приступить тем самым к практической агитации. Последняя приобрела для него еще большее значение с тех пор, как он и его политические друзья вступили в 1847 г. в существовавший уже много лет тайный «Союз коммунистов». Вся организация была теперь изменена в корне; более или менее заговорщическое до того времени объединение превратилось в простую организацию коммунистической пропаганды, лишь по необходимости тайную, в *первую* организацию немецкой социал-демократической партии. Союз существовал всюду, где только имелись немецкие рабочие фёрейны [союзы]; почти во всех таких фёрейнах Англии, Бельгии, Франции и Швейцарии и в очень многих фёрейнах Германии среди руководителей были члены Союза, и участие Союза в нарождавшемся немецком рабочем движении было весьма значительно. Вместе с тем наш Союз первый подчеркнул международный характер рабочего движения в целом и показал это на деле, имея среди своих членов англичан, бельгийцев, венгров, поляков и других и устраивая, особенно в Лондоне, международные рабочие собрания.

Преобразование Союза произошло на двух съездах, созванных в 1847 г. На втором из них было постановлено выработать и опубликовать основы партийной программы в форме манифеста, составление которого было поручено Марксу и Энгельсу. Так возник «Манифест коммунистической партии», который появился

впервые в 1848 г., незадолго до февральской революции, а затем был переведен почти на все европейские языки.

Статьи «Немецкой Брюссельской Газеты», в которой Маркс принимал участие, беспощадно разоблачая отечественное полицейское благополучие, дали повод прусскому правительству снова потребовать высылки Маркса, однако безуспешно. Но когда в результате февральской революции начались народные волнения также и в Брюсселе и казалось, что Бельгия находится накануне переворота, бельгийское правительство без всяких церемоний арестовало Маркса и выслало его. Между тем временное правительство Франции через Флокона пригласило его вернуться в Париж, и он воспользовался этим приглашением.

В Париже он прежде всего выступил против задуманного жившими там немцами авантюристского плана сформировать во Франции из немецких рабочих вооруженные легионы, чтобы с помощью их ввезти в Германию революцию и республику. С одной стороны, Германия должна была совершить свою революцию сама, а с другой стороны, всякий формирующийся во Франции иностранный революционный легион Ламартины временного правительства заранее предавали тому самому правительству, которое нужно было свергнуть, как это и произошло в Бельгии и в Бадене.

После мартовской революции Маркс переехал в Кельн и основал там «Новую Рейнскую Газету», просуществовавшую с 1 июня 1848 г. по 19 мая 1849 г., — единственную газету, которая в тогдашнем демократическом движении представляла точку зрения пролетариата. Это проявилось хотя бы уже в ее безоговорочной солидарности с парижскими повстанцами июня 1848 г., из-за чего от газеты отшатнулись почти все ее акционеры. Напрасно указывала «Kreuzzeitung» [«Крестовая Газета»] на «Чимборасо¹ наглости», с какой «Новая Рейнская Газета» производит нападки на все святое — от короля и регента до жандарма, и все это в прусской крепости с восьмидесятысячным в то время гарнизоном; напрасно возмущались либеральные, ставшие вдруг реакционными, рейнские филистеры; напрасно осадное положение в Кельне осенью 1848 г. надолго приостановило газету; напрасно франкфуртское министерство юстиции требовало от кельнского прокурора судебных преследований то за одну, то за другую статью, — газета на глазах властей преспокойно редактировалась и продолжала печататься, а распространение и слава газеты росли вместе с резкостью ее нападков на правительство и на буржуазию. Когда в ноябре 1848 г. в Пруссии произошел государственный переворот, «Новая Рейнская Газета» каждый

¹ Чимборасо — одна из высочайших горных вершин Южной Америки. *Ред.*

номер начинала с призыва к народу не платить налогов и на насилие отвечать насилием. Весной 1849 г. за это и еще за одну из статей она была предана суду присяжных, но оба раза была оправдана. Наконец, когда майские восстания 1849 г. в Дрездене и Рейнской области были подавлены, а после концентрации и мобилизации значительных военных сил был начат прусский поход против баденско-пфальцского восстания, правительство сочло себя достаточно окрепшим, чтобы, применив насилие, уничтожить «Новую Рейнскую Газету». Последний номер, отпечатанный красной краской, вышел 19 мая.

Маркс снова поехал в Париж, но уже через несколько недель после демонстрации 13 июня 1849 г. он был поставлен французским правительством перед выбором — либо перенести свое местожительство в Бретань, либо покинуть Францию. Он предпочел последнее и переселился в Лондон, где с тех пор постоянно и жил.

Попытку продолжать издание «Новой Рейнской Газеты» в форме журнала-обозрения (в Гамбурге, 1850 г.) пришлось через некоторое время оставить ввиду все более усиливавшейся реакции. Вскоре после государственного переворота во Франции в декабре 1851 г. Маркс опубликовал «18 брюмера Луи Бонапарта» (Бостон, 1852 г.; 2-е издание — Гамбург, 1869 г., незадолго до войны). В 1853 г. он написал «Разоблачения о кельнском процессе коммунистов» (напечатано сначала в Базеле, позднее — в Бостоне, недавно снова — в Лейпциге).

После осуждения членов Союза коммунистов в Кельне Маркс отошел от политической агитации и посвятил себя, с одной стороны, изучению в течение десяти лет богатых сокровищ, которые имелись в библиотеке Британского музея в области политической экономии, с другой стороны, — сотрудничеству в «New York Tribune» [«Нью-Йоркской Трибуне»], газете, которая до начала гражданской войны в Америке помещала не только подписанные им корреспонденции, но и вышедшие из-под его пера многочисленные передовые статьи о положении в Европе и Азии. Его резкие статьи против лорда Пальмерстона, основанные на обстоятельном изучении английских официальных документов, перепечатывались в Лондоне в виде памфлетов.

Первым плодом его многолетних занятий экономическими вопросами было появившееся в 1859 г. сочинение «К критике политической экономии. Первый выпуск» (Берлин, Дункер). Это сочинение содержит в себе первое систематическое изложение марксовой теории стоимости, включая учение о деньгах. Во время итальянской войны в издававшейся в Лондоне немецкой газете «Das Volk» [«Народ»] Маркс подверг критике как бонапартизм, подкрашивавшийся в то время в либеральный цвет и разыгрывавший роль освободителя угнетенных национальностей, так и тогдашнюю прусскую политику, которая под прикрытием нейтралитета

пыталась ловить рыбу в мутной воде. Пришлось при этом выступить и против господина Карла Фогта, который тогда, по поручению принца Наполеона (Плон-плон), состоя на жалованье у Луи-Наполеона, агитировал за нейтралитет и даже за сочувствие со стороны Германии. Осыпанный со стороны Фогта самой подлой, заведомо лживой клеветой, Маркс ответил книгой «Господин Фогт» (Лондон, 1860 г.), где он разоблачил Фогта и остальных господ из империалистской лжедемократической шайки и на основании как внешних, так и внутренних данных уличил Фогта в том, что он был подкуплен декабрьской империей. Ровно через десять лет это подтвердилось: в списке бонапартистских наемников, найденном в 1870 г. в Тюильри и опубликованном сентябрьским правительством, под буквой Ф значилось: «Фогт — в августе 1859 г. ему передано... 40 000 франков».

Наконец, в 1867 г. в Гамбурге появился «Капитал. Критика политической экономии. Том первый» — главное произведение Маркса, излагающее основы его экономически-социалистических воззрений, а также основы его критики существующего общества, капиталистического способа производства и его последствий. Второе издание этого произведения, составившего эпоху, вышло в 1872 г. В настоящее время автор работает над отделкой второго тома.

Между тем рабочее движение в различных странах Европы вновь настолько усилилось, что у Маркса явилась возможность подумать об осуществлении своего заветного желания: основать товарищество рабочих, охватывающее самые передовые страны Европы и Америки, которое, так сказать, во плоти представило бы международный характер социалистического движения как самим рабочим, так и буржуазии и правительствам, на радость и укрепление пролетариата, на страх его врагам. Народное собрание, созванное 28 сентября 1864 г. в Лондоне, в Сент-Мартинс Холле, в знак сочувствия Польше, только что вновь подавленной Россией, дало повод выдвинуть это предложение, принятое с воодушевлением. *Международное Товарищество Рабочих* было основано; на собрании был выбран временный Генеральный Совет, с местопребыванием в Лондоне, причем душой этого, так же как и всех последующих генеральных советов до Гаагского конгресса, был Маркс. Им были составлены почти все выпущенные Генеральным Советом Интернационала документы — от Учредительного манифеста 1864 г. до Манифеста о гражданской войне во Франции в 1871 г. Обрисовать деятельность Маркса в Интернационале значило бы написать историю самого этого общества, которое живет еще в памяти европейских рабочих.

Падение Парижской коммуны создало для Интернационала невозможное положение. Он был выдвинут на передний план европейской истории в такой момент, когда для него повсюду

была отрезана возможность всякого успешного практического действия. События, поднявшие его до положения седьмой великой державы, не позволяли ему в то же время мобилизовать и пустить в ход свои боевые силы под угрозой верного поражения и упадка рабочего движения на целые десятилетия. К тому же с разных сторон напирала элементы, пытавшиеся использовать так быстро выросшую славу Товарищества в целях своего личного тщеславия или личного честолюбия, не понимая или не учитывая истинного положения Интернационала. Надо было принять героическое решение, и опять-таки именно Маркс принял и провел его на Гаагском конгрессе. Торжественным постановлением Интернационал снял с себя всякую ответственность за действия бакунистов, являвшихся центром этих безрассудных и нечистоплотных элементов; затем, ввиду невозможности при всеобщей реакции отвечать поставленным ему повышенным требованиям и поддерживать всю полноту своей деятельности иначе, как ценою ряда жертв, от которых рабочее движение должно было бы истечь кровью, — ввиду такого положения дел Интернационал удалился на время со сцены, перенесся Генеральный Совет в Америку. Последствия доказали, как правильно было это решение, и в то время и позднее нередко подвергавшееся осуждению. С одной стороны, был положен конец всяким попыткам устраивать от имени Интернационала бесполезные путчи, с другой стороны, непрерывавшаяся тесная связь между социалистическими рабочими партиями различных стран доказала, что пробужденное Интернационалом сознание общности интересов и солидарности пролетариата всех стран может проложить себе дорогу даже и без оформленного международного объединения, превратившегося на момент из связи в оковы.

После Гаагского конгресса Маркс нашел, наконец, спокойствие и досуг, чтобы снова приняться за свою теоретическую работу, и будем надеяться, что пройдет не очень много времени и он сможет сдать в печать второй том «Капитала».

Из многих важных открытий, которыми Маркс вписал свое имя в историю науки, мы остановимся здесь только на двух.

Первым из них является совершенный им переворот во всем понимании всемирной истории. В основе всех прежних воззрений на историю лежало представление, что причину всех исторических перемен следует искать в конечном счете в изменяющихся идеях людей и что из всех исторических перемен важнейшими, определяющими всю историю, являются политические. Но откуда появляются у людей идеи и что является движущими причинами политических перемен — такие вопросы даже не ставились. Лишь в новейшую школу французских, а отчасти и английских историков проникло убеждение, что движущей силой европейской истории, по крайней мере со времени средних веков, была борьба

развивающейся буржуазии против феодального дворянства, за общественное и политическое господство. Маркс же доказал, что вся история человечества есть история борьбы классов, что во всей разнообразной и сложной политической борьбе речь шла всегда именно об общественном и политическом господстве тех или иных классов общества, о сохранении господства со стороны старых классов, о достижении господства со стороны поднимающихся новых. Но вследствие чего возникают и существуют эти классы? Вследствие имеющихся всякий раз налицо материальных, чисто физически ощущаемых условий, при которых общество в каждую данную эпоху производит и обменивает продукты своего потребления. Феодальное господство в средние века опиралось на хозяйство мелких самодовлеющих крестьянских общин, которые сами производили почти все необходимые предметы своего потребления и почти не знали обмена. Военное дворянство давало все же им защиту от внешних врагов и национальное или, по крайней мере, политическое объединение; когда же возникли города, а вместе с ними обособленная ремесленная промышленность и торговый оборот, сначала внутри страны, а затем и международный, тогда развилась городская буржуазия, которая еще в средние века в борьбе с дворянством завоевала себе место в феодальной системе также в качестве привилегированного сословия. Однако с открытием внеевропейских земель, с середины XV века, буржуазия приобрела гораздо более обширную область для торговой деятельности и вместе с тем новый стимул для развития своей промышленности; в важнейших отраслях ремесло было вытеснено мануфактурой, уже фабричной по своему характеру, а та, в свою очередь, — крупной промышленностью, которая стала возможна благодаря изобретениям предшествующего столетия, в особенности благодаря изобретению паровой машины. Крупная же промышленность оказала обратное влияние на торговлю, вытеснив в отсталых странах старый ручной труд, а в более развитых странах создав новые, современные средства сообщения: пароходы, железные дороги, электрический телеграф. Буржуазия, таким образом, все более и более сосредоточивала в своих руках общественные богатства и общественную силу, хотя долго еще лишена была политической власти, которая оставалась в руках дворянства и королевской власти, опиравшейся на дворянство. Но на известной ступени развития — во Франции со времени великой революции — она завоевала также и политическую власть, став, в свою очередь, господствующим классом по отношению к пролетариату и мелкому крестьянству. С этой точки зрения, — конечно, при достаточном знакомстве с экономическим положением общества на любом этапе (а этого совершенно нет у наших историков-специалистов), — все исторические явления объясняются простейшим образом,

а представления и идеи каждого данного исторического периода объясняются также в высшей степени просто экономическими условиями жизни и обусловленными ими общественными и политическими отношениями этого периода. История впервые была поставлена на свою действительную основу. За таким очевидным фактом, которого до сих пор, однако, не замечали, за тем фактом, что людям прежде всего нужно есть, пить, иметь жилище, одеваться и что, следовательно, они должны *трудиться*, раньше чем они могут бороться за господство, заниматься политикой, религией, философией и т. д., за этим очевидным фактом были теперь, наконец, признаны его исторические права.

Для социалистического мировоззрения это новое понимание истории было в высшей степени важно. Оно доказало, что вся история шла до сих пор путем антагонизма и борьбы классов, что всегда существовали господствующие и подчиненные, эксплуатирующие и эксплуатируемые классы и что огромное большинство человечества всегда было обречено на суровый труд и жалкое существование. Почему же это? Просто потому, что на всех предыдущих ступенях развития человечества производство было до того мало развито, что историческое развитие могло совершаться лишь в этой антагонистической форме, что исторический прогресс в общем и целом был предоставлен деятельности незначительного привилегированного меньшинства, между тем как огромная масса была обречена на добывание себе скудных средств существования и, кроме того, на постоянное увеличение богатств привилегированных. Но это же понимание истории, естественно и разумно объясняющее существовавшее до сих пор классовое господство, которое иначе можно объяснить только злой волей людей, приводит также к убеждению, что вследствие колоссального развития в настоящее время производительных сил исчезает, по крайней мере в передовых странах, последнее основание для деления людей на господствующих и подчиненных, эксплуатирующих и эксплуатируемых; что господствующая крупная буржуазия сыграла уже свою историческую роль, что она не только не способна более руководить обществом, но даже превратилась в тормоз для дальнейшего развития производства, как это доказывают торговые кризисы — особенно последний крупный крах — и угнетенное состояние промышленности во всех странах; что историческое руководство перешло теперь к пролетариату — к классу, который по всем условиям своего общественного положения может освободить себя только тем, что устранил всякое классовое господство, всякое рабство и всякую эксплуатацию вообще; что общественные производительные силы, выросшие настолько, что буржуазия не может с ними более справиться, лишь ждут того, чтобы объединившийся пролетариат ими овладел и установил такой строй, который предоставит каждому члену общества

возможность участвовать не только в производстве, но и в распределении и управлении общественными богатствами и который путем плановой организации всего производства увеличит до таких размеров производительные силы общества и создаваемые ими продукты, что каждому будет обеспечено удовлетворение его разумных потребностей в постоянно возрастающих размерах.

Второе важное открытие Маркса состоит в выяснении до конца отношения между капиталом и трудом, другими словами, в раскрытии того, каким образом внутри современного общества, при существующем капиталистическом способе производства, совершается эксплуатация рабочего капиталистом. С тех пор как политическая экономия выдвинула положение, что труд является источником всякого богатства и всякой стоимости, неизбежно возник вопрос: как же это возможно совместить с тем, что наемный рабочий получает не все произведенное его трудом количество стоимости, а должен часть ее отдавать капиталисту? Тщательно старались буржуазные экономисты, как и социалисты, дать научно обоснованный ответ на этот вопрос, пока, наконец, не выступил Маркс со своим решением. Это решение заключается в следующем. Современный капиталистический способ производства предполагает существование двух общественных классов: с одной стороны, капиталистов, обладающих средствами производства и средствами к жизни, с другой — пролетариев, лишенных этого и обладающих лишь одним товаром для продажи: своей рабочей силой; а продавать свою рабочую силу они вынуждены, чтобы получать необходимые средства к жизни. Но стоимость товара определяется общественно-необходимым количеством труда, воплощенного в производстве, а стало быть и в воспроизводстве этого товара; следовательно, стоимость рабочей силы среднего человека в течение дня, месяца, года определяется количеством труда, воплощенного в массе средств к жизни, необходимых для поддержания этой рабочей силы в течение дня, месяца, года. Предположим, что для производства средств к жизни рабочего на один день требуется шесть рабочих часов, или — что одно и то же — заключающийся в них труд представляет количество шестичасового труда; в таком случае стоимость рабочей силы в продолжение одного дня будет выражаться в сумме денег, также воплощающих в себе шесть рабочих часов. Допустим далее, что капиталист, предоставивший занятие рабочему, платит ему эту сумму, т. е. полную стоимость его рабочей силы. Если бы, таким образом, рабочий трудился на капиталиста по шесть часов в день, то он целиком возмещал бы капиталисту понесенные тем издержки: т. е. шесть часов труда за шесть часов труда. В этом случае ничего, конечно, не досталось бы капиталисту; поэтому последний представляет дело совсем иначе: я — говорит он — купил силу этого рабочего не на шесть часов, а на целый день,

и потому он заставляет рабочего трудиться, смотря по обстоятельствам, 8, 10, 12, 14 и больше часов, так что продукт седьмого, восьмого и последующих часов является продуктом неоплаченного труда и попадает прямо в карман капиталиста. Таким образом, на службе у капиталиста рабочий не только воспроизводит стоимость своей оплаченной капиталистом рабочей силы, но сверх того производит еще *прибавочную стоимость*, которая сперва присваивается капиталистом, а в дальнейшем по определенным экономическим законам распределяется среди всего класса капиталистов в целом и образует тот источник, из которого возникает земельная рента, прибыль, накопление капитала, — словом, все те богатства, которые потребляются или накапливаются нетрудящимися классами. Тем самым, однако, было доказано, что приобретение богатств современными капиталистами состоит в присвоении чужого, неоплаченного труда, точно так же как и приобретение богатств рабовладельцами или эксплуатировавшими крепостной труд феодалами, и что все эти формы эксплуатации отличаются друг от друга лишь различными видами и способами присвоения неоплаченного труда. Но тем самым у имущих классов была выбита из-под ног последняя почва для лицемерных фраз, будто в современном общественном строе господствуют право и справедливость, равенство прав и обязанностей и всеобщая гармония интересов, и современное буржуазное общество было разоблачено не в меньшей степени, чем предшествующие, разоблачено как грандиозное учреждение для эксплуатации громадного большинства народа незначительным, постоянно сокращающимся меньшинством.

На этих двух важных основаниях зиждется современный, научный социализм. Во втором томе «Капитала» будут развиты дальше эти и другие, не менее важные научные открытия в области изучения капиталистической общественной системы, а вместе с тем будут подвергнуты коренному перевороту и те стороны политической экономии, которые не были еще затронуты в первом томе. Пожелаем же Марксу в непродолжительном времени сдать этот том в печать.

*Написано Ф. Энгельсом на немецком языке.
Впервые напечатано в «Volkskalender»,
Брауншвейг, 1878 г. — Маркс и Энгельс,
Соч., т. XV.*

РЕЧЬ НА МОГИЛЕ МАРКСА

14 марта, без четверти три пополудни, перестал мыслить величайший из современных мыслителей. Его оставили одного всего лишь на две минуты; войдя в комнату, мы нашли его в кресле спокойно уснувшим — но уже навеки.

Для борющегося пролетариата Европы и Америки, для исторической науки смерть этого человека — неизмеримая потеря. Уже в ближайшее время станет ощутительной та пустота, которая образовалась после смерти этого гиганта.

Подобно тому как Дарвин открыл закон развития органического мира, так Маркс открыл закон развития человеческой истории — тот, до последнего времени скрытый под идеологическими наслоениями, простой факт, что люди должны есть, пить, иметь жилище и одеваться, прежде чем быть в состоянии заниматься политикой, наукой, искусством, религией и т. д.; что, следовательно, производство непосредственных материальных средств к жизни и тем самым каждая данная ступень экономического развития народа или эпохи образуют основу, из которой развиваются государственные учреждения, правовые воззрения, искусство и даже религиозные представления данных людей и из которой они поэтому должны быть объяснены, — а не наоборот, как это делалось до сих пор.

Но этого мало. Маркс открыл также особый закон движения современного капиталистического способа производства и порожденного им буржуазного общества. С открытием прибавочной стоимости в эту область была сразу внесена ясность, в то время как все прежние исследования как буржуазных экономистов, так и социалистических критиков были блужданием в потемках.

Двух таких открытий было бы достаточно для одной жизни. Счастливы бы тот, кому удалось бы сделать одно такое открытие. Но Маркс делал самостоятельные открытия в каждой области, которую он исследовал, — даже в области математики, — а таких областей было немало, и ни одной из них он не занимался поверхностно.

Таков был этот муж науки. Но не это в нем было главным. Наука была для Маркса исторически движущей, революционной силой. Какую бы живую радость ни доставляло ему каждое новое

открытие в любой теоретической науке, о практическом применении которого пока еще не было и речи, — его радость была совсем иной, когда дело шло об открытии, немедленно оказывающем революционное воздействие на промышленность, на историческое развитие вообще. Так, он следил во всех подробностях за развитием открытий в области электричества и еще в последнее время за открытиями Марсея Дебре.

Ибо Маркс был прежде всего революционер. Принимать тем или иным способом участие в ниспровержении капиталистического общества и созданных им государственных учреждений, участвовать в деле освобождения современного пролетариата, которому он впервые дал сознание его собственного положения и его потребностей, сознание условий его освобождения, — вот что было в действительности его жизненным призванием. Его стихией была борьба. И он боролся с такой страстью, с таким упорством, с таким успехом, как борются немногие. Первая «Рейнская Газета» 1842 г., парижский «Vorwärts» [«Вперед»] 1844 г., «Немецкая Брюссельская Газета» 1847 г., «Новая Рейнская Газета» 1848—1849 гг., «Нью-Йоркская Трибуна» 1852—1861 гг. и сверх того множество боевых брошюр, работа в организациях в Париже, Брюсселе и Лондоне, пока, наконец, не возникло, как венец всего этого, великое Международное Товарищество Рабочих¹, — это было делом, которым поистине мог бы гордиться тот, кто его создал, если бы он, кроме этого, и не создал ничего больше.

Вот почему Маркс был человеком, которого больше всего ненавидели и на которого больше всего клеветали. Правительства — самодержавные и республиканские — высылали его, буржуа — консервативные и ультрадемократические — наперебой осыпали его клеветой и проклятиями. Он отметал все это, как паутину, не уделяя этому внимания, отвечая лишь при крайней необходимости. И он умер, почитаемый, любимый, оплакиваемый миллионами революционных соратников во всей Европе и Америке — от сибирских рудников до Калифорнии, и я смело могу сказать: у него могло быть много противников, но вряд ли был хоть один личный враг.

И имя его и дело переживут века!

Речь произнесена Ф. Энгельсом на кладбище Хайгейт 17 марта 1883 г. на английском языке. В переводе самого Энгельса на немецкий язык опубликована в статье «Das Begräbnis von Karl Marx» («Похороны Карла Маркса») газетой «Der Sozialdemokrat» № 13, Цюрих, 22 марта 1883 г. — Маркс и Энгельс, Соч., т. XVI. Перевод дается с немецкого текста.

¹ Первый Интернационал. *Ред.*

Карл Маркс родился 5 мая нового стиля 1818 г. в городе Трире (прирейнская Пруссия). Отец его был адвокат, еврей, в 1824 г. принявший протестантство. Семья была зажиточная, культурная, но не революционная. Окончив гимназию в Трире, Маркс поступил в университет, сначала в Бонне, потом в Берлине, изучал юридические науки, но больше всего историю и философию. Окончил курс в 1841 г., представив университетскую диссертацию о философии Эпикура. По взглядам своим Маркс был еще тогда гегельянцем-идеалистом. В Берлине он примыкал к кружку «левых гегельянцев» (Бруно Бауэр и др.), которые стремились делать из философии Гегеля атеистические и революционные выводы.

По окончании университета Маркс переселился в Бонн, рассчитывая стать профессором. Но реакционная политика правительства, которое в 1832 г. лишило кафедры Людвиг Фейербаха и в 1836 г. снова отказалось пустить его в университет, а в 1841 г. отняло право читать лекции в Бонне у молодого профессора Бруно Бауэра, заставила Маркса отказаться от ученой карьеры. Развитие взглядов левого гегельянства в Германии шло в это время вперед очень быстро. Людвиг Фейербах в особенности с 1836 г. начинает критиковать теологию и поворачивать к материализму, который вполне берет верх у него в 1841 г. («Сущность христианства»); в 1843 г. вышли его же «Основные положения философии будущего». «Надо было пережить освободительное действие этих книг» — писал Энгельс впоследствии об этих сочинениях Фейербаха. «Мы» (т.е. левые гегельянцы, Маркс в том числе) «стали сразу фейербахянцами». В это время рейнские радикальные буржуа, имевшие точки соприкосновения с левыми гегельянами, основали в Кёльне оппозиционную газету: «Рейнскую Газету» (начала выходить с 1 янв. 1842 г.). Маркс и Бруно Бауэр были приглашены в качестве главных сотрудников, а в октябре 1842 г. Маркс сделался главным редактором и переселился из Бонна в Кёльн. Революционно-демократическое направление газеты при редакторстве Маркса становилось все определеннее, и правительство сначала подчинило газету двойной и тройной цензуре, а затем решило вовсе закрыть ее 1 янв. 1843 г. Марксу пришлось

к этому сроку оставить редакторство, но его уход все же не спас газеты, и она была закрыта в марте 1843 г. Из наиболее крупных статей Маркса в «Рейнской Газете» Энгельс отмечает, кроме указанных ниже (см. *Литературу*¹), еще статью о положении крестьян-виноделов в долине Мозеля. Газетная работа показала Марксу, что он недостаточно знаком с политической экономией, и он усердно принялся за ее изучение.

В 1843 г. Маркс женился в Крейцнахе на Дженни фон Вестфален, подруге детства, с которой он был обручен еще будучи студентом. Жена его принадлежала к прусской реакционной дворянской семье. Ее старший брат был министром внутренних дел в Пруссии в одну из самых реакционных эпох, 1850—1858 г.г. Осенью 1843 г. Маркс приехал в Париж, чтобы издавать за границей, вместе с Арнольдом Ругэ (1802—1880; левый гегельянец, 1825—1830 в тюрьме, после 1848 г. эмигрант; после 1866—70 бисмаркианец), радикальный журнал. Вышла лишь первая книжка этого журнала «Немецко-Французский Ежегодник». Он прекратился из-за трудностей тайного распространения в Германии и из-за разногласий с Ругэ. В своих статьях в этом журнале Маркс выступает уже как революционер, провозглашающий «беспощадную критику всего существующего» и в частности «критику оружия», апеллирующий к *массам* и к *пролетариату*.

В сентябре 1844 г. в Париж приехал на несколько дней Фридрих Энгельс, ставший с тех пор ближайшим другом Маркса. Они вдвоем приняли самое горячее участие в тогдашней кипучей жизни революционных групп Парижа (особенное значение имело учение Прудона, с которым Маркс решительно рассчитался в своей «Нищете философии», 1847 г.) и выработали, резко борясь с различными учениями мелкобуржуазного социализма, теорию и тактику революционного *пролетарского социализма* или коммунизма (марксизма). См. соч. Маркса этой эпохи, 1844—1848 г.г., ниже: *Литература*. В 1845 г. Маркс по настоянию прусского правительства, как опасный революционер, был выслан из Парижа. Он переехал в Брюссель. Весной 1847 г. Маркс и Энгельс примкнули к тайному пропагандистскому обществу: «Союзу коммунистов», приняли выдающееся участие на II съезде этого союза (ноябрь 1847 г. в Лондоне) и, по его поручению, составили вышедший в феврале 1848 г. знаменитый «Манифест Коммунистической Партии». В этом произведении с гениальной ясностью и яркостью обрисовано новое миросозерцание, последовательный материализм, охватывающий и область социальной жизни, диалектика, как наиболее всестороннее и глубокое учение о раз-

¹ В конце настоящей статьи Лениным был дан подробный обзор литературы марксизма и о марксизме, который в настоящем издании опущен (Соч., т. XVIII, стр. 32—43). *Ред.*

витии, теория классовой борьбы и всемирно-исторической революционной роли пролетариата, творца нового, коммунистического общества.

Когда разразилась февральская революция 1848 г., Маркс был выслан из Бельгии. Он приехал опять в Париж, а оттуда, после мартовской революции, в Германию, именно в Кёльн. Там выходила с 1 июня 1848 по 19 мая 1849 г. «Новая Рейнская Газета»; главным редактором был Маркс. Новая теория была блестяще подтверждена ходом революционных событий 1848—49 г. г., как подтверждали ее впоследствии все пролетарские и демократические движения всех стран мира. Победившая контр-революция сначала отдала Маркса под суд (оправдан 9 февраля 1849 г.), а потом выслала из Германии (16 мая 1849 г.). Маркс отправился сначала в Париж, был выслан и оттуда после демонстрации 13 июня 1849 г. и уехал в Лондон, где и жил до самой смерти.

Условия эмигрантской жизни, особенно наглядно вскрытые перепиской Маркса с Энгельсом (изд. в 1913 г.), были крайне тяжелы. Нужда прямо душила Маркса и его семью; не будь постоянной самоотверженной финансовой поддержки Энгельса, Маркс не только не мог бы кончить «Капитала», но и неминуемо погиб бы под гнетом нищеты. Кроме того, преобладающие учения и течения мелкобуржуазного, вообще непролетарского социализма вынуждали Маркса постоянно к беспощадной борьбе, иногда к отражению самых бешеных и диких личных нападков («Herr Vogt»). Сторонясь от эмигрантских кружков, Маркс в ряде исторических работ (см. *Литературу*) разрабатывал свою материалистическую теорию, посвящая главным образом силы изучению политической экономии. Эту науку Маркс революционизировал (см. ниже *учение* Маркса) в своих сочинениях «К критике политической экономии» (1859) и «Капитал» (т. I. 1867).

Эпоха оживления демократических движений конца 50-х и 60-х г. г. снова призвала Маркса к практической деятельности. В 1864 г. (28 сентября) был основан в Лондоне знаменитый 1-й Интернационал, «Международное Товарищество Рабочих». Маркс был душой этого общества, автором его первого «обращения» и массы резолюций, заявлений, манифестов. Объединяя рабочее движение разных стран, стараясь направить в русло совместной деятельности различные формы непролетарского, домарксистского социализма (Мадзини, Прудон, Бакунин, английский либеральный трэд-юнионизм, лассалианские качания вправо в Германии и т. п.), борясь с теориями всех этих сект и школ, Маркс выковывал единую тактику пролетарской борьбы рабочего класса в различных странах. После падения Парижской Коммуны (1871), которую так глубоко, метко, блестяще и *действительно*, революционно оценил Маркс («Гражданская война во Франции 1871»), и после раскола Интернационала бакунистами, существование его в

Европе стало невозможным. Маркс провел после конгресса Интернационала в Гааге (1872) перенесение Генерального Совета Интернационала в Нью-Йорк. 1-й Интернационал кончил свою историческую роль, уступив место эпохе неизмеримо более крупного роста рабочего движения во всех странах мира, именно эпохе роста его *вширь*, создания *массовых* социалистических рабочих партий на базе отдельных национальных государств.

Усиленная работа в Интернационале и еще более усиленные теоретические занятия окончательно подорвали здоровье Маркса. Он продолжал свою переработку политической экономии и окончание «Капитала», собирая массу новых материалов и изучая ряд языков (напр., русский), но окончить «Капитал» не дала ему болезнь.

2 декабря 1881 г. умерла его жена, 14 марта 1883 г. Маркс тихо заснул навеки в своем кресле. Он похоронен вместе со своей женой и преданной служанкой, почти членом семьи, Еленой Демут, на кладбище Хайгейт в Лондоне.

УЧЕНИЕ МАРКСА

Марксизм — система взглядов и учения Маркса. Маркс явился продолжателем и гениальным завершителем трех главных идейных течений XIX века, принадлежащих трем наиболее передовым странам человечества: классической немецкой философии, классической английской политической экономии и французского социализма в связи с французскими революционными учениями вообще. Признаваемая даже противниками Маркса замечательная последовательность и цельность его взглядов, дающих в совокупности современный материализм и современный научный социализм, как теорию и программу рабочего движения всех цивилизованных стран мира, заставляет нас предпослать изложению главного содержания марксизма, именно: экономического учения Маркса, краткий очерк его мирозерцания вообще.

ФИЛОСОФСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ

Начиная с 1844—5 г.г., когда сложились взгляды Маркса, он был материалистом, в частности сторонником Л. Фейербаха, усматривая и впоследствии его слабые стороны исключительно в недостаточной последовательности и всесторонности его материализма. Всемирно-историческое, «составляющее эпоху» значение Фейербаха Маркс видел именно в решительном разрыве с идеализмом Гегеля и в провозглашении материализма, который еще «в XVIII веке особенно во Франции был борьбой не только против существующих политических учреждений, а вместе с тем против религии и теологии, но и... против всякой метафизики» (в смысле

«пьяной спекуляции» в отличие от «трезвой философии») («Святое семейство» в «Литературном Наследстве»). «Для Гегеля — писал Маркс — процесс мышления, который он превращает даже под именем идеи в самостоятельный субъект, есть демиург (творец, соиздатель) действительного... У меня же, наоборот, идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней» (Капитал, I, предисловие к 2 изд.). В полном соответствии с этой материалистической философией Маркса и излагая ее, Фр. Энгельс писал в «Анти-Дюринге» (см.): — Маркс ознакомился с этим сочинением в рукописи — ...«Единство мира состоит не в его бытии, а в его материальности, которая доказывается... долгим и трудным развитием философии и естествознания... Движение есть форма бытия материи. Нигде и никогда не бывало и не может быть материи без движения, движения без материи... Если поставить вопрос, ... что такое мышление и познание, откуда они берутся, то мы увидим, что они — продукты человеческого мозга и что сам человек — продукт природы, развившийся в известной природной обстановке и вместе с ней. Само собою разумеется в силу этого, что продукты человеческого мозга, являющиеся в последнем счете тоже продуктами природы, не противоречат остальной связи природы, а соответствуют ей». «Гегель был идеалист, т.-е. для него мысли нашей головы были не отражениями (Abbilder, отображениями, иногда Энгельс говорит об «отгисках»), более или менее абстрактными, действительных вещей и процессов, а, наоборот, вещи и развитие их были для Гегеля отражениями какой-то идеи, существовавшей где-то до возникновения мира». В своем сочинении «Людвиг Фейербах», в котором Фр. Энгельс излагает свои и Маркса взгляды на философию Фейербаха и которое Энгельс отправил в печать, предварительно перечитав старую рукопись его и Маркса 1844—5 г.г. по вопросу о Гегеле, Фейербахе и материалистическом понимании истории, Энгельс пишет: «Великим основным вопросом всякой, а особенно новейшей философии является вопрос об отношении мышления к бытию, духа к природе... что чему предшествует: дух природе или природа духу... Философы разделились на два больших лагеря, сообразно тому, как отвечали они на этот вопрос. Те, которые утверждали, что дух существовал прежде природы, и которые, следовательно, так или иначе признавали сотворение мира, ...составили идеалистический лагерь. Те же, которые основным началом считали природу, примкнули к различным школам материализма». Всякое иное употребление понятий (философского) идеализма и материализма ведет лишь к путанице. Маркс решительно отвергал не только идеализм, всегда связанный так или иначе с религией, но и распространенную особенно в наши дни точку зрения Юма и Канта, агностицизм, критицизм, позитивизм в различных видах, считая подобную философию «реакционной»

уступкой идеализму и в лучшем случае «стыдливим пропусканьем через заднюю дверь материализма, изгоняемого на глазах публики». См. по этому вопросу, кроме названных сочинений Энгельса и Маркса, письмо последнего к Энгельсу от 12 дек. 1866 г., где Маркс, отмечая «более материалистическое», чем обычно, выступление известного естествоиспытателя Т. Гёксли и его признание, что, поскольку «мы действительно наблюдаем и мыслим, мы не можем никогда сойти с почвы материализма», упрекает его за «лазейку» в сторону агностицизма, юмизма. В особенности надо отметить взгляд Маркса на отношение свободы к необходимости: «слепа необходимость, пока она не сознана. Свобода есть сознание необходимости» (Энгельс в «Анти-Дюринге») = признание объективной закономерности природы и диалектического превращения необходимости в свободу (наравне с превращением непознанной, но познаваемой, «вещи в себе» в «вещь для нас», «сущности вещей» в «явления»). Основным недостатком «старого», в том числе и Фейербаховского (а тем более «вульгарного», Бюхнера-Фогта-Мошотта) материализма Маркс и Энгельс считали (1) то, что этот материализм был «преимущественно механическим», не учитывая новейшего развития химии и биологии (а в наши дни следовало бы еще добавить: электрической теории материи); (2) то, что старый материализм был неисторичен, недиалектичен (метафизичен в смысле антидиалектики), не проводил последовательно и всесторонне точки зрения развития; (3) то, что они «сущность человека» понимали абстрактно, а не как «совокупность» (определенных конкретно-исторически) «всех общественных отношений» и потому только «объясняли» мир, тогда когда дело идет об «изменении» его, т. е. не понимали значения «революционной практической деятельности».

ДИАЛЕКТИКА

Гегелевскую диалектику, как самое всестороннее, богатое содержанием и глубокое учение о развитии, Маркс и Энгельс считали величайшим приобретением классической немецкой философии. Всякую иную формулировку принципа развития, эволюции они считали односторонней, бедной содержанием, уродующей и калечащей действительный ход развития (нередко со скачками, катастрофами, революциями) в природе и в обществе. «Мы с Марксом были едва ли не единственными людьми, поставившими себе задачу спасти» (от разгрома идеализма и гегельянства в том числе) «сознательную диалектику и перевести ее в материалистическое понимание природы». «Природа есть подтверждение диалектики, и как раз новейшее естествознание показывает, что это подтверждение необыкновенно богатое» (писано до открытия радия, электронов, превращения элементов и т. п.), «накопляющее ежедневно массу

материала и доказывающее, что дела обстоят в природе в последнем счете диалектически, а не метафизически».

«Великая основная мысль, — пишет Энгельс, — что мир состоит не из готовых, законченных предметов, а представляет собой совокупность процессов, в которой предметы, кажущиеся неизменными, равно как и делаемые головой мысленные их снимки, понятия, находятся в непрерывном изменении, то возникают, то уничтожаются, — эта великая основная мысль со времени Гегеля до такой степени вошла в общее сознание, что едва ли кто-нибудь станет оспаривать ее в ее общем виде. Но одно дело признавать ее на словах, другое дело — применять ее в каждом отдельном случае и в каждой данной области исследования». «Для диалектической философии нет ничего раз навсегда установленного, безусловного, святого. На всем и во всем видит она печать неизбежного падения, и ничто не может устоять перед нею, кроме непрерывного процесса возникновения и уничтожения, бесконечного восхождения от низшего к высшему. Она сама является лишь простым отражением этого процесса в мыслящем мозгу». Таким образом диалектика, по Марксу, есть «наука об общих законах движения как внешнего мира, так и человеческого мышления».

Эту, революционную, сторону философии Гегеля воспринял и развил Маркс. Диалектический материализм «не нуждается ни в какой философии, стоящей над прочими науками». От прежней философии остается «учение о мышлении и его законах — формальная логика и диалектика». А диалектика, в понимании Маркса, согласно также Гегелю, включает в себя то, что ныне зовут теорией познания, гносеологией, которая должна рассматривать свой предмет равным образом исторически, изучая и обобщая происхождение и развитие познания, переход от незнания к познанию.

В наше время идея развития, эволюции, вошла почти всецело в общественное сознание, но иными путями, не через философию Гегеля. Однако эта идея в той формулировке, которую дали Маркс и Энгельс, опираясь на Гегеля, гораздо более всесторонняя, гораздо богаче содержанием, чем ходячая идея эволюции. Развитие, как бы повторяющее пройденные уже ступени, но повторяющее их иначе, на более высокой базе («отрицание отрицания»), развитие, так сказать, по спирали, а не по прямой линии; — развитие скачкообразное, катастрофическое, революционное; — «перерывы постепенности»; превращение количества в качество; — внутренние импульсы к развитию, даваемые противоречием, столкновением различных сил и тенденций, действующих на данное тело или в пределах данного явления или внутри данного общества; — взаимозависимость и теснейшая, неразрывная связь *всех* сторон каждого явления (причем история открывает все новые и новые стороны), связь, дающая единый, закономерный мировой процесс движения, — таковы некоторые черты диалектики, как более

содержательного (чем обычное) учения о развитии. (Ср. письмо Маркса к Энгельсу от 8 янв. 1868 г. с насмешкой над «деревянными трихотомиями» Штейна, которые нелепо смешивать с материалистической диалектикой.)

МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЕ ПОНИМАНИЕ ИСТОРИИ

Сознание непоследовательности, незавершенности, односторонности старого материализма привело Маркса к убеждению в необходимости «согласовать науку об обществе с материалистическим основанием и перестроить ее соответственно этому основанию». Если материализм вообще объясняет сознание из бытия, а не наоборот, то в применении к общественной жизни человечества материализм требовал объяснения *общественного* сознания из *общественного* бытия. «Технология — говорит Маркс («Капитал», I) — вскрывает активное отношение человека к природе, непосредственный процесс производства его жизни, а вместе с тем и его общественных условий жизни и проистекающих из них духовных представлений». Цельную формулировку основных положений материализма, распространенного на человеческое общество и его историю, Маркс дал в предисловии к сочинению «К критике политической экономии» в следующих словах:

«В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли независящие, отношения—производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил.

Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание. На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или — что является только юридическим выражением этого — с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке. При рассмотрении таких переворотов необходимо всегда отличать материальный, с естественно-научной точностью констатируемый переворот в экономических условиях производства от юридических, политических, религиозных, художественных или философских, короче: от идеологических форм, в которых люди сознают этот конфликт и борются с ним.

Как об отдельном человеке нельзя судить на основании того, что сам он о себе думает, точно так же нельзя судить о подобной эпохе переворота по ее сознанию. Наоборот, это сознание надо объяснить из противоречий материальной жизни, из существующего конфликта между общественными производительными силами и производственными отношениями... «В общих чертах, азиатский, античный, феодальный и современный, буржуаз-

ный, способы производства можно обозначить, как прогрессивные эпохи экономической общественной формации». (Ср. краткую формулировку Маркса в письме к Энгельсу от 7 июля 1866 г.: «Наша теория об определении организации труда средствами производства».)

Открытие материалистического понимания истории или, вернее, последовательное продолжение, распространение материализма на область общественных явлений устранило два главных недостатка прежних исторических теорий. Во-1-х, они в лучшем случае рассматривали лишь идейные мотивы исторической деятельности людей, не исследуя того, чем вызываются эти мотивы, не улавливая объективной закономерности в развитии системы общественных отношений, не усматривая корней этих отношений в степени развития материального производства; во-2-х, прежние теории не охватывали как раз действий *масс* населения, тогда как исторический материализм впервые дал возможность с естественно-исторической точностью исследовать общественные условия жизни масс и изменения этих условий. Домарксовская «социология» и историография в *лучшем* случае давали накопление сырых фактов, отрывочно набранных, и изображение отдельных сторон исторического процесса. Марксизм указал путь к всеобъемлющему, всестороннему изучению процесса возникновения, развития и упадка общественно-экономических формаций, рассматривая *совокупность* всех противоречивых тенденций, сводя их к точно определяемым условиям жизни и производства различных *классов* общества, устраняя субъективизм и произвол в выборе отдельных «главенствующих» идей или в толковании их, вскрывая *корни* без исключения всех идей и всех различных тенденций в состоянии материальных производительных сил. Люди сами творят свою историю, но чем определяются мотивы людей и именно масс людей, чем вызываются столкновения противоречивых идей и стремлений, какова совокупность всех этих столкновений всей массы человеческих обществ, каковы объективные условия производства материальной жизни, создающие базу всей исторической деятельности людей, каков закон развития этих условий, — на все это обратил внимание Маркс и указал путь к научному изучению истории, как единого, закономерного во всей своей громадной разносторонности и противоречивости, процесса.

КЛАССОВАЯ БОРЬБА

Что стремления одних членов данного общества идут в разрез с стремлениями других, что общественная жизнь полна противоречий, что история показывает нам борьбу между народами и обществами, а также внутри них, а кроме того еще смену периодов революции и реакции, мира и войн, застоя и быстрого прогресса или упадка, эти факты общеизвестны. Марксизм дал руководящую

нить, позволяющую открыть закономерность в этом кажущемся лабиринте и хаосе, именно: теорию классовой борьбы. Только изучение совокупности стремлений всех членов данного общества или группы обществ способно привести к научному определению результата этих стремлений. А источником противоречивых стремлений является различие в положении и условиях жизни тех *классов*, на которые каждое общество распадается. «История всех до сих пор существовавших обществ — говорит Маркс в «Коммунистическом Манифесте» (за исключением истории первобытной общины — добавляет Энгельс) — была историей борьбы классов. Свободный и раб, патриций и плебей, помещик и крепостной, мастер и подмастерье, короче, угнетающий и угнетаемый находились в вечном антагонизме друг к другу, вели непрерывную, то скрытую, то явную борьбу, всегда кончавшуюся революционным переустройством всего общественного здания или общей гибелью борющихся классов... Вышедшее из недр погибшего феодального общества современное буржуазное общество не уничтожило классовых противоречий. Оно только поставило новые классы, новые условия угнетения и новые формы борьбы на место старых. Наша эпоха, эпоха буржуазии, отличается однако тем, что она упростила классовые противоречия: общество все более и более раскалывается на два большие враждебные лагеря, на два большие, стоящие друг против друга, класса — буржуазию и пролетариат». Со времени великой французской революции европейская история с особой наглядностью вскрывала в ряде стран эту действительную подкладку событий, борьбу классов. И уже эпоха реставрации во Франции выдвинула ряд историков (Тьерри, Гизо, Минье, Тьер), которые, обобщая происходящее, не могли не признать борьбы классов ключом к пониманию всей французской истории. А новейшая эпоха, эпоха полной победы буржуазии, представительных учреждений, широкого (если не всеобщего) избирательного права, дешевой, идущей в массы, ежедневной печати и т. п., эпоха могучих и все более широких союзов рабочих и союзов предпринимателей и т. д., показала еще нагляднее (хотя и в очень иногда односторонней, «мирной», «конституционной» форме) борьбу классов, как двигатель событий. Следующее место из «Коммунистического Манифеста» Маркса покажет нам, какие требования объективного анализа положения каждого класса в современном обществе, в связи с анализом условий развития каждого класса, предъявлял Маркс общественной науке: «Из всех классов, которые противостоят теперь буржуазии, только пролетариат представляет собою действительно революционный класс. Все прочие классы приходят в упадок и уничтожаются с развитием крупной промышленности; пролетариат же есть ее собственный продукт. Средние сословия: мелкий промышленник, мелкий торговец, ремесленник и крестьянин — все они борются

с буржуазией для того, чтобы спасти свое существование от гибели, как средних сословий. Они, следовательно, не революционны, а консервативны. Даже более, они реакционны: они стремятся повернуть назад колесо истории. Если они революционны, то постольку, поскольку им предстоит переход в ряды пролетариата, поскольку они защищают не свои настоящие, а свои будущие интересы: поскольку они покидают свою собственную точку зрения для того, чтобы встать на точку зрения пролетариата». В ряде исторических сочинений (с.м. *Литературу*) Маркс дал блестящие и глубокие образцы материалистической историографии, анализа положения *каждого* отдельного класса и иногда различных групп или слоев внутри класса, показывая воочию, почему и как «всякая классовая борьба есть борьба политическая». Приведенный нами отрывок иллюстрирует, какую сложную сеть общественных отношений и *переходных* ступеней от одного класса к другому, от прошлого к будущему анализирует Маркс для учета всей равнодействующей исторического развития.

Наиболее глубоким, всесторонним и детальным подтверждением и применением теории Маркса является его экономическое учение.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ МАРКСА

«Конечной целью моего сочинения — говорит Маркс в предисловии к «Капиталу» — является открытие экономического закона движения современного общества», т.-е. капиталистического, буржуазного общества. Исследование производственных отношений данного, исторически определенного, общества в их возникновении, развитии и упадке — таково содержание экономического учения Маркса. В капиталистическом обществе господствует производство *товаров*, и анализ Маркса начинается поэтому с анализа товара.

Стоимость

Товар есть, во-1-х, вещь, удовлетворяющая какой-либо потребности человека; во-2-х, вещь, обмениваемая на другую вещь. Полезность вещи делает ее *потребительной стоимостью*. Меновая стоимость (или просто стоимость) является прежде всего отношением, пропорцией при обмене известного числа потребительных стоимостей одного вида на известное число потребительных стоимостей другого вида. Ежедневный опыт показывает нам, что миллионы и миллиарды таких обменов приравнивают постоянно все и всякие, самые различные и несравнимые друг с другом, потребительные стоимости одну к другой. Что же есть общего между этими различными вещами, постоянно приравниваемыми друг к другу в определенной системе общественных отношений? Общего между ними то, что они — *продукты труда*. Обменивая продукты, люди

приравнивают самые различные виды труда. Производство товаров есть система общественных отношений, при которой отдельные производители создают разнообразные продукты (общественное разделение труда), и все эти продукты приравняются друг к другу при обмене. Следовательно, тем общим, что есть во всех товарах, является не конкретный труд определенной отрасли производства, не труд одного вида, а *абстрактный* человеческий труд, человеческий труд вообще. Вся рабочая сила данного общества, представленная в сумме стоимостей всех товаров, является одной и той же человеческой рабочей силой: миллиарды фактов обмена доказывают это. И, следовательно, каждый отдельный товар представляется лишь известной долей *общественно-необходимого* рабочего времени. Величина стоимости определяется количеством общественно-необходимого труда или рабочим временем, общественно-необходимым для производства данного товара, данной потребительной стоимости. «Приравнивая свои различные продукты при обмене один к другому, люди приравнивают свои различные виды труда один к другому. Они не сознают этого, но они это делают». Стоимость есть отношение между двумя лицами — как сказал один старый экономист; ему следовало лишь добавить: отношение, прикрытое вещной оболочкой. Только с точки зрения системы общественных производственных отношений одной определенной исторической формации общества, притом отношений, проявляющихся в массовом, миллиарды раз повторяющемся явлении обмена, можно понять, что такое стоимость. «Как стоимости, товары суть лишь определенные количества застывшего рабочего времени». Проанализировав детально двойственный характер труда, воплощенного в товарах, Маркс переходит к анализу *формы стоимости и денег*. Главной задачей Маркса является при этом изучение *происхождения* денежной формы стоимости, изучение *исторического процесса* развертывания обмена, начиная с отдельных, случайных актов его («простая, отдельная или случайная форма стоимости»: данное количество одного товара обменивается на данное количество другого товара) вплоть до всеобщей формы стоимости, когда ряд различных товаров обменивается на один и тот же определенный товар, и до денежной формы стоимости, когда этим определенным товаром, всеобщим эквивалентом, является золото. Будучи высшим продуктом развития обмена и товарного производства, деньги затушевывают, прикрывают общественный характер частных работ, общественную связь между отдельными производителями, объединенными рынком. Маркс подвергает чрезвычайно детальному анализу различные функции денег, причем и здесь (как вообще в первых главах «Капитала») в особенности важно отметить, что абстрактная и кажущаяся иногда чисто дедуктивной форма изложения на самом деле воспроизводит гигантский фактический материал по истории развития

обмена и товарного производства. «Деньги предполагают известную высоту товарного обмена. Различные формы денег — простой товарный эквивалент или средство обращения или средство платежа, сокровище и всемирные деньги — указывают, смотря по различным размерам применения той или другой функции, по сравнительному преобладанию одной из них, на весьма различные ступени общественного процесса производства» («Капитал», I).

Прибавочная стоимость

На известной ступени развития товарного производства деньги превращаются в капитал. Формулой товарного обращения было — Т (товар) — Д (деньги) — Т (товар), т.-е. продажа одного товара для покупки другого. Общей формулой капитала является, наоборот, Д—Т—Д, т.-е. покупка для продажи (с прибылью). Прибавочной стоимостью называет Маркс это возрастание первоначальной стоимости денег, пускаемых в оборот. Факт этого «роста» денег в капиталистическом обороте общеизвестен. Именно этот «рост» превращает деньги в *капитал*, как особое, исторически определенное, общественное отношение производства. Прибавочная стоимость не может возникнуть из товарного обращения, ибо оно знает лишь обмен эквивалентов, не может возникнуть из надбавки к цене, ибо взаимные потери и выигрыши покупателей и продавцов уравновесились бы, а речь идет именно о массовом, среднем, общественном явлении, а не об индивидуальном. Чтобы получить прибавочную стоимость, «владелец денег должен найти на рынке такой товар, сама потребительная стоимость которого обладала бы оригинальным свойством быть источником стоимости», такой товар, процесс потребления которого был бы в то же самое время процессом создания стоимости. И такой товар существует. Это — рабочая сила человека. Потребление ее есть труд, а труд создает стоимость. Владелец денег покупает рабочую силу по ее стоимости, определяемой, подобно стоимости всякого другого товара, общественно-необходимым рабочим временем, необходимым для ее производства (т.-е. стоимостью содержания рабочего и его семьи). Купив рабочую силу, владелец денег вправе потреблять ее, т.-е. заставлять ее работать целый день, скажем, 12 часов. Между тем рабочий в течение 6 часов («необходимое» рабочее время) создает продукт, окупающий его содержание, а в течение следующих 6 часов («прибавочное» рабочее время) создает неоплаченный капиталистом «прибавочный» продукт или прибавочную стоимость. Следовательно, в капитале, с точки зрения процесса производства, необходимо различать две части: постоянный капитал, расходующий на средства производства (машины, орудия труда, сырой материал и т. д.) — стоимость его (сразу или по частям) без изменения переходит на готовый продукт — и переменный капитал,

расходуемый на рабочую силу. Стоимость этого капитала не остается неизменной, а возрастает в процессе труда, создавая прибавочную стоимость. Поэтому для выражения степени эксплуатации рабочей силы капиталом надо сравнивать прибавочную стоимость не со всем капиталом, а только с переменным капиталом. Норма прибавочной стоимости, как называет Маркс это отношение, будет, напр., в нашем примере $\frac{2}{6}$ т.-е. 100%:

Исторической предпосылкой возникновения капитала является, во-1-х, накопление известной денежной суммы в руках отдельных лиц при высоком сравнительно уровне развития товарного производства вообще, и, во-2-х, наличие «свободного» в двойном смысле рабочего, свободного от всяких стеснений или ограничений продажи рабочей силы и свободного от земли и вообще от средств производства, бесхозяйного рабочего, «пролетария», которому нечем существовать кроме как продажей рабочей силы.

Увеличение прибавочной стоимости возможно путем двух основных приемов: путем удлинения рабочего дня («абсолютная прибавочная стоимость») и путем сокращения необходимого рабочего дня («относительная прибавочная стоимость»). Анализируя первый прием, Маркс развертывает грандиозную картину борьбы рабочего класса за сокращение рабочего дня и вмешательства государственной власти за удлинение рабочего дня (XIV—XVII века) и за сокращение его (фабричное законодательство XIX века). После того, как появился «Капитал», история рабочего движения всех цивилизованных стран мира дала тысячи и тысячи новых фактов, иллюстрирующих эту картину.

Анализируя производство относительной прибавочной стоимости, Маркс исследует три основные исторические стадии повышения производительности труда капитализмом: 1) простую кооперацию; 2) разделение труда и мануфактуру; 3) машины и крупную промышленность. Насколько глубоко вскрыты здесь Марксом основные, типичные черты развития капитализма, видно, между прочим, из того, что исследования русской так называемой «кустарной» промышленности дают богатейший материал по иллюстрации двух первых из названных трех стадий. А революционизирующее действие крупной машинной индустрии, описанное Марксом в 1867 году, обнаружилось в течение полувека, истекшего с тех пор, на целом ряде («новых» стран (Россия, Япония и др.).

Далее. В высшей степени важным и новым является у Маркса анализ *накопления капитала*, т.-е. превращения части прибавочной стоимости в капитал, употребление ее не на личные нужды или причуды капиталиста, а на новое производство. Маркс показал ошибку всей прежней классической политической экономии (начиная с Адама Смита), которая полагала, что вся прибавочная стоимость, превращаемая в капитал, идет на переменный капитал. На самом же деле она распадается на *средства производства*

плюс переменный капитал. Громадное значение в процессе развития капитализма и превращения его в социализм имеет более быстрое возрастание доли постоянного капитала (в общей сумме капитала) по сравнению с долей переменного капитала.

Накопление капитала, ускоряя вытеснение рабочих машиной, создавая на одном полюсе богатство, на другом нищету, порождает и так называемую «резервную рабочую армию», «относительный избыток» рабочих или «капиталистическое перенаселение», принимающее чрезвычайно разнообразные формы и дающее возможность капиталу чрезвычайно быстро расширять производство. Эта возможность в связи с кредитом и накоплением капитала в средствах производства дает, между прочим, ключ к пониманию кризисов перепроизводства, периодически наступавших в капиталистических странах сначала в среднем каждые 10 лет, потом в более продолжительные и менее определенные промежутки времени. От накопления капитала на базе капитализма следует отличать так называемое первоначальное накопление: насильственное отделение работника от средств производства, изгнание крестьян с земли, кражу общинных земель, систему колоний и государственных долгов, покровительственных пошлин и т. д. «Первоначальное накопление» создает на одном полюсе «свободного» пролетария, на другом владельца денег, капиталиста.

«Историческую тенденцию капиталистического накопления» Маркс характеризует в следующих знаменитых словах: «Экспроприация непосредственных производителей производится с самым беспощадным вандализмом и под давлением самых подлых, самых грязных, самых мелочных и самых бешеных страстей. Частная собственность, добытая трудом собственника» (крестьянина и ремесленника), «основанная, так сказать, на срастании отдельного независимого работника с его орудиями и средствами труда, вытесняется капиталистической частной собственностью, которая покоится на эксплуатации чужой, но формально свободной рабочей силы... Теперь экспроприации подлежит уже не рабочий, сам ведущий самостоятельное хозяйство, а капиталист, эксплуатирующий многих рабочих. Эта экспроприация совершается игрой имманентных законов самого капиталистического производства, путем централизации капиталов. Один капиталист побивает многих капиталистов. Рука об руку с этой централизацией или экспроприацией многих капиталистов немногими развивается кооперативная форма процесса труда во все более и более широких, крупных размерах, развивается сознательное техническое применение науки, планомерная эксплуатация земли, превращение средств труда в такие средства труда, которые допускают лишь коллективное употребление, экономизирование всех средств производства путем употребления их как средств производства комбинированного общественного труда, вплетение всех народов в сеть

всемирного рынка, а вместе с тем интернациональный характер капиталистического режима. Вместе с постоянно уменьшающимся числом магнатов капитала, которые узурпируют и монополизируют все выгоды этого процесса превращения, возрастает масса нищеты, угнетения, рабства, вырождения, эксплуатации, но вместе с тем и возмущения рабочего класса, который обучается, объединяется и организуется механизмом самого процесса капиталистического производства. Монополия капитала становится оковами того способа производства, который вырос при ней и под ней. Централизация средств производства и обобществление труда достигают такого пункта, когда они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Она взрывается. Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют» («Капитал», I).

В высшей степени важным и новым является, далее, данный Марксом во II томе «Капитала» анализ воспроизведения общественного капитала, взятого в целом. И здесь Маркс берет не индивидуальное, а массовое явление, не дробную частичку экономии общества, а всю эту экономию в совокупности. Исправляя указанную выше ошибку классиков, Маркс делит все общественное производство на два больших отдела: I) производство средств производства и II) производство предметов потребления, и детально рассматривает, на взятых им числовых примерах, обращение всего общественного капитала в целом, как при производстве в прежних размерах, так и при накоплении. В III томе «Капитала» разрешен вопрос об образовании средней нормы прибыли на основе закона стоимости. Великим шагом вперед экономической науки, в лице Маркса, является то, что анализ ведется с точки зрения массовых экономических явлений, всей совокупности общественного хозяйства, а не с точки зрения отдельных казусов или внешней поверхности конкуренции, чем ограничивается часто вульгарная политическая экономия или современная «теория предельной полезности». Сначала Маркс анализирует происхождение прибавочной стоимости и затем уже переходит к ее распадению на прибыль, процент и поземельную ренту. Прибыль есть отношение прибавочной стоимости ко всему вложенному в предприятие капиталу. Капитал «высокого органического строения» (т.-е. с преобладанием постоянного капитала над переменным в размерах выше среднего общественного) дает норму прибыли ниже среднего. Капитал «низкого органического строения» — выше среднего. Конкуренция между капиталами, свободный переход их из одной отрасли в другую сведет в обоих случаях норму прибыли к средней. Сумма стоимостей всех товаров данного общества совпадает с суммой цен товаров, но в отдельных предприятиях и отдельных отраслях производства товары, под влиянием конкуренции, продаются не по их стоимости, а по *ценам производства* (или производственным ценам),

которые равняются затраченному капиталу плюс средняя прибыль.

Таким образом общеизвестный и бесспорный факт отступления цен от стоимостей и равенства прибыли вполне объяснен Марксом на основе закона стоимости, ибо сумма стоимостей всех товаров совпадает с суммой цен. Но сведение стоимости (общественной) к ценам (индивидуальным) происходит не простым, не непосредственным, а очень сложным путем: вполне естественно, что в обществе разрозненных товаропроизводителей, связанных лишь рынком, закономерность не может проявляться иначе как в средней, общественной, массовой закономерности, при взаимопогашении индивидуальных отклонений в ту или другую сторону.

Повышение производительности труда означает более быстрый рост постоянного капитала по сравнению с переменным. А так как прибавочная стоимость есть функция одного лишь переменного капитала, то понятно, что норма прибыли (отношение прибавочной стоимости ко всему капиталу, а не к его переменной только части) имеет тенденцию к падению. Маркс подробно анализирует эту тенденцию и ряд прикрывающих ее или противодействующих ей обстоятельств. Не останавливаясь на передаче чрезвычайно интересных отделов III тома, посвященных ростовщическому, торговому и денежному капиталу, мы перейдем к самому главному: к теории *поземельной ренты*. Цена производства сельскохозяйственных продуктов в силу ограниченности площади земли, которая вся занята отдельными хозяевами в капиталистических странах, определяется издержками производства не на средней, а на худшей почве, не при средних, а при худших условиях доставки продукта на рынок. Разница между этой ценой и ценой производства на лучших почвах (или при лучших условиях) дает разностную или *дифференциальную* ренту. Анализируя ее детально, показывая происхождение ее при разнице в плодородии отдельных участков земли, при разнице в размерах вложения капитала в землю, Маркс вполне вскрыл (см. также «Теории прибавочной стоимости», где особого внимания заслуживает критика Родбертуса) ошибку Рикардо, будто дифференциальная рента получается лишь при последовательном переходе от лучших земель к худшим. Напротив, бывают и обратные переходы, бывает превращение одного разряда земель в другие (в силу прогресса агрикультурной техники, роста городов и пр.), и глубокой ошибкой, взваливанием на природу недостатков, ограниченностей и противоречий капитализма является пресловутый «закон убывающего плодородия почвы». Затем, равенство прибыли во всех отраслях промышленности и народного хозяйства вообще предполагает полную свободу конкуренции, свободу перелива капитала из одной отрасли в другую. Между тем частная собственность на землю создает монополию, помеху этому свободному переливу. В силу

этой монополии продукты сельского хозяйства, отличающегося более низким строением капитала и, след., индивидуально более высокой нормой прибыли, не идут в вполне свободный процесс выравнивания нормы прибыли; собственник земли, как монополист, получает возможность удержать цену выше средней, а эта монопольная цена рождает *абсолютную ренту*. Дифференциальная рента не может быть уничтожена при существовании капитализма, абсолютная же *может* — напр., при национализации земли, при переходе ее в собственность государства. Такой переход означал бы подрыв монополии частных собственников, означал бы более последовательное, более полное проведение свободы конкуренции в земледелии. И поэтому радикальные буржуа, отмечает Маркс, выступали в истории неоднократно с этим прогрессивным буржуазным требованием национализации земли, которое однако отпугивает большинство буржуазии, ибо слишком близко «задевает» еще другую, в наши дни особенно важную и «чувствительную» монополию: монополию средств производства вообще. (Замечательно популярно, сжато и ясно изложил сам Маркс свою теорию средней прибыли на капитал и абсолютной земельной ренты в письме к Энгельсу от 2 авг. 1862 г. См. «Переписку», т. III, стр. 77—81. Ср. также письмо от 9 авг. 1862 г., там же, стр. 86—87.) — К истории поземельной ренты важно также указать на анализ Маркса, показывающего превращение ренты отработочной (когда крестьянин своим трудом на земле помещика создает прибавочный продукт) в ренту продуктами или натурой (крестьянин на своей земле производит прибавочный продукт, отдавая его помещику в силу «внеэкономического принуждения»), затем в ренту денежную (та же рента натурой, превращенная в деньги, «оброк» старой Руси, в силу развития товарного производства) и наконец в ренту капиталистическую, когда на место крестьянина является предприниматель в земледелии, ведущий обработку при помощи наемного труда. В связи с этим анализом «генезиса капиталистической поземельной ренты» следует отметить ряд тонких (и особенно важных для отсталых стран, как Россия) мыслей Маркса об *эволюции капитализма в земледелии*. «Превращению натуральной ренты в денежную не только сопутствует неизбежно, но даже предшествует образование класса неимущих поденщиков, нанимающихся за деньги. В период возникновения этого класса, когда он появляется еще только спорадически, у более зажиточных, обязанных оброком крестьян естественно развивается обычай эксплуатировать за свой счет сельских наемных рабочих — совершенно подобно тому, как в феодальные времена зажиточные крепостные крестьяне сами в свою очередь держали крепостных. У этих крестьян развивается таким образом постепенно возможность накапливать известное имущество и превращаться самим в будущих капиталистов. Среди старых владельцев земли, ведущих самостоя-

тельное хозяйство, возникает, следов., рассадник капиталистических арендаторов, развитие которых обусловлено общим развитием капиталистического производства вне сельского хозяйства» («Капитал», III², 332)¹... «Экспроприация и изгнание из деревни части сельского населения не только «освобождает» для промышленного капитала рабочих, их средства к жизни, их орудия труда, но и создаст внутренний рынок» («Капитал», I², 778)². Обнищание и разорение сельского населения играет, в свою очередь, роль создания резервной рабочей армии для капитала. Во всякой капиталистической стране «часть сельского населения находится поэтому постоянно в переходном состоянии к превращению в городское или мануфактурное (т.-е. не земледельческое) население. Этот источник относительного избыточного населения течет постоянно... Сельского рабочего сводят к наипознейшему уровню заработной платы, и он всегда стоит одной ногой в болоте пауперизма» («Капитал», I², 668). Частная собственность крестьянина на землю, обрабатываемую им, есть основа мелкого производства и условие его процветания, приобретения им классической формы. Но это мелкое производство совместимо только с узкими примитивными рамками производства и общества. При капитализме «эксплуатация крестьян отличается от эксплуатации промышленного пролетариата лишь по форме. Эксплуататор тот же самый — капитал. Отдельные капиталисты эксплуатируют отдельных крестьян посредством гипотек и ростовщичества; класс капиталистов эксплуатирует класс крестьян посредством государственных налогов» («Клас. борьба во Франции»). «Парцелла (мелкий участок земли) крестьянина представляет только предлог, позволяющий капиталисту извлекать из земли прибыль, процент и ренту, предоставляя самому землевладельцу выручать, как ему угодно, свою заработную плату». Обычно крестьянин отдает даже капиталистическому обществу, т.-е. классу капиталистов, часть заработной платы, опускаясь «до уровня ирландского арендатора — под видом частного собственника» («Клас. борьба во Франции»). В чем состоит «одна из причин того, что в странах с преобладающим мелким крестьянским землевладением цена на хлеб стоит ниже, чем в странах с капиталистическим способом производства»? («Капитал», III², 340.) В том, что крестьянин отдает обществу (т.-е. классу капиталистов) даром часть прибавочного продукта. «Следовательно, такая низкая цена (хлеба и др. сельскохозяйственных продуктов) есть следствие бедности производителей, а ни в коем случае не результат производительности их труда». («Капитал», III², 340.) Мелкая поземельная собственность, нор-

¹ Цифра «III²» здесь и на след. стр. означает ссылку на вторую часть III тома «Капитала». *Ред.*

² Цифра «I²» здесь и на след. стр. означает ссылку на 2-е немецкое изд. I тома «Капитала». *Ред.*

мальная форма мелкого производства деградирует, уничтожается, гибнет при капитализме. «Мелкая земельная собственность, по сущности своей, исключает: развитие общественных производительных сил труда, общественные формы труда, общественную концентрацию капиталов, скотоводство в крупных размерах, все большее и большее применение науки. Ростовщичество и система налогов неизбежно ведут всюду к ее обнищанию. Употребление капитала на покупку земли отнимает этот капитал от употребления на культуру земли. Бесконечное раздробление средств производства и разъединение самих производителей». (Кооперации, т. е. товарищества мелких крестьян, играя чрезвычайно прогрессивную буржуазную роль, лишь ослабляют эту тенденцию, но не уничтожают ее; не надо также забывать, что эти кооперации дают много зажиточным крестьянам и очень мало, почти ничего, массе бедноты, а затем товарищества сами становятся эксплуататорами наемного труда.) «Гигантское расхищение человеческой силы. Все большее и большее ухудшение условий производства и удорожание средств производства есть закон парцелльной (мелкой) собственности». Капитализм и в земледелии, как и в промышленности, преобразует процесс производства лишь ценой «мартирологии производителей». «Рассеяние сельских рабочих на больших пространствах сламывает их силу сопротивления, в то время как концентрация городских рабочих увеличивает эту силу. В современном, капиталистическом, земледелии, как и в современной промышленности, повышение производительной силы труда и большая подвижность его покупаются ценой разрушения и истощения самой рабочей силы. Кроме того всякий прогресс капиталистического земледелия есть не только прогресс в искусстве грабить рабочего, но и в искусстве грабить почву... Капиталистическое производство, след., развивает технику и комбинацию общественного процесса производства лишь таким путем, что оно подрывает в то же самое время источники всякого богатства: землю и рабочего» («Капитал», I, конец 13-й главы).

СОЦИАЛИЗМ

Из предыдущего видно, что неизбежность превращения капиталистического общества в социалистическое Маркс выводит всецело и исключительно из экономического закона движения современного общества. Обобществление труда, в тысячах форм идущее вперед все более и более быстро и проявляющееся за те полвека, которые прошли со смерти Маркса, особенно наглядно в росте крупного производства, картелей, синдикатов и трестов капиталистов, а равно в гигантском возрастании размеров и мощи финансового капитала, — вот главная материальная основа неизбежного наступления социализма. Интеллектуальным и моральным двигателем,

физическим исполнителем этого превращения является воспитываемый самим капитализмом пролетариат. Его борьба с буржуазией, проявляясь в различных и все более богатых содержанием формах, неизбежно становится политической борьбой, направленной к завоеванию политической власти пролетариатом («диктатура пролетариата»). Обобществление производства не может не привести к переходу средств производства в собственность общества, к «экспроприации экспроприаторов». Громадное повышение производительности труда, сокращение рабочего дня, замена остатков, руин мелкого, примитивного, раздробленного производства коллективным усовершенствованным трудом — вот прямые последствия такого перехода. Капитализм окончательно разрывает связь земледелия с промышленностью, но в то же время своим высшим развитием он готовит новые элементы этой связи, соединения промышленности с земледелием на почве сознательного приложения науки и комбинации коллективного труда, нового расселения человечества (с уничтожением как деревенской заброшенности, оторванности от мира, одичалости, так и противоестественного скопления гигантских масс в больших городах). Новая форма семьи, новые условия в положении женщины и в воспитании подрастающих поколений подготавливаются высшими формами современного капитализма: женский и детский труд, разложение патриархальной семьи капитализмом неизбежно приобретают в современном обществе самые ужасные, бедственные и отвратительные формы. Но тем не менее «крупная промышленность, отводя решающую роль в общественно-организованном процессе производства, вне сферы домашнего очага, женщинам, подросткам и детям обоюбого пола, создает экономическую основу для высшей формы семьи и отношения между полами. Разумеется, одинаково нелепо считать абсолютной христианско-германскую форму семьи, как и форму древнеримскую или древнегреческую или восточную, которые, между прочим, в связи одна с другой образуют единый исторический ряд развития. Очевидно, что составление комбинированного рабочего персонала из лиц обоюбого пола и различного возраста, будучи в своей стихийной, грубой, капиталистической форме, когда рабочий существует для процесса производства, а не процесс производства для рабочего, зачумленным источником гибели и рабства, — при соответствующих условиях неизбежно должно превратиться, наоборот, в источник гуманного развития» («Капитал», I, конец 13-й главы). Фабричная система показывает нам «зародыши воспитания эпохи будущего, когда для всех детей свыше известного возраста производительный труд будет соединяться с преподаванием и гимнастикой не только как одно из средств для увеличения общественного производства, но и как единственное средство для производства всесторонне развитых людей» (там же). На ту же историческую почву, не в смысле одного

только объяснения прошлого, но и в смысле безбоязненного предвидения будущего и смелой практической деятельности, направленной к его осуществлению, ставит социализм Маркса и вопросы о национальности и о государстве. Нации неизбежный продукт и неизбежная форма буржуазной эпохи общественного развития. И рабочий класс не мог окрепнуть, возмужать, сложиться, не «устраиваясь в пределах нации», не будучи «национален» («хотя совсем не в том смысле, как понимает это буржуазия»). Но развитие капитализма все более и более ломает национальные перегородки, уничтожает национальную обособленность, ставит на место национальных антагонизмов классовые. В развитых капиталистических странах полной истиной является поэтому, что «рабочие не имеют отечества» и что «соединение усилий» рабочих по крайней мере цивилизованных стран «есть одно из первых условий освобождения пролетариата» («Коммунистический Манифест»). Государство, это организованное насилие, возникло неизбежно на известной ступени развития общества, когда общество раскололось на непримиримые классы, когда оно не могло бы существовать без «власти», стоящей якобы над обществом и до известной степени обособившейся от него. Возникая внутри классовых противоречий, государство становится «государством сильнейшего, экономически господствующего класса, который при его помощи делается и политически господствующим классом и таким путем приобретает новые средства для подчинения и эксплуатации угнетенного класса. Так, античное государство было, прежде всего, государством рабовладельцев для подчинения рабов, феодальное государство — органом дворянства для подчинения крепостных крестьян, а современное представительное государство является орудием эксплуатации наемных рабочих капиталистами» (Энгельс в «Происхождении семьи, частной собственности и государства», где он излагает свои и Маркса взгляды). Даже самая свободная и прогрессивная форма буржуазного государства, демократическая республика, нисколько не устраняет этого факта, а лишь меняет форму его (связь правительства с биржей, подкупность — прямая и косвенная — чиновников и печати и т. д.). Социализм, ведя к уничтожению классов, тем самым ведет и к уничтожению государства. «Первый акт, — пишет Энгельс в «Анти-Дюринге», — с которым государство выступает действительно как представитель всего общества — экспроприация средств производства в пользу всего общества, — будет в то же время его последним самостоятельным актом, как государства. Вмешательство государственной власти в общественные отношения будет становиться в одной области за другой излишним и прекратится само собой. Управление людьми заменится управлением вещами и регулируемым производственным процессом. Государство не будет «отменено», оно «отомрет». «Общество, которое организует производство

на основе свободных и равных ассоциаций производителей, поставит государственную машину туда, где ей тогда будет место: в музее древностей, рядом с веретеном и бронзовым топором» (Энгельс в «Происхождении семьи, частной собственности и государства»).

Наконец, по вопросу об отношении социализма Маркса к мелкому крестьянству, которое останется в эпоху экспроприации экспроприаторов, необходимо указать на заявление Энгельса, выражающего мысли Маркса: «Когда мы овладеем государственной властью, мы не будем и думать о том, чтобы насильственно экспроприировать мелких крестьян (все равно, с вознаграждением или нет), как это мы вынуждены будем сделать с крупными землевладельцами. Наша задача по отношению к мелким крестьянам будет состоять прежде всего в том, чтобы их частное производство и частную собственность перевести в товарищескую, но не насильственным путем, а посредством примера и предложения общественной помощи для этой цели. И тогда у нас, конечно, будет достаточно средств, чтобы доказать крестьянину все преимущества такого перехода, преимущества, которые и теперь уже должны быть ему разъясняемы» (Энгельс: «К аграрному вопросу на Западе», изд. Алексеевой, стр. 17, рус. пер. с ошибками. Оригинал в «Neue Zeit»¹).

ТАКТИКА КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ ПРОЛЕТАРИАТА

Выяснив еще в 1844—5 г.г. один из основных недостатков старого материализма, состоящий в том, что он не умел понять условий и оценить значения революционной практической деятельности, Маркс в течение всей своей жизни, наряду с теоретическими работами, уделял неослабное внимание вопросам тактики классовой борьбы пролетариата. Громадный материал дают в этом отношении все сочинения Маркса и изданная в 1913 г. четырехтомная переписка его с Энгельсом в особенности. Материал этот далеко еще не собран, не сведен вместе, не изучен и не разработан. Поэтому мы должны ограничиться здесь лишь самыми общими и краткими замечаниями, подчеркивая, что без *этой* стороны материализма Маркс справедливо считал его половинчатым, односторонним, мертвенным. Основную задачу тактики пролетариата Маркс определял в строгом соответствии со всеми посылами своего материалистически-диалектического миросозерцания. Лишь объективный учет всей совокупности взаимоотношений всех без исключения классов данного общества, а, след., и учет объективной ступени развития этого общества и учет взаимоотношений между ним и другими обществами может служить опорой правильной тактики передового класса. При этом все классы и все страны рассматриваются не в статическом, а в динамическом виде, т.-е.

¹ «Neue Zeit» [«Новое Время»] — теоретический журнал германской социал-демократии, издававшийся с 1883 по 1923 г. *Ред.*

не в неподвижном состоянии, а в движении (законы которого вытекают из экономических условий существования каждого класса). Движение в свою очередь рассматривается не только с точки зрения прошлого, но и с точки зрения будущего и притом не в пошлом понимании «эволюционистов», видящих лишь медленные изменения, а диалектически: «20 лет равняются одному дню в великих исторических развитиях, — писал Маркс Энгельсу, — хотя впоследствии могут наступить такие дни, в которых сосредоточивается по 20 лет» (т. III, с. 127 «Переписки»). На каждой ступени развития, в каждый момент тактика пролетариата должна учитывать эту объективно неизбежную диалектику человеческой истории, с одной стороны используя для развития сознания, силы и боевой способности передового класса эпохи политического застоя или черепашьяго, так называемого «мирного», развития, а с другой стороны ведя всю работу этого использования в направлении «конечной цели» движения данного класса и создания в нем способности к практическому решению великих задач в великие дни, «концентрирующие в себе по 20 лет». Два рассуждения Маркса особенно важны в данном вопросе, одно из «Нищеты философии» по поводу экономической борьбы и экономических организаций пролетариата, другое из «Коммунистического Манифеста» по поводу политических задач его. Первое гласит: «Крупная промышленность скопляет в одном месте массу неизвестных друг другу людей. Конкуренция раскалывает их интересы. Но охрана заработной платы, этот общий интерес по отношению к их хозяину, объединяет их одной общей идеей сопротивления, коалиции... Коалиции, в начале изолированные, формируются в группы, и охрана рабочими их союзов против постоянно объединенного капитала становится для них более необходимой, чем охрана заработной платы... В этой борьбе — настоящей гражданской войне — объединяются и развиваются все элементы для грядущей битвы. Достижни этого пункта, коалиция принимает политический характер». Здесь перед нами программа и тактика экономической борьбы и профессионального движения на несколько десятилетий, для всей долгой эпохи подготовки сил пролетариата «для грядущей битвы». С этим надо сопоставить многочисленные указания Маркса и Энгельса на примере английского рабочего движения, как промышленное «процветание» вызывает попытки «купить рабочих» (I, 136, «Переписка с Энгельсом»), отвлечь их от борьбы, как это процветание вообще «деморализует рабочих» (II, 218), как «обуржуазивается» английский пролетариат — «самая буржуазная из всех наций» (английская) «хочет, видимо, привести дело в конце концов к тому, чтобы рядом с буржуазией иметь буржуазную аристократию и буржуазный пролетариат» (II, 290); как исчезает у него «революционная энергия» (III, 124); как придется ждать более или менее долгое время «избавления английских рабо-

чих от их кажущегося буржуазного развращения» (III, 127); как недостает английскому рабочему движению «пыла чартистов» (1866; III, 305); как английские вожди рабочих создаются по типу середины «между радикальным буржуа и рабочим» (о Голиоке, IV, 209); как, в силу монополии Англии и пока эта монополия не лопнет, «ничего не поделаешь с британскими рабочими» (IV, 433). Тактика экономической борьбы в связи с общим ходом (*и исходом*) рабочего движения рассматривается здесь с замечательно широкой, всесторонней, диалектической, истинно революционной точки зрения.

«Коммунистический Манифест» о тактике политической борьбы выдвинул основное положение марксизма: «коммунисты борются во имя ближайших целей и интересов рабочего класса, но в то же время они отстаивают и будущность движения». Во имя этого Маркс в 1848 г. поддерживал в Польше партию «аграрной революции», «ту самую партию, которая вызвала краковское восстание 1846 года». В Германии 1848—49 г.г. Маркс поддерживал крайнюю революционную демократию и никогда впоследствии не брал назад сказанного им тогда о тактике. Немецкую буржуазию он рассматривал как элемент, который «с самого начала был склонен к измене народу» (только союз с крестьянством мог бы дать буржуазии цельное осуществление ее задач) «и к компромиссу с коронованными представителями старого общества». Вот данный Марксом итоговый анализ классового положения немецкой буржуазии в эпоху буржуазно-демократической революции, анализ, являющийся между прочим образчиком материализма, рассматривающего общество в движении и притом не только с той стороны движения, которая обращена *назад*... «без веры в себя, без веры в народ; ворча перед верхами, дрожа перед низами;... напуганная мировой бурей; нигде с энергией, везде с плагиатом;... без инициативы;... окаянный старик, осужденный на то, чтобы в своих старческих интересах руководить первыми порывами молодости молодого и здорового народа»... («Новая Рейнская Газета» 1848 г., см. «Литературное Наследство», т. III, 212 стр.). Около 20 лет спустя в письме к Энгельсу (III, 224) Маркс объявлял причиной неуспеха революции 1848 г. то, что буржуазия предпочла мир с рабством одной уже перспективе борьбы за свободу. Когда кончилась эпоха революций 1848—49 г.г., Маркс восстал против всякой игры в революцию (Шаппер—Виллих и борьба с ними), требуя уменья работать в эпоху новой полосы, готовящей якобы «мирно» новые революции. В каком духе требовал Маркс ведения этой работы, видно из следующей его оценки положения в Германии в наиболее глухое реакционное время в 1856 году: «Все дело в Германии будет зависеть от возможности поддержать пролетарскую революцию каким-либо вторым изданием крестьянской войны» («Переписка с Энгельсом», II, 108). Пока демократическая (буржуазная)

революция в Германии была не закончена, все внимание в тактике социалистического пролетариата Маркс устремлял на развитие демократической энергии крестьянства. Лассалья он считал совершающим «объективно измену рабочему движению на пользу Пруссии» (III, 210) между прочим именно потому, что Лассаль мирволил помещикам и прусскому национализму. «Подло», — писал Энгельс в 1865 г., обмениваясь мыслями с Марксом по поводу предстоящего общего выступления их в печати, — «в земледельческой стране нападать от имени промышленных рабочих только на буржуа, забывая о патриархальной «палочной эксплуатации» сельских рабочих феодальным дворянством» (III, 217). В период 1864—1870 г.г., когда подходила к концу эпоха завершения буржуазно-демократической революции в Германии, эпоха борьбы эксплуататорских классов Пруссии и Австрии за тот или иной способ завершения этой революции *сверху*, Маркс не только осуждал Лассалья, заигрывавшего с Бисмарком, но и поправлял Либкнехта, впадавшего в «австрофильство» и в защиту партикуляризма; Маркс требовал революционной тактики, одинаково беспощадно борющейся и с Бисмарком и с австрофилами, тактики, которая не подлаживалась бы к «победителю» — прусскому юнкеру, а немедленно возобновляла революционную борьбу с ним *и на почве*, созданной прусскими военными победами («Переписка с Энгельсом», III, 134, 136, 147, 179, 204, 210, 215, 418, 437, 440—1). В знаменитом обращении Интернационала от 9 сент. 1870 г. Маркс предупреждал французский пролетариат против несвоевременного восстания, но, когда оно все же наступило (1871 г.), Маркс с восторгом приветствовал революционную инициативу масс, «штурмовавших небо» (письмо Маркса к Кугельману). Поражение революционного выступления в этой ситуации, как и во многих других, было с точки зрения диалектического материализма Маркса меньшим злом в общем ходе *и исходе* пролетарской борьбы, чем отказ от занятой позиции, сдача без боя: такая сдача деморализовала бы пролетариат, подрезала бы его способность к борьбе. Вполне оценивая использование легальных средств борьбы в эпохи политического застоя и господства буржуазной легальности, Марке в 1877—8 г., после того как издан был исключительный закон против социалистов, резко осуждал «революционную фразу» Моста, но не менее, если не более резко обрушивался на оппортунизм, овладевший тогда на время официальной социал-демократической партией, не проявившей сразу стойкости, твердости, революционности, готовности перейти к нелегальной борьбе в ответ на исключительный закон («Письма Маркса к Энгельсу», IV, 397, 404, 418, 422, 424. Ср. также письма к Зорге).

Написано В. И. Лениным в июле — ноябре 1914 г. Впервые напечатано (не полностью) в Энциклопедическом словаре Гранат (VII издание), 1915 г., т. XXVIII. — Ленин, Соч., т. XVIII.

ТРИ ИСТОЧНИКА И ТРИ СОСТАВНЫХ ЧАСТИ МАРКСИЗМА

Учение Маркса вызывает к себе во всем цивилизованном мире величайшую вражду и ненависть всей буржуазной (и казенной, и либеральной) науки, которая видит в марксизме нечто вроде «вредной секты». Иного отношения нельзя и ждать, ибо «беспристрастной» социальной науки не может быть в обществе, построенном на классовой борьбе. Так или иначе, но *вся* казенная и либеральная наука *защищает* наемное рабство, а марксизм объявил беспощадную войну этому рабству. Ожидать беспристрастной науки в обществе наемного рабства — такая же глупенькая наивность, как ожидать беспристрастия фабрикантов в вопросе о том, не следует ли увеличить плату рабочим, уменьшив прибыль капитала.

Но этого мало. История философии и история социальной науки показывают с полной ясностью, что в марксизме нет ничего похожего на «сектантство» в смысле какого-то замкнутого, застывшего учения, возникшего *в стороне* от столбовой дороги развития мировой цивилизации. Напротив, вся гениальность Маркса состоит именно в том, что он дал ответы на вопросы, которые передовая мысль человечества уже поставила. Его учение возникло как прямое и непосредственное *продолжение* учения величайших представителей философии, политической экономии и социализма.

Учение Маркса всесильно, потому что оно верно. Оно полно и стройно, давая людям цельное мирозерцание, непримиримое ни с каким суеверием, ни с какой реакцией, ни с какой защитой буржуазного гнета. Оно есть законный преемник лучшего, что создало человечество в XIX веке в лице немецкой философии, английской политической экономии, французского социализма.

На этих трех источниках и вместе с тем составных частях марксизма мы вкратце и остановимся.

I

Философия марксизма есть *материализм*. В течение всей новейшей истории Европы, и особенно в конце XVIII века, во Франции, где разыгралась решительная битва против всяческого сред-

невекового хлама, против крепостничества в учреждениях и в идеях, материализм оказался единственной последовательной философией, верной всем учениям естественных наук, враждебной суевериям, ханжеству и т. п. Враги демократии старались поэтому всеми силами «опровергнуть», подорвать, оклеветать материализм и защищали разные формы философского идеализма, который всегда сводится, так или иначе, к защите или поддержке религии.

Маркс и Энгельс самым решительным образом отстаивали философский материализм и неоднократно разъясняли глубокую ошибочность всяких уклонов от этой основы. Наиболее ясно и подробно изложены их взгляды в сочинениях Энгельса: «Людвиг Фейербах» и «Опровержение Дюринга», которые — подобно «Коммунистическому Манифесту» — являются настольной книгой всякого сознательного рабочего.

Но Маркс не остановился на материализме XVIII века, а двинул философию вперед. Он обогатил ее приобретениями немецкой классической философии, особенно системы Гегеля, которая в свою очередь привела к материализму Фейербаха. Главное из этих приобретений — *диалектика*, т. е. учение о развитии в его наиболее полном, глубоком и свободном от односторонности виде, учение об относительности человеческого знания, дающего нам отражение вечно развивающейся материи. Новейшие открытия естествознания — радий, электроны, превращение элементов — замечательно подтвердили диалектический материализм Маркса, вопреки учениям буржуазных философов с их «новыми» возвращениями к старому и гнилому идеализму.

Углубляя и развивая философский материализм, Маркс довел его до конца, распространил его познание природы на познание *человеческого общества*. Величайшим завоеванием научной мысли явился *исторический материализм* Маркса. Хаос и произвол, царившие до сих пор во взглядах на историю и на политику, сменились поразительно цельной и стройной научной теорией, показывающей, как из одного уклада общественной жизни развивается, вследствие роста производительных сил, другой, более высокий, — из крепостничества, например, вырастает капитализм.

Точно так же, как познание человека отражает независимо от него существующую природу, т. е. развивающуюся материю, так *общественное познание* человека (т. е. разные взгляды и учения философские, религиозные, политические и т. п.) отражает *экономический строй* общества. Политические учреждения являются надстройкой над экономическим основанием. Мы видим, например, как разные политические формы современных европейских государств служат укреплению господства буржуазии над пролетариатом.

Философия Маркса есть законченный философский материализм, который дал человечеству великие орудия познания, а рабочему классу — в особенности.

II

Признав, что экономический строй является основой, на которой возвышается политическая надстройка, Маркс всего более внимания уделил изучению этого экономического строя. Главный труд Маркса — «Капитал» посвящен изучению экономического строя современного, т. е. капиталистического, общества.

Классическая политическая экономия до Маркса сложилась в Англии — самой развитой капиталистической стране. Адам Смит и Давид Рикардо, исследуя экономический строй, положили начало *трудовой теории стоимости*. Маркс продолжал их дело. Он строго обосновал и последовательно развил эту теорию. Он показал, что стоимость всякого товара определяется количеством общественно-необходимого рабочего времени, идущего на производство товара.

Там, где буржуазные экономисты видели отношение вещей (обмен товара на товар), там Маркс вскрыл *отношение между людьми*. Обмен товаров выражает связь между отдельными производителями при посредстве рынка. *Деньги* означают, что эта связь становится все теснее, неразрывно соединяя всю хозяйственную жизнь отдельных производителей в одно целое. *Капитал* означает дальнейшее развитие этой связи: товаром становится рабочая сила человека. Наемный рабочий продает свою рабочую силу владельцу земли, фабрик, орудий труда. Одну часть рабочего дня рабочий употребляет на то, чтобы покрыть расходы на содержание свое и своей семьи (заработная плата), а другую часть дня рабочий трудится даром, создавая *прибавочную стоимость* для капиталиста, источник прибыли, источник богатства класса капиталистов.

Учение о прибавочной стоимости есть краеугольный камень экономической теории Маркса.

Капитал, созданный трудом рабочего, давит рабочего, разоряя мелких хозяев и создавая армию безработных. В промышленности победа крупного производства видна сразу, но и в земледелии мы видим то же явление: превосходство крупного капиталистического земледелия увеличивается, растет применение машин, крестьянское хозяйство попадает в петлю денежного капитала, падает и разоряется под гнетом отсталой техники. В земледелии — иные формы падения мелкого производства, но самое падение его есть бесспорный факт.

Побивая мелкое производство, капитал ведет к увеличению производительности труда и к созданию монопольного положения союзов крупнейших капиталистов. Самое производство становится

все более общественным, — сотни тысяч и миллионы рабочих связываются в планомерный хозяйственный организм, — а продукт общего труда присваивается горстью капиталистов. Растет анархия производства, кризисы, бешеная погоня за рынком, необеспеченность существования для массы населения.

Увеличивая зависимость рабочих от капитала, капиталистический строй создает великую мощь объединенного труда.

От первых зачатков товарного хозяйства, от простого обмена, Маркс проследил развитие капитализма до его высших форм, до крупного производства.

И опыт всех капиталистических стран, как старых, так и новых, показывает наглядно с каждым годом все большему и большему числу рабочих правильность этого учения Маркса.

Капитализм победил во всем мире, но эта победа есть лишь преддверие победы труда над капиталом.

III

Когда было свергнуто крепостничество и на свет божий явилось «свободное» капиталистическое общество, — сразу обнаружилось, что эта свобода означает новую систему угнетения и эксплуатации трудящихся. Различные социалистические учения немедленно стали возникать, как отражение этого гнета и протест против него. Но первоначальный социализм был *утопическим* социализмом. Он критиковал капиталистическое общество, осуждал, проклинал его, мечтал об уничтожении его, фантазировал о лучшем строе, убеждал богатых в безнравственности эксплуатации.

Но утопический социализм не мог указать действительного выхода. Он не умел ни разъяснить сущность наемного рабства при капитализме, ни открыть законы его развития, ни найти ту *общественную силу*, которая способна стать творцом нового общества.

Между тем бурные революции, которыми сопровождалось падение феодализма, крепостничества, везде в Европе и особенно во Франции, все нагляднее вскрывали, как основу всего развития и его движущую силу, *борьбу классов*.

Ни одна победа политической свободы над классом крепостников не была завоевана без отчаянного сопротивления. Ни одна капиталистическая страна не сложилась на более или менее свободной, демократической основе, без борьбы не на жизнь, а на смерть, между разными классами капиталистического общества.

Гениальность Маркса состоит в том, что он сумел раньше всех сделать отсюда и провести последовательно тот вывод, которому учит всемирная история. Этот вывод есть учение о *классовой борьбе*.

Люди всегда были и всегда будут глупенькими жертвами обмана и самообмана в политике, пока они не научатся за любыми

нравственными, религиозными, политическими, социальными фразами, заявлениями, обещаниями разыскивать *интересы* тех или иных классов. Сторонники реформы и улучшений всегда будут одурачиваемы защитниками старого, пока не поймут, что всякое старое учреждение, как бы дико и гнило оно ни казалось, держится силами тех или иных господствующих классов. А чтобы сломать сопротивление этих классов, есть *только одно* средство: найти в самом окружающем нас обществе, просветить и организовать для борьбы такие силы, которые могут — и по своему общественному положению *должны* — составить силу, способную смести старое и создать новое.

Только философский материализм Маркса указал пролетариату выход из духовного рабства, в котором прозябали донныне все угнетенные классы. Только экономическая теория Маркса разъяснила действительное положение пролетариата в общем строе капитализма.

Во всем мире, от Америки до Японии и от Швеции до Южной Африки, множатся самостоятельные организации пролетариата. Он просвещается и воспитывается, ведя свою классовую борьбу, избавляется от предрассудков буржуазного общества, спланивается все теснее и учится измерять меру своих успехов, закаляет свои силы и растет неудержимо.

*Напечатано в журнале «Просвещение»
№ 3, март 1913 г. — Ленин, Соч., т. XVI.*

МАРКСИЗМ И РЕВИЗИОНИЗМ

Известное изречение гласит, что если бы геометрические аксиомы задевали интересы людей, то они наверное опровергались бы. Естественно-исторические теории, задевавшие старые предрассудки теологии, вызвали и вызывают до сих пор самую бешеную борьбу. Неудивительно, что учение Маркса, которое прямо служит просвещению и организации передового класса современного общества, указывает задачи этого класса и доказывает неизбежную — в силу экономического развития — замену современного строя новыми порядками, неудивительно, что это учение должно было с боя брать каждый свой шаг на жизненном пути.

Нечего говорить о буржуазной науке и философии, по-казенному преподаваемых казенными профессорами для оглушения подрастающей молодежи из имущих классов и для «натаскивания» ее на врагов внешних и внутренних. Эта наука и слышать не хочет о марксизме, объявляя его опровергнутым и уничтоженным; и молодые ученые, делающие себе карьеру на опровержении социализма, и ветхие старцы, хранящие завет всевозможных обветшалых «систем», с одинаковым усердием нападают на Маркса. Рост марксизма, распространение и укрепление его идей в рабочем классе, неизбежно вызывает учащение и обострение этих буржуазных вылазок против марксизма, который после каждого «уничтожения» его официальной наукой становится все крепче, закаленнее и жизненнее.

Но и среди учений, связанных с борьбой рабочего класса, распространенных преимущественно среди пролетариата, марксизм далеко и далеко не сразу укрепил свое положение. Первые полвека своего существования (с 40-х годов XIX века) марксизм боролся с теориями, которые были в корне враждебны ему. В первой половине 40-х годов Маркс и Энгельс свели счеты с радикальными младо-гегельянцами, стоявшими на точке зрения философского идеализма. В конце 40-х годов выступает борьба в области экономических учений — против прудонизма. Пятидесятые годы завершают эту борьбу: критика партий и учений, проявивших

себя в бурный 1848-ой год. В 60-х годах борьба переносится из области общей теории в более близкую непосредственному рабочему движению область: изгнание бакунизма из Интернационала. В начале 70-х годов в Германии на короткое время выдвигается прудонист Мюльбергер; — в конце 70-х годов позитивист Дюринг. Но влияние того и другого на пролетариат уже совершенно ничтожно. Марксизм уже побеждает безусловно все прочие идеологии рабочего движения.

К 90-м годам прошлого века эта победа была в основных своих чертах завершена. Даже в романских странах, где всего дольше держались традиции прудонизма, рабочие партии фактически построили свои программы и тактику на марксистской основе. Возобновившаяся международная организация рабочего движения — в виде периодических интернациональных съездов — сразу и почти без борьбы стала во всем существенном на почву марксизма. Но когда марксизм вытеснил все сколько-нибудь цельные враждебные ему учения, — те тенденции, которые выражались в этих учениях, стали искать себе иных путей. Изменились формы и поводы борьбы, но борьба продолжалась. И вторые полвека существования марксизма начались (90-ые годы прошлого века) с борьбы враждебного марксизму течения внутри марксизма.

Бывший ортодоксальный марксист Бернштейн дал имя этому течению, выступив с наибольшим шумом и с наиболее цельным выражением поправок к Марксу, пересмотра Маркса, ревизионизма. Даже в России, где немарксистский социализм естественно, — в силу экономической отсталости страны и преобладания крестьянского населения, придавленного остатками крепостничества, — держался всего более долго, даже в России он явственно перерастает у нас на глазах в ревизионизм. И в аграрном вопросе (программа муниципализации всей земли), и в общих вопросах программы и тактики наши социал-народники все больше и больше заменяют «поправками» к Марксу отмирающие, отпадающие остатки старой, по-своему цельной и враждебной в корне марксизму системы.

Домарксистский социализм разбит. Он продолжает борьбу уже не на своей самостоятельной почве, а на общей почве марксизма, как ревизионизм. Посмотрим же, каково идейное содержание ревизионизма.

В области философии ревизионизм шел в хвосте буржуазной профессорской «науки». Профессора шли «назад к Канту», — и ревизионизм тащился за неокантианцами, профессора повторяли тысячу раз сказанные поповские пошлости против философского материализма, — и ревизионисты, снисходительно улыбаясь, бормотали (слово в слово по последнему хандбуху¹), что материализм

¹ *Хандбух* [*Handbuch*] — учебное руководство. *Ред.*

давно «опровергнут»; профессора третировали Гегеля, как «мертвую собаку», и, проповедуя сами идеализм, только в тысячу раз более мелкий и пошлый, чем гегелевский, презрительно пожимали плечами по поводу диалектики, — и ревизионисты лезли за ними в болото философского опошления науки, заменяя «хитрую» (и революционную) диалектику «простой» (и спокойной) «эволюцией»; профессора отработывали свое казенное жалование, подгоняя и идеалистические и «критические» свои системы к господствовавшей средневековой «философии» (т.-е. к теологии), — и ревизионисты пододвигались к ним, стараясь сделать религию «частным делом» не по отношению к современному государству, а по отношению к партии передового класса.

Какое действительное классовое значение имели подобные «поправки» к Марксу, об этом не приходится говорить — дело ясно само собой. Мы отметим только, что единственным марксистом в международной социал-демократии, давшим критику тех невероятных пошлостей, которые наговорили здесь ревизионисты, с точки зрения последовательного диалектического материализма, был Плеханов. Это тем более необходимо решительно подчеркнуть, что в наше время делаются глубоко ошибочные попытки провезти старый и реакционный философский хлам под флагом критики тактического оппортунизма Плеханова¹.

Переходя к политической экономии, надо отметить, прежде всего, что в этой области «поправки» ревизионистов были гораздо более разносторонни и обстоятельны; на публику старались подействовать «новыми данными хозяйственного развития». Говорили, что концентрации и вытеснения крупным производством мелкого не происходит в области сельского хозяйства вовсе, а в области торговли и промышленности происходит она крайне медленно. Говорили, что кризисы теперь стали реже, слабее, вероятно, картели и тресты дадут возможность капиталу совсем устранить кризисы. Говорили, что «теория краха», к которому идет капитализм, несостоятельна ввиду тенденции к притуплению и смягчению классовых противоречий. Говорили, наконец, что и теорию стоимости Маркса не мешает испробовать по Бем-Баверку.

Борьба с ревизионистами по этим вопросам дала такое же плодотворное оживление теоретической мысли международного социализма, как полемика Энгельса с Дюрингом за двадцать лет перед тем. Доводы ревизионистов разбирались с фактами и цифрами в руках. Было доказано, что ревизионисты систематически под-

¹ См. книгу «Очерки философии марксизма» Богданова, Базарова и др. Здесь не место разбирать эту книгу, и я должен ограничиться пока заявлениями, что в ближайшем будущем покажу в ряде статей или в особой брошюре, что *все* сканавное и в тексте про нео-кантовских ревизионистов относится по существу дела и к этим «новым» нео-юмистским и нео-берклянским ревизионистам. (Примечание Ленина.)

крашивают современное мелкое производство. Факт технического и коммерческого превосходства крупного *производства* над мелким не только в промышленности, но и в земледелии доказывают неопровержимые данные. Но в земледелии гораздо слабее развито товарное производство, и современные статистики и экономисты плохо умеют обыкновенно выделять те специальные отрасли (иногда даже операции) земледелия, которые выражают прогрессивное вовлечение земледелия в *обмен* мирового хозяйства. На развалинах натурального хозяйства мелкое производство держится бесконечным ухудшением питания, хронической голодовкой, удлинением рабочего дня, ухудшением качества скота и ухода за ним, одним словом, теми же средствами, которыми держалось и кустарное производство против капиталистической мануфактуры. Каждый шаг вперед науки и техники подрывает неизбежно и неумолимо основы мелкого производства в капиталистическом обществе, и задача социалистической экономии — исследовать этот процесс во всех его, нередко сложных и запутанных, формах, — доказывать мелкому производителю невозможность удержаться при капитализме, безвыходность крестьянского хозяйства при капитализме, необходимость перехода крестьянина на точку зрения пролетария. Ревизионисты в данном вопросе грешили в научном отношении поверхностным обобщением односторонне-выхваченных фактов, вне связи их со всем строем капитализма, — в политическом же отношении они грешили тем, что неизбежно, вольно или невольно, звали крестьянина, или толкали крестьянина на точку зрения хозяина (т.-е. точку зрения буржуазии) вместо того, чтобы толкать его на точку зрения революционного пролетария.

С теорией кризисов и теорией краха дела ревизионизма обстояли еще хуже. Только самое короткое время и только самые близорукие люди могли думать о переделке основ учения Маркса под влиянием нескольких лет промышленного подъема и процветания. Что кризисы не отжили свое время, это показала ревизионистам очень быстро действительность: кризис наступил после процветания. Изменились формы, последовательность, картина отдельных кризисов, но кризисы остались неизбежной составной частью капиталистического строя. Картели и тресты, объединяя производство, в то же время усиливали на глазах у всех анархию производства, необеспеченность пролетариата и гнет капитала, обостряя таким образом в невиданной еще степени классовые противоречия. Что капитализм идет к краху — и в смысле отдельных политических и экономических кризисов, и в смысле полного крушения всего капиталистического строя, — это с особенной наглядностью и в особенно широких размерах показали как раз новейшие гигантские тресты. Недавний финансовый кризис в Америке, страшное обострение безработицы во всей Европе,

не говоря уже о близком промышленном кризисе, на который указывают многие признаки, — все это привело к тому, что недавние «теории» ревизионистов забыты всеми, кажется, многими и из них самих. Не следует только забывать тех уроков, которые эта интеллигентская неустойчивость дала рабочему классу.

О теории стойкости надо только сказать, что, кроме намеков и вздыханий, весьма туманных, по Бем-Баверку, ревизионисты не дали тут решительно ничего и не оставили поэтому никаких следов в развитии научной мысли.

В области политики ревизионизм попытался пересмотреть действительно основу марксизма, именно: учение о классовой борьбе. Политическая свобода, демократия, всеобщее избирательное право уничтожают почву для классовой борьбы, — говорили нам, — и делают неверным старое положение «Коммунистического Манифеста»: рабочие не имеют отечества. В демократии, раз господствует «воля большинства», нельзя, дескать, ни смотреть на государство, как на орган классового господства, ни отказываться от союзов с прогрессивной, социал-реформаторской буржуазией против реакционеров.

Неоспоримо, что эти возражения ревизионистов сводились к довольно стройной системе взглядов, — именно: давно известных либерально-буржуазных взглядов. Либералы всегда говорили, что буржуазный парламентаризм уничтожает классы и классовые деления, раз право голоса, право участия в государственных делах имеют все граждане без различия. Вся история Европы во 2-й половине XIX века, вся история русской революции в начале XX века показывает воочию, как нелепы подобные взгляды. Экономические различия не ослабляются, а усиливаются и обостряются при свободе «демократического» капитализма. Парламентаризм не устраняет, а обнажает сущность самых демократических буржуазных республик, как органа классового угнетения. Помогая просветить и организовать неизмеримо более широкие массы населения, чем те, которые прежде участвовали активно в политических событиях, парламентаризм подготавливает этим не устранение кризисов и политических революций, а наибольшее обострение гражданской войны во время этих революций. Парижские события весной 1871 года и русские зимой 1905 года показали яснее ясного, как неизбежно наступает такое обострение. Французская буржуазия, ни секунды не колеблясь, вошла в сделку с общенациональным врагом, с чужестранным войском, разорившим ее отечество, для подавления пролетарского движения. Кто не понимает неизбежной внутренней диалектики парламентаризма и буржуазного демократизма, приводящей к еще более резкому, чем в прежние времена, решению спора массовым насилием, — тот никогда не сумеет на почве этого парламентаризма вести принципиально выдержанной пропаганды и агитации, действительно

готовящей рабочей массы к победоносному участию в таких «спорах». Опыт союзов, соглашений, блоков с социал-реформаторским либерализмом на Западе, с либеральным реформизмом (кадеты) в русской революции показал убедительно, что эти соглашения только притупляют сознание масс, не усиливая, а ослабляя действительное значение их борьбы, связывая борющихся с элементами, наименее способными бороться, наиболее шаткими и предательскими. Французский милльеранизм — самый крупный опыт применения ревизионистской политической тактики в широком, действительно-национальном масштабе, — дал такую практическую оценку ревизионизма, которую никогда не забудет пролетариат всего мира.

Естественным дополнением экономических и политических тенденций ревизионизма явилось отношение его к конечной цели социалистического движения. «Конечная цель — ничто, движение — все», это крылатое словечко Бернштейна выражает сущность ревизионизма лучше многих длинных рассуждений. От случая к случаю определять свое поведение, приспособляться к событиям дня, к поворотам политических мелочей, забывать коренные интересы пролетариата и основные черты всего капиталистического строя, всей капиталистической эволюции, жертвовать этими коренными интересами ради действительных или предполагаемых выгод минуты, — такова ревизионистская политика. И из самого существа этой политики вытекает с очевидностью, что она может принимать бесконечно разнообразные формы и что каждый сколько-нибудь «новый» вопрос, сколько-нибудь неожиданный и непредвиденный поворот событий, хотя бы этот поворот только в миниатюрной степени и на самый недолгий срок изменял основную линию развития, — неизбежно будут вызывать всегда те или иные разновидности ревизионизма.

Неизбежность ревизионизма обуславливается его классовыми корнями в современном обществе. Ревизионизм есть интернациональное явление. Для всякого сколько-нибудь сведущего и думающего социалиста не может быть ни малейших сомнений в том, что отношение ортодоксов и бернштейнцев в Германии, гэдистов и жоресистов (теперь в особенности бруссистов) во Франции, социал-демократической федерации и независимой рабочей партии в Англии, Брукэра и Вандервельде в Бельгии, интегралистов и реформистов в Италии, большевиков и меньшевиков в России повсюду в существе своем однородно, несмотря на гигантское разнообразие национальных условий и исторических моментов в современном состоянии всех этих стран. «Разделение» внутри современного международного социализма идет, в сущности, уже теперь по *одной* линии в разных странах мира, документируя этим громадный шаг вперед по сравнению с тем, что было лет 30—40 тому назад, когда в разных странах боролись не однородные

тенденции внутри единого международного социализма. И тот «ревизионизм слева», который обрисовался теперь в романских странах, как «революционный синдикализм», тоже приспособляется к марксизму, «исправляя» его: Лабриола в Италии, Лагардель во Франции сплошь да рядом апеллируют от Маркса, неверно понятого, к Марксу, верно понимаемому.

Мы не можем здесь останавливаться на разборе идейного содержания *этого* ревизионизма, который далеко не так еще развился, как ревизионизм оппортунистический, не интернационализировался, не выдержал ни одной крупной практической схватки с социалистической партией хотя бы одной страны. Мы ограничиваемся потому тем «ревизионизмом справа», который был обрисован выше.

В чем заключается его неизбежность в капиталистическом обществе? Почему он глубже, чем различия национальных особенностей и степеней развития капитализма? Потому, что во всякой капиталистической стране рядом с пролетариатом всегда стоят широкие слои мелкой буржуазии, мелких хозяев. Капитализм родился и постоянно рождается из мелкого производства. Целый ряд «средних слоев» неминуемо вновь создается капитализмом (придаток фабрики, работа на дому, мелкие мастерские, разбросанные по всей стране ввиду требований крупной, например, велосипедной и автомобильной индустрии, и т. д.). Эти новые мелкие производители так же неминуемо опять выбрасываются в ряды пролетариата. Совершенно естественно, что мелкобуржуазное мировоззрение снова и снова прорывается в рядах широких рабочих партий. Совершенно естественно, что так должно быть и будет всегда вплоть до перипетий пролетарской революции, ибо было бы глубокой ошибкой думать, что необходима «полная» пролетаризация большинства населения для осуществимости такой революции. То, что теперь мы переживаем зачастую только идейно: споры с теоретическими поправками к Марксу, — то, что теперь прорывается на практике лишь по отдельным частным вопросам рабочего движения, как тактические разногласия с ревизионистами и расколы на этой почве, — это придется еще непременно пережить рабочему классу в несравненно более крупных размерах, когда пролетарская революция обострит все спорные вопросы, сконцентрирует все разногласия на пунктах, имеющих самое непосредственное значение для определения поведения масс, заставит в пылу борьбы отделять врагов от друзей, выбрасывать плохих союзников для нанесения решительных ударов врагу.

Идейная борьба революционного марксизма с ревизионизмом в конце XIX века есть лишь преддверие великих революционных битв пролетариата, идущего вперед к полной победе своего дела вопреки всем шатающим и слабостям мещанства.

Написано в апреле 1908 г. Напечатано в сборнике «Памяти Карла Маркса», С.-Петербург, 1908 г. — Ленин, Соч., т. XII,

ИСТОРИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ УЧЕНИЯ
КАРЛА МАРКСА

Главное в учении Маркса, это — выяснение всемирно-исторической роли пролетариата, как создателя социалистического общества. Подтвердил ли ход событий во всем мире это учение после того, как оно было изложено Марксом?

Впервые Маркс выдвинул его в 1844 году. «Коммунистический Манифест» Маркса и Энгельса, вышедший в 1848 году, дает уже цельное, систематическое, до сих пор остающееся лучшим, изложение этого учения. Всемирная история с этого времени делится явственно на три главные периода: 1) с революции 1848 года до Парижской Коммуны (1871); 2) от Парижской Коммуны до русской революции (1905); 3) от русской революции.

Бросим взгляд на судьбы учения Маркса в каждый из этих периодов.

I

В начале первого периода учение Маркса отнюдь не господствует. Оно — лишь одна из чрезвычайно многочисленных фракций или течений социализма. Господствуют же такие формы социализма, которые в основном родственны нашему народничеству: непонимание материалистической основы исторического движения, неумение выделить роль и значение каждого класса капиталистического общества, прикрытие буржуазной сущности демократических преобразований разными, якобы-социалистическими фразами о «народе», «справедливости», «праве» и т. п.

Революция 1848 года наносит смертельный удар всем этим шумным, пестрым, крикливым формам до-марксовского социализма. Революция во всех странах показывает в *действии* разные классы общества. Расстрел рабочих республиканской буржуазией в июньские дни 1848 года в Париже окончательно определяет социалистическую природу *одного* пролетариата. Либеральная буржуазия во сто раз больше боится самостоятельности этого класса, чем какой-угодно реакции. Трусливый либерализм пресмыкается перед ней. Крестьянство удовлетворяется отменой остатков феодализма и переходит на сторону порядка, лишь изредка колеблясь между *рабочей демократией и буржуазным либерализмом*. Все

учения о не-классовом социализме и о не-классовой политике оказываются пустым вздором.

Парижская Коммуна (1871) доканчивает это развитие буржуазных преобразований; только геройству пролетариата обязана своим упрочением республика, т.-е. та форма государственного устройства, в которой классовые отношения выступают в наиболее неприкрытой форме.

Во всех других европейских странах более запутанное и менее законченное развитие приводит к тому же сложившемуся буржуазному обществу. К концу первого периода (1848—1871), периода бурь и революций, до-марксовский социализм *умирает*. Рождаются самостоятельные *пролетарские* партии: первый Интернационал (1864—1872) и германская социал-демократия.

II

Второй период (1872—1904) отличается от первого «мирным» характером, отсутствием революций. Запад с буржуазными революциями покончил. Восток до них еще не дорос.

Запад вступает в полосу «мирной» подготовки к эпохе будущих преобразований. Везде складываются пролетарские по своей основе социалистические партии, которые учатся использовать буржуазный парламентаризм, создавать свою ежедневную прессу, свои просветительные учреждения, свои профессиональные союзы, свои кооперативы. Учение Маркса одерживает полную победу и — *идет вширь*. Медленно, но неуклонно идет вперед процесс подбирания и собирания сил пролетариата, подготовки его к грядущим битвам.

Диалектика истории такова, что теоретическая победа марксизма заставляет врагов его *переодеваться* марксистами. Внутренне-сгнивший либерализм пробует оживить себя в виде социалистического *оппортунизма*. Период подготовки сил для великих битв они истолковывают в смысле отказа от этих битв. Улучшение положения рабов для борьбы против наемного рабства они разъясняют в смысле продажи рабами за пятачок своих прав на свободу. Трусливо проповедуют «социальный мир» (т.-е. мир с рабовладением), отречение от классовой борьбы и т. д. Среди социалистических парламентариев, разных чиновников рабочего движения и «сочувствующей» интеллигенции у них очень много сторонников.

III

Не успели оппортунисты нахвалиться «социальным миром» и не необходимостью бурь при «демократии», как открылся новый источник величайших мировых бурь в Азии. За русской революцией последовали турецкая, персидская, китайская. Мы живем

теперь как раз в эпоху этих бурь и их «обратного отражения» на Европе. Каковы бы ни были судьбы великой китайской республики, на которую теперь точат зубы разные «цивилизованные» гиены, но никакие силы в мире не восстановят старого крепостничества в Азии, не сметут с лица земли героического демократизма народных масс в азиатских и полуазиатских странах.

Некоторых людей, невнимательных к условиям подготовки и развития массовой борьбы, довели до отчаяния и до анархизма долгие отсрочки решительной борьбы против капитализма в Европе. Мы видим теперь, как близоруко и малодушно анархистское отчаяние.

Не отчаяние, а бодрость надо почерпать из факта вовлечения восьмисотмиллионной Азии в борьбу за те же европейские идеалы.

Азиатские революции показали нам ту же бесхарактерность и подлость либерализма, то же исключительное значение самостоятельности демократических масс, то же отчетливое размежевание пролетариата от всяческой буржуазии. Кто после опыта и Европы и Азии говорит о *не*-классовой политике и о *не*-классовом социализме, того стоит просто посадить в клетку и показывать рядом с каким-нибудь австралийским кенгуром.

За Азией стала шевелиться — только не по-азиатски — и Европа. «Мирный» период 1872—1904 годов отошел бесповоротно в вечность. Дороговизна и гнет трестов вызывают невиданное обострение экономической борьбы, сдвинувшее с места даже наиболее развращенных либерализмом английских рабочих. На наших глазах зреет политический кризис даже в самой «твердокаменной» буржуазно-юнкерской стране, Германии. Бешеные вооружения и политика империализма делают из современной Европы такой «социальный мир», который больше всего похож на бочку с порохом. А разложение *всех* буржуазных партий и созревание пролетариата идет неуклонно вперед.

После появления марксизма каждая из трех великих эпох всемирной истории приносила ему новые подтверждения и новые триумфы. Но еще больший триумф принесет марксизму, как учению пролетариата, грядущая историческая эпоха.

ИЗ БЕСЕДЫ С ПЕРВОЙ АМЕРИКАНСКОЙ РАБОЧЕЙ
ДЕЛЕГАЦИЕЙ 9 СЕНТЯБРЯ 1927 г.

1-й вопрос. Какие новые принципы были практически прибавлены Лениным и компартией к марксизму? Было ли бы правильным сказать, что Ленин верил в «творческую революцию», тогда как Маркс был более склонен ожидать кульминационного развития экономических сил?

Ответ. Я думаю, что никаких «новых принципов» Ленин не «прибавлял» к марксизму, так же как Ленин не отменял ни одного из «старых» принципов марксизма. Ленин был и остается самым верным и последовательным учеником Маркса и Энгельса, целиком и полностью опирающимся на принципы марксизма. Но Ленин не был только лишь исполнителем учения Маркса — Энгельса. Он был вместе с тем продолжателем учения Маркса и Энгельса. Что это значит? Это значит, что он развил дальше учение Маркса — Энгельса применительно к новым условиям развития, применительно к новой фазе капитализма, применительно к империализму. Это значит, что, развивая дальше учение Маркса в новых условиях классовой борьбы, Ленин внес в общую сокровищницу марксизма нечто новое в сравнении с тем, что дано Марксом и Энгельсом, в сравнении с тем, что могло быть дано в период доимпериалистического капитализма, при чем это новое, внесенное Лениным в сокровищницу марксизма, базируется целиком и полностью на принципах, данных Марксом и Энгельсом. В этом смысле и говорится у нас о ленинизме, как марксизме эпохи империализма и пролетарских революций. Вот несколько вопросов, в области которых Ленин дал нечто новое, развивая дальше учение Маркса.

Во-первых, вопрос о монополистическом капитализме, об империализме, как новой фазе капитализма. Маркс и Энгельс дали в «Капитале» анализ основ капитализма. Но Маркс и Энгельс жили в период господства домонополистического капитализма, в период плавного эволюционирования капитализма и его «мирного» распространения на весь земной шар. Эта старая фаза кончилась к концу XIX и к началу XX столетия, когда Маркса и Энгельса

не было уже в живых. Понятно, что Маркс и Энгельс могли лишь догадываться о тех новых условиях развития капитализма, которые наступили в связи с новой фазой капитализма, пришедшей на смену старой фазе, в связи с империалистической, монополистической фазой развития, когда плавное эволюционирование капитализма сменилось скачкообразным, катастрофическим развитием капитализма, когда неравномерность развития и противоречия капитализма выступили с особой силой, когда борьба за рынки сбыта и вывоза капитала в условиях крайней неравномерности развития сделала неизбежными периодические империалистические войны на предмет периодических переделов мира и сфер влияния. Заслуга Ленина и, стало быть, новое у Ленина состоит здесь в том, что он, опираясь на основные положения «Капитала», дал обоснованный марксистский анализ империализма, как последней фазы капитализма, вскрыв его язвы и условия его неизбежной гибели. На базе этого анализа возникло известное положение Ленина о том, что в условиях империализма возможна победа социализма в отдельных, отдельно взятых, капиталистических странах.

Во-вторых, вопрос о диктатуре пролетариата. Основную идею диктатуры пролетариата, как политического господства пролетариата и как метода свержения власти капитала путем насилия, дали Маркс и Энгельс. Новое у Ленина состоит в этой области в том, что: а) он открыл Советскую власть, как государственную форму диктатуры пролетариата, используя для этого опыт Парижской Коммуны и русской революции; б) он раскрыл скобки в формуле диктатуры пролетариата под углом зрения проблемы о союзниках пролетариата, определив диктатуру пролетариата, как особую форму классового союза пролетариата, являющегося руководителем, с эксплуатируемыми массами непролетарских классов (крестьянства и пр.), являющимися руководимыми; в) он подчеркнул с особой силой тот факт, что диктатура пролетариата является высшим типом демократии при классовом обществе, формой *пролетарской* демократии, выражающей интересы большинства (эксплуатируемых), — в противовес демократии *капиталистической*, выражающей интересы меньшинства (эксплуататоров).

В-третьих, вопрос о формах и способах успешного строительства социализма в период диктатуры пролетариата, в период переходный от капитализма к социализму, в стране, окруженной капиталистическими государствами. Маркс и Энгельс рассматривали период диктатуры пролетариата, как период более или менее длительный, полный революционных схваток и гражданских войн, в продолжение которого пролетариат, находясь у власти, принимает меры экономического, политического, культурного и организационного характера, необходимые для того, чтобы вместо старого капиталистического общества создать новое социалистиче-

ское общество, общество без классов, общество без государства. Ленин стоял целиком и полностью на почве этих основных положений Маркса и Энгельса. Новое у Ленина в этой области состоит в том, что: а) он обосновал возможность построения полного социалистического общества в стране диктатуры пролетариата, окруженной империалистическими государствами, при условии, что эта страна не будет задушена военной интервенцией окружающих капиталистических государств; б) он наметил конкретные пути экономической политики («новая экономическая политика»), при помощи которых пролетариат, имея в руках экономические командные высоты (промышленность, землю, транспорт, банки и т. п.), смыкает социализированную индустрию с сельским хозяйством («смычка индустрии с крестьянским хозяйством») и ведет, таким образом, все народное хозяйство к социализму; в) он наметил конкретные пути постепенного подвода и вовлечения основных масс крестьянства в русло социалистического строительства через кооперацию, представляющую в руках пролетарской диктатуры величайшее средство переделки мелкого крестьянского хозяйства и перевоспитания основных масс крестьянства в духе социализма.

В-четвертых, вопрос о гегемонии пролетариата в революции, во всякой народной революции, как в революции против царизма, так и в революции против капитализма. Маркс и Энгельс дали основные наброски идеи гегемонии пролетариата. Новое у Ленина состоит здесь в том, что он развил дальше и развернул эти наброски в стройную систему гегемонии пролетариата, в стройную систему руководства пролетариата трудящимися массами города и деревни не только в деле свержения царизма и капитализма, но и в деле социалистического строительства при диктатуре пролетариата. Известно, что идея гегемонии пролетариата получила, благодаря Ленину и его партии, мастерское применение в России. Этим, между прочим, объясняется тот факт, что революция в России привела к власти пролетариата. Раньше обычно дело происходило таким образом, что рабочие дрались во время революции на баррикадах, они проливали кровь, они свержали старое, а власть попадала в руки буржуа, которые угнетали и эксплуатировали потом рабочих. Так было дело в Англии и во Франции. Так было дело в Германии. У нас, в России, дело приняло другой оборот. У нас рабочие представляли не только ударную силу революции. Будучи ударной силой революции, русский пролетариат стался вместе с тем быть гегемоном, политическим руководителем всех эксплуатируемых масс города и деревни, спланивая их вокруг себя, отрывая их от буржуазии, изолируя политически буржуазию. Будучи же гегемоном эксплуатируемых масс, русский пролетариат все время боролся за то, чтобы захватить власть в свои руки и использовать ее в своих собственных интересах,

против буржуазии, против капитализма. Этим собственно и объясняется, что каждое мощное выступление революции в России, как в октябре 1905 года, так и в феврале 1917 г., выдвигало на сцену советы рабочих депутатов, как зародыши нового аппарата власти, призванного подавлять буржуазию, — в противовес буржуазному парламенту, как старому аппарату власти, призванному подавлять пролетариат. Дважды пыталась у нас буржуазия восстановить буржуазный парламент и положить конец советам: в августе 1917 г., во время «Предпарламента», до взятия власти большевиками, и в январе 1918 г., во время «Учредительного Собрания», после взятия власти пролетариатом, — и каждый раз терпела поражение. Почему? Потому, что буржуазия была уже изолирована политически, миллионные массы трудящихся считали пролетариат единственным вождем революции, а советы были уже проверены и испытаны массами, как своя рабочая власть, променять которую на буржуазный парламент было бы для пролетариата самоубийством. Не удивительно поэтому, что буржуазный парламентаризм не привился у нас. Вот почему революция привела в России к власти пролетариата. Таковы результаты проведения в жизнь ленинской системы гегемонии пролетариата в революции.

В-пятых, вопрос национально-колониальный. Маркс и Энгельс, анализируя в свое время события в Ирландии, в Индии, в Китае, в странах Центральной Европы, в Польше, в Венгрии, — дали основные, отправные идеи по национально-колониальному вопросу. Ленин в своих трудах базировался на этих идеях. Новое у Ленина в этой области состоит в том, что: а) он собрал воедино эти идеи в стройную систему взглядов о национально-колониальных революциях в эпоху империализма; б) связал национально-колониальный вопрос с вопросом о свержении империализма; в) объявил национально-колониальный вопрос составной частью общего вопроса о международной пролетарской революции.

Наконец, вопрос о партии пролетариата. Маркс и Энгельс дали основные наброски о партии, как передовом отряде пролетариата, без которой (без партии) пролетариат не может добиться своего освобождения ни в смысле взятия власти, ни в смысле переустройства капиталистического общества. Новое у Ленина в этой области состоит в том, что он развил дальше эти наброски применительно к новым условиям борьбы пролетариата в период империализма, показав, что: а) партия есть высшая форма классовой организации пролетариата в сравнении с другими формами организации пролетариата (профсоюзы, кооперация, государственная организация), работу которых призвана она обобщать и направлять; б) диктатура пролетариата может быть осуществлена лишь через партию, как ее направляющую силу; в) диктатура пролетариата может быть полной лишь в том случае, если ею руководит

одна партия, партия коммунистов, которая не делит и не должна делить руководство с другими партиями; г) без железной дисциплины в партии не могут быть осуществлены задачи диктатуры пролетариата по подавлению эксплуататоров и перестройке классового общества в общество социалистическое.

Вот в основном то новое, что дал Ленин в своих трудах, конкретизируя и развивая дальше учение Маркса применительно к новым условиям борьбы пролетариата в период империализма.

Поэтому и говорят у нас, что ленинизм есть марксизм эпохи империализма и пролетарских революций.

Из этого видно, что ленинизм нельзя ни отделять от марксизма, ни тем более противопоставлять марксизму.

В вопросе делегации сказано далее: «Было ли бы правильным сказать, что Ленин верил в «творческую революцию», тогда как Маркс был более склонен ожидать кульминационного развития экономических сил?» Я думаю, что сказать так было бы совершенно неправильно. Я думаю, что всякая народная революция, если она является действительно народной революцией, есть революция творческая, ибо она ломает старый уклад и творит, создает новый. Конечно, не может быть ничего творческого в таких, с позволения сказать, «революциях», какие бывают иногда, скажем, в Албании в виде игрушечных «восстаний» одних племен против других. Но такие игрушечные «восстания» никогда не считались марксистами революцией. Речь идет, очевидно, не о таких «восстаниях», а о массовой народной революции, поднимающей угнетенные классы против классов-угнетателей. А такая революция не может не быть творческой. Маркс и Ленин стояли именно за такую революцию, — и только за такую. При этом понятно, что такая революция не может возникнуть при любых условиях, что она может разыгаться лишь при определенных благоприятных условиях экономического и политического порядка.

*Напечатано в «Правде» № 210 (3742),
15 сентября 1927 г. Печатается по X изд.*

«Вопросы ленинизма».

О ДИАЛЕКТИЧЕСКОМ И ИСТОРИЧЕСКОМ МАТЕРИАЛИЗМЕ

(СЕНТЯБРЬ 1938 г.)

Диалектический материализм есть мировоззрение марксистско-ленинской партии. Оно называется диалектическим материализмом потому, что его подход к явлениям природы, его метод изучения явлений природы, его метод познания этих явлений является *диалектическим*, а его истолкование явлений природы, его понимание явлений природы, его теория — *материалистической*.

Исторический материализм есть распространение положений диалектического материализма на изучение общественной жизни, применение положений диалектического материализма к явлениям жизни общества, к изучению общества, к изучению истории общества.

Характеризуя свой диалектический метод, Маркс и Энгельс ссылаются обычно на Гегеля, как на философа, сформулировавшего основные черты диалектики. Это, однако, не означает, что диалектика Маркса и Энгельса тождественна диалектике Гегеля. На самом деле Маркс и Энгельс взяли из диалектики Гегеля лишь ее «рациональное зерно», отбросив гегелевскую идеалистическую шелуху и развив диалектику дальше, с тем, чтобы придать ей современный научный вид.

«Мой диалектический метод, говорит Маркс, в основе своей не только отличен от гегелевского, но является его прямой противоположностью. Для Гегеля процесс мышления, который он под названием идеи превращает даже в самостоятельный субъект, есть демиург (творец) действительного, которое составляет лишь его внешнее проявление. Для меня, наоборот, идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней» (К. Маркс, Послесловие ко второму немецкому изданию 1-го тома «Капитала»).

Характеризуя свой материализм, Маркс и Энгельс ссылаются обычно на Фейербаха, как на философа, восстановившего материализм в его правах. Однако это не означает, что материализм Маркса и Энгельса тождественен материализму Фейербаха. На самом деле Маркс и Энгельс взяли из материализма Фейербаха его «основное зерно», развив его дальше в научно-философскую

теорию материализма и отбросив прочь его идеалистические и религиозно-этические наслоения. Известно, что Фейербах, будучи в основном материалистом, восставал против названия — материализм. Энгельс не раз заявлял, что Фейербах «несмотря на материалистическую основу, еще не освободился от старых идеалистических пут», что «действительный идеализм Фейербаха выступает наружу тотчас же, как мы подходим к его этике и философии религии» (К. Маркс и Ф. Энгельс, т. XIV, стр. 652—654).

Диалектика происходит от греческого слова «диалого», что значит вести беседу, вести полемику. Под диалектикой понимали в древности искусство добиться истины путем раскрытия противоречий в суждении противника и преодоления этих противоречий. В древности некоторые философы считали, что раскрытие противоречий в мышлении и столкновение противоположных мнений является лучшим средством обнаружения истины. Этот диалектический способ мышления, распространенный впоследствии на явления природы, превратился в диалектический метод познания природы, который рассматривал явления природы, как вечно движущиеся и изменяющиеся, а развитие природы — как результат развития противоречий в природе, как результат взаимодействия противоположных сил в природе.

В своей основе диалектика прямо противоположна метафизике.

1) *Марксистский диалектический метод характеризуется следующими основными чертами:*

а) В противоположность метафизике диалектика рассматривает природу не как случайное скопление предметов, явлений, оторванных друг от друга, изолированных друг от друга и не зависящих друг от друга, — а как связанное, единое целое, где предметы, явления органически связаны друг с другом, зависят друг от друга и обуславливают друг друга.

Поэтому диалектический метод считает, что ни одно явление в природе не может быть понято, если взять его в изолированном виде, вне связи с окружающими явлениями, ибо любое явление в любой области природы может быть превращено в бессмыслицу, если его рассматривать вне связи с окружающими условиями, в отрыве от них, и, наоборот, любое явление может быть понято и обосновано, если оно рассматривается в его неразрывной связи с окружающими явлениями, в его обусловленности от окружающих его явлений.

б) В противоположность метафизике диалектика рассматривает природу не как состояние покоя и неподвижности, застоя и неизменяемости, а как состояние непрерывного движения и изменения, непрерывного обновления и развития, где всегда что-то возникает и развивается, что-то разрушается и отживает свой век.

Поэтому диалектический метод требует, чтобы явления рассматривались не только с точки зрения их взаимной связи и обу-

словленности, но и с точки зрения их движения, их изменения, их развития, с точки зрения их возникновения и отмирания.

Для диалектического метода важно прежде всего не то, что кажется в данный момент прочным, но начинает уже отмирать, а то, что возникает и развивается, если даже выглядит оно в данный момент непрочным, ибо для него преодолимо только то, что возникает и развивается.

«Вся природа, говорит Энгельс, начиная от мельчайших частиц ее до величайших тел, начиная от песчинки и кончая солнцем, начиная от протиста (первичная живая клеточка. — *И. Ст.*) и кончая человеком, находится в вечном возникновении и уничтожении, в непрерывном течении, в неустанном движении и изменении» (там же, стр. 484).

Поэтому, говорит Энгельс, диалектика «берет вещи и их умственные отражения главным образом в их взаимной связи, в их сцеплении, в их движении, в их возникновении и исчезновении» (*К. Маркс и Ф. Энгельс*, т. XIV, стр. 23).

в) В противоположность метафизике диалектика рассматривает процесс развития, не как простой процесс роста, где количественные изменения не ведут к качественным изменениям, — а как такое развитие, которое переходит от незначительных и скрытых количественных изменений к изменениям открытым, к изменениям коренным, к изменениям качественным, где качественные изменения наступают не постепенно, а быстро, внезапно, в виде скачкообразного перехода от одного состояния к другому состоянию, наступают не случайно, а закономерно, наступают в результате накопления незаметных и постепенных количественных изменений.

Поэтому диалектический метод считает, что процесс развития следует понимать не как движение по кругу, не как простое повторение пройденного, а как движение поступательное, как движение по восходящей линии, как переход от старого качественного состояния к новому качественному состоянию, как развитие от простого к сложному, от низшего к высшему.

«Природа, говорит Энгельс, есть пробный камень диалектики, и современное естествознание, представившее для этой пробы чрезвычайно богатый, с каждым днем увеличивающийся материал, тем самым доказало, что в природе, в конце концов, все совершается диалектически, а не метафизически, что она движется не вечно однородном, постоянно сызнова повторяющемся круге, а переживает действительную историю. Здесь прежде всего следует указать на Дарвина, который нанес сильнейший удар метафизическому взгляду на природу, доказав, что весь современный органический мир, растения и животные, а следовательно также и человек, есть продукт процесса развития, длившегося миллионы лет» (там же, стр. 23).

Характеризуя диалектическое развитие, как переход от количественных изменений к качественным изменениям, Энгельс говорит:

«В физике... каждое изменение есть переход количества в качество — следствие количественного изменения присущего телу или сообщенного ему количества движения какой-нибудь формы. Так, например, температура воды не имеет на первых порах никакого значения по отношению к ее капельно-жидкому состоянию; но при увеличении или уменьшении температуры жидкой воды наступает момент, когда это состояние сцепления изменяется и вода превращается — в одном случае в пар, в другом — в лед... Так, необходим определенный минимум силы тока, чтобы платиновая проволока стала давать свет; так, у каждого металла имеется своя теплота плавления; так, у каждой жидкости имеется своя определенная, при данном давлении, точка замерзания и кипения — поскольку мы в состоянии при наших средствах добиться соответствующей температуры; так, наконец, у каждого газа имеется критическая точка, при которой соответствующим давлением и охлаждением можно превратить его в жидкое состояние... Так называемые константы физики (точки перехода от одного состояния в другое состояние.—И. Ст.) суть большею частью не что иное, как название узловых точек, где количественное (изменение) прибавление или убавление движения вызывает качественное изменение в состоянии соответствующего тела, — где, следовательно, количество переходит в качество» (там же, стр. 527—528).

Переходя, далее, к химии, Энгельс продолжает:

«Химию можно назвать наукой о качественных изменениях тел, происходящих под влиянием изменения количественного состава. Это знал уже сам Гегель... Возьмем кислород: если в молекулу здесь соединяются три атома, а не два, как обыкновенно, то мы имеем перед собой озон — тело, определенно отличающееся своим запахом и действием от обыкновенного кислорода. А что сказать о различных пропорциях, в которых кислород соединяется с азотом или серой и из которых каждая дает тело, качественно отличное от всех других тел!» (там же, стр. 528).

Наконец, критикуя Дюринга, который бранит во-всю Гегеля и тут же втихомолку заимствует у него известное положение о том, что переход из царства бесчувственного мира в царство ощущения, из царства неорганического мира в царство органической жизни — есть скачок в новое состояние, Энгельс говорит:

«Это ведь гегелевская узловая линия отношений меры, где чисто количественное увеличение или уменьшение вызывает в определенных узловых пунктах *качественный скачок*, как, например, в случае нагревания или охлаждения воды, где точки кипения и замерзания являются теми узлами, в которых совершается — при нормальном давлении — скачок в новое агрегатное состоя-

ние, где, следовательно, количество переходит в качество» (там же, стр. 45—46).

г) В противоположность метафизике диалектика исходит из того, что предметам природы, явлениям природы свойственны внутренние противоречия, ибо все они имеют свою отрицательную и положительную сторону, свое прошлое и будущее, свое отживающее и развивающееся, что борьба этих противоположностей, борьба между старым и новым, между отмирающим и нарождающимся, между отживающим и развивающимся, составляет внутреннее содержание процесса развития, внутреннее содержание превращения количественных изменений в качественные.

Поэтому диалектический метод считает, что процесс развития от низшего к высшему протекает не в порядке гармонического развертывания явлений, а в порядке раскрытия противоречий, свойственных предметам, явлениям, в порядке «борьбы» противоположных тенденций, действующих на основе этих противоречий.

«В собственном смысле диалектика, говорит Ленин, есть изучение противоречия *в самой сущности предметов*» (Ленин, «Философские тетради», стр. 263).

И дальше:

«Развитие есть «борьба» противоположностей» (Ленин, т. XIII, стр. 304).

Таковы коротко основные черты марксистского диалектического метода.

Не трудно понять, какое громадное значение имеет распространение положений диалектического метода на изучение общественной жизни, на изучение истории общества, какое громадное значение имеет применение этих положений к истории общества, к практической деятельности партии пролетариата.

Если нет в мире изолированных явлений, если все явления связаны между собой и обуславливают друг друга, то ясно, что каждый общественный строй и каждое общественное движение в истории надо расценивать не с точки зрения «вечной справедливости» или другой какой-либо предвзятой идеи, как это делают нередко историки, а с точки зрения тех условий, которые породили этот строй и это общественное движение и с которыми они связаны.

Рабовладельческий строй для современных условий есть бессмыслица, противоестественная глупость. Рабовладельческий строй в условиях разлагающегося первобытно-общинного строя есть вполне понятное и закономерное явление, так как он означает шаг вперед в сравнении с первобытно-общинным строем.

Требование буржуазно-демократической республики в условиях существования царизма и буржуазного общества, скажем, в 1905 году в России было вполне понятным, правильным и революционным требованием, ибо буржуазная республика означала

тогда шаг вперед. Требование буржуазно-демократической республики для наших нынешних условий в СССР есть бессмысленное и контрреволюционное требование, ибо буржуазная республика в сравнении с Советской республикой есть шаг назад.

Все зависит от условий, места и времени.

Понятно, что без такого *исторического* подхода к общественным явлениям невозможно существование и развитие науки об истории, ибо только такой подход избавляет историческую науку от превращения ее в хаос случайностей и в грудку нелепейших ошибок.

Дальше. Если мир находится в непрерывном движении и развитии, если отмирание старого и нарастание нового является законом развития, то ясно, что нет больше «незыблемых» общественных порядков, «вечных принципов» частной собственности и эксплуатации, «вечных идей» подчинения крестьян помещикам, рабочих капиталистам.

Значит, капиталистический строй можно заменить социалистическим строем, так же, как капиталистический строй заменил в свое время феодальный строй.

Значит, надо ориентироваться не на те слои общества, которые не развиваются больше, хотя и представляют в настоящий момент преобладающую силу, а на те слои, которые развиваются, имеют будущность, хотя и не представляют в настоящий момент преобладающей силы.

В восьмидесятых годах прошлого столетия, в эпоху борьбы марксистов с народниками, пролетариат в России представлял незначительное меньшинство в сравнении с единоличным крестьянством, составлявшим громадное большинство населения. Но пролетариат развивался, как класс, тогда как крестьянство, как класс, распадалось. И именно потому, что пролетариат развивался, как класс, марксисты ориентировались на пролетариат. И они не ошиблись, ибо, как известно, пролетариат вырос потом из незначительной силы в первостепенную историческую и политическую силу.

Значит, чтобы не ошибиться в политике, надо смотреть вперед, а не назад.

Дальше. Если переход медленных количественных изменений в быстрые и внезапные качественные изменения составляет закон развития, то ясно, что революционные перевороты, совершаемые угнетенными классами, представляют совершенно естественное и неизбежное явление.

Значит, переход от капитализма к социализму и освобождение рабочего класса от капиталистического гнета может быть осуществлено не путем медленных изменений, не путем реформ, а только лишь путем качественного изменения капиталистического строя, путем революции.

Значит, чтобы не ошибиться в политике, надо быть революционером, а не реформистом.

Дальше. Если развитие происходит в порядке раскрытия внутренних противоречий, в порядке столкновений противоположных сил на базе этих противоречий с тем, чтобы преодолеть эти противоречия, то ясно, что классовая борьба пролетариата является совершенно естественным и неизбежным явлением.

Значит, нужно не замазывать противоречия капиталистических порядков, а вскрывать их и разматывать, не тушить классовую борьбу, а доводить ее до конца.

Значит, чтобы не ошибиться в политике, надо проводить непримиримую классовую пролетарскую политику, а не реформистскую политику гармонии интересов пролетариата и буржуазии, а не соглашательскую политику «врастания» капитализма в социализм.

Так обстоит дело с марксистским диалектическим методом, если взять его в применении к общественной жизни, в применении к истории общества.

Что касается марксистского философского материализма, то в своей основе он прямо противоположен философскому идеализму.

2) *Марксистский философский материализм характеризуется следующими основными чертами:*

а) В противоположность идеализму, который считает мир воплощением «абсолютной идеи», «мирового духа», «сознания», — философский материализм Маркса исходит из того, что мир по природе своей *материален*, что многообразные явления в мире представляют различные виды движущейся материи, что взаимная связь и взаимная обусловленность явлений, устанавливаемые диалектическим методом, представляют закономерности развития движущейся материи, что мир развивается по законам движения материи и не нуждается ни в каком «мировом духе».

«Материалистическое мировоззрение, говорит Энгельс, означает просто понимание природы такой, какова она есть, без всяких посторонних прибавлений» (*К. Маркс и Ф. Энгельс*, т. XIV, стр. 651).

Касаясь материалистического взгляда древнего философа — Гераклита, по которому «мир, единый из всего, не создан никем из богов и никем из людей, а был, есть и будет вечно живым огнем, закономерно воспламеняющимся и закономерно угасающим», — Ленин говорит: «Очень хорошее изложение начал диалектического материализма» (*Ленин*, «Философские тетради», стр. 318).

б) В противоположность идеализму, утверждающему, что реально существует лишь наше сознание, что материальный мир, бытие, природа существует лишь в нашем сознании, в наших ощущениях, представлениях, понятиях, — марксистский философский материализм исходит из того, что материя, природа, бытие

представляет объективную реальность, существующую вне и независимо от сознания, что материя первична, так как она является источником ощущений, представлений, сознания, а сознание вторично, производно, так как оно является отображением материи, отображением бытия, что мышление есть продукт материи, достигшей в своем развитии высокой степени совершенства, а именно — продукт мозга, а мозг — орган мышления, что нельзя поэтому отделять мышление от материи, не желая впасть в грубую ошибку.

«Высший вопрос всей философии, говорит Энгельс, есть вопрос об отношении мышления к бытию, духа к природе. ...Философы разделились на два больших лагеря сообразно тому, как отвечали они на этот вопрос. Те, которые утверждали, что дух существовал прежде природы... составили *идеалистический* лагерь. Те же, которые основным началом считали природу, примкнули к различным школам *материализма*» (К. Маркс, Избранные произведения, т. I, стр. 329).

И дальше:

«Вещественный, чувственно воспринимаемый мир, к которому принадлежим мы сами, есть единственный действительный мир... Наше сознание и мышление, каким бы сверхчувственным оно ни казалось, является продуктом вещественного, телесного органа, мозга. Материя не есть продукт духа, а дух сам есть лишь высший продукт материи» (там же, стр. 332).

Касаясь вопроса о материи и мышлении, Маркс говорит: «*Нельзя отделить мышление от материи, которая мыслит. Материя является субъектом всех изменений*» (там же, стр. 302).

Характеризуя марксистский философский материализм, Ленин говорит:

«Материализм вообще признает объективно реальное бытие (материю) независимое от сознания, от ощущения, от опыта... Сознание... есть только отражение бытия, в лучшем случае приблизительно верное (адекватное, идеально-точное) его отражение» (Ленин, т. XIII, стр. 266—267).

И дальше:

— «Материя есть то, что, действуя на наши органы чувств, производит ощущение; материя есть объективная реальность, данная нам в ощущении... Материя, природа, бытие, физическое есть первичное, а дух, сознание, ощущение, психическое — вторичное» (там же, стр. 119—120).

— «Картина мира есть картина того, как материя движется и как *«материя мыслит»*» (там же, стр. 288).

— «Мозг является органом мысли» (там же, стр. 125).

в) В противоположность идеализму, который оспаривает возможность познания мира и его закономерностей, не верит в достоверность наших знаний, не признает объективной истины, и счи-

тает, что мир полон «вещей в себе», которые не могут быть никогда познаны наукой, — марксистский философский материализм исходит из того, что мир и его закономерности вполне познаваемы, что наши знания о законах природы, проверенные опытом, практикой, являются достоверными знаниями, имеющими значение объективных истин, что нет в мире непознаваемых вещей, а есть только вещи, еще не познанные, которые будут раскрыты и познаны силами науки и практики.

Критикуя положение Канта и других идеалистов о непознаваемости мира и непознаваемых «вещах в себе» и отстаивая известное положение материализма о достоверности наших знаний, Энгельс пишет:

«Самое же решительное опровержение этих, как и всех прочих, философских вывертов заключается в практике, именно в эксперименте и в промышленности. Если мы можем доказать правильность нашего понимания данного явления природы тем, что мы сами его производим, вызываем его из его условий, заставляем его к тому же служить нашим целям, то кантовской неуловимой «вещи в себе» приходит конец. Химические вещества, образующиеся в телах животных и растений, оставались подобными «вещами в себе», пока органическая химия не стала готовить их одно за другим; тем самым «вещь в себе» превращалась в вещь для нас, как, например, ализарин, красящее вещество марены, которое мы теперь получаем не из корней марены, выращиваемой в поле, а гораздо дешевле и проще из каменноугольного дегтя. Солнечная система Коперника в течение трехсот лет оставалась гипотезой, в высшей степени вероятной, но все-таки гипотезой. Когда же Лавверье, на основании данных этой системы, не только доказал, что должна существовать еще одна, неизвестная до тех пор, планета, но и определил посредством вычисления место, занимаемое ею в небесном пространстве, и когда после этого Галле действительно нашел эту планету, система Коперника была доказана» (*К. Маркс*, Избранные произведения, т. I, стр. 330).

Обвиняя Богданова, Базарова, Юшкевича и других сторонников Маха в фидеизме (реакционная теория, дающая предпочтение вере перед наукой) и отстаивая известное положение материализма о том, что наши научные знания о закономерностях в природе являются достоверными, что законы науки представляют объективную истину, Ленин говорит:

«Современный фидеизм вовсе не отвергает науки; он отвергает только «чрезмерные претензии» науки, именно, претензию на объективную истину. Если существует объективная истина (как думают материалисты), если естествознание, отражая внешний мир в «опыте» человека, одно только способно давать нам объективную истину, то всякий фидеизм отвергается безусловно» (*Ленин*, т. XIII, стр. 102).

Таковы коротко характерные черты марксистского философского материализма.

Легко понять, какое громадное значение имеет распространение положений философского материализма на изучение общественной жизни, на изучение истории общества, какое громадное значение имеет применение этих положений к истории общества, к практической деятельности партии пролетариата.

Если связь явлений природы и взаимная их обусловленность представляют закономерности развития природы, то из этого вытекает, что связь и взаимная обусловленность явлений общественной жизни — представляют также не случайное дело, а закономерности развития общества.

Значит, общественная жизнь, история общества перестает быть скоплением «случайностей», ибо история общества становится закономерным развитием общества, а изучение истории общества превращается в науку.

Значит, практическая деятельность партии пролетариата должна основываться не на добрых пожеланиях «выдающихся лиц», не на требованиях «разума», «всеобщей морали» и т. п., а на закономерностях развития общества, на изучении этих закономерностей.

Дальше. Если мир познаваем и наши знания о законах развития природы являются достоверными знаниями, имеющими значение объективной истины, то из этого следует, что общественная жизнь, развитие общества — также познаваемо, а данные науки о законах развития общества, — являются достоверными данными, имеющими значение объективных истин.

Значит, наука об истории общества, несмотря на всю сложность явлений общественной жизни, может стать такой же точной наукой, как, скажем, биология, способной использовать законы развития общества для практического применения.

Значит, в своей практической деятельности партия пролетариата должна руководствоваться не какими-либо случайными мотивами, а законами развития общества, практическими выводами из этих законов.

Значит, социализм из мечты о лучшем будущем человечества превращается в науку.

Значит, связь науки и практической деятельности, связь теории и практики, их единство должно стать путеводной звездой партии пролетариата.

Дальше. Если природа, бытие, материальный мир является первичным, а сознание, мышление — вторичным, производным, если материальный мир представляет объективную реальность, существующую независимо от сознания людей, а сознание является отображением этой объективной реальности, то из этого следует, что материальная жизнь общества, его бытие также является

первичным, а его духовная жизнь — вторичным, производным, что материальная жизнь общества есть объективная реальность, существующая независимо от воли людей, а духовная жизнь общества есть отражение этой объективной реальности, отражение бытия.

Значит, источник формирования духовной жизни общества, источник происхождения общественных идей, общественных теорий, политических взглядов, политических учреждений нужно искать не в самих идеях, теориях, взглядах, политических учреждениях, а в условиях материальной жизни общества, в общественном бытии, отражением которого являются эти идеи, теории, взгляды и т. п.

Значит, если в различные периоды истории общества наблюдаются различные общественные идеи, теории, взгляды, политические учреждения, если при рабовладельческом строе встречаем одни общественные идеи, теории, взгляды, политические учреждения, при феодализме — другие, при капитализме — третьи, то это объясняется не «природой», не «свойством» самих идей, теорий, взглядов, политических учреждений, а различными условиями материальной жизни общества в различные периоды общественного развития.

Каково бытие общества, каковы условия материальной жизни общества, — таковы его идеи, теории, политические взгляды, политические учреждения.

В связи с этим Маркс говорит:

«Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание» (*К. Маркс, Избранные произведения, т. I, стр. 269*).

Значит, чтобы не ошибиться в политике и не попасть в положение пустых мечтателей, партия пролетариата должна исходить в своей деятельности не из отвлеченных «принципов человеческого разума», а из конкретных условий материальной жизни общества, как решающей силы общественного развития, не из добрых пожеланий «великих людей», а из реальных потребностей развития материальной жизни общества.

Падение утопистов, в том числе народников, анархистов, эсеров объясняется, между прочим, тем, что они не признавали первенствующей роли условий материальной жизни общества в развитии общества и, впадая в идеализм, строили свою практическую деятельность не на основе потребностей развития материальной жизни общества, а независимо от них и вопреки им, — строили на основе «идеальных планов» и «всеобъемлющих проектов», оторванных от реальной жизни общества.

Сила и жизненность марксизма-ленинизма состоит в том, что он опирается в своей практической деятельности именно на потребности развития материальной жизни общества, никогда не отрываясь от реальной жизни общества.

Из слов Маркса, однако, не следует, что общественные идеи, теории, политические взгляды, политические учреждения не имеют значения в жизни общества, что они не производят обратного воздействия на общественное бытие, на развитие материальных условий жизни общества. Мы говорили здесь пока-что о *происхождении* общественных идей, теорий, взглядов, политических учреждений, об их *возникновении*, о том, что духовная жизнь общества является отражением условий его материальной жизни. Что касается *значения* общественных идей, теорий, взглядов, политических учреждений, что касается их *роли* в истории, то исторический материализм не только не отрицает, а, наоборот, подчеркивает их серьезную роль и значение в жизни общества, в истории общества.

Общественные идеи и теории бывают различные. Есть старые идеи и теории, отжившие свой век и служащие интересам отживающих сил общества. Их значение состоит в том, что они тормозят развитие общества, его продвижение вперед. Бывают новые, передовые идеи и теории, служащие интересам передовых сил общества. Их значение состоит в том, что они облегчают развитие общества, его продвижение вперед, причем они приобретают тем большее значение, чем точнее они отражают потребности развития материальной жизни общества.

Новые общественные идеи и теории возникают лишь после того, как развитие материальной жизни общества поставило перед обществом новые задачи. Но после того, как они возникли, они становятся серьезнейшей силой, облегчающей разрешение новых задач, поставленных развитием материальной жизни общества, облегчающей продвижение общества вперед. Здесь именно и сказывается величайшее организующее, мобилизующее и преобразующее значение новых идей, новых теорий, новых политических взглядов, новых политических учреждений. Новые общественные идеи и теории потому собственно и возникают, что они необходимы для общества, что без их организующей, мобилизующей и преобразующей работы *невозможно* разрешение назревших задач развития материальной жизни общества. Возникнув на базе новых задач, поставленных развитием материальной жизни общества, новые общественные идеи и теории пробивают себе дорогу, становятся достоянием народных масс, мобилизуют их, организуют их против отживающих сил общества и облегчают, таким образом, свержение отживающих сил общества, тормозящих развитие материальной жизни общества.

Так общественные идеи, теории, политические учреждения, возникнув на базе назревших задач развития материальной жизни общества, развития общественного бытия, — сами воздействуют потом на общественное бытие, на материальную жизнь общества, создавая условия, необходимые для того, чтобы довести до конца

разрешение назревших задач материальной жизни общества и сделать возможным дальнейшее ее развитие.

В связи с этим Маркс говорит:

«Теория становится материальной силой, как только она овладевает массами» (*К. Маркс и Ф. Энгельс*, т. I, стр. 406).

Значит, чтобы иметь возможность воздействовать на условия материальной жизни общества и ускорить их развитие, ускорить их улучшение, партия пролетариата должна опереться на такую общественную теорию, на такую общественную идею, которая правильно отражает потребности развития материальной жизни общества и способна ввиду этого привести в движение широкие массы народа, способна мобилизовать их и организовать из них великую армию пролетарской партии, готовую разбить реакционные силы и проложить дорогу передовым силам общества.

Падение «экономистов» и меньшевиков объясняется, между прочим, тем, что они не признавали мобилизующей, организующей и преобразующей роли передовой теории, передовой идеи и, впадая в вульгарный материализм, сводили их роль почти к нулю, — следовательно, обрекали партию на пассивность, на прозябание.

Сила и жизненность марксизма-ленинизма состоит в том, что он опирается на передовую теорию, правильно отражающую потребности развития материальной жизни общества, поднимает теорию на подобающую ей высоту и считает своей обязанностью использовать до дна ее мобилизующую, организующую и преобразующую силу.

Так решает исторический материализм вопрос об отношении между общественным бытием и общественным сознанием, между условиями развития материальной жизни и развитием духовной жизни общества.

Остается выяснить вопрос: что следует понимать с точки зрения исторического материализма под «условиями материальной жизни общества», которые определяют в конечном счете физиономию общества, его идеи, взгляды, политические учреждения и т. д.

В самом деле, — что это за «условия материальной жизни общества», каковы их отличительные черты?

Несомненно, что в понятие «условия материальной жизни общества» входит, прежде всего, окружающая общество природа, географическая среда, которая является одним из необходимых и постоянных условий материальной жизни общества и, конечно, влияет на развитие общества. Какова роль географической среды в развитии общества? Не является ли географическая среда той главной силой, которая определяет физиономию общества, характер общественного строя людей, переход от одного строя к другому?

Исторический материализм отвечает на этот вопрос отрицательно.

Географическая среда, бесспорно, является одним из постоянных и необходимых условий развития общества и она, конечно, влияет на развитие общества, — она ускоряет или замедляет ход развития общества. Но ее влияние не является *определяющим* влиянием, так как изменения и развитие общества происходят несравненно быстрее, чем изменения и развитие географической среды. На протяжении трех тысяч лет в Европе успели смениться три разных общественных строя: первобытно-общинный строй, рабовладельческий строй, феодальный строй, а в восточной части Европы, в СССР сменились даже четыре общественных строя. Между тем за тот же период географические условия в Европе либо не изменились вовсе, либо изменились до того незначительно, что география отказывается даже говорить об этом. Оно и понятно. Для сколько-нибудь серьезных изменений географической среды требуются миллионы лет, тогда как даже для серьезнейших изменений общественного строя людей достаточно нескольких сотен или пары тысяч лет.

Но из этого следует, что географическая среда не может служить главной причиной, *определяющей* причиной общественного развития, ибо то, что остается почти неизменным в продолжение десятков тысяч лет, не может служить главной причиной развития того, что переживает коренные изменения в продолжение сотен лет.

Несомненно, далее, что рост народонаселения, та или иная плотность населения, также входит в понятие «условия материальной жизни общества», ибо люди составляют необходимый элемент условий материальной жизни общества, и без наличия известного минимума людей не может быть никакой материальной жизни общества. Не является ли рост народонаселения той главной силой, которая определяет характер общественного строя людей?

Исторический материализм отвечает на этот вопрос также отрицательно.

Конечно, рост народонаселения имеет влияние на развитие общества, облегчает или замедляет развитие общества, но он не может быть главной силой развития общества, и его влияние на развитие общества не может быть *определяющим* влиянием, так как сам по себе рост народонаселения не дает ключа для объяснения того, почему данный общественный строй сменяется именно таким-то новым строем, а не каким-нибудь другим, почему первобытно-общинный строй сменяется именно рабовладельческим строем, рабовладельческий строй — феодальным, феодальный — буржуазным, а не каким-либо другим строем.

Если бы рост народонаселения являлся определяющей силой общественного развития, более высокая плотность населения обязательно должна была бы вызвать к жизни соответственно более высокий тип общественного строя. На деле, однако, этого не наблюдается. Плотность населения в Китае в четыре раза выше, чем в США, однако США стоят выше с точки зрения общественного развития, чем Китай, ибо в Китае все еще господствует полуфеодалальный строй, тогда как США давно уже достигли высшей стадии развития капитализма. Плотность населения в Бельгии в 19 раз выше, чем в США, и в 26 раз выше, чем в СССР, однако США стоят выше Бельгии с точки зрения общественного развития, а от СССР Бельгия отстала на целую историческую эпоху, ибо в Бельгии господствует капиталистический строй, тогда как СССР уже покончил с капитализмом и установил у себя социалистический строй.

Но из этого следует, что рост народонаселения не является и не может являться главной силой развития общества, *определяющей* характер общественного строя, физиономию общества.

В чем же, в таком случае, состоит та главная сила в системе условий материальной жизни общества, которая определяет физиономию общества, характер общественного строя, развитие общества от одного строя к другому?

Такой силой исторический материализм считает *способ добы- вания средств к жизни*, необходимых для существования людей, *способ производства материальных благ* — пищи, одежды, обуви, жилища, топлива, орудий производства и т. п., необходимых для того, чтобы общество могло жить и развиваться.

Чтобы жить, нужно иметь пищу, одежду, обувь, жилище, топливо и т. п., чтобы иметь эти материальные блага, нужно производить их, а чтобы производить их, нужно иметь орудия производства, при помощи которых люди производят пищу, одежду, обувь, жилища, топливо и т. п., нужно уметь производить эти орудия, нужно уметь пользоваться этими орудиями.

Орудия производства, при помощи которых производятся материальные блага, *люди*, приводящие в движение орудия производства и осуществляющие производство материальных благ благодаря известному *производственному опыту и навыкам к труду*, — все эти элементы вместе составляют *производительные силы* общества.

Но производительные силы составляют лишь одну сторону производства, одну сторону способа производства, выражающую отношение людей к предметам и силам природы, используемым для производства материальных благ. Другую сторону производства, другую сторону способа производства составляют отношения людей друг к другу в процессе производства, *производ-*

ственные отношения людей. Люди ведут борьбу с природой и используют природу для производства материальных благ не изолированно друг от друга, не в качестве оторванных друг от друга одиночек, а сообща, группами, обществами. Поэтому производство есть всегда и при всех условиях *общественное* производство. Осуществляя производство материальных благ, люди устанавливают между собой те или иные взаимные отношения внутри производства, те или иные производственные отношения. Отношения эти могут быть отношениями сотрудничества и взаимной помощи свободных от эксплуатации людей, они могут быть отношениями господства и подчинения, они могут быть, наконец, переходными отношениями от одной формы производственных отношений к другой форме. Но какой бы характер ни носили производственные отношения, они составляют — всегда и при всех строях — такой же необходимый элемент производства, как и производительные силы общества.

«В производстве, говорит Маркс, люди воздействуют не только на природу, но и друг на друга. Они не могут производить, не соединяясь известным образом для совместной деятельности и для взаимного обмена своей деятельностью. Чтобы производить, люди вступают в определенные связи и отношения, и только через посредство этих общественных связей и отношений существует их отношение к природе, имеет место производство» (*К. Маркс и Ф. Энгельс*, т. V, стр. 429).

Следовательно, производство, способ производства охватывает как производительные силы общества, так и производственные отношения людей, являясь, таким образом, воплощением их единства в процессе производства материальных благ.

Одна из особенностей производства состоит в том, что оно никогда не застревает на долгий период на одной точке и находится всегда в состоянии изменения и развития, причем изменения в способе производства неизбежно вызывают изменение всего общественного строя, общественных идей, политических взглядов, политических учреждений, — вызывают перестройку всего общественного и политического уклада. На различных ступенях развития люди пользуются различными способами производства, или, говоря грубее, — ведут различный образ жизни. При первобытной общине существует один способ производства, при рабстве существует другой способ производства, при феодализме — третий способ производства и т. д. Сообразно с этим и общественный строй людей, их духовная жизнь, их взгляды, их политические учреждения — бывают различными.

Каков способ производства у общества, — таково в основном и само общество, таковы его идеи и теории, политические взгляды и учреждения.

Или, говоря грубее: каков образ жизни людей, — таков образ их мыслей.

Это означает, что история развития общества есть, прежде всего, история развития производства, история способов производства, сменяющих друг друга на протяжении веков, история развития производительных сил и производственных отношений людей.

Значит, история общественного развития есть вместе с тем история самих производителей материальных благ, история трудящихся масс, являющихся основными силами производственного процесса и осуществляющих производство материальных благ, необходимых для существования общества.

Значит, историческая наука, если она хочет быть действительной наукой, не может больше сводить историю общественного развития к действиям королей и полководцев, к действиям «завоевателей» и «покорителей» государств, а должна, прежде всего, заняться историей производителей материальных благ, историей трудящихся масс, историей народов.

Значит, ключ к изучению законов истории общества нужно искать не в головах людей, не во взглядах и идеях общества, а в способе производства, практикуемом обществом в каждый данный исторический период, — в экономике общества.

Значит, первой задачей исторической науки является изучение и раскрытие законов производства, законов развития производительных сил и производственных отношений, законов экономического развития общества.

Значит, партия пролетариата, если она хочет быть действительной партией, должна овладеть, прежде всего, знанием законов развития производства, знанием законов экономического развития общества.

Значит, чтобы не ошибиться в политике, партия пролетариата должна исходить как в построении своей программы, так и в своей практической деятельности, прежде всего, из законов развития производства, из законов экономического развития общества.

Вторая особенность производства состоит в том, что его изменения и развитие начинаются всегда с изменений и развития производительных сил, прежде всего — с изменений и развития орудий производства. Производительные силы являются, стало быть, наиболее подвижным и революционным элементом производства. Сначала изменяются и развиваются производительные силы общества, а потом, *в зависимости* от этих изменений и *соответственно с ними* — изменяются производственные отношения людей, экономические отношения людей. Это не значит, однако, что производственные отношения не влияют на развитие производительных сил и последние не зависят от первых. Развиваясь

в зависимости от развития производительных сил, производственные отношения в свою очередь воздействуют на развитие производительных сил, ускоряя его или замедляя. При этом необходимо отметить, что производственные отношения не могут слишком долго отставать от роста производительных сил и находиться с ним в противоречии, так как производительные силы могут развиваться в полной мере лишь в том случае, если производственные отношения соответствуют характеру, состоянию производительных сил и дают простор развитию производительных сил. Поэтому, как бы ни отставали производственные отношения от развития производительных сил, они должны — рано или поздно — прийти в соответствие — и действительно приходят в соответствие — с уровнем развития производительных сил, с характером производительных сил. В противном случае мы имели бы коренное нарушение единства производительных сил и производственных отношений в системе производства, разрыв производства в целом, кризис производства, разрушение производительных сил.

Примером несоответствия производственных отношений характеру производительных сил, примером конфликта между ними — являются экономические кризисы в капиталистических странах, где частнокапиталистическая собственность на средства производства находится в вопиющем несоответствии с общественным характером процесса производства, с характером производительных сил. Результатом этого несоответствия являются экономические кризисы, ведущие к разрушению производительных сил, причем само это несоответствие представляет экономическую основу социальной революции, назначение которой состоит в том, чтобы разрушить нынешние производственные отношения и создать новые, соответствующие характеру производительных сил.

И наоборот, примером полного соответствия производственных отношений характеру производительных сил является социалистическое народное хозяйство в СССР, где общественная собственность на средства производства находится в полном соответствии с общественным характером процесса производства и где ввиду этого нет ни экономических кризисов, ни разрушения производительных сил.

Следовательно, производительные силы являются не только наиболее подвижным и революционным элементом производства. Они являются вместе с тем определяющим элементом развития производства.

Каковы производительные силы, — таковыми должны быть и производственные отношения.

Если состояние производительных сил отвечает на вопрос о том, какими орудиями производства производят люди необходимые для них материальные блага, то состояние производ-

ственных отношений отвечает уже на другой вопрос: в чьем владении находятся *средства производства* (земля, леса, воды, недра, сырые материалы, орудия производства, производственные здания, средства сообщения и связи и т. п.), в чьем распоряжении находятся средства производства, в распоряжении всего общества, или в распоряжении отдельных лиц, групп, классов, использующих их для эксплуатации других лиц, групп, классов.

Вот схематическая картина развития производительных сил от древних времен до наших дней. Переход от грубых каменных орудий к луку и стрелам и в связи с этим переход от охотничьего образа жизни к приручению животных и первобытному скотоводству; переход от каменных орудий к металлическим орудиям (железный топор, соха с железным лемехом и т. п.) и, соответственно с этим, переход к возделыванию растений и к земледелию; дальнейшее улучшение металлических орудий обработки материалов, переход к кузнечному меху, переход к гончарному производству и, соответственно с этим, развитие ремесла, отделение ремесла от земледелия, развитие самостоятельного ремесленного и потом мануфактурного производства; переход от ремесленных орудий производства к машине и превращение ремесленно-мануфактурного производства в машинную промышленность; переход к системе машин и появление современной крупной механизированной промышленности, — такова общая, далеко неполная, картина развития производительных сил общества на протяжении истории человечества. При этом понятно, что развитие и улучшение орудий производства осуществлялось людьми, имеющими отношение к производству, а не независимо от людей, — следовательно, вместе с изменением и развитием орудий производства изменялись и развивались люди, как важнейший элемент производительных сил, изменялись и развивались их производственный опыт, их навыки к труду, их умение пользоваться орудиями производства.

В соответствии с изменением и развитием производительных сил общества на протяжении истории — изменялись и развивались производственные отношения людей, их экономические отношения.

Истории известны пять *основных* типов производственных отношений: первобытно-общинный, рабовладельческий, феодальный, капиталистический, социалистический.

При первобытно-общинном строе основой производственных отношений является общественная собственность на средства производства. Это в основном соответствует характеру производительных сил в этот период. Каменные орудия и появившиеся потом лук и стрелы исключали возможность борьбы с силами природы и хищными животными в одиночку. Чтобы собрать

плоды в лесу, наловить рыбу в боде, построить какое-либо жилище, люди вынуждены работать сообща, если они не хотят стать жертвой голодной смерти, хищных животных или соседних обществ. Общий труд ведет к общей собственности на средства производства, равно как на продукты производства. Здесь не имеют еще понятия о частной собственности на средства производства, если не считать личной собственности на некоторые орудия производства, являющиеся вместе с тем орудиями защиты от хищных зверей. Здесь нет эксплуатации, нет классов.

При рабовладельческом строе основой производственных отношений является собственность рабовладельца на средства производства, а также на работника производства — раба, которого может рабовладелец продать, купить, убить, как скотину. Такие производственные отношения в основном соответствуют состоянию производительных сил в этот период. Вместо каменных орудий теперь люди имели в своем распоряжении металлические орудия, вместо нищенского и примитивного охотничьего хозяйства, не знавшего ни скотоводства, ни земледелия, появились скотоводство, земледелие, ремесла, разделение труда между этими отраслями производства, появилась возможность обмена продуктов между отдельными лицами и обществами, возможность накопления богатства в руках немногих, действительное накопление средств производства в руках меньшинства, возможность подчинения большинства меньшинством и превращения членов большинства в рабов. Здесь нет уже общего и свободного труда всех членов общества в процессе производства, — здесь господствует принудительный труд рабов, эксплуатируемых нетрудящимися рабовладельцами. Нет поэтому и общей собственности на средства производства, равно как на продукты производства. Ее заменяет частная собственность. Здесь рабовладелец является первым и основным полноценным собственником.

Богатые и бедные, эксплуататоры и эксплуатируемые, полноправные и бесправные, жестокая классовая борьба между ними — такова картина рабовладельческого строя.

При феодальном строе основой производственных отношений является собственность феодала на средства производства и неполная собственность на работника производства, — крепостного, которого феодал уже не может убить, но которого он может продать, купить. Наряду с феодальной собственностью существует единоличная собственность крестьянина и ремесленника на орудия производства и на свое частное хозяйство, основанная на личном труде. Такие производственные отношения в основном соответствуют состоянию производительных сил в этот период. Дальнейшее улучшение плавки и обработки железа; распространение железного плуга и ткацкого станка; дальнейшее развитие земледелия, огородничества, виноделия, маслоделия; появление

наряду с ремесленными мастерскими мануфактурных предприятий, — таковы характерные черты состояния производительных сил.

Новые производительные силы требуют, чтобы у работника была какая-нибудь инициатива в производстве и склонность к труду, заинтересованность в труде. Поэтому феодал покидает раба, как не заинтересованного в труде и совершенно инициативного работника, и предпочитает иметь дело с крепостным, у которого есть свое хозяйство, свои орудия производства и который имеет некоторую заинтересованность в труде, необходимую для того, чтобы обрабатывать землю и выплачивать феодалу натурой из своего урожая.

Частная собственность получает здесь дальнейшее развитие. Эксплуатация почти такая же жестокая, как при рабстве. — она только несколько смягчена. Классовая борьба между эксплуататорами и эксплуатируемыми составляет основную черту феодального строя.

При капиталистическом строе основой производственных отношений является капиталистическая собственность на средства производства при отсутствии собственности на работников производства, — наемных рабочих, которых капиталист не может ни убить, ни продать, ибо они свободны от личной зависимости, но которые лишены средств производства и, чтобы не умереть с голоду, вынуждены продавать свою рабочую силу капиталисту и нести на шее ярмо эксплуатации. Наряду с капиталистической собственностью на средства производства существует и имеет на первое время широкое распространение частная собственность освобожденных от крепостной зависимости крестьянина и ремесленника на средства производства, основанная на личном труде. Вместо ремесленных мастерских и мануфактурных предприятий появились громадные фабрики и заводы, вооруженные машинами. Вместо дворянских поместий, обрабатываемых примитивными крестьянскими орудиями производства, появились крупные капиталистические экономии, ведущиеся на основе агротехники и снабженные сельскохозяйственными машинами.

Новые производительные силы требуют, чтобы работники производства были более культурными и понятливыми, чем забитые и темные крепостные, способными понять машину и правильно обращаться с ней. Поэтому капиталисты предпочитают иметь дело со свободными от крепостных уз наемными рабочими, достаточно культурными для того, чтобы правильно обращаться с машинами.

Но, развив до колоссальных размеров производительные силы, капитализм запутался в неразрешимых для него противоречиях. Производя все больше и больше товаров и снижая цены на товары,

капитализм обостряет конкуренцию, разоряет массу мелких и средних частных собственников, обращает их в пролетариев и понижает их покупательную способность, ввиду чего сбыт произведенных товаров становится невозможным. Расширяя же производство и собирая на громадных фабриках и заводах миллионы рабочих, капитализм придает процессу производства общественный характер и подрывает тем самым свою собственную базу, так как общественный характер процесса производства требует общественной собственности на средства производства, ввиду чего частнокапиталистическая, несовместимая с общественным характером процесса производства.

Эти непримиримые противоречия между характером производительных сил и производственными отношениями дают знать о себе в периодических кризисах перепроизводства, когда капиталисты, не находя платежеспособного спроса ввиду ими же учиненного разорения массы населения, вынуждены сжигать продукты, уничтожать готовые товары, приостанавливать производство, разрушать производительные силы, когда миллионы населения вынуждены терпеть безработицу и голод не из-за того, что товаров не хватает, а из-за того, что товаров произведено слишком много.

Это значит, что капиталистические производственные отношения перестали соответствовать состоянию производительных сил общества и стали в непримиримое противоречие с ними.

Это значит, что капитализм чреват революцией, призванной заменить нынешнюю капиталистическую собственность на средства производства социалистической собственностью.

Это значит, что острейшая классовая борьба между эксплуататорами и эксплуатируемыми составляет основную черту капиталистического строя.

При социалистическом строе, который осуществлен пока что только в СССР, основой производственных отношений является общественная собственность на средства производства. Здесь уже нет ни эксплуататоров, ни эксплуатируемых. Произведенные продукты распределяются по труду согласно принципа: «кто не работает, тот не ест». Взаимные отношения людей в процессе производства характеризуются здесь, как отношения товарищеского сотрудничества и социалистической взаимопомощи свободных от эксплуатации работников. Здесь производственные отношения находятся в полном соответствии с состоянием производительных сил, ибо общественный характер процесса производства подкрепляется общественной собственностью на средства производства.

Поэтому социалистическое производство в СССР не знает периодических кризисов перепроизводства и связанных с ними нелепостей.

Поэтому производительные силы развиваются здесь ускоренным темпом, так как соответствующие им производственные отношения дают им полный простор для такого развития.

Такова картина развития производственных отношений людей на протяжении истории человечества.

Такова зависимость развития производственных отношений от развития производительных сил общества, прежде всего — от развития орудий производства, в силу которой изменения и развитие производительных сил приводят рано или поздно к соответствующим изменениям и развитию производственных отношений.

«Употребление и создание средств труда¹, говорит Маркс, хотя и свойственные в зародышевой форме некоторым видам животных, составляют специфически характерную черту человеческого процесса труда, и потому Франклин определяет человека, как животное, делающее орудия. Таковую же важность, как строение останков костей имеет для изучения организации исчезнувших животных видов, останки средств труда имеют для изучения исчезнувших общественно-экономических формаций. Экономические эпохи различаются не тем, что производится, а тем, как производится... Средства труда не только мерило развития человеческой рабочей силы, но и показатель тех общественных отношений, при которых совершается труд» (*К. Маркс*, «Капитал», т. I, стр. 121, издание 1935 г.).

И дальше:

— «Общественные отношения тесно связаны с производительными силами. Приобретая новые производительные силы, люди изменяют свой способ производства, а с изменением способа производства, способа обеспечения своей жизни, — они изменяют все свои общественные отношения. Ручная мельница дает вам общество с сюзереном (феодалом. — *И. Ст.*) во главе, паровая мельница — общество с промышленным капиталистом» (*К. Маркс и Ф. Энгельс*, т. V, стр. 364).

— «Непрерывно совершается движение роста производительных сил, разрушение общественных отношений, возникновение идей, неподвижна лишь абстракция движения» (там же, стр. 364).

Характеризуя исторический материализм, формулированный в «Манифесте коммунистической партии», Энгельс говорит:

«Экономическое производство и неизбежно вытекающее из него строение общества любой исторической эпохи образуют основу ее политической и умственной истории... В соответствии с этим, со времени разложения первобытного общинного землевладения вся история была историей классовой борьбы, борьбы между эксплуатируемыми и эксплуатирующими, подчиненными

¹ Под «средствами труда» Маркс понимает главным образом орудия производства. *И. Ст.*

и господствующими классами на различных ступенях общественного развития... Теперь эта борьба достигла ступени, на которой эксплуатируемый и угнетенный класс (пролетариат) не может уже освободиться от эксплуатирующего и угнетающего его класса (буржуазии), не освобождая в то же время всего общества навсегда от эксплуатации, угнетения и классовой борьбы...» (Предисловие Энгельса к немецкому изданию «Манифеста»).

Третья особенность производства состоит в том, что возникновение новых производительных сил и соответствующих им производственных отношений происходит не отдельно от старого строя, не после исчезновения старого строя, а в недрах старого строя, происходит не в результате преднамеренной, сознательной деятельности людей, а стихийно, бессознательно, независимо от воли людей. Оно происходит стихийно и независимо от воли людей по двум причинам.

Во-первых, потому, что люди не свободны в выборе того или иного способа производства, ибо каждое новое поколение, вступая в жизнь, застаёт уже готовые производительные силы и производственные отношения, как результат работы прошлых поколений, ввиду чего оно должно принять на первое время все то, что застаёт в готовом виде в области производства, и приладиться к ним, чтобы получить возможность производить материальные блага.

Во-вторых, потому, что улучшая то или иное орудие производства, тот или иной элемент производительных сил, люди не сознают, не понимают и не задумываются над тем, к каким *общественным* результатам должны привести эти улучшения, а думают лишь о своих будничных интересах, о том, чтобы облегчить свой труд и добиться какой-либо непосредственной, осязательной выгоды для себя.

Когда некоторые члены первобытно-общинного общества постепенно и ощупью переходили от каменных орудий к железным орудиям, они, конечно, не знали и не задумывались над тем, к каким *общественным* результатам приведет это новшество, они не понимали и не сознавали того, что переход к металлическим орудиям означает переворот в производстве, что он приведет в конце концов к рабовладельческому строю, — они просто хотели облегчить свой труд и добиться ближайшей, осязаемой выгоды, — их сознательная деятельность ограничивалась узкими рамками этой будничной личной выгоды.

Когда в период феодального строя молодая буржуазия Европы рядом с мелкими цеховыми мастерскими стала строить крупные мануфактурные предприятия и двигала, таким образом, вперед производительные силы общества, она, конечно, не знала и не задумывалась над тем, к каким *общественным* последствиям приведет это новшество, она не сознавала и не понимала, что

это «маленькое» новшество приведет к такой перегруппировке общественных сил, которая должна кончиться революцией и против королевской власти, милости которой она так высоко ценила, и против дворян, в ряды которых нередко мечтали попасть ее лучшие представители, — она просто хотела удешевить производство товаров, выбросить побольше товаров на рынки Азии и только что открытой Америки и получить побольше прибыли, — ее сознательная деятельность ограничивалась узкими рамками этой будничной практики.

Когда русские капиталисты совместно с иностранными капиталистами усиленно насаждали в России современную крупную механизированную промышленность, оставляя царизм нетронутым и отдавая крестьян на съедение помещикам, они, конечно, не знали и не задумывались над тем, к каким общественным последствиям приведет этот серьезный рост производительных сил, они не сознавали и не понимали, что этот серьезный скачок в области производительных сил общества приведет к такой перегруппировке общественных сил, которая даст возможность пролетариату соединить с собой крестьянство и совершить победоносную социалистическую революцию, — они просто хотели расширить до крайности промышленное производство, овладеть колоссальным внутренним рынком, стать монополистами и выкачать из народного хозяйства побольше прибыли, — их сознательная деятельность не шла дальше их будничных узко-практических интересов.

В соответствии с этим Маркс говорит:

«В общественном производстве своей жизни (то-есть в производстве материальных благ, необходимых для жизни людей. — *И. Ст.*) люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие¹ отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил» (*К. Маркс, Избранные произведения, т. I, стр. 269*).

Это, однако, не значит, что изменения производственных отношений и переход от старых производственных отношений к новым протекает гладко, без конфликтов, без потрясений. Наоборот, такой переход происходит обычно путем революционного свержения старых производственных отношений и утверждения новых. До известного периода развитие производительных сил и изменения в области производственных отношений протекают стихийно, независимо от воли людей. Но это только до известного момента, до момента, пока возникшие и развивающиеся производительные силы успеют, как следует, созреть. После того, как новые производительные силы созрели, существующие

¹ Курсив мой. *И. Ст.*

производственные отношения и их носители — господствующие классы, превращаются в ту «непреодолимую» преграду, которую можно снять с дороги лишь путем сознательной деятельности новых классов, путем насильственных действий этих классов, путем революции. Здесь особенно ярко выступает *громадная роль* новых общественных идей, новых политических учреждений, новой политической власти, призванных упразднить силой старые производственные отношения. На основе конфликта между новыми производительными силами и старыми производственными отношениями, на основе новых экономических потребностей общества возникают новые общественные идеи, новые идеи организуют и мобилизуют массы, массы сплываются в новую политическую армию, создают новую революционную власть и используют ее для того, чтобы упразднить силой старые порядки в области производственных отношений и утвердить новые порядки. Стихийный процесс развития уступает место сознательной деятельности людей, мирное развитие — насильственному перевороту, эволюция — революций.

«Пролетариат, говорит Маркс, в борьбе против буржуазии непременно объединяется в класс... путем революции он превращает себя в господствующий класс и в качестве господствующего класса силой упраздняет старые производственные отношения» («Манифест коммунистической партии», издание 1938 г., стр. 52).

И дальше:

— «Пролетариат использует свое политическое господство для того, чтобы вырвать у буржуазии шаг за шагом весь капитал, централизовать все орудия производства в руках государства, т. е. пролетариата, организованного как господствующий класс, и возможно более быстро увеличить сумму производительных сил» (там же, стр. 50).

— «Насилие является повивальной бабкой всякого старого общества, когда оно беременно новым» (Маркс, «Капитал», т. I, стр. 603, 1935 г.).

Вот гениальная формулировка существа исторического материализма, данная Марксом в 1859 году в историческом «предисловии» к его знаменитой книге «К критике политической экономии»:

«В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обусловли-

вает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание. На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или — что является только юридическим выражением этого — с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке. При рассмотрении таких переворотов необходимо всегда отличать материальный, с естественно-научной точностью констатируемый переворот в экономических условиях производства от юридических, политических, религиозных, художественных или философских, короче: от идеологических форм, в которых люди сознают этот конфликт и борются с ним. Как об отдельном человеке нельзя судить на основании того, что сам он о себе думает, точно так же нельзя судить о подобной эпохе переворота по ее сознанию. Наоборот, это сознание надо объяснить из противоречий материальной жизни, из существующего конфликта между общественными производительными силами и производственными отношениями. Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые, высшие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в лоне самого старого общества. Поэтому человечество ставит себе всегда только такие задачи, которые оно может разрешить, так как при ближайшем рассмотрении всегда оказывается, что сама задача возникает лишь тогда, когда материальные условия ее решения уже существуют или, по крайней мере, находятся в процессе становления» (*К. Маркс*, Избранные произведения, т. I, стр. 269—270).

Так обстоит дело с марксистским материализмом, если взять его в применении к общественной жизни, в применении к истории общества.

Таковы основные черты диалектического и исторического материализма.

Впервые напечатано в «Кратком курсе истории ВКП(б)», Москва, 1938 г. Печатается по XI изд. «Вопросов ленинизма».

ВОСПОМИНАНИЯ О МАРКСЕ

I

В первый раз увидел я Карла Маркса в феврале 1865 г. Интернационал был основан 28 сентября 1864 г. на собрании в Сент-Мартинс Холле. Я приехал из Парижа, чтобы сообщить ему сведения об успехах, достигнутых там молодой организацией. Г-н Толэн — ныне сенатор буржуазной республики и один из ее представителей на берлинской конференции — дал мне рекомендательное письмо.

Мне было тогда 24 года; всю жизнь свою я не забуду того впечатления, которое произвела на меня эта первая встреча. Маркс тогда прихварывал и работал над первым томом «Капитала», который вышел только два года спустя, в 1867 г. Он опасался, что ему не придется довести до конца своей работы, и с удовольствием принимал молодых людей. Он говорил: «Я должен готовить людей, которые после меня будут продолжать коммунистическую пропаганду».

Карл Маркс — это один из редких людей, которые могли стоять на передовых позициях одновременно и в науке и в общественной деятельности; и то и другое так нераздельно слилось в нем воедино, что его невозможно понять, не видя в нем и ученого и борца за социализм. Хотя он и держался взгляда, что каждой наукой надо заниматься ради нее самой и что ни при каком научном исследовании не следует смущаться теми выводами, к которым оно может привести, все же он считал, что ученый, если сам он не хочет снизить свой уровень, никогда не должен прерывать своего активного участия в общественной жизни и не должен сидеть вечно взаперти в своем кабинете или в своей лаборатории, вроде крысы, забравшейся в сыр, не вмешиваясь в жизнь, в общественную и политическую борьбу своих современников.

«Наука совсем не эгоистическое удовольствие: те счастливицы, которые могут посвятить себя науке, сами первые должны отдавать свои знания на службу человечеству». «Работать для мира» было одним из его любимых выражений.

К коммунистическим убеждениям он пришел не путем сентиментальных размышлений, хотя он и глубоко сочувствовал страданиям рабочего класса, а путем изучения истории и политической экономии. Он утверждал, что всякий беспристрастный ум, свободный от влияния частных интересов и не ослепленный классовыми предрассудками, непременно должен прийти к тем же выводам. Но если он без предвзятого мнения изучал экономическое и политическое развитие человеческого общества, то писал он только с решительным намерением распространять результаты своих исследований и с твердым, определенным решением дать научную основу социалистическому движению, которое до него терялось в утопическом тумане. Он выступал публично с одной лишь целью — способствовать торжеству дела рабочего класса — класса, историческая задача которого — построить коммунизм, как только он возьмет в свои руки политическое и экономическое руководство обществом, подобно тому как в свое время у буржуазии, завоевавшей власть, была задача — разбить феодальные оковы, мешавшие развитию сельского хозяйства и промышленности, установить свободный обмен продуктов и свободу передвижения людей, свободу договора между предпринимателями и рабочими, централизовать средства производства и обмена и т. д., не замечая того, что она таким образом подготавливает материальные и интеллектуальные элементы для коммунистического общества будущего.

В своей деятельности Маркс не ограничивался страной, в которой он родился: «Я гражданин мира, — говорил он, — и действую там, где нахожусь». И действительно, во всех странах, куда забрасывали его события и политические преследования, — во Франции, Бельгии, Англии — он принимал выдающееся участие в революционных движениях, которые там развивались.

Но не в качестве неутомимого и несравненного социалистического агитатора, а как ученый предстал он впервые предо мною в той рабочей комнате на Мейтленд Парк Род, куда со всех сторон цивилизованного мира стекались партийные товарищи для того, чтобы узнать по разным вопросам мнение мастера социалистической мысли. Это — историческая комната, и надо ее знать, если хочешь понять интимную сторону духовной жизни Маркса. Она помещалась в первом этаже, и широкое окно, через которое в комнату попадала масса света, выходило в парк. По обе стороны камина и напротив окна, у стен стояли книжные шкафы, которые были полны книгами и до самого потолка загружены свертками газет и рукописей. Против камина и с одной стороны окна стояли два стола с бумагами, книгами и газетами; в середине комнаты, где было много света, стоял очень простой и небольшой рабочий стол (три фута в длину, два фута в ширину) и деревянное

кресло. Между креслом и книжным шкафом напротив окна стоял кожаный диван, на который Маркс время от времени ложился, чтобы отдохнуть. Книги лежали и на камине, тут же были сигары, спички, коробка с табаком, пресс-папье, фотографии его дочерей, его жены, Вильгельма Вольфа и Фридриха Энгельса. Маркс очень много курил. «Капитал» не вернет мне даже того, что стоили мне сигары, которые я выкурил, работая над ним», — сказал он мне. Но в еще большем количестве истреблял он спички; он так часто забывал о своей трубке или о сигаре, и ему так часто приходилось их зажигать, что коробки спичек опустошались с невероятной быстротой.

Маркс никому не позволял приводить в порядок, или, вернее, в беспорядок, свои книги и бумаги. Они только с виду были в беспорядке: все было, собственно говоря, на своем определенном месте, и он, не ища, немедленно брал книгу или тетрадь, которые ему были нужны. Даже во время беседы он часто оставался, чтобы показать в книге приведенную цитату или цифру. Он был одно целое со своей рабочей комнатой; находящиеся в ней книги и бумаги повиновались ему так же, как члены его собственного тела.

В расстановке книг Маркс не руководствовался внешней симметрией: книги различных форматов и брошюры стояли тесно друг подле друга; он расставлял книги не по формату, а по их содержанию. Книги для него были орудиями умственного труда, а не предметами роскоши. «Они мои рабы и должны служить мне, как я хочу». Он не обращал внимания на их формат, переплет, красоту бумаги или печати; он загибал углы, покрывал поля отметками карандашом и подчеркивал строки. Надписей он никаких не делал, но сплошь и рядом не мог воздержаться от вопросительных и восклицательных знаков, если автор писал ошибочные вещи. Система подчеркивания, которой он пользовался, позволяла ему очень легко находить в книге нужное место. У него была привычка после продолжительных перерывов перечитывать свои записные книжки и отмеченные в книгах места, для того чтобы закрепить их в своей памяти, которая отличалась исключительной остротой и точностью. Он изощрял ее с юных лет, выучивая, по совету Гегеля, наизусть стихи на незнакомом ему языке.

Маркс знал наизусть Гейне и Гете, которых он в разговоре часто цитировал; Маркс постоянно читал поэтов, выбирая их из всей европейской литературы; ежегодно прочитывал Эсхила в греческом оригинале; его и Шекспира он любил как двух величайших драматических гениев, которых породило человечество. Маркс специально изучал Шекспира, которого очень любил. Он знал его самых незначительных персонажей. В семье Маркса господствовал настоящий культ великого английского драма-

турга. Три дочери Маркса знали его наизусть. Когда после 1848 г. Маркс задумал усовершенствоваться в английском языке, на котором еще раньше умел читать, он стал собирать и приводить в систему все своеобразные шекспировские выражения; так же внимательно изучал он часть полемических произведений Вильяма Коббета, которого очень высоко ценил. Данте и Бернс были его любимейшими поэтами. Ему доставляло большое удовольствие, когда его дочери читали вслух сатиры или пели романсы шотландского поэта [Бернса].

Неутомимый труженик и великий ученый Кювье устроил в Парижском музее, директором которого он был, несколько рабочих комнат для своих личных занятий. Каждая комната предназначалась для особого рода работы; в каждой находились необходимые для этого книги, инструменты, анатомические препараты и т. п. Когда Кювье уставал от одного рода занятий, он переходил в соседнюю комнату и принимался за другое дело; в этом и состоял его отдых. Маркс был такой же неутомимый работник, но у него не было средств устраивать себе несколько рабочих кабинетов, как у Кювье. Отдыхом ему служило только шаганье взад и вперед по комнате: от дверей до окна была вытоптана на ковре полоска, которая резко выделялась, точно тропинка на лугу. По временам Маркс ложился на диван и читал роман, причем иногда начинал сразу несколько книг, читая их попеременно. Подобно Дарвину, он был большим любителем романов. Маркс любил преимущественно романы XVIII столетия и особенно Фильдинга; из позднейших писателей ему больше всего нравились Поль де Кок, Чарльз Ливер, Александр Дюма-отец и Вальтер Скотт, роман которого «Old Mortality» [«Пуритане»] он считал образцовым произведением. Он проявлял особенный интерес к рассказам, богатым приключениями и юмористическим элементом. Выше всех романистов ставил Сервантеса и Бальзака; в Дон-Кихоте он видел эпос вымирающего рыцарства, добродетели которого в только что народившемся мире буржуазии стали чудачествами и вызывали насмешки. Бальзака он ставил так высоко, что собирался написать критику его крупнейшего произведения «Человеческая комедия», как только окончит свое сочинение по политической экономии. Бальзак был не только историком общества своего времени, но также творчески предвосхитил те фигуры, которые при Людовике-Филиппе находились еще в зародышевом состоянии и только после смерти Бальзака, при Наполеоне III, достигли полного развития.

Маркс читал на всех европейских языках, а на трех — немецком, французском и английском — и писал так, что восхищал людей, знающих эти языки; он любил повторять фразу: «Чужой язык есть оружие в жизненной борьбе». Он обладал огром-

ным лингвистическим талантом, который унаследовали от него также его дочери. Когда Марксу было уже 50 лет, он принялся за изучение русского языка и, несмотря на трудность этого языка, овладел им через каких-нибудь шесть месяцев настолько, что мог с удовольствием читать русских поэтов и прозаиков, из которых особенно ценил Пушкина, Гоголя и Щедрина. За изучение русского языка Маркс принялся, чтобы иметь возможность читать документы официальных обследований, документы, опубликование которых, в виду содержащихся в них ужасных разоблачений, правительство запрещало. Преданные друзья доставляли их Марксу, и последний является, несомненно, единственным западноевропейским экономистом, который имел возможность ознакомиться с ними.

Наряду с поэтами и романистами у Маркса было еще замечательное средство для умственного отдыха: это была математика, к которой он имел особое пристрастие. Алгебра служила ему даже нравственным утешением: он прибегал к ней в самые мучительные минуты своей беспокойной жизни. Во время последней болезни жены он не мог продолжать обычных научных занятий; и в этом тяжелом состоянии он мог сколько-нибудь успокоиться только погружаясь в математику. В это время душевных страданий он написал работу по исчислению бесконечно-малых величин, которая, по отзывам видевших ее специалистов, имеет большое научное значение и будет опубликована в собрании его сочинений. В высшей математике он находил диалектическое движение в его наиболее логичной и в то же время простейшей форме. Он считал также, что наука только тогда достигает совершенства, когда ей удается пользоваться математикой.

Собственная библиотека Маркса, которую он тщательно собирал за долгое время своей исследовательской работы в течение всей своей жизни и которая содержала более тысячи томов, была для него недостаточна, и он в течение многих лет был усердным посетителем Британского музея, книгохранилище которого он ценил очень высоко. Даже противники его вынуждены были признать его обширные и глубокие познания не только по его специальности — политической экономии, но также и по истории, философии и литературе всех стран.

Хотя спать он ложился всегда очень поздно, но между семью и девятью часами утра всегда бывал уже на ногах, пил черный кофе, прочитывал газеты и шел затем в свою рабочую комнату, где и работал до двух или до трех часов ночи. Он делал перерывы только для еды и вечером, чтобы прогуляться в Хемстед Хис, если позволяла погода; днем час или два он спал на своем диване. В молодости у Маркса было обыкновение просиживать за работой целые ночи. Работа стала страстью Маркса; она поглощала его настолько, что за ней он часто забывал о еде.

Нередко приходилось звать его к обеду по несколько раз, пока он спускался, наконец, в столовую; и едва лишь он съедал последний кусок, как снова уже шел в свою комнату. Ел он очень мало и прямо-таки страдал отсутствием аппетита; он пытался с этим бороться, употребляя в пищу острые и соленые кушанья — ветчину, копченую рыбу, икру и маринады. Желудок должен был расплачиваться за колоссальную работу мозга. Весь свой организм приносил он в жертву своему мозгу: мышление было для него высшим наслаждением. Мне приходилось часто слышать, как он повторял слова Гегеля, учителя философии во время его юности: «Даже преступная мысль злодея величественнее и возвышеннее, чем чудеса неба».

Организм его должен был быть очень крепким, чтобы выносить такой необычный образ жизни и такую изнуряющую умственную работу. И, действительно, он был человеком крепкого сложения, роста выше среднего, широкоплечим, с хорошо развитой грудью, пропорционально сложен; пожалуй, только туловище было несколько длиннее, чем следует, по сравнению с ногами, как это часто встречается у еврейской расы. Если бы в молодости он много занимался гимнастикой, то стал бы очень сильным человеком. Единственное физическое упражнение, которым он занимался регулярно, была ходьба; целыми часами, беседуя и куря, он мог шагать или взбираться на холмы, не чувствуя ни малейшей усталости. Можно даже сказать, что в своем кабинете он работал на ходу; он присаживался лишь на короткие промежутки времени, чтобы записать то, что он обдумал во время ходьбы. Он очень любил беседовать рассказывая и лишь время от времени останавливался, когда речь становилась особенно оживленной или разговор становился серьезным.

В продолжение многих лет я сопровождал его на вечерних прогулках в Хемстед Хис; во время этих прогулок по лугам получил я от него свое экономическое воспитание. Может быть, даже сам того не замечая, он излагал мне, шаг за шагом, содержание всего первого тома «Капитала», по мере того как он тогда его писал. Всякий раз, возвратившись домой, я записывал, как мог, только что услышанное; сначала мне было очень трудно следовать за глубоким и сложным ходом мысли Маркса. К сожалению, эти драгоценные заметки не сохранились; после Коммуны мои бумаги в Париже и в Бордо были разграблены и сожжены полицией. Больше всего жалю я об утрате тех заметок, которые я сделал в тот вечер, когда Маркс изложил мне свою гениальную теорию развития человеческого общества с тем богатством доказательств и соображений, которое было свойственно только ему. Как будто завеса разорвалась перед моими глазами: в первый раз я ясно почувствовал логику всемирной истории и мог свести столь противоречивые по видимости явле-

ния развития общества и идей к их общим материальным причинам. Я был как будто ослеплен, и впечатление это оставалось во мне в течение долгих лет. Точно такое же действие произвело на мадридских социалистов, когда я, при всей недостаточности моих средств, изложил им эту теорию, величайшую из теорий, созданных Марксом, и, безусловно, одну из величайших теорий вообще до каких только доходил когда-либо человеческий ум.

Мозг Маркса был вооружен невероятным множеством фактов из области истории и естествознания, а также философских теорий и превосходно умел пользоваться всей массой знаний и наблюдений, накопленных в продолжение долгой умственной работы. Его можно было спрашивать когда угодно и о чем угодно, и всегда получался обстоятельный ответ, какого только можно было желать, и всегда он сопровождался философскими соображениями обобщающего характера. Мозг его был подобен военному кораблю, стоящему в гавани под парами; он был всегда готов отплыть в любом направлении мышления. Несомненно, «Капитал» обнаруживает перед нами ум изумительной силы и громадных знаний; но для меня, как и для всех, кто близко знал Маркса, ни «Капитал», ни какое другое из его сочинений не показывает всего величия его гения и его знаний. Он был гораздо выше своих произведений.

Мне привелось работать с Марксом; я был просто писцом, которому он диктовал, но мне при этом представлялся случай наблюдать его манеру мыслить и писать. Работа шла у него легко и в то же время все-таки не быстро: легко, потому что для любой темы немедленно же появлялась перед его духовным взором вся полнота относящихся к ней фактов и соображений; но благодаря как раз этой полноте исчерпывающее изложение его идей было трудным делом и требовало продолжительного времени.

Вико сказал: «Для бога, который все знает, всякая вещь есть только тело; для человека, который познает всего лишь внешнюю сторону явлений, вещь — это только поверхность». Маркс постигал вещи так, как это делал бог Вико. Он видел не только поверхность явлений, он проникал вовнутрь, он исследовал составные части в их взаимном действии и в их взаимном противодействии. Он выделял каждую из этих частей и прослеживал историю ее развития. Затем от вещи он переходил к окружающей ее среде и наблюдал действие последней на первую и обратно. Он возвращался опять к возникновению объекта, к его изменениям, эволюциям и революциям, которые этот последний претерпевал, и доходил, наконец, до самых отдаленных его действий. Он видел перед собой не отдельную вещь самое по себе, вне связи с окружающей ее средой, но весь сложный, находящийся в постоянном движении мир. И Маркс хотел изобразить всю жизнь

этого мира в его столь разнообразных и непрерывно меняющихся действиях и противодействиях. Беллетристы школы Флобера и Гонкура жалуются на то, как трудно точно передать то, что видишь. А ведь то, что они хотят изобразить, это только поверхность, о которой говорит Вико, воспринятое ими впечатление. Их литературная работа — детская игра по сравнению с работой Маркса. Требовалась необычайная сила мысли, чтобы так глубоко понять действительность, и требовалось не менее редкое искусство, чтобы передать то, что он видел и хотел сказать. Никогда он не был доволен своей работой, всегда он впоследствии делал в ней изменения и постоянно находил, что изложение не достигает той высоты, до которой доходит его мысль. Психологический этюд Бальзака «*Le chef-d'oeuvre inconnu*» [«Неведомое произведение искусства»], который Золя так жалко спланировал, производил на Маркса глубокое впечатление, потому что в нем описаны отчасти такие же чувства, которые он сам переживал. В этом рассказе гениальный живописец, стараясь изобразить вещи именно так, как они отражаются в его уме, долго бьется над своим произведением и постоянно отделяет его, пока, наконец, не превращает своей картины в какую-то бесформенную массу красок, которая его зачарованному взору кажется, однако, совершеннейшим воспроизведением действительности.

Маркс совмещал в себе оба качества, необходимые для гениального мыслителя. Разложить предмет на его составные части и затем восстановить его со всеми его деталями и различными формами развития и открыть внутреннюю их зависимость — это он делал мастерски. Его доказательства не были абстракциями, в чем его упрекали экономисты, не способные мыслить; его метод был не метод геометрии, которая, черпая свои определения из окружающего мира, при построении выводов совершенно отрешается от действительности. В «Капитале» мы находим не отдельные определения, не отдельные формулы, а ряд в высшей степени тонких анализов действительности, передающих самые легкие оттенки и малейшие различия. Маркс начинает с утверждения очевидного факта, что богатство общества, в котором господствует капиталистический способ производства, заключается в огромной массе товаров; товар — нечто конкретное, не какая-нибудь математическая абстракция — есть, таким образом, элемент, первичная клеточка капиталистического богатства. Маркс берется за этот товар; он переворачивает его на все стороны, выворачивает даже наизнанку и раскрывает одну за другой его тайны, существования которых представители официальной экономической науки даже не подозревали и которые, однако, многочисленнее и глубже, чем все таинства католической религии. Всесторонне исследовав вопрос о товаре, он рассматривает отношение одного товара к другому в обмене и затем переходит к их

производству и к историческим условиям развития их производства. Рассматривая формы проявления товара, Маркс показывает, как одна из них переходит в другую, как необходимым образом одна производит из себя другую. Логический ход развития явлений представлен так искусно и с таким совершенством, что может, пожалуй, показаться изобретением самого Маркса, и, тем не менее, все почерпнуто им лишь из действительности, все это представляет фактическую диалектику товара.

Маркс работал всегда с величайшей добросовестностью; любой факт, любая цифра, приводимые им, подтверждались ссылкой на самые лучшие авторитеты. Он не довольствовался сообщениями из вторых рук; он сам всегда добирался до источника, какие бы трудности это ни представляло; даже ради второстепенного факта он спешил в Британский музей, чтобы в его библиотеке проверить этот факт. Оппоненты никогда не были в состоянии обличить Маркса в опрометчивости, указать, что его доказательства построены на фактах, не выдерживающих строгой критики. Следуя этой привычке обращаться непосредственно к первоисточникам, он часто читал малоизвестных писателей, цитаты из которых встречаются у него одного. Подобных цитат в «Капитале» так много, что можно, пожалуй, заподозрить, не делал ли он их намеренно, чтобы похвастать своей начитанностью. Маркс, однако, имел в виду отнюдь не такую цель. «Я творю суд истории и воздаю каждому по его заслугам», — говорил он и считал своим долгом назвать имя каждого писателя, который впервые высказал ту или другую идею или выразил ее наиболее определенно, как бы незначителен или малоизвестен ни был этот писатель.

Его литературная совесть была столь же строга, как и его научная совесть. Он не только никогда не ссылался на факт, в котором не был вполне уверен, но и ни разу не позволял себе говорить о предмете, которого он предварительно не изучил основательно. Он не опубликовывал ничего до тех пор, пока не добивался тщательной обработкой и неоднократными переделками соответствующей формы. Ему была невыносима мысль появиться перед публикой с вещью, недоработанной до конца. Показывать свои рукописи, пока в них не закончено все до последней запятой, было для него чистым мучением. Так сильно было в нем это чувство, что он однажды сказал, что лучше сожжет свои рукописи, чем оставит их неоконченными.

Вряд ли читатель даже представляет себе все трудности, которые вытекали из его метода исследования. Так, чтобы написать в «Капитале» около двадцати страниц об английском рабочем законодательстве, он должен был проштудировать целую библиотеку Синих книг, содержащих доклады следственных комиссий и фабричных инспекторов Англии и Шотландии; он прочитал

их от начала до конца, как можно судить по многочисленным пометкам карандашом, встречающимся в них. Эти доклады он считал важнейшими и значительнейшими документами для изучения капиталистической формы производства и был такого высокого мнения о людях, которым поручено было их составление, что сомневался, удастся ли другим нациям Европы «найти таких же сведущих, беспристрастных и смелых людей, как фабричные инспектора Англии». Эту богатую дань их заслугам он воздает в предисловии к «Капиталу».

И этот богатый фактический материал Маркс почерпнул из тех самых Синих книг, которые многие члены обеих палат парламента, получавшие эти книги, умели употреблять только как мишень для стрельбы из пистолета, измеряя по числу страниц, пробитых пулей, силу удара оружия. Другие члены парламента продавали Синие книги на вес, и это было самое разумное, что они могли сделать; это как раз и дало возможность Марксу дешево покупать их у одного букиниста, к которому он заходил время от времени просматривать его книги и старые бумаги. Профессор Бизли заявил, что Маркс максимально использовал для науки Синие книги и, пожалуй, даже впервые познакомил с ними мир. Профессор Бизли, однако, не знал, что еще до 1845 г. Энгельс почерпнул из Синих книг много документов, которые он использовал в своей книге о положении рабочего класса в Англии.

II

Надо было видеть Маркса дома, в кругу семьи, когда он откладывал в сторону книги и тетради, или вечером по воскресеньям в компании друзей, чтобы разглядеть за обликом строгого ученого сердце этого ученого и полюбить его. В эти моменты он бывал самым приятным собеседником — остроумным, полным юмора, умевшим смеяться от всей души. Всякий раз, как кто-нибудь вставлял в разговор острое слово или ловко парирующий ответ, его черные глаза под нависшими густыми бровями искрились от веселости и насмешливой иронии.

Отец он был нежный, кроткий, снисходительный. «Дети должны воспитывать своих родителей», — говорил он обычно. Не было и тени отцовской власти в его отношениях к дочерям, которые были необыкновенно к нему привязаны. Он никогда ничего им не приказывал; если же хотел чего-нибудь от них, он их просил как об одолжении или уговаривал отказаться от того, что ему было нежелательно. И, тем не менее, редкому отцу удавалось добиться большего послушания. В глазах дочерей он был другом, и они обходились с ним, как с товарищем. Они называли его не отец, а «Мавр», — так в шутку прозвали Маркса за смуглый цвет лица и за черные, как смоль, волосы и бороду. А члены Союза ком-

мунистов еще до 1848 г. величали его «отец Маркс», хотя в то время ему не было еще и 30 лет.

Маркс проводил иногда целые часы в играх со своими детьми. Последние и до сих пор вспоминают о морских сражениях и пожарах целых флотилий бумажных корабликов, которые он сам для них сооружал, пускал в большом тазу с водой и затем поджигал к величайшей радости ребят. По воскресеньям дочери не позволяли ему работать, — он на весь день был в их распоряжении. Если погода была хорошая, все семейство предпринимало большую прогулку за город; по дороге заходили в простую корчму выпить имбирного пива и закусить хлебом и сыром. Когда дочери были еще маленькими, Маркс, чтобы укоротить длинный путь, рассказывал чудесные волшебные сказки, тянувшиеся без конца, — сам по дороге сочиняя их, растягивая или, наоборот, ускоряя события, смотря по длине оставшегося пути, и малыши, заслушавшись его, забывали о своей усталости. У Маркса была бесподобная поэтическая фантазия. Его первыми литературными опытами были стихи. Жена Маркса бережно хранила юношеские стихотворения своего мужа, но никому их не показывала. Родители Маркса мечтали для сына о литературной или профессорской карьере; по их мнению, он унизил себя тем, что отдался социалистической агитации и избрал своим предметом политическую экономию, к которой в тогдашней Германии относились еще с пренебрежением. Маркс обещал своим дочерям написать драму, сюжетом которой должна была служить история Гракхов. К сожалению, он не мог исполнить этого данного им обещания; а интересно было бы посмотреть, как тот, которого называли «рыцарем классовой борьбы», разработал бы этот трагичный и величественный эпизод из борьбы классов древнего мира. У Маркса было множество планов, которые остались неосуществленными. Он намеревался, между прочим, написать логику и историю философии, — последняя была его любимым занятием в юношеские годы. Сто лет надо было бы ему прожить, чтобы привести в исполнение свои литературные планы — одарить мир частью тех сокровищ, которые хранились в его голове.

Жена Маркса в течение всей его жизни была ему подругой в самом истинном и полном смысле этого слова. Оба знали друг друга еще детьми и выросли вместе. Марксу было не больше 17 лет, когда они обручились. Молодым людям пришлось ждать девять лет, пока они в 1843 г. обвенчались и с тех пор не разлучались уже ни разу. Жена Маркса скончалась, немного опередив мужа. Никто и никогда, пожалуй, не был в такой степени проникнут идеей равенства, как жена Маркса, хотя она родилась и получила воспитание в аристократической немецкой семье. Различий по общественному положению для нее не существовало. Рабочих в будничной рабочей одежде она приглашала садиться

дома за свой стол с такой внимательной предупредительностью, как будто это были князья или принцы. Многим рабочим всевозможных национальностей привелось самим испытать ее гостеприимство и радушие, и я уверен, — ни один из них даже не заподозрил, что эта женщина, с ее безыскусственной, искренней сердечностью в обращении, происходит по женской линии из рода герцогов Аргайльских, что ее брат был министром прусского короля. Она бросила все, чтобы следовать за своим Карлом, и никогда — даже в дни самой жестокой нужды — не раскаивалась в том, что сделала.

У нее был светлый, блестящий ум. Ее письма к друзьям, очевидно без всякого усилия с ее стороны, сами собой выливающиеся из-под пера, представляют действительно мастерские произведения живого и оригинального ума. Получить от жены Маркса письмо было праздником. Иоганн-Филипп Беккер опубликовал большую часть ее писем к друзьям. Неумолимый сатирик Гейне побаивался иронии Маркса и очень высоко ценил острый и тонкий ум его жены. Во время пребывания четы Марксов в Париже он был их постоянным гостем. Сам Маркс был настолько высокого мнения об уме и критических способностях своей жены, что (как я слышал от него в 1866 г.) давал ей на прочтение все свои рукописи и придавал большое значение ее суждениям. Она же переписывала его рукописи для печати.

У супругов Маркс было много детей. Трое из них умерли в самом раннем возрасте во время невзгод, которые пришлось испытать семье после революции 1848 г., когда они эмигрировали в Лондон и поселились там в двух маленьких комнатах на Динстрит, около Сого-сквера (площади). Из детей я знал только трех дочерей. Когда в 1865 г. я познакомился с Марксом, меньшая (Элеонора) была чудным ребенком, с замашками мальчика. Маркс уверял, что жена его ошиблась, произведя ее на свет девочкой. Две другие дочери представляли собой самую прелестную, восхищавшую всех гармоническую противоположность. Старшая (г-жа Лонг), подобно отцу, имела смуглый здоровый цвет лица и волосы цвета воронова крыла; другая — средняя (г-жа Лафарг) — походила на мать: это была румяная блондинка с пышными кудрявыми волосами, которые отливали золотом, как будто в них постоянно светилось заходящее солнце.

К семейству Маркса, кроме вышеупомянутых, нужно приписать еще одного члена, игравшего важную роль, — *Елену Демут*. Родом из крестьянской семьи, она совсем еще молоденькой, почти ребенком, попала к г-же Маркс в качестве прислуги еще задолго до ее замужества. Елена не оставила г-жи Маркс и после ее выхода замуж; она так сильно привязалась к семейству Маркса, что для них совершенно забыла о самой себе. Она сопровождала супругов во всех их поездках и раз-

деляла с ними их изгнание. Это был поистине добрый гений дома: она умела найтись в самую трудную минуту. Благодаря ее распорядительности, бережливости и ловкости семья никогда не нуждалась, по крайней мере в самом необходимом. Она все умела делать: стряпала, смотрела за хозяйством, одевала детей, кроила платье и шила их вместе с г-жей Маркс. В доме, находившемся на ее попечении, она была одновременно и хозяйкой и мажордомом. Дети любили ее, как мать, и в их глазах она пользовалась родительским авторитетом, потому, конечно, что относилась к ним с чисто материнской привязанностью. Г-жа Маркс видела в ней свою близкую подругу, и сам Карл Маркс был к ней расположен очень дружески; он любил играть с ней в шахматы, причем она нередко его обыгрывала. Привязанность Елены к семье Маркса была безграничной: что бы кто из них ни сделал, — все в ее глазах было прекрасно и не могло быть иным. Всякий, высказывавший осуждение Марксу, казалось, осуждал ее самое. Ко всем, кто пользовался сердечным расположением семьи, она относилась по-матерински, с чувством покровительственной нежности. Она как бы усыновила всех их — всю семью. Елена пережила Маркса и его жену; ту заботливость и привязанность, которые она дарила семье Маркса, она перенесла затем в дом Энгельса, с которым познакомилась еще в молодые годы.

Впрочем, и Энгельс тоже как бы состоял членом их семьи; дочери Маркса называли его своим вторым отцом, он был alter ego ¹ Маркса: долгое время в Германии их имена не разделялись, и на страницах истории они будут связаны навеки. Маркс и Энгельс осуществили в нашем веке тот идеал дружбы, который изобразали древние поэты. С юных лет они развивались вместе и, так сказать, параллельно, делились друг с другом самыми задушевными мыслями и чувствами, принимали участие в одной и той же революционной агитации и до тех пор работали совместно, пока могли быть вместе. Они бы всю жизнь, вероятно, проработали так вдвоем, если бы события не разлучили их почти на целых 20 лет. Когда революция 1848 г. была подавлена, Энгельсу пришлось отправиться в Манчестер, тогда как Маркс должен был остаться в Лондоне. Несмотря на это, они продолжали жить общей духовной жизнью: почти ежедневно переписывались они по поводу текущих политических событий или по вопросам науки, делились друг с другом собственными научными изысканиями. Как только Энгельсу представилась возможность освободиться от своей работы, он поспешил выбраться из Манчестера и переехал в Лондон, где поселился в десяти минутах ходьбы от своего дорогого Маркса. Начиная с 1870 г. и до самой смерти Маркса

¹ «Второе я». *Ред.*

не проходило дня, чтобы они не виделись, чтобы который-нибудь из друзей не навестил другого.

Когда Энгельс объявлял о своем приезде, это было торжеством для семьи Маркса. В ожидании его шли нескончаемые разговоры о нем, а в самый день приезда Маркс от нетерпения не мог работать. Подкрепляя свои силы табаком и вином, друзья просиживали вместе всю ночь, чтобы досыта наговориться обо всем, что произошло со дня их последнего свидания.

Мнением Энгельса Маркс дорожил больше, чем мнением кого бы то ни было, потому что Энгельс был как раз тем человеком, которого он считал способным быть его сотрудником. Вся публика сосредоточивалась для него в Энгельсе. Для того чтобы убедить в чем-нибудь Энгельса, чтобы заставить его признать какую-нибудь свою идею, Маркс не жалел никаких трудов. Мне, например, привелось видеть, как он перечитывал заново целые томы, чтобы отыскать факты, которые заставили бы Энгельса переменить мнение по какому-то — теперь не припомню — второстепенной важности вопросу из политической и религиозной войны альбигойцев. Заставить Энгельса согласиться со своим мнением — это было праздником для Маркса.

Маркс гордился своим другом. Он с особенным удовольствием раскрывал предо мною все нравственные и умственные достоинства Энгельса; чтобы познакомить меня с ним, он даже нарочно ездил со мной в Манчестер. Он приходил в восторг от необыкновенной разносторонности его научных познаний. Каждая мелочь, касавшаяся его друга, беспокоила его. «Я постоянно дрожу, — говорил мне Маркс, — при мысли, что с ним приключится какое-нибудь несчастье на охоте, когда он скачет по полям во весь опор, беря одно препятствие за другим».

Маркс был хорошим другом, так же как был нежным мужем и отцом; с другой стороны, в своих близких — жене, дочерях, Елене и Энгельсе — он нашел людей, вполне достойных любви такого человека, каким был он.

III

Маркс начал свою общественную деятельность одним из вождей радикальной буржуазии, но как только его оппозиция стала более резкой, он оказался покинутым, а когда он стал социалистом, прежние союзники объявили его своим врагом. Его травили, изгнали из Германии, опорочили и оклеветали и, наконец, организовали против него лично и против его трудов заговор молчания. Абсолютно игнорировали его «18 брюмера», работу, доказывающую, что из всех историков и общественных деятелей 1848 г. он один сумел понять причины и предугадать последствия государственного переворота 2 декабря 1851 г. Ни одна буржуаз-

ная газета не упомянула об этом труде, несмотря на то, что это был прямой ответ на злобу дня. Равным образом замолчали и «*Ницету философии*» — ответ на «*Философию ницеты*», так же как и «*К критике политической экономии*». Однако Интернационал и первый том «*Капитала*» разбили этот заговор молчания, продолжавшийся почти 15 лет. Игнорировать Маркса далее стало невозможно. Интернационал рос, и слава его дел наполнила весь мир. Хотя сам Маркс держался в тени, выдвигая вперед других, однако скоро ни для кого уже не было тайной, кто является режиссером. В Германии была основана социал-демократическая партия, выросшая в силу, за которой Бисмарк ухаживал, прежде чем решился обрушить на нее репрессии. Лассальянец Швейцер напечатал ряд статей, которые Маркс считал достойными внимания и которые знакомили рабочую публику с содержанием «*Капитала*». По предложению И.-Ф. Беккера, конгресс Интернационала принял резолюцию, в которой «*Капитал*» рекомендуется вниманию интернациональных социалистов как библия рабочего класса.

После восстания 18 марта 1871 г., в котором хотели видеть руку Интернационала, и после поражения Коммуны, защиту которой против клеветнического похода буржуазной прессы всех стран взял на себя Генеральный Совет Интернационала, имя Маркса стало всемирно известным. Маркс был теперь признан крупнейшим теоретиком научного социализма и организатором первого интернационального движения рабочих. «*Капитал*» стал учебником социалистов всех стран. Все социалистические и рабочие газеты популяризовали его научные теории, а в Америке во время одной вспыхнувшей в Нью-Йорке крупной забастовки выдержки из этой книги распространяли в форме прокламаций для призыва рабочих к стойкости и для доказательства справедливости их требований. «*Капитал*» был переведен почти на все европейские языки: на русский, французский, английский, а отрывки «*Капитала*» появились на немецком, итальянском, французском, испанском и голландском языках. И каждый раз, когда в Европе или Америке противники теории Маркса делали попытку опровергнуть его положения, экономисты немедленно находили социалистический ответ, который затыкал им рот. «*Капитал*» теперь действительно стал тем, чем его назвал конгресс Интернационала, именно библией рабочего класса.

Однако горячее участие, которое принимал Маркс в Интернационале и рабочем движении вообще, отнимало время от его научной деятельности, а смерть жены и старшей дочери, г-жи Лонгэ, отозвалась на этой деятельности прямо роковым образом.

Супругов Маркс тесно связывало чувство глубокой взаимной любви. Он любовался и гордился красотой жены. Она, с ее крот-

ким, мягким нравом, облегчала ему его жизнь революционного социалиста, беспокойную и неизбежно связанную с лишениями. Эти лишения уложили в гроб г-жу Маркс; они же сократили жизнь ее мужа. За время ее долгой мучительной болезни бессонные ночи, душевные волнения, недостаток движения и чистого воздуха истощили Маркса и нравственно и физически. Он вскоре схватил воспаление легких, которое чуть было не свело его в могилу.

Г-жа Маркс как жила, так и умерла верная своим убеждениям коммунистки и материалистки. Скончалась она в 1881 г. 2 декабря. Она не боялась смерти. Почувствовав ее приближение, она сказала мужу: «Карл, силы мои сломлены». Это были ее последние внятно произнесенные слова. Она была похоронена 5 декабря на Хайгейтском кладбище в отделении для «отверженных» — un consecrated ground (неосвященной земле). Следуя правилам, которых она держалась всю жизнь и которые разделял и Маркс, о дне погребения не разглашали; только немногие, самые близкие друзья проводили умершую на место ее последнего успокоения. Перед тем как разойтись, старинный друг Марксов, Энгельс, произнес над могилой следующую речь:

«Друзья мои! Женщина прекрасной души, которую мы сейчас схоронили, родилась в Зальцведеде в 1814 г. Отец ее барон фон Вестфален вскоре после ее рождения был переведен в Трир с чинном правительственного советника и очень подружился там с семейством Маркса. Дети росли вместе. Две высокоодаренные натуры сблизились. Когда Маркс поступил в университет, их судьба была уже решена. Свадьба состоялась в 1843 г., вскоре после запрещения «Рейнской Газеты», некоторое время редактировавшейся Марксом. С этих пор Женни Маркс не только разделяла судьбу мужа, но с полной сознательностью, с горячей преданностью участвовала в его научной и общественной борьбе.

«Молодая чета отправилась в Париж, в добровольное изгнание, которое очень быстро превратилось в настоящее изгнание: прусское правительство преследовало Маркса также и там. С сожалением должен я здесь отметить, что даже такой человек, как Александр Гумбольдт, приложил все старания, чтобы добиться приказа о высылке Маркса. Семья принуждена была уехать в Брюссель. Настала февральская революция. Во время волнений, возникших в связи с нею в Брюсселе, бельгийское правительство не только арестовало Маркса, но не церемонилось засадить в тюрьму и его жену без всякого к тому повода.

«Революционный подъем 1848 г. уже на следующий год сошел на-нет. Новое изгнание — сначала в Париж, затем в Лондон — вследствие преследования со стороны французского правительства. И на этот раз для Женни Маркс это было действительным

изгнанием со всеми его ужасами. Материальные лишения, из-за которых сошли в могилу двое ее мальчиков и девочка, — это она еще могла снести; но когда правительство в союзе с буржуазной оппозицией во всех ее фракциях, от либеральных до демократических, составило громадный заговор против ее мужа, когда они закидали Маркса самой подлой, самой гнусной клеветой, когда вся пресса оказалась для него закрытой и всякая возможность самозащиты была отрезана, когда он очутился вдруг безоружным пред лицом своих противников, которых он и она могли лишь презирать, — это нанесло ей глубокую рану. И это продолжалось очень долго.

«Но не бесконечно. Европейский пролетариат снова добился такого положения, что мог до известной степени самостоятельно действовать. Образовался Интернационал. Классовая борьба пролетариата перебрасывалась из страны в страну, а ее муж был самым передовым из передовых бойцов. Тогда наступила для нее пора, искупившая ее жестокие страдания. Она дожила до момента, когда все инсинуации, градом сыпавшиеся на голову Маркса, рассеялись, как мякина от ветра, когда его учение, которое все реакционные партии, от феодалов до демократов, старались всеми силами утаить, стало открыто проповедываться во всех цивилизованных странах и на всех культурных языках. Она дожила до того момента, когда пролетарское движение, с которым она срослась всем своим существом, уже потрясло до основания старый мир — от России до Америки и, несмотря ни на какое сопротивление, победоносно шло вперед.

«Одной из последних радостей, которые пришлось пережить Женни Маркс, было очевидное доказательство несокрушимой, железной силы, которую проявили немецкие рабочие во время последних выборов в рейхстаг.

«Что эта женщина, с ее острым, критическим умом, с ее политическим тактом, с ее энергией и пылкостью, была преданнейшим товарищем среди своих единомышленников в продолжение почти 40 лет, — об этом никто не говорил, об этом вы не найдете ни слова в летописях современной прессы; надо было самому быть свидетелем всего этого. Но я уверен, что ее будут часто вспоминать жены многих изгнанников, а тем более мы, ее друзья, будем чувствовать, как нам недостает ее смелых и разумных советов — смелых без хвастовства, благоразумных, и никогда не роняющих человеческого достоинства.

«Мне незачем говорить о ее личных качествах. Ее друзья знают ее и не забудут. Как раз именно она была такой женщиной, которая видела свое счастье в том, чтобы делать счастливыми других».

Со дня смерти жены жизнь Маркса была рядом физических и нравственных страданий, которые он переносил с твердостью

и которые еще обострились, когда год спустя внезапно умерла его старшая дочь, г-жа Лонгэ. Он был разбит и уже не поправлялся. Он умер за своим письменным столом 14 марта 1883 г. на шестьдесят шестом году жизни.

*Впервые напечатано на немецком языке
в журнале «Neue Zeit», 1890—1891 гг.,
часть 1-я. Перевод дается по тексту
«Neue Zeit».*

1. ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА С МАРКСОМ

Моя дружба с двумя старшими дочерьми Маркса, которые тогда были в возрасте 6 и 7 лет, началась несколько дней спустя после моего приезда в Лондон, куда я летом 1850 г. прибыл этапным порядком через Францию из Швейцарии, т. е. из одной из тюрем «свободной Швейцарии». Я встретил семью Маркса на летнем празднике Коммунистического просветительного рабочего союза — не помню, где именно, в Гринвиче ли или в Хэмптон Корте — в окрестностях Лондона. «Папаша Маркс», которого я увидел впервые, тотчас же устроил мне строгий экзамен, пристально посмотрел мне в глаза и подверг довольно обстоятельному исследованию мою голову. К этой операции меня уже приучил друг Густав Струве, который с особенным удовольствием избирал меня жертвой своих френологических занятий, так как упорно сомневался в моих «нравственных устоях». Впрочем, экзамен сошел благополучно, я выдержал взгляд человека с головою льва и иссиня-черной львиной гривой. Экзамен перешел в непринужденную беседу, и вскоре мы окунулись в оживленную сутолоку праздничного веселья — Маркс был при этом одним из самых оживленных, — здесь я тотчас же познакомился с г-жой Марке, с Ленхен, верной их помощницей с юных лет, и с детьми.

С того дня я стал в доме Маркса своим человеком и бывал у них в семье каждый день. Они жили тогда на Динстрите, на одной из боковых улиц Оксфордстрита, а я устроился по соседству, на Черчстрите.

Общение с этой семьей — в этом я твердо убежден — спасло меня от гибели в нищете эмиграции.

2. ПЕРВАЯ БЕСЕДА

Первая моя продолжительная беседа с Марксом состоялась на следующий день после нашей встречи на загородном празднике Коммунистического просветительного рабочего союза. Там, ко-

---

¹ Здесь печатаются отрывки из воспоминаний В. Либкнехта. Заглавия отрывков принадлежат редакции настоящего издания. *Ред.*

нечно, не было возможности подробно обо всем поговорить, и Маркс пригласил меня на следующий день в помещение Союза, куда, по словам Маркса, собирался притти и Энгельс. Я явился несколько ранее условленного часа; Маркса еще не было, я встретил нескольких старых знакомых и увлекся оживленной беседой с ними; в этот момент Маркс, хлопнув меня по плечу, очень приветливо со мной поздоровался, сказавши, что Энгельс в отдельной приемной, где нам будет спокойнее. Я не знал, что такое отдельная приемная, и заподозрил, что сейчас именно и начнется «главный» экзамен; однако я доверчиво последовал за Марксом. Маркс, который произвел на меня такое же симпатичное впечатление, как и накануне, обладал способностью внушать доверие. Подхватив меня под руку, он повел меня в отдельную приемную, т. е. в комнату хозяина — а, может быть, и хозяйки — помещения Союза. В этой комнате Энгельс, уже запасшийся кружкой темного пива, весело подшучивая, сразу взял меня в оборот. Мигом мы заказали Эми, проворной кельнерше, «матерьял» для выпивки, а также для еды, — у нас, эмигрантов, желудочный вопрос играл важную роль, — мигом появилось пиво, и мы уселись — я по одну сторону стола, а Маркс и Энгельс против меня. Массивный стол из красного дерева, блестящие оловянные кружки, пенящееся пиво, предвкушение настоящего английского бифштекса с гарниром, длинные глиняные трубки, так и манявшие закурить, — все это создавало такую уютную обстановку, что я невольно вспомнил картинку из английских иллюстраций к Диккенсу. Но все-таки это был экзамен! Ну, что ж, как-нибудь вылезу! Разговор оживлялся все больше. Я скоро понял, что мои экзаменаторы уже были обо мне информированы. Статья об *июньских событиях*, написанная мною летом 1848 г., под свежим впечатлением трагедии, ставшей поворотным пунктом всемирной истории, была знакома Марксу и Энгельсу и обратила их внимание на меня. До моей встречи с Энгельсом в Женеве, за год до этого, мне ни с ним, ни с Марксом не приходилось общаться лично. Из трудов Маркса я читал только его статьи в парижском «Ежегоднике» и «Нищету философии», а из сочинений Энгельса — «Положение рабочего класса в Англии»; «Коммунистический манифест» я, будучи коммунистом с 1846 г., достал лишь после кампании за имперскую конституцию, незадолго до моей встречи с Энгельсом, хотя я, конечно, слышал о Манифесте и раньше и знал его содержание. «Новую Рейнскую Газету» мне удавалось видеть лишь изредка; в течение 11 месяцев ее существования я находился либо за границей, либо в тюрьме, либо в хаотических условиях бурной жизни повстанца.

Оба мои экзаменатора подозревали меня в мелкобуржуазном «демократизме» и «южно-германской сентиментальности». Многие из моих суждений о людях и вещах подверглись очень резкой критике... Но в общем экзамен сошел благополучно, и раз-

говор постепенно перешел на более общие темы. Вскоре мы коснулись *естествознания*, и Маркс стал издеваться над победоносной реакцией в Европе, воображающей, что она сумела задушить революцию, и не подозревающей, что естествознание подготавливает новую революцию. Царствование его величества пара, перевернувшего мир в прошлом столетии, кончилось; на его место станет неизмеримо более революционная сила — *электрическая искра*. Тут Маркс с необычайным воодушевлением рассказал мне, что несколько дней назад на Риджентстрите была выставлена модель электрической машины, везущей железнодорожный поезд. «Теперь задача разрешена, и последствия этого факта не поддаются учету. Необходимым следствием экономической революции будет революция политическая, так как вторая является лишь выражением первой». В том, как Маркс говорил об этом достижении науки и механики, все его мировоззрение, особенно так называемое ныне *материалистическое понимание истории*, выступило с такой ясностью, что некоторые сомнения, еще оставшиеся у меня, рассеялись, как дым. В тот вечер я не попал домой, — мы говорили, смеялись и пили до самого утра, и солнце стояло уже высоко на небе, когда я улегся в постель. Но долго я не пролежал; я никак не мог уснуть. Голова была слишком полна всем тем, что я слышал; неугомонный рой мыслей выгнал меня опять на улицу. Я поспешил на Риджентстрит, чтобы посмотреть модель этого современного троянского коня, которого буржуазное общество в самоубийственном ослеплении, как некогда троянцы и троянки, ликуя вводило в свой Илион и который нес ему с собою верную гибель.

Густая толпа народа указала мне витрину, в которой выставлена была модель. Я протискался вперед, и действительно — за стеклом проворно бегал локомотив с вагонами.

Это было в 1850 г., в начале июля...

3. МАРКС — УЧИТЕЛЬ И ВОСПИТАТЕЛЬ РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ

Будучи старше нас всего на 5—6 лет, «Мавр» чувствовал за собой по отношению к нам, «молодежи», все преимущества зрелого возраста и пользовался каждым случаем, чтобы прощупать нас, в особенности меня. При его колоссальной начитанности и баснословной памяти ему ничего не стоило вогнать человека в пот. Как он тогда радовался, когда ему удавалось завлечь какого-нибудь «студентика» в незнакомую тому область и тут же, на нем — *in corpore vili* — доказать всю ничтожность наших университетов и академического образования.

Но он *вместе с тем воспитывал*, и воспитывал планомерно. О нем я могу сказать в двояком смысле, и в более узком, и в более широком, что он был моим учителем. И во все области при-

ходилось следовать за ним. О политической экономии я уж не говорю. В папском дворце не говорят о папе. О его лекциях по политической экономии в Союзе коммунистов я скажу ниже. Старые и новые языки он знал великолепно. Я был филологом, и он радовался, как ребенок, когда ему случалось показать мне у Аристотеля или Эсхила какое-нибудь трудное место, в котором я не мог разобраться сразу. Как он пробрал меня однажды за то, что я не знаю... *испанского языка!* Мигом извлек он из груды книг «Дон-Кихота» и тут же дал мне урок. Из дитцевской сравнительной грамматики романских языков я уже знал основы грамматики и структуры слов, и поэтому дело пошло довольно гладко под превосходным руководством Мавра и с его заботливой помощью в тех случаях, когда я сбивался или спотыкался. И как терпелив был он в преподавании — он, обычно такой бурно-нетерпеливый! Лишь вошедший посетитель положил конец нашему уроку. Каждый день Маркс проверял меня, и я должен был переводить ему что-нибудь из «Дон-Кихота» или другой испанской книги — до тех пор, пока мои знания не показались ему достаточными.

Маркс был замечательным знатоком языков — правда, больше новых, чем древних. Немецкую грамматику Гримма он знал во всех тонкостях, а в вышедших к тому времени томах немецкого словаря братьев Гримм разбирался лучше меня, филолога. По-английски и по-французски он писал, как англичанин и француз, — с произношением, правда, дело обстояло немножко хуже. Его статьи для «Нью-Йоркской Трибуны» написаны на классическом английском языке, его «Нищета философии», направленная против прудоновской «Философии нищеты», — на классическом французском; один из его друзей-французов, которому он дал просмотреть рукопись перед печатанием, внес в нее очень мало исправлений.

Так как Маркс понимал *существо* языка и занимался его происхождением, развитием и структурой, то изучение языков давалось ему легко. В Лондоне он изучал еще русский, а во время Крымской войны предполагал заняться арабским и турецким, что, однако, не состоялось. Как всякий, кто хочет действительно овладеть языком, он придавал главное значение чтению. У кого хорошая память, — а Маркс обладал редкой памятью, никогда ничего не упускавшей, — тот, много читая, быстро усваивает словесный материал и обороты речи данного языка. После этого практически овладеть языком уже не трудно.

В 1850 и 1851 гг. Маркс прочел *курс лекций по политической экономии*. Он очень неохотно пошел на это; но, прочтя сначала несколько частных лекций в тесном кругу друзей, он по нашему настоянию согласился, наконец, выступить перед более широкой аудиторией. В этих лекциях, которые всем, имевшим счастье их

прослушать, доставили огромное наслаждение, Маркс уже полностью развил в основных чертах свою систему, как она изложена в «Капитале». В переполненном зале Союза коммунистов или Коммунистического просветительного рабочего союза, помещавшегося в те времена еще на Уиндмилстрите, — в том же зале, где два с половиной года тому назад был принят «Коммунистический манифест», — Маркс обнаружил замечательный талант популяризатора. К *вульгаризации* науки, т. е. к извращению, опошлению, выхолащиванию ее, никто не относился с такой ненавистью, как Маркс, но никто кроме него и не обладал в такой степени способностью ясно выражаться. Ясность языка — результат ясного мышления, а ясная мысль неизбежно обуславливает ясную форму.

Маркс излагал предмет методично. Он выставлял определенное положение, формулируя его возможно более кратко, а затем разъяснял его подробно, старательно избегая всех непонятных рабочим выражений. После этого он предлагал слушателям задавать ему вопросы. Если вопросов не было, он начинал экзаменовать и делал это с таким педагогическим искусством, что от него не ускользал ни один пробел, ни одно недоразумение. Когда я высказал удивление по поводу этого искусства, мне сказали, что Маркс читал лекции по политической экономии еще в *Брюссельском* рабочем союзе. Во всяком случае он обладал всеми данными превосходного преподавателя. Во время занятий он прибегал также к помощи черной доски, на которой писал формулы, — между прочим, и формулы, всем нам известные с первых страниц «Капитала».

Чрезвычайно жаль, что курс его лекций продолжался только полгода или даже меньше. В Коммунистический союз проникли элементы, бывшие Марксу не по душе. После того как волна эмиграции спала, ряды Союза поредели и он принял несколько сектантский характер, — старые вейтлингианцы и кабетисты снова подняли голову; Маркс же, которого не удовлетворяло такое узкое поле деятельности и у которого были более неотложные дела, чем вымечание старого сора, не появлялся больше в Союзе...

4. СТИЛЬ МАРКСА

Существует мнение, что у Маркса *не было «стиля»* или был очень плохой стиль. Так говорят люди, не понимающие, что такое стиль, краснобаи и фразеры, которые не поняли и не способны понять Маркса, не способны следовать за полетом его мысли, подниматься вместе с ним на высочайшие вершины познания и страсти и опускаться в глубочайшую бездну человеческой нищеты и отверженности. Если когда-либо можно было применить к кому-нибудь слова Бюффона: *стиль, это — человек*, то именно к Марксу:

стиль Маркса, это — Маркс. Такой до мозга костей правдивый человек, который не знал другого культа, кроме культа истины, который в мгновение ока отбрасывал с трудом завоеванные, ставшие ему дорогими теории, лишь только он убеждался в их неправомерности, должен был и в своих произведениях проявить себя таким, каким он был. Неспособный к лицемерию, неспособный к притворству и позе, он всегда был *самим собой* в своих произведениях, так же как в своей жизни. Правда, у такой многосторонней, всеобъемлющей, многогранной природы и стиль не может быть таким ровным, единообразным или даже однообразным, как у менее сложных, менее широких натур. Маркс — в «Капитале», Маркс — в «18 брюмера» и Маркс — в «Господине Фогте» — три различных Маркса, и все-таки при всем различии этих произведений это *все тот же* Маркс; несмотря на их тройственность, они скреплены единством — единством большой личности, которая различно проявляет себя в разных областях и все же всегда остается одной и той же. Конечно, стиль «Капитала» труден, но разве легок излагаемый в нем предмет? Стиль не только человек, но и *материал*, — он должен приспособляться к материалу. There is no royal road to science — к науке нет торной дороги, тут каждый должен напрягаться и тянуться сам, даже когда его ведет наилучший проводник. Жаловаться на трудный, с трудом усваиваемый или даже тяжеловесный стиль «Капитала» — значит только обнаруживать собственную лень и неспособность к мышлению.

Можно ли сказать, что «18 брюмера» непонятно? Разве непонятна стрела, летящая прямо в цель и впивающаяся в тело? Разве непонятно копьё, пущенное уверенной рукой и поражающее врага в самое сердце? Слова «18 брюмера» — стрелы и копья; это — стиль, который клеймит и убивает. Если когда-либо ненависть, презрение, пламенная любовь к свободе нашли свое выражение в словах, которые жгут, уничтожают, призывают, то именно в «18 брюмера», где соединены суровое негодование Тацита с разящей насмешкой Ювенала и священным гневом Данте. Здесь стиль, это — *stilus*, т. е. то, чем он первоначально был в руках римлян, *острым стальным клинком*, которым пишат и *колют*. Стиль — кинжал, поражающий в самое сердце.

А звенящий юмор в «Господине Фогте»! Это напоминающее Шекспира веселье, вызванное тем, что найден Фальстаф, неисчерпаемый кладёзь, дающий в руки целый арсенал для насмешки!

Но довольно о стиле Маркса. Стиль Маркса — это и есть Маркс. Его упрекали в том, что он стремится уместить максимальное содержание на минимальном пространстве, но в этом именно и сказывается Маркс.

Маркс чрезвычайно ценил ясность и точность выражения. В лице Гёте, Лессинга, Шекспира, Данте, Сервантеса, которых

он читал чуть ли не ежедневно, он избрал себе непревзойденных мастеров. В отношении чистоты и точности языка он был щепетильно добросовестен. Помню еще, как он отчитал меня однажды в первое время моего пребывания в Лондоне за то, что я в одном документе написал *stattgehabe Versammlung* (имевшее место собрание). Я попробовал было оправдаться общеупотребительностью этого выражения, но тут Маркс разразился: «Презренные немецкие гимназии, в которых нельзя научиться немецкому языку! Презренные немецкие университеты!» и т. д. Я защищался, как мог, приводил в пример классиков, но никогда более не говорил «*stattgehabe*» или «*stattgefundene*» Ereignisse (имевшие место события), да и еще кое-кого отучил от этого.

Маркс был строгим пуристом; часто он старательно и долго подыскивал нужное выражение. Он не терпел злоупотребления иностранными словами, и если он все-таки часто их употреблял там, где предмет этого и не требовал, — то это следует отнести за счет его долгого пребывания за границей, главным образом в Англии и, что очень существенно, за счет того, что в немецком и английском языках имеется много выражений одного и того же происхождения, которые легко смешать. В «Капитале» Маркс говорит, например, о «*zusammengehuddledten*» людях; при этом он думал об английском «*huddle together*», что с немецким «*huden*» не имеет ничего общего, кроме первоначального происхождения, и означает: сгонять, смешивать в одну кучу. Зато какое богатство своеобразных, выдержанных в духе немецкого языка словообразований и соединений слов встречаем мы у Маркса, который имеет великие заслуги перед немецким языком и принадлежит к ряду крупнейших мастеров и творцов немецкой прозы, несмотря на то, что он две трети своей жизни провел за границей...

До какой степени Маркс чувствовал себя *учителем* по отношению к нам, «молодежи», проявлялось и в другом. Он был *очень* требователен. Когда он замечал какой-нибудь пробел в знаниях, он бурно настаивал на его восполнении, для чего давал все нужные советы. Оставаясь с нами наедине, он устраивал настоящие экзамены, и эти экзамены были не шуткой. Марксу нельзя было втереть очки. Если же он замечал, что все его усилия ни к чему не приводили, то и дружбе приходил конец. *Для нас было великой честью*, когда он нас «брал в работу». Ни одна из моих встреч с ним не прошла для меня без пользы. И если я в жестокой борьбе за существование, за то, чтобы сохранить себя физически, вернее, чтобы не погибнуть голодной смертью (ибо в Лондоне мы годами жили впроголодь), если я не погиб в этой отчаянной схватке за кусок хлеба или горсть картошки, то этим я обязан Марксу и его семье.

В те времена внутри самого рабочего класса лишь ничтожное меньшинство возвысилось до понимания социализма, а среди самих социалистов — социалисты в духе научного социализма Маркса,

в духе «Коммунистического манифеста», составляли только меньшинство. Основная масса рабочих, поскольку она вообще пробудилась к политической жизни, была одурманена сентиментально-демократическими устремлениями и фразами, столь характерными для движения 1848 г. с его прологом и эпилогом. Одобрение толпы, т. е. «популярность», было для Маркса доказательством того, что человек попал на ложный путь, и его любимым девизом были гордые слова Данте:

«Segui il tuo corso e lascia dir le genti».

«Следуй своей дорогой, и пусть люди говорят что им угодно».

Как часто цитировал он этот стих, которым заканчивается и его предисловие к «Капиталу»!..

Если он ненавидел популярность, то погоня за популярностью вызывала в нем глубочайшее негодование. К красноречию он испытывал омерзение, и горе тому, кто в его присутствии отделивался фразами. Тут он был неумолим. «Фразер» было в его устах самым бранным словом, и в ком он однажды узнавал фразера, с тем он порывал навсегда. Мыслить логически и ясно выражать свою мысль — вот что постоянно внушал он нам, «молодежи», и заставлял нас учиться.

К тому времени была построена великолепная читальня Британского музея с ее неисчерпаемыми книжными сокровищами, и туда-то, где сам он проводил целые дни, Маркс гнал и нас. *Учитесь! Учитесь!* Таков был категорический императив, которым он часто подбадривал нас, но который прежде всего был олицетворен в его примере и даже в одном лишь зрелище этой постоянной могучей работы великого ума.

В то время как остальные эмигранты строили планы мирового переворота и изо дня в день опьяняли себя, как гашишем, фразой «завтра начнется!» — мы, «серная банда», «бандиты», «подонки человечества»¹, сидели в Британском музее, стараясь набраться знаний и подготовить оружие для будущих боев.

Иной раз нечего было перекусить, но это не препятствовало нам идти в музей; там ведь были удобные стулья, а зимой было уютно и тепло, не так, как дома, — если у кого вообще существовал «дом» или «домашний очаг».

Маркс был строгим учителем; он не только заставлял учиться, но и проверял, действительно ли мы учились...

Марке как учитель обладал редким качеством: он умел быть строгим, не обескураживая.

И еще одно замечательное качество было у Маркса как учителя: он принуждал нас к *самокритике*, не допуская, чтобы мы почивали на лаврах. Идиллическую созерцательность он жестоко хлестал бичом своей насмешки...

¹ В таких выражениях Карл Фогт — агент Наполеона III — писал о Марксе и сторонниках марксизма. *Ред.*

Б. МАРКС КАК ПОЛИТИК, УЧЕНЫЙ И ЧЕЛОВЕК

Политика была для Маркса наукой. Политических болтунов и политическую болтовню он смертельно ненавидел. И действительно, можно ли представить себе что-либо более несуразное? История является продуктом всех сил, действующих в природе и людях, а также продуктом человеческого мышления, человеческих страстей, человеческих потребностей. Политика же, как *теория*, есть *познание* этих миллионов и миллиардов «ткущих на станке времени» факторов, а как *практика* — обусловленное этим познанием *действие*. Политика есть, таким образом, *наука* и притом *прикладная*...

Маркс приходил в ярость, когда говорил о пустомелях, которые несколькими шаблонными фразами разделяются с любым вопросом и, принимая за факты свои более или менее путанные желания и представления, сидя за ресторанными столиками, в редакциях газет или на народных собраниях и в парламентах, вершат судьбы мира, который, к счастью, несколько с ними не считается. Среди таких пустомелей оказывались иногда очень знаменитые, превозносимые до небес «великие люди».

И тут Маркс не только критиковал, но и являл в своем лице высокий пример, давая в своих работах о новейшем развитии Франции и наполеоновском государственном перевороте, а также в своих статьях для «Нью-Йоркской Трибуны» классические образцы освещения политической истории.

Приведу сравнение, которое невольно приходит мне в голову. Государственный переворот Бонапарта, о котором Маркс говорит в своем «18 брюмера», послужил также темой для одного прославленного произведения *Виктора Гюго*, величайшего из французских романтиков и художников слова. Но какой контраст между двумя этими произведениями и двумя авторами! Там — гиперболическая фраза и фразерская гипербола, здесь — методично подобранные факты, хладнокровно их взвешивающий деятель науки и политик — гневный, но в гневе своем не теряющий ясности суждения. Там — мимолетный, переливчатый блеск пены, вспышки патетической риторики, причудливые карикатуры. Здесь каждое слово — метко пущенная стрела, каждая фраза — убедительное, подкрепленное фактами обвинение, обнаженная правда, непререкаемая в своей наготе, — не негодование, а лишь закрепление, пригвождение того, что есть. «Napoléon le Petit» («Наполеон Малый») Виктора Гюго выдержал одно за другим десять изданий и ныне *забыт*. «18 брюмера» Маркса с восхищением будут читать и через тысячи лет. «Наполеон Малый» Виктора Гюго — пасквиль, «18 брюмера» Маркса — исторический труд, который для будущего историка культуры, — а в будущем не будет иной истории человечества, кроме истории культуры, — будет так же не-

обходим, как для нас «История пелопоннесской войны» Фукидида.

Как я уже говорил в другом месте, Маркс мог стать тем, кем он был, только в *Англии*. В такой экономически отсталой стране, какой была Германия еще до середины этого столетия, Маркс так же не мог бы притти к своей критике буржуазной экономики и к постижению капиталистического процесса производства, как не могли существовать в этой экономически отсталой Германии политические учреждения экономически развитой Англии. Маркс зависел от своей среды и от условий, в которых он жил, не меньше всякого другого человека; без этой среды и этих условий он не стал бы таким, каков он есть. Это он сам доказал лучше, чем кто бы то ни было.

Наблюдать такой ум, следить за тем, как он испытывает на себе действие окружающих условий и все глубже и глубже постигает природу общества, — уже одно это доставляет величайшее духовное наслаждение, и я никогда не смогу достаточно глубоко оценить выпавшее на мою долю счастье, которое привело меня, молодого, неопытного, любознательного юнца, к Марксу, под его влияние, в его школу.

При многосторонности, — я сказал бы даже — всесторонности этого универсального ума, т. е. ума, охватывающего всю вселенную, проникающего во все существенные детали, ничем не пренебрегающего и ничего не считающего несущественным или незначительным, — обучение, которое давал Маркс, также должно было быть многосторонним.

Маркс был одним из первых, кто понял все значение исследований *Дарвина*. Еще до 1859 г., — года появления в свет «*Origin of Species*», «Происхождения видов» (по удивительному совпадению 1859 год был и годом опубликования «К критике политической экономии»), — Маркс оценил огромное значение Дарвина, который вдали от шума и сутолоки большого города, в своем мирном имении, подготавливал революцию, сходную с той, какую *сам Маркс* готовил в многошумном центре мира, — с той только разницей, что там рычаг был приложен к другой точке.

Особенно в области естествознания — включая физику и химию — и истории Маркс следил за каждым новым явлением, отмечал каждый новый успех. Имена Молешотта, Либиха, Гексли («Популярные лекции» которого мы добросовестно посещали) повторялись в нашем кругу так же часто, как имена Рикардо, Адама Смита, Мак-Келлоха и шотландских и итальянских экономистов. Когда Дарвин, сделав выводы из своих исследований, представил их на суд общественности, мы целыми месяцами не говорили ни о чем другом, кроме Дарвина и революционной силе его научных открытий.

Я останавливаюсь на этом потому, что наши «радикальные» враги распустили слух, будто Маркс, из своего рода ревности,

очень неохотно и в очень ограниченной мере признавал заслуги Дарвина.

Маркс был самым великодушным и справедливым из людей, когда требовалось оценить чужие заслуги. Он был слишком велик, чтобы завидовать и ревновать, слишком велик, чтобы быть тщеславным. Фальшивое же величие, поддельную славу, которой щеголяют бездарность и пошлость, он ненавидел смертельно, как всякую фальшь и ложь.

Среди всех известных мне людей Маркс был одним из немногих совершенно свободным от всякого тщеславия. Он был слишком велик и слишком уверен в своих силах — да, пожалуй, и слишком горд для тщеславия. Он никогда не становился в позу и был всегда самим собой. Он, как дитя, был неспособен носить маску и притворяться. За исключением необходимости, продиктованной общественными или политическими причинами, он полностью и открыто высказывал свои мысли и чувства, отражавшиеся и на его лице. Когда же нужна была скрытность, он, я бы сказал, вел себя так по-детски беспомощно, что нередко смешил своих друзей.

Никогда не было человека более правдивого, чем Маркс; он был воплощением правдивости. Стоило взглянуть на него, чтобы тотчас же понять, с кем имеешь дело. В нашем «цивилизованном» обществе с его перманентным состоянием войны не всегда, конечно, можно высказать правду, — это значило бы отдаться в руки врага или поставить себя вне общества. Но если не всегда можно сказать правду, то отсюда еще не следует, что нужно лгать. Я не всегда могу сказать то, что чувствую и думаю, но это не значит, что мне нужно или следует говорить то, чего я *не* чувствую и *не* думаю. Первое — это благоразумие, второе — лицемерие. Маркс никогда не лицемерил. Он был просто неспособен на это, так же как неспособен на это неиспорченный ребенок. «Мой большой ребенок», — часто называла его жена, а лучше *ее* никто не понимал и не знал Маркса, даже Энгельс. И действительно, бывая в обществе (в кавычках), в котором придавалось значение внешним манерам и приходилось соблюдать различные условности, наш «Мавр» в самом деле становился большим ребенком и мог смущаться и краснеть, как *маленький* ребенок.

К актерствующим людям он питал отвращение. Я вспоминаю, как он, смеясь, рассказывал нам о своей первой встрече с *Луи Бланом*. Это было еще на Динстрите, в маленькой квартирке, состоявшей собственно только из двух комнат, из которых первая служила гостиной и рабочим кабинетом, а вторая — для всего остального. Навстречу Луи Блану вышла Ленхен, проводившая его в первую комнату, между тем как во второй Маркс спешно переодевался; смежная дверь осталась приоткрытой, и через щель Маркс наблюдал забавную сценку. Великий историк и по-

литик был очень мал ростом, не выше восьмилетнего мальчика, но при этом невероятно самовлюблен. Оглядевшись в гостининой пролетарского вида, он нашел в одном углу крайне примитивное зеркало, перед которым тотчас же расположился, стал в позу и, вытянувшись во весь свой карликовый рост (сапоги у него были с такими высокими каблуками, каких я в жизни больше не видел), с удовольствием рассматривал себя в зеркале, прихорашиваясь, как влюбленный мартовский кот, и стараясь придать себе возможно более внушительный вид. Г-жа Маркс, также бывшая свидетельницей этой комической сценки, с трудом удерживалась от смеха. Переодевшись, Маркс громко кашлянул, чтобы предупредить о своем приходе, так что фатоватый трибун, отступив от зеркала, получил возможность приветствовать входящего изящным поклоном. Но, конечно, позами и актерством на Маркса нельзя было подействовать, и вскоре «маленький Луи», — как называли его, в противоположность Луи Бонапарту, парижские рабочие, — стал вести себя настолько естественно, насколько вообще был на это еще способен...

Чтобы убедиться, что большинство людей разыгрывает какую-то надуманную роль, достаточно взглянуть на *фотографические снимки*...

Мне не известен ни один плохой снимок Маркса. На всех он изображен верно, потому что сам всегда держался естественно, просто. Черты, характерные для Маркса как человека, не всегда одинаково четко выражены на снимках; плохое физическое или духовное самочувствие или недомогание, преобладание одной мысли или одного чувства может придать лицу не совсем обычное для него выражение. И хотя *все* портреты Маркса хороши, — по-моему наилучший из них тот, который имеется в прекрасной репродукции в этом томе.

6. МАРКС ЗА РАБОТОЙ

«Гений, это — прилежание», сказал кто-то; если это и не совсем так, то во всяком случае в значительной степени верно.

Не может быть гения без исключительной творческой энергии и исключительной трудоспособности. Так называемый гений, которому чуждо и то и другое, — это лишь яркий мыльный пузырь или вексель на будущие сокровища где-то на луне. Но там, где налицо из ряда вон выходящие трудоспособность и творческая энергия, там и гений. Я встречал многих, считавших себя, а подчас принимавшихся и другими за гениев, но им недоставало трудоспособности, — они были всего лишь бездельниками с большим талантом саморекламы. Все действительно крупные люди, которых мне довелось узнать, были очень прилежны и усердно трудились. Это в полной мере относится к Марксу. Он работал необычайно много, а так как днем — в особенности в

первое время его эмигрантской жизни — ему часто мешали, то он стал работать по ночам. Когда мы поздно вечером возвращались домой с какого-нибудь заседания или собрания, он обыкновенно садился еще за работу на несколько часов. Эти несколько часов растягивались все больше, пока, наконец, он не стал работать почти всю ночь напролет, а утром ложился спать. Его жена не раз серьезно выговаривала ему за это, но он, смеясь, отвечал, что это вполне соответствует его натуре. Я лично еще в гимназии привык самую трудную работу откладывать на вечер или на ночь, когда чувствовал наибольший подъем умственной деятельности, поэтому я смотрел на это иначе, чем г-жа Маркс. Но права была она. Несмотря на свой чрезвычайно сильный организм, Маркс уже в конце пятидесятых годов начал жаловаться на всякого рода физические недомогания. Пришлось обратиться к врачу. В результате последовало категорическое *запрещение работать по ночам* и было предписано *much exercise*, т. е. как можно больше движения: прогулки пешком и верхом. В те времена мы с Марксом много бродили по окрестностям Лондона, преимущественно в холмистой северной части. Вскоре Маркс снова окреп; его организм был действительно как бы создан для большого напряжения. Но едва он почувствовал себя выздоровевшим, как постепенно снова втянулся в привычку работать по ночам, пока опять не наступил кризис, принудивший его к разумному образу жизни, — однако опять лишь до тех пор, пока это повелительно требовалось его состоянием. Кризисы все обострялись, развилась болезнь печени, появились злокачественные нарывы, — и постепенно железный организм был подточен. Я убежден, — и таково же мнение лечивших его под конец врачей, — что если бы Маркс мог разрешить себе вести жизнь, соответствующую его природе, т. е. требованиям его организма, или, скажем, соответствующую требованиям гигиены, он жил бы еще и поныне. Лишь в последние годы, когда было уже слишком поздно, он отказался от работы по ночам. Зато тем больше он стал работать днем. Он работал постоянно, работал всегда, когда только представлялась малейшая возможность. Даже на прогулки он брал с собой свою записную книжку и поминутно делал в ней пометки. И его работа никогда не бывала поверхностной. Работа работе рознь. Он работал всегда интенсивно, всегда с величайшей основательностью. Его дочь Элеонора подарила мне одну историческую таблицу, которую он набросал для себя, чтобы воспользоваться ею для какого-то второстепенного примечания. Правда, второстепенных вещей для Маркса не существовало, и эта таблица, составленная им для себя, выполнена с такой тщательностью, точно она предназначалась для печати.

Маркс работал с усидчивостью, часто приводившей меня в изумление. Он не знал усталости. Он должен был надорваться, — и даже тогда, когда это случилось, он не выказывал признаков утомления.

Если измерять ценность людей выполненным ими трудом — подобно тому как стоимость вещей измеряется вложенным в них трудом, — то даже с этой точки зрения ценность Маркса так огромна, что лишь немногие из исполинов мысли могут равняться с ним.

Чем же *буржуазное общество* возместило это невероятное количество труда?

Над «Капиталом» Маркс работал сорок лет — и как работал! Так, — как мог работать только Маркс. Я не преувеличу, если скажу, что наиболее низко оплачиваемый поденщик в Германии получает за 40 лет работы большую плату, чем Маркс получил в виде «гонорара», иными словами: в виде почетного вознаграждения за одно из двух величайших научных творений нашего века. Второе — это труды Дарвина.

Наука не представляет из себя рыночной стоимости. И разве можно требовать от буржуазного общества, чтобы оно за *свой собственный смертный приговор* заплатило приличную цену?..

7. МАРКС И ДЕТИ

Как все сильные и здоровые натуры, Маркс чрезвычайно любил детей. Он был не только нежнейшим отцом, который в обществе своих детей на многие часы сам как бы становился ребенком, — его притягивали к себе, как магнит, и чужие дети, встречавшиеся на его пути, в особенности беспомощные и несчастные. Сотни раз, посещая с нами кварталы бедноты, он внезапно оставлял нас, чтобы погладить по головке ребенка, сидящего в лохмотьях на пороге дома, и сунуть ему в кулачок пенни или полпенни. К нищим он стал относиться недоверчиво, ибо в Лондоне нищенство превратилось в настоящее ремесло и, вдобавок, в ремесло с золотым дном, хотя оно и приносит только медяки. Поэтому нищим и нищенкам, которым он в первое время никогда не отказывал в подавании, — если только у него что-нибудь было при себе, — недолго удавалось его дурачить. На некоторых, сумевших околпачить его ловкой симуляцией мнимых недугов и нужды, он даже сильно негодовал, так как считал эксплуатацию человеческого сострадания особенной низостью и ограблением бедноты. Но если у нищего или нищенки сидел на руках плачущий ребенок, то тут уж дело Маркса было бесповоротно проиграно, как бы ясно ни было написано на лице нищего все его плутовство. Перед умоляющими детскими глазками он не мог устоять.

Физическая слабость и беспомощность всегда возбуждали в нем живейшее сочувствие и сострадание. Мужа, бьющего свою жену, — а в Лондоне в те времена wifebeating (битые жены) было очень распространено, — он с наслаждением дал бы избить до полусмерти. Из-за своего порывистого характера он в таких случаях часто ставил и себя и нас в пренеприятное положение.

Однажды вечером мы ехали с ним на империаде омнибуса в Хемстед Род. На одной из остановок, около какой-то пивной, мы заметили толпу, из которой слышны были отчаянные женские вопли: «murder! murder!» («спасите! убивают!»). Маркс с быстротою молнии соскочил с омнибуса, я за ним. Я хотел его удержать, — с таким же успехом я мог бы поймать рукой летящую пулю. Мигом очутились мы в самой гуще толпы: людские волны сомкнулись позади нас. «В чем дело?» В чем было дело, стало ясно и без лишних слов. Какая-то пьяная особа повздорила со своим мужем, который хотел отвести ее домой, а она упиралась и вопила, как одержимая. Итак, никакой беды не стряслось. Для нашего вмешательства не было ни малейшего повода, — это мы видели. Но видели это также и поспорившие супруги, тут же заключившие мир и двинувшиеся против нас, между тем как толпа вокруг нас смыкалась все тесней и уже стала угрожать «damned foreigners» («проклятым иностранцам»). Женщина особенно яростно набросилась на Маркса и явно покушалась на его великолепную черную бороду. Я старался унять бурю, но тщетно. Если бы на поле битвы во-время не подоспели два дюжих констебля, нам пришлось бы дорого заплатить за нашу филантропическую попытку вмешательства. Мы были рады, когда выбрались из толпы невредимыми и снова сели в омнибус, доставивший нас домой. Впоследствии Маркс бывал уже несколько осторожнее с такими попытками вмешательства.

Нужно было видеть Маркса в обществе его детей, чтобы получить полное представление о глубине привязанности этого героя науки к детям и его умении общаться с ними. В свободные минуты или на прогулках он таскал их на себе, играл с ними в самые шумные веселые игры — словом, вел себя с детьми как ребенок. В Хемстед Хисе мы играли иногда в «кавалерию». Маркс сажал себе на плечи одну дочку, я — другую, и вот мы вперегонки скакали и бегали рысью, а от времени до времени устраивался бой всадников. Девочки резвились совсем по-мальчишески и не плакали, когда им довольно сильно попадало.

Для Маркса общество детей было потребностью, с детьми он отдыхал и освежался. Когда собственные его дети выросли, а некоторые умерли, их место заняли внуки. Женничка, вышедшая замуж в начале семидесятых годов за эмигранта Коммуны Лонга, оживила дом Маркса своими сыновьями — страшными проказниками. В особенности старший, Жан или Джонни, был любимцем бабушки. Джонни мог делать с ним все, что хотел, и отлично знал это. Однажды, когда я гостил в Лондоне, Джонни, которого родители прислали из Парижа, — что случалось по нескольку раз в год, — пришла в голову остроумная идея превратить «Мавра» в омнибус, на козлы которого, т. е. на плечи Мавра, он и взобрался, тогда как Энгельс и я были произведены

в лошадей. Когда он нас по всем правилам запряг, началась дикая скачка, — я хотел сказать: началась езда в маленьком садике позади коттеджа Маркса в Мейтленд Парк Роде. Возможно, впрочем, что это происходило и у Энгельса, в Риджентспарке; лондонские коттеджи так похожи друг на друга, что их очень легко перепутать, а садики тем более. Несколько квадратных метров гравия и травы, покрытых таким густым слоем лондонского «черного снега», т. е. хлопьями копоти, что невозможно отличить, где начинается *гравий* и кончается *трава*, — вот что такое лондонский «сад».

Ну тронулись, «пошли, голубчики!», подбадриваемые интернациональной смесью немецко-французско-английских понуканий: «Go on! Plus vite! Hurrah!» Мавру пришлось двинуться крупной рысью, так что пот покатился с него ручьями, и лишь только Энгельс или я делали попытку перевести дух, как на нас тотчас же со свистом опускался бич немилосердного возницы: you naughty horse! — эй, ленивая лошадь! En avant, вперед! И так продолжалось до тех пор, пока Маркс не выбился из сил. Тогда мы вступили с Джонни в переговоры, и было заключено перемирие...

8. ЛЕНХЕН

Являясь с момента замужества Женни фон-Вестфален членом дома Маркса, Ленхен, по выражению одной из дочерей, сделалась душой всего дома, была — в самом возвышенном, благородном смысле — помощницей на все случаи жизни. Каких только обязанностей у нее не было! Чего только она ни делала с величайшей охотой! Я напому лишь о ее многократных посещениях таинственного свояка, всем ненавистного и все-таки всеми обхаживаемого благодетеля: «дяди» с тремя глобусами¹. И при этом она всегда была бодра, всегда готова оказать помощь, всегда улыбалась. Впрочем, нет! Она умела и негодовать, а к врагам «Мавра» она питала жгучую ненависть.

Когда г-жа Маркс заболела или плохо себя чувствовала, Ленхен заменяла мать, да и вообще она была для детей второй матерью. Она обладала *волей* — сильной, твердой *волей*. Что она находила нужным — делалось.

Как уже сказано, Ленхен осуществляла в доме своего рода диктатуру; выражаясь точнее, я бы сказал: Ленхен принадлежала диктатура, г-же Маркс — господство. И Маркс подчинялся этой диктатуре, как ягненок. Говорят, что перед своим камердинером никто не бывает великим человеком. Перед Ленхен Маркс наверное не был таким. Она пожертвовала бы собой

¹ «дядя» с тремя глобусами — это, очевидно, вдание лондонского ломбарда, Ред.

за него сотни раз, отдала бы свою жизнь за него, г-жу Маркс и каждого из детей, если бы это было нужно и возможно, — и она действительно *отдала* им свою жизнь, — но импонировать *ей* Маркс не мог. Она знала его со всеми его причудами и слабостями и могла обернуть его вокруг пальца. Когда он бывал сильно раздражен и метал громы и молнии, так что другие предпочитали быть подалше от него, Ленхен прямо входила в логовище льва и, если он рычал, она так основательно отчитывала его, что лев становился смиреннее ягненка.

9. ПРОГУЛКИ С МАРКСОМ

Наши поездки в Хемстед Хис! Проживи я еще тысячу лет, — я их не забуду. Хемстедский «бор», расположенный за Примроз Хиллом и, подобно последнему, известный всем нелондонцам по диккенсовским пиквикковцам, все еще представляет собой в большей своей части пустошь, т. е. невозделанную, поросшую вереском и деревьями холмистую местность, с миниатюрными горами и долинами, где каждый может бродить совершенно свободно, не опасаясь, что страж священной собственности остановит и оштрафует его за «trespassing», т. е. за недозволенное вторжение в чужие владения. Еще и сейчас Хемстед Хис — излюбленное место загородных прогулок лондонцев; в хорошую погоду по воскресеньям он весь кишит народом, мужчинами и женщинами, причем последние с особенным удовольствием испытывают терпение и без того весьма терпеливых верховых осликов и лошадей. Но сорок лет тому назад Хемстед Хис был еще гораздо обширнее и гораздо естественнее и своеобразнее, чем сейчас. Провести воскресенье в Хемстед Хисе было для нас самым большим удовольствием. Всю неделю дети только об этом и говорили, да и мы, взрослые, старики и молодежь, радовались этой прогулке. Уже самое путешествие туда было праздником. Девочки были хорошие ходоки, проворные и неутомимые, как котята. От Динстрита, где жил Маркс, — в нескольких шагах от Черч-стрита, где поселился я, — путь туда отнимал добрый час с четвертью, и обычно мы уже около одиннадцати часов утра пускались в путь. Иной раз, правда, мы выходили позже: в Лондоне не любят рано вставать, а привести все в порядок, собрать детей и уложить корзину — на это всегда уходило некоторое время.

Эта корзина! Она стоит или, вернее, висит перед моим «духовным оком» настолько живо, она представляется мне такой заманчивой и аппетитной, будто я лишь вчера в последний раз видел ее у Ленхен на руке.

Дело в том, что эта корзина была нашим складом провизии, а когда у человека здоровый желудок и хороший аппетит, и при этом очень часто в кармане нет нужной мелочи (о *крупных* день-

гах никто из нас тогда и не помышлял), тогда вопрос питания играет исключительно важную роль. Ленхен отлично это знала, и нас, часто недоедавших и поэтому всегда голодных гостей, она жалела. Главным воскресным блюдом в Хемстед Хисе был освященный традицией огромный кусок жареной телятины. Корзина, необычных для Лондона размеров, которую Ленхен привезла с собой из Трира, служила хранилищем этого святая святых, своего рода скинией. Там же лежали чай и сахар, а иногда и фрукты. Хлеб и сыр покупались в Хемстед Хисе, где, как в берлинских садиках-ресторанах, можно было и можно теперь достать посуду, горячую воду и молоко, хлеб, сыр, масло и пиво, а также неизменные лондонские креветки, салат и устриц, смотря по надобности и по средствам.

Самый поход совершался по большей части в следующем порядке. В авангарде шел я с двумя девочками, то рассказывая им всякие истории, то занимаясь на ходу гимнастикой, то собирая полевые цветы, которые в те времена были там еще не так редки, как теперь. За нами шел кое-кто из друзей. Затем следовали главные силы: Маркс с женой и каким-нибудь воскресным гостем, требовавшим известного внимания. Шествие замыкала Ленхен с самым голодным из гостей, который помогал ей нести корзинку. Если общество было многочисленнее, оно распределялось между различными частями походной колонны. Понятно само собой, что походный порядок изменялся в зависимости от настроения и обстоятельств.

Придя в Хис, мы прежде всего выбирали себе место для привала, причем по возможности учитывались условия снабжения чаем и пивом.

Но, подкрепившись питьем и едою, все участники прогулки выбирали себе местечко поудобнее, чтобы полежать или посидеть, и, если не предпочитали соснуть, вынимали из карманов купленные по дороге воскресные газеты; тут начиналось чтение и обсуждение политических вопросов, между тем как дети, быстро находившие себе товарищей, играли в прятки в кустах.

Но в эту идиллию необходимо было внести и некоторое разнообразие; и вот устраивались бег вперегонки, борьба, метание камней и всякие другие виды спорта. В одно из воскресений мы открыли поблизости каштановое дерево со спелыми каштанами. «Посмотрим, кто больше всех собьет», — крикнул кто-то, и все шумно принялись за дело. «Мавр» пришел в настоящую ярость, но по части сбивания каштанов он не зарекомендовал себя большим мастером. Однако он был неутомим, как и мы все. И только тогда, когда под иступленные крики торжества был сбит последний каштан, бомбардировка прекратилась. Маркс больше недели не мог двинуть правой рукой. И со мной дело обстояло не лучше.

Но самым большим «*treat*» (удовольствием) было общее катание на осликах. Сколько тут было смеха и ликования! Какие забавные сценки! Как веселился Маркс! Он забавлял и себя и нас, — нас вдвойне: во-первых, своим более чем примитивным умением ездить верхом, а во-вторых, тем жаром, с каким он клялся, что виртуозно владеет этим искусством. Виртуозность состояла в том, что он, еще будучи студентом, однажды брал уроки верховой езды — Энгельс уверяет, что он не пошел дальше третьего урока, — и что во время своих поездок в Манчестер, в кои веки раз, он выезжал на почтенном Россинанте, по всей вероятности правнучке той смиреннейшей кобылы, которую блаженной памяти Фриц подарил доброму Геллерту.

По дороге домой из Хемстед Хиса бывало всегда очень весело, хотя уже миновавшее удовольствие обычно будит в нас менее радостное чувство, чем удовольствие, которое еще только предстоит. Против меланхолии, — для которой, впрочем, было достаточно оснований, — мы были застрахованы нашим невозмутимым юмором. Нудные эмигрантские заботы мы выбрасывали из головы, а тому, кто принимался жаловаться, тотчас же настойчиво напоминали о его общественных обязанностях.

Походный порядок на обратном пути менялся. Набегавшиеся за день дети составляли арьергард вместе с Ленхен, которая теперь, когда корзинка уже была пуста и сама она шла налегке, могла заняться ими. Обыкновенно мы затягивали какую-нибудь песню. Политические песни цели редко, чаще всего народные песни, преимущественно чувствительные, и — это суцая правда — «патриотические» песни об «отечестве», например: «*O Strassburg, o Strassburg, du wunderschöne Stadt!*» («О, Страсбург, Страсбург, дивный город!»), — эту песню особенно любили. Или же дети цели нам песни американских негров и плясали при этом, если только их ноги успевали к тому времени немножко отдохнуть. О политике в походе запрещалось говорить, так же как и об эмигрантской нужде. Зато много беседовали о литературе и искусстве, и тут Марксу представлялся случай проявить свою исключительную память. Он декламировал длинные отрывки из «Божественной комедии», которую знал почти всю наизусть. Читал он также сцены из Шекспира, причем его жена, превосходный знаток Шекспира, часто сменяла его...

Когда мы в конце пятидесятых годов поселились в северной части Лондона, в Кентиш Тауне и Хаверстокхилле, то излюбленным местом наших прогулок стали луга и холмы между Хемстедом и Хайгейтом. Тут мы собирали цветы, определяли растения, что городским детям доставляет особенное удовольствие, — холодное, вечно бушующее каменное море большого города пробуждает в них настоящую страсть к зелени и природе. Какая это была радость, когда мы в наших странствиях наткнулись на малень-

кий, затененный деревьями пруд, где я показал детям первые живые, «дикие» незабудки. Еще больше было радости, когда однажды на роскошном темнозеленом бархатном лугу, на который мы проникли после предварительной тщательной разведки местности, на зло всем запретам, мы нашли среди других весенних цветов, на защищенном от ветра месте, *гиацинты*...

10. БОЛЕЗНЬ И СМЕРТЬ МАРКСА

(Письмо Тусси)¹

«О пребывании Мавра в *Мустафе (Алжир)* я могу сообщить только, что погода стояла там отвратительная, что Мавр нашел там очень знающего и милого врача и что в отеле все были к нему внимательны и любезны.

Осень и зиму 1881—1882 гг. Мавр провел с Женни в Аржантейле, близ Парижа. Там мы съехались и провели вместе несколько недель. Затем он уехал на юг Франции и в Алжир, но вернулся оттуда в очень плохом состоянии. Осень и зиму 1882 г. он прожил в Вентноре (на острове Уайт), откуда возвратился после смерти Женни, 8 января 1883 г.

Теперь о *Карлсбаде*. Впервые мы посетили его в 1874 г. Мавра направили туда из-за болезни печени и бессонницы. В следующем, 1875 г. он поехал туда один, — первая его поездка в Карлсбад чрезвычайно ему помогла, — а в 1876 г. я опять поехала вместе с ним, так как он говорил, что в прошлом году мое отсутствие было для него слишком тягостно. В Карлсбаде он проделал курс лечения с величайшей добросовестностью и аккуратно выполнял все, что ему было предписано. Мы приобрели там много друзей. Мавр был очаровательным спутником. Всегда хорошо настроенный, он был готов радоваться всему — и красивому виду и стакану пива. Благодаря своим всеобъемлющим историческим знаниям он каждое место, которое мы посещали, умел сделать еще более живым и реальным в прошлом, чем оно даже было в настоящем.

О пребывании Мавра в Карлсбаде, кажется, уже кое-что писали. Я, между прочим, слыхала о какой-то большой статье, не помню в какой газете; быть может, М. О. в Д. знает что-нибудь об этом. Он говорил мне об одной очень хорошей статье.

В 1874 г. мы виделись с вами в Лейпциге. Тогда мы заехали на обратном пути в Бинген, который Мавр хотел мне показать, так как он был в нем во время своего свадебного путешествия с моей матерью. Кроме того, мы побывали во время этих двух поездок в Дрездене, Берлине, Праге, Гамбурге и Нюрнберге.

¹ Младшая дочь Маркса — Элеонора. *Ред.*

В 1877 г. Мавр снова собирался в Карлсбад. Однако нас предупредили, что германское и австрийское правительства намереваются его выслать. Так как путешествие должно было быть слишком продолжительным и дорогим, чтобы можно было рисковать высылкой, то он уже больше в Карлсбад не поехал — к большому ущербу для своего здоровья, потому что после лечения в Карлсбаде он всегда чувствовал себя как бы возрожденным.

В Берлин мы поехали главным образом для того, чтобы повидаться с верным другом моего отца, с моим дорогим дядей Эдгаром фон-Вестфаленом. Мы пробыли там всего несколько дней. К великому удовольствию Мавра, мы позже узнали, что в отель, где мы остановились, на третий день нагрянула полиция — ровно через час после нашего отъезда.

Осенью 1880 г., когда наша дорогая мамочка была уже настолько больна, что лишь изредка вставала с постели, Мавр схватил опасный плеврит, принявший такой скверный оборот потому, что он всегда запускать свои болезни. Врач (наш добрый друг Донкин) считал его почти безнадежным. Это было ужасное время. В первой большой комнате лежала наша мамочка, в маленькой комнате, рядом, помещался Мавр. Два эти человека, так привыкшие друг к другу, так тесно сросшиеся один с другим, не могли быть вместе в одной комнате.

Наша добрая старая Ленхен (ты знаешь, кем она была для нас) и я превратились в сиделок. Врач говорил, что своими заботами мы спасли Мавра. Как бы там ни было, я знаю только, что ни Елена (Ленхен), ни я ни разу не спали в кровати в течение трех недель. День и ночь мы были на ногах, а когда мы уж слишком уставали, мы поочередно отдыхали по часу.

Мавр еще раз одолел болезнь. Никогда не забуду я то утро, когда он почувствовал себя достаточно окрепшим, чтобы пройти в комнату мамочки. Вместе они снова помолодели, — это были любящая девушка и влюбленный юноша, вступающие вместе в жизнь, а не старик, надломленный болезнью, и умирающая старая женщина, навеки прощавшиеся друг с другом.

Мавр поправлялся, и если еще не окреп вполне, то во всяком случае казалось, что он набирается сил.

Затем, 2 декабря (1881 г.) умерла мамочка. Последние ее слова, — странно, что они были сказаны по-английски, — были обращены к ее «Карлу».

Когда пришел наш дорогой Генерал (Энгельс), он сказал, — и это меня тогда почти возмутило:

«Мавр тоже умер».

Но это было действительно так.

С жизнью мамочки ушла и жизнь Мавра. Он употребил все усилия, чтобы не поддаться своему горю, — он ведь до конца был борцом, — но эта потеря надломил его. Его общее самочув-

ствии все ухудшалось. Будь он эгоистичным, он просто махнул бы на все рукой. Но для него существовало нечто, что было выше всего, — это была его *преданность делу*. Он пытался завершить свой *великий труд* и поэтому еще раз согласился поехать отдохнуть.

Весною 1882 г. он отправился в Париж и Аржантейль¹, где я с ним встретилась. Мы провели с Женни и ее детьми несколько счастливых дней. Затем Мавр отправился на юг Франции и, наконец, в Алжир.

Во все время пребывания в Алжире, Ницце и Каннах его преследовала плохая погода. Из Алжира он писал мне длинные письма. Многие из них я потеряла, так как по его просьбе я пересылала их Женни, а она вернула мне лишь немногие из них.

Когда Мавр возвратился, наконец, домой, он был очень плох, и мы начали опасаться самого худшего. Осень и зиму он по совету врача провел в Вентноре, на острове Уайт. Здесь я должна упомянуть, что в то время я уехала, по желанию Мавра, со старшим сыном Женни, Жаном (Джонни), на три месяца в Италию. Весною 1883 г. я поехала к Мавру, взяв с собой Джонни, которого он любил больше всех своих внучат. Я должна была вернуться, так как меня ждали мои уроки.

Но вот обрушился последний страшный удар: известие о смерти Женни. Женни, старшая и самая любимая дочь Мавра, умерла внезапно (8 января). Мы получили письма от Мавра, — они сейчас передо мной, — в которых он писал, что здоровье Женни улучшается и что нам (Елене и мне) опасаться нечего. Телеграмму с известием о смерти мы получили через час после письма, в котором Мавр писал это. Я тотчас же поехала в Вентнор. Мне пришлось в жизни переживать немало горьких минут, но никогда мне не было так тяжело, как тогда. Я чувствовала, что везу моему отцу смертный приговор. Во время этого длинного мучительного путешествия я ломала себе голову над тем, как мне сообщить ему это известие. Но мне не пришлось ничего сказать, меня выдало выражение моего лица, — Мавр сразу сказал: «Наша Женничка умерла!» и тут же велел мне ехать в Париж, к детям. Я хотела остаться с ним, но он не терпел никаких возражений. Едва пробыв в Вентноре полчаса, я снова пустилась в безрадостный путь в Лондон, чтобы оттуда тотчас же ехать в Париж. Я сделала то, чего хотел Мавр ради детей.

Не буду говорить о своем обратном путешествии; я с ужасом вспоминаю это время — какие душевные муки! какая пытка! Но довольно об этом. Я возвратилась, и Мавр тоже вернулся домой — *чтобы умереть*.

---

¹ Речь идет о поездке, упомянутой в начале этой главы. (Примечание В. Либкнехта.)

Теперь еще несколько слов о мамочке. Она умирала в течение долгих месяцев и вытерпела все ужасные мучения, которые несет с собою рак. И все же ее обычное хорошее настроение, ее неистощимый юмор, который тебе достаточно знаком, не покидали ее ни на минуту. С нетерпением ребенка справлялась она о ходе тогдашних выборов в Германии (1881 г.), и как она ликовала по поводу наших побед! До самой смерти она была бодрой и старалась шутками рассеять наши опасения. Она, так жестоко страдавшая, шутила, *смеялась* — смеялась над нами и над врачом, потому что мы были так серьезны. Почти до последнего момента она была в полном сознании, и когда больше уже не могла говорить — ее последние слова были обращены к «Карлу», — она пожала нам руки и попыталась улыбнуться.

Что касается Мавра, то ты знаешь, что он, перейдя из спальни в свой кабинет в Мейтленд Парке, опустился в свое кресло и мирно заснул.

Это кресло стояло у Генерала до самой его смерти, теперь оно у меня.

Когда будешь писать о Мавре, не забудь про Ленхен (что ты не забудешь о мамочке, я знаю); Ленхен была как бы осью, вокруг которой вращалось все в доме. Наш лучший и самый верный друг. Так что не забудь о Елене, когда будешь писать о Мавре!

* * *

Теперь сообщу тебе, согласно твоей просьбе, некоторые подробности о пребывании Мавра на юге. Мы, т. е. он и я, были в начале 1882 г. несколько недель у Женни в Аржантейле. Март и апрель Мавр провел в Алжире, а май в Монте-Карло, Ницце и Каннах. Примерно конец июня и весь июль он снова жил у Женни в Аржантейле, где в то время была и Ленхен. Из Аржантейля Мавр поехал с Лаурой в Швейцарию, Веве и т. д. В конце сентября или начале октября он возвратился в Англию и тотчас же уехал в Вентнор, где мы с Джонни его навестили.

Вот еще несколько данных в ответ на твои вопросы. Наш маленький Эдгар (Муш) родился, кажется, в 1847 г. и умер в конце 1855 г.; 5 ноября 1849 г. родился «маленький Фокс»¹ (Фоксик) — Генрих — и умер приблизительно в возрасте двух лет. Сестренка Франциска, родившаяся в 1851 г., умерла еще младенцем, месяцев одиннадцати.

* * *

Перехожу к твоему вопросу о нашей доброй Елене, или «Нимфе», как мы в последнее время ее называли, потому что так прозвал

¹ Он был назван Фоксом по имени героя «порохового заговора» Гидо Фокса, поступок которого до сих пор ежегодно 5 ноября шумно празднуется или, вернее, проклинается англичанами. (*Примечание В. Либкнехта.*)

ее почему-то Джонни Лонгэ, когда был еще совсем маленьким. Маленькой девочкой, 8—9 лет, Ленхен попала к моей бабушке фон-Вестфален и росла вместе с Мавром, мамочкой и Эдгаром фон-Вестфаленом. К старикам Вестфаленам Ленхен навсегда сохранила нежную привязанность. Мавр их тоже очень любил. Он не уставал рассказывать нам о старом бароне фон-Вестфалене, о его удивительном знании Шекспира и Гомера. Он мог декламировать целые песни Гомера от первого до последнего слова, а большинство драм Шекспира он знал наизусть и по-английски и по-немецки. Отец Мавра — Мавр чрезвычайно высоко ценил своего отца — был, напротив, настоящим «французом» XVIII столетия. Он знал наизусть Вольтера и Руссо, как старик Вестфален — Гомера и Шекспира. Своей удивительной многогранностью Мавр был бесспорно в значительной мере обязан этим «наследственным» влияниям.

Вернемся, однако, к Елене. Поселилась ли она с моими родителями до их переезда в Париж или после (а переехали они туда вскоре после своей свадьбы), я сказать не могу. Знаю только, что бабушка прислала ее молодой девушкой к моей матери, «как лучшее из всего, что она могла ей послать, — верную, милую Ленхен». И верная, милая Ленхен осталась у моих родителей, а позднее приехала и ее младшая сестра, Марианна. *Ее ты едва ли помнишь, это было уже после тебя...*

11. НУЖДА И ЛИШЕНИЯ

О Марксе невероятно много лгали; говорили, между прочим, и о том, что он будто бы живет припеваючи, тогда как масса рядовых эмигрантов вокруг него голодает и гибнет. Я не считаю себя вправе входить здесь в дальнейшие подробности, но могу сказать одно: те моменты острого безденежья, упоминание о которых мы находим в отдельных записях г-жи Маркс, не были единичными случаями, возможными всегда, особенно когда люди живут на чужбине без всякой опоры. Самая злая эмигрантская нужда годами преследовала Маркса и его семью. Немного найдется эмигрантов, претерпевших больше лишений, чем Маркс с семьей. Даже впоследствии, когда его заработки увеличились и стали более регулярными, семья Маркса не была избавлена от заботы о хлебе насущном. Годами, — и это были годы, когда худшее время уже осталось позади, — единственной верной статьей дохода был один фунт стерлингов (20 марок), который Маркс еженедельно получал за свои статьи в «Нью-Йоркской Трибуне»...

12. МОГИЛА МАРКСА

Ее следовало бы скорее назвать *фамильным склепом* семьи Маркс. Она находится на кладбище *Хайгейт*, в северной части Лондона, на холме, откуда виден весь огромный город.

«Памятника» Маркс для себя не хотел. Поставить творцу «Коммунистического манифеста» и «Капитала» иной памятник, кроме того, который он сам себе воздвиг, было бы оскорблением для великого усопшего. В головах и сердцах миллионов рабочих, уже *«соединившихся»* по его призыву, он не только воздвиг себе памятник прочнее бронзы, но и создал живую почву, на которой все, чему он учил, претворяется, а отчасти уже и претворилось в дело.

Мы, социал-демократы, не признаем святых, и могилы в качестве «святых мест» для нас не существуют; но миллионы людей с благодарностью и благоговением помнят о человеке, который покоится в кладбищенской земле на севере Лондона. И через тысячи лет, когда варварство и ограниченность, восстающие ныне против освободительных стремлений рабочего класса, станут почти невероятной сказкой прошлого, свободные, благодарные люди будут стоять у этой могилы с непокрытой головой и будут говорить своим детям:

«Здесь покоится Карл Маркс».

Здесь покоится Карл Маркс и его семья. Простая мраморная плита, увитая плющом, лежит в изголовье могилы, обложенной мрамором. На плите начертано:

Jenny von Westphalen
The beloved wife of
Karl Marx
Born 12. February 1814.
Died 2. December 1881.
And Karl Marx
Born May 5. 1818; died March 14. 1883.
And Harry Longuet
Their grandson
Born July 4. 1878; died March 20. 1883.
And Helene Demuth
Born January 1. 1823; died November 4. 1890.

Женни фон Вестфален
Возлюбленная супруга
Карла Маркса
Родилась 12 февраля 1814 г.
Умерла 2 декабря 1881 г.
И Карл Маркс
Родился 5 мая 1818 г., умер 14 марта 1883 г.
И Генрих Лонге
Их внук
Родился 4 июля 1878 г., умер 20 марта 1883 г.
И Елена Демут
Родилась 1 января 1823 г., умерла 4 ноября 1890 г.

В семейной могиле похоронены не все умершие члены семьи. Трое умерших в Лондоне детей погребены на других лондонских кладбищах: один из них, *Эдгар* («Муш») *наверное*, а двое остальных по всей вероятности — на кладбище Уайтфильд Чепель в Тотенхэм Корт Род. *Женни* Маркс, любимая дочь Маркса, похоронена в *Арсантейле*, близ Парижа, где смерть вырвала ее из круга ее цветущей семьи.

Но если и не для всех умерших детей и внуков нашлось место в семейном склепе, то нашлось оно для одного человека, который был членом семьи, хотя и не был связан с ней кровными узами, — для «верной Ленхен», *Елены Демут*.

То, что она будет похоронена в семейной могиле, решила еще г-жа Маркс, а за нею и сам Маркс. И Энгельс, в своей верности не уступавший Ленхен, вместе с *оставшимися в живых* детьми исполнил этот долг, что он сделал бы и по собственному своему побуждению.

Как дети Маркса относились к Ленхен, как нежно они были к ней привязаны, как чтут ее память, доказывают опубликованные в другом месте ¹ письма младшей дочери Маркса.

Постив в последний раз Лондон, я возвращался домой через Париж. В *Дравейле*, где *Лафарг* и его жена, *Лаура* Маркс, устроили себе уютное деревенское гнездышко, я погрузился вместе с «Лёрхен» в старые лондонские воспоминания и заговорил о своем намерении написать эту книжицу. Тогда и она сказала мне, точно так же как это сделала Тусси в своем вышеприведенном письме и позднее устно: «Смотри, не забудь про Ленхен!»

Пет, я не забыл Ленхен и никогда ее не забуду. Она ведь целых сорок лет была мне *другом*, а во время эмигрантской жизни в Лондоне была иной раз и *моим* «провидением». Как часто она суужала меня несколькими пенни, когда у меня в карманах свистел ветер, а в доме Маркса было не слишком уж пусто, — потому что, когда *там* наступал пост, тогда у Ленхен ничем нельзя было поживиться. И как часто, когда *моих* портновских способностей уже не хватало, она искусно реставрировала на несколько недель какую-нибудь необходимую часть туалета, заменить которую в ближайшее время мне было нечем по финансовым причинам.

Когда я увидел Ленхен в первый раз, ей было 27 лет. Красавицей она, правда, не была, но со своей высокой, стройной фигурой и приятными чертами лица она была очень привлекательна. В поклонниках у нее недостатка не было, и она не раз имела возможность сделать хорошую партию. И хотя она не связала себя никаким обетом, но для ее преданного сердца было

¹ См. выше, гл. 10. *Ред.*

ясно само собой, что она должна остаться с «Мавром», с «г-жой Маркс» и с детьми.

И она осталась, — а годы юности промчались. Она осталась, переноса с ними нужду и лишения, горе и радость. Покой наступил только тогда, когда смерть скосила людей, с судьбою которых она связала свою собственную. У Энгельса она нашла покой, у него же и скончалась, забывая о себе до последней минуты. Ныне она покоится в семейной могиле.

* * *

Друг Моттелер, «красный почтмейстер», живущий теперь в Хемстеде, недалеко от Хайгейта, описывает могилу Маркса следующим образом:

«Могилу *Маркса* обложена белым мрамором, из того же камня сделана и маленькая плита, на которой черными буквами начертаны имена и даты. Дерн, привезенный мною в свое время из Швейцарии, плющ и несколько кустиков роз служат скромным украшением могилы, по большей части заросшей травой. Два раза в неделю я обыкновенно прохожу мимо Хайгейта, где покоится Маркс. Если могила уж очень сильно зарастает, я выпалываю траву. Иной раз кое-что и засыхает, особенно если лето такое жаркое, как два последних года (в этом году, когда на континенте было столько дождей, в Англии стояла засуха, какой никто не упомнит, и даже в парках трава совершенно выгорела). Даже с помощью *Лесснера* я не был в состоянии защитить могилу от солнца, и поэтому мы в конце концов были вынуждены, — разумеется, с согласия *Эвелингов*, которые из-за чрезвычайной дальности расстояния приезжают лишь изредка, — поручить могилу попечению кладбищенского сторожа».

Написано В. Либкнехтом на немецком языке. Впервые напечатано отдельным изданием в Юриберге, 1896 г.

МАНИФЕСТ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

ПРЕДИСЛОВИЕ К НЕМЕЦКОМУ ИЗДАНИЮ 1872 года

«Союз коммунистов»¹, международная рабочая организация, которая при тогдашних условиях, разумеется, могла быть только организацией тайной, на конгрессе, состоявшемся в ноябре 1847 г. в Лондоне, поручила нижеподписавшимся выработать предназначенную для опубликования развернутую теоретическую и практическую программу партии. Так возник нижеследующий «Манифест», рукопись которого была отправлена для напечатания в Лондон за несколько недель до февральской революции². Изданный сначала по-немецки, «Манифест» выдержал на этом языке в Германии, Англии и Америке по крайней мере двенадцать различных изданий. На английском языке он впервые появился в 1850 г. в Лондоне в «Red Republican», в переводе мисс Эллен Макфарлейн, а затем в 1871 г., по меньшей мере в трех различных переводах, — в Америке. На французском языке он в первый раз вышел в Париже незадолго до июньского восстания 1848 г. и недавно — в нью-йоркском «Le Socialiste». Подготавливается новый перевод. На польском языке он появился в Лондоне вскоре после первого немецкого издания. На русском — в Женеве в 60-х годах. На датский язык он был переведен тоже вскоре после своего выхода в свет.

Как ни сильно изменились условия за последние двадцать пять лет, однако развитые в этом «Манифесте» общие основные положения остаются в целом совершенно правильными и по настоящее время. В отдельных местах следовало бы внести кое-какие исправления. Практическое применение этих основных положений, как гласит сам «Манифест», будет повсюду и всегда зависеть от существующих исторических условий, и поэтому революционным мероприятиям, выдвинутым в конце II раздела, отнюдь не придается самодовлеющего значения. В настоящее время это место следовало бы во многих отношениях изложить иначе. Ввиду громадного развития крупной промышленности за последние два-

---

¹ См. статью Энгельса «История Союза коммунистов», т. II настоящего издания. *Ред.*

² Имеется в виду февральская революция 1848 г. во Франции. *Ред.*

дцать пять лет и сопутствующего ему роста партийной организации рабочего класса; ввиду практического опыта сначала Февральской революции, а потом, в еще большей мере, Парижской коммуны, когда впервые политическая власть в продолжение двух месяцев находилась в руках пролетариата, эта программа теперь местами устарела. В особенности Коммуна доказала, что «рабочий класс не может просто овладеть готовой государственной машиной и пустить ее в ход для своих собственных целей» (см. «Der Bürgerkrieg in Frankreich. Adresse des Generalrats der Internationalen Arbeiterassoziation», deutsche Ausgabe, S. 19¹, где эта мысль развита полнее)². Далее, понятно само собой, что критика социалистической литературы для настоящего времени является неполной, так как доведена только до 1847 г.; точно так же понятно, что замечания об отношении коммунистов к различным оппозиционным партиям (раздел IV), если в основных чертах правильны и для сегодняшнего дня, то все же в своих частностях устарели уже потому, что политическое положение совершенно изменилось и большинство перечисленных там партий стерто историческим развитием с лица земли.

Однако «Манифест» является историческим документом, изменять который мы уже не считаем себя более в праве. Быть может, следующее издание удастся снабдить введением, охватывающим промежуток от 1847 г. до наших дней; настоящее издание «Манифеста» было предпринято настолько неожиданно для нас, что у нас не было времени для этой работы.

Карл Маркс. Фридрих Энгельс

Лондон, 24 июня 1872 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ 1882 года

Первое русское издание «Манифеста коммунистической партии» в переводе Бакунина появилось в начале 60-х годов в типографии «Колокола». В то время русское издание «Манифеста» могло казаться на Западе не более как литературным курьезом. В настоящее время такой взгляд был бы уже невозможен. До какой степени ограниченную область распространения имело

¹ См. *К. Маркс*. «Гражданская война во Франции. Воззвание Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих», т. II настоящего издания. *Ред.*

² См. т. II настоящего издания. Этот «...основной и главный урок Парижской Коммуны, — говорит Ленин в своей работе «Государство и революция» (1917 г.), — Маркс и Энгельс считали имеющим такую гигантскую важность, что они внесли его, как существенную поправку к «Коммунистическому Манифесту». «И именно этот урок, — продолжает далее Ленин, — не только совершенно забыт, но и прямо извращен господствующим, каутскианским, «толкованием» марксизма!» (Соч., т. XXI, стр. 394, 395). *Ред.*

тогда (декабрь 1847 г.) движение пролетариата, лучше всего показывает последняя глава «Манифеста»: Отношение коммунистов к различным оппозиционным партиям в различных странах. В ней недостает как раз России и Соединенных Штатов. Это было время, когда Россия являлась последним большим резервом всей европейской реакции. Эмиграция в Соединенные Штаты поглощала избыточные силы европейского пролетариата. Обе эти страны снабжали Европу сырьем и служили в то же время рынком для сбыта ее промышленных произведений. Обе они, следовательно, являлись тогда так или иначе оплотом существующего общественного строя Европы.

До какой степени изменилось это теперь! Именно европейская иммиграция способствовала колоссальному развитию земледелия в Северной Америке, которое своей конкуренцией колеблет крупное и мелкое европейское землевладение в самых его основаниях. Она дала, кроме того, Соединенным Штатам возможность взяться за эксплуатацию их богатых источников промышленного развития в таких размерах и с такой энергией, которые в короткое время должны положить конец промышленной монополии Западной Европы и особенно Англии. Оба эти обстоятельства в свою очередь воздействуют в революционном смысле и на Америку. Мелкая и средняя поземельная собственность фермеров, основа всего ее политического строя, побеждается мало-помалу конкуренцией громадных ферм; в то же время в промышленных округах впервые развивается многочисленный пролетариат и баснословная концентрация капиталов.

Перейдем к России. В период революции 1848—1849 гг. не только европейские монархи, но и европейские буржуа находили в русском вмешательстве единственное спасение против пролетариата, который только что начал пробуждаться. Царя провозгласили главою европейской реакции. Теперь он — содержащийся в Гатчине военнопленный революции, и Россия представляет собою передовой отряд революционного движения в Европе.

Задачей «Коммунистического манифеста» было провозгласить неизбежно предстоящую гибель современной буржуазной собственности. Но рядом с быстро развивающейся капиталистической горячкой и только теперь образующейся буржуазной поземельной собственностью мы находим в России большую половину земли в общинном владении крестьян. Спрашивается теперь: может ли русская община — эта, правда, сильно уже разрушенная форма первобытного коллективного владения землею — непосредственно перейти в высшую, коммунистическую форму землевладения? Или, напротив, она должна пройти сначала тот же процесс разложения, который она проходит в историческом развитии Запада?

Единственный возможный в настоящее время ответ на этот вопрос заключается в следующем. Если русская революция послу-

жит сигналом рабочей революции на Западе, так что обе они пополняют друг друга, то современная русская общинная собственность на землю может явиться исходным пунктом коммунистического развития.

Карл Маркс. Ф. Энгельс

Лондон, 24 января 1882 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ К НЕМЕЦКОМУ ИЗДАНИЮ 1883 года

Предисловие к настоящему изданию мне приходится, к сожалению, подписывать одному. Маркс — человек, которому весь рабочий класс Европы и Америки обязан более, чем кому бы то ни было, — покоится на Хайгейтском кладбище, и могила его поросла уже первой травой. После его смерти уж во всяком случае не может быть речи о переделке или дополнении «Манифеста». Тем более я считаю необходимым с полной ясностью еще раз заявить здесь следующее:

Основная мысль, проходящая красной нитью через весь «Манифест», мысль, что экономическое производство и неизбежно вытекающее из него строение общества любой исторической эпохи образуют основу ее политической и умственной истории; что в соответствии с этим (со времени разложения первобытного общинного землевладения) вся история была историей классовой борьбы, борьбы между эксплуатируемыми и эксплуатирующими, подчиненными и господствующими классами на различных ступенях общественного развития, и что теперь эта борьба достигла ступени, на которой эксплуатируемый и угнетенный класс (пролетариат) не может уже освободиться от эксплуатирующего и угнетающего его класса (буржуазии), не освобождая в то же время всего общества навсегда от эксплуатации, угнетения и классовой борьбы, — эта основная мысль принадлежит всецело и исключительно Марксу¹.

Я это говорил уже неоднократно, но именно теперь необходимо предпослать это заявление и самому «Манифесту».

Ф. Энгельс

Лондон, 28 июня 1883 г.

¹ «К этой мысли», — писал я в предисловии к английскому переводу, — «которая, по моему мнению, должна для истории иметь такое же значение, какое для биологии имела теория Дарвина, оба мы постепенно приближались еще за несколько лет до 1845 г. В какой мере мне удалось продвинуться в этом направлении самостоятельно, лучше всего можно судить по моей работе «Положение рабочего класса в Англии». Когда же весной 1845 г. я вновь встретился с Марксом в Брюсселе, он уже разработал эту мысль и изложил ее мне почти в столь же ясных выражениях, в каких я привел ее здесь». (*Примечание Энгельса к немецкому изданию 1890 г.*)

ИЗ ПРЕДИСЛОВИЯ К НЕМЕЦКОМУ ИЗДАНИЮ 1890 года

«Манифест» имел свою собственную судьбу. При своем появлении он был (как это доказывают переводы, отмеченные в первом предисловии) восторженно встречен тогда еще немногочисленным авангардом научного социализма, но вскоре был отгеснен на задний план реакцией, начавшейся вслед за поражением парижских рабочих в июне 1848 г., и, наконец, осуждением кельнских коммунистов в ноябре 1852 г. был «на законном основании» объявлен вне закона.

Связанное с февральской революцией рабочее движение исчезло с общественной арены, а вместе с ним отошел на задний план и «Манифест».

Когда европейский рабочий класс опять достаточно окреп для нового наступления на власть господствующих классов, возникло «Международное Товарищество Рабочих». Его целью было объединить в одну великую армию все боеспособные силы рабочего класса Европы и Америки. Поэтому оно не могло отправляться непосредственно от принципов, изложенных в «Манифесте». Оно должно было иметь такую программу, которая не закрывала бы дверей перед английскими тред-юнионами, французскими, бельгийскими, итальянскими и испанскими прудонистами и немецкими лассальянцами¹. Такая программа — пояснительная записка к уставу Интернационала — была написана Марксом с мастерством, которое должны были признать даже Бакунин и анархисты. Маркс был вполне уверен в окончательной победе принципов, выставленных в «Манифесте», всецело полагаясь при этом на интеллектуальное развитие рабочего класса, которое должно было явиться неизбежным плодом совместного действия и обсуждения. События и перипетии борьбы против капитала, — причем поражения еще более, чем победы, — не могли не показать борющимся всю несостоятельность тех всеисцеляющих средств, которых они до того времени придерживались, и сделать их головы более восприимчивыми к основательному пониманию действительных условий освобождения рабочих. И Маркс был прав. В 1874 г., в момент распада Интернационала, рабочий класс был уже совсем не тот, каким он был при основании Интернационала в 1864 г. Прудонизм в романских странах и специфическое лассальянство в Германии находились при последнем издыхании, и даже тогдашние архи-консервативные английские тред-юнионы постепенно

¹ В сношениях с нами Лассаль всегда признавал себя «учеником» Маркса и, в качестве такового, стоял, разумеется, на почве «Манифеста». Иначе обстояло дело с теми его последователями, которые не шли дальше его требования производительных товариществ с государственным кредитом и которые делили весь рабочий класс на сторонников государственной помощи и сторонников самопомощи. (Примечание Энгельса.)

приближались к моменту, когда председатель их конгресса в Суонси в 1887 г. смог сказать от их имени: «Континентальный социализм больше нас не страшит». Но в 1887 г. континентальным социализмом была почти исключительно теория, изложенная в «Манифесте». Таким образом, история «Манифеста» до известной степени отражает историю современного рабочего движения с 1848 г. В настоящее время он несомненно является самым распространенным, наиболее международным произведением всей социалистической литературы, общей программой многих миллионов рабочих всех стран от Сибири до Калифорнии.

И все-таки в момент его появления мы не могли назвать его *социалистическим манифестом*. В 1847 г. социалистами назывались два разряда людей. С одной стороны, приверженцы различных утопических систем, в особенности оуэнисты в Англии и фурьеристы во Франции; оба эти течения уже тогда выродились просто в секты, которые постепенно вымирали. С другой стороны, — всевозможные социальные знахари, которые стремились с помощью различных всеисцеляющих средств и всякого рода заплат устранить общественные бедствия, не причиняя при этом ни малейшего вреда капиталу и прибыли. В обоих случаях то были люди, стоявшие вне рабочего движения и искавшие поддержки скорее у «образованных» классов. Напротив, та часть рабочих, которая убедилась в недостаточности чисто политических переворотов и требовала коренного переустройства общества, называла себя тогда *коммунистической*. Это был еще мало обработанный, лишь инстинктивный, во многом грубоватый коммунизм; но он был достаточно силен для того, чтобы создать две системы утопического коммунизма — «якарыйский» коммунизм Каба во Франции и коммунизм Вейтлинга в Германии. Социализм означал в 1847 г. буржуазное движение, коммунизм — рабочее движение. Социализм, по крайней мере на континенте, был вполне благопристойным, коммунизм — как раз наоборот. А так как мы уже тогда весьма решительно придерживались мнения, что «освобождение рабочего класса может быть делом только самого рабочего класса», то не могли ни минуты сомневаться, какое из двух названий выбрать. И впоследствии нам никогда не приходило в голову отказываться от него.

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» — Лишь немного голосов откликнулось нам, когда мы 42 года назад кинули в мир этот клич накануне парижской революции, — первой, в которой пролетариат выступил с собственными требованиями. Но 28 сентября 1864 г. пролетарии большинства западноевропейских стран соединились в славной памяти «Международное Товарищество Рабочих». Правда, сам Интернационал прожил всего лишь девять лет. Но что основанный им вечный союз пролетариев всех стран еще живет и даже стал крепче, чем когда бы то ни было,

это лучше всего доказывается нынешним днем. Ибо сегодня, когда я пишу эти строки, европейский и американский пролетариат производит смотр своим боевым силам, впервые мобилизованным в *одну* армию, под *одним* знаменем, ради *одной* ближайшей цели — для законодательного установления нормального восьмичасового рабочего дня, провозглашенного еще Женевским конгрессом Интернационала в 1866 г. и потом — вторично — Парижским рабочим конгрессом в 1889 г. И зрелище сегодняшнего дня покажет капиталистам и землевладельцам всех стран, что пролетарии всех стран ныне действительно соединились.

О, если бы Маркс был теперь рядом со мной, чтобы видеть это собственными глазами!

Ф. Энгельс

Лондон, 1 мая 1890 г.

Манифест коммунистической партии

Призрак бродит по Европе — призрак коммунизма. Все силы старой Европы объединились для священной травли этого призрака: папа и царь, Меттерних и Гизо, французские радикалы и немецкие полицейские.

Где та оппозиционная партия, которую ее противники, стоящие у власти, не ославили бы коммунистической? Где та оппозиционная партия, которая в свою очередь не бросала бы клеймящего обвинения в коммунизме как более передовым представителям оппозиции, так и своим реакционным противникам?

Два вывода вытекают из этого факта.

Коммунизм признается уже силою всеми европейскими силами.

Пора уже коммунистам перед всем миром открыто изложить свои взгляды, свои цели, свои стремления и сказкам о призраке коммунизма противопоставить манифест самой партии.

С этой целью в Лондоне собрались коммунисты самых различных национальностей и составили следующий «Манифест», который публикуется на английском, французском, немецком, итальянском, фламандском и датском языках.

I. БУРЖУА И ПРОЛЕТАРИИ ¹

История всех до сих пор существовавших обществ ² была историей борьбы классов.

---

¹ Под буржуазией понимается класс современных капиталистов, собственников средств общественного производства, применяющих наемный труд. Под пролетариатом понимается класс современных наемных рабочих, которые, будучи лишены своих собственных средств производства, вынуждены, для того чтобы жить, продавать свою рабочую силу. (*Примечание Энгельса к английскому изданию 1888 г.*)

² То-есть вся история, дошедшая до нас в письменных источниках. В 1847 г. предистория общества, общественная организация, предшествовавшая всей писанной истории, почти совсем еще не была известна. За истекшее с тех пор время Гакстаузен открыл общинную собственность на землю в России, Маурер доказал, что она являлась общественной основой, из которой

Свободный и раб, патриций и плебей, помещик и крепостной, мастер¹ и подмастерье, короче — угнетающий и угнетаемый находились в вечном антагонизме друг к другу, вели непрерывную, но скрытую, тайную борьбу, всегда кончавшуюся революционным переустройством всего общественного здания или общей гибелью борющихся классов.

В предшествующие исторические эпохи мы находим почти повсюду полное расчленение общества на различные сословия, — целую лестницу различных общественных положений. В древнем Риме мы встречаем патрициев, всадников, плебеев, рабов; в средние века — феодальных господ, вассалов, цеховых мастеров, подмастерьев, крепостных, и к тому же почти в каждом из этих классов еще особые градации.

Вышедшее из недр погибшего феодального общества современное буржуазное общество не уничтожило классовых противоречий. Оно только поставило новые классы, новые условия угнетения и новые формы борьбы на место старых.

Наша эпоха, эпоха буржуазии, отличается однако тем, что она упростила классовые противоречия: общество все более и более раскалывается на два большие враждебные лагеря, на два большие, стоящие друг против друга, класса — буржуазию и пролетариат.

Из крепостных средневековья вышло свободное население первых городов; из этого сословия горожан развились первые элементы буржуазии.

Открытие Америки и морского пути вокруг Африки создало для подымающейся буржуазии новое поле деятельности. Ост-индский и китайский рынки, колонизация Америки, обмен с колониями, увеличение количества средств обмена и товаров вообще дали неслыханный до тех пор толчок торговле, мореплаванью, промышленности и тем самым вызвали в распадавшемся феодальном обществе быстрое развитие революционного элемента.

Прежняя феодальная или цеховая организация промышленности более не могла удовлетворить спроса, возраставшего вместе

в историческом развитии исходили все германские племена, и постепенно выяснилось, что сельская община с общим владением землей была первобытной формой общества от Индии до Ирландии. Наконец, Морган завершил дело своим открытием истинной сущности рода и его положения в племени, вскрыв тем самым внутреннюю организацию этого первобытного коммунистического общества в ее типичной форме. С разложением этой первобытной общины начинается расслоение общества на особые и в конце концов антагонистические классы. Я попытался проследить этот процесс разложения в работе «Der Ursprung der Familie, des Privateigenthums und des Staats», 2-е изд., Stuttgart, 1886. [Ср. Ф. Энгельс. «Происхождение семьи, частной собственности и государства». К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. 1.] (Примечание Энгельса к английскому изданию 1888 г.)

¹ Цеховой мастер — это полноправный член цеха, мастер внутри цеха, а не старшина его. (Примечание Энгельса к английскому изданию 1888 г.)

с новыми рынками. Место ее заняла мануфактура. Цеховые мастера были вытеснены промышленным средним сословием; разделение труда между различными корпорациями исчезло, уступив место разделению труда внутри отдельной мастерской.

Но рынки все росли, спрос все увеличивался. Удовлетворить его не могла уже и мануфактура. Тогда пар и машина произвели революцию в промышленности. Место мануфактуры заняла современная крупная промышленность, место промышленного среднего сословия заняли миллионеры-промышленники, предводители целых промышленных армий, современные буржуа.

Крупная промышленность создала всемирный рынок, подготовленный открытием Америки. Всемирный рынок вызвал колоссальное развитие торговли, мореплавания и средств сухопутного сообщения. Это в свою очередь оказало воздействие на расширение промышленности, и в той же мере, в какой росли промышленность, торговля, мореплавание, железные дороги, развивалась буржуазия, она увеличивала свои капиталы и оттесняла на задний план все классы, унаследованные от средневековья.

Мы видим, таким образом, что современная буржуазия сама является продуктом длительного процесса развития, ряда переломов в способе производства и обмена.

Каждая из этих ступеней развития буржуазии сопровождалась соответствующим политическим успехом¹. Угнетенное сословие при господстве феодалов, вооруженная и самоуправляющаяся ассоциация в коммуне², тут — независимая городская республика³, там — третье податное сословие монархии⁴, затем, в период мануфактуры, — противовес дворянству в сословной или в абсолютной монархии и главная основа крупных монархий вообще, — таковы ступени, которые прошла буржуазия в своем развитии; наконец, со времени упрочения крупной промышленности и установления всемирного рынка буржуазия завоевала

¹ В английском издании 1888 г., редактированном Энгельсом, после слова: «успехом» вставлены слова: «этого класса». *Ред.*

² «Коммунами» назывались во Франции нарождавшиеся города даже до того времени, когда они отвоевали у своих феодальных владык и господ местное самоуправление и политические права «третьего сословия». Вообще говоря, здесь в качестве типичной страны экономического развития буржуазии взята Англия, в качестве типичной страны ее политического развития — Франция. (*Примечание Энгельса к английскому изданию 1888 г.*)

Коммуна — так называли горожане Италии и Франции свою городскую общину, после того как они откупили или отвоевали у своих феодальных господ первые права самоуправления. (*Примечание Энгельса к немецкому изданию 1890 г.*)

³ В английском издании 1888 г. после слов: «независимая городская республика» вставлены слова: «(как в Италии и Германии)». *Ред.*

⁴ В английском издании 1888 г. после слова: «монархии» вставлены слова: «(как во Франции)». *Ред.*

себе исключительное политическое господство в современном представительном государстве. Современная государственная власть — это только комитет, управляющий общими делами всего класса буржуазии.

Буржуазия сыграла в истории чрезвычайно революционную роль.

Буржуазия, повсюду, где она достигла господства, разрушила все феодальные, патриархальные, идиллические отношения. Безжалостно разорвала она пестрые феодальные путы, привязывавшие человека к его «естественным повелителям», и не оставила между людьми никакой другой связи, кроме голого интереса, бессердечного «чистогана». В ледяной воде эгоистического расчета потопила она священный трепет религиозного экстаза, рыцарского энтузиазма, мещанской сентиментальности. Она превратила личное достоинство человека в меновую стоимость и поставила на место бесчисленных пожалованных и благоприобретенных свобод *одну* бессовестную свободу торговли. Словом, эксплуатацию, прикрытую религиозными и политическими иллюзиями, она заменила эксплуатацией открытой, бесстыдной, прямой, чертовой.

Буржуазия лишила священного ореола все роды деятельности, которые до тех пор считались почетными и на которые смотрели с благоговейным трепетом. Врача, юриста, священника, поэта, человека науки она превратила в своих платных наемных работников.

Буржуазия сорвала с семейных отношений их трогательно-сентиментальный покров и свела их к чисто денежным отношениям.

Буржуазия показала, что грубое проявление силы, вызывающее у реакционеров такое восхищение средними веками, находило себе естественное дополнение в лени и неподвижности. Она впервые показала, чего может достигнуть человеческая деятельность. Она создала чудеса искусства, но совсем иного рода, чем египетские пирамиды, римские водопроводы и готические соборы; она совершила совсем иные походы, чем переселение народов и крестовые походы.

Буржуазия не может существовать, не вызывая постоянно переворотов в орудиях производства, не революционизируя, следовательно, производственных отношений, а стало быть, и всей совокупности общественных отношений. Напротив, первым условием существования всех прежних промышленных классов было неизменное сохранение старого способа производства. Беспредельные перевороты в производстве, непрерывное потрясение всех общественных отношений, вечная неуверенность и движение отличают буржуазную эпоху от всех предшествовавших. Все застывшие, покрывшиеся ржавчиной отношения, вместе с сопутствующими им, веками освященными представлениями и воз-

зрениями, разрушаются, все возникающие вновь оказываются устарелыми прежде чем успевают окостенеть. Все сословное и застойное исчезает, все священное оскверняется, и люди приходят, наконец, к необходимости взглянуть трезвыми глазами на свое жизненное положение и свои взаимные отношения.

Потребность в постоянно увеличивающемся сбыте продуктов гонит буржуазию по всему земному шару. Всюду должна она внедриться, всюду обосноваться, всюду установить связи.

Буржуазия путем эксплуатации всемирного рынка сделала производство и потребление всех стран космополитическим. К великому огорчению реакционеров она вырвала из-под ног промышленности национальную почву. Исконные национальные отрасли промышленности уничтожены и продолжают уничтожаться с каждым днем. Их вытесняют новые отрасли промышленности, введение которых становится вопросом жизни для всех цивилизованных наций, отрасли, перерабатывающие уже не местное сырье, а сырье, привозимое из самых отдаленных областей земного шара, и вырабатывающие фабричные продукты, потребляемые не только внутри данной страны, но и во всех частях света. Вместо старых потребностей, удовлетворявшихся отечественными продуктами, возникают новые, для удовлетворения которых требуются продукты самых отдаленных стран и климатов. На смену старому местному и национальному самодовлению и замкнутости приходит всесторонняя связь и всесторонняя зависимость наций друг от друга. Это в равной мере относится как к материальному, так и к духовному производству. Плоды духовной деятельности отдельных наций становятся общим достоянием. Национальная односторонность и ограниченность становятся все более и более невозможными, и из множества национальных и местных литератур образуется одна всемирная литература.

Буржуазия быстрым усовершенствованием всех орудий производства и бесконечным облегчением средств сообщения вовлекает в цивилизацию все, даже самые варварские, нации. Дешевые цены ее товаров — вот та тяжелая артиллерия, с помощью которой она разрушает все китайские стены и принуждает к капитуляции самую упорную ненависть варваров к иностранцам. Под страхом гибели заставляет она все нации принять буржуазный способ производства, заставляет их вводить у себя так называемую цивилизацию, т. е. становиться буржуа. Словом, она создает себе мир по своему образу и подобию.

Буржуазия подчинила деревню господству города. Она создала огромные города, в высокой степени увеличила численность городского населения по сравнению с сельским и вырвала таким образом значительную часть населения из идиотизма деревенской жизни. Так же как деревню она сделала зависимой от города, так варварские и полуварварские страны она поставила в зави-

симось от стран цивилизованных, крестьянские народы — от буржуазных народов, Восток — от Запада.

Буржуазия все более и более уничтожает раздробленность средств производства, собственности и населения. Она сгустила население, централизовала средства производства, концентрировала собственность в руках немногих. Необходимым следствием этого была политическая централизация. Независимые, связанные почти только союзными отношениями области с различными интересами, законами, правительствами и таможенными пошлинами, оказались сплоченными в *одну* нацию, с *одним* правительством, с *одним* законодательством, с *одним* национальным классовым интересом, с *одной* таможенной границей.

Буржуазия менее чем за сто лет своего классового господства создала более многочисленные и более грандиозные производительные силы, чем все предшествовавшие поколения вместе взятые. Покорение сил природы, машинное производство, применение химии в промышленности и земледелии, пароходство, железные дороги, электрические телеграфы, освоение для земледелия целых частей света, приспособление рек для судоходства, целые, словно вызванные из-под земли, массы населения, — какое из прежних столетий могло подозревать, что такие производительные силы дремлют в недрах общественного труда!

Итак, мы видели, что средства производства и обмена, на основе которых сложилась буржуазия, были созданы в феодальном обществе. На известной ступени развития этих средств производства и обмена отношения, в которых происходили производство и обмен феодального общества, феодальная организация земледелия и промышленности, одним словом, феодальные отношения собственности, уже перестали соответствовать развившимся производительным силам. Они тормозили производство, вместо того чтобы его развивать. Они превратились в его оковы. Их необходимо было разбить, и они были разбиты.

Место их заняла свободная конкуренция, с соответствующим ей общественным и политическим строем, с экономическим и политическим господством класса буржуазии.

Подобное же движение совершается на наших глазах. Современное буржуазное общество, с его буржуазными отношениями производства и обмена, буржуазными отношениями собственности, создавшее как бы по волшебству столь могущественные средства производства и обмена, походит на волшебника, который не в состоянии более справиться с подземными силами, вызванными его заклинаниями. Вот уже несколько десятилетий история промышленности и торговли представляет собою лишь историю возмущения современных производительных сил против современных производственных отношений, против тех отношений собственности, которые являются условием существования буржуа-

зии и ее господства. Достаточно указать на торговые кризисы, которые, возвращаясь периодически, все более и более грозно ставят под вопрос существование всего буржуазного общества. Во время торговых кризисов каждый раз уничтожается значительная часть не только изготовленных продуктов, но даже созданных уже производительных сил. Во время кризисов разражается общественная эпидемия, которая всем предшествующим эпохам показалась бы нелепостью, — эпидемия перепроизводства. Общество оказывается вдруг отброшенным назад к состоянию внезапно наступившего варварства, как будто голод, всеобщая опустошительная война лишили его всех жизненных средств; кажется, что промышленность, торговля уничтожены, — и почему? Потому, что общество обладает слишком большой цивилизацией, имеет слишком много жизненных средств, располагает слишком большой промышленностью и торговлей. Производительные силы, находящиеся в его распоряжении, не служат более развитию буржуазной цивилизации и буржуазных отношений собственности; напротив, они стали непомерно велики для этих отношений, буржуазные отношения задерживают их развитие; и когда производительные силы выходят за пределы, которые ставят им буржуазные отношения, они приводят в расстройство все буржуазное общество, ставят под угрозу существование буржуазной собственности. Буржуазные отношения стали слишком узкими, чтобы вместить созданные ими богатства. Каким путем преодолевает буржуазия кризисы? С одной стороны, путем вынужденного уничтожения целой массы производительных сил, с другой стороны, путем завоевания новых рынков и более основательной эксплуатации старых. Чем же, следовательно? Тем, что она prepares более всесторонние и более сокращительные кризисы и уменьшает средства противодействия им.

Оружие, которым буржуазия ниспровергла феодализм, направляется теперь против самой буржуазии.

Но буржуазия не только выковала оружие, несущее ей смерть; она породила и людей, которые направят против нее это оружие, — современных рабочих, *пролетариев*.

В той же самой степени, в какой развивается буржуазия, т. е. капитал, развивается и пролетариат, класс современных рабочих, которые только тогда и могут существовать, когда находят работу, а находят ее лишь до тех пор, пока их труд увеличивает капитал. Эти рабочие, вынужденные продавать себя поштучно, представляют собою такой же товар, как и всякий другой предмет торговли, а потому в равной мере подвержены всем случайностям конкуренции, всем колебаниям рынка.

Вследствие возрастающего применения машин и разделения труда труд пролетариев утратил всякий самостоятельный характер, а вместе с тем и всякую привлекательность для рабочего.

Рабочий становится простым придатком машины, от него требуются только самые простые, самые однообразные, легче всего усваиваемые приемы. Издержки на рабочего сводятся поэтому почти исключительно к жизненным средствам, необходимым для его содержания и продолжения его рода. Но цена всякого товара, а следовательно и труда¹, равна издержкам его производства. Поэтому в той же самой мере, в какой растет непривлекательность труда, уменьшается заработная плата. Больше того: в той же мере, в какой возрастает применение машин и разделение труда, возрастает и количество труда, за счет ли увеличения числа рабочих часов или же вследствие увеличения количества труда, требуемого в каждый данный промежуток времени, ускорения хода машин и т. д.

Современная промышленность превратила маленькую мастерскую патриархального мастера в крупную фабрику промышленного капиталиста. Массы рабочих, скученные на фабрике, организируются по-солдатски. Как рядовые промышленной армии они ставятся под надзор целой иерархии унтер-офицеров и офицеров. Они — рабы не только класса буржуазии, буржуазного государства, ежедневно и ежечасно поработает их машина, надсмотрщик и прежде всего сам отдельный буржуа-фабрикант. Эта деспотия тем мелочнее, ненавистнее, она тем более ожесточает, чем откровеннее ее целью провозглашается нажива.

Чем менее искусства и силы требует ручной труд, т. е. чем более развивается современная промышленность, тем более мужской труд вытесняется женским и детским. По отношению к рабочему классу различия пола и возраста утрачивают всякое общественное значение. Существуют лишь рабочие инструменты, требующие различных издержек в зависимости от возраста и пола.

Когда заканчивается эксплуатация рабочего фабрикантом и рабочий получает, наконец, наличными свою заработную плату, на него набрасываются другие части буржуазии — домовладелец, лавочник, ростовщик и т. п.

Низшие слои среднего сословия, — мелкие промышленники, мелкие торговцы и рантье, ремесленники и крестьяне, — все эти классы опускаются в ряды пролетариата, частью оттого, что их маленького капитала недостаточно для ведения крупных промышленных предприятий, и он не выдерживает конкуренции с более крупными капиталистами, частью потому, что их технические навыки обесцениваются благодаря новым способам производства. Так рекрутируется пролетариат из всех классов населения.

Пролетариат проходит различные ступени развития. Его борьба против буржуазии начинается вместе с его существованием.

¹ Впоследствии Маркс показал, что рабочий продает не труд, а рабочую силу. См. по этому поводу введение Энгельса к работе Маркса «Наемный труд и капитал», стр. 216—224 настоящего тома. *Ред.*

Сначала борьбу ведут отдельные рабочие, потом рабочие одной фабрики, затем рабочие одной отрасли труда в одной местности против отдельного буржуа, который их непосредственно эксплуатирует. Рабочие направляют свои удары не только против буржуазных производственных отношений, но и против самих орудий производства; они уничтожают конкурирующие иностранные товары, разбивают машины, поджигают фабрики, силой пытаются восстановить потерянное положение средневекового рабочего.

На этой ступени рабочие образуют рассеянную по всей стране и раздробленную конкуренцией массу. Сплочение рабочих масс пока является еще не следствием их собственного объединения, а лишь следствием объединения буржуазии, которая для достижения своих собственных политических целей должна, и пока еще может, приводить в движение весь пролетариат. На этой ступени пролетарии борются, следовательно, не со своими врагами, а с врагами своих врагов — с остатками абсолютной монархии, землевладельцами, непромышленными буржуа, мелкими буржуа. Все историческое движение сосредоточивается, таким образом, в руках буржуазии; каждая одержанная в таких условиях победа является победой буржуазии.

Но с развитием промышленности пролетариат не только возрастает численно; он скопляется в большие массы, сила его растет, и он все более ее ощущает. Интересы и условия жизни пролетариата все более и более уравниваются по мере того, как машины все более стирают различия между отдельными видами труда и почти всюду низводят заработную плату до одинаково низкого уровня. Возрастающая конкуренция буржуа между собою и вызываемые ею торговые кризисы ведут к тому, что заработная плата рабочих становится все неустойчивее; все быстрее развивающееся, непрерывное совершенствование машин делает жизненное положение пролетариев все менее обеспеченным; столкновения между отдельным рабочим и отдельным буржуа все более принимают характер столкновений между двумя классами. Рабочие начинают с того, что образуют коалиции против буржуа; они выступают сообща для защиты своей заработной платы. Они основывают даже постоянные ассоциации для того, чтобы обеспечить себя средствами на случай возможных столкновений. Местами борьба переходит в открытые восстания.

Рабочие время от времени побеждают, но эти победы лишь переходящи. Действительным результатом их борьбы является не непосредственный успех, а все шире распространяющееся объединение рабочих. Ему способствуют все растущие средства сообщения, создаваемые крупной промышленностью и устанавливающие связь между рабочими различных местностей. Лишь эта связь и требуется для того, чтобы централизовать многие местные очаги борьбы, посящей повсюду одинаковый характер, и слить их в одну нацио-

нальную, классовую борьбу. А всякая классовая борьба есть борьба политическая. И объединение, для которого средневековым горожанам с их проселочными дорогами требовались столетия, достигается современными пролетариями, благодаря железным дорогам, в течение немногих лет.

Эта организация пролетариев в класс, и тем самым — в политическую партию, ежеминутно вновь разрушается конкуренцией между самими рабочими. Но она возникает снова и снова, становясь каждый раз сильнее, крепче, могущественнее. Она заставляет признать отдельные интересы рабочих в законодательном порядке, используя для этого раздоры между отдельными слоями буржуазии. Например, закон о десятичасовом рабочем дне в Англии.

Вообще столкновения внутри старого общества во многих отношениях способствуют процессу развития пролетариата. Буржуазия ведет непрерывную борьбу: сначала против аристократии, позднее против тех частей самой же буржуазии, интересы которых приходят в противоречие с прогрессом промышленности, и постоянно — против буржуазии всех зарубежных стран. Во всех этих битвах она вынуждена обращаться к пролетариату, призывать его на помощь и вовлекать его таким образом в политическое движение. Она, следовательно, сама передает пролетариату элементы своего собственного образования¹, т. е. оружие против самой себя.

Далее, как мы видели, прогресс промышленности сталкивает в ряды пролетариата целые слои господствующего класса или, по крайней мере, ставит под угрозу условия их жизни. Они также приносят пролетариату большое количество элементов образования².

Наконец, в те периоды, когда классовая борьба приближается к развязке, процесс разложения внутри господствующего класса, внутри всего старого общества принимает такой бурный, такой реактивный характер, что небольшая часть господствующего класса отрывается от него и примыкает к революционному классу, к тому классу, которому принадлежит будущее. Вот почему, как прежде часть дворянства переходила к буржуазии, так теперь часть буржуазии переходит к пролетариату, именно — часть буржуа-идеологов, которые возвысились до теоретического понимания всего хода исторического движения.

Из всех классов, которые противостоят теперь буржуазии, только пролетариат представляет собою действительно революционный класс. Все прочие классы приходят в упадок и уничтожаются с развитием крупной промышленности, пролетариат же есть ее собственный продукт.

¹ В английском издании 1888 г. — «политического и общего образования». *Ред.*

² В английском издании 1888 г. — «элементов просвещения и прогресса». *Ред.*

Средние сословия: мелкий промышленник, мелкий торговец, ремесленник и крестьянин — все они борются с буржуазией для того, чтобы спасти свое существование от гибели, как средних сословий. Они, следовательно, не революционны, а консервативны. Даже более, они реакционны: они стремятся повернуть назад колесо истории. Если они революционны, то постольку, поскольку им предстоит переход в ряды пролетариата, постольку они защищают не свои настоящие, а свои будущие интересы, постольку они покидают свою собственную точку зрения для того, чтобы встать на точку зрения пролетариата.

Люмпен-пролетариат, этот пассивный продукт гниения самых низших слоев старого общества, местами вовлекается пролетарской революцией в движение, но в силу всего своего жизненного положения он гораздо более склонен продавать себя для реакционных козней.

Жизненные условия старого общества уже уничтожены в жизненных условиях пролетариата. У пролетария нет собственности; его отношения к жене и детям не имеют более ничего общего с буржуазными семейными отношениями; современный промышленный труд, современное иго капитала, одинаковое как в Англии, так и во Франции, как в Америке, так и в Германии, стерли с него всякий национальный характер. Законы, мораль, религия — все это для него не более как буржуазные предрассудки, за которыми скрываются буржуазные интересы.

Все прежние классы, завоевав себе господство, стремились упрочить уже приобретенное ими положение в жизни, подчиняя все общество условиям, обеспечивающим их способ присвоения. Пролетарии же могут завоевать общественные производительные силы, лишь уничтожив свой собственный нынешний способ присвоения, а тем самым и весь существовавший до сих пор способ присвоения в целом. У пролетариев нет ничего своего, что надо было бы им охранять, они должны разрушить все, что до сих пор охраняло и обеспечивало частную собственность.

Все до сих пор происходившие движения были движениями меньшинства или совершались в интересах меньшинства. Пролетарское движение есть самостоятельное движение огромного большинства в интересах огромного большинства. Пролетариат, самый низший слой современного общества, не может подняться, не может выпрямиться без того, чтобы при этом не взлетела на воздух вся возвышающаяся над ним надстройка из слоев, образующих официальное общество.

Если не по содержанию, то по форме борьба пролетариата против буржуазии является сначала борьбой национальной. Пролетариат каждой страны, конечно, должен сперва покончить со своей собственной буржуазией.

Описывая наиболее общие фазы развития пролетариата,

мы прослеживали более или менее прикрытую гражданскую войну внутри существующего общества вплоть до того пункта, когда она превращается в открытую революцию, и пролетариат основывает свое господство посредством насильственного изсройжения буржуазии.

Все донныне существовавшие общества основывались, как мы видели, на антагонизме между классами угнетающими и угнетенными. Но, чтобы возможно было угнетать какой-либо класс, необходимо обеспечить условия, при которых он мог бы владеть, по крайней мере, свое рабское существование. Крепостной в крепостном состоянии выбился до положения члена коммуны так же, как мелкий буржуа под ярмом феодального абсолютизма выбился до положения буржуа. Наоборот, современный рабочий с прогрессом промышленности не поднимается, а все более опускается ниже условий существования своего собственного класса. Рабочий становится паупером, и пауперизм растет еще быстрее, чем население и богатство. Это ясно показывает, что буржуазия неспособна оставаться долее господствующим классом общества и навязывать всему обществу условия существования своего класса в качестве регулирующего закона. Она неспособна господствовать, потому что неспособна обеспечить своему рабу даже рабского уровня существования, потому что вынуждена дать ему опуститься до такого положения, когда она сама должна его кормить, вместо того чтобы кормиться за его счет. Общество не может более жить под ее властью, т. е. ее жизнь не совместима более с обществом.

Основным условием существования и господства класса буржуазии является накопление богатства в руках частных лиц, образование и увеличение капитала. Условием существования капитала является наемный труд. Наемный труд держится исключительно на конкуренции рабочих между собой. Прогресс промышленности, невольным носителем которого является буржуазия, бессильная ему сопротивляться, ставит на место разъединения рабочих конкуренцией революционное объединение их посредством ассоциации. Таким образом, с развитием крупной промышленности из-под ног буржуазии вырывается сама основа, на которой она производит и присваивает продукты. Она производит прежде всего своих собственных могильщиков. Ее гибель и победа пролетариата одинаково неизбежны.

II. ПРОЛЕТАРИИ И КОММУНИСТЫ

В каком отношении стоят коммунисты к пролетариям вообще? Коммунисты не являются особой партией, противостоящей другим рабочим партиям.

У них нет никаких интересов, отдельных от интересов всего пролетариата в целом.

Они не выставляют никаких особых ¹ принципов, под которые они хотели бы подогнать пролетарское движение.

Коммунисты отличаются от остальных пролетарских партий лишь тем, что, с одной стороны, в борьбе пролетариев различных наций они выделяют и отстаивают общие, не зависящие от национальности интересы всего пролетариата; с другой стороны, тем, что на различных ступенях развития, через которые проходит борьба пролетариата с буржуазией, они всегда являются представителями интересов движения в целом.

Коммунисты, следовательно, на практике являются самой решительной, всегда побуждающей к движению вперед частью рабочих партий всех стран, а в теоретическом отношении у них перед остальной массой пролетариата преимущество в понимании условий, хода и общих результатов пролетарского движения.

Ближайшая цель коммунистов та же, что и всех остальных пролетарских партий: формирование пролетариата в класс, ниспровержение господства буржуазии, завоевание пролетариатом политической власти.

Теоретические положения коммунистов ни в какой мере не основываются на идеях, принципах, выдуманных или открытых тем или другим обновителем мира.

Они являются лишь общим выражением действительных отношений происходящей классовой борьбы, выражением совершающегося на наших глазах исторического движения. Уничтожение ранее существовавших отношений собственности не является чем-то присущим исключительно коммунизму.

Отношения собственности были подвержены постоянной исторической смене, постоянным историческим изменениям.

Например, французская революция отменила феодальную собственность, заменив ее собственностью буржуазной.

Отличительной чертой коммунизма является не отмена собственности вообще, а отмена буржуазной собственности.

Но современная буржуазная частная собственность есть последнее и самое полное выражение такого производства и присвоения продуктов, которое держится на классовых антагонизмах, на эксплуатации одних другими.

В этом смысле коммунисты могут выразить свою теорию одним положением: уничтожение частной собственности.

Нас, коммунистов, упрекали в том, что мы хотим уничтожить собственность, лично приобретенную, добытую своим трудом, собственность, образующую основу всякой личной свободы, деятельности и самостоятельности.

Заработанная, благоприобретенная, добытая своим трудом собственность! Говорите ли вы о мелкобуржуазной, мелкокре-

---

¹ Во французском и английском переводах — «сектантских». *Ред.*

стьянской собственности, которая предшествовала собственности буржуазной? Нам нечего ее уничтожать, развитие промышленности ее уничтожило и уничтожает изо дня в день.

Или, быть может, вы говорите о современной буржуазной частной собственности?

Но разве наемный труд, труд пролетария, создает ему собственность? Никким образом. Он создает капитал, т. е. собственность, эксплуатирующую наемный труд, собственность, которая может увеличиваться лишь при условии, что она порождает новый наемный труд, чтобы снова его эксплуатировать. Собственность в ее современном виде движется в противоположности между капиталом и наемным трудом. Рассмотрим же обе стороны этой противоположности.

Быть капиталистом — значит занимать в производстве не только чисто личное, но и общественное положение. Капитал — это коллективный продукт и может быть приведен в движение лишь совместной деятельностью многих членов общества, а в конечном счете — только совместной деятельностью всех членов общества.

Итак, капитал — не личная, а общественная сила.

Следовательно, если капитал будет превращен в коллективную, всем членам общества принадлежащую, собственность, то это не будет превращением личной собственности в общественную. Изменится лишь общественный характер собственности. Она потеряет свой классовый характер.

Перейдем к наемному труду.

Средняя цена наемного труда есть минимум заработной платы, т. е. сумма жизненных средств, необходимых для сохранения жизни рабочего как рабочего. Следовательно, того, что наемный рабочий присваивает своею деятельностью, едва хватает для воспроизводства его жизни. Мы вовсе не намерены уничтожить это личное присвоение продуктов труда, служащих непосредственно для воспроизводства жизни, присвоение, не оставляющее никакого избытка, который мог бы создать власть над чужим трудом. Мы хотим уничтожить только жалкий характер такого присвоения, когда рабочий живет только для того, чтобы увеличивать капитал, и живет лишь постольку, поскольку этого требуют интересы господствующего класса.

В буржуазном обществе живой труд есть лишь средство увеличивать накопленный труд. В коммунистическом обществе накопленный труд — это лишь средство расширять, обогащать, облегчать жизненный процесс рабочих.

Таким образом, в буржуазном обществе прошлое господствует над настоящим, в коммунистическом обществе — настоящее над прошлым. В буржуазном обществе капитал обладает самостоятельностью и индивидуальностью, между тем как трудящийся индивидуум лишен самостоятельности и обезличен.

И уничтожение этих отношений буржуазия называет упразднением личности и свободы! Она права. Действительно, речь идет об упразднении буржуазной личности, буржуазной самостоятельности и буржуазной свободы.

Под свободой, в рамках нынешних буржуазных производственных отношений, понимают свободу торговли, свободу купли и продажи.

Но с падением торгашества падет и свободное торгашество. Разговоры о свободном торгашестве, как и все прочие высокопарные речи наших буржуа о свободе, имеют вообще смысл лишь по отношению к несвободному торгашеству, к порабощенному горожанину средневековья, а не по отношению к коммунистическому уничтожению торгашества, буржуазных производственных отношений и самой буржуазии.

Вы приходите в ужас от того, что мы хотим уничтожить частную собственность. Но в вашем нынешнем обществе частная собственность уничтожена для девяти десятых его членов; она существует именно благодаря тому, что не существует для девяти десятых. Вы упрекаете нас, следовательно, в том, что мы хотим уничтожить собственность, предполагающую в качестве необходимого условия отсутствие собственности у огромного большинства общества.

Одним словом, вы упрекаете нас в том, что мы хотим уничтожить вашу собственность. Да, мы действительно хотим это сделать.

С того момента, когда нельзя будет более превращать труд в капитал, в деньги, в поземельную ренту, короче — в общественную силу, которую можно монополизировать, т. е. с того момента, когда личная собственность не сможет более превращаться в буржуазную собственность, — с этого момента, заявляете вы, личность уничтожена.

Вы сознаетесь, следовательно, что личностью вы не признаете никого, кроме буржуа, т. е. буржуазного собственника. Такая личность действительно должна быть уничтожена.

Коммунизм ни у кого не отнимает возможности присвоения общественных продуктов, он отнимает лишь возможность посредством этого присвоения порабощать чужой труд.

Выдвигали возражение, будто с уничтожением частной собственности прекратится всякая деятельность и воцарится всеобщая лень.

В таком случае буржуазное общество должно было бы давно погибнуть от лени, ибо здесь тот, кто трудится, ничего не приобретает, а тот, кто приобретает, не трудится. Все эти опасения сводятся к тавтологии, что нет больше наемного труда, раз не существует больше капитала.

Все возражения, направленные против коммунистического способа присвоения и производства материальных продуктов,

распространяются также на присвоение и производство продуктов умственного труда. Подобно тому как уничтожение классовой собственности представляется буржуа уничтожением самого производства, так и уничтожение классового образования для него равносильно уничтожению образования вообще.

Образование, гибель которого он оплакивает, является для громадного большинства превращением в придаток машины.

Но не спорьте с нами, оценивая при этом отмену буржуазной собственности с точки зрения ваших буржуазных представлений о свободе, образовании, праве и т. д. Ваши идеи сами являются продуктом буржуазных производственных отношений и буржуазных отношений собственности, точно так же как ваше право есть лишь возведенная в закон воля вашего класса, воля, содержание которой определяется материальными условиями жизни вашего класса.

Ваше пристрастное представление, заставляющее вас превращать свои производственные отношения и отношения собственности из отношений исторических, переходящих в процессе развития производства, в вечные законы природы и разума, вы разделяете со всеми господствовавшими прежде и погибшими классами. Когда заходит речь о буржуазной собственности, вы не смеее более понять того, что кажется вам понятным в отношении собственности античной или феодальной.

Уничтожение семьи! Даже самые крайние радикалы возмущаются этим гнусным намерением коммунистов.

На чем основана современная, буржуазная семья? На капитале, на частной наживе. В совершенно развитом виде она существует только для буржуазии; но она находит свое дополнение в вынужденной бессемейности пролетариев и в публичной проституции.

Буржуазная семья естественно отпадает вместе с отпадением этого ее дополнения, и обе вместе исчезнут с исчезновением капитала.

Или вы упрекаете нас в том, что мы хотим прекратить эксплуатацию детей их родителями? Мы сознаемся в этом преступлении.

Но вы утверждаете, что, заменяя домашнее воспитание общественным, мы хотим уничтожить самые дорогие для человека отношения.

А разве ваше воспитание не определяется обществом? Разве оно не определяется общественными отношениями, в которых вы воспитываете, не определяется прямым или косвенным вмешательством общества через школу и т. д.? Коммунисты не выдумывают влияния общества на воспитание; они лишь изменяют характер воспитания, вырывают его из-под влияния господствующего класса.

Буржуазные разглагольствования о семье и воспитании, о нежных отношениях между родителями и детьми внушают тем более

отвращения, чем более разрушаются все семейные связи в среде пролетариата благодаря развитию крупной промышленности, чем более дети превращаются в простые предметы торговли и рабочие инструменты.

Но вы, коммунисты, хотите ввести общность жен, — кричит нам хором вся буржуазия.

Буржуа смотрит на свою жену как на простое орудие производства. Он слышит, что орудия производства предполагается предоставить в общее пользование, и, конечно, не может отрешиться от мысли, что и женщины постигнет та же участь.

Он даже и не подозревает, что речь идет как раз об устранении такого положения женщины, когда она является простым орудием производства.

Впрочем, нет ничего смешнее высокоморального ужаса наших буржуа по поводу мнимой официальной общности жен у коммунистов. Коммунистам нет надобности вводить общность жен, она существовала почти всегда.

Наши буржуа, не довольствуясь тем, что в их распоряжении находятся жены и дочери их рабочих, не говоря уже об официальной проституции, видят особое наслаждение в том, чтобы соблазнять жен друг у друга.

Буржуазный брак является в действительности общностью жен. Коммунистам можно было бы сделать упрек разве лишь в том, будто они хотят ввести вместо лицемерно-прикрытой общности жен официальную, открытую. Но ведь само собой разумеется, что с уничтожением нынешних производственных отношений исчезнет и вытекающая из них общность жен, т. е. официальная и неофициальная проституция.

Далее, коммунистов упрекают, будто они хотят отменить отечество, национальность.

Рабочие не имеют отечества¹. У них нельзя отнять то, чего у них нет. Так как пролетариат должен прежде всего завоевать политическое господство, подняться до положения национального класса, конституироваться как нация, он сам пока еще национален, хотя совсем не в том смысле, как понимает это буржуазия.

Национальная обособленность и противоположности народов все более и более исчезают уже с развитием буржуазии, со свободой торговли, всемирным рынком, с единообразием промышленного производства и соответствующих ему условий жизни.

Господство пролетариата еще более ускорит их исчезновение. Соединение усилий, по крайней мере цивилизованных стран, есть одно из первых условий освобождения пролетариата.

¹ Лишь после Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г., учат Ленин и Сталин, конкретизируя это положение марксизма, рабочие приобрели себе социалистическое отечество — СССР, отечество, которое рабочие и трудящиеся всех стран должны защищать всеми силами. *Ред.*

В той же мере, в какой будет уничтожена эксплуатация одного индивидуума другим, уничтожена будет и эксплуатация одной нации другой.

Вместе с антагонизмом классов внутри нации падут и враждебные отношения наций между собой.

Обвинения против коммунизма, выдвигаемые с религиозных, философских и вообще идеологических точек зрения, не заслуживают подробного рассмотрения.

Нужно ли особое глубокомыслие, чтобы понять, что вместе с условиями жизни людей, с их общественными отношениями, с их общественным бытием изменяются также и их представления, взгляды и понятия, — одним словом, их сознание?

Что же доказывает история идей, как не то, что духовное производство преобразуется вместе с материальным? Господствующими идеями любого времени были всегда лишь идеи господствующего класса.

Говорят об идеях, революционизирующих все общество; этим выражают лишь тот факт, что внутри старого общества образовались элементы нового, что рука об руку с разложением старых условий жизни идет и разложение старых идей.

Когда древний мир клонился к гибели, древние религии были побеждены христианской религией. Когда христианские идеи в XVIII веке гибли под ударом просветительных идей, феодальное общество вело свой смертный бой с революционной в то время буржуазией. Идеи свободы совести и религии выражали собой лишь господство свободной конкуренции в области совести.

«Но», скажут нам, «религиозные, моральные, философские, политические, правовые идеи и т. д., конечно, изменялись в ходе исторического развития. Религия же, нравственность, философия, политика, право всегда сохранялись в этом непрерывном изменении.

К тому же, существуют вечные истины, как свобода, справедливость и т. д., общие всем стадиям общественного развития. Коммунизм же отменяет вечные истины, он отменяет религию, нравственность, вместо того чтобы обновить их; следовательно, он противоречит всему предшествовавшему ходу исторического развития».

К чему сводится это обвинение? История всех доныне существовавших обществ двигалась в классовых противоположностях, которые в разные эпохи складывались различно.

Но какие бы формы они ни принимали, эксплуатация одной части общества другою является фактом, общим всем минувшим столетиям. Неудивительно поэтому, что общественное сознание всех веков, несмотря на все разнообразие и все различия, движется в определенных общих формах, в таких формах, — формах сознания, — которые вполне исчезнут лишь с окончательным исчезновением противоположности классов.

Коммунистическая революция есть самый решительный разрыв с унаследованными от прошлого отношениями собственности; неудивительно, что в ходе своего развития она самым решительным образом порывает с идеями, унаследованными от прошлого.

Оставим, однако, возражения буржуазии против коммунизма.

Мы видели уже выше, что первым шагом в рабочей революции является превращение пролетариата в господствующий класс, завоевание демократии.

Пролетариат использует свое политическое господство для того, чтобы вырвать у буржуазии шаг за шагом весь капитал, централизовать все орудия производства в руках государства, т. е. пролетариата, организованного как господствующий класс¹, и возможно более быстро увеличить сумму производительных сил.

Это может, конечно, произойти сначала лишь при помощи деспотического вмешательства в право собственности и в буржуазные производственные отношения, т. е. при помощи мероприятий, которые экономически кажутся недостаточными и несостоятельными, но которые в ходе движения перерастают самих себя и неизбежны как средство для переворота во всем способе производства.

Эти мероприятия будут, конечно, различны в различных странах.

Однако в наиболее передовых странах могут быть почти повсеместно применены следующие меры²:

1) Экспроприация поземельной собственности и обращение поземельной ренты на покрытие государственных расходов.

2) Высокий прогрессивный налог.

3) Отмена права наследования.

¹ Подчеркивая особо это место, Ленин писал: «Государство, т. е. организованный в господствующий класс пролетариат» — это и есть диктатура пролетариата» («Марксизм о государстве», ИМЭЛ, 1932 г., стр. 46). Учитывая опыт революции 1848 г., Маркс в своей работе «18 брюмера Луи Бонапарта» развивает и конкретизирует учение о диктатуре пролетариата. Здесь он указывает, что пролетариат не может просто овладеть буржуазной государственной машиной, а должен «разбить», «сломать» ее (см. т. II настоящего издания). Далее, на основе опыта Парижской коммуны (см. К. Маркс, «Гражданская война во Франции в 1871 г.» в т. II настоящего издания) Маркс дает характеристику того государственного аппарата (государства типа Коммуны), которым пролетариат заменит разрушенный им угнетательский аппарат буржуазного государства (см. Ленин, «Государство и революция», Соч., т. XXI). *Ред.*

² В «Принципах коммунизма», послуживших наброском «Коммунистического манифеста», Энгельс изложил эту программу в 12 пунктах, по поводу которых товарищ Сталин на XV партконференции в 1926 г. указал, что «девять десятых этой программы уже осуществлено нашей революцией» (см. Сборник «Об оппозиции», Гиз, 1928 г., стр. 378). Теперь эта программа в СССР давно перевыполнена, достигнута в основном первая фаза коммунизма, социализм, ликвидированы эксплуататорские классы, СССР вступил в полосу завершения построения бесклассового социалистического общества и постепенного перехода от социализма к коммунизму. *Ред.*

- 4) Конфискация имущества всех эмигрантов и мятежников.
- 5) Централизация кредита в руках государства посредством национального банка с государственным капиталом и с исключительной монополией.
- 6) Централизация всего транспорта в руках государства.
- 7) Увеличение числа государственных фабрик, орудий производства, расчистка под пашню и улучшение земель по общему плану.
- 8) Одинаковая обязательность труда для всех, учреждение промышленных армий, в особенности для земледелия.
- 9) Соединение земледелия с промышленностью, содействие постепенному устранению противоположности¹ между городом и деревней.
- 10) Общественное и бесплатное воспитание всех детей. Устранение фабричного труда детей в современной его форме. Соединение воспитания с материальным производством и т. д. и т. д.

Когда в ходе развития исчезнут классовые различия и все производство сосредоточится в руках объединенных в ассоциации индивидов, тогда публичная власть потеряет свой политический характер. Политическая власть в собственном смысле слова — это организованное насилие одного класса для подавления другого. Если пролетариат в борьбе против буржуазии непременно объединяется в класс, если путем революции он превращает себя в господствующий класс и в качестве господствующего класса силой упраздняет старые производственные отношения, то вместе с этими производственными отношениями он уничтожает условия существования классовой противоположности, а также классов вообще², а тем самым и свое собственное господство как класса.

На место старого буржуазного общества с его классами и классовыми противоположностями приходит ассоциация, в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития всех.

III. СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ И КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

1) Реакционный социализм

а) Феодальный социализм

Французская и английская аристократия по своему историческому положению была призвана к тому, чтобы писать памфлеты против современного буржуазного общества. Во французской

¹ В последующих изданиях, начиная с издания 1872 г., слово: «противоположности» заменено словом: «различия». *Ред.*

² В последующих изданиях, начиная с издания 1872 г., — «то вместе с этими производственными отношениями он уничтожает условия существования классовой противоположности, ликвидирует классы вообще, а тем самым и свое собственное господство как класса». *Ред.*

июльской революции 1830 г. и в английском движении в пользу парламентской реформы ненавистный выскочка еще раз нанес ей поражение. О серьезной политической борьбе не могло быть больше и речи. Ей оставалась только литературная борьба. Но и в области литературы старые фразы времен реставрации стали уже невозможны¹. Чтобы возбудить сочувствие, аристократия должна была сделать вид, что она уже не заботится о своих собственных интересах и составляет свой обвинительный акт против буржуазии только в интересах эксплуатируемого рабочего класса. Она доставляла себе удовлетворение тем, что сочиняла пасквиль на своего нового властителя и шептала ему на ухо более или менее зловещие пророчества.

Так возник феодальный социализм — наполовину похоронная песнь, наполовину пасквиль, наполовину отголосок прошлого, наполовину угроза будущего, подчас поражающий буржуазию в самое сердце своим горьким, остроумным, язвительным приговором, но всегда производящий комическое впечатление полной неспособностью понять ход современной истории.

Аристократия размахивала нищенской сумой пролетариата, как знаменем, чтобы повести за собою народ. Но всякий раз, когда он следовал за нею, он замечал на ее заду старые феодальные гербы и разбежался с громким и непочтительным хохотом.

Разыгрыванием этой комедии занималась часть французских легитимистов и «Молодая Англия»².

Если феодалы доказывают, что их способ эксплуатации был иного рода, чем буржуазная эксплуатация, то они забывают только, что они эксплуатировали при совершенно других, теперь уже отживших, обстоятельствах и условиях. Если они указывают, что при их господстве не существовало современного пролетариата, то забывают, что как раз современная буржуазия была необходимым плодом их общественного строя.

Впрочем, они столь мало скрывают реакционный характер своей критики, что их главное обвинение против буржуазии именно в том и состоит, что при ее господстве развивается класс, который взорвет на воздух весь старый общественный порядок.

Они гораздо больше упрекают буржуазию в том, что она порождает революционный пролетариат, чем в том, что она порождает пролетариат вообще.

¹ Имеется в виду не английская реставрация 1660—1689 гг., а французская реставрация 1814—1830 гг. (*Примечание Энгельса к английскому изданию 1888 г.*)

² *Легитимисты* — партия дворян-землевладельцев, сторонников восстановления династии Бурбонов. «*Молодая Англия*» — часть английской консервативной партии, выступившая около 1842 г. Видными представителями этой части консерваторов были Дизраэли, Томас Карлейль и др. *Ред.*

Поэтому в политической практике они принимают участие во всех насильственных мероприятиях против рабочего класса, а в обыденной жизни, вопреки всей своей напыщенной фразеологии, не упускают случая подбирать золотые яблоки¹ и не без выгоды выменивают верность, любовь, честь на овечью шерсть, свекловицу и водку².

Подобно тому как поп всегда шел рука об руку с феодалом, поповский социализм идет рука об руку с феодальным.

Нет ничего легче, как придать христианскому аскетизму социалистический оттенок. Разве христианство не ратовало тоже против частной собственности, против брака, против государства? Разве оно не проповедывало вместо этого благотворительность и нищенство, безбрачие и умерщвление плоти, монастырскую жизнь и церковь? Христианский социализм — это лишь святая вода, которою поп кропит озлобление аристократа.

б) М е л к о б у р ж у а з н ы й с о ц и а л и з м

Феодальная аристократия — не единственный ниспровергнутый буржуазией класс, условия жизни которого в современном буржуазном обществе ухудшались и отмирали. Средневековое сословие горожан и сословие мелких крестьян были предшественниками современной буржуазии. В странах, менее развитых в промышленном и торговом отношении, класс этот до сих пор еще прозябает рядом с развивающейся буржуазией.

В тех странах, где развилась современная цивилизация, образовалась — и как дополнительная часть буржуазного общества постоянно вновь образуется — новая мелкая буржуазия, которая колеблется между пролетариатом и буржуазией. Но конкуренция постоянно сталкивает принадлежащих к этому классу лиц в ряды пролетариата, и они начинают уже видеть приближение того момента, когда с развитием крупной промышленности они совершенно исчезнут как самостоятельная часть современного общества и в торговле, промышленности и земледелии будут замещены надзирателями и наемными служащими.

В таких странах, как Франция, где крестьянство составляет гораздо более половины всего населения, естественно было по-

¹ В английском издании 1888 г. после слов: «золотые яблоки» вставлено: «падающие с дерева промышленности». *Ред.*

² Это относится главным образом к Германии, где поземельная аристократия и юнкерство обрабатывают большую часть своих земель за собственный счет через управляющих и вдобавок являются крупными владельцами свеклосахарных и спиртоочистительных заводов. Более богатые английские аристократы до этого еще не дошли; но они тоже знают, как можно возмещать падение ренты, уступая свое имя учредителям более или менее сомнительных акционерных компаний. (*Примечание Энгельса к английскому изданию 1888 г.*)

явление писателей, которые, становясь на сторону пролетариата против буржуазии, в своей критике буржуазного строя прикладывали к нему мелкобуржуазную и мелкокрестьянскую мерку и защищали дело рабочих с мелкобуржуазной точки зрения. Так возник мелкобуржуазный социализм. Сисмонди стоит во главе этого рода литературы не только во Франции, но и в Англии.

Этот социализм прекрасно умел подметить противоречия в современных производственных отношениях. Он разоблачил лицемерную апологетику экономистов. Он неопровержимо доказал разрушительное действие машинного производства и разделения труда, концентрацию капиталов и землевладения, перепроизводство, кризисы, неизбежную гибель мелких буржуа и крестьян, нищету пролетариата, анархию производства, вопиющее неравенство в распределении богатства, истребительную промышленную войну наций между собой, разложение старых нравов, старых семейных отношений и старых национальностей.

Но по своему положительному содержанию этот социализм стремится или восстановить старые средства производства и обмена, а вместе с ними старые отношения собственности и старое общество, или — вновь насильственно втиснуть современные средства производства и обмена в рамки старых отношений собственности, отношений, которые были уже ими взорваны и необходимо должны были быть взорваны. В обоих случаях он одновременно и реакционен и утопичен.

Цеховая организация промышленности и патриархальное сельское хозяйство — вот его последнее слово.

В дальнейшем своем развитии направление это вылилось в трусливое брюзжание.

в) Немецкий, или «истинный», социализм

Социалистическая и коммунистическая литература Франции, возникшая под гнетом господствующей буржуазии и являющаяся литературным выражением борьбы против этого господства, была перенесена в Германию в такое время, когда буржуазия там только что начала свою борьбу против феодального абсолютизма.

Немецкие философы, полуфилософы и любители красивой фразы жадно ухватились за эту литературу, позабыв только, что с перенесением этих сочинений из Франции в Германию туда не были одновременно перенесены и французские условия жизни. В немецких условиях французская литература утратила все непосредственное практическое значение и приняла вид чисто литературного течения. Она должна была казаться просто досужим размышлением об истинном обществе¹, об осуществлении

¹ В дальнейших изданиях, начиная с 1872 г., слов: «об истинном обществе» нет. *Ред.*

человеческой сущности. Так, требования первой французской революции для немецких философов XVIII века имели смысл лишь как требования «практического разума» вообще, а проявления воли революционной французской буржуазии в их глазах имели значение законов чистой воли, воли, какой она должна быть, истинно человеческой воли.

Вся работа немецких литераторов состояла исключительно в том, чтобы примирить новые французские идеи со своей старой философской совестью или, вернее, в том, чтобы усвоить французские идеи со своей философской точки зрения.

Это усвоение произошло таким же образом, каким вообще усваивают чужой язык, путем перевода.

Известно, что на манускриптах, содержащих классические произведения языческой древности, монахи поверх текста писали нелепые истории католических святых. Немецкие литераторы поступили с нечестивой французской литературой как раз наоборот. Под французский оригинал они вписали свою философскую чепуху. Например, под французскую критику денежных отношений они вписали «отчуждение человеческой сущности», под французскую критику буржуазного государства — «упразднение господства Абстрактно-Всеобщего» и т. д.

Это подсовывание под развитие французской мысли своей философской фразеологии они окрестили «философией действия», «истинным социализмом», «немецкой наукой социализма», «философским обоснованием социализма» и т. д.

Французская социалистическо-коммунистическая литература была таким образом совершенно выхолощена. И так как в руках немца она перестала выражать борьбу одного класса против другого, то немец был убежден, что он поднялся выше «французской односторонности», что он отстаивает, вместо истинных потребностей, потребность в истине, а вместо интересов пролетариата — интересы человеческой сущности, интересы человека вообще, человека, который не принадлежит ни к какому классу и вообще существует не в действительности, а в туманных небесах философской фантазии.

Этот немецкий социализм, считавший свои беспомощные схоластические упражнения столь серьезными и важными и так крикливо их рекламировавший, потерял мало-помалу свою педагогическую невинность.

Борьба немецкой, особенно прусской, буржуазии против феодалов и абсолютной монархии, одним словом либеральное движение, — становилась все серьезнее.

«Истинному» социализму представился, таким образом, желанный случай противопоставить политическому движению социалистические требования, предавать традиционной анафеме либерализм, представительное государство, буржуазную конкуренцию, буржуазную свободу печати, буржуазное право, буржуаз-

ную свободу и равенство и проповедывать народной массе, что в этом буржуазном движении она не может ничего выиграть, но, напротив, рискует все потерять. Немецкий социализм весьма кстати забывал, что французская критика, бесплодным отголоском которой он был, предполагала современное буржуазное общество с соответствующими ему материальными условиями жизни и соответственной политической конституцией, т. е. как раз все те предпосылки, о завоевании которых в Германии только еще шла речь.

Немецким абсолютным правительствам, с их свитой попов, школьных наставников, провинциальных дворянчиков и бюрократов, он служил кстати подвернувшимся пугалом против угрожающе наступавшей буржуазии.

Он был подслащенным дополнением к горечи плетей и ружейных пуль, которыми эти правительства усмиряли восстания немецких рабочих.

Если «истинный» социализм становился таким образом оружием в руках правительств против немецкой буржуазии, то он и непосредственно служил выражением реакционных интересов, интересов немецкого мещанства. В Германии действительную общественную основу существующего порядка вещей составляет мелкая буржуазия, унаследованная от XVI века и с того времени постоянно вновь появляющаяся в той или иной форме.

Сохранение ее равносильно сохранению существующего в Германии порядка вещей. От промышленного и политического господства буржуазии она со страхом ждет своей верной гибели, с одной стороны, вследствие концентрации капитала, с другой — вследствие роста революционного пролетариата. Ей казалось, что «истинный» социализм одним выстрелом убивает двух зайцев. И «истинный» социализм распространялся как зараза.

Вытканный из умозрительной паутины, расшитый причудливыми цветами красноречия, пропитанный слезами слащавого умиления, этот мистический покров, которым немецкие социалисты прикрывали пару своих тощих «вечных истин», только увеличивал сбыт их товара среди этой публики.

Со своей стороны, немецкий социализм все более понимал свое призвание быть высокопарным представителем этого мещанства.

Он провозгласил немецкую нацию образцовой нацией, а немецкого мещанина — образцом человека. Каждой его низости он придавал сокровенный, возвышенный социалистический смысл, превращавший ее в нечто ей совершенно противоположное. Последовательный до конца, он открыто выступал против «грубообразовательного» направления коммунизма и возвестил, что сам он в своем величественном беспристрастии стоит выше всякой классовой борьбы. За весьма немногими исключениями все, что

циркулирует в Германии в качестве якобы социалистических и коммунистических сочинений, принадлежит к этой грязной, развращающей литературе ¹.

2) Консервативный, или буржуазный, социализм

Известная часть буржуазии желает излечить общественные недуги для того, чтобы упрочить существование буржуазного общества.

Сюда относятся экономисты, филантропы, поборники гуманности, радетели о благе трудящихся классов, организаторы благотворительности, члены обществ покровительства животным, основатели обществ трезвости, мелкотравчатые реформаторы самых разнообразных видов. Этот буржуазный социализм разрабатывался даже в целые системы.

В качестве примера приведем «Философию нищеты» Прудона.

Буржуа-социалисты хотят сохранить условия существования современного общества, но без борьбы и опасностей, которые неизбежно из них вытекают. Они хотят сохранить современное общество, однако без тех элементов, которые его революционизируют и разлагают. Они хотели бы иметь буржуазию без пролетариата. Тот мир, в котором господствует буржуазия, конечно, кажется ей самым лучшим из миров. Буржуазный социализм разрабатывает это утешительное представление в более или менее цельную систему. Приглашая пролетариат осуществить его систему и войти в новый Иерусалим, он в сущности требует только, чтобы пролетариат оставался в теперешнем обществе, но отбросил свое представление о нем, как о чем-то ненавистном.

Другая, менее систематическая, но более практическая форма этого социализма стремилась к тому, чтобы внушить рабочему классу отрицательное отношение ко всякому революционному движению, доказывая, что ему может быть полезно не то или другое политическое преобразование, а лишь изменение материальных условий жизни, экономических отношений. Однако под изменением материальных условий жизни этот социализм понимает отнюдь не уничтожение буржуазных производственных отношений; осуществимое только революционным путем, а административные улучшения, совершающиеся на почве этих производственных отношений, следовательно, ничего не изменяющие в отношениях между капиталом и наемным трудом, в лучшем

---

¹ Революционная буря 1848 г. унесла все это гнусное направление и отбила охоту у его носителей спекулировать социализмом. Главным представителем и классическим типом этого направления является г. Карл Грюн. (Примечание Энгельса к немецкому изданию 1890 г.)

же случае лишь сокращающие для буржуазии издержки ее господства и упрощающие ее государственное хозяйство.

Самое подходящее для себя выражение буржуазный социализм находит только тогда, когда превращается в простой ораторский оборот речи.

Свободная торговля! в интересах рабочего класса; покровительственные пошлины! в интересах рабочего класса; одиночные тюрьмы! в интересах рабочего класса, — вот последнее, единственно сказанное всерьез, слово буржуазного социализма.

Социализм буржуазии заключается как раз в утверждении, что буржуа являются буржуа, — в интересах рабочего класса.

3) Критически-утопический социализм и коммунизм

Мы не говорим здесь о той литературе, которая во всех великих революциях нового времени выражала требования пролетариата (сочинения Бабефа и т. д.).

Первые попытки пролетариата непосредственно осуществить свои собственные классовые интересы во время всеобщего возбуждения, в период ниспровержения феодального общества, неизбежно терпели крушение вследствие неразвитости самого пролетариата, а также вследствие отсутствия материальных условий его освобождения, так как эти условия являются лишь продуктом буржуазной эпохи. Революционная литература, сопровождавшая эти первые движения пролетариата, по своему содержанию неизбежно является реакционной. Она проповедует всеобщий аскетизм и грубую уравнивательность.

Собственно социалистические и коммунистические системы, системы Сен-Симона, Фурье, Оуэна и т. д., возникают в первый, неразвитый период борьбы между пролетариатом и буржуазией, изображенный нами выше (см. «Буржуазия и пролетариат»).

Изобретатели этих систем, правда, видят противоположность классов, так же как и действительные разрушительные элементы, внутри самого господствующего общества. Но они не видят на стороне пролетариата никакой исторической самостоятельности, никакого свойственного ему политического движения.

Так как развитие классового антагонизма идет рука об руку с развитием промышленности, то они точно так же не могут еще найти материальных условий освобождения пролетариата и ищут такой социальной науки, таких социальных законов, которые создали бы эти условия.

Место общественной деятельности должна занять их личная изобретательская деятельность, место исторических условий освобождения — фантастические условия, место постепенно подвигающейся вперед организации пролетариата в класс — организация общества по придуманному ими рецепту. Дальнейшая исто-

рия всего мира сводится для них к пропаганде и практическому осуществлению их общественных планов.

Правда, они сознают, что в этих своих планах защищают главным образом интересы рабочего класса как наиболее страдающего класса. Только в качестве этого наиболее страдающего класса и существует для них пролетариат.

Однако неразвитая форма классовой борьбы, а также их собственное положение в жизни приводят к тому, что они считают себя стоящими высоко над этим классовым антагонизмом. Они хотят улучшить положение всех членов общества, даже находящихся в самых лучших условиях. Поэтому они постоянно апеллируют ко всему обществу без различия и даже преимущественно — к господствующему классу. По их мнению, достаточно только понять их систему, чтобы признать ее самым лучшим планом самого лучшего из возможных обществ.

Они отвергают поэтому всякое политическое, и в особенности всякое революционное, действие; они хотят достигнуть своей цели мирным путем и пытаются посредством мелких и, конечно, не удающихся опытов, силой примера проложить дорогу новому общественному евангелию.

Это фантастическое описание будущего общества возникает в то время, когда пролетариат еще находится в очень неразвитом состоянии и представляет себе поэтому свое собственное положение еще фантастически, оно возникает из первого исполненного предчувствий порыва пролетариата к всеобщему преобразованию общества.

Но в этих социалистических и коммунистических сочинениях содержатся также и критические элементы. Эти сочинения нападают на все основы существующего общества. Поэтому они дали в высшей степени ценный материал для просвещения рабочих. Их положительные выводы насчет будущего общества, например, уничтожение противоположности между городом и деревней, уничтожение семьи, частной наживы, наемного труда, провозглашение общественной гармонии, превращение государства в простое управление производством, — все эти положения выражают лишь необходимость устранения классовой противоположности, которая только что начинала развиваться и была известна им лишь в ее первичной бесформенной неопределенности. Поэтому и положения эти имеют еще совершенно утопический характер.

Значение критически-утопического социализма и коммунизма стоит в обратном отношении к историческому развитию. По мере того как развивается и принимает все более определенные формы борьба классов, это фантастическое стремление возвыситься над ней, это фантастически отрицательное к ней отношение лишается всякого практического смысла и всякого теоретического оправдания. Поэтому, если основатели этих систем и были во многих

отношениях революционны, то их ученики всегда образуют реакционные секты. Они крепко держатся старых воззрений своих учителей, невзирая на дальнейшее историческое развитие пролетариата. Поэтому они последовательно стараются вновь притупить классовую борьбу и примирить противоположности. Они все еще мечтают об осуществлении путем опытов своих общественных утопий, об учреждении отдельных фаланстеров¹, об основании внутренних колоний [«Home-colonies»]¹, об устройстве маленькой Икарии¹, — карманного издания нового Иерусалима, — и для сооружения всех этих воздушных замков вынуждены обращаться к филантропии буржуазных сердец и кошельков. Они постепенно опускаются в категорию описанных выше реакционных или консервативных социалистов, отличаясь от них лишь более систематическим педантизмом, фанатической верой в чудесное действие своей социальной науки.

Вот почему они с ожесточением выступают против всякого политического движения рабочих, вызываемого, по их мнению, лишь слепым неверием в новое евангелие.

Оуэнисты в Англии и фурьеристы во Франции выступают — первые против чартистов, вторые против реформистов².

IV. ОТНОШЕНИЕ КОММУНИСТОВ К РАЗЛИЧНЫМ ОПОЗИЦИОННЫМ ПАРТИЯМ

После того, что было сказано в разделе II, понятно отношение коммунистов к сложившимся уже рабочим партиям, т. е. их отношение к чартистам в Англии и к сторонникам аграрной реформы в Северной Америке.

Коммунисты борются во имя ближайших целей и интересов рабочего класса, но в то же время в движении сегодняшнего дня они отстаивают и будущность движения. Во Франции, в борьбе против консервативной и радикальной буржуазии, коммунисты примыкают к социалистическо-демократической партии³, не отка-

¹ Фаланстерами назывались социалистические колонии, которые проектировал Фурье; Икарией Кабэ называл свою утопическую страну, а позднее свою коммунистическую колонию в Америке. (*Примечание Энгельса к английскому изданию 1888 г.*)

Home-colonies (колониями внутри страны) Оуэн называл свои образцовые коммунистические общества. Фаланстерами назывались общественные дворцы, которые проектировал Фурье. Икарией называлась утопически-фантастическая страна, коммунистические учреждения которой описывал Кабэ. (*Примечание Энгельса к немецкому изданию 1890 г.*)

² Речь идет о сторонниках газеты «La Réforme» («Реформа»), органа «социалистическо-демократической» партии. *Ред.*

³ Эта партия была тогда представлена в парламенте Ледрю-Ролленом, в литературе — Луи Бланом, в ежедневной печати — газетой «La Réforme» [«Реформа»]. Название — социалистическо-демократическая — означало, что эта часть демократической или республиканской партии, как и авторы этого

зываясь тем не менее от права относиться критически к фразам и иллюзиям, проистекающим из революционной традиции.

В Швейцарии они поддерживают радикалов, не упуская, однако, из виду, что эта партия состоит из противоречивых элементов, частью из демократических социалистов во французском стиле, частью из радикальных буржуа.

Среди поляков коммунисты поддерживают партию, которая ставит аграрную революцию условием национального освобождения, ту самую партию, которая вызвала Краковское восстание 1846 г.

В Германии, поскольку буржуазия выступает революционно, коммунистическая партия борется вместе с ней против абсолютной монархии, феодальной поземельной собственности и реакционного мещанства.

Но ни на минуту не перестает она вырабатывать у рабочих возможно более ясное сознание враждебной противоположности между буржуазией и пролетариатом, чтобы немецкие рабочие могли сейчас же использовать общественные и политические условия, которые должно принести с собой господство буржуазии, как оружие против нее же самой, чтобы сейчас же после свержения реакционных классов в Германии началась борьба против самой буржуазии.

На Германию коммунисты обращают главное свое внимание потому, что она находится накануне буржуазной революции, потому, что она совершит этот переворот при более прогрессивных условиях европейской цивилизации вообще, с гораздо более развитым пролетариатом, чем в Англии XVII и во Франции XVIII столетия. Немецкая буржуазная революция, следовательно, может быть лишь непосредственным прологом пролетарской революции.

Одним словом, коммунисты повсюду поддерживают всякое революционное движение, направленное против существующего общественного и политического строя.

Во всех этих движениях они выдвигают на первое место вопрос о собственности, как основной вопрос движения, независимо от того, принял ли он более или менее развитую форму.

Наконец, коммунисты повсюду добиваются объединения и соглашения между демократическими партиями всех стран.

названия, была более или менее окрашена в социалистический цвет. (*Примечание Энгельса к английскому изданию 1888 г.*)

Называвшая себя социалистическо-демократической партией во Франции была представлена в политической жизни Ледрю-Ролленом, в литературе Луи Бланом; таким образом, она, как небо от земли, отличалась от современной немецкой социал-демократии. (*Примечание Энгельса к немецкому изданию 1890 г.*)

Коммунисты считают презренным делом скрывать свои взгляды и намерения. Они открыто заявляют, что их цели могут быть достигнуты лишь путем насильственного ниспровержения всего существующего общественного строя. Пусть господствующие классы содрогаются перед Коммунистической Революцией. Пролетариям нечего в ней терять кроме своих цепей. Приобретут же они весь мир.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Написано К. Марксом и Ф. Энгельсом на немецком языке в декабре 1847 — январе 1848 гг. Впервые напечатано в 1848 г., в Лондоне.— Маркс и Энгельс, Соч., т. V.

РАЗВИТИЕ СОЦИАЛИЗМА ОТ УТОПИИ К НАУКЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ НЕМЕЦКОМУ ИЗДАНИЮ

Предлагаемое произведение возникло из трех глав моей работы «Переворот в науке, произведенный г. Евгением Дюрингом», Лейпциг, 1878 г. Я собрал их вместе по просьбе моего друга Поля Лафарга для перевода на французский язык и дополнил их несколькими разъяснениями. Просмотренный мной французский перевод напечатан был сначала в «Revue Socialiste» и вышел затем отдельным изданием под названием «Socialisme utopique et socialisme scientifique», Paris, 1880. Сделанное по французскому переводу польское издание моей брошюры только что вышло в Женеве под названием «Socjalizm utopijny a naukowy». Imprimerie de l'Aurore, Genève, 1882.

Неожиданный успех сделанного Лафаргом перевода в странах, где говорят по-французски, и в особенности в самой Франции, поставил передо мной вопрос, не будет ли также целесообразно издать отдельной брошюрой эти три главы и на немецком языке. А тут еще редакция цюрихского «Sozialdemokrat'a»¹ сообщила мне, что в рядах германской социал-демократической партии замечается большой спрос на новые пропагандистские брошюры и запросила меня, не соглашусь ли я предоставить для этой цели указанные три главы. Я, конечно, дал ей свое согласие и предоставил в ее распоряжение мою работу.

Но ведь первоначально она была написана вовсе не для непосредственной пропаганды в массах. Могла ли для этого пригодиться работа, прежде всего, чисто научная? Какие изменения необходимы по форме и содержанию?

Что касается формы, то только частое употребление иностранных слов могло вызвать сомнение. Но уже Лассаль в своих речах и пропагандистских брошюрах не очень скупился на иностранные слова, и, насколько мне известно, на это не жаловались.

---

¹ «Sozialdemokrat» («Социал-демократ») — центральный орган германской социал-демократии, издававшийся с 1879 по 1888 г. в Швейцарии, в Цюрихе, а последние два года (1889—1890) — в Лондоне. Во время действия исключительного закона против социалистов (1878—1890) социал-демократические издания в Германии были запрещены. *Ред.*

А с того времени наши рабочие гораздо усерднее и более регулярно читают газеты и благодаря этому больше освоились с иностранными словами. Я ограничился тем, что устранил все излишние иностранные слова. Но оставляя необходимые, я отказался от присоединения к ним так называемых пояснительных переводов. Ведь необходимые иностранные слова, в большинстве случаев представляющие общепринятые научно-технические термины, не были бы необходимыми, если бы они поддавались переводу. Значит, перевод только искажает смысл; вместо того, чтобы разъяснить, он вносит путаницу. Устные разъяснения помогают в таком случае гораздо больше.

Что же касается содержания, то я смею утверждать, что оно не представляет для немецких рабочих больших трудностей. Вообще труден только третий раздел, причем в гораздо меньшей степени для рабочих, общие условия жизни которых он охватывает, чем для «образованных» буржуа. Делая многочисленные разъяснения и дополнения, я в действительности имел в виду не столько рабочих, сколько «образованных» читателей, людей вроде депутата господина фон-Эйперна¹, господина тайного советника Генриха фон-Зибеля и других Трейчке, испытывающих назойливый зуд все снова и снова демонстрировать свое невероятное невежество и вытекающее из него поразительное непонимание социализма. Если Дон-Кихоту угодно сражаться с ветряными мельницами, то это вполне соответствует его званию и роли, но Санчо-Панса мы не можем позволить ничего подобного.

Такие читатели также будут удивлены, наткнувшись в кратком очерке развития социализма на учение Канта-Лапласа о происхождении мира, на современное естествознание и Дарвина, на классическую немецкую философию и Гегеля. Но дело в том, что научный социализм в существенной части представляет собой немецкий продукт и мог возникнуть только у нации, классическая философия которой сохранила живую традицию сознательной диалектики, т. е. в Германии². Материалистическое понима-

¹ *Эйперн Э.* — бременский фабрикант, автор брошюры против социал-демократии. *Ред.*

² «В Германии» — это описка. Следует сказать: среди немцев. Ибо поскольку, с одной стороны, для возникновения научного социализма необходима была немецкая диалектика, постольку же, с другой стороны, были необходимы развитые экономические и политические условия Англии и Франции. Отсталые, — в начале сороковых годов в еще большей степени, чем теперь, — экономические и политические условия Германии могли в лучшем случае вызвать к жизни только карикатуры на социализм (ср. «Коммунистический манифест», III, 4, «Немецкий или истинный социализм»). Только когда создававшаяся в Англии и Франции экономическая и политическая ситуация была подвергнута немецко-диалектической критике, можно было достигнуть действительных результатов. С этой точки зрения, следовательно, научный социализм представляет не исключительно немецкий, а не в меньшей степени и международный продукт. (*Примечание Энгельса.*)

ние истории и его специальное применение к современной классовой борьбе между пролетариатом и буржуазией стало возможно только при помощи диалектики. И если школьные наставники немецкой буржуазии потопили память о великих немецких философах и созданную ими диалектику в болоте безотрадного эклектизма — до такой степени, что мы должны призывать современное естествознание в свидетели того, что диалектика существует в действительности, — то мы, немецкие социалисты, гордимся тем, что ведем свое происхождение не только от Сен-Симона, Фурье и Оуэна, но также и от Канта, Фихте и Гегеля.

Лондон, 21 сентября 1882 г.

Фридрих Энгельс

ПРЕДИСЛОВИЕ К ЧЕТВЕРТОМУ НЕМЕЦКОМУ ИЗДАНИЮ

Мое предположение, что содержание этой брошюры не представит для наших немецких рабочих больших трудностей, подтвердилось. По крайней мере, с марта 1883 г., когда появилось первое издание, было распродано три издания, общим тиражом в 10 000 экземпляров, и это при господстве — ныне уже покойного — закона против социалистов. Вместе с тем это — новый пример того, как бессильны полицейские запреты против такого движения, как движение современного пролетариата.

Со времени первого издания появилось еще несколько переводов на иностранные языки: итальянский перевод Пасквала Мартиньетти: «Il Socialismo Utopico ed il Socialismo scientifico», Benevento, 1883; русский: «Развитие научного социализма», Женева, 1884; датский: «Socialismens Udvikling fra Utopi til Videnskab», в «Socialisk Bibliotek», I Bind, Kjöbenhavn, 1885; испанский: «Socialismo utopico y Socialismo científico», Madrid, 1886; и голландский: «De Ontwikkeling van het Socialisme van Utopie tot Wetenschap», Haag, 1886.

Настоящее издание подверглось некоторым мелким изменениям; более важные дополнения сделаны только в двух местах: в первой главе, о Сен-Симоне, которому было отведено слишком мало места по сравнению с Фурье и Оуэном, и в конце третьей главы, о «трестах», новой форме производства, которая за это время приобрела важное значение.

Лондон, 12 мая 1891 г.

Фридрих Энгельс

ВВЕДЕНИЕ К АНГЛИЙСКОМУ ИЗДАНИЮ

Предлагасмая брошюра была сначала частью более обширного целого. Около 1875 г. д-р Е. Дюринг, приват-доцент Берлинского университета, внезапно и довольно крикливо заявил, что он уверовал в социализм, и преподнес немецкой публике не только подробно разработанную социалистическую теорию, но и полный практический план преобразования общества. Само собою разумеется, он обрушился на своих предшественников; больше всего досталось Марксу, на которого он излил свой гнев полной чашей.

Это случилось в то время, когда только что произошло слияние двух частей социалистической партии в Германии — эйзенахцев и лассальянцев, — и партия таким образом не только чрезвычайно усилилась, но, что еще важнее, получила также возможность направить все свои силы против общего врага. Социалистическая партия в Германии быстро становилась силой. Но для того, чтобы сделать ее силой, прежде всего необходимо было не подвергать опасности только что завоеванное единство. Между тем д-р Дюринг открыто начал создавать вокруг себя секту, ядро будущей самостоятельной партии. Поэтому мы были вынуждены поднять брошенную нам перчатку и вступить в бой, хотели мы того или нет.

Это, однако, было делом хотя и не слишком трудным, но явно кропотливым. Хорошо известно, что нам, немцам, свойственна страшно тяжеловесная *«Gründlichkeit»* («основательность»), называйте ее как угодно — основательное глубокомыслие или глубокомысленная основательность. Когда кто-нибудь из нас приступает к изложению того, что, по его мнению, является новой доктриной, он считает необходимым прежде всего разработать это в виде всеобъемлющей системы. Он должен доказать, что и первые принципы логики и основные законы мироздания искони существовали только для того, чтобы в конце концов привести именно к этой новооткрытой и все завершающей теории. И в данном отношении д-р Дюринг был вполне скроен по этой национальной мерке. Ни много, ни мало, как полная «Система философии» — философии духа, морали, природы и истории; полная «Система политической экономии и социализма» и, наконец, «Критическая история политической экономии» — три толстых тома в восьмую долю листа, тяжелых как по весу, так и по содержанию, три армейских корпуса доказательств, мобилизованных против предшествующих философов и против экономистов вообще и Маркса в особенности, — это поистине попытка совершить полнейший «переворот в науке», — вот с чем пришлось мне иметь дело. Я был вынужден трактовать обо всех и всевозможных предметах: от концепций времени и пространства до биметаллизма; от вечности материи и движения до преходящей природы моральных идей; от дарвиновского естественного отбора до воспитания молодежи

в будущем обществе. Во всяком случае, всеобъемлющая система моего противника давала мне повод изложить в полемике с ним взгляды Маркса и мои на все эти разнообразные предметы, и притом в гораздо более связном виде, чем это приходилось делать когда-либо прежде. Это как раз и было главной причиной, вынудившей меня взяться за эту, во всех других отношениях неблагодарную, задачу.

Ответ мой сперва появился в виде ряда статей в лейпцигском «Vorwärts», центральном органе социалистической партии, а затем — в виде книги «Переворот в науке, произведенный г. Евгением Дюрингом», второе издание которой вышло в Цюрихе в 1886 г.

По настоятельной просьбе моего друга Поля Лафарга, ныне депутата от Лилля во французской палате, из трех глав этой книги я составил брошюру, которую он перевел и издал в 1880 г. под названием «Социализм утопический и социализм научный». Этот французский текст лег в основу польского и испанского изданий. В 1883 г. наши немецкие друзья издали брошюру на том языке, на котором она первоначально была написана. Затем с этого немецкого текста были сделаны переводы итальянский, русский, датский, голландский и румынский. Таким образом, включая и настоящее английское издание, брошюра эта распространена на десяти языках. Полагаю, что ни одно социалистическое произведение, не исключая даже нашего «Коммунистического манифеста», впервые изданного в 1848 г., и «Капитала» Маркса, не было столько раз переведено. В Германии брошюра выдержала четыре издания, общим тиражом около 20 000 экземпляров.

Приложение «Марка»¹ было написано с целью распространения среди немецкой социалистической партии некоторых элементарных сведений относительно истории возникновения и развития земельной собственности в Германии. В то время это было тем более необходимо, что объединение городских рабочих немецкой социал-демократической партией было уже на верном пути к завершению, и перед партией встала задача заняться сельскохозяйственными рабочими и крестьянами. Это приложение было включено в издание из тех соображений, что первобытные формы землевладения, общие у всех тевтонских племен, и история их разложения еще менее известны в Англии, чем в Германии. Я оставил текст в его первоначальном виде, не касаясь гипотезы, недавно предложенной Максимом Ковалевским, согласно которой

---

¹ Работа Энгельса «Марка» в 1883 г. была Энгельсом издана отдельной брошюрой под заглавием: «Немецкий крестьянин. Чем он был? Что он есть? Чем мог бы он быть?» Здесь Энгельс дает историю немецкого крестьянства, а в заключении указывает в общих чертах марксистское решение крестьянского вопроса, путь крестьянства к социализму. В Собрании сочинений Маркса и Энгельса эта работа напечатана в томе XV, а также издана Партиздатом отдельной брошюрой в 1933 г. и новым изданием в 1939 г. *Ред.*

разделу пахотных и луговых полей между членами марки предшествовала общая совместная обработка этой земли большой патриархальной семьей общины, охватывающей несколько поколений (чему примером может служить еще существующая южно-славянская задруга); впоследствии же, когда община разрослась и стала слишком громоздкой для совместного ведения хозяйства, произошел раздел земель общины. Ковалевский, вероятно, вполне прав, однако вопрос еще находится *sub judice* ¹.

Употребляемые в этой работе экономические термины, поскольку они новы, совпадают с терминологией английского издания «Капитала» Маркса. Под «товарным производством» мы понимаем ту фазу экономического развития, на которой предметы производятся не только для удовлетворения потребностей производителей, но и с целью обмена, т. е. производятся *в качестве товаров*, а не потребительных стоимостей. Эта фаза существует с тех пор, как началось производство для обмена, и вплоть до нашего времени; своего полного развития она достигает лишь при капиталистическом производстве, т. е. в тех условиях, когда капиталист, собственник средств производства, нанимает за деньги рабочих — людей, лишенных каких бы то ни было средств производства, кроме своей собственной рабочей силы, — и кладет себе в карман излишек продажной цены продуктов над издержками. Историю промышленности, начиная со средних веков, мы делим на три периода: 1) ремесло, мелкие мастера-ремесленники с их немногочисленными подмастерьями и учениками, причем каждый работник производит предмет целиком; 2) мануфактура, при которой более крупное число рабочих, собранных в одном обширном предприятии, производит весь предмет в порядке разделения труда, т. е. каждый рабочий выполняет какую-нибудь одну частичную операцию, так что продукт готов лишь после того, как он последовательно прошел через руки их всех; 3) современная промышленность, при которой продукт производится машиной, приводимой в движение какой-либо силой, а роль рабочего ограничивается наблюдением за действиями механизма и их регулированием ² . . .

20 апреля 1892 г.

Ф. Энгельс

¹ *Sub judice* (лат.) — в стадии обсуждения, дискуссии. *Ред.*

² Следующая далее часть введения к английскому изданию брошюры «Развитие социализма от утопии к науке» была опубликована Энгельсом в журнале «*Neue Zeit*» в 1892—1893 гг. под заглавием: «Об историческом материализме». См. стр. 360 настоящего тома. *Ред.*

Современный социализм по своему содержанию является прежде всего результатом наблюдения, с одной стороны, господствующих в современном обществе классовых противоположностей между имущими и неимущими, капиталистами и наемными рабочими, а с другой — царящей в производстве анархии. Но по своей теоретической форме он выступает сначала только как дальнейшее и как бы более последовательное развитие принципов, выдвинутых великими французскими просветителями XVIII века¹. Как всякая новая теория, социализм должен был исходить прежде всего из накопленного до него идейного материала, хотя его корни лежали глубоко в материальных экономических фактах.

Великие люди, которые во Франции просвещали головы для приближавшейся революции, сами выступали крайне революционно. Никаких внешних авторитетов, какого бы то ни было рода, они не признавали. Религия, понимание природы, общество, государственный порядок — все было подвергнуто самой беспощадной критике; все должно было предстать пред судом разума, и либо оправдать свое существование, либо отказаться от него. Мыслящий рассудок стал единственным мерилом всего существующего. Это было то время, когда, по выражению Гегеля, «мир был поставлен на голову»², сначала в том смысле, что человеческая голова и те положения, которые она открывала

---

¹ Речь идет о представителях французской буржуазии в философии и науке накануне французской буржуазной революции 1789—1794 гг. Виднейшими просветителями были Вольтер, Руссо, энциклопедисты с Дидро во главе и др. *Ред.*

² Вот что говорит Гегель о французской революции: «Мысль о праве, его понятие, — сразу завоевала себе признание, ветхие опоры бесправия не могли оказать ей никакого сопротивления. Мысль о праве положена была в основу конституции, и теперь все должно опираться на нее. С тех пор как на небе светит солнце и вокруг него вращаются планеты, еще не было видано, чтобы человек становился на голову, т. е. опирался на мысль и сообразно с мыслью строил действительность. Анаксагор первый сказал, что *Nûs*, т. е. разум, управляет миром, но только теперь впервые человек дошел до признания, что мысль должна управлять духовной действительностью. Это был величественный восход солнца. Все мыслящие существа радостно привет-

посредством мышления, выступали с требованием, чтобы их признали единственной основой всех человеческих действий и общественных отношений, а затем и в том более широком смысле, что действительность, противоречащая этим положениям, была фактически перевернута сверху донизу. Все прежние формы общества и государства, все традиционные представления были признаны неразумными и отброшены, как старый хлам; мир до сих пор руководился одними предрассудками, и все его прошлое достойно лишь сожаления и презрения. Теперь впервые взошло солнце, наступило царство разума, и с этих пор суеверие и несправедливость, привилегии и угнетение должны уступить место вечной истине, вечной справедливости, равенству, вытекающему из самой природы, и неотъемлемым правам человека.

Мы знаем теперь, что это царство разума было не чем иным, как идеализированным царством буржуазии, что вечная справедливость нашла свое осуществление в буржуазной юстиции, что равенство свелось к буржуазному равенству перед законом, а одним из самых существенных прав человека объявлено было право буржуазной собственности. Государство разума, — «общественный договор» Руссо¹, — оказалось и могло оказаться на практике только буржуазной демократической республикой. Великие мыслители XVIII века, так же как и все их предшественники, не могли выйти из рамок, которые им ставила их собственная эпоха.

Но, наряду с противоположностью между феодальным дворянством и буржуазией, выступавшей в качестве представительницы всего остального общества, существовала общая противоположность между эксплуататорами и эксплуатируемыми, богатыми тунеядцами и трудящимися бедняками. Именно это обстоятельство дало возможность представителям буржуазии выступать в роли представителей не какого-либо отдельного класса, а всего страждущего человечества. Более того. Буржуазия

ствоvalи наступление новой эпохи. Возвышенный восторг властвовал в это время, и весь мир проникся энтузиазмом духа, как будто совершилось впервые примирение божественного начала с миром» (Hegel, Philosophie der Geschichte, 1840, S. 535). [См. Гегель, «Философия истории», соч., т. VIII, стр. 413, Соцэкгиз. М. 1935 г.] Не пора ли, наконец, против такого опасного, неспровергающего общественные устои учения покойного профессора Гегеля пустить в ход закон о социалистах? (Примечание Энгельса.)

¹ Жан-Жак Руссо (1712—1778) — представитель революционной мелкой буржуазии накануне французской буржуазной революции 1789—1794 гг., выдвинул теорию, что общество и государство первоначально образовались путем свободного «общественного договора» между свободными, независимыми друг от друга людьми, но установленный этим договором общественный порядок был затем искажен возникновением общественного неравенства. Так как люди по своей природе свободны и равны, то они должны обладать одинаковыми политическими правами и во всем должны быть равны перед законом. Восстановить это равенство, по учению Руссо, они могут и должны опять-таки на основе свободного общественного договора между собой. *Ред.*

с момента своего возникновения была обременена своей собственной противоположностью: капиталисты не могут существовать без наемных рабочих, и соответственно тому, как средневековый цеховой мастер развивался в современного буржуа, цеховой подмастерье и внецеховой поденщик развивались в пролетариев. И хотя в общем и целом буржуазия в борьбе с дворянством имела известное право считать себя также представительницей различных трудящихся классов того времени, тем не менее при каждом крупном буржуазном движении вспыхивали самостоятельные движения того класса, который был более или менее развитым предшественником современного пролетариата. Таково было движение анабаптистов и Томаса Мюнцера во время реформации и крестьянских войн в Германии¹, левёлеров² — во время великой английской революции³, Бабёфа — во время великой французской революции. Эти революционные вооруженные восстания еще не созревшего класса сопровождались соответствующими теоретическими выступлениями; таковы утопические изображения идеального общественного строя в XVI и XVII столетиях⁴, а в XVIII столетии — уже прямо коммунистические теории (Морелли и Мабли). Требование равенства не ограничивалось уже областью политических прав, а распространялось на общественное положение каждой отдельной личности; доказывалась необходимость уничтожения не только классовых привилегий, но и самих классовых различий. Аскетически суровый, спартакский коммунизм, запрещавший всякое наслаждение жизнью, был первой формой проявления нового учения. Потом явились три великих утописта: Сен-Симон, у которого рядом с пролетарским направлением сохраняло еще известное значение направление буржуазное, Фурье и Оуэн, который в стране наиболее развитого капиталистического производства и под впечатлением порожденных этим способом производства противоположностей разработал ряд проектов устранения классовых различий в виде системы, непосредственно примыкавшей к французскому материализму.

Общим для всех троих является то, что они не выступают как представители интересов исторически порожденного к тому

¹ Реформация и крестьянские войны в Германии происходили в начале XVI века. О реформации см. Ф. Энгельс, «Об историческом материализме», стр. 360 настоящего тома. *Ред.*

² *Левёлеры* (в переводе: *уравнители*) — название представителей движения плебейских элементов города и деревни, выдвигавших во время революции 1648 г. в Англии наиболее радикальные демократические требования. *Ред.*

³ Речь идет об английской буржуазной революции (1640—1660 гг.), направленной против абсолютной монархии и господства феодалов-помещиков (лендлордов). *Ред.*

⁴ Энгельс имеет в виду произведения представителей утопического коммунизма — Томаса Мора (XVI век) и Кампанеллы (XVII век). *Ред.*

времени пролетариата. Подобно просветителям, они хотят сразу же освободить все человечество, а не какой-либо определенный общественный класс в первую очередь. Как и те, они хотят установить царство разума и вечной справедливости; но их царство, как небо от земли, отличается от царства разума французских просветителей. Буржуазный мир, построенный сообразно принципам этих просветителей, так же неразумен и несправедлив и поэтому должен быть так же выброшен на свалку, как феодализм и все прежние общественные порядки. Истинный разум и истинная справедливость до сих пор не господствовали в мире только потому, что они не были правильно поняты. Не было просто того гениального человека, который явился теперь и который познал истину. Что он теперь появился, что истина раскрылась именно теперь, — это вовсе не является необходимым результатом общего хода исторического развития, неизбежным событием, а просто счастливой случайностью. Этот гениальный человек мог с таким же успехом родиться пятьсот лет тому назад и тем избавить человечество от пяти веков заблуждений, борьбы и страданий.

Мы видели, как подготавливавшие революцию философы XVIII века апеллировали к разуму, как к единственному судье над всем существующим. Они требовали установления разумного государства, разумного общества, требовали безжалостного устранения всего того, что противоречит вечному разуму. Мы видели также, что этот вечный разум был в действительности лишь идеализированным рассудком среднего бюргера, как раз в то время развившегося в буржуа. И вот, когда французская революция воплотила в действительность это разумное общество и это разумное государство, то новые учреждения оказались, при всей своей рациональности по сравнению с прежним строем, отнюдь не абсолютно разумными. Царство разума потерпело полное крушение. Общественный договор Руссо нашел свое осуществление во время террора¹, от которого изверившаяся в своей политической способности буржуазия искала спасения сперва в подкупности Директории², а затем под крылом наполеоновского деспотизма. Обетованный вечный мир превратился в бесконечную вереницу завоевательных войн. Не более посчастливилось и разумному общественному строю. Противоположность между богатством и бедностью, вместо того чтобы разрешиться во все-

¹ В 1793—1794 гг. революционное правительство Франции, во главе которого стояли якобинцы (опиравшиеся на революционную мелкую буржуазию и плебейские массы), применяло режим террора как средство борьбы против контрреволюции. *Ред.*

² *Директорией* называлось французское правительство, установленное буржуазией после контрреволюционного переворота. Директория просуществовала с 1795 по 1799 г. и была свергнута Наполеоном Бонапартом. *Ред.*

общем благоденствии, еще более обострилась вследствие устранения цеховых и иных привилегий, служивших как бы мостом над этой противоположностью, а также вследствие устранения церковной благотворительности, несколько смягчавшей ее. Осуществленная теперь на деле «свобода собственности» от феодальных оков оказалась для мелкого буржуа и крестьянина свободой продавать эту мелкую собственность, задавленную могущественной конкуренцией крупного капитала и крупного землевладения, именно этим магнатам; эта «свобода» превратилась, таким образом, для мелких буржуа и крестьян в свободу *от* собственности. Быстрое развитие промышленности на капиталистической основе сделало бедность и страдания трудящихся масс необходимым условием существования общества. Чистоган все более и более становился, по выражению Карлейля, единственным связующим элементом этого общества. Количество преступлений возрастало с каждым годом. Если пороки феодальной эпохи, прежде выставлявшиеся напоказ, — не уничтоженные, впрочем, еще и теперь, — были все же отодвинуты пока на задний план, то тем пышнее расцвели на их месте буржуазные пороки, которым раньше предавались только тайком. Торговля все более и более проникалась мошенничеством. Революционный девиз «братства» осуществился в плутнях и в зависти, порождаемых конкуренцией. Место насильственного угнетения занял подкуп, и вместо меча главнейшим рычагом общественной власти стали деньги. «Право первой ночи» перешло от феодалов к буржуа-фабрикантам. Проституция выросла до неслыханных размеров, и даже самый брак остался, как и прежде, признанной законом формой проституции, ее официальным прикрытием, дополняясь к тому же многочисленными нарушениями супружеской верности. Одним словом, установленные «победой разума» общественные и политические учреждения оказались злой, вызывающей горькое разочарование карикатурой на блестящие обещания просветителей. Недоставало еще только людей, способных констатировать это разочарование, и эти люди явились на рубеже нового столетия. В 1802 г. вышли «Женевские письма» Сен-Симона; в 1808 г. появилось первое произведение Фурье, хотя основа его теории была заложена еще в 1799 г.; 1 января 1800 г. Роберт Оуэн взял на себя управление Нью-Лэнарком.

Но в это время капиталистическое производство, а вместе с ним и противоположность между буржуазией и пролетариатом были еще очень неразвиты. Крупная промышленность, только что возникшая в Англии, во Франции была еще неизвестна. А между тем лишь крупная промышленность развивает, с одной стороны, конфликты, делающие принудительной необходимостью переворот в способе производства, устранение его капиталистического характера, — конфликты не только между созданными

этой крупной промышленностью классами, но и между порожденными ею производительными силами и формами обмена; а с другой стороны, эта крупная промышленность как раз в гигантском развитии производительных сил дает также и средства для разрешения ею же созданных конфликтов. Если, следовательно, на рубеже XIX века конфликты, возникающие из нового общественного порядка, еще только зарождались, то еще гораздо менее развиты были в тот период средства для их разрешения. Хотя во время террора неимущие массы Парижа захватили на одно мгновение власть и смогли, таким образом, привести к победе буржуазную революцию *против* самой же буржуазии, но этим они доказали только всю невозможность длительного господства этих масс при тогдашних отношениях. Пролетариат, едва только выделившийся из общей массы неимущих в качестве зародыша нового класса, еще совершенно неспособный к самостоятельному политическому действию, казался лишь угнетенным, страдающим сословием, помощь которому в лучшем случае, при его неспособности помочь самому себе, могла быть оказана извне — сверху.

Это историческое положение определило взгляды и основателей социализма. Незрелому капиталистическому производству, незрелым классовым отношениям соответствовали и незрелые теории. Решение общественных задач, еще скрытое в неразвитых экономических отношениях, пришлось изобретать, создавать из головы. Общественный строй являл одни лишь недостатки; их устранение было задачей мыслящего разума. Требовалось изобрести новую, более совершенную систему общественного устройства и навязать ее существующему обществу извне, посредством пропаганды, а по возможности и примерами показательных опытов. Эти новые социальные системы заранее были обречены на то, чтобы оставаться утопиями, и чем старательнее разрабатывались они в подробностях, тем дальше уносились в область чистой фантазии.

Установив это, мы не будем задерживаться больше ни минуты на этой стороне вопроса, ныне целиком принадлежащей прошлому. Предоставим литературным лавочникам самодовольно перетряхивать эти, в настоящее время кажущиеся забавными, фантазии и любоваться трезвостью своего собственного образа мыслей по сравнению с подобным «сумасбродством». Нас гораздо больше радуют прорывающиеся на каждом шагу сквозь фантастический покров гениальные мысли и зародыши мыслей, которых не видят слепые филистеры.

Сен-Симон был сыном великой французской революции, к началу которой он не достиг еще тридцатилетнего возраста. Революция была победой третьего сословия, т. е. *занятого* в производстве и торговле большинства нации, над привилегированными

до того времени, *праздными* сословиями — дворянством и духовенством. Но вскоре обнаружилось, что победа третьего сословия есть только победа маленькой части этого сословия; эта победа свелась к завоеванию политической власти социально-привилегированным слоем третьего сословия — имущей буржуазией. И к тому же эта буржуазия быстро развилась еще в процессе революции, с одной стороны, посредством спекуляции конфискованной и затем *проданной* земельной собственностью дворянства и церкви, с другой — посредством надувательства нации военными поставщиками. Именно господство этих спекулянтов при Директории привело Францию и революцию на край гибели и тем самым дало предлог Наполеону для государственного переворота. Таким образом, в голове Сен-Симона противоположность между третьим сословием и привилегированными сословиями приняла форму противоположности между «рабочими» и «праздными». Праздными являлись не только представители прежних привилегированных сословий, но и все те, кто, не принимая участия в производстве и торговле, жил на свою ренту. А «рабочими» были не только наемные рабочие, но и фабриканты, купцы и банкиры. Что праздные потеряли способность к умственному руководству и политическому господству, — не подлежало никакому сомнению и окончательно было подтверждено революцией. Что неимущие не обладали этой способностью, это, по мнению Сен-Симона, доказано было опытом времени террора. Кто же в таком случае должен был руководить и господствовать? По мнению Сен-Симона — наука и промышленность, объединенные новой религиозной связью, неизбежно мистическим, строго-иерархическим «новым христианством», призванным восстановить разрушенное со времени реформации единство религиозных воззрений. Наука же — это ученые, а промышленность — это в первую очередь активные буржуа, фабриканты, купцы, банкиры. Правда, эти буржуа должны были стать чем-то вроде государственных чиновников, доверенных лиц всего общества, но сохранить по отношению к рабочим командующее и экономически-привилегированное положение. Что касается банкиров, то именно они были призваны регулировать все общественное производство при помощи регулирования кредита. Такой взгляд вполне соответствовал той эпохе, когда во Франции крупная промышленность, а вместе с ней и противоположность между буржуазией и пролетариатом находились еще только в процессе возникновения. Но что Сен-Симон особенно подчеркивает, — это следующее: всюду и всегда его в первую очередь интересует судьба «самого многочисленного и самого бедного класса» («la classe la plus nombreuse et la plus pauvre»).

Уже в «Женевских письмах» Сен-Симона мы находим положение, что «все люди должны работать». В том же произведении

он уже отмечает, что господство террора во Франции было господством неимущих масс. «Посмотрите, — восклицает он, обращаясь к последним, — что произошло во Франции, когда там господствовали ваши товарищи; они создали голод!» Но понять, что французская революция была классовой борьбой, и не только между дворянством и буржуазией, но также между дворянством, буржуазией и *неимущими классами* — это в 1802 году было в высшей степени гениальным открытием. В 1816 году Сен-Симон объявляет политику наукой о производстве и предсказывает ее полнейшее поглощение экономикой. Если здесь понимание того, что экономическое положение есть основа политических учреждений, выражено лишь в зародышевой форме, зато совершенно ясно высказана та мысль, что политическое управление людьми должно превратиться в распоряжение вещами и в руководство процессами производства, т. е. привести к «отмене государства», о чем так много шумели в последнее время. С таким же превосходством над своими современниками Сен-Симон заявляет в 1814 г., — тотчас по вступлении союзников в Париж, — а затем в 1815 г. (во время войны Ста дней), что союз Франции с Англией и во вторую очередь этих двух стран с Германией представляет единственную гарантию мирного развития и процветания Европы. Поистине нужно было много мужества и исторической дальновзоркости, чтобы в 1815 г. проповедывать французам союз с победителями при Ватерлоо.

Если у Сен-Симона мы встречаем гениальную широту взгляда, вследствие чего его воззрения содержат в зародыше почти все не строго-экономические мысли позднейших социалистов, то у Фурье мы находим критику существующего общественного строя, в которой чисто французское остроумие сочетается, однако, с большой глубиной анализа. Он ловит на слове вдохновенных пророков дореволюционной буржуазии и ее подкупленных льстецов после революции. Он беспощадно вскрывает всю материальную и моральную нищету буржуазного мира и сопоставляет ее с заманчивыми обещаниями прежних просветителей об установлении такого общества, где будет господствовать только разум, такой цивилизации, которая принесет счастье всем, — с их заявлениями о способности человечества к бесконечному совершенствованию; он разоблачает пустоту напыщенной фразы современных буржуазных идеологов, показывая, какая жалкая действительность соответствует их громким словам, и осыпает едким сарказмом полнейший провал этой фразеологии. Фурье — не только критик; всегда жизнерадостный по своей натуре, он становится сатириком, и даже одним из величайших сатириков всех времен. Меткими, насмешливыми словами рисует он спекулятивные плутни и мелкоторгашеский дух, овладевший с закатом революции всей французской коммерческой деятельностью. Еще

с бóльшим мастерством он критикует буржуазную форму отношений между полами и положение женщины в буржуазном обществе. Ему первому принадлежит мысль, что в каждом данном обществе степень освобождения женщины является естественным мерилом всякого освобождения. Но ярче всего проявилось величие Фурье в его воззрении на историю общества. Весь предшествующий ход ее он разделяет на четыре ступени развития: дикость, варварство, патриархат и цивилизация; последняя совпадает у него с так называемым ныне гражданским обществом, следовательно, с общественным порядком, развивающимся с XVI века; и он показывает, как эта «цивилизация превращает в основу существования и делает сложным, двусмысленным, двуличным и лицемерным каждый порок, остававшийся в простом виде при варварстве». Он указывает на «порочный круг» непреодолимых и постоянно вновь порождаемых противоречий, в котором движется цивилизация, всегда достигая результатов, противоположных тем, к которым, искренне или притворно, она стремится. Таким образом, например, «в цивилизации бедность порождается самим избытком». Фурье, как мы видим, так же мастерски владеет диалектикой, как и его современник Гегель. Так же диалектически он утверждает, в противовес фразам о неограниченной способности человека к совершенствованию, что каждый исторический фазис имеет свою восходящую и нисходящую линию, и этот свой взгляд он развивает дальше по отношению к будущности всего человечества. Подобно тому, как Кант ввел в естествознание идею о будущей гибели земли, Фурье в свое понимание истории включил мысль о будущей гибели человечества.

В то время как над Францией проносился ураган революции, очистивший страну, в Англии совершался менее шумный, но не менее грандиозный переворот. Пар и новое машинное производство превратили мануфактуру в современную крупную промышленность и тем самым революционизировали все основы буржуазного общества. Вялый ход развития времен мануфактуры превратился в настоящий период бури и натиска в производстве. Все быстрее и быстрее совершалось разделение общества на крупных капиталистов и нищих пролетариев, а между ними, вместо устойчивого среднего сословия старых времен, мы видим изменчивую массу ремесленников и мелких торговцев, обреченных на весьма шаткое существование и представляющих самую текучую часть населения. Новый способ производства находился еще на первых ступенях своего восходящего развития; он был еще нормальным, правильным, единственно возможным, при данных условиях, способом производства. А между тем он успел уже породить вопиющие социальные бедствия: скопление бездомного населения в отвратительнейших закоулках больших городов; разрушение всех унаследованных от прошлого связей, патриар-

хальной иерархии, семьи; ужасающее удлинение рабочего дня, особенно для женщин и детей; массовую деморализацию среди трудящегося населения, внезапно брошенного в совершенно новые условия, из деревни в город, из земледелия в промышленность, из стабильных в ежедневно меняющиеся, необеспеченные жизненные условия. И тут выступил в качестве реформатора двадцатидевятилетний фабрикант, человек с почти детской чистотой и благородством характера и в то же время прирожденный руководитель, каких мало на свете. Роберт Оуэн усвоил учение просветителей-материалистов XVIII века о том, что человеческий характер является продуктом, с одной стороны, его природной организации, а с другой, условий, окружающих человека в течение всей жизни, а в особенности в период его развития. Большинство собратьев Оуэна по общественному положению видело в промышленной революции только беспорядок и хаос, годные для ловли рыбы в мутной воде и для быстрого обогащения. Оуэн же видел в промышленной революции благоприятный случай для того, чтобы осуществить свою любимую идею и тем самым внести порядок в этот хаос. В Манчестере он как руководитель фабрики, где работало более 500 рабочих, сделал попытку, и притом успешную, применить эту идею. С 1800 по 1829 г. он управлял большой бумагопрядильной фабрикой в Нью-Лэнарке, в Шотландии, и, будучи компаньоном в предприятии, действовал здесь в том же направлении, но с гораздо большей свободой и с таким успехом, что вскоре его имя сделалось известным всей Европе. Население Нью-Лэнарка, постепенно возросшее до 2 500 человек и состоявшее из крайне смешанных и по большей части сильно деморализованных элементов, он превратил в совершенно образцовую колонию, в которой пьянство, полиция, уголовные суды и процессы, попечительство о бедных, надобность в благотворительности стали неизвестными явлениями. Он достиг этого единственно тем, что поставил людей в условия, более сообразные с человеческим достоинством, и в особенности заботился о хорошем воспитании подрастающего поколения. В Нью-Лэнарке были впервые введены детские сады, придуманные Оуэном. В них принимали детей начиная с двухлетнего возраста; дети так хорошо проводили в них время, что родители с трудом могли увести их домой. В то время как конкуренты Оуэна заставляли своих рабочих работать по 13—14 часов ежедневно, в Нью-Лэнарке рабочий день длился не больше 10½ часов. А когда хлопчатобумажный кризис принудил к четырехмесячной остановке работ, рабочие, несмотря на это, продолжали получать полную плату. И при всем том стоимость предприятия возросла более чем вдвое, и вплоть до конца оно приносило собственникам обильный доход.

Но все это не удовлетворяло Оуэна. Те условия существования,

которые он создал для своих рабочих, в его глазах еще далеко не соответствовали человеческому достоинству. «Люди эти были моими рабами», — говорил он; сравнительно благоприятные условия, в которые он поставил рабочих Нью-Лэнарка, были далеко недостаточны для правильного всестороннего развития их характера и ума, не говоря уже о свободной жизнедеятельности. «А между тем трудящаяся часть этих 2 500 человек создавала такое количество реального богатства, для производства которого всего каких-нибудь полвека тому назад потребовался бы труд 600 000 человек. Я спросил себя: куда девается разность между количеством продуктов, потребляемых 2 500 рабочих, и тем количеством, которое потребовалось бы для прежних 600 000?» Ответ был ясен. Эта разность доставалась владельцам фабрики, которые получали 5% на вложенный в предприятие капитал и еще сверх того больше 300 000 фунтов стерлингов (6 000 000 марок) прибыли. В большей еще степени, чем к Нью-Лэнарку, это было применимо ко всем остальным фабрикам Англии. «Без этого нового источника богатства, созданного машинами, не было бы возможности вести войны для свержения Наполеона и восстановления аристократических принципов общественного устройства. И эта новая сила была ведь делом рук трудящегося класса»¹. Ему поэтому должны принадлежать и плоды ее. Новые могучие производительные силы, служившие до сих пор только обогащению единиц и порабощению масс, представлялись Оуэну основой для общественного преобразования и должны были работать только для общего благосостояния всех в качестве их общей собственности.

На таких чисто деловых началах, как плод своеобразного коммерческого подсчета, возник коммунизм Оуэна. Этот свой практический характер он сохранил до конца. Так, в 1823 г. Оуэн составил проект коммунистических колоний с целью устранения ирландской нищеты и приложил к нему подробное вычисление необходимого вложения капитала, ежегодных издержек и предполагаемых доходов. В своем окончательном плане будущего строя Оуэн разработал все технические подробности, вплоть до рабочих чертежей, перспективных планов и рисунков, и все это выполнено с таким знанием дела, что если принять его метод преобразования общества, то очень немного можно возразить против подробностей, даже с точки зрения специалиста.

Переход к коммунизму был поворотным пунктом в жизни Оуэна. Пока он выступал просто как филантроп, он пожинал только богатство, одобрение, почет и славу. Он был популярнейшим чело-

¹ Из обращения под названием «The Revolution in Mind and Practice» [«Революция в умах и практике»] ко всем «красным республиканцам, коммунистам и социалистам Европы» и французскому временному правительству 1848 г., но адресованного также «королеве Виктории и ее ответственному советникам». (*Примечание Энгельса.*)

веком в Европе. Его речам благосклонно внимали не только люди его общественного положения, но даже министры и коронованные особы. Но лишь только он выступил со своими коммунистическими теориями, как дело приняло другой оборот. Три великих препятствия заграждали, по его мнению, путь к преобразованию общества: частная собственность, религия и существующая форма брака. Начиная борьбу с этими препятствиями, он знал, что ему предстоит стать отверженным в среде официального общества и лишиться своего общественного положения. Но эти соображения не могли остановить Оуэна, не убавили энергии его бесстрашного нападения. И произошло именно то, что он предвидел: изгнанный из официального общества, замалчиваемый прессою, обедневший в результате неудачных коммунистических опытов в Америке, поглотивших все его состояние, он обратился прямо к рабочему классу, в среде которого он продолжал свою деятельность еще тридцать лет. Все общественные движения, которые происходили в Англии в интересах рабочего класса, и все их действительные достижения связаны с именем Оуэна. Так, в 1819 г. благодаря его пятилетним усилиям прошел первый закон, ограничивший работу женщин и детей на фабриках. Он был председателем первого конгресса, на котором тред-юнионы всей Англии соединились в один большой, всеобщий профессиональный союз. Он же организовал в качестве мероприятий для перехода к общественному строю, уже вполне коммунистическому, с одной стороны — кооперативные общества (потребительские и производительные товарищества), которые, по крайней мере, доказали в дальнейшем на практике полную возможность обходиться как без купцов, так и без фабрикантов; с другой стороны — рабочие базары, на которых продукты обменивались при помощи трудовых бумажных денег, единицей которых служил час рабочего времени. Эти базары неизбежно должны были потерпеть неудачу, но они вполне предвосхитили значительно более поздний прудоновский меновой банк, от которого они отличались как раз тем, что не возводились в универсальное целительное средство от всех общественных зол, а предлагались только как один из первых шагов к более радикальному переустройству всего общества.

Образ мыслей утопистов долго господствовал над социалистическими воззрениями XIX века и отчасти господствует еще и поныне. Его придерживались до недавнего времени все французские и английские социалисты, а также прежний немецкий коммунизм, включая Вейтлинга. Социализм для них всех есть выражение абсолютной истины, разума, справедливости, и стоит только его открыть, чтобы он собственной силой покорила весь мир; а так как абсолютная истина не зависит от времени, пространства и исторического развития человечества, то это уже дело чистой случайности, когда и где она будет открыта. При

этом абсолютная истина, разум и справедливость опять-таки различны у каждого основателя школы и обусловлены всегда субъективным складом ума, условиями жизни, объемом познаний и способом мышления. Поэтому при столкновении этих различных видов абсолютной истины разрешение конфликта возможно лишь путем сглаживания их взаимных противоречий. Из этого не могло выработаться ничего, кроме особого рода эклектического межэумочного социализма, который действительно господствует до сих пор в головах большинства социалистов-рабочих Франции и Англии. Этот эклектический социализм представляет собою в высшей степени пеструю, избыточную всевозможными оттенками смесь из наиболее бесспорных критических замечаний, экономических положений и представлений различных основателей сект о будущем обществе, — смесь, которая получается тем легче, чем скорее ее отдельные составные части утрачивают в потоке споров, как камешки в ручье, свои острые углы и грани. Чтобы превратить социализм в науку, необходимо было, прежде всего, поставить его на реальную почву.

II

Между тем рядом с французской философией XVIII века и вслед за нею развилась новейшая немецкая философия, нашедшая свое завершение в Гегеле. Ее величайшей заслугой было возвращение к диалектике как высшей форме мышления. Древние греческие философы были все прирожденными, стихийными диалектиками, и Аристотель, самая универсальная голова среди них, исследовал уже все существеннейшие формы диалектического мышления. Новая философия, хотя и в ней диалектика имела блестящих представителей (например Декарт и Спиноза), напротив, все более и более погрязала, особенно под влиянием английской философии, в так называемом метафизическом способе мышления, почти исключительно овладевшем также французами XVIII века, по крайней мере в их специально философских трудах. Однако вне пределов философии в собственном смысле слова они смогли оставить нам высокие образцы диалектики: припомним только «Племянника Рамо» Дидро и сочинение Руссо «О происхождении неравенства между людьми».

Остановимся здесь вкратце на существовании обоих методов мышления.

Когда мы мысленно рассматриваем природу или историю человечества или нашу собственную духовную деятельность, то перед нами сперва возникает картина бесконечного сплетения связей и взаимодействий, в которой ничто не остается неподвижным и неизменным, а все движется, изменяется, возникает и исчезает. Таким образом, мы видим сперва общую картину, в которой част-

ности пока более или менее отступают на задний план, мы больше обращаем внимание на движение, на переходы и связи, чем на то, что именно движется, переходит, находится в связи. Этот первоначальный, наивный, но по сути дела правильный взгляд на мир был присущ древнегреческой философии и впервые ясно выражен Гераклитом: все существует и в то же время не существует, так как все *течет*, все постоянно изменяется, все находится в постоянном процессе возникновения и исчезновения. Несмотря, однако, на то, что этот взгляд верно схватывает общий характер всей картины явлений, он все же недостаточен для объяснения частных, из которых она складывается, а пока мы не знаем их, нам не ясна и общая картина. Чтобы познавать отдельные стороны (частности), мы вынуждены вырывать их из их естественной или исторической связи и исследовать каждую в отдельности по ее свойствам, по ее особым причинам и следствиям и т. д. В этом состоит прежде всего задача естествознания и исторического исследования, т. е. тех отраслей науки, которые, по вполне понятной причине, занимали у греков классических времен лишь второстепенное место, потому что грекам нужно было раньше накопить необходимый для этого материал. Только после того как естественно-научный и исторический материал был в известной степени собран, можно было приступить к критическому отбору, сравнению, а сообразно с этим и разделению на классы, порядки и виды. Поэтому начатки точного исследования природы стали развиваться впервые лишь у греков александрийского периода¹, а затем, в средние века, развивались дальше арабами. Настоящее же естествознание начинается только со второй половины XV века, и с этого времени оно непрерывно делает все более быстрые успехи. Разложение природы на ее отдельные части, разделение различных процессов природы и природных вещей на определенные классы, исследование внутреннего строения органических тел по их многообразным анатомическим формам — все это было основным условием тех исполинских успехов, которыми ознаменовалось развитие естествознания за последние четыре столетия. Но тот же способ изучения оставил нам привычку рассматривать вещи и процессы природы в их обособленности, вне их великой общей связи, и в силу этого — не в движении, а в неподвижном состоянии, не как изменяющиеся существенным образом, а как вечно неизменные, не живыми, а мертвыми. Перенесенный Бэконом

¹ *Александрийский период* развития науки относится ко времени от III века до н. э. по VI век н. э. и получил свое название от египетского города Александрии (на побережье Средиземного моря), являвшегося одним из крупнейших центров международных хозяйственных сношений того времени. В александрийский период получил большое развитие ряд наук: математика (Эвклид и Архимед), география, астрономия, анатомия, физиология и др. *Ред.*

и Локком из естествознания в философию, этот способ понимания создал специфическую ограниченность последних столетий — метафизический способ мышления.

Для метафизика вещи и их мысленные отображения, т. е. понятия, суть отдельные, неизменные, застывшие, раз навсегда данные предметы, подлежащие исследованию один после другого и один независимо от другого. Он мыслит сплошными непосредствованными противоположностями; речь его состоит из: «да — да; нет — нет»; что сверх того, то от лукавого. Для него вещь или существует или не существует, и точно так же вещь не может быть самой собою и в то же время иной. Положительное и отрицательное абсолютно исключают друг друга; причина и действие по отношению друг к другу тоже находятся в застывшей противоположности. Этот способ мышления кажется нам на первый взгляд совершенно очевидным потому, что он присущ так называемому здравому смыслу. Но здравый человеческий смысл, весьма почтенный спутник в домашнем обиходе, между четырьмя стенами, переживает самые удивительные приключения лишь только он отважится выйти на широкий простор исследования. Метафизический образ мышления, хотя и является правомерным и даже необходимым в известных областях, более или менее обширных, смотря по характеру предмета, рано или поздно достигает тех пределов, за которыми он становится односторонним, ограниченным, абстрактным и запутывается в неразрешимых противоречиях, потому что за отдельными вещами он не видит их взаимной связи, за их бытием — их возникновения и исчезновения, из-за их покоя забывает их движение, за деревьями не видит леса. Мы, например, в обыденной жизни можем с уверенностью сказать, существует ли данное животное или нет, но при более точном исследовании мы убеждаемся, что это иногда в высшей степени сложная вещь, как это очень хорошо известно юристам, которые тщетно бились над тем, чтобы открыть рациональную границу, за которой умерщвление ребенка в утробе матери нужно считать убийством. Невозможно точно так же определить и момент смерти, так как физиология установила, что смерть есть не внезапный, мгновенный акт, а очень длительный процесс. Равным образом и всякое органическое существо в каждое данное мгновение является тем же самым и не тем же самым; в каждое мгновение оно перерабатывает получаемые им извне вещества и выделяет из себя другие вещества, одни клетки его организма отмирают, другие нарождаются, так что спустя известный период времени вещество данного организма вполне обновляется, заменяется другим составом атомов. Вот почему каждое органическое существо всегда то же и, однако, не то же. При более точном исследовании мы находим также, что оба полюса какой-нибудь противоположности — положительный и отрицательный — столь же неотде-

лимы один от другого, как и противоположны; и что они, несмотря на всю противоположность между ними, взаимно простирают друг друга. Мы видим далее, что причина и следствие суть представления, которые имеют значение, как таковые, только в применении к данному отдельному случаю; но как только мы будем рассматривать этот отдельный случай в его общей связи со всем мировым целым, эти представления сходятся и переплетаются в представлении универсального взаимодействия, в котором причины и следствия постоянно меняются местами; то, что здесь или теперь является причиной, становится там или тогда следствием и наоборот.

Все эти процессы и все эти методы мышления не вмещаются в рамки метафизического мышления. Для диалектики же, которая берет вещи и их умственные отражения главным образом в их взаимной связи, в их сцеплении, в их движении, в их возникновении и исчезновении, такие явления, как вышеприведенные, напротив, подтверждают лишь ее собственный метод исследования. Природа есть пробный камень диалектики, и современное естествознание, представившее для этой пробы чрезвычайно богатый, с каждым днем увеличивающийся материал, тем самым доказало, что в природе, в конце концов, все совершается диалектически, а не метафизически, что она движется не вечно однородном, постоянно сызнова повторяющемся круге, а переживает действительную историю. Здесь прежде всего следует указать на Дарвина, который нанес сильнейший удар метафизическому взгляду на природу, доказав, что весь современный органический мир, растения и животные, а следовательно также и человек, есть продукт процесса развития, длившегося миллионы лет. Но так как и до сих пор можно по пальцам перечесть естествоиспытателей, научившихся мыслить диалектически, то этот конфликт между достигнутыми результатами и укоренившимся способом мышления вполне объясняет ту безграничную путаницу, которая господствует теперь в теоретическом естествознании и одинаково приводит в отчаяние как учителей, так и учеников, как писателей, так и читателей.

Итак, точное представление о вселенной, о ее развитии и о развитии человека, равно как и об отражении этого развития в головах людей, может быть приобретено только диалектическим путем, при постоянном внимании к общему взаимодействию между возникновением и исчезновением, между прогрессивными изменениями и изменениями регрессивными. И в этом именно духе выступила сразу же новейшая немецкая философия. Кант начал свою научную деятельность с того, что он превратил Ньютонову солнечную систему и ее вечную длительность, — после того как был однажды дан пресловутый первый толчок, — в исторический процесс: в процесс возникновения солнца и всех планет

из вращающейся туманной массы. При этом он уже пришел к тому выводу, что возникновение солнечной системы предполагает и ее будущую неизбежную гибель. Спустя полстолетия его взгляд был математически обоснован Лапласом, а еще полустолетием позже спектроскоп показал существование в мировом пространстве таких раскаленных газовых масс различных степеней сгущения.

Свое завершение новейшая немецкая философия нашла в системе Гегеля, великая заслуга которого состоит в том, что он впервые представил весь естественный, исторический и духовный мир в виде процесса, т. е. в непрерывном движении, изменении, преобразовании и развитии, и пытался раскрыть внутреннюю связь этого движения и развития. С этой точки зрения история человечества уже перестала казаться нелепым клубком бессмысленных насилий, в равной мере достойных перед судом созревшего ныне философского разума лишь осуждения и скорейшего забвения; она, напротив, предстала как процесс развития самого человечества, и задача мышления свелась теперь к тому, чтобы проследить последовательные ступени этого процесса среди всех его блужданий и доказать внутреннюю его закономерность среди всех кажущихся случайностей.

Для нас здесь безразлично, что гегелевская система не разрешила этой поставленной перед собой задачи; ее великая заслуга состояла в том, что она поставила эту задачу. Задача же эта такова, что она не может быть разрешена отдельным человеком. Хотя Гегель, наряду с Сен-Симоном, был самым универсальным умом своего времени, но он все-таки был ограничен, во-первых, неизбежными пределами своих собственных знаний, а во-вторых, знаниями и воззрениями своей эпохи, точно так же ограниченными в отношении объема и глубины. К этому присоединилось еще третье обстоятельство. Гегель был идеалист, т. е. для него мысли нашей головы были не отражениями, более или менее абстрактными, действительных вещей и процессов, а, наоборот, вещи и развитие их были для Гегеля воплотившимися отражениями какой-то «идеи», существовавшей где-то еще до возникновения мира. Таким образом, все было поставлено на голову, и действительная связь мировых явлений была совершенно извращена. И поэтому, как бы верно и гениально ни были схвачены Гегелем некоторые отдельные связи явлений, все же многое и в частности его системы должно было оказаться натянутым, искусственным, надуманным, словом — извращенным. Гегелевская система как таковая была колоссальным недоноском, но зато и последним в своем роде. А именно, она еще страдала неизлечимым внутренним противоречием: с одной стороны, ее существенной предпосылкой было историческое воззрение, согласно которому человеческая история есть процесс развития, ход которого по самой

его природе не может найти своего умственного завершения в открытии так называемой абсолютной истины; но, с другой стороны, его система претендует быть именно завершением этой абсолютной истины. Всеобъемлющая, раз навсегда законченная система познания природы и истории противоречит основным законам диалектического мышления, но это, однако, отнюдь не исключает, а, напротив, предполагает, что систематическое познание всего внешнего мира может делать гигантские успехи с каждым поколением.

Уразумение того, что господствовавший до тех пор в Германии идеализм совершенно ложен, неизбежно привело к материализму, но, конечно, не просто к метафизическому, исключительно механическому материализму XVIII века. В противоположность наивно-революционному, простому отбрасыванию всей протекшей истории, современный материализм видит в истории процесс развития человечества, причем его задачей является открытие законов движения этого процесса. Как у французов XVIII века, так еще и у Гегеля, господствовало представление о природе, как о всегда равном себе целом, движущемся в одних и тех же ограниченных кругах с вечными мировыми телами, как учил Ньютон, и с неизменными видами органических существ, как учил Линней; в противоположность этому представлению о природе современный материализм обобщает новейшие успехи естествознания, согласно которым природа тоже имеет свою историю во времени, небесные тела возникают и исчезают, как и все те виды организмов, которые при благоприятных условиях населяют эти тела, а круговороты, поскольку они вообще могут иметь место, приобретают бесконечно более грандиозные размеры. В обоих случаях материализм является по существу диалектическим и не нуждается больше в стоящей над прочими науками философии. Как только перед каждой отдельной наукой ставится требование выяснить свое место во всеобщей связи вещей и знаний о вещах, какая-либо особая наука об этой всеобщей связи становится излишней. И тогда из всей прежней философии самостоятельное значение сохраняет еще учение о мышлении и его законах — формальная логика и диалектика. Все остальное входит в положительные науки о природе и истории.

Но между тем как указанный переворот в воззрениях на природу мог совершаться лишь по мере того, как исследования доставляли соответствующий положительный материал для познания, — уже значительно раньше совершились исторические события, которые вызвали решительный поворот в понимании истории. В 1831 г. в Лионе произошло первое рабочее восстание¹;

¹ Восстание лионских рабочих-ткачей 1831 г. во Франции явилось ответом на расстрел рабочей манифестации во время забастовки за установление

в период с 1838 по 1842 г. первое национальное рабочее движение, движение английских чартистов¹, достигло своей высшей точки. Классовая борьба между буржуазией и пролетариатом выступала на первый план в истории наиболее развитых стран Европы, по мере того как развивались, с одной стороны, крупная промышленность, а с другой — недавно завоеванное политическое господство буржуазии. Факты все с большей и большей наглядностью показывали всю лживость учения буржуазной экономии о тождестве интересов капитала и труда, о всеобщей гармонии и о всеобщем благополучии народа, которые будто бы должны явиться следствием свободной конкуренции. Невозможно уже было не считаться с этими фактами, равно как и с французским и английским социализмом, который являлся их теоретическим, хотя и крайне несовершенным, выражением. Но старое, еще не вытесненное, идеалистическое понимание истории не знало никакой классовой борьбы, основанной на материальных интересах, и вообще никаких материальных интересов. Производство и все экономические отношения упоминались лишь между прочим, как второстепенные элементы «истории культуры».

Новые факты заставили подвергнуть всю прежнюю историю новому исследованию, и тогда выяснилось, что *вся* прежняя история, за исключением первобытного состояния, была историей классовой борьбы, что борющиеся друг с другом общественные классы являются в каждый данный момент продуктом отношений производства и обмена, словом — *экономических* отношений своей эпохи; следовательно, выяснилось, что экономическая структура общества каждой данной эпохи образует ту реальную основу, которою и объясняется в последнем счете вся надстройка правовых и политических учреждений, равно как религиозных, философских и других воззрений каждого данного исторического периода. Гегель освободил от метафизики понимание истории, он сделал его диалектическим, но его понимание истории было по своей сущности идеалистическим. Теперь идеализм был изгнан из своего последнего убежища, из понимания истории, теперь

минимума заработной платы. Восставшие рабочие воздвигли по всему городу баррикады, в течение нескольких дней держали весь город в своих руках и были сломлены лишь присланными правительством на помощь лионской буржуазии регулярными войсками. *Ред.*

¹ *Чартистское движение в Англии* охватило собой огромное большинство английского рабочего класса и было первым *самостоятельным политическим* движением пролетариата. Своё название это движение получило от поданной рабочими в 1839 г. в парламент хартии (по-английски — чартер), излагавшей их основные требования: 1) всеобщее избирательное право, 2) ежегодно переизбираемый парламент, 3) оплата содержания членов парламента, 4) тайное голосование при выборах в парламент, 5) равные избирательные округа, 6) отмена имущественного ценза для депутатов. Борьбу за эти требования рабочий класс Англии вел в течение нескольких лет путем петиций, стачек, демонстраций и вооруженных столкновений с полицией. *Ред.*

понимание истории стало материалистическим, и был найден путь для объяснения сознания людей из их бытия вместо прежнего объяснения их бытия из их сознания.

Поэтому социализм теперь уже рассматривается не как случайное открытие того или другого гениального ума, а как необходимый результат борьбы двух исторически возникших классов — пролетариата и буржуазии. Его задача заключается уже не в том, чтобы сконструировать возможно более совершенную систему общества, а в том, чтобы исследовать историко-экономический процесс, необходимым следствием которого явились названные классы с их взаимной борьбой, и чтобы в экономическом положении, созданном этим процессом, найти средства для разрешения конфликта. Но прежний социализм был так же несовместим с этим материалистическим пониманием истории, как несовместимо было с диалектикой и с новейшим естествознанием понимание природы французскими материалистами. Прежний социализм хотя и критиковал существующий капиталистический способ производства и его последствия, но он не мог объяснить его, а следовательно, не в состоянии был справиться с ним, — он мог лишь объявить его никуда негодным. Чем более возмущался он неизбежной при этом способе производства эксплуатацией рабочего класса, тем менее был он в состоянии отчетливо понять, в чем состоит эта эксплуатация и как она возникает. Но задача заключалась в том, чтобы, с одной стороны, объяснить неизбежность возникновения капиталистического способа производства в его исторической связи и необходимость его для определенного исторического периода, а поэтому и неизбежность его гибели, а с другой — в том, чтобы обнажить также внутренний, до сих пор еще не раскрытый характер этого способа производства. Это было сделано благодаря раскрытию *прибавочной стоимости*. Было доказано, что присвоение неоплаченного труда есть основная форма капиталистического способа производства и совершаемой им эксплуатации рабочих; что даже в том случае, когда капиталист покупает рабочую силу по полной стоимости, какую она в качестве товара имеет на товарном рынке, он все же выколачивает из нее стоимость больше той, которую он заплатил за нее, и что эта прибавочная стоимость в конце концов и образует ту сумму стоимости, из которой накапливается в руках имущих классов постоянно возрастающая масса капитала. Таким образом, было объяснено, как совершается капиталистическое производство, а также как производится сам капитал.

Этими двумя великими открытиями — материалистическим пониманием истории и разоблачением тайны капиталистического производства посредством прибавочной стоимости — мы обязаны *Марксу*. Благодаря этим открытиям социализм стал наукой, и речь

идет прежде всего о том, чтобы разработать ее дальше во всех ее частностях и взаимосвязях.

III

Материалистическое понимание истории исходит из того положения, что производство, а вслед за производством и обмен его продуктов есть основа всякого общественного строя; что в каждом исторически выступающем обществе распределение продуктов, а с ним и расчленение общества на классы или сословия, определяется тем, как и что производится этим обществом, и каким способом обмениваются произведенные продукты. Отсюда следует, что коренные причины социальных перемен и политических переворотов нужно искать не в головах людей, не в растущем понимании ими вечной истины и справедливости, а в изменениях способа производства и обмена; другими словами — не в философии, а в экономике данной эпохи. Пробудившееся сознание неразумности и несправедливости существующего общественного устройства, убеждение в том, что «безумством мудрость стала, благо — злом», являются лишь признаком того, что в методах производства и в формах обмена незаметно совершились такие изменения, которым уже не соответствует общественный порядок, выкроенный по мерке старых экономических условий. Из сказанного следует, что и средства для устранения осознанного зла должны заключаться, в более или менее развитом виде, в самих изменившихся условиях производства. Но нельзя эти средства извлечь из разума, а их надо *открыть* при помощи разума в данных материальных фактах производства.

Итак, как же в связи с этим обстоит дело с современным социализмом?

Всеми уже, пожалуй, признано, что существующий общественный строй создан господствующим теперь классом — буржуазией. Свойственный буржуазии способ производства, называемый со времени Маркса капиталистическим, был несовместим с местными и сословными привилегиями, равно как и с взаимными личными узами феодального строя; буржуазия разрушила феодальный строй и воздвигла на его развалинах буржуазный общественный строй, царство свободной конкуренции, свободы передвижения, равноправия товаровладельцев, словом — всех буржуазных прелестей. Капиталистический способ производства мог теперь развиваться свободно. С тех пор как пар и новое машинное производство превратили старую мануфактуру в крупную промышленность, созданные под управлением буржуазии производительные силы стали развиваться с неслыханной прежде быстротой и в небывалых размерах. Но точно так же, как в свое время мануфактура и усовершенствовавшиеся

под ее влиянием ремесла пришли в конфликт с феодальными оковами цехов, так и крупная промышленность на более высокой ступени своего развития приходит в конфликт с узкими рамками, в которые ее втискивает капиталистический способ производства. Новые производительные силы уже на целую голову переросли буржуазные формы их использования. И этот конфликт между производительными силами и способом производства вовсе не такой конфликт, который возник только в головах людей, — подобно конфликту между человеческим первородным грехом и божественной справедливостью, — а существует в действительности, объективно, вне нас, независимо от воли или поведения даже тех людей, деятельностью которых он создан. Современный социализм есть не что иное, как отражение в мышлении этого фактического конфликта, идеальное отражение его в головах прежде всего того класса, который страдает от него непосредственно, — рабочего класса.

В чем же состоит этот конфликт?

До появления капиталистического производства, т. е. в средние века, всюду существовало мелкое производство, основой которого была частная собственность производителей на средства производства; в деревне господствовало земледелие мелких крестьян, свободных или крепостных, в городе — ремесло. Средства труда — земля, земледельческие орудия, мастерские, ремесленные инструменты — были средствами труда отдельных лиц, рассчитанными лишь на единоличное употребление, и, следовательно, по необходимости оставались мелкими, карликовыми, ограниченными. Но потому-то они, как правило, и принадлежали самому производителю. Сконцентрировать, укрупнить эти раздробленные, мелкие средства производства, превратить их в современные могучие рычаги производства — такова как раз и была историческая роль капиталистического способа производства и его носительницы — буржуазии. Как она исторически выполняла эту роль, начиная с XV века, на трех различных ступенях производства: простой кооперации, мануфактуры и крупной промышленности, — подробно изображено Марксом в IV отделе «Капитала». Но буржуазия, как установил Маркс там же, не могла превратить ограниченные средства производства в мощные производительные силы, не превращая их из средств производства, применяемых отдельным человеком, в *общественные средства производства, применяемые лишь совместно массой людей*. Вместо самопрялки, ручного ткацкого станка, кузнечного молота появились прядильная машина, механический ткацкий станок, паровой молот; вместо маленьких мастерских — громадные фабрики, требующие совместного труда сотен и тысяч рабочих. Подобно средствам производства, и само производство превратилось из ряда разрозненных действий в ряд общественных дей-

ствий, а продукты — из произведения отдельного лица в продукты общественные. Пряжа, ткани, металлические товары, выходящие теперь из фабрик и заводов, представляют собой продукт общего труда множества рабочих, которые в определенной последовательности прилагали к ним свои усилия, пока, наконец, не получились готовые вещи. Никто в отдельности не может сказать о них: «Это сделал я, это мой продукт».

Но там, где основной формой производства является стихийное разделение труда в обществе, возникшее постепенно, без всякого плана, там это разделение труда неизбежно придает продуктам форму *товаров*, взаимный обмен которых, купля и продажа, дает отдельным производителям возможность удовлетворять свои разнообразные потребности. И это было уже в средние века. Крестьянин, например, продавал ремесленнику земледельческие продукты и покупал у него ремесленные изделия. В это общество отдельных производителей, товаропроизводителей, и вклинился новый способ производства. Среди стихийного, *беспланового* разделения труда, господствующего во всем обществе, он установил разделение труда, организованное *по плану* на каждой отдельной фабрике; рядом с производством *отдельных* мелких производителей появилось *общественное* производство. Продукты того и другого продавались на одних и тех же рынках, а следовательно, по ценам, по крайней мере, приблизительно равным. Но плановая организация оказалась могущественнее стихийного разделения труда; на фабриках, применявших общественный труд, изготовление продуктов обходилось дешевле, чем у разрозненных мелких производителей. Производство отдельных производителей побивалось в одной области за другой, общественное производство революционизировало, наконец, весь старый способ производства. Однако революционный характер общественного производства так мало сознавался, что оно, наоборот, вводилось именно ради усиления и поощрения товарного производства. Оно возникло в непосредственной связи с определенными, уже раньше его существовавшими рычагами производства и обмена товаров: купеческим капиталом, ремеслами и наемным трудом. Ввиду того, что оно выступило как новая форма товарного производства, свойственные товарному производству формы присвоения также и для него сохраняли свою полную силу.

При той форме товарного производства, которая развивалась в средние века, вопрос о том, кому должны принадлежать продукты труда, не мог даже и возникнуть. Они изготовлялись отдельным производителем обыкновенно из собственного материала, часто им же самим произведенного, собственными орудиями и собственными руками или руками семьи. Такому производителю незачем было присваивать себе свои продукты: они принадлежали ему по самому существу дела. Следовательно,

право собственности на продукты покоилось *на собственном труде*. Даже там, где пользовались посторонней помощью, она, как правило, играла лишь побочную роль и зачастую вознаграждалась не одною лишь заработной платою, но и иным путем: цеховой ученик и подмастерье работали не столько ради содержания или платы, сколько ради собственного обучения и подготовки к званию самостоятельного мастера. Но вот началась концентрация средств производства в больших мастерских и мануфактурах, превращение их по сути дела в общественные средства производства. С этими общественными средствами производства и продуктами продолжали, однако, поступать так, как будто они попрежнему оставались средствами производства и продуктами труда отдельных лиц. Если до сих пор собственник орудий труда присваивал продукт, потому что это был, как правило, его собственный продукт, а чужой вспомогательный труд был исключением, то теперь собственник средств труда продолжал присваивать себе продукты, хотя они производились уже не *его трудом*, а исключительно *чужим трудом*. Таким образом, продукты общественного труда стали присваиваться не теми, кто на самом деле приводил в движение средства производства и в действительности был производителем этих продуктов, а *капиталистом*. Средства производства и производство по существу своему стали общественными. Но они подчинены той форме присвоения, которая своей предпосылкой имеет частное производство отдельных производителей, когда каждый, следовательно, является владельцем своего продукта и выносит его на рынок. Новая форма производства подчиняется этой форме присвоения, несмотря на то, что она уничтожает ее предпосылки¹. Это противоречие, сообщившее новому способу производства его капиталистический характер, *заключало в зародыше все коллизии современности*. И чем полнее становилось господство нового способа производства во всех решающих отраслях производства и во всех экономически господствующих странах, вытесняя тем самым все дальше остатки индивидуального производства, *тем резче должна была выступать несовместимость общественного производства с капиталистическим присвоением*.

¹ Нет надобности разъяснять здесь, что если форма присвоения и остается прежней, то характер его вследствие вышеописанного процесса претерпевает не меньшую революцию, чем и характер самого производства. Присваиваю ли я продукт своего собственного или продукт чужого труда — это, конечно, два весьма различные вида присвоения. Заметим мимоходом, что наемный труд, в котором скрыт в зародыше весь капиталистический способ производства, существует с давних времен. В единичной, спорадической форме мы встречаем его в течение столетий рядом с рабством. Но скрытый зародыш только тогда мог развиваться в капиталистический способ производства, когда созрели необходимые для него исторические условия. (*Примечание Энгельса.*)

Первые капиталисты застали, как мы видели, форму наемного труда уже готовой. Но наемный труд существовал лишь в виде исключения, побочного, подсобного занятия, переходного положения. Земледелец, нанимавшийся по временам на поденную работу, имел свой собственный клочок земли, который мог обеспечить ему скудное существование. Цеховые уставы заботились о том, чтобы сегодняшней подмастерье завтра становился мастером. Но все изменилось, как только средства производства превратились в общественные и сконцентрировались в руках капиталистов. Средства производства и продукты мелкого индивидуального производителя все более и более обесценивались, и ему не оставалось ничего иного, как наниматься к капиталисту. Наемный труд, существовавший раньше в виде исключения и подсобного промысла, стал правилом и основной формой всего производства; из побочного, каким он был прежде, он превратился теперь в единственное занятие рабочего. Рабочий, нанимающийся время от времени, превратился в пожизненного наемного рабочего. Масса пожизненных наемных рабочих к тому же чрезвычайно увеличилась благодаря одновременному крушению феодального порядка; роспуску свит феодалов, изгнанию крестьян из их усадеб и пр. Произошел полный разрыв между средствами производства, сконцентрированными в руках капиталистов, с одной стороны, и производителями, лишенными всего, кроме своей рабочей силы, с другой стороны. *Противоречие между общественным производством и капиталистическим присвоением выступает наружу как антагонизм между пролетариатом и буржуазией.*

Мы видели, что капиталистический способ производства вклинился в общество, состоявшее из отдельных товаропроизводителей, общественная связь между которыми осуществлялась посредством обмена их продуктов. Но особенность каждого общества, основанного на производстве товаров, заключается в том, что в нем производители теряют власть над своими собственными общественными отношениями. Каждый производит сам по себе, случайно имеющимися у него средствами производства и для своей особой потребности в обмене. Никто не знает, сколько появится на рынке того продукта, который он производит, и в каком количестве он может найти потребителей; никто не знает, есть ли действительная нужда в продукте его единоличного труда, окупятся ли его издержки производства, да и вообще будет ли он продан. В общественном производстве господствует анархия. Но товарное производство, как и всякая другая форма производства, имеет свои особенные, присущие ему и неотделимые от него законы; и эти законы пробивают себе путь вопреки анархии, в самой этой анархии, через нее. Эти законы проявляются в единственно сохранившейся форме общественной связи — в обмене — и действуют на отдельных производителей как прину-

дательные законы конкуренции. Они, следовательно, сначала неизвестны даже самим производителям и должны быть открыты ими лишь постепенно, путем долгого опыта. Следовательно, они устанавливаются помимо производителей и против производителей, как слепо действующие естественные законы их формы производства. Продукт господствует над производителями.

В средневековом обществе, в особенности в первые столетия, производство было направлено, главным образом, на собственное потребление. Оно удовлетворяло по преимуществу только потребности самого производителя и его семьи. Там же, где, как в деревне, существовали отношения личной зависимости, производство удовлетворяло также потребности феодала. Следовательно, здесь не существовало обмена и продукты не принимали характера товаров. Крестьянская семья производила почти все для нее нужное: орудия и одежду, так же как и другие жизненные средства. Производить на продажу она начала только тогда, когда она стала производить излишек сверх собственного потребления и уплаты натуральных повинностей феодальному господину; этот излишек, пущенный в общественный обмен, предназначенный для продажи, становился товаром. Городские ремесленники должны были, конечно, с самого начала производить для обмена. Но и они вырабатывали большую часть нужных для собственного потребления предметов самостоятельно; они имели огороды и небольшие поля, пасли свой скот в общинном лесу, который, кроме того, доставлял им строительный материал и топливо; женщины пряли лен, шерсть и т. д. Производство с целью обмена, производство товаров еще только возникало. Отсюда — ограниченность обмена, ограниченность рынка, стабильность способа производства, местная замкнутость по отношению к внешнему миру, объединение внутри местных рамок, марка¹ в деревнях, цехи в городах.

С расширением же товарного производства и в особенности с появлением капиталистического способа производства дремавшие раньше законы товарного производства стали действовать более открыто и властно. Старые связи были расшатаны, бывшие перегородки разрушены, и производители все более и более превращались в разъединенных и независимых товаропроизводителей. Анархия общественного производства выступила наружу, принимая все более и более острый характер. А между тем главнейшее орудие, с помощью которого капитализм усиливал анархию в общественном производстве, представляло собою прямую

---

¹ См. приложение в конце. (*Примечание Энгельса.*) Здесь Энгельс делает ссылку на свою работу «Марка», которая была приложена к немецкому и английскому изданиям «Развития социализма». См. *К. Маркс и Ф. Энгельс*, Соч., т. XV, стр. 629—645. *Ред.*

противоположность анархии: это была растущая организация производства как производства общественного в каждом отдельном производственном предприятии. С помощью этого рычага капиталистический способ производства покончил со старой мирной стабильностью. Проникая в любую отрасль промышленности, он изгонял из нее старые методы производства. Овладевая ремеслом, он уничтожал старое ремесло. Поле труда стало полем битвы. Великие географические открытия¹ и последовавшая за ними колонизация увеличили во много раз область сбыта и ускорили превращение ремесла в мануфактуру. Борьба вспыхнула уже не только между отдельными местными производителями; местные схватки разрослись, в свою очередь, до размеров национальной борьбы, до торговых войн XVII и XVIII столетий². Наконец, крупная промышленность и возникновение всемирного рынка сделали эту борьбу всеобщей и в то же время придали ей неслыханную напряженность. В отношениях между отдельными капиталистами, как и между целыми отраслями производства и между целыми странами, вопрос о существовании решается тем, обладают ли они выгодными, естественными или искусственно созданными, условиями производства. Победенные безжалостно устраняются. Это — дарвиновская борьба за отдельное существование, перенесенная с возведенной в степень яростью из природы в общество. Естественное состояние животных выступает как венец человеческого развития. Противоречие между общественным производством и капиталистическим присвоением проявляется как *противоположность между организацией производства на отдельных фабриках и анархией производства во всем обществе.*

В этих обеих формах проявления противоречия, присущего капиталистическому способу производства в силу его происхождения, безвыходно движется этот способ производства, описывая «порочный круг», который открыл в нем уже Фурье. Но во времена Фурье, конечно, еще невозможно было видеть, что этот круг постепенно суживается, что движение производства идет скорее по спирали и, подобно движению планет, должно закончиться столкновением с центром. Движущая сила общественной анархии производства превращает постоянно возрастающее большинство человечества в пролетариев, а пролетариат в свою очередь положит конец анархии производства. Та же движущая сила

---

¹ Важнейшие из них — открытие в 1492 г. Америки Христофором Колумбом и открытие в 1498 г. португальцем Васко да Гама морского пути в Индию. *Ред.*

² Торговые войны XVII и XVIII столетий велись между Португалией, Испанией, Голландией, Францией и Англией за овладение торговлей с Индией и Америкой и превращение их в колонии. Победительницей из этих войн вышла Англия, в руках которой оказалась к концу XVIII столетия вся мировая торговля. *Ред.*

социальной анархии производства превращает возможность бесконечного усовершенствования машин, применяемых в крупной промышленности, в принудительный закон для каждого отдельного промышленного капиталиста, в закон, повелевающий ему беспрекословно совершенствовать свои машины под страхом гибели. Но усовершенствование машин делает излишним определенное количество человеческого труда. Если введение и распространение машин означало вытеснение миллионов работников ручного труда немногими рабочими при машинах, то усовершенствование машин означает все более и более усиленное вытеснение самих рабочих машинного труда и, в конечном счете, образование усиленного предложения рабочих рук, превышающего средний спрос на них со стороны капитала. Масса незанятых рабочих образует настоящую промышленную резервную армию, как я назвал ее еще в 1845 г.¹, являющуюся к услугам производства, когда оно работает на всех парах, и выбрасываемую на мостовую крахом, неизбежно следующим за каждым оживлением; эта армия, постоянно висящая свинцовой гирей на ногах рабочего класса в борьбе за существование между ним и капиталом, служит регулятором рабочей платы, постоянно удерживая ее на низком уровне, соответственно потребностям капитала. Таким образом, выходит, что машина, говоря словами Маркса, становится сильнейшим оружием капитала против рабочего класса, что орудие труда постоянно вырывает средства к жизни из рук трудящегося и собственный продукт рабочих превращается в орудие их порабощения. Это приводит к тому, что экономия на средствах труда является, вместе с тем, с самого начала самой беззастенчивой растратой рабочей силы и хищничеством по отношению к нормальным условиям труда; что машина, это сильнейшее средство сокращения рабочего времени, превращается в самое верное средство для того, чтобы обратить всю жизнь рабочего и его семьи в рабочее время в целях увеличения стоимости капитала. Вот почему чрезмерный труд одной части рабочего класса обуславливает полную безработицу другой его части, а крупная промышленность, по всему свету гонящаяся за потребителями, ограничивает у себя дома потребление рабочих масс голодным минимумом и таким образом подрывает свой собственный рынок. «Закон, поддерживающий относительное перенаселение, или промышленную резервную армию, в равновесии с размерами и энергией накопления, приковывает рабочего к капиталу крепче, чем молот Гефеста приковал Прометея к скале². Он обуславливает накопление нищеты, соответственное

¹ «Lage der arbeitenden Klasse in England», S. 109. (Примечание Энгельса.) [«Положение рабочего класса в Англии.»] См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. III, стр. 378—379. *Ред.*

² *Прометей* — герой древнегреческого мифа, похитивший с неба огонь для людей. Согласно мифу, по приказу разгневанных богов бог огня Гефест приковал Прометея к скале. *Ред.*

накоплению капитала. Следовательно, накопление богатства на одном полюсе есть в то же время накопление нищеты, муки труда, рабства, невежества, одичания и моральной деградации на противоположном полюсе, т. е. на стороне класса, который *производит свой собственный продукт как капитал*» (Marx, Kapital, S. 671)¹. Ждать от капиталистического способа производства другого распределения продуктов имело бы такой же смысл, как требовать, чтобы электроды батареи, оставаясь в соединении с нею, перестали разлагать воду и собирать на положительном полюсе кислород, а на отрицательном — водород.

Мы видели, как способность современных машин к усовершенствованию, доведенная до высочайшей степени, вследствие анархии производства в обществе превращается в принудительный закон, заставляющий отдельных промышленных капиталистов постоянно улучшать свои машины и постоянно увеличивать их производительную силу. В такой же принудительный закон превращается для них и простая фактическая возможность расширить размеры своего производства. Громадная способность крупной промышленности к расширению, перед которой расширяемость газов оказывается детской игрушкой, проявляется теперь в виде *потребности* расширять эту промышленность и качественно и количественно, потребности, не считающейся ни с каким противодействием. Это противодействие образуется потреблением, сбытом, рынками для продуктов крупной промышленности. Способность же рынков как к экстенсивному, так и к интенсивному расширению определяется совсем иными законами, действующими с гораздо меньшей энергией. Расширение рынков не может поспевать за расширением производства. Столкновение становится неизбежным, и так как оно не в состоянии разрешить конфликт до тех пор, пока не взорвет самый капиталистический способ производства, то оно становится периодическим. Капиталистическое производство порождает новый «порочный круг».

И действительно, начиная с 1825 г., когда разразился первый общий кризис, весь промышленный и торговый мир, производство и обмен всех цивилизованных народов вместе с их более или менее варварскими придатками приблизительно раз в десять лет сходят с рельсов. Торговля останавливается, рынки переполняются массой не находящих сбыта продуктов, наличные деньги исчезают из обращения, кредит прекращается, фабрики останавливаются, рабочие лишаются всяких средств к жизни, ибо они произвели эти средства в слишком большом количестве; банкротства следуют за банкротствами, аукционы сменяются аукционами. Застой длится годами, массы производительных сил и продуктов расточаются и уничтожаются, пока накопившиеся

¹ См. Маркс, «Капитал», т. I, стр. 515, изд. 1935 г. *Ред.*

товарные массы, более или менее обесцененные, не разойдутся, наконец, и не возобновится постепенно движение производства и обмена. Мало-помалу движение это ускоряется, шаг сменяется рысью, промышленная рысь переходит в галоп, уступающий свое место безумному карьеру, настоящей скачке с препятствиями, охватывающей промышленность, торговлю, кредит и спекуляцию, чтобы после отчаянных скачков снова свалиться в бездну краха. И так постоянно сызнова. С 1825 г. мы уже пять раз пережили этот круговорот и теперь (в 1877 г.) переживаем его в шестой. Характер этих кризисов до такой степени ярко выражен, что Фурье определил все эти кризисы разом, назвав первый из них *crise pléthorique*, кризисом от излишка.

В кризисах противоречие между общественным производством и капиталистическим присвоением доходит до насильственного взрыва. Обращение товаров на время прекращается; средство обращения — деньги — становится тормозом обращения; все законы производства и обращения товаров действуют навыворот. Экономическая коллизия достигает своей высшей точки: *способ производства восстает против способа обмена*.

Тот факт, что общественная организация производства внутри фабрик достигает такой степени развития, что становится несовместимой с существующей рядом с нею и над нею анархией производства в обществе, — этот факт становится осязательным для самих капиталистов благодаря насильственной концентрации капиталов, совершающейся во время кризисов путем разорения многих крупных и еще большего числа мелких капиталистов. Весь механизм капиталистического производства надламывается под тяжестью им же самим созданных производительных сил. Он не может уже превращать в капитал всю массу средств производства; они остаются без употребления, а потому вынуждена бездействовать и резервная армия рабочих. Средства производства, средства к жизни, рабочие, находящиеся в распоряжении капитала, — все элементы производства и общего благосостояния имеются в избытке. Но, как говорит Фурье, этот «избыток становится источником нужды и лишений», потому что именно он-то и препятствует превращению средств производства и средств к жизни в капитал. Ибо в капиталистическом обществе средства производства не могут вступать в действие иначе, как превратившись в капитал, т. е. в орудие эксплуатации человеческой рабочей силы. Как призрак стоит между рабочими, с одной стороны, и средствами производства и жизненными средствами, с другой, необходимость превращения этих средств в капитал. Она одна препятствует соединению вещественных и личных рычагов производства; она одна мешает средствам производства действовать, а рабочим — трудиться и жить. Следовательно, с одной стороны, капиталистический способ производства изобличается в своей

собственной неспособности к дальнейшему управлению производительными силами. С другой стороны, сами производительные силы с возрастающей мощью стремятся к уничтожению этого противоречия, к освобождению себя от всего того, что свойственно им в качестве капитала, *к фактическому признанию их характера как общественных производительных сил.*

Это сопротивление мощно возрастающих производительных сил их капиталистическому применению, эта возрастающая необходимость признания их общественной природы принуждает класс самих капиталистов все чаще и чаще обращаться с ними, насколько это вообще возможно при капиталистических отношениях, как с общественными производительными силами. Как периоды промышленной горячки с их безгранично раздутым кредитом, так и самые крахи, разрушающие крупные капиталистические предприятия, приводят к такой форме обобществления больших масс средств производства, какую мы встречаем в различного рода акционерных обществах. Некоторые из этих средств производства и сообщения, как, например, железные дороги, по своей природе до того колоссальны, что они исключают всякую другую форму капиталистической эксплуатации. На известной ступени развития становится недостаточной и эта форма: все крупные производители одной и той же отрасли промышленности данной страны объединяются в один «трест», в союз, с целью регулирования производства. Они определяют общую сумму того, что должно быть произведено, распределяют ее между собою и навязывают наперед установленную продажную цену. А так как эти тресты при первой заминке в делах большей частью распадаются, то они этим самым вызывают еще более концентрированное обобществление: целая отрасль промышленности превращается в одно сплошное колоссальное акционерное общество, конкуренция внутри страны уступает место монополии этого общества внутри данной страны. Так это случилось еще в 1890 г. с английским производством щелочей, которое после слияния всех 48 крупных фабрик перешло в руки единственного, руководимого единым центром общества с капиталом в 120 миллионов марок.

В трестах свободная конкуренция превращается в монополию¹, а бесплановое производство капиталистического общества

¹ *Монополии* — основная характерная черта империализма, как высшей стадии капитализма, указывал Ленин, развивая учение марксизма. «Империализм вырос как развитие и прямое продолжение основных свойств капитализма вообще. Но капитализм стал капиталистическим империализмом лишь на определенной, очень высокой ступени своего развития, когда некоторые основные свойства капитализма стали превращаться в свою противоположность, когда по всей линии сложились и обнаружались черты переходной эпохи от капитализма к более высокому общественно-экономическому укладу. Экономически основное в этом процессе есть смена капиталистической свободной конкуренции капиталисти-

капитулирует перед плановым производством грядущего социалистического общества. Правда, сначала только на пользу и к выгоде капиталистов. Но в этой своей форме эксплуатация становится настолько осязательной, что должна рухнуть. Ни один народ не согласился бы долго мириться с производством, руководимым трестами с их неприкрытой эксплуатацией всего общества небольшой шайкой лиц, живущих стрижкой купонов.

Так или иначе, с трестами или без трестов, государство, как официальный представитель капиталистического общества, вынуждено ¹ взять на себя руководство производством. Эта необходимость превращения в государственную собственность наступает прежде всего для крупных средств сообщения: почты, телеграфа и железных дорог.

Если кризисы показали неспособность буржуазии к даль-

ческими монополиями. Свободная конкуренция есть основное свойство капитализма и товарного производства вообще; монополия есть прямая противоположность свободной конкуренции, но эта последняя на наших глазах стала превращаться в монополию, создавая крупное производство, вытесняя мелкое, заменяя крупное крупнейшим, доводя концентрацию производства и капитала до того, что из нее вырастала и вырастает монополия: картели, синдикаты, тресты, сливающийся с ними капитал какого-нибудь десятка ворочающих миллиардами банков. И в то же время монополии, вырастая из свободной конкуренции, не устраняют ее, а существуют над ней и рядом с ней, порождая этим ряд особенно острых и крутых противоречий, трений, конфликтов» (Ленин, т. XIX, стр. 141—142). *Ред.*

¹ Я говорю: «вынуждено», так как лишь в том случае, если средства производства или сообщения действительно перерастут управление акционерных обществ, когда их огосударствление станет экономически неизбежным, только тогда, — даже если его совершит современное государство, — оно будет экономическим прогрессом, новым шагом по пути к тому, чтобы само общество взяло в свое владение все производительные силы. Но в последнее время, с тех пор как Бисмарк бросился на путь огосударствления, появился особого рода фальшивый социализм, выродившийся местами в особый род добровольного лакейства, объявляющий без оличностей социалистическим *всё*, даже бисмарковское, обращение средств производства в государственную собственность. Если государственная табачная монополия есть социализм, то Наполеон и Меттерних несомненно должны быть занесены в число основателей социализма. Если бельгийское правительство, из самых обыденных политических и финансовых соображений, само взялось за постройку главных железных дорог, если Бисмарк без малейшей экономической необходимости превратил в государственную собственность главнейшие прусские железнодорожные линии просто ради удобства приспособления и использования их в случае войны, для того чтобы вышколить железнодорожных чиновников и сделать из них послушно вотирующее за правительство стадо, а главным образом для того, чтобы иметь новый, независимый от парламента источник дохода, — то все это ни в коем случае не было шагом к социализму, ни прямым, ни косвенным, ни сознательным, ни бессознательным. Иначе королевское общество морской торговли, королевская фарфоровая мануфактура и даже ротные швальни в армии должны быть признаны социалистическими учреждениями или даже всерьез предложенное при Фридрихе-Вильгельме III в тридцатых годах каким-то умником огосударствление... домов терпимости! (Примечание Энгельса.)

нейшему управлению современными производительными силами, то переход крупных производственных предприятий и средств сообщения в руки акционерных компаний, трестов и государства доказывает ненужность буржуазии для этой цели. Все общественные функции капиталиста выполняются теперь наемными служащими. Для самих капиталистов не осталось другой общественной деятельности, кроме загребания доходов, стрижки купонов и игры на бирже, где различные капиталисты отнимают друг у друга капиталы. Капиталистический способ производства, вытеснивший сперва рабочих, вытесняет теперь и самих капиталистов, правда, пока еще не в промышленную резервную армию, а только в разряд излишнего населения.

Но ни переход в руки акционерных обществ и трестов, ни превращение в государственную собственность не уничтожают, однако, капиталистического применения производительных сил. Относительно акционерных компаний и трестов это совершенно очевидно. А современное государство опять-таки есть лишь организация, которую создает себе буржуазное общество для охраны общих внешних условий капиталистического способа производства от посягательств как рабочих, так и отдельных капиталистов. Современное государство, какова бы ни была его форма, есть по самой своей сути капиталистическая машина, государство капиталистов, идеальный совокупный капиталист. Чем больше производительных сил возьмет оно в свою собственность, тем полнее будет его превращение в совокупного капиталиста и тем большее число граждан будет оно эксплуатировать. Рабочие останутся наемными рабочими, пролетариями. Капиталистические отношения не уничтожаются, а, наоборот, доводятся до крайности, до высшей точки. Но на высшей точке происходит переворот. Государственная собственность на производительные силы не разрешает конфликта, но она содержит в себе формальное средство, возможность его разрешения.

Это разрешение может состоять лишь в том, что общественная природа современных производительных сил будет признана на деле и что, следовательно, способ производства, присвоения и обмена будет приведен в соответствие с общественным характером средств производства. А это может произойти только таким путем, что общество открыто и не прибегая ни к каким окольным путям возьмет в свое владение производительные силы, переросшие всякий другой способ управления ими, кроме общественного. Тем самым общественный характер средств производства и продуктов, который теперь оборачивается против самих производителей и периодически потрясает способ производства и обмена, прорываясь как слепо действующий закон природы, насильственно и разрушительно, — этот общественный характер будет тогда использован производителями с полной сознательностью

и превратится из причины расстройств и периодических крахов в сильнейший рычаг производства.

Общественные силы, подобно силам природы, действуют слепо, насильственно, разрушительно, пока мы не познали их и не считаемся с ними. Но раз мы познали их, изучили их действие, направление и влияние, то только от нас самих зависит подчинять их все более и более нашей воле и с помощью их достигать наших целей. Это в особенности относится к современным могучим производительным силам. Пока мы упорно отказываемся понимать их природу и характер, — а этому пониманию противятся капиталистический способ производства и его защитники, — до тех пор производительные силы действуют вопреки нам, против нас, до тех пор они властвуют над нами, как это подробно показано выше. Но раз понята их природа, они могут превратиться в руках ассоциированных производителей из демонических повелителей в покорных слуг. Здесь та же разница, что между разрушительной силой электричества в молниях грозы и укрощенным электричеством в телеграфном аппарате и дуговой лампе, та же разница, что между пожаром и огнем, действующим на службе человека. Когда с современными производительными силами станут обращаться сообразно с их познанной, наконец, природой, общественная анархия в производстве заменится общественно-плановым регулированием производства, рассчитанного на удовлетворение потребностей как целого общества, так и каждого его члена. Тогда капиталистический способ присвоения, при котором продукт поработает сперва производителя, а затем и присвоителя, будет заменен новым способом присвоения, основанным на самой природе современных средств производства: с одной стороны, прямым общественным присвоением продуктов в качестве средств для поддержания и расширения производства, а с другой — прямым индивидуальным присвоением их в качестве средств к жизни и наслаждению.

Все более и более превращая громадное большинство населения в пролетариев, капиталистический способ производства создает силу, которая под угрозой гибели вынуждена совершить этот переворот. Заставляя все более и более обращаться в государственную собственность крупные обобщественленные средства производства, капитализм сам указывает путь к совершению этого переворота. *Пролетариат берет государственную власть и превращает средства производства прежде всего в государственную собственность.* Но тем самым он уничтожает самого себя как пролетариат, тем самым он уничтожает все классовые различия и классовые противоположности, а вместе с тем и государство как государство. Существовавшему и существующему до сих пор обществу, которое движется в классовых противоположностях, было необходимо государство, т. е. организация эксплуататорского

класса для поддержания его внешних условий производства, значит, в особенности для насильственного удержания эксплуатируемого класса в определяемых данным способом производства условиях подавления (рабство, крепостничество или феодальная зависимость, наемный труд). Государство было официальным представителем всего общества, его сосредоточением в видимой корпорации, но оно было таковым лишь постольку, поскольку оно было государством того класса, который для своей эпохи один представлял все общество: в древности оно было государством рабовладельцев — граждан государства, в средние века — феодального дворянства, в наше время — буржуазии. Когда государство наконец-то становится действительно представителем всего общества, тогда оно само себя делает излишним.

Когда не будет общественных классов, которые нужно держать в подчинении, когда не будет господства одного класса над другим и борьбы за существование, коренящейся в современной анархии производства, когда будут устранены вытекающие отсюда столкновения и насилия, тогда уже некого будет подавлять и сдерживать, тогда исчезнет надобность в государственной власти, исполняющей ныне эту функцию. Первый акт, в котором государство выступит действительным представителем всего общества — обращение средств производства в общественную собственность, — будет его последним самостоятельным действием в качестве государства. Вмешательство государственной власти в общественные отношения станет мало-помалу излишним и прекратится само собою. На место управления лицами становится управление вещами и руководство производственными процессами. Государство не «отменяется», оно *отмирает*¹. На осно-

¹ Приводя это положение Энгельса на XVIII съезде ВКП(б) и развивая дальше учение марксизма-ленинизма о государстве, товарищ Сталин говорил:

«Правильно ли это положение Энгельса?

Да, правильно, но при одном из двух условий: а) *если* вести изучение социалистического государства с точки зрения только лишь внутреннего развития страны, заранее отвлекаясь от международного фактора, изолируя страну и государство для удобства исследования от международной обстановки, или б) *если* предположить, что социализм уже победил во всех странах или в большинстве стран, вместо капиталистического окружения имеется налицо окружение социалистическое, нет больше угрозы нападения извне, нет больше нужды в усилении армии и государства.

Ну, а если социализм победил только в одной, отдельно взятой стране, и отвлекаться, ввиду этого, от международных условий никак невозможно, — как быть в таком случае? На этот вопрос формула Энгельса не дает ответа. Энгельс собственно и не ставит себе такого вопроса, следовательно, у него не могло быть ответа на этот вопрос. Энгельс исходит из того предположения, что социализм уже победил более или менее одновременно во всех странах или в большинстве стран. Следовательно, Энгельс исследует здесь не то или иное конкретное социалистическое государство той или иной отдельной страны, а развитие социалистического государства вообще при допущении

вании этого следует оценивать фразу про «свободное народное государство», фразу, имевшую на время агитаторское право на существование, но в конечном счете научно несостоятельную¹. На основании этого следует оценивать также требования так называемых анархистов, чтобы государство было отменено с сегодня на завтра².

С тех пор как на сцену истории выступило капиталистическое производство, взятие обществом всех средств производства в свое владение часто представлялось в виде более или менее туманного идеала будущего как отдельным личностям, так и целым сектам. Но оно стало возможным, стало исторической необходимостью лишь тогда, когда фактические условия его проведения в жизнь оказались налицо. Как и всякий другой общественный прогресс, оно становится осуществимым не вследствие осознания того, что существование классов противоречит справедливости, равенству и т. п., не вследствие простого желания отменить классы, а в силу известных новых экономических условий. Разделение общества на классы — эксплуатирующий и эксплуатируемый, господ-

факта победы социализма в большинстве стран — по формуле: «допустим, что социализм победил в большинстве стран, спрашивается — какие изменения должно претерпеть в этом случае пролетарское, социалистическое государство». Только этим общим и абстрактным характером проблемы можно объяснить тот факт, что при исследовании вопроса о социалистическом государстве Энгельс совершенно отвлекается от такого фактора, как международные условия, международная обстановка.

Но из этого следует, что нельзя распространять общую формулу Энгельса о судьбе социалистического государства вообще на частный и конкретный случай победы социализма в одной, отдельно взятой стране, которая имеет вокруг себя капиталистическое окружение, которая подвержена угрозе военного нападения извне, которая не может ввиду этого отвлекаться от международной обстановки и которая должна иметь в своем распоряжении и хорошо обученную армию, и хорошо организованные карательные органы, и крепкую разведку, следовательно, должна иметь свое достаточно сильное государство, — для того, чтобы иметь возможность защищать завоевания социализма от нападения извне.

Нельзя требовать от классиков марксизма, отделенных от нашего времени периодом в 45—55 лет, чтобы они предвидели все и всякие случаи выгазов истории в каждой отдельной стране в далеком будущем. Было бы смешно требовать, чтобы классики марксизма выработали для нас готовые решения на все и всякие теоретические вопросы, которые могут возникнуть в каждой отдельной стране спустя 50—100 лет, с тем, чтобы мы, потомки классиков марксизма, имели возможность спокойно лежать на печке и жевать готовые решения». [*И. В. Сталин*, «Вопросы ленинизма», стр. 602—603, изд. XI.]

¹ О «свободном народном государстве» см. *К. Маркс*, «Критика Готской программы» и *И. В. Сталин*, «Вопросы ленинизма», изд. XI, стр. 250—251. *Ред.*

² *Анархисты* отрицают всякое государство и являются противниками диктатуры пролетариата. Их требование немедленно уничтожить всякое государство направлено в действительности против пролетарского государства и поэтому контрреволюционно. *Ред.*

ствующий и угнетенный — было неизбежным следствием прежнего незначительного развития производства. Пока общественный труд дает в совокупности продукцию, едва превышающую самые необходимые средства существования всех, пока труд отнимает все или почти все время громадного большинства членов общества, до тех пор это общество неизбежно делится на классы. Рядом с этим огромным большинством, исключительно занятым подневольным трудом, образуется класс, освобожденный от прямого производительного труда и ведающий такими общими делами общества, как управление трудом, государственные дела, правосудие, науки, искусства и т. д. Следовательно, в основе деления на классы лежит закон разделения труда. Это, однако, отнюдь не исключало применения насилия, хищничества, хитрости и обмана при образовании классов и не мешало господствующему классу, захватившему власть, упрочивать свое положение за счет трудящихся классов и превращать руководство обществом в усиленную эксплуатацию масс.

Поэтому если разделение на классы и имело известное историческое оправдание, то оно имело его лишь для известного периода и при известных общественных условиях. Оно обуславливалось недостаточностью производства и будет уничтожено полным развитием современных производительных сил. И действительно, уничтожение общественных классов предполагает достижение той ступени исторического развития, на которой является анахронизмом, выступает как отжившее не только существование того или другого определенного господствующего класса, но и какого бы то ни было господствующего класса вообще, а следовательно и самое деление на классы. Следовательно, уничтожение классов предполагает такую высокую ступень развития производства, на которой присвоение особым общественным классом средств производства и продуктов, — а с ними и политического господства, монополии образования и духовного руководства, — не только становится излишним, но является и препятствием для экономического, политического и умственного развития. Эта ступень теперь достигнута. Политическое и умственное банкротство буржуазии едва ли составляет тайну даже для нее самой, а ее экономическое банкротство повторяется регулярно каждые десять лет. При каждом кризисе общество задыхается под тяжестью своих собственных производительных сил и продуктов, которые оно не может использовать, и остается беспомощным перед бессмысленным противоречием, когда производители не могут потреблять, потому что недостает потребителей. Сила расширения средств производства разрывает оковы, наложенные капиталистическим способом производства. Освобождение средств производства от этих оков есть единственное предварительное условие бесперывного, постоянно ускоряющегося развития

производительных сил, а благодаря этому — и практически безграничного роста самого производства. Но этого недостаточно. Обращение средств производства в общественную собственность устраняет не только существующее теперь искусственное торможение производства, но также и прямую растрату и уничтожение производительных сил и продуктов, которое в настоящее время является неизбежным спутником производства и достигает своих высших размеров в кризисах. Сверх того, это присвоение сберегает для общества массу средств производства и продуктов путем устранения безумной роскоши господствующих теперь классов и их политических представителей. Возможность обеспечить всем членам общества путем общественного производства не только вполне достаточные и с каждым днем улучшающиеся материальные условия существования, но также полное свободное развитие и применение их физических и умственных способностей, — эта возможность достигнута теперь впервые, но теперь она действительно *достигнута*¹.

Раз общество возьмет во владение средства производства, то будет устранено товарное производство, а вместе с тем и господство продуктов над производителями. Анархия внутри общественного производства заменяется плановой, сознательной организацией. Прекращается борьба за отдельное существование. Тем самым человек впервые — в известном смысле окончательно — выделяется из царства животных и из звериных условий существования переходит в условия действительно человеческие. Условия жизни, окружающие людей и до сих пор над ними господствовавшие, теперь подпадают под власть и контроль людей, которые впервые становятся действительными и сознательными повелителями природы, потому что они становятся господами своей обобществленной жизни. Законы их собственных общественных действий, противостоявшие людям до сих пор как чуждые, господствовавшие над ними законы природы, будут применяться людьми с полным знанием дела, следовательно, будут подчинены их господству. Общественное бытие людей, противостояв-

¹ Несколько цифр могут дать приблизительное представление о невероятной способности современных средств производства к расширению даже под капиталистическим гнетом. По новейшим вычислениям Гиффена общая сумма всех богатств Великобритании и Ирландии составляла круглым числом:

в 1814 г.	2 200 млн.	ф. ст.	=	44 млрд.	марок
» 1865 »	6 400 »	» »	=	122 »	»
» 1875 »	8 500 »	» »	=	170 »	»

Что же касается уничтожения средств производства и продуктов во время кризисов, то на втором конгрессе немецких промышленников (в Берлине, 21 февраля 1878 г.) было установлено, что общие убытки одной только *германской железной промышленности* достигли во время последнего кризиса 455 млн. марок. (*Примечание Энгельса.*)

шее им до сих пор, как навязанное природой и историей, становится их собственным делом. Объективные чуждые силы, господствовавшие над историей, поступают под контроль самого человека. И только с этого момента люди начнут вполне сознательно сами творить свою историю, только тогда приводимые ими в движение общественные причины будут иметь в значительной и все возрастающей степени и те следствия, которых они желают. Это есть скачок человечества из царства необходимости в царство свободы.

В заключение подведем кратко итоги изложенному нами ходу развития:

I. *Средневековое общество*: Мелкое индивидуальное производство. Средства производства предназначены для индивидуального употребления и потому примитивно неуклюжи, мелки, с ничтожным действием. Производство с целью непосредственного потребления продуктов самим ли производителем или его феодальным господином. Лишь там, где оказывается излишек производства над непосредственным потреблением, этот излишек подлежит продаже и поступает в обмен: следовательно, товарное производство находится лишь в процессе возникновения; но оно уже и в это время заключает в себе в зародыше *анархию общественного производства*.

II. *Капиталистическая революция*: Переворот в промышленности, совершающийся сначала посредством простой кооперации и мануфактуры. Концентрация разбросанных до сих пор средств производства в больших мастерских и превращение их этим путем из индивидуальных средств производства в общественные, — превращение, в общем и целом не коснувшееся формы обмена. Старые формы присвоения остаются в силе. Выступает *капиталист*: в качестве собственника средств производства он присваивает себе также и продукты и превращает их в товары. Производство становится общественным актом; обмен же, а с ним и присвоение продуктов остаются индивидуальными актами, актами отдельных лиц: *продукт общественного труда присваивается отдельным капиталистом*. Это и составляет основное противоречие, откуда вытекают все те противоречия, в которых движется современное общество и которые с особенной ясностью обнаруживаются в крупной промышленности.

а) Отделение производителя от средств производства. Обречение рабочего на пожизненный наемный труд. *Противоположность между пролетариатом и буржуазией*.

б) Возрастающее значение и усиливающееся действие законов, господствующих над товарным производством. Необузданная конкуренция. *Противоречие между общественной организацией на каждой отдельной фабрике и общественной анархией в производстве в целом*.

в) С одной стороны — усовершенствование машин, обратившееся благодаря конкуренции в принудительный закон для каждого отдельного фабриканта и означающее в то же время постоянно усиливающееся вытеснение из фабрик рабочих: *возникновение промышленной резервной армии*. С другой стороны — беспредельное расширение производства, что также стало принудительным законом конкуренции для каждого фабриканта. С обеих сторон — неслыханное развитие производительных сил, превышение предложения над спросом, перепроизводство, переполнение рынков, кризисы, повторяющиеся каждые десять лет, порочный круг: *здесь — излишек средств производства и продуктов, там — излишек рабочих без работы и без средств существования*. Но оба эти рычага производства и общественного благосостояния не могут соединиться, потому что капиталистическая форма производства не позволяет производительным силам действовать, а продуктам циркулировать иначе, как под условием предварительного превращения их в капитал, чему именно и препятствует их излишек. Это противоречие возрастает до бессмыслицы: *способ производства восстает против формы обмена*. Буржуазия уличается, таким образом, в неспособности к дальнейшему управлению своими собственными общественными производительными силами.

г) Частичное признание общественного характера производительных сил — признание, к которому вынуждаются сами капиталисты. Обращение крупных организмов производства и сообщения, сперва в собственность *акционерных компаний*, позже трестов, а затем и *государства*. Буржуазия оказывается излишним классом; все ее общественные функции выполняются теперь наемными служащими.

III. *Пролетарская революция*, разрешение противоречий: пролетариат берет общественную власть и обращает силою этой власти ускользающие из рук буржуазии общественные средства производства в собственность всего общества. Этим он освобождает производительные силы от всего того, что до сих пор было им свойственно в качестве капитала, и дает полную свободу развитию их общественной природы. Таким образом, становится возможным общественное производство по заранее обдуманному плану. Развитие производства делает анахронизмом дальнейшее существование различных общественных классов. В той же мере, в какой исчезает анархия общественного производства, отмирает политический авторитет государства. Люди, ставшие, наконец, господами своего собственного общественного бытия, становятся вследствие этого господами природы, господами самих себя — свободными.

Совершить этот освобождающий мир подвиг — таково историческое призвание современного пролетариата. Исследовать

исторические условия, а вместе с этим и самую природу этого переворота и, таким образом, выяснить ныне угнетенному классу, призванному совершить этот подвиг, условия и природу его собственного дела — такова задача научного социализма, являющегося теоретическим выражением пролетарского движения.

Написано Ф. Энгельсом на немецком языке. Впервые напечатано в виде статей в «Vorwärts», Лейпциг, 1877—1878 гг. Первое отдельное издание (на французском языке, перевод П. Лафарга) вышло в 1880 г. в Париже. — Маркс и Энгельс, Соч., т. XV.

НАЕМНЫЙ ТРУД И КАПИТАЛ

ВВЕДЕНИЕ Ф. ЭНГЕЛЬСА

Предлагаемая работа была впервые опубликована в 1849 г. в ряде номеров «Новой Рейнской Газеты», начиная с 4 апреля, в виде передовых статей¹. В основу ее положены лекции, читанные Марксом в 1847 г. в Брюссельском союзе немецких рабочих. В печати работа осталась незаконченной; находящаяся в конце статьи в № 269 обещание: «Продолжение следует», осталось невыполненным вследствие нахлынувших тогда событий — вступления русских в Венгрию, восстаний в Дрездене, Изерлоне, Эльберфельде, Пфальце и Бадене, — событий, повлекших за собой запрещение самой газеты (19 мая 1849 г.). Рукописи, которая содержала бы продолжение этой работы, в наследии Маркса не оказалось.

Отдельным изданием, в виде брошюры, «Наемный труд и капитал» печатался несколько раз, в последний раз — в 1884 г., Готтинген-Цюрих, «Швейцарская кооперативная типография». Во всех вышедших до сих пор изданиях точно воспроизводился текст оригинала. Но так как настоящее новое издание представляет собою брошюру пропагандистского характера и должно разойтись в количестве не менее 10 000 экземпляров, передо мной встал вопрос, одобрил ли бы при таких условиях сам Маркс перепечатку текста без всяких изменений.

В сороковых годах Маркс еще не довел до конца своей критики политической экономии. Это было сделано лишь к концу пятидесятых годов. Поэтому его работы, появившиеся до выхода первого выпуска «К критике политической экономии» (1859 г.), в отдельных пунктах отклоняются от работ, написанных после 1859 г., и содержат выражения и целые фразы, которые с точки зрения позднейших работ являются неудачными и даже невер-

---

¹ «Новая Рейнская Газета» выходила в Кельне с 1 июня 1848 г. по 19 мая 1849 г. Главным редактором ее был К. Маркс. «Наемный труд и капитал» печатался в номерах от 5, 6, 7, 8 и 11 апреля 1849 г. *Ред.*

нымп. Само собой разумеется, что в обычных изданиях, предназначенных для читающей публики вообще, должна найти себе место и эта более ранняя точка зрения автора, составляющая одну из ступеней его духовного развития, что и автор, и публика имеют бесспорное право на перепечатку этих более ранних сочинений в неизменном виде. При подобном издании мне и в голову не пришло бы изменить в этих произведениях хоть одно слово.

Другое дело, когда новое издание предназначено, можно сказать, исключительно для пропаганды среди рабочих. В подобном случае Маркс безусловно привел бы это старое, относящееся к 1849 г. изложение в соответствие со своей позднейшей точкой зрения. И я уверен, что, внося в *это издание* некоторые изменения и дополнения, необходимые для того, чтобы во всех существенных пунктах достигнуть такого соответствия, я действую вполне в его духе. Итак, я наперед говорю читателю: эта брошюра дается здесь не в таком виде, как Маркс ее написал в 1849 г., а приблизительно в таком, как он написал бы ее в 1891 г. К тому же подлинный текст разошелся в таком большом количестве экземпляров, что этого вполне достаточно до тех пор, пока мне представится возможность переиздать его в неизменном виде в полном собрании сочинений.

Все внесенные мной изменения относятся к одному пункту. Согласно оригиналу, рабочий за заработную плату продает капиталисту свой *труд*, согласно теперешнему тексту, — свою *рабочую силу*. По поводу этого изменения я должен дать разъяснение. — Разъяснение рабочим, чтобы они видели, что здесь перед нами не пустое буквоедство, а, напротив, один из важнейших пунктов всей политической экономии. Разъяснение буржуа, чтобы они могли убедиться, насколько необразованные рабочие, для которых легко можно сделать доступными самые трудные экономические вопросы, превосходят наших заносчивых «образованных» людей, для которых такие запутанные вопросы остаются неразрешимыми на всю жизнь.

Классическая политическая экономия¹ заимствовала из промышленной практики ходячее представление фабриканта, будто он покупает и оплачивает *труд* своих рабочих. Этого представления было вполне достаточно фабриканту для ведения дел, для счетоводства и калькуляции цен. Однако, будучи наивным образом перенесено в политическую экономию, это пред-

¹ «...под классической политической экономией, — пишет Маркс в «Капитале», — я понимаю всю экономию, начиная с В. Петти, которая исследует внутренние зависимости буржуазных производственных отношений» (К. Маркс, «Капитал», т. I, гл. I, сноска 32). Крупнейшими представителями классической политической экономии в Англии были А. Смит и Д. Рикардо. *Ред.*

ставление создало там совершенно поразительные заблуждения и путаницу.

Политическая экономия встречается с фактом, что цены всех товаров, в том числе и цена того товара, который она называет «трудом», непрерывно изменяются; они повышаются и понижаются под влиянием весьма разнообразных обстоятельств, которые часто не находят ни в какой связи с производством самого товара, так что кажется, будто цены вообще определяются чистой случайностью. Когда политическая экономия выступила как наука¹, одной из первых ее задач было найти закон, который скрывается за этой, якобы господствующей над товарными ценами случайностью, а в действительности сам господствует над этой случайностью. В непрерывных изменениях товарных цен и колебаниях их то вверх, то вниз наука искала устойчивый центр, вокруг которого они совершаются. Словом, она отправлялась от товарных *цен* для того, чтобы отыскать в качестве регулирующего их закона *стоимость* товаров, исходя из которой можно было бы объяснить все колебания цен и к которой все они могли бы быть в конечном счете сведены.

И вот классическая экономия нашла, что стоимость товара определяется содержащимся в нем необходимым для его производства трудом. Этим объяснением она удовлетворялась. Мы тоже можем пока на этом остановиться. И только во избежание недоразумений я считаю нужным напомнить, что в настоящее время это объяснение стало совершенно недостаточным. Маркс впервые основательно исследовал свойство труда создавать стоимость и при этом нашел, что не всякий труд, который кажется необходимым или даже действительно необходимым для производства товара, при всех условиях придает этому товару стоимость такой величины, которая соответствует затраченному количеству труда. Следовательно, если мы в настоящее время вместе с такими экономистами, как Рикардо, говорим просто, что стоимость товара определяется необходимым для его производства трудом, то при этом мы всегда подразумеваем сделанные Марксом оговорки. Этого здесь достаточно; остальное можно найти у Маркса в работе «К критике политической экономии», 1859 г., и в первом томе «Капитала»².

Но как только экономисты применили определение стоимости

¹ «Политическая экономия, в узком смысле, хотя и возникла благодаря отдельным гениальным личностям около конца XVII века, представляется, однако, в своей положительной формулировке физиократами и А. Смитом, по существу, детище XVIII века...» (Ф. Энгельс, «Анти-Дюринг», отд. II, гл. I). *Ред.*

² См. также популярное изложение этого вопроса в опубликованной впервые в 1898 г. работе К. Маркса: «Заработная плата, цена и прибыль», в особенности в главе 6. Настоящий том, стр. 271 и следующие. *Ред.*

трудом к товару «труд», они запутались в ряде противоречий. Чем определяется стоимость «труда»? Заключающимся в нем необходимым трудом. Но сколько труда заключается в труде рабочего, выполненном в продолжение одного дня, одной недели, одного месяца, одного года? В нем заключается труд одного дня, одной недели, одного месяца, одного года. Если труд есть мера всех стоимостей, то «стоимость труда» мы можем выразить только в труде. Но мы абсолютно ничего не знаем о стоимости одного часа труда, если знаем только, что она равна одному часу труда. Этим мы ни на волос не приблизились к цели. Мы продолжаем вращаться в заколдованном кругу.

Тогда классическая экономия сделала попытку в другом направлении; она сказала: стоимость товара, равна издержкам его производства. Но что такое издержки производства труда? Чтобы ответить на этот вопрос, экономисты должны были произвести некоторое насилие над логикой. Вместо издержек производства самого труда, которых, увы, нельзя установить, они исследуют, что представляют собою издержки производства *рабочего*. А эти издержки установить можно. Они изменяются в зависимости от времени и обстоятельств, но при данном состоянии общества, в данном месте, в данной отрасли производства являются тоже величиной данной, по крайней мере данной в довольно узких пределах. Мы живем в настоящее время в условиях господства капиталистического производства, при котором большой и все возрастающий класс населения может существовать лишь при том условии, если работает за заработную плату на владельцев средств производства — орудий, машин, сырья и жизненных средств. На основе этого способа производства издержки производства рабочего заключаются в той сумме жизненных средств, — или в той их денежной цене, — которая в среднем необходима, чтобы сделать его трудоспособным, сохранить его трудоспособность и, когда он выходит из строя вследствие старости, болезни или смерти, заменить его новым рабочим, т. е. в той сумме жизненных средств, которые требуются для того, чтобы дать возможность рабочему классу размножаться в необходимых размерах. Предположим, что денежная цена этих жизненных средств составляет в среднем 3 марки в день.

Итак, наш рабочий получает от нанимающего его капиталиста заработную плату в 3 марки в день. За это капиталист заставляет его работать, скажем, 12 часов в день. При этом капиталист делает примерно такой расчет:

Предположим, что наш рабочий слесарь-механик должен изготовить деталь машины, которую делает в один день. Пусть сырой материал — железо и латунь в необходимой предварительно обработанной форме — стоит 20 марок. Пусть потребление угля паровой машиной, снашивание этой паровой машины, токарного

станка и всех остальных орудий, которыми работает наш рабочий, составляет, при расчете на один день и на одного рабочего, стоимость в 1 марку. Заработную плату за один день по нашему предположению составляют 3 марки. Итого на нашу деталь машины затрачивается 24 марки. Но капиталист рассчитывает получить за нее от своих покупателей в среднем цену в 27 марок, т. е. на 3 марки больше произведенных им издержек.

Откуда берутся эти 3 марки, которые кладет себе в карман капиталист? По утверждению классической экономии товары продаются в среднем по их стоимостям, т. е. по ценам, которые соответствуют содержащимся в этих товарах необходимым количествам труда. Следовательно, средняя цена нашей детали машины — 27 марок — была бы равна ее стоимости, равна заключающемуся в ней труду. Но из этих 27 марок 21 марка составляет стоимость, которая была налицо уже раньше, чем наш слесарь-механик начал работать. 20 марок заключались в сырье, а 1 марка в сожженном за время работы угле или в употреблявшихся при этом машинах и орудиях, пригодность которых к действию соответственно уменьшилась. Остается 6 марок, которые были присоединены к стоимости сырья. Но эти 6 марок, по предположению самих наших экономистов, могут возникнуть только из труда, присоединенного нашим рабочим к сырью. Его двенадцатичасовой труд создал, таким образом, новую стоимость в 6 марок. Следовательно, стоимость его двенадцатичасового труда была бы равна 6 маркам. И тем самым мы, наконец, открыли бы, что такое «стоимость труда».

«Стой!» — восклицает наш слесарь-механик. — «Шесть марок? Но ведь я получил только три! Мой капиталист клянется всеми святыми, что стоимость моего двенадцатичасового труда равна только трем маркам, и подымет меня насмех, если я потребую шесть. Как же это согласовать?»

Если и раньше с нашей стоимостью труда мы попали в заколдованный круг, то теперь мы уж совсем запутались в неразрешимом противоречии. Мы искали стоимость труда, а нашли больше, чем нам нужно. Для рабочего стоимость двенадцатичасового труда — 3 марки, для капиталиста — 6 марок, из которых 3 он платит рабочему в виде заработной платы, а 3 кладет себе в карман. Таким образом, труд имел бы не одну, а две стоимости, и к тому же совершенно различные!

Противоречие становится еще более нелепым, если стоимости, выраженные в деньгах, мы сведем к рабочему времени. В течение 12 часов труда создается новая стоимость в 6 марок. Значит в течение 6 часов — 3 марки, сумма, которую рабочий получает за двенадцатичасовой труд. В качестве эквивалента за двенадцатичасовой труд рабочий получает продукт 6 часов труда. Итак, либо труд имеет две стоимости, из которых одна

и два раза больше другой, либо 12 равны 6! В обоих случаях получается чистейшая нелепость.

Сколько бы мы ни бились, мы не выпутаемся из этого противоречия до тех пор, пока будем говорить о купле и продаже труда и о стоимости труда. Так оно и было с экономистами. Последний отпрыск классической экономии, школа Рикардо, потерпела крах главным образом из-за того, что не могла разрешить этого противоречия. Классическая экономия попала в тупик. Человеком, нашедшим выход из этого тупика, был Карл Маркс.

То, в чем экономисты видели издержки производства «труда», представляет из себя издержки производства не труда, а самого живого рабочего. И то, что этот рабочий продает капиталисту, представляет из себя не труд рабочего. «Когда его труд действительно начинается», говорит Маркс, «он перестает принадлежать рабочему и, следовательно, не может быть им продан»¹. Самое большее, что он может продать, — это свой *будущий* труд, т. е. он может взять на себя обязательство выполнить определенную работу в определенное время. Но тем самым он продает не труд (который еще должен быть выполнен), а предоставляет в распоряжение капиталиста за определенную плату на определенное время (при поденной заработной плате) или для определенной работы (при сдельной заработной плате) свою рабочую силу: он отдает в наем, или продает, свою *рабочую силу*. Но эта рабочая сила срослась с личностью рабочего и неотделима от нее. Поэтому издержки ее производства совпадают с издержками производства самого рабочего; то, что экономисты называли издержками производства труда, как раз и представляет из себя издержки производства рабочего, а тем самым — издержки производства рабочей силы. И таким образом мы можем от издержек производства рабочей силы перейти к *стоимости* рабочей силы и определить количество общественно-необходимого труда, требующееся для производства рабочей силы определенного качества, — что и сделал Маркс в отделе о купле и продаже рабочей силы («Капитал», т. I, гл. IV, 3).

Что же происходит после того, как рабочий продал капиталисту свою рабочую силу, т. е. предоставил ее в распоряжение капиталиста за наперед условленную заработную плату — поденную или сдельную? Капиталист ведет рабочего в свою мастерскую или на фабрику, где уже имеются все необходимые для работы предметы: сырье, вспомогательные материалы (уголь, красящие вещества и т. д.), орудия, машины. Здесь рабочий принимается за работу. Пусть его дневная плата составляет, как и раньше, 3 марки, — причем совершенно безразлично, получает ли он их поденно или сдельно. Точно так же мы здесь опять

¹ К. Маркс, «Капитал», т. I, гл. XVII, 6. Ред.

предполагаем, что своим трудом рабочий в продолжение 12 часов присоединяет к израсходованному сырью новую стоимость в 6 марок, которую капиталист реализует при продаже готового продукта. Из них он платит рабочему его 3 марки, остальные же 3 марки оставляет себе. Но если рабочий за 12 часов производит стоимость в 6 марок, то за 6 часов он создает стоимость в 3 марки. Следовательно, проработав на капиталиста 6 часов, рабочий уже возместил капиталисту эквивалент 3 марок, содержащихся в заработной плате. По истечении 6 часов труда оба они квиты, ни один из них не должен другому ни гроша.

«Стой!» — кричит теперь капиталист. — «Я нанял рабочего на целый день, на двенадцать часов. А шесть часов — это только половина дня. Живей же опять за работу, пока не кончатся и остальные шесть часов, — только тогда мы будем квиты!» И рабочему в самом деле приходится выполнять свой «добровольно» заключенный договор, по которому он обязался за продукт труда, стоящий 6 рабочих часов, работать целых 12 часов.

Так же обстоит дело и при сдельной оплате. Предположим, что наш рабочий за 12 часов изготавливает 12 штук товара. Приходящиеся на каждую штуку товара сырье и снашивание машин обходятся в 2 марки, а продается каждая штука за $2\frac{1}{2}$ марки. Таким образом, при прежних прочих условиях, капиталист будет платить рабочему по 25 пфеннигов за штуку; на 12 штук это составит 3 марки, и, чтобы заработать их, рабочему требуется 12 часов. Капиталист получает за 12 штук 30 марок; за вычетом 24 марок на сырье и снашивание остается 6 марок, из которых он 3 марки выплачивает в виде заработной платы, а 3 кладет себе в карман. Все происходит так же, как и раньше. И здесь рабочий работает 6 часов для себя, т. е. для возмещения своей платы (в каждый из 12 часов по $\frac{1}{2}$ часа), и 6 часов для капиталиста.

Трудность, о которую разбивались усилия лучших экономистов, пока они исходили из стоимости «труда», исчезает, как только мы берем за исходный пункт стоимость «рабочей силы». В нашем нынешнем капиталистическом обществе рабочая сила является товаром, таким же товаром, как и всякий другой, и все же совершенно особенным товаром. Дело в том, что товар этот обладает особенным свойством — быть силой, создающей стоимость, быть источником стоимости, и притом — при надлежащем употреблении — источником большей стоимости, чем та, которую он сам имеет. При современном состоянии производства человеческая рабочая сила не только производит за день стоимость, превышающую ту, которую она сама имеет и в которую она обходится; с каждым новым научным открытием, с каждым новым техническим изобретением этот избыток дневного продукта рабочей силы над дневными издержками на нее возрастает; следовательно, та

часть рабочего дня, в течение которой рабочий вырабатывает возмещение своей дневной платы, сокращается, а, с другой стороны, та часть рабочего дня, в течение которой рабочему приходится *дарить* капиталисту свой труд, не получая за это оплаты, удлиняется.

И таков хозяйственный строй всего нашего нынешнего общества: один только рабочий класс производит все стоимости. Ибо стоимость есть лишь иное выражение труда, такое выражение, которым в нашем современном капиталистическом обществе обозначается количество общественно-необходимого труда, заключающегося в определенном товаре. Но эти производимые рабочими стоимости не принадлежат рабочим. Они принадлежат собственникам сырья, машин, орудий и средств авансирования, которые позволяют этим собственникам покупать рабочую силу рабочего класса. Следовательно, из всей массы производимых им продуктов рабочий класс получает обратно только часть. Другая часть, которую класс капиталистов удерживает в своих руках и которой ему приходится делиться разве только с землевладельцами, как мы только что видели, возрастает с каждым новым изобретением и открытием, между тем как часть, достающаяся рабочему классу (при расчете на душу), либо увеличивается лишь весьма медленно и незначительно, либо вовсе не увеличивается, а при известных условиях может даже сокращаться.

Но эти все быстрее вытесняющие друг друга изобретения и открытия, эта изо дня в день возрастающая в неслыханных до сих пор размерах плодотворность человеческого труда создают в конце концов конфликт, от которого должно погибнуть современное капиталистическое хозяйство. На одной стороне — неизмеримые богатства и избыток продуктов, которыми не в состоянии овладеть покупатели. На другой стороне — громадная масса общества, пролетаризированная, превращенная в наемных рабочих и именно поэтому сделавшаяся неспособной приобретать этот избыток продуктов. Раскол общества на маленький непомерно богатый класс и на огромный лишенный собственности класс наемных рабочих ведет к тому, что это общество задыхается в своем собственном изобилии, между тем как огромное большинство его членов еле-еле защищено или совсем не защищено от самой крайней нужды. Это состояние общества с каждым днем становится все более нелепым и все более ненужным. Оно *должно* быть устранено, оно *может* быть устранено. Возможен новый общественный строй, в котором исчезнут современные классовые различия и в котором — быть может, после короткого, связанного с некоторыми лишениями, но во всяком случае очень полезного в моральном отношении переходного времени — средства к жизни, средства наслаждения, совершенствования и применения всех физических и духовных способностей во все возра-

стающей полноте будут предоставлены во всеобщее распоряжение, благодаря планомерному использованию и дальнейшему развитию уже существующих огромных производительных сил всех членов общества, при равной для всех обязанности трудиться. А что рабочие все больше и больше полны решимости завоевать этот новый общественный строй, свидетельством тому по обе стороны океана послужит наступающее завтра первое мая и воскресенье третьего мая¹.

Фридрих Энгельс

Лондон, 30 апреля 1894 г.

---

¹ Английские тред-юнионы правдновали Международный пролетарский день в ближайшее после 4 мая воскресенье, которое в 1891 г. приходилось на 3 мая. *Ред.*

Наемный труд и капитал¹

I

С разных сторон нам приходилось выслушивать упреки в том, что мы не изобразили *экономических отношений*, составляющих материальную основу как классовой, так и национальной борьбы настоящего времени. Мы систематически касались этих отношений только тогда, когда они непосредственно выдвигались в политических столкновениях.

Необходимо было прежде всего проследить классовую борьбу в повседневном ходе истории и эмпирически доказать на уже имеющемся и каждый день вновь появляющемся историческом материале, что вместе с поражением рабочего класса, который совершил и Февраль и Март², были побеждены и его противники во Франции — буржуазные республиканцы, а на всем европейском континенте — классы буржуазии и крестьянства, боровшиеся против феодального абсолютизма; что победа «добропорядочной республики» во Франции была вместе с тем поражением наций, ответивших на февральскую революцию героическими войнами за независимость; наконец, что с поражением революционных

---

¹ В предшествующих изданиях в тексте брошюры давались два подзаголовка: «Что такое заработная плата? Чем она определяется» и «Чем определяется цена товара?» Однако под заголовком «Чем определяется цена товара?» в брошюре рассматривался не только вопрос о цене, но и такие вопросы, как «издержки производства», «издержки производства рабочей силы», «капитал», «капитал и наемный труд», «относительная заработная плата», «номинальная и реальная заработная плата», «разделение труда», «машинный», «относительное и абсолютное обнищание рабочего класса».

Проверка показала, что в тексте, опубликованном в «Новой Рейнской Газете», а также в хранящейся в архиве ИМЭЛ в фотокопии рукописи, переписанной другом Маркса, Иосифом Вейдемейером, таких подзаголовков нет. Подзаголовки эти появляются лишь в «стедельных оттисках» из «Новой Рейнской Газеты», которые издавались без участия Маркса и Энгельса.

Поэтому редакция признала правильным упразднить эти заголовки, включив их в текст, как это было в оригинале. Текст разделен на пять частей, в соответствии с тем делением на статьи, которое произвел сам Маркс, когда печатал свою работу в «Новой Рейнской Газете». В упомянутой рукописи Вейдемейера работа Маркса озаглавлена «*Заработная плата*», так же называет эту работу и сам Маркс в письме Вейдемейеру от 1 августа 1849 г. *Ред.*

² То-есть революцию 23—24 февраля 1848 г. в Париже, 13 марта в Вене и 18 марта в Берлине. *Ред.*

рабочих Европа снова попала в свое старое двойное рабство — в *англо-русское* рабство. Июньская борьба в Париже, падение Вены, трагикомедия берлинского ноября 1848 г., отчаянное напряжение сил Польши, Италии и Венгрии, удушение Ирландии голодом — вот главные моменты, которыми сжато характеризовалась европейская классовая борьба между буржуазией и рабочим классом и на примере которых мы показали, что всякое революционное восстание, как бы далеко ни лежали, казалось, его цели от классовой борьбы, должно кончаться поражением, пока не победит революционный рабочий класс, что всякая социальная реформа останется утопией, пока пролетарская революция и феодальная контрреволюция не померяются оружием в *мировой войне*. В нашем изображении, как и в самой действительности, *Бельгия* и *Швейцария* в великой исторической панораме представляли собой трагикомические, карикатурные жанровые картины: одна — образцовое государство буржуазной монархии, другая — образцовое государство буржуазной республики, обе — государства, воображающие, что они так же независимы от классовой борьбы, как и от европейской революции.

Теперь, после того как наши читатели видели развернувшуюся в грандиозных политических формах классовую борьбу 1848 г., вполне своевременно будет ближе подойти к самым экономическим отношениям, на которых основано как существование буржуазии и ее классовое господство, так и рабство рабочих.

В трех больших отделах мы рисуем: 1) отношение *наемного труда к капиталу*, рабство рабочего, господство капиталиста; 2) *неизбежный при современной системе процесс уничтожения средних буржуазных классов и так называемого крестьянского сословия*; 3) *торговое порабощение и эксплуатацию буржуазных классов различных европейских наций деспотом всемирного рынка — Англией*.

Мы постараемся говорить как можно проще и популярнее, не предполагая у читателя знакомства даже с самыми элементарными понятиями политической экономии. Мы хотим, чтобы нас понимали рабочие. К тому же в Германии повсюду, начиная с патентованных защитников существующего порядка и кончая *социалистическими кудесниками*¹ и *непризнанными политическими гениями*, которыми раздробленная Германия еще богаче, чем отцами отечества, царит поразительнейшее невежество и путаница в понимании простейших экономических отношений.

Итак, прежде всего — первый вопрос: *Что такое заработная плата? Как она определяется?*

¹ Характеристику этих социалистических кудесников см. в «Предисловии» Ф. Энгельса к немецкому изданию «Манифеста Коммунистической партии» 1890 г. (Настоящий том, стр. 136.) *Ред.*

Если спросить у рабочих: «Как велика ваша заработная плата?», то один ответит: «Я получаю от своего буржуа 1 марку за рабочий день», другой: «Я получаю 2 марки», и т. д. В зависимости от того, в какой отрасли труда они заняты, они называют различную сумму денег, которую каждый из них получает от соответствующего буржуа за выполнение определенной работы, — например, за изготовление одного аршина холста или за набор одного печатного листа. Несмотря на различие их ответов, все они сходятся в одном: заработная плата, это — сумма денег, которую платит капиталист за определенное рабочее время или за исполнение определенной работы.

Итак, кажется, будто капиталист *покупает* за деньги труд рабочих, а рабочие за деньги *продают* ему свой труд. Однако это лишь видимость. В действительности они продают капиталисту за деньги свою *рабочую силу*. Капиталист покупает эту рабочую силу на день, на неделю, на месяц и т. д. А после того как он ее купил, он ее потребляет, заставляя рабочих трудиться в течение условленного срока. За ту же сумму денег, за которую капиталист купил их рабочую силу, например за 2 марки, он мог бы купить 2 фунта сахара или определенное количество какого-нибудь другого товара. 2 марки, за которые он купил 2 фунта сахара, составляют *цену* 2-х фунтов сахара. 2 марки, за которые он купил потребление рабочей силы в течение 12 часов, составляют цену двенадцатичасового труда. Стало быть, рабочая сила — товар, товар не в большей и не в меньшей степени, чем сахар. Первый измеряется с помощью часов, второй — с помощью весов.

Свой товар, рабочую силу, рабочие обменивают на товар капиталиста, деньги, причем этот обмен совершается в определенной пропорции. Столько-то денег за столько-то времени потребления рабочей силы. За двенадцатичасовой труд ткача — 2 марки. Но разве эти 2 марки не представляют всех других товаров, которые можно за 2 марки купить? Стало быть, по существу рабочий обменивал свой товар, рабочую силу, на всевозможные товары, и притом в определенной пропорции. Давая ему 2 марки, капиталист в обмен на его рабочий день дал ему столько-то мяса, столько-то платья, столько-то дров, освещения и т. д. Следовательно, эти 2 марки выражают отношение, в котором рабочая сила обменивается на другие товары, выражают *меновую стоимость* его рабочей силы. Меновая стоимость товара, выраженная в *деньгах*, как раз и называется его *ценой*. Итак, *заработная плата*, это — лишь особое название цены рабочей силы, которую обыкновенно называют *ценой труда*, особое название цены этого своеобразного товара, который не может существовать иначе, как в человеческой плоти и крови.

Возьмем любого рабочего, например ткача. Капиталист предоставляет ему ткацкий станок и пряжу. Ткач принимается за

работу, и пряжа превращается в холст. Капиталист забирает этот холст и продает его, скажем, за 20 марок. Является ли заработная плата ткача *долей* холста, долей 20 марок, долей продукта его труда? Ни в каком случае. Ведь ткач получил свою заработную плату еще задолго до того, как холст был продан, быть может, задолго до того, как он был соткан. Стало быть, капиталист платит эту заработную плату не из тех денег, которые он выручит за холст, а из денег, имеющихся у него в запасе. Ткацкий станок и пряжа не являются продуктом того ткача, которому предоставил их буржуа, и точно так же не являются его продуктом те товары, которые он получает в обмен на свой товар, рабочую силу. Может случиться, что буржуа вовсе не найдет покупателя на свой холст. Может быть, при продаже холста он не выручит даже расходов на заработную плату. Возможно, что он продаст его весьма выгодно по сравнению с уплаченной ткачу заработной платой. Ткача все это совершенно не касается. На одну часть своего наличного состояния, своего капитала, капиталист покупает рабочую силу ткача совершенно так же, как на другую его часть он закупил сырье — пряжу — и орудие труда — ткацкий станок. Сделав эти покупки, — а к числу этих покупок принадлежит и необходимая для производства холста рабочая сила, — капиталист приступает к производству, причем находящиеся в его распоряжении *сырье и орудия труда теперь уже принадлежат ему*. Конечно, к числу последних относится также и наш добрый ткач, который так же не имеет доли в продукте или в его цене, как и ткацкий станок.

Следовательно, заработная плата не является долей рабочего в произведенном им товаре. Заработная плата есть часть уже имеющегося налицо товара, на которую капиталист покупает себе определенное количество производительной рабочей силы.

Итак, рабочая сила есть товар, который его владелец, наемный рабочий, продает капиталу. Зачем он его продает? Чтобы жить.

Но проявление рабочей силы в действии, труд, это — собственная жизнедеятельность рабочего, проявление его собственной жизни. И эту-то *жизнедеятельность* он продает другому, чтобы обеспечить себе необходимые *средства к жизни*. Значит, его жизнедеятельность есть для него только средство, дающее ему возможность существовать. Он работает для того, чтобы жить. Он даже не считает труд частью своей жизни; напротив, трудиться значит для него жертвовать своей жизнью. Труд, — это товар, проданный им другому. Поэтому и продукт его деятельности не составляет цели его деятельности. Для себя самого рабочий производит не шелк, который он тклет, не золото, которое он добывает на приисках, не дворец, который он строит. Для себя самого он производит *заработную плату*, а шелк, золото, дворец превращаются для него в известное количество жизненных

средств, быть может, в ситцевую рубашку, в медную монету, в жилье где-нибудь в подвале. И может ли рабочий, который 12 часов в сутки ткет, прядет, сверлит, точит, строит, копает, разбивает камни, переносит тяжести и т. д., — может ли он считать это двенадцатичасовое тканье, пряденье, сверленье, токарную, строительную работу, копанье, разбивание камней проявлением своей жизни, своею жизнью? Наоборот. Жизнь для него начинается тогда, когда эта деятельность прекращается, — за обеденным столом, у трактирной стойки, в постели. Смысл двенадцатичасового труда заключается для него не в том, что он ткет, прядет, сверлит и т. д., а в том, что это — способ *заработка*, который дает ему возможность поесть, пойти в трактир, поспать. Если бы шелко-вичный червь пряд для того, чтобы поддерживать свое существование в качестве гусеницы, он был бы настоящим наемным рабочим. Рабочая сила не всегда была *товаром*. Труд не всегда был наемным трудом, т. е. *свободным трудом*. Раб не продавал своей рабочей силы рабовладельцу, так же как вол не продаст своей работы крестьянину. Раб вместе со своей рабочей силой раз и навсегда продан своему господину. Он — товар, который может переходить из рук одного собственника в руки другого. *Сам* он — товар, но рабочая сила не является *его* товаром. *Крепостной* продает только часть своей рабочей силы. Не он получает плату от собственника земли; напротив, собственник земли берет дань с него.

Крепостной есть принадлежность земли и приносит плоды собственнику земли. Напротив, *свободный рабочий* продает самого себя, и притом продает себя по частям. Изю дня в день с публичного торга он продает 8, 10, 12, 15 часов своей жизни, продает тому, кто больше даст, — владельцу сырья, орудий труда и жизненных средств, т. е. капиталисту. Рабочий не принадлежит ни собственнику, ни земле, но 8, 10, 12, 15 часов его ежедневной жизни принадлежат тому, кто их покупает. Рабочий, как только захочет, покидает капиталиста, к которому нанялся, и капиталист, когда ему заблагорассудится, увольняет рабочего, увольняет, как только рабочий перестает приносить ему выгоду или не приносит ему такой выгоды, на какую капиталист рассчитывал. Но рабочий, для которого единственным источником заработка служит продажа рабочей силы, не может покинуть *всего класса покупателей*, т. е. *класса капиталистов*, не обрекая себя при этом на голодную смерть. Он принадлежит не тому или другому капиталисту, а *классу капиталистов в целом*; и уж его дело — найти себе хозяина, т. е. подыскать покупателя, среди класса капиталистов.

Теперь, прежде чем остановиться подробнее на отношениях между капиталом и наемным трудом, изложим вкратце наиболее общие условия, играющие роль при определении заработной платы.

Как мы видели, *заработная плата* есть *цена* определенного товара — рабочей силы. Следовательно, заработная плата определяется теми же законами, которыми определяется цена всякого другого товара¹. Итак, спрашивается: *как определяется цена товара?*

II

Чем определяется *цена* товара?

Конкуренцией между покупателями и продавцами, отношением между спросом и его покрытием, между требованием и предложением. Конкуренция, определяющая цену товара, является *трехсторонней*.

Один и тот же товар предлагается различными продавцами. Кто продает товары одного и того же качества дешевле всех, тот наверняка вышибет с поля битвы остальных продавцов и обеспечит себе наибольший сбыт. Таким образом, продавцы ведут между собой борьбу за сбыт, за рынок. Каждый из них хочет продавать, продавать как можно больше, хочет по возможности продавать один, устранив остальных продавцов. Поэтому один продает дешевле другого. Стало быть, происходит *конкуренция между продавцами*, которая *понижает* цену предлагаемых ими товаров.

Но происходит также *конкуренция между покупателями*, которая, со своей стороны, *повышает* цены предлагаемых товаров.

Наконец, существует *конкуренция между покупателями и продавцами*; одни хотят возможно дешевле купить, другие — возможно дороже продать. Результат этой конкуренции между покупателями и продавцами зависит от того, каково соотношение обеих указанных выше конкурирующих сторон, т. е. от того, где конкуренция сильнее, в лагере покупателей или в лагере продавцов. Промышленность выводит на поле брани друг против друга две армии, причем в собственных рядах каждой из них в свою очередь происходит междоусобная борьба. Победу над противником одерживает та армия, в рядах которой меньше драки.

Предположим, что на рынке находится 100 кип хлопка, между тем как покупателям нужно 1 000 таких кип. Следовательно, в этом случае спрос в десять раз превышает предложение. Конкуренция между покупателями будет поэтому очень сильна; каждый из них

¹ В рукописи, переписанной Вейдемейером, далее следует: «...законами конкуренции. А они, как я разъяснил в прошлый раз, всегда низводят цену товара к его издержкам производства. Это, однако, происходит не так, что товары всегда в одинаковой мере продаются и покупаются по указанным ценам, но так, что по этим издержкам производства уравнивается средняя цена, которая получается в итоге этих колебаний при купле и продаже». *Ред.*

будет стараться урвать себе хотя бы одну кипу, а по возможности захватить и все 100 кип. Этот пример не является произвольным предположением. В истории торговли мы переживали такие периоды недорода хлопка, когда несколько капиталистов, заключив между собой союз, пытались скупить не сотню кип, а весь запас хлопка, имеющийся на земном шаре. Итак, в приведенном нами случае каждый покупатель постарается устранить другого, предлагая за кипу хлопка относительно более высокую цену. Видя ожесточеннейшую междоусобную борьбу в рядах неприятельского войска и будучи вполне уверены в продаже всех 100 кип, продавцы хлопка поостерегутся вступить в драку между собой, чтобы не понизить цен своего товара в момент, когда их противники наперебой состязаются во взвинчивании цен. Таким образом, в рядах продавцов вдруг водворяется мир. Как *один* человек, противостоят они покупателям, философски скрестив руки, и их притязаниям не было бы предела, если бы предложения даже самых настойчивых покупателей не имели, со своей стороны, весьма определенных границ.

Итак, если предложение какого-нибудь товара слабее, нежели спрос на этот товар, то конкуренция в рядах его продавцов очень слаба или даже вовсе не имеет места. В той самой мере, как ослабевает конкуренция между продавцами, возрастает конкуренция между покупателями. Результат — более или менее значительное повышение цен товаров.

Как известно, чаще имеет место обратный случай с обратным следствием: значительное превышение предложения над спросом, отчаянная конкуренция между продавцами, недостаток в покупателях, распродажа товаров за бесценок.

Но что значит повышение и понижение цен, что значит высокая и низкая цена? Песчинка, если ее рассматривать в микроскоп, кажется высокою, а башня низка по сравнению с горсю. И если цена определяется соотношением между спросом и предложением, то чем же определяется соотношение между спросом и предложением?

Обратимся к первому встречному буржуа. Ни на минуту не задумываясь, он, как новоявленный Александр Македонский, разрубит этот метафизический узел с помощью таблицы умножения. Если, скажет он нам, производство продаваемого мною товара стоило мне 100 марок, а выручаю я при его продаже 110 марок, — разумеется по истечении года, — то это будет приличная, честная, законная прибыль. Если при обмене я получаю 120, 130 марок, то это — высокая прибыль; наконец, если я выручаю целых 200 марок, то это уже необычайная, огромная прибыль. Что же служит для буржуа *мерой* прибыли? *Издержки производства* его товара. Если он в обмен на свой товар получает такое количество других товаров, производство которого стоило

меньше, чем производство его товара, он — в убытке. Если же в обмен на свой товар он получает такое количество товаров, производство которого стоило больше, он — в выигрыше. Понижение или повышение своей прибыли он измеряет числом градусов, на которое меновая стоимость его товара ниже или выше нуля — *издержек производства*.

Мы уже видели, что изменение соотношения между спросом и предложением вызывает то повышение, то падение цен, то высокие, то низкие цены. Если, вследствие недостаточного предложения или непомерно возросшего спроса, цена одного товара значительно повышается, то неизбежно соответственно падает цена какого-нибудь другого товара; ведь цена товара выражает в деньгах лишь то отношение, в каком другие товары даются в обмен на него. Если, например, цена аршина шелковой материи поднимается с 5 марок до 6, то цена серебра по отношению к шелковой материи понижается, и точно так же все другие товары, цены которых остались неизменными, понижаются в цене по отношению к шелковой материи. Теперь, чтобы получить в обмен такое же количество шелковой материи, как прежде, нужно давать большее количество товаров. Каковы будут следствия повышения цены товара? Масса капиталов устремится в цветущую отрасль промышленности, и этот прилив капиталов в более выгодную отрасль промышленности будет продолжаться до тех пор, пока прибыль в данной отрасли не упадет до обычного уровня, или, вернее, пока вследствие перепроизводства цена ее продуктов не упадет ниже издержек производства.

Наоборот. Если цена какого-нибудь товара упадет ниже издержек его производства, то капиталы будут извлекаться из производства данного товара. За исключением того случая, когда данная отрасль промышленности уже не соответствует требованиям времени и потому должна исчезнуть, производство данного товара, т. е. его предложение, вследствие этого бегства капиталов, будет сокращаться, и сокращение это будет продолжаться до тех пор, пока не придет в соответствие со спросом, стало быть, пока цена товара не поднимется снова до уровня издержек его производства, или, вернее, пока предложение не упадет ниже спроса, т. е. пока цена товара не поднимется снова выше издержек его производства, так как *текущая цена товара всегда стоит выше или ниже издержек его производства*.

Мы видим, что капиталы непрерывно отливают и приливают из одной отрасли производства в другую. Высокая цена вызывает слишком сильный прилив, низкая цена — слишком сильный отлив капиталов.

Рассматривая вопрос с другой точки зрения, мы могли бы показать, что не только предложение, но и спрос определяется

издержками производства. Однако это отвлекло бы нас слишком далеко от нашего предмета.

Мы только что видели, как колебания спроса и предложения всякий раз приводят цену товара к уровню издержек производства. *Правда, действительная цена товара всегда стоит выше или ниже издержек производства; но повышения и понижения взаимно покрываются*, так что, в пределах определенного промежутка времени, если рассматривать прилив и отлив в промышленности в их общем итоге, товары обмениваются один на другой в соответствии с издержками производства, а следовательно, их цена определяется издержками производства.

Это определение цены издержками производства не следует понимать в том смысле, как его понимают экономисты. Экономисты говорят, что *средняя цена* товаров равна издержкам производства; это, по их мнению, — *закон*. Анархическое движение, в котором повышение цены компенсируется ее падением, а падение — повышением, они рассматривают как случайность. С таким же правом можно было бы, — как то и делают иные экономисты, — рассматривать колебания цен как закон, а определение их издержками производства как случайность. На самом же деле только в ходе этих колебаний, — приносящих с собой, как выясняется при более близком рассмотрении, ужаснейшие опустошения и сотрясающих, подобно землетрясениям, самые устойчивые буржуазного общества, — только в ходе этих колебаний цены и определяются издержками производства. Совокупное движение этого беспорядка есть его порядок. В ходе этой промышленной анархии, в этом круговороте, конкуренция, так сказать, компенсирует одну крайность другою.

Итак, мы видим, что цена товара определяется издержками производства таким способом, что периоды, в течение которых цена данного товара превышает издержки его производства, компенсируются периодами, в течение которых она падает ниже издержек его производства, и наоборот. Конечно, это относится не к каждому отдельному промышленному продукту, а только ко всей отрасли промышленности в целом. И следовательно, это относится также не к отдельному промышленнику, а только ко всему классу промышленников в целом.

Определение цены издержками производства равносильно определению цены рабочим временем, необходимым для производства товара, так как издержки производства состоят: 1) из сырья и снашивания орудий труда, т. е. из продуктов промышленности, производство которых стоило известного количества рабочих дней, и которые, стало быть, представляют известное количество рабочего времени, и 2) из непосредственного труда, мерой которого тоже является время.

Те же самые общие законы, которые вообще управляют ценой товаров, управляют, конечно, и *заработной платой, ценой труда*.

Оплата труда будет то повышаться, то падать в зависимости от соотношения между спросом и предложением, в зависимости от того, как складывается конкуренция между покупателями рабочей силы, капиталистами, и продавцами рабочей силы, рабочими. Колебания заработной платы в общем соответствуют колебаниям товарных цен. *Но в пределах этих колебаний цена труда определяется издержками производства, рабочим временем, требующимся для того, чтобы создать этот товар, рабочую силу.*

Каковы же издержки производства рабочей силы?

Это — издержки, которые требуются для того, чтобы сохранить рабочего в качестве рабочего и выработать из него рабочего¹.

Поэтому, чем меньше времени для обучения требует какой-нибудь труд, тем меньше издержки производства рабочего, тем ниже цена его труда, его заработная плата. В тех отраслях промышленности, где не требуется почти никакого времени на обучение и достаточно просто физического существования рабочего, издержки производства, требующиеся для его создания, сводятся почти только к тем товарам, которые нужны для поддержания его жизни и трудоспособности. Поэтому *цена его труда определяется ценою необходимых жизненных средств.*

Здесь, однако, нужно принять во внимание еще одно обстоятельство. Фабрикант, исчисляя свои издержки производства, а по ним и цену продуктов, включает в расчет снашивание орудий труда. Если, например, машина стоит ему 1 000 марок и снашивается в течение десяти лет, то он ежегодно включает в цену товара по 100 марок, чтобы иметь возможность по прошествии десяти лет, заменить сношенную машину новой. Точно так же в состав издержек производства простой рабочей силы должны входить и издержки на продолжение рода, дающие рабочему классу возможность размножаться и замещать сносившихся рабочих новыми. Следовательно, снашивание рабочего принимается в расчет таким же образом, как и снашивание машины.

Итак, издержки производства простой рабочей силы сводятся к *издержкам существования рабочего и продолжения его рода*. Цена этих издержек существования и продолжения рода составляет заработную плату. Определяемая таким образом заработная

¹ В рукописи, переписанной Вейдемейером, далее следует: «В последний раз мы установили, что цена товара определяется издержками производства, а издержки производства труда, это — издержки, которые требуются, чтобы сохранить рабочего в качестве рабочего и выработать из него рабочего». *Ред.*

плата называется *минимумом заработной платы*¹. Этот минимум заработной платы, как и вообще определение цены товаров издержками производства, имеет силу не по отношению к *отдельному индивидууму*, а ко всему *виду*. Отдельные рабочие, миллионы рабочих получают недостаточно для того, чтобы иметь возможность существовать и продолжать свой род; но *заработная плата всего рабочего класса* в пределах своих колебаний выравнивается по этому минимуму.

Теперь, после того, как мы договорились относительно самых общих законов, управляющих заработной платой, равно как и ценой всякого другого товара, мы можем ближе заняться нашим предметом².

III

Капитал состоит из сырья, орудий труда и разного рода жизненных средств, которые употребляются на производство нового сырья, новых орудий труда и новых жизненных средств. Все эти составные части капитала представляют из себя произведения труда, продукты труда, *накопленный труд*. Накопленный труд, служащий средством для нового производства, есть капитал.

Так говорят экономисты.

Что такое негр-раб? Человек черной расы. Одно объяснение стоит другого.

Негр есть негр. Только при определенных отношениях он становится рабом. Хлопкопрядильная машина есть машина для прядения хлопка. Только при определенных отношениях она становится *капиталом*. Выхваченная из этих отношений, она так же

¹ К аналогичному положению Маркса в «Нищете философии» Энгельс делает следующее примечание:

«Закон, согласно которому «естественная», т. е. нормальная, цена рабочей силы совпадает с минимумом заработной платы, т. е. эквивалентом стоимости жизненных средств, безусловно необходимых для жизни рабочего и продолжения его рода, был впервые установлен мною в «Очерке критики национальной экономики» («Немецко-Французские Ежегодники», Париж 1844) и в «Положении рабочего класса в Англии». Как видно из вышеизложенного, Маркс принял тогда этот закон. У нас обоих заимствовал его Лассаль. Но, хотя заработная плата и имеет в действительности постоянную тенденцию приблизиться к своему минимуму, закон этот все-таки не верен. Тот факт, что рабочая сила обыкновенно оплачивается в среднем ниже своей стоимости, не может изменить ее стоимости. В «Капитале» Маркс исправил вышеприведенное положение ([IV глава] подраздел «Купля и продажа рабочей силы»), а также выяснил (в главе XXIII, «Всеобщий закон капиталистического накопления») обстоятельства, которые позволяют при капиталистическом производстве все более и более опускать цену рабочей силы ниже ее стоимости». *Ред.*

² В рукописи, переписанной Вейдемейером, далее следует: «Прежде чем рассмотреть капитал в его взаимодействии с трудом, мы должны точнее определить понятие капитала». *Ред.*

не является капиталом, как золото само по себе не является деньгами или сахар — ценой сахара ¹.

В производстве люди воздействуют не только на природу, но и друг на друга. Они не могут производить, не соединяясь известным образом для совместной деятельности и для взаимного обмена своей деятельностью. Чтобы производить, люди вступают в определенные связи и отношения, и только через посредство этих общественных связей и отношений существует их отношение к природе, имеет место производство.

В зависимости от характера средств производства эти общественные отношения, в которые вступают производители друг к другу, эти условия, при которых они обмениваются своими работами и участвуют в совокупном производстве, будут, конечно, различны. С изобретением нового орудия войны, огнестрельного оружия, неизбежно изменилась вся внутренняя организация армии, преобразовались те отношения, при которых отдельные личности образуют армию и могут действовать как армия, изменилось также отношение различных армий друг к другу.

Итак, общественные отношения, при которых производят индивидуумы, *общественные производственные отношения, изменяются, преобразуются с изменением и развитием материальных средств производства, производительных сил. Производственные отношения в своей совокупности образуют то, что называют общественными отношениями, обществом, и притом образуют общество, находящееся на определенной ступени исторического развития, общество с своеобразным отличительным характером. Античное общество, феодальное общество, буржуазное общество представляют из себя такие совокупности производственных отношений, из которых каждая вместе с тем означает особую ступень в историческом развитии человечества.*

Капитал — тоже общественно-производственное отношение. Это — *буржуазное производственное отношение*, производственное отношение буржуазного общества. Средства к жизни, орудия труда, сырье, из которых состоит капитал, — разве все это произведено и накоплено не при данных общественных условиях, не при определенных общественных отношениях? Разве они применяются для нового производства не при данных общественных условиях, не в рамках определенных общественных отношений?

¹ В рукописи, переписанной Вейдемейером, далее следует: «...поставьте машину в положение, когда она недоступна человеческому труду, и она столь же мало будет капиталом, как обнаженная морская скала, которая, хотя и уничтожает стоимости, но производить их никак не может. Вы видите, следовательно, что понятие капитал еще совершенно не исчерпывается понятием накопленный труд. Понятие капитал вместе с тем означает определенное общественное отношение, и именно производственное отношение буржуазного общества». *Ред.*

И разве не этот именно определенный общественный характер превращает продукты, служащие для нового производства, в *капитал*?

Капитал состоит не только из средств к жизни, из орудий труда и из сырья, не только из материальных продуктов; он состоит вместе с тем из *меновых стоимостей*. Все продукты, из которых он состоит, представляют из себя *товары*. Следовательно, капитал есть не только сумма материальных продуктов, но и сумма товаров, меновых стоимостей, *общественных величин*.

Возьмем ли мы вместо шерсти — хлопок, вместо хлеба — рис, вместо железных дорог — пароходы, капитал останется тем же капиталом, если только хлопок, рис, пароходы — плоть капитала — имеют ту же меновую стоимость, ту же цену, что шерсть, хлеб, железные дороги, в которых он воплощался прежде. Плоть капитала может постоянно меняться, не вызывая ни малейшего изменения капитала.

Но если всякий капитал есть сумма товаров, т. е. меновых стоимостей, то далеко не всякая сумма товаров, меновых стоимостей, есть капитал.

Всякая сумма меновых стоимостей есть меновая стоимость. Всякая отдельная меновая стоимость есть сумма меновых стоимостей. Например, дом, стоящий 1 000 марок, есть меновая стоимость в 1 000 марок. Лист бумаги, стоящий 1 пфенниг, есть сумма меновых стоимостей в $\frac{100}{100}$ пфеннига. Продукты, обладающие способностью обмениваться на другие продукты, представляют из себя *товары*. То определенное отношение, в котором они обмениваются, составляет их *меновую стоимость*, или, если оно выражено в деньгах, — их *цену*. Количество этих продуктов не может нисколько изменить их назначения быть *товаром*, или представлять *меновую стоимость*, или иметь определенную *цену*. Дерево остается деревом независимо от того, велико оно или мало. Разве изменится характер железа как товара, как меновой стоимости от того, что мы будем обменивать его на другие продукты не лотами, а центнерами? В зависимости от количества, железо является товаром большей или меньшей стоимости, более высокой или более низкой цены.

Каким же образом известное количество товаров, меновых стоимостей, становится капиталом?

Оно становится капиталом благодаря тому, что оно, как самостоятельная общественная сила, т. е. как сила, принадлежащая *одной части общества*, сохраняется и умножается путем *обмена на непосредственную живую рабочую силу*¹. Существова-

¹ Вместо вышеприведенных четырех абзацев в рукописи, переписанной Вейдемейером, сказано: «Как я уже говорил, понятие капитал означает определенное общественное отношение, производственное отношение буржуазного общества». *Ред.*

ние класса, не владеющего ничем, кроме способности к труду, является необходимой предпосылкой капитала.

Только господство накопленного, прошлого, овеച്ചественного труда над непосредственным, живым трудом превращает накопленный труд в капитал.

Суть капитала заключается не в том, что накопленный труд служит живому труду средством для нового производства. Суть его заключается в том, что живой труд служит накопленному труду средством сохранения и увеличения его меновой стоимости.

Что происходит при обмене между капиталистом и наемным рабочим? ¹

В обмен на свою рабочую силу рабочий получает жизненные средства, а капиталист в обмен на принадлежащие ему жизненные средства получает труд, производительную деятельность рабочего, творческую силу, посредством которой рабочий не только возмещает то, что он потребляет, но и *придает накопленному труду большую стоимость, чем этот труд имел прежде*. Рабочий получает от капиталиста часть уже имеющихся налицо жизненных средств. Для чего служат ему эти жизненные средства? Для непосредственного потребления. Но раз я потребил данные жизненные средства, они для меня безвозвратно потеряны, если только временем, в продолжение которого эти средства поддерживали мою жизнь, я не воспользовался для того, чтобы произвести новые жизненные средства и за время потребления при помощи своего труда создать новые стоимости в возмещение стоимостей, исчезнувших в результате потребления. Но как раз эту-то благородную воспроизводящую силу рабочий и уступает капиталу в обмен на полученные жизненные средства. Следовательно, для него самого она потеряна.

Возьмем такой пример: фермер дает своему поденщику 5 зильбергрошей в день. За эти 5 зильбергрошей поденщик трудится на поле фермера целый день и обеспечивает ему таким образом доход в 10 зильбергрошей. Фермер не только получает возмещение тех стоимостей, которые он дает поденщику, но и удваивает их. Следовательно, 5 зильбергрошей, которые он дал поденщику, он применил, потребил плодотворным, производительным образом. На эти 5 зильбергрошей он как раз и купил труд и силу поденщика, которые производят земледельческие продукты двойной стоимости и превращают 5 зильбергрошей в 10. Поденщик же взамен своей производительной силы, действие которой он именно и уступил фермеру, получает 5 зильбергрошей и обменивает их на жизненные средства, которые быстрее или медленнее потребляет. Следовательно, эти 5 зильбергрошей потреблены двояким

¹ Вместо этого предложения в рукописи, переписанной Вейдемейером, говорится: «Рассмотрим поближе отношения обмена между капиталом и трудом». *Ред.*

образом: *производително* для капитала, так как он обменял их на рабочую силу¹, которая доставила 10 зильбергрошей, и *непроизводително* для рабочего, так как он обменял их на жизненные средства, которые навсегда исчезли и стоимость которых он может снова получить лишь при том условии, если повторит тот же самый обмен с фермером. *Итак, капитал предполагает наемный труд, а наемный труд предполагает капитал. Они взаимно обуславливают друг друга; они взаимно порождают друг друга.*

Производит ли рабочий на хлопчатобумажной фабрике только хлопчатобумажные ткани? Нет, он производит капитал. Он производит стоимости, которые снова служат для того, чтобы командовать его трудом и создавать посредством последнего новые стоимости.

Капитал может увеличиваться, лишь обмениваясь на рабочую силу, лишь вызывая к жизни наемный труд. Рабочая сила наемного рабочего может обмениваться на капитал лишь при том условии, если она увеличивает капитал, ускликает ту самую власть, которая ее порабощает. *Поэтому увеличение капитала есть увеличение пролетариата, т. е. рабочего класса.*

Стало быть, интересы капиталиста и рабочего *одни и те же*, утверждают буржуа и их экономисты. И в самом деле! Рабочий погибает, если не находит работы у капитала. Капитал погибает, если не эксплуатирует рабочей силы, а чтобы ее эксплуатировать, он должен ее купить. Чем быстрее увеличивается предназначенный для производства капитал, производительный капитал, чем больше, следовательно, процветает промышленность, чем больше обогащается буржуазия, чем лучше идут дела, — тем больше рабочих требуется капиталисту, тем дороже продает себя рабочий.

Выходит, что *непрерывным условием сколько-нибудь сносного положения рабочего является возможно более быстрый рост производительного капитала.*

Но что такое рост производительного капитала? Это — рост власти накопленного труда над живым трудом. Рост господства буржуазии над рабочим классом. Если наемный труд производит господствующее над ним чужое богатство, враждебную ему силу, капитал, то от последнего он получает средства для работы, т. е. средства к жизни, под тем условием, что он снова делается частью капитала, рычагом, снова бросающим капитал в ускоренное движение роста.

Утверждение, что интересы капитала и интересы рабочих одни и те же, — на деле означает лишь следующее: капитал и наем-

¹ В этом месте термин «рабочая сила» вставлен не Энгельсом, а фигурирует уже в тексте, опубликованном Марксом в «Новой Рейнской Газете». *Ред.*

ный труд, это — две стороны одного и того же отношения. Одна сторона обуславливает другую, как взаимно обуславливают друг друга ростовщик и мот.

Пока наемный рабочий остается наемным рабочим, судьба его зависит от капитала. Это и есть пресловутая общность интересов рабочего и капиталиста.

IV

Если капитал возрастает, то возрастает масса наемного труда, растет число наемных рабочих, словом, господство капитала распространяется на большую массу людей. Предположим наиболее благоприятный случай, когда возрастает производительный капитал, растет спрос на труд, следовательно, повышается цена труда, заработная плата.

Как бы мал ни был какой-нибудь дом, по, пока окружающие его дома точно так же малы, он удовлетворяет все предъявляемые к жилищу общественные запросы. Но если рядом с маленьким домиком вырастает дворец, то домик съезживается до размеров жалкой хижинки. Теперь малые размеры домика свидетельствуют о том, что его обладатель не может предъявлять никаких требований или же может предъявлять лишь самые скромные требования; и как бы ни увеличивались размеры домика с прогрессом цивилизации, но, если соседний дворец увеличивается в одинаковой или еще в большей степени, обитатель сравнительно маленького домика будет чувствовать себя в своих четырех стенах все неуютнее, неудовлетвореннее, приниженнее.

Сколько-нибудь заметное увеличение заработной платы предполагает быстрый рост производительного капитала. Быстрый рост производительного капитала вызывает столь же быстрый рост богатства, роскоши, общественных потребностей и общественных наслаждений. Таким образом, хотя доступные рабочему наслаждения возросли, однако доставляемое ими общественное удовлетворение упало по сравнению с увеличившимися наслаждениями капиталиста, которые рабочим недоступны, и вообще по сравнению с уровнем развития общества. Наши потребности и наслаждения порождаются обществом; поэтому мы прилагаем к ним общественную мерку, а не измеряем их предметами, служащими для их удовлетворения. Так как наши потребности и наслаждения носят общественный характер, они имеют относительный характер.

Заработная плата вообще определяется не только количеством товара, которое я могу получить в обмен на нее. В ней содержатся различные отношения.

Рабочий сначала получает за свою рабочую силу определен-

ную сумму денег. Определяется ли заработная плата только этой денежной ценой? ¹

В XVI веке, вследствие открытия в Америке более богатых и легче поддающихся разработке приисков, увеличилось количество обращающегося в Европе золота и серебра. Поэтому стоимость золота и серебра упала по отношению к остальным товарам. Рабочие же получали за свою рабочую силу то же количество серебра в монете, что и раньше. Денежная цена их труда осталась та же, но, несмотря на это, их заработная плата упала, так как в обмен на то же количество серебра они стали получать меньшее количество других товаров. Это было одним из обстоятельств, способствовавших возрастанию капитала, подъему буржуазии в XVI веке ².

Возьмем другой случай. Зимой 1847 г., вследствие неурожая, значительно повысились в цене самые необходимые жизненные средства: хлеб, мясо, масло, сыр и т. д. Допустим, что рабочие получали за свою рабочую силу ту же сумму денег, что и прежде. Разве их заработная плата не упала? Конечно, упала. За те же деньги они стали получать при обмене меньше хлеба, мяса и т. д. Их заработная плата упала не потому, что уменьшилась стоимость серебра, а потому, что увеличилась стоимость жизненных средств.

Предположим, наконец, что денежная цена труда остается неизменной, между тем как все земледельческие и промышленные товары упали в цене вследствие применения новых машин, вследствие более благоприятного сезона и т. д. Теперь за те же деньги рабочие могут купить больше всякого рода товаров. Следовательно, их заработная плата повысилась именно потому, что ее денежная стоимость осталась неизменной.

Итак, денежная цена труда, номинальная заработная плата, не совпадает с реальной заработной платой, т. е. с тем количеством товаров, которое действительно дается в обмен на заработную плату. Поэтому, говоря о повышении или понижении заработной платы, мы должны иметь в виду не только денежную цену труда, не только номинальную заработную плату.

Но ни номинальная заработная плата, т. е. та сумма денег, за которую рабочий продает себя капиталисту, ни реальная заработная плата, т. е. то количество товаров, которое он может купить на эти деньги, не исчерпывают всех заключающихся в заработной плате отношений.

---

¹ Вместо последнего вопроса в рукописи, переписанной Вейдемейером, сказано: «...Заработная плата определяется не только этой денежной ценой». *Ред.*

² В издании 1891 г. «XVIII веке». *Ред.*

Заработная плата, кроме того, определяется в первую очередь своим отношением к барышу, к прибыли капиталиста; это — сравнительная, относительная заработная плата.

Реальная заработная плата выражает цену труда по отношению к цене остальных товаров, относительная же заработная плата выражает ту долю вновь созданной трудом стоимости, которую получает непосредственный труд, по отношению к той доле этой стоимости, которая достается накопленному труду, капиталу.

Выше (на стр. 228) мы говорили: «Заработная плата не является долей рабочего в произведенном им товаре. Заработная плата есть часть уже имеющегося налицо товара, на которую капиталист покупает себе определенное количество производительной рабочей силы». Но капиталист должен вновь возместить эту заработную плату из цены, выручаемой от продажи созданного рабочим продукта; он должен возместить ее так, чтобы у него, как правило, оставался еще избыток сверх сделанных им издержек производства, прибыль. Продажная цена произведенного рабочим товара распадается для капиталиста на три части: *во-первых*, возмещение цены авансированного им сырья, а также возмещение снашивания авансированных им орудий, машин и других средств труда; *во-вторых*, возмещение авансированной капиталистом заработной платы и, *в-третьих*, избыток сверх этого, прибыль капиталиста. Между тем как первая часть лишь возмещает *стоимости, имевшиеся уже раньше*, ясно, что и возмещение заработной платы и избыток, составляющий прибыль капиталиста, целиком и полностью берутся из *новой стоимости, созданной трудом рабочего* и присоединенной к стоимости сырья. И в этом смысле, для сравнения их друг с другом, мы можем рассматривать и заработную плату и прибыль как доли в продукте рабочего.

Реальная заработная плата может остаться неизменной, может даже повыситься, и тем не менее относительная заработная плата может упасть. Предположим, например, что все жизненные средства упали в цене на $\frac{2}{3}$, а почасовая заработная плата — только на $\frac{1}{3}$, например с 3 марок до 2. Хотя на эти 2 марки рабочий может приобрести большее количество товаров, чем прежде на 3, но все же по отношению к прибыли капиталиста его заработная плата уменьшилась. Прибыль капиталиста (например фабриканта) увеличилась на 1 марку, другими словами, за меньшую сумму меновых стоимостей, уплачиваемых рабочему капиталистом, рабочий должен теперь произвести большую, чем прежде, сумму меновых стоимостей. Доля капитала повысилась по сравнению с долей труда. Распределение общественного богатства между капиталом и трудом стало еще более неравномерным. С помощью того же капитала капиталист осуществляет командование над большим количеством труда. Власть класса капиталистов над рабочим классом возросла, общественное положение рабочего ухуд-

нилось, стало еще одной ступенью ниже по сравнению с положением капиталиста.

Каков же тот общий закон, который определяет понижение и повышение заработной платы и прибыли по отношению друг к другу?

Заработная плата и прибыль находятся в обратном отношении друг к другу. Доля капитала, прибыль, повышается в той же пропорции, в какой понижается доля труда, дневная плата, и наоборот. Прибыль повышается в той же мере, в какой понижается заработная плата, и понижается в той же мере, в какой повышается заработная плата.

Пожалуй, на это возразят, что капиталист может выиграть благодаря выгодному обмену своих продуктов с другими капиталистами, благодаря тому, что, в результате ли открытия новых рынков или в результате кратковременного возрастания потребностей на старых рынках, повысится спрос на его товар и т. д.; что, следовательно, прибыль одного капиталиста может увеличиться за счет других капиталистов, независимо от повышения и падения заработной платы, меновой стоимости рабочей силы; или, что прибыль капиталиста может быть повышена благодаря улучшению орудий труда, новым способам применения сил природы и т. д.

Прежде всего придется признать, что результат остается тот же, хотя он и достигнут обратным путем. Правда, прибыль увеличилась не потому, что упала заработная плата, но заработная плата упала от того, что прибыль возросла. На то же самое количество чужого труда капиталист купил большее количество меновых стоимостей, не оплачивая при этом труд дороже; это значит, что труд оплачивается дешевле по сравнению с тем чистым доходом, который он приносит капиталисту.

Припомним к тому же, что, несмотря на колебания товарных цен, средняя цена каждого товара, пропорция, в которой он обменивается на другие товары, определяется *издержками его производства*. Поэтому взаимные обсчеты капиталистов в пределах класса капиталистов в целом неизбежно уравниваются. Усовершенствование машин, новые способы применения сил природы в производстве позволяют создать в течение определенного рабочего времени при том же количестве труда и капитала большую массу продуктов, но никак не большую массу меновых стоимостей. Если, применяя прядильную машину, я могу произвести в час вдвое больше пряжи, чем производили до ее изобретения, например 100 фунтов вместо 50, то в обмен на эти 100 фунтов я буду получать, в среднем, за более или менее продолжительный период, не больше товаров, чем прежде за 50 фунтов, потому что издержки производства упали наполовину или потому что

с теми же самыми издержками я могу произвести удвоенное количество продукта.

Наконец, в какой бы пропорции ни распределял между собой класс капиталистов, буржуазия, — одной ли страны или всего мирового рынка — чистый доход от производства, общая сумма этого чистого дохода во всяком случае представляет собою только ту сумму, на которую непосредственный труд увеличивает в целом труд накопленный. Следовательно, эта общая сумма растет в той же пропорции, в какой труд увеличивает капитал, т. е. в той же пропорции, в какой прибыль повышается по сравнению с заработной платой.

Итак, мы видим, что, если мы остаемся в пределах отношений между капиталом и наемным трудом, интересы капитала и интересы наемного труда диаметрально противоположны.

Быстрое увеличение капитала равносильно быстрому увеличению прибыли. Прибыль же может быстро увеличиваться лишь при том условии, если цена труда, если относительная заработная плата столь же быстро уменьшается. Относительная заработная плата может падать даже в том случае, когда вместе с номинальной заработной платой, с денежной стоимостью труда повышается и реальная заработная плата, если только эта последняя повышается не в такой степени, как прибыль. Если, например, в периоды благоприятного хода дел заработная плата повышается на 5%, а прибыль — на 30%, то сравнительная, относительная заработная плата не увеличивается, а уменьшается.

Таким образом, если при быстром росте капитала и увеличивается доход рабочего, то одновременно увеличивается и общественная пропасть, отделяющая рабочего от капиталиста, а вместе с тем увеличивается и власть капитала над трудом, зависимость труда от капитала.

Утверждение, что рабочий заинтересован в быстром росте капитала, на деле означает лишь следующее: чем быстрее рабочий умножает чужое богатство, тем более жирные крохи ему перепадают, тем больше рабочих может получить работу и быть призвано к жизни, тем больше может увеличиться число зависимых от капитала рабов.

Итак, мы видели следующее:

Даже самая благоприятная для рабочего класса ситуация, возможно более быстрый рост капитала, как бы ни улучшала она материальное существование рабочего, не уничтожает противоположности между его интересами и интересами буржуа, интересами капиталистов. Прибыль и заработная плата попрежнему находятся в обратном отношении друг к другу.

Если капитал возрастает быстро, заработная плата может повыситься; но несравненно быстрее повышается прибыль капи-

талиста. Материальное положение рабочего улучшилось, но за счет его общественного положения. Общественная пропасть, отделяющая его от капиталиста, расширилась.

Наконец:

Утверждение, что наиболее благоприятным для наемного труда условием является возможно более быстрый рост производительного капитала, на деле означает лишь следующее: чем быстрее рабочий класс умножает и увеличивает враждебную ему силу, господствующую над ним чужое богатство, тем благоприятнее условия, на которых ему позволяют снова работать над умножением буржуазного богатства, над усилением власти капитала, причем рабочий получает одно удовлетворение: что он сам кует те золотые цепи, на которых буржуазия тащит его за собой.

V

Но действительно ли *рост производительного капитала* так неразрывно связан с *повышением заработной платы*, как это утверждают буржуазные экономисты? Мы не должны им верить на слово. Мы не можем поверить им даже в том, будто чем жирнее капитал, тем лучше откармливается его раб. Буржуазия слишком просвещена, слишком расчетлива, чтобы разделять предрассудки феодала, щеголяющего блеском своей челяди. Условия существования буржуазии заставляют ее быть расчетливой.

Мы должны будем поэтому поближе исследовать вопрос:

Как влияет рост производительного капитала на заработную плату?

Если производительный капитал буржуазного общества в общем и целом возрастает, то происходит *более многостороннее* накопление труда. Число капиталистов, размеры их капитала увеличиваются. *Умножение капиталов умножает конкуренцию между капиталистами. Увеличение размера капиталов дает возможность выводить на поле промышленной битвы более мощные армии рабочих, вооруженные еще более грандиозными орудиями борьбы.*

Один капиталист может вышибить другого с поля битвы и завладеть его капиталом лишь в том случае, если продает дешевле. Чтобы иметь возможность продавать дешевле, не разоряясь при этом, он должен дешевле производить, т. е. как можно более увеличивать производительную силу труда. Производительная же сила труда увеличивается прежде всего путем *большого разделения труда*, путем более всестороннего применения и постоянного усовершенствования *машин*. Чем больше армия рабочих, внутри которой разделен труд, чем грандиознее масштаб, в котором применяются машины, тем относительно быстрее сокращаются издержки производства, тем плодотворнее становится

труд. Поэтому между капиталистами возникает всестороннее соперничество — они стремятся увеличить разделение труда, расширить применение машин и эксплуатировать их в возможно более крупном масштабе.

Но как поступит капиталист, если, благодаря большему разделению труда, применению новых машин и их усовершенствованию, благодаря более выгодной и более широкой эксплуатации сил природы, он получит возможность с тем же количеством труда или накопленного труда производить большее количество продуктов, товаров, чем его конкуренты? Если, например, в то же рабочее время, в продолжение которого его конкуренты ткут пол-аршина холста, он сможет производить целый аршин?

Он мог бы попрежнему продавать пол-аршина холста по старой рыночной цене, но в таком случае он не смог бы вышибить своих противников с поля битвы и не смог бы увеличить свой собственный сбыт. А между тем, в той же мере, в какой расширилось его производство, возросла и его потребность в сбыте. Правда, вызванные им к жизни более мощные и более дорогие средства производства дают ему *возможность* продавать товар дешевле, но зато они, вместе с тем, *вынуждают* его *продавать больше товаров*, завоевывать для своих товаров несравненно *большой рынок*; поэтому наш капиталист будет продавать пол-аршина холста дешевле, чем его конкуренты.

Но, хотя производство целого аршина стоит капиталисту не дороже, чем другим производство пол-аршина, он не станет продавать целый аршин по той же цене, по какой его конкуренты продают пол-аршина. Иначе он не получил бы никакого добавочного барыша, а только вернул бы с помощью обмена свои издержки производства. И если бы его доход все-таки увеличился, то это произошло бы лишь оттого, что он привел в движение больший капитал, а не оттого, что его капитал увеличивал свою стоимость сильнее, чем другие капиталы. Кроме того, он достиг бы той цели, к которой стремится, если бы назначил за свой товар цену лишь на несколько процентов ниже своих конкурентов. *Сбивая цены*, он вытесняет своих конкурентов с рынка или, по крайней мере, отвысывает у них часть их сбыта. И, наконец, напомним, что текущая цена всегда *выше или ниже издержек производства*, в зависимости от того, продается ли данный товар в благоприятный или неблагоприятный для промышленности сезон. Смотря по тому, стоит ли рыночная цена аршина холста выше или ниже обычных до того времени издержек производства, будут изменяться те проценты, которые выручит при продаже товаров примененный новые, более плодотворные средства производства капиталист сверх своих действительных издержек производства.

Однако *привилегия* нашего капиталиста недолговечна: другие соперничающие с ним капиталисты введут такие же машины, такое

же разделение труда, введут их в таком же или еще большем масштабе, — и эти нововведения станут настолько распространенными, что цена холста упадет не только *ниже прежних*, но и *ниже новых издержек производства*.

Итак, капиталисты окажутся по отношению друг к другу в том же положении, в каком они находились до введения новых средств производства, и если благодаря этим средствам производства они могли за прежнюю цену доставлять двойное количество продуктов, то *теперь* они вынуждены продавать двойное количество продукта за цену *ниже* прежней. На новом уровне этих новых издержек производства та же самая игра начинается сначала. Снова вводится большее разделение труда, вновь увеличивается количество машин, возрастает масштаб использования этого разделения труда и этих машин. А конкуренция опять приносит противодействие этому результату.

Мы видим, каким образом непрерывно преобразуется, революционизируется способ производства, средства производства, как *разделение труда неизбежно влечет за собой большее разделение труда, применение машин — еще более широкое применение машин, производство в крупном масштабе — производство в еще более крупном масштабе*.

Это — закон, который все снова и снова выбивает буржуазное производство из прежней колеи и принуждает капитал напрягать производительные силы труда, *потому что* он напрягал их раньше, закон, который не дает капиталу ни минуты покоя и постоянно напештывает ему: Вперед! Вперед!

Это — не иной, а тот же самый закон, который среди периодических колебаний торговли неизбежно *выравнивает* цену товара по его *издержкам производства*.

Какие бы мощные средства производства ни пустил в ход капиталист, конкуренция приводит к их всеобщему применению, и с того момента, как применение их станет всеобщим, единственным следствием большей плодотворности его капитала оказывается лишь то, что *за прежнюю цену* он должен доставлять теперь в 10, 20, 100 раз больше продуктов, чем доставлял раньше. Но так как теперь ему приходится сбывать, быть может, в 1 000 раз больше, для того чтобы увеличением количества продаваемого продукта уравновесить понижение продажной цены; так как массовая продажа необходима ему теперь не только для того, чтобы получить больше прибыли, но и для того, чтобы возместить издержки производства, — ведь сами орудия производства становятся, как мы видели, все дороже; так как эта массовая продажа стала теперь вопросом жизни не только для него, но и для его соперников, то прежняя борьба разгорается с *тем большим ожесточением, чем плодотворнее уже изобретенные средства производства*. Следовательно, *разделение труда и применение машин будут развиваться дальше в несравненно большем масштабе*.

Какова бы ни была мощь применяемых средств производства, конкуренция стремится отнять у капитала золотые плоды этой мощи тем, что низводит цену товара до уровня издержек производства, следовательно, тем, что в той самой мере, как появляется возможность производить дешевле, т. е. производить больше продуктов с помощью того же самого количества труда, она делает удешевление производства, поставку все возрастающих масс продуктов за прежнюю сумму цен, непреложным законом. Таким образом, оказывается, что от своих усилий капиталист ничего не выиграл, кроме обязанности производить больше товаров в течение прежнего рабочего времени, словом, кроме *ухудшения условий, при которых совершается возрастание стоимости его капитала*. Итак, в то время как конкуренция постоянно преследует капиталиста своим законом издержек производства и всякое оружие, выкованное им против своих соперников, направляет против него самого, капиталист постоянно старается перехитрить конкуренцию, неустанно вводя вместо старых машин и старого разделения труда новые, более дорогие, но удешевляющие производство машины и новое разделение труда, и не дожидается, пока в результате конкуренции эти нововведения устареют.

Представим себе теперь, что это лихорадочное возбуждение одновременно охватило весь мировой рынок, — и мы поймем, каким образом рост, накопление и концентрация капитала ведут к непрерывному, само себя опрокидывающему, осуществляемому во все более исполинских масштабах разделению труда, применению новых машин и усовершенствованию старых.

Как же эти обстоятельства, неотделимые от роста производительного капитала, влияют на определение заработной платы?

Большее *разделение труда* дает возможность одному рабочему выполнять работу 5, 10, 20 человек; следовательно, оно увеличивает конкуренцию между рабочими в 5, 10, 20 раз. Конкуренция между рабочими выражается не только в том, что один рабочий продает себя дешевле другого, но и в том, что *один* рабочий выполняет работу 5, 10, 20 человек; и к этого рода конкуренции принуждает рабочих *разделение труда*, вводимое и все более и более расширяемое капиталом.

Далее. В той же мере, в какой увеличивается *разделение труда*, труд *упрощается*. *Особая искусство* рабочего утрачивает всякую цену. Рабочий превращается в простую, однообразную производительную силу, от которой не требуется особых физических или интеллектуальных способностей и навыков. Его труд становится трудом, доступным для всех. Поэтому на рабочего со всех сторон нападают конкуренты; напомним к тому же, что чем проще какая-нибудь работа, чем легче ей научиться, чем меньше издержек производства требуется для ее усвоения, тем

ниже падает заработная плата, потому что заработная плата, подобно цене всякого товара, определяется издержками производства.

Итак, в той же мере, в какой труд перестает доставлять удовлетворение, становится все более отталкивающим, — в этой же самой мере конкуренция усиливается, а заработная плата сокращается. Рабочий пытается отстоять общую сумму своей заработной платы тем, что больше работает: трудится большее число часов или доставляет больше труда в течение часа. Подгоняемый нуждой, он таким образом еще больше усиливает губительные последствия разделения труда. Результат таков: *чем больше он работает, тем меньшую плату он получает*; и это по той простой причине, что чем больше он работает, тем более сильную конкуренцию он создает своим товарищам по работе и потому превращает своих товарищей в конкурентов самому себе, в конкурентов, которые предлагают себя на таких же плохих условиях, как и он сам; следовательно, по той простой причине, что он в конечном счете создает конкуренцию *самому себе, самому себе как члену рабочего класса.*

Машины производят то же самое действие, но в гораздо более значительном масштабе, так как они замещают искусных рабочих неискусными, мужчин — женщинами, взрослых — детьми, массами выбрасывают на улицу рабочих ручного труда при первом своем появлении и вытесняют с фабрик отдельные группы рабочих по мере своего дальнейшего развития, улучшения, усовершенствования. Выше мы в беглых чертах нарисовали промышленную войну капиталистов между собой; *эта война имеет ту особенность, что здесь сражения выигрываются не столько путем увеличения действующей армии, сколько путем уменьшения ее. Полководцы, капиталисты, состязаются между собой в том, кто сможет уволить большее число промышленных солдат.*

Правда, экономисты рассказывают нам, будто рабочие, ставшие благодаря машинам излишними, находят работу в *новых* отраслях промышленности.

Они не осмеливаются прямо утверждать, что в новых отраслях труда находят себе пристанище те же самые рабочие, которые были уволены. Факты слишком громко вопиют против такой лжи. Они, собственно, только утверждают, что новые возможности работы открываются для *других составных частей рабочего класса*, например для той части молодого рабочего поколения, которая уже была готова вступить в погибшую отрасль промышленности. Это, конечно, большое утешение для погибших рабочих. У господ капиталистов не будет недостатка в свежих, пригодных для эксплуатации, мясе и крови, — и они предоставляют мертвым хоронить своих мертвецов. Это — утешение, которое буржуа находят скорее для самих себя, чем для рабочих. Ведь если бы

машины уничтожили весь класс наемных рабочих, — какие ужасные времена настали бы для капитала, который без наемного труда перестает быть капиталом!

Допустим, однако, что как рабочие, непосредственно вытесненные машинами, так и вся та часть молодого поколения, которая рассчитывала уже на заработок в данной отрасли, *находят себе новую работу*. Можно ли поверить, что новая работа будет оплачиваться так же высоко, как потерянная? *Это противоречило бы всем экономическим законам*. Мы видели, что современная промышленность несет с собой постоянную замену более сложной и высшей работы упрощенной, низшей.

Как же в таком случае масса рабочих, вытесненных машинами из одной отрасли промышленности, может найти пристанище в другой отрасли иначе, как при условии *низшей, худшей оплаты?*

Как на исключение, указывали на рабочих, занятых производством самих машин. Поскольку, мол, в промышленности требуется и потребляется больше машин, число их неизбежно должно увеличиться, стало быть, должно увеличиться и производство машин, а вместе с тем и число занятых в этом производстве рабочих; а ведь рабочие, занятые в этой отрасли промышленности, принадлежат к числу квалифицированных, более того — образованных рабочих.

С 1840 г. это утверждение, уже и прежде верное лишь наполовину, утратило всякую тень правдоподобия, так как для производства машин все более всесторонне применяются машины, не больше и не меньше, чем при производстве хлопчатобумажной пряжи, и рабочие, занятые в производстве машин, по сравнению с весьма совершенными машинами, могут играть только роль весьма несовершенных машин.

Но вместо одного вытесненного машиной мужчины фабрика дает работу, быть может, *троим* детям и *одной* женщине! А разве заработной платы мужчине не должно было хватать для прокормления троих детей и жены? Разве минимум заработной платы не должен был быть достаточным для поддержания и размножения рода? Что же в таком случае доказывают эти излюбленные буржуазные фразы? Только одно: что теперь для того, чтобы обеспечить существование *одной* рабочей семьи, потребляется *вчетверо* больше рабочих жизней, чем прежде.

Резюмируем: *Чем больше возрастает производительный капитал, тем больше расширяется разделение труда и применение машин. Чем больше расширяется разделение труда и применение машин, тем более усиливается конкуренция между рабочими, тем более сокращается их заработная плата.*

К тому же рабочий класс пополняется и из *более высоких слоев общества*; в ряды пролетариата опускается масса мелких

промышленников и мелких рантье, которым не остается ничего иного, как поскорее поднять свои руки рядом с руками рабочих. Таким образом, лес рук, простертых вверх в поисках работы, становится все гуще, а сами руки — все более тощими.

Само собой понятно, что мелкий промышленник не может выдержать такой борьбы, одним из первых условий которой является производство в постоянно расширяющемся масштабе, т. е. необходимость быть именно крупным, а отнюдь не мелким промышленником.

Конечно, не требует дальнейших пояснений и то обстоятельство, что процент с капитала уменьшается в той же степени, в какой возрастает капитал, в какой увеличивается его масса и численность; что поэтому мелкий рантье лишается возможности существовать на свою ренту и должен устремиться в промышленность, т. е. пополнить собою ряды мелких промышленников и вместе с тем увеличить число кандидатов в пролетарии.

Наконец, по мере того как вышеописанный ход развития вынуждает капиталистов во все возрастающих масштабах эксплуатировать уже существующие исполинские средства производства и с этой целью приводить в движение все пружины кредита, — учащаются промышленные землетрясения, при которых торговый мир сохраняется лишь благодаря тому, что приносит в жертву подземным богам часть богатства, продуктов и даже производительных сил, — словом, увеличиваются *кризисы*. Они учащаются и становятся все острее уже потому, что по мере того как увеличивается масса продуктов, а следовательно, растет потребность в расширении рынков, все более суживается всемирный рынок, остается для эксплуатации все меньше новых рынков, так как каждый предшествующий кризис вовлекал во всемирную торговлю новые или до того времени лишь поверхностно эксплуатировавшиеся ею рынки. Но капитал не только *живет* за счет труда. Как знатный варвар-рабовладелец, он уносит с собой в могилу трупы своих рабов — целые гекатомбы рабочих, погибающих во время кризисов. Мы видим, таким образом: *если капитал растет быстро, то еще несравненно быстрее растет конкуренция между рабочими, т. е. чем быстрее растет капитал, тем сильнее относительно сокращаются источники заработка, средства к жизни рабочего класса; и тем не менее быстрый рост капитала является условием, наиболее благоприятным для наемного труда.*

Написано К. Марксом на немецком языке.
Впервые напечатано в виде статей в
«*Neue Rheinische Zeitung*» №№ 264—267,
269, 5—11 апреля 1849 г. — Маркс и Энгельс,
Соч., т. V.

ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА, ЦЕНА И ПРИБЫЛЬ ¹

(ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ)

Граждане,

Разрешите мне, прежде чем перейти к вопросу по существу, сделать несколько предварительных замечаний.

Сейчас на континенте царит настоящая эпидемия стачек, и стало всеобщим требование повышения заработной платы.

¹ Настоящая работа Маркса представляет собою запись доклада, прочтенного им на двух заседаниях Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих (I Интернационала) 20 и 27 июня 1865 г.

На заседании Генерального Совета 4 апреля 1865 г. один из членов Генерального Совета, оуэнист Джон Уэстон, поставил на обсуждение следующие вопросы:

«1) Могут ли социальные и материальные условия рабочего класса в целом быть улучшены посредством повышения заработной платы?»

2) Не оказывают ли усилия тред-юнионов отстоять высокую заработную плату пагубного действия на другие отрасли промышленности?»

Уэстон заявил, что он будет защищать отрицательный ответ на первый вопрос и положительный на второй. На заседаниях 2 и 23 мая Уэстон развивал свои мысли в особом докладе, вслед за которым состоялись прения.

В письме от 20 мая 1865 г. (в день, когда предполагалось продолжение доклада Уэстона) Маркс писал Энгельсу: «Сегодня вечером экстренное заседание Интернационала. Старый добряк, старый оуэнист Уэстон (плотник) выставил два положения, которые он постоянно защищает в «Beehive» [«Улье»]:

1) что общее повышение уровня заработной платы не может принести рабочим никакой пользы;

2) что вследствие этого тред-юнионы *вредны*.

Если бы оба эти тезиса, в которые в нашем обществе верит лишь *он* один, были приняты, мы оказались бы в смешном положении, как по отношению к здешним тред-юнионам, так и по отношению к эпидемии стачек, которая царит сейчас на континенте... Публика ждет, конечно, возражений с моей стороны. Мне, собственно, следовало бы к сегодняшнему вечеру приготовить свое возражение, но я нашел более важным продолжать писать книгу и должен поэтому полагаться на импровизацию.

Я, разумеется, знаю заранее, к чему сводятся оба основных пункта:

1) что *заработная плата* распределяет стоимость товаров,

2) что если капиталисты платят сегодня 5 шиллингов вместо 4, то они будут завтра (благодаря возросшему спросу) продавать свои товары за 5 шиллингов вместо 4.

Как все это ни плоско и ни поверхностно, все же не легко выяснить круглым невеждам все связанные с этим экономические вопросы. Невозможно

Этот вопрос будет обсуждаться на нашем конгрессе. Вы, стоящие во главе Международного Товарищества, должны иметь по этому основному вопросу твердо сложившиеся убеждения. Поэтому и считаю своей обязанностью рассмотреть вопрос основательно, даже рискуя подвергнуть ваше терпение суровому испытанию.

Второе замечание я должен сделать относительно гражданина Уэстона. Он, полагая, что действует в интересах рабочего класса, не только изложил перед вами, но и защищал публично, взгляды, которые, как ему известно, среди рабочего класса в высшей мере непопулярны. К такому проявлению морального мужества каждый из нас должен отнестись с глубоким уважением. И надеюсь, что, несмотря на резкий тон моего доклада, по окончании его гражданин Уэстон увидит, что я согласен с той правильной мыслью, которая, как мне кажется, заложена в основе его тезисов, но что его тезисы в их теперешней форме я считаю теоретически ложными и практически опасными.

Теперь непосредственно перехожу к занимающему нас вопросу.

1. [ПРОИЗВОДСТВО И ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА]

Фактически, аргументация гражданина Уэстона покоится на двух предпосылках:

1) что *масса национальной продукции* представляет собой нечто неизменное, является *постоянным* количеством или, как сказал бы математик, *постоянной величиной*;

изложить курс политической экономии в течение одного часа, но постараемся сделать это как можно лучше».

Не ограничившись выступлением в прениях, Маркс написал и прочел на двух заседаниях Генерального Совета особый доклад. Однако доклад этот не был опубликован ни самим Марксом, ни Энгельсом.

По этому поводу Маркс 24 июня 1865 г. писал Энгельсу:

«Я прочел в Генеральном Совете доклад (который составил бы в печати около двух листов) по вопросу, поставленному Уэстоном: как повлияет общее повышение заработной платы и т. д. Первая часть — это ответ на уэстовскую ерунду; вторая часть — теоретическое рассуждение, насколько это возможно было по данному вопросу.

И вот его хотя и напечатать. С одной стороны, это было бы, быть может, полезно, так как они связаны с Джоном Стюартом Миллем, профессором Бизли, Гаррисоном и т. д. С другой стороны, у меня следующие сомнения:

1) Иметь своим противником «мистера Уэстона» не слишком лестно.

2) Во второй части эта вещь содержит в чрезвычайно сжатой и все же в сравнительно популярной форме много нового, взятого из моей книги, но вместе с тем она по необходимости должна во многом скользить по поверхности. Спрашивается: целесообразно ли такое предвосхищение?»

Доклад был впервые опубликован на английском языке в 1898 г. дочерью Маркса Элеонорой и ее мужем Эдуардом Эвелингом под заглавием «Стоимость, цена и прибыль». Им же принадлежат заглавия шести первых глав. Одновременно он печатался по частям на немецком языке в «Neue Zeit» в 1898 г. под заглавием «Заработная плата, цена и прибыль», которое больше, чем английское название, соответствует содержанию доклада. В 1899 г. появился первый русский перевод. *Ред.*

2) что сумма *реальной заработной платы*, т. е. заработной платы, измеряемой количеством товаров, которые можно на нее купить, есть сумма *неизменная, постоянная* величина.

Однако его первое утверждение явно ошибочно. Вы можете убедиться, что из года в год стоимость и масса продукции увеличиваются, производительные силы национального труда растут, а количество денег, необходимое для обращения этой возрастающей продукции, непрерывно изменяется. То, что верно для всего года и для различных лет при сравнении их друг с другом, то верно и для каждого среднего дня в году. Масса, или величина, национальной продукции непрерывно изменяется. Это — не *постоянная*, а *переменная* величина, и — если даже оставить в стороне изменение в количестве населения, — она должна быть переменной величиной уже в силу непрерывных изменений в *накоплении капитала* и в *производительных силах труда*. Совершенно верно, что если бы в один прекрасный день произошло *повышение общего уровня заработной платы*, то само по себе это повышение, каковы бы ни были его дальнейшие последствия, *непосредственно* не вызвало бы изменения в массе продукции. Оно на первых порах исходило бы из существующего положения вещей. Но если национальная продукция была величиной *переменной*, а не *постоянной*, до повышения заработной платы, то она останется переменной, а не постоянной и *после* этого повышения.

Допустим, однако, что масса национальной продукции является величиной не *переменной*, а *постоянной*. Даже и в этом случае то, что наш друг Уэстон считает логическим выводом, осталось бы не более как голословным утверждением. Если нам дано определенное число, скажем 8, то *абсолютные* границы этого числа не мешают его частям изменять свои *относительные* границы. Если прибыль равна 6, а заработная плата 2, то заработная плата может возрасти до 6, а прибыль упасть до 2, и все же общая сумма останется равной 8. Таким образом, факт, что масса продукции остается неизменной, никак не может свидетельствовать о том, что остается неизменной и сумма заработной платы. Как же в таком случае доказывает эту неизменность суммы заработной платы наш друг Уэстон? Он просто утверждает это.

Но, если даже допустить, что его утверждение является правильным, то оно должно быть действительным в обоих направлениях, а между тем г. Уэстон заставляет его действовать только в одном направлении. Если сумма заработной платы есть величина постоянная, то ее нельзя ни повысить, ни понизить. Значит, если рабочие, добываясь временного повышения заработной платы, поступают неразумно, то не менее неразумно поступают и капиталисты, добываясь временного понижения заработной платы. Наш друг Уэстон не отрицает, что при известных обстоятельствах рабочие *могут* заставить капиталистов повы-

счить заработную плату; но, так как сумма заработной платы представляется ему величиной, установленной от природы, то за этим, по его мнению, должна последовать реакция. Однако, с другой стороны, он знает также и то, что капиталисты *могут* силою осуществить понижение заработной платы и в действительности постоянно стремятся это сделать. Согласно принципу постоянства заработной платы, в этом случае не в меньшей мере, чем в предыдущем, должна последовать реакция. Значит, противодействуя попыткам понизить заработную плату или уже фактически осуществленному понижению заработной платы, рабочие поступают правильно. Стало быть, они поступают правильно и тогда, когда добиваются *повышения заработной платы*, ибо всякое *противодействие* понижению заработной платы есть *действие*, направленное к ее повышению. Таким образом, согласно выставленному самим же гражданином Уэстоном принципу *постоянства заработной платы*, рабочие при известных обстоятельствах должны объединяться и бороться за повышение заработной платы.

Если гражданин Уэстон отвергает этот вывод, он должен отказаться и от той предпосылки, из которой этот вывод вытекает. В таком случае он должен говорить не о том, что сумма заработной платы есть *величина постоянная*, а о том, что, хотя она не может и не должна *повышаться*, она может и должна *падать* всякий раз, как капиталу будет угодно ее понизить. Если капиталисту заблагорассудится кормить вас вместо мяса картофелем, вместо пшеницы овсом, то вы должны принять его волю как закон политической экономии и покориться ей. Если в одной стране уровень заработной платы выше, чем в другой, например в Соединенных Штатах выше, чем в Англии, то вы должны объяснять это различие в уровнях заработной платы различием желаний американского и английского капиталистов, — метод, который, разумеется, чрезвычайно упростил бы изучение не только экономических, но и всяких других явлений.

Но даже и в этом случае мы могли бы спросить: *почему* желанья американского капиталиста отличаются от желаний капиталиста английского? А для того, чтобы ответить на этот вопрос, нам пришлось бы выйти из области *желаний*. Поп может сказать, будто бог хочет одного во Франции и другого в Англии. Если я потребую, чтобы он объяснил мне эту двойственность желаний, у него может хватить бесстыдства ответить мне, что богу угодно иметь одни желанья во Франции и другие в Англии. Но наш друг Уэстон, разумеется, не прибегнет к подобной аргументации, полностью отрицающей всякое разумное рассуждение.

Конечно, капиталист *желает* взять как можно больше. Однако наша задача состоит не в том, чтобы рассуждать о его *желаниях*, а в том, чтобы исследовать его *силу*, *границы этой силы* и *характер этих границ*.

2. [ПРОИЗВОДСТВО, ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА, ПРИБЫЛЬ]

Мысли доклада, прочитанного нам гражданином Уэстоном, могли бы уместиться в ореховой скорлупе.

Все его рассуждения сводились к следующему: если рабочий класс заставит класс капиталистов платить ему в форме денежной заработной платы 5 шилл. вместо 4 шилл., то капиталист будет возвращать рабочим в форме товаров стоимость в 4 шилл. вместо стоимости в 5 шилл. Рабочий класс вынужден был бы в этом случае платить 5 шилл. за то, что до повышения заработной платы он покупал за 4 шилл. Но почему это должно случиться? Почему капиталист за 5 шилл. отдает стоимость всего в 4 шилл.? Потому, что сумма заработной платы является твердо установленной. Но почему она определена товарами стоимостью в 4 шилл.? Почему не товарами стоимостью в 3 или 2 шилл. или не какой-либо другой суммой? Если границы суммы заработной платы установлены каким-нибудь экономическим законом, не зависящим ни от воли капиталиста, ни от воли рабочего, то гражданину Уэстону следовало бы прежде всего изложить этот закон и доказать его. Далее, он должен был бы доказать, что сумма заработной платы, фактически выплаченной в каждый данный отрезок времени, всегда точно соответствует необходимой сумме заработной платы и никогда не отклоняется от нее. Если же данные границы суммы заработной платы зависят от *одной лишь воли* капиталиста или от границ его алчности, то это — границы произвольные, в них нет ничего необходимого, они могут быть изменены *по воле* капиталиста, а поэтому могут быть изменены и *против* его воли.

Гражданин Уэстон иллюстрировал свою теорию следующим примером: если в миске содержится определенное количество супа, предназначенное для известного числа лиц, то это количество не может возрасти от того, что будут увеличены размеры ложек. Пусть гражданин Уэстон не посетует на меня за то, что пример этот кажется мне несколько пошлым¹. Он несколько напомнил мне сравнение, к которому прибег Мепений Агриппа. Когда римские плебеи забастовали против римских патрициев, патриций Агриппа сказал им, что патрицианское брюхо питает плебейские члены государственного тела. Агриппе, однако, не удалось доказать, что можно питать члены одного человека, наполняя брюхо другого. Гражданин Уэстон, в свою очередь, позабыл, что в миске, из которой едят рабочие, находится весь продукт национального труда и что брать из нее больше им мешает не малый объем миски и не скудное количество ее содержимого, а исключительно малые размеры их ложек.

¹ В оригинале непереводимая игра слов: spoon — ложка и простак, spoony — простоватый, слабоумный, пошлый. *Ред.*

С помощью какой уловки капиталист получает возможность давать за 5 шилл. стоимость в 4 шилл.? С помощью повышения цены продаваемого им товара. Но зависит ли повышение цен или, говоря более обще, изменение цен товаров, зависят ли сами товарные цены от одной лишь воли капиталиста? Или же, напротив, для осуществления этой воли необходимы определенные условия? Если таких условий не требуется, то повышения и понижения рыночных цен, их непрерывные изменения становятся неразрешимой загадкой.

Раз мы предполагаем, что не произошло никакого изменения ни в производительных силах труда, ни в количестве применяемого капитала и труда, ни в стоимости денег, с помощью которых оцениваются стоимости продуктов, а произошло изменение *лишь в уровне заработной платы*, то каким образом это *повышение заработной платы* может оказывать влияние на *цены товаров*? Оно оказывает на них влияние только потому, что влияет на фактическое соотношение между спросом на эти товары и их предложением.

Совершенно верно, что рабочий класс, рассматриваемый в целом, тратит и вынужден тратить свой доход на *предметы первой необходимости*. Поэтому общее повышение уровня заработной платы вызвало бы рост спроса на *предметы первой необходимости*, а следовательно, и повышение их *рыночных цен*. Для капиталистов, производящих эти предметы, повышение выплачиваемой ими заработной платы компенсировалось бы повышением рыночных цен на их товары. Но как обстоит дело с другими капиталистами, которые *не* производят предметов первой необходимости? И не думайте, что таких капиталистов мало. Если вы примете во внимание, что две трети национального продукта потребляются пятой частью населения, — а один член палаты общин недавно утверждал даже, что они потребляются только седьмой частью населения, — то вы поймете, какая огромная часть национального продукта должна производиться в виде предметов роскоши или *обмениваться* на них, и какое огромное количество предметов первой необходимости должно расточаться на лакеев, лошадей, кошек и т. д.; эта расточительность, как мы знаем из опыта, при повышении цен на предметы первой необходимости всегда подвергается значительному ограничению.

Итак, каково же будет положение тех капиталистов, которые *не* производят предметов первой необходимости? Вызванное общим повышением заработной платы *падение нормы прибыли* они не смогут компенсировать *повышением цен на свои товары*, так как спрос на эти товары не увеличится. Их доход сократится, и к тому же из этого сократившегося дохода им придется больше платить за то же самое количество вздорожавших предметов первой необходимости. Мало того. Так как их доход умень-

шится, им придется сократить свои затраты на предметы роскоши, и таким образом уменьшится их взаимный спрос на их же собственные товары. Вследствие этого уменьшения спроса, цены на их товары упали бы. Следовательно, в этих отраслях промышленности *норма прибыли упала бы* не только под влиянием самого по себе общего повышения уровня заработной платы, но и под влиянием совместного действия общего повышения заработной платы, повышения цен на предметы первой необходимости и падения цен на предметы роскоши.

Каковы были бы последствия этого *различия норм прибыли* капиталов, занятых в разных отраслях промышленности? Конечно, последствия были бы такие же, как и во всех случаях, когда по какой-либо причине возникают различия в *средних нормах прибыли* разных сфер производства. Капитал и труд стали бы перемещаться из менее выгодных отраслей в более выгодные, и этот процесс перемещения капитала и труда продолжался бы до тех пор, пока в одной отрасли промышленности предложение не возросло бы в соответствии с возросшим спросом, а в других отраслях не упало бы в соответствии с сокращением спроса. *После того как произошло бы это изменение*, в разных отраслях производства снова установилась бы *общая норма прибыли*. Так как вся перетасовка сначала возникла только благодаря изменению в соотношении спроса и предложения различных товаров, то, после того как исчезла бы причина, прекратилось бы и ее действие, и *цены* вернулись бы к своему прежнему уровню и равновесию. *Падение нормы прибыли*, вызванное повышением заработной платы, не ограничилось бы отдельными отраслями промышленности, а стало бы *всеобщим*. Согласно нашему предположению, не произошло бы изменения ни в производительных силах труда, ни в общей массе продукции, *а изменилась бы лишь форма этой данной массы продукции*. Большая часть продукции находилась бы в форме предметов первой необходимости, меньшая часть — в форме предметов роскоши, или, что сводится к тому же, меньшая часть обменивалась бы на заграничные предметы роскоши и потреблялась бы в своей первоначальной форме, или, что опять-таки сводится к тому же, большая часть отечественной продукции обменивалась бы вместо предметов роскоши на заграничные предметы первой необходимости. Поэтому общее повышение уровня заработной платы после временного расстройств рыночных цен вызвало бы лишь общее понижение нормы прибыли, но не привело бы к сколько-нибудь длительному изменению цен товаров.

Если мне скажут, что в вышеприведенной аргументация я нехожу из предположения, что весь прирост заработной платы тратится на предметы первой необходимости, то я отвечу, что сделал предположение, наиболее благоприятное для взгля-

дов гражданина Уэстона. Если бы прирост заработной платы расходовался на предметы, которые ранее не входили в потребление рабочих, то реальное повышение их покупательной силы не требовало бы доказательств. Однако, так как это повышение их покупательной силы является только следствием повышения заработной платы, то оно должно точно соответствовать сокращению покупательной силы капиталистов. Поэтому *не увеличились бы общие размеры спроса на товары, а изменились бы составные части этого спроса*. Возрастание спроса одной стороны уравновешивалось бы сокращением спроса другой стороны. Так как общая сумма спроса остается, таким образом, неизменной, то не может произойти никакого изменения и в рыночных ценах товаров.

Таким образом, мы приходим к следующей дилемме: либо прирост заработной платы расходуется в одинаковой мере на все предметы потребления — и в этом случае расширение спроса со стороны рабочего класса должно компенсироваться сокращением спроса со стороны класса капиталистов, — либо прирост заработной платы расходуется только на некоторые предметы — и в этом случае рыночные цены их временно возрастут. Тогда вызванное этим повышение нормы прибыли в некоторых отраслях и соответствующее падение нормы прибыли в других отраслях промышленности вызовут изменение в распределении капитала и труда, изменение, которое будет продолжаться до тех пор, пока предложение в одной отрасли промышленности не подыметься соответственно возросшему спросу, а в другой — не попытается соответственно сокращению спроса.

При первом предположении не произойдет никакого изменения в ценах товаров; при втором же предположении после некоторых колебаний рыночных цен меновые стоимости товаров вернуться к прежнему уровню. При обоих предположениях общее повышение уровня заработной платы не вызовет в конечном счете никакого другого следствия, кроме общего падения нормы прибыли.

Желая подействовать на ваше воображение, гражданин Уэстон предлагал вам подумать о тех затруднениях, которые вызвало бы общее повышение заработной платы английских сельскохозяйственных рабочих с 9 шилл. до 18. Подумайте только, восклицал он, об огромном повышении спроса на предметы первой необходимости и о страшном повышении цен, которое оно за собой повлечет. Ну так вот, все вы знаете, что средняя заработная плата американского сельскохозяйственного рабочего более чем в два раза превышает среднюю заработную плату английского сельскохозяйственного рабочего, хотя цены сельскохозяйственных продуктов в Соединенных Штатах ниже, чем в Англии, хотя общие отношения между трудом и капиталом в Соединенных Шта-

тах те же, что в Англии, и хотя масса годовой продукции в Соединенных Штатах гораздо меньше, чем в Англии. Для чего же наш друг бьет в набат? Для того, чтобы отделаться от действительно стоящего перед нами вопроса. Внезапное повышение заработной платы с 9 шилл. до 18 означало бы внезапное повышение ее размера на 100%. Однако мы вовсе не обсуждаем вопроса о том, может ли общий уровень заработной платы в Англии внезапно повыситься на 100%. Нам вообще нет никакого дела до *величины* этого повышения, которое в каждом практическом случае должно зависеть от данных обстоятельств и соответствовать им. Нам нужно лишь исследовать, как повлияет общее повышение уровня заработной платы даже в том случае, если это повышение не превысит одного процента.

Итак, я отброшу выдуманное нашим другом Уэстоном фантастическое повышение заработной платы на 100% и остановлю ваше внимание на том повышении заработной платы, которое действительно происходило в Великобритании в период с 1849 по 1859 г.

Всем вам известен проведенный в 1848 г. десятичасовой билль или, вернее, билль о $10\frac{1}{2}$ -часовом рабочем дне. Это — одна из величайших экономических перемен, свидетелями которых мы были. Этот билль означал внезапное и принудительное повышение заработной платы не в каких-либо местных промыслах, а в ведущих отраслях промышленности, опираясь на которые Англия господствует на всемирном рынке. Это было повышение заработной платы, проведенное при исключительно неблагоприятных условиях. Доктор Юр, профессор Сениор и все другие экономисты, являющиеся официальными выразителями интересов буржуазии, *доказывали*, — и, я должен сказать, доказывали гораздо более основательными доводами, чем наш друг Уэстон, — что этот билль является похоронным звоном для английской промышленности. Они доказывали, что дело тут идет не просто о повышении заработной платы, а о таком ее повышении, которое вызвано уменьшением количества применяемого труда и основано на этом уменьшении. Они утверждали, что 12-й час, который хотят отнять у капиталиста, как раз и является тем единственным часом, из которого капиталист извлекает свою прибыль. Они угрожали сокращением накопления, повышением цен, потерей рынков, сокращением производства, вытекающим отсюда новым понижением заработной платы, окончательным разорением. Они даже заявляли, что закон Максимилиана Робеспьера о максимуме — пустяк в сравнении с этим законом, и в известном смысле они были правы¹. Ну, а каковы же были

¹ Закон о максимуме был издан во время буржуазной французской революции, в 1793 г., якобинским Конвентом. Он устанавливал твердые предельные цены на товары и максимум заработной платы. *Ред.*

действительные последствия? Повышение денежной заработной платы фабричных рабочих, несмотря на сокращение рабочего дня; значительное увеличение числа рабочих, занятых на фабриках; непрерывное падение цен на фабричные продукты; паразитическое развитие производительных сил труда фабричных рабочих; неслыханное, все прогрессирующее расширение рынков сбыта для фабричных товаров. В 1860 г. в Манчестере на собрании Общества поощрения наук я сам слышал, как г. *Ньюмен* признал, что и он, и доктор Юр, и Сениор, и все другие официальные представители экономической науки ошибались, между тем как инстинкт народа оказался правильным. Я говорю не о профессоре Фрэнсисе Ньюмене, а о г. В. Ньюмене¹, который занимает в экономической науке выдающееся положение как сотрудник и издатель работы г. *Томаса Тука* «История цен», этого прекрасного труда, прослеживающего историю цен с 1793 по 1856 г. Если бы были верны навязчивые идеи² нашего друга Уэстона о неизменной сумме заработной платы, о неизменной сумме продукции, о неизменном уровне производительной силы труда, о неизменной и господствующей воле капиталистов, и все прочие неизменности и окончательности, которыми оперирует гражданин Уэстон, то тогда были бы правильными мрачные предсказания профессора Сениора, и не прав был бы Роберт Оуэн, который уже в 1816 г. объявил общее ограничение рабочего дня первым подготовительным шагом к освобождению рабочего класса и на собственный страх и риск, вопреки общему предубеждению, провел это ограничение рабочего дня на своей бумагопрядильной фабрике в Нью-Лэнарке.

В то же самое время, когда вводился десятичасовой билль и когда происходило вызванное им повышение заработной платы, в Великобритании, по причинам, на которых здесь не место останавливаться, наблюдалось также *общее повышение заработной платы сельскохозяйственных рабочих*.

Хотя это и не требуется для моей непосредственной цели, я, чтобы не быть ложно понятым вами, сделаю здесь несколько пояснений.

Если человек получал заработную плату в 2 шилл. в неделю, а затем его заработная плата повысилась до 4 шилл., то *уровень заработной платы* повышается на 100%. Если подойти к этому повышению заработной платы с точки зрения *повышения ее уровня*, то оно может показаться грандиозным, а между тем *действительная величина заработной платы*, 4 шилл. в неделю, все еще представляет собой нищенски низкую, голодную заработную

¹ Здесь у Маркса опечатка. Фамилия упоминаемого Марксом экономиста, издателя работы Тука, не В. Ньюмен, а В. Ньюмарч. *Ред.*

² В тексте непереводимая игра слов: навязчивые идеи — *fixed ideas*, неизменный — *fixed*. *Ред.*

плату. Поэтому не давайте обольщать себя громко звучащими процентами повышения *уровня заработной платы*. Вы должны всегда спросить, каковы были *первоначальные* размеры ее?

Далее, нетрудно понять, что если 10 рабочих получают по 2 шилл. в неделю, 5 рабочих — по 5 шилл. и еще 5 рабочих — по 11 шилл., то все 20 человек вместе получают 100 шилл. в неделю, или 5 ф. ст. Если затем *общая сумма* их недельной заработной платы возрастет, скажем на 20%, то с 5 ф. ст. она повысится до 6. Если взять в среднем, то можно сказать, что *общий уровень заработной платы* возрос на 20%, хотя бы фактически заработная плата 10 рабочих осталась неизменной, заработная плата группы рабочих в 5 человек возросла с 5 шилл. на каждого до 6 шилл., и сумма заработной платы другой группы в 5 рабочих — с 55 шилл. до 70. Положение половины рабочих несколько не улучшилось, положение $\frac{1}{4}$ — улучшилось лишь в самой незначительной степени и только положение остальной $\frac{1}{4}$ действительно улучшилось. Однако если оперировать *средними величинами*, то общая сумма заработной платы этих 20 рабочих повысилась на 20%, и, поскольку дело касается всего капитала, который применяет этих рабочих, и цен производимых ими товаров, здесь все будет обстоять совершенно так же, как в том случае, если бы среднее повышение заработной платы в одинаковой мере коснулось всех рабочих. В упомянутом случае с сельскохозяйственными рабочими, у которых уровень заработной платы в разных графствах Англии и Шотландии весьма различен, повышение ее происходило весьма неравномерно.

Наконец, в тот период, когда происходило это повышение заработной платы, ряд факторов, — как то: новые налоги, вызванные войной с Россией, массовое разрушение жилищ сельскохозяйственных рабочих и т. д., — действовал в противоположном направлении.

После стольких предварительных замечаний я выдвигаю положение, что в период с 1849 по 1859 г. средний уровень заработной платы сельскохозяйственных рабочих Великобритании *повысился приблизительно на 40%*. В подтверждение этого я мог бы привести обширный и подробный материал, по для цели, стоящей передо мной, считаю достаточным отослать вас к добросовестному критическому реферату, прочитанному в 1860 г. покойным г. *Джонном Ч. Мортонем* в Лондонском обществе искусств на тему о «*Силах, применяемых в земледелии*». Г-н Мортон приводит данные из счетов и других подлинных документов, собранных им приблизительно у 100 фермеров, проживающих в 12 шотландских и 35 английских графствах.

Согласно взглядам нашего друга Уэстона, особенно если принять во внимание одновременное повышение заработной платы фабричных рабочих, в 1849—1859 гг. должно было бы произойти

громадное повышение цен на сельскохозяйственные продукты. А что произошло в действительности? Несмотря на войну с Россией и ряд неурожаяев, последовавших в 1854—1856 гг., средняя цена пшеницы, основного сельскохозяйственного продукта Англии, стоявшая в 1838—1848 гг. приблизительно на уровне 3 ф. ст. за квартал, упала приблизительно до 2 ф. ст. 10 шилл. за квартал в 1849—1859 гг. Это значит, что цена пшеницы упала больше чем на 16%, при одновременном повышении средней заработной платы сельскохозяйственных рабочих на 40%. За тот же самый период, если сопоставить его конец с его началом, т. е. 1859 г. с 1849 г., официально зарегистрированный пауперизм сократился с 934 419 человек до 860 470, т. е. на 73 949 человек. Я согласен, что уменьшение это весьма незначительно, и к тому же в последующие годы оно было сведено на-нет, однако, все же это — уменьшение.

Могут сказать, что вследствие отмены хлебных законов ввоз хлеба из-за границы в период с 1849 по 1859 г. больше чем удвоился по сравнению с периодом 1838—1848 гг. Но что из того? С точки зрения гражданина Уэстона следовало ожидать, что этот внезапный громадный и непрерывно возрастающий спрос на иностранных рынках должен был бы поднять цены сельскохозяйственных продуктов на огромную высоту, так как влияние возросшего спроса остается одним и тем же, независимо от того, исходит ли этот спрос извне страны или изнутри нее. А что произошло в действительности? За исключением нескольких неурожайных лет в течение всего этого периода во Франции раздавались постоянные жалобы на разорительное падение хлебных цен, американцы не раз были вынуждены сжигать излишки своего продукта, а Россия, если верить г. Уркарту, разжигала гражданскую войну в Соединенных Штатах, так как конкуренция со стороны янки подрывала вывоз русских сельскохозяйственных продуктов на рынки Европы.

Если свести аргументацию гражданина Уэстона к ее абстрактной форме, то она состоит в следующем: всякое повышение спроса всегда происходит на основе данной массы продукции. Поэтому оно никогда не может увеличить предложения требующихся товаров, а может только повысить их денежные цены. Однако даже самое обыденное наблюдение показывает, что в некоторых случаях увеличение спроса совершенно не изменяет рыночных цен товаров, а в других случаях вызывает лишь временное повышение рыночных цен, за которым следует рост предложения. Этот рост предложения приводит к новому падению цен до их прежнего уровня, а в некоторых случаях *ниже* прежнего уровня. Происходит ли повышение спроса вследствие роста заработной платы или каких-либо иных причин, это несколько не изменяет условий проблемы. С точки зрения гражданина Уэстона это общее

явление было бы так же трудно объяснить, как и то явление, которое происходит при исключительных обстоятельствах, при повышении заработной платы. Поэтому в вопросе, который мы рассматриваем, его аргументация не доказывает решительно ничего. Она обнаруживает лишь неумение гражданина Уэстона разобраться в законах, в силу которых увеличение спроса вызывает увеличение предложения, а вовсе не окончательное повышение рыночных цен.

3. [ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА И ДЕНЬГИ]

Во второй день прений наш друг Уэстон облек свое старое утверждение в новые формы. Он сказал: при общем повышении денежной заработной платы, для того чтобы выдавать ту же заработную плату, потребуется больше наличных денег. Так как количество денег, находящихся в обращении, является *неизменным*, то как же можно с помощью этой неизменной суммы обращающихся денег выплачивать большую сумму денежной заработной платы? Раньше затруднение состояло в том, что, приходящиеся на долю рабочего количество товаров, несмотря на увеличение его денежной заработной платы, оставалось неизменным; теперь затруднение состоит в том, что денежная заработная плата увеличилась, несмотря на неизменность количества товаров. Разумеется, если вы отвергнете первоначальную догму гражданина Уэстона, отпадут и производные затруднения.

Тем не менее я хочу вам показать, что этот вопрос о денежном обращении не имеет к рассматриваемому предмету ровно никакого отношения.

В вашей стране механизм платежей гораздо совершеннее, чем в любой из стран Европы. Благодаря широкому распространению и концентрации системы банков, для того чтобы привести в обращение ту же самую сумму стоимости или заключить то же самое или даже большее количество сделок, требуется гораздо меньше денег. Например, с заработной платой дело обстоит так: английский фабричный рабочий еженедельно отдает свою заработную плату лавочнику, который еженедельно отсылает ее банкиру, тот еженедельно возвращает ее фабриканту, который вновь выплачивает ее своим рабочим и т. д. Благодаря такому механизму, годовая заработная плата рабочего, скажем в 52 ф. ст., может выплачиваться с помощью одного единственного оборота, который каждую неделю проделывает один и тот же кругооборот. Даже в Англии этот механизм менее совершенен, чем в Шотландии; однако он не везде одинаково совершенен, и поэтому мы наблюдаем, например, что в некоторых сельских округах, по сравнению с чисто фабричными округами, требуется гораздо больше наличных денег для обращения гораздо меньшей суммы стоимостей.

Если вы переправитесь через пролив, то увидите, что *денежная заработная плата* на континенте гораздо ниже, чем в Англии, и между тем в Германии, Италии, Швейцарии и Франции она оборачивается с помощью *гораздо большей суммы денег*. Там каждый соверен не столь быстро перехватывается банкиром и не столь быстро возвращается промышленному капиталисту, поэтому, вместо одного соверена, который необходим в Англии для того, чтобы обслужить ежегодное обращение в 52 ф. ст., на континенте требуется, быть может, 3 соверена, чтобы обернуть годовую денежную заработную плату в 25 ф. ст. Таким образом, сравнивая континентальные страны Европы с Англией, вы сразу заметите, что низкая денежная заработная плата может требовать для своего обращения гораздо больше наличных денег, чем высокая денежная плата, и что фактически это — чисто технический вопрос, который совершенно не связан с нашим предметом.

Согласно лучшим исчислениям, какие мне только известны, годовой доход рабочего класса Англии может быть оценен в 250 млн. ф. ст. Эта громадная сумма обращается с помощью приблизительно 3 млн. ф. ст. Допустим, что происходит повышение заработной платы на 50%. Тогда для ее обращения вместо 3 млн. ф. ст. наличных денег потребуется $4\frac{1}{2}$ млн. ф. ст. Так как рабочий для весьма значительной части своих ежедневных расходов пользуется серебром и медью, — т. е. простыми денежными знаками, относительная стоимость которых по отношению к золоту так же произвольно устанавливается законом, как и стоимость неразмеченных бумажных денег, — повышение денежной заработной платы на 50% в крайнем случае потребует дополнительного обращения соверенов, скажем, на сумму в один миллион. Один миллион, который сейчас в форме слитков или монет покоится в подвалах Английского банка или частных банкиров, поступит в обращение. Однако можно избежать даже тех незначительных затрат, которые связаны с чеканкой или снашиванием в обращении этого дополнительного миллиона, и их действительно избегают в тех случаях, когда недостаток средств обращения вызывает какое-либо затруднение. Все вы знаете, что в Англии деньги, находящиеся в обращении, делятся на две большие группы. Одна из них состоит из всякого рода банкнот и употребляется в сделках между торговцами, а также при сравнительно крупных платежах, совершающихся между потребителями и торговцами; другая группа, состоящая из металлических монет, обращается в розничной торговле. Хотя эти два вида обращающихся денег и различны, однако они переплетаются друг с другом. Так, золотая монета весьма широко применяется даже и в сравнительно крупных платежах для уплаты дробных сумм ниже 5 ф. ст. Если бы завтра были выпущены банкноты в 4, 3 или 2 ф. ст., то золотые монеты, наполняющие эти каналы обращения, сразу были бы

оттуда вытеснены и устремились бы туда, где в них ощущается нужда вследствие повышения денежной заработной платы. Таким образом, требующийся вследствие повышения денежной заработной платы на 50% дополнительный миллион мог бы быть доставлен без добавления хотя бы одного соверена. Того же результата можно достигнуть и без увеличения числа банкнот, увеличив обращение векселей, как это в течение весьма значительного времени практиковалось в Ланкашире.

Если общее повышение уровня заработной платы, — например на 100%, как предположил гражданин Уэстон для заработной платы сельскохозяйственных рабочих, — вызывает значительное повышение цен на предметы первой необходимости и требует, согласно взглядам Уэстона, добавочной суммы денег, которых нельзя добыть, *общее падение заработной платы* должно было бы вызвать те же последствия, в той же самой степени, но в обратном направлении. Прекрасно! Все вы знаете, что годы 1858—1860 были годами наибольшего процветания хлопчатобумажной промышленности и что в особенности 1860 год в этом отношении не имеет себе равного в летописях торговли, причем в это время процветали и все другие отрасли промышленности. Заработная плата рабочих хлопчатобумажной промышленности и рабочих всех других связанных с нею отраслей стояла в 1860 г. на более высоком уровне, чем когда-либо раньше. Но вот наступил американский кризис, и заработная плата всех этих рабочих была внезапно понижена приблизительно до $\frac{1}{4}$ ее прежней суммы. При противоположном движении это означало бы повышение на 300%. Если заработная плата повышается с 5 до 20, мы говорим, что она повысилась на 300%. Если она падает с 20 до 5, мы говорим, что она упала на 75%. Но сумма повышения в одном случае и сумма понижения в другом случае была бы одной и той же, а именно 15 шилл. Итак, это было внезапное, небывалое изменение уровня заработной платы, распространившееся к тому же на такое число рабочих, которое, — если считать всех рабочих, не только непосредственно занятых в хлопчатобумажной промышленности, но и косвенно зависящих от нее, — в $1\frac{1}{2}$ раза превышало число сельскохозяйственных рабочих. Но упала ли цена пшеницы? Нет, она *поднялась* со среднего годовичного уровня в 47 шилл. 8 пенсов за квартал в трехлетие 1858—1860 гг. до среднего годовичного уровня в 55 шилл. 10 пенсов за квартал в трехлетие, 1861—1863 гг. Что касается денежного обращения, то на монетном дворе в 1861 г. было отчеканено монеты на 8 673 232 ф. ст. против 3 378 102 ф. ст. в 1860 г. Иными словами, в 1861 г. было отчеканено на 5 295 130 ф. ст. больше, чем в 1860 г. Правда, банкнот в 1861 г. было в обращении на 1 319 000 ф. ст. меньше, чем в 1860 г. Вычтем эту сумму, и все-таки для 1861 г. по сравнению с годом процветания, 1860,

останется излишек обращающихся денег в 3 976 130, или около 4 млн. ф. ст.; а золотой запас Английского банка за это время сократился, правда, не в той же самой пропорции, но близкой к ней.

Сравним 1862 г. с 1842 г. Кроме того, что колоссально увеличилась стоимость и количество находящихся в обращении товаров, один только капитал, регулярно уплачивавшийся за акции, облигации и т. п., за ценные железнодорожные бумаги, доходил в 1862 г. в Англии и Уэльсе до 320 млн. ф. ст., суммы, которая в 1842 г. показалась бы баснословной. И все же общее количество денег, находившихся в обращении в 1862 и в 1842 гг., было приблизительно одно и то же. И вообще вы обнаружите, что наряду с огромным возрастанием не только стоимости товаров, но и вообще денежных сделок, количество обращающихся денег имеет тенденцию к прогрессивному сокращению. С точки зрения нашего друга Уэстона это — неразрешимая загадка.

Если бы он вник в дело несколько поглубже, то нашел бы, что стоимость и масса находящихся в обращении товаров и сумма заключенных денежных сделок вообще ежедневно меняются — даже если совершенно оставить в стороне заработную плату и допустить, что она неизменна; что ежедневно меняется количество выпущенных банкнот; что ежедневно меняется сумма платежей, реализуемых без помощи денег, посредством векселей, чеков, жиро-кредита, расчетных палат; что, поскольку требуются действительные металлические средства обращения, ежедневно изменяется пропорция между количеством обращающихся монет, с одной стороны, монет и слитков, находящихся в запасе или покоящихся в подвалах банков, — с другой; что ежедневно меняется количество золота, поглощаемое национальным обращением, и количество его, отсылаемое за границу для международного обращения; он понял бы, что его догма о якобы неизменной сумме обращающихся денег представляет собою чудовищное заблуждение, которое решительно противоречит повседневному опыту. Вместо того, чтобы превращать свое непонимание законов денежного обращения в аргумент против повышения заработной платы, гражданину Уэстону следовало бы изучать законы, позволяющие денежному обращению приспособляться к столь непрерывно изменяющимся условиям.

4. [ПРЕДЛОЖЕНИЕ И СПРОС]

Наш друг Уэстон придерживается латинской пословицы: «*repetitio est mater studiorum*» — повторение мать учения, и потому он еще раз в новой форме повторил свою первоначальную догму, утверждая, что вызываемое повышением заработной

платы сокращение денежного обращения должно повлечь за собой уменьшение капитала и т. д. Так как мы уже покончили с его причудами насчет денежного обращения, я считаю совершенно излишним подробно разбирать те воображаемые последствия, которые, по его мнению, вытекают из выдуманных им потрясений денежного обращения. Я лучше прямо попытаюсь свести его догму, — которая остается *все той же самой догмой*, по которую он повторяет в столь разных видах, — к ее *простейшей теоретической форме*.

Его некритический подход к трактовке своей темы станет очевидным из одного простого замечания. Он возражает против повышения заработной платы или против высокой заработной платы, как результата ее повышения. А я спрашиваю его: что же такое высокая и что такое низкая заработная плата? Почему, например, 5 шилл. в неделю составляют низкую, а 20 шилл. в неделю — высокую заработную плату? Если 5 — низкая заработная плата по сравнению с 20, то 20 — еще ниже по сравнению с 200. Если кто-нибудь, читая лекцию о термометре, начнет разглагольствовать о высокой и низкой температуре, то этим он никому никаких знаний не сообщит. Он прежде всего должен сказать, как определяется точка замерзания и точка кипения, и сообщить, что эти отправные точки устанавливаются естественными законами, а не прихотью тех, кто продает термометры или изготовляет их. Гражданин же Уэстон, говоря о заработной плате и прибыли, не только не сумел вывести из экономических законов такие отправные точки, но даже не почувствовал необходимости поискать их. Он удовольствовался тем, что принял ходячие обывательские выражения о низком и высоком, как будто эти выражения имеют какой-нибудь точно определенный смысл, хотя совершенно очевидно, что заработную плату можно назвать высокой или низкой лишь по сравнению с некоторым масштабом, с помощью которого измеряется ее величина.

Он не сможет мне сказать, почему за определенное количество труда дается определенная сумма денег. Если он мне ответит — это определяется законом предложения и спроса, то я тотчас же его спрошу — а каким же законом регулируются сами предложение и спрос? — и подобный ответ сразу же поставит его в тупик. Соотношение между предложением труда и спросом на него подвергается постоянным изменениям, а вместе с ним меняются и рыночные цены труда. Если спрос превышает предложение, заработная плата повышается; если предложение превышает спрос, заработная плата падает, хотя при подобных обстоятельствах может оказаться необходимым *процупать* действительное состояние спроса и предложения, например путем стачки или каким-либо другим способом. Но если законом, регулирующим заработную плату, вы признаете предложение и спрос, то с вашей

стороны будет ребячеством и бесполезным делом ратовать против повышения заработной платы, потому что согласно тому высшему закону, на который вы ссылаетесь, периодическое повышение заработной платы столь же необходимо и законно, как и периодическое ее падение. Если же вы *не* признаете предложение и спрос законом, регулирующим заработную плату, то я еще раз повторю свой вопрос: почему за определенное количество труда дается определенная сумма денег?

Но посмотрим на дело с более широкой точки зрения: если вы вообразите, будто предложением и спросом в конечном счете определяется стоимость труда или какого-либо другого товара, вы жестоко ошибетесь. Предложение и спрос регулируют только временные колебания рыночных цен. Они могут объяснить, почему рыночная цена товара поднимается выше его *стоимости* или падает ниже его *стоимости*, но они никак не могут объяснить самую эту *стоимость*. Предположим, что предложение и спрос взаимно уравниваются или, как говорят экономисты, взаимно покрываются. Ведь в тот самый момент, когда эти противоположные силы становятся равными, они взаимно парализуют друг друга и перестают действовать в том или другом направлении. В тот момент, когда между предложением и спросом устанавливается равновесие и потому они перестают действовать, *рыночная цена* товара совпадает с его *действительной стоимостью*, с нормальной ценой, вокруг которой колеблются его рыночные цены. Поэтому при исследовании природы этой *стоимости* нам нет никакого дела до временных воздействий предложения и спроса на рыночные цены. Это относится как к заработной плате, так и к ценам всех других товаров.

5. [ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА И ЦЕНЫ]

Все доводы нашего друга, если привести их к простейшему теоретическому выражению, сводятся к следующей единственной догме: «*Цены товаров определяются или регулируются заработной платой*». Для опровержения этого устарелого, уже отвергнутого заблуждения я мог бы сослаться на практический опыт. Я мог бы указать вам на то, что английские фабричные рабочие, горняки, судостроительные рабочие и т. д., труд которых оплачивается относительно высоко, все же побивают другие нации дешевизной своих продуктов, тогда как, например, английского сельскохозяйственного рабочего, труд которого оплачивается относительно низко, побивают почти все другие нации вследствие дороговизны его продуктов. Я мог бы показать путем сравнения различных изделий одной и той же страны или товаров разных стран, что за некоторыми, скорее кажущимися, чем действительными, исключениями, в среднем высокооплачиваемый труд про-

изводит денежные товары, а низкооплачиваемый — дорогие. Это, конечно, отнюдь не доказывает, что высокая цена труда в одном случае и низкая его цена в другом являются каждый раз причинами этих диаметрально противоположных результатов, но это во всяком случае доказывает, что цены товаров не определяются ценами труда. Однако нам совершенно нет надобности прибегать к этому эмпирическому методу.

Но, быть может, кто-нибудь станет отрицать, что гражданин Уэстон выдвинул догму: «Цены товаров определяются или регулируются заработной платой». Действительно, он ни разу не давал такой формулировки. Даже напротив, он говорил, что прибыль и рента тоже образуют составные части товарных цен, так как из цены товаров приходится оплачивать не только заработную плату рабочих, но и прибыль капиталистов и ренту землевладельцев. Но из чего, по его мнению, складываются цены? Прежде всего из заработной платы. Затем прибавляется процентная надбавка в пользу капиталиста и другая процентная надбавка в пользу землевладельца. Предположим, что плата за труд, который применяется при производстве товара, составляет 10. Если норма прибыли составляет 100% к выплаченной заработной плате, то капиталист надбавит 10, и если норма ренты также составляет 100% к заработной плате, то будет сделана еще одна надбавка в 10 и вся цена товара будет равна 30. Но подобное определение цены означало бы просто, что цена определяется заработной платой. Если в упомянутом случае заработная плата повысилась бы до 20, то цена товара повысилась бы до 60 и т. д. В соответствии с этим все устаревшие писатели по вопросам политической экономии, защищавшие догму, что цены регулируются заработной платой, пытались доказать это тем, что рассматривали прибыль и ренту *лишь как процентные надбавки к заработной плате*. Никто из них, разумеется, не был в состоянии свести границы этих процентных наценок к какому-либо экономическому закону. Напротив, они, повидимому, полагали, что *прибыль* устанавливается традицией, обычаем, волей капиталиста или каким-нибудь другим столь же произвольным и необъяснимым способом. Утверждая, что прибыль определяется конкуренцией между капиталистами, они этим не говорят решительно ничего. Правда, эта конкуренция несомненно выравнивает различные нормы прибыли различных отраслей производства, т. е. сводит их к одному среднему уровню, но она никак не может определять самого этого уровня или общей нормы прибыли.

Что мы подразумеваем, когда говорим, что цены товаров определяются заработной платой? Так как заработная плата есть лишь название для цены труда, то мы тем самым говорим, что цены товаров регулируются ценой труда. Так как «цена» есть меновая стоимость, — а, говоря о стоимости, я всегда имею в виду

меновую стоимость, — меновая стоимость, выраженная в деньгах, то это положение сводится к тому, что «стоимость товаров определяется стоимостью труда» или «стоимость труда есть общая мера стоимостей».

Но как в таком случае определяется сама «стоимость труда»? Тут мы заходим в тупик. Разумеется, мы попадаем в тупик лишь в том случае, если стремимся рассуждать логически. Между тем, защитники этой доктрины не очень-то заботятся о логике. Возьмите, например, нашего друга Уэстона. Сперва он нам сказал, что цена товаров определяется заработной платой и что, следовательно, когда повышается заработная плата, должны повышаться и цены. Затем он сделал полный оборот и стал доказывать нам, что повышение заработной платы не принесет никакой пользы, так как повысятся цены товаров и так как заработная плата на деле измеряется ценами тех товаров, на которые она расходуется. Итак, мы начинаем с заявления, что стоимость товаров определяется стоимостью труда, а кончаем заявлением, что стоимость труда определяется стоимостью товаров. Таким образом мы поистине вращаемся в порочном кругу и не приходим ни к какому выводу.

Вообще, очевидно, что если мы делаем всеобщей мерой и регулятором стоимости стоимость одного товара, например труда, хлеба или какого-нибудь другого товара, то мы лишь отодвигаем затруднение, так как определяем одну стоимость другой стоимостью, которая в свою очередь нуждается в определении.

Догма, что «цены товаров определяются заработной платой», в своем наиболее абстрактном выражении сводится к тому, что «стоимость определяется стоимостью», а эта тавтология означает, что фактически мы решительно ничего не знаем о стоимости. Если принять это положение, все рассуждения об общих законах политической экономии превращаются в пустопорожнюю болтовню. Поэтому великой заслугой Рикардо было то, что в своем сочинении «Начала политической экономии», изданном в 1817 г., он совершенно разрушил старое ходячее и отжившее ложное учение, будто «цены определяются заработной платой», ложное учение, которое Адам Смит и его французские предшественники отвергали в подлинно научной части своих исследований и которое они тем не менее воспроизводили в более поверхностных и вульгаризирующих разделах своих работ.

6. [СТОИМОСТЬ И ТРУД]

Граждане, теперь я подошел к тому пункту, когда должен приступить к действительному выяснению рассматриваемого вопроса. Я не могу наперед обещать, что сделаю это вполне удовле-

творительным образом, так как для этого мне пришлось бы охватить всю область политической экономии. Я могу, как говорят французы, только «effleurer la question», т. е. коснуться лишь основных пунктов.

Первый вопрос, который мы должны поставить, — это: что такое *стоимость* товара? чем она определяется?

На первый взгляд может показаться, что стоимость товара есть нечто совершенно *относительное* и что ее нельзя установить, если не рассматривать товар в его отношениях со всеми другими товарами. Действительно, говоря о стоимости, о меновой стоимости товара, мы имеем в виду количественные соотношения, в которых этот товар обменивается на все другие товары. Но тогда возникает вопрос: как устанавливаются те пропорции, в которых товары обмениваются друг на друга?

Из опыта мы знаем, что эти пропорции бесконечно разнообразны. Если мы возьмем какой-нибудь один товар, например пшеницу, то увидим, что квартал пшеницы обменивается на различные другие товары в почти бесконечно разнообразных пропорциях. Однако, *так как его стоимость во всех этих случаях остается одной и той же*, независимо от того, выражается ли она в шелке, золоте или каком-нибудь другом товаре, то эта стоимость должна быть чем-то отличным от тех *разнообразных пропорций*, в которых она обменивается на другие товары, и чем-то независимым от них. Должна существовать возможность выразить ее в форме, отличной от этих разнообразных отношений равенства между различными товарами.

Далее: если я говорю, что квартал пшеницы обменивается на железо в определенной пропорции или что стоимость одного квартала пшеницы выражается в определенном количестве железа, я тем самым говорю, что стоимость пшеницы и ее эквивалент в виде железа *равны какой-то третьей вещи*, которая не является ни пшеницей, ни железом, ибо я исхожу из того, что они выражают одну и ту же величину в двух различных формах. Поэтому каждый из этих товаров, как пшеница, так и железо, должен независимо от другого быть сводим к этой третьей вещи, которая представляет их общую меру.

Чтобы сделать понятным это положение, я приведу очень простой пример из геометрии. Как мы поступаем, когда сравниваем площади треугольников всевозможных видов и величин или когда сравниваем площади треугольников с площадями прямоугольников или каких-нибудь других прямолинейных фигур? Мы приводим площадь любого треугольника к выражению, совершенно отличному от его видимой формы. Зная на основании свойств треугольника, что его площадь равна половине произведения его основания на высоту, мы можем сравнивать различные величины всех родов треугольников и всех прямолинейных фигур друг

с другом, так как каждая из этих фигур может быть разложена на известное число треугольников.

Этим же методом надлежит пользоваться и в отношении стоимостей товаров. Мы должны иметь возможность привести их все к одному, общему им всем выражению, различая их лишь по тем пропорциям, в каких они содержат в себе одну и ту же тождественную меру.

Так как *меновые стоимости* товаров представляют из себя только *общественные функции* этих вещей и не имеют ничего общего с их *естественными* свойствами, то мы прежде всего должны спросить: какова *общая общественная субстанция* всех товаров? Это *труд*. Для того чтобы произвести товар, необходимо затратить на него или вложить в него известное количество труда. И я говорю не просто о *труде*, а об *общественном труде*. Человек, который производит предмет непосредственно для своих собственных надобностей, для того чтобы самому его потребить, создает *продукт*, а не *товар*. Как производитель, работающий для самого себя, он ничем не связан с обществом. Но для того чтобы произвести *товар*, человек не только должен произвести предмет, удовлетворяющий ту или иную *общественную* потребность, но и самый его труд должен составлять часть и долю общей суммы труда, затрачиваемой обществом. Он должен быть подчинен *разделению труда внутри общества*. Он ничто без других подразделений труда и со своей стороны необходим, чтобы их *восполнять*.

Рассматривая *товары как стоимости*, мы рассматриваем их исключительно как *воплощенный, фиксированный* или, если угодно, *кристаллизованный общественный труд*. С этой точки зрения они могут *отличаться* друг от друга лишь тем, что представляют большее или меньшее количество труда. Например, на шелковый носовой платок может быть затрачено большее количество труда, чем на кирпич. Однако чем измеряется *количество труда*? *Временем, в течение которого продолжается труд*, — часами, днями и т. д. Для того чтобы к труду можно было прилагать эту меру, все виды труда должны быть сведены к среднему или простому труду, как их единству.

Итак, мы приходим к следующему заключению: товар имеет *стоимость* потому, что он представляет из себя *кристаллизацию общественного труда*. *Величина* его стоимости или его *относительная стоимость* зависит от того, содержится в нем большее или меньшее количество общественной субстанции, т. е. она зависит от относительного количества труда, необходимого для производства товара. Таким образом, *относительные стоимости товаров* определяются *количествами* или *суммами труда*, которые *вложены, воплощены, фиксированы* в этих товарах. *Соответствующие* количества товаров, для производства которых требуется

одинаковое рабочее время, распы. Или: стоимость одного товара относится к стоимости другого товара, как количество труда, фиксированное в одном из них, относится к количеству труда, фиксированному в другом.

Я предвижу, что многие из вас спросят, существует ли действительно столь большая, или вообще какая-либо, разница между утверждением, что стоимости товаров определяются *заработной платой*, и утверждением, что они определяются *относительными количествами труда*, необходимыми для их производства. Однако вам необходимо уяснить, что вознаграждение за труд и *количество* труда — совершенно различные вещи. Допустим, например, что в один квартал пшеницы и в одну унцию золота вложены *равные количества труда*. Я пользуюсь этим примером, так как его привел *Вениамин Франклин* в своей первой работе, изданной в 1724 г. и озаглавленной «*Скромное исследование природы и необходимости бумажных денег*», где он один из первых разглядел истинную природу стоимости. Итак, мы предположили, что один квартал пшеницы и одна унция золота суть *равные стоимости* или *эквиваленты*, потому что они представляют из себя *кристаллизацию равных количеств среднего труда*, стольких-то дней или стольких-то недель фиксированного в них труда. Определяя так относительные стоимости золота и хлеба, прибегаем ли мы каким бы то ни было образом к помощи *заработной платы* сельскохозяйственного рабочего или горняка? Ни в малейшей степени. Мы оставляем совершенно *неопределимым* вопрос о том, как оплачивался их дневной или недельный труд, и даже вопрос о том, применялся ли вообще наемный труд. Если он применялся, то заработная плата обоих этих рабочих могла быть вовсе неравна. Рабочий, труд которого воплощен в квартале пшеницы, мог получить только 2 бушеля, а рабочий, занятый в горном деле, — $\frac{1}{2}$ унции золота. Или, если даже предположить, что их заработная плата одинакова, она может в самых различных пропорциях отклоняться от стоимостей произведенных ими товаров. Она может равняться $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{3}$, $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{5}$ или какой-либо другой доле квартала хлеба или унции золота. Их *заработная плата* не может, конечно, *превышать* стоимости произведенных ими товаров, не может быть *больше* нее, но она может быть *меньше* нее, и притом в самой различной степени. Их *заработная плата* будет *ограничена стоимостями* продуктов, но *стоимости их продуктов* отнюдь не ограничены заработной платой. А самое главное, стоимости, относительные стоимости, например хлеба и золота, устанавливаются совершенно независимо от стоимости примененного труда, т. е. от *заработной платы*. Поэтому определение стоимости товаров *относительными количествами фиксированного в них труда* есть нечто совершенно отличное от тавтологического метода определения стоимости товаров стоимостью

труда или *заработной платой*. Но этот пункт получит дальнейшее освещение в ходе нашего исследования.

Исчисляя меновую стоимость товара, мы должны к количеству труда, употребленного в *последней* стадии производства, прибавить количество труда, *предварительно* вложенного в сырой материал товара, и «труд, затраченный на оборудование, инструменты, машины и здания, необходимые для осуществления *труда*»¹. Например, стоимость определенного количества хлопчатобумажной пряжи представляет из себя кристаллизацию некоторого количества труда, присоединенного к хлопку в процессе прядения, количества труда, предварительно вложенного в самый хлопок, количества труда, воплощенного в угле, масле и в других вспомогательных материалах, употребляемых при работе, количества труда, вложенного в паровую машину, веретена, фабричное здание и т. д. Орудия производства в собственном смысле этого слова, как то: инструменты, машины, здания, снова и снова служат в течение более или менее продолжительного времени в повторяющихся процессах производства. Если бы они снашивались сразу, подобно сырому материалу, то вся их стоимость сразу переносилась бы на товары, при производстве которых они применялись. Но так как, например, веретено снашивается лишь постепенно, то делается средний расчет, в основу которого кладется средняя продолжительность существования веретена и его среднее снашивание за определенный период, скажем за день. Таким путем мы исчисляем, какая часть стоимости веретена переносится на ежедневно вырабатываемую пряжу и, следовательно, какая часть всего количества труда, вложенного, например, в фунт пряжи, приходится на труд, предварительно воплощенный в веретене. Для стоящей перед нами цели нет надобности останавливаться на этом вопросе сколько-нибудь подробнее.

Может показаться, что если стоимость товара определяется *количеством труда, затраченного на его производство*, то, чем ленивее или неискуснее человек, тем большую стоимость будет иметь произведенный им товар, так как тем больше рабочего времени потребуется для изготовления этого товара. Подобное заключение было бы, однако, печальным заблуждением. Напомню, что я употребил выражение «*общественный труд*», а это выражение «*общественный*» означает очень многое. Говоря, что стоимость товара определяется *количеством труда*, вложенного в него или кристаллизованного в нем, мы имеем в виду *количество труда, необходимое* для производства товара при данном состоянии общества, при определенных средних условиях производства, при данном среднем общественном уровне интенсивности и умелости

¹ См. *Д. Рикардо*, «Начала политической экономии» и т. д., гл. I, разд. IV. *Ред.*

применяемого труда. Когда в Англии паровой ткацкий станок начал конкурировать с ручным станком, для превращения определенного количества пряжи в ярд хлопчатобумажной материи или сукна стала требоваться лишь половина прежнего рабочего времени. Правда, бедному ручному ткачу приходилось теперь работать 17—18 часов в день вместо 9 или 10, как то было раньше. Однако в продукте 20 часов его труда теперь заключалось лишь 10 часов общественного труда, или 10 часов труда, общественно необходимого для того, чтобы превратить определенное количество пряжи в ткань. Поэтому продукт 20 часов его труда заключал в себе теперь не больше стоимости, чем раньше заключалось в его 10-часовом продукте.

Итак, если меновые стоимости товаров определяются количеством воплощенного в них общественно необходимого труда, то при всяком увеличении количества труда, потребного для производства товара, стоимость его должна увеличиваться, а при всяком уменьшении этого количества она должна понижаться.

Если бы количества труда, необходимые для производства определенных товаров, оставались постоянными, то были бы постоянны и их относительные стоимости. Однако это не так. Количество труда, необходимое для производства товара, непрерывно изменяется вместе с изменениями производительных сил применяемого труда. Чем выше производительные силы труда, тем больше продукта изготовляется в данное рабочее время, и чем ниже производительные силы труда, тем меньше продукта изготовляется за одинаковое время. Если, например в связи с ростом населения оказалось бы необходимым обрабатывать менее плодородные земли, прежнее количество продуктов можно было бы получить лишь при условии затраты большего количества труда, и стоимость сельскохозяйственных продуктов вследствие этого повысилась бы. С другой стороны, если, пользуясь современными средствами производства, один прядильщик за один рабочий день превращает в пряжу во много тысяч раз больше хлопка, чем он мог переработать в такое же время с помощью ручного веретена, то очевидно, что каждый фунт хлопка поглотит во много тысяч раз меньше труда прядильщика, чем раньше, и, следовательно, стоимость, присоединяемая процессом прядения к каждому фунту хлопка, будет во много тысяч раз меньше, чем прежде. Стоимость пряжи соответственно уменьшится.

Если оставить в стороне различие природных особенностей и приобретенных производственных навыков разных народов, то производительные силы труда должны зависеть главным образом:

1) от *естественных* условий труда, как то: от плодородия почвы, богатства рудников и т. д.;

2) от прогрессирующего совершенствования *общественных сил труда*, которое порождается производством в крупном мас-

штабе, концентрацией капитала, комбинированием труда, разделением труда, машинами, усовершенствованиями методов производства, применением химических и других естественных сил, сокращением времени и пространства с помощью средств связи и транспорта и всякими другими изобретениями, посредством которых наука заставляет силы природы служить труду и благодаря которым развивается общественный или кооперативный характер труда. Чем выше производительные силы труда, тем меньше труда затрачивается на данное количество продукта и, следовательно, тем меньше стоимость продукта. Чем ниже производительные силы труда, тем больше труда затрачивается на одно и то же количество продукта и тем, следовательно, выше его стоимость. Поэтому мы можем установить как общий закон следующее:

Стоимости товаров прямо пропорциональны рабочему времени, затраченному на их производство, и обратно пропорциональны производительным силам затраченного труда.

До сих пор мы говорили о *стоимости*, теперь же я добавлю несколько слов о *цене*, т. е. особой форме, которую принимает стоимость.

Цена, взятая сама по себе, есть не что иное, как *денежное выражение стоимости*. Например, стоимости всех товаров в Англии выражаются в золотых ценах, тогда как на континенте они выражаются преимущественно в серебряных ценах. Стоимость золота или серебра, подобно стоимости всех других товаров, определяется количеством труда, необходимого для их добывания. Вы обмениваете известную сумму продуктов своей страны, в которых кристаллизировано определенное количество вашего национального труда, на продукты стран, производящих золото и серебро, продукты, в которых кристаллизировано определенное количество *их* труда. Именно таким путем, т. е. фактически с помощью обмена товара на товар, люди приучаются выражать стоимости всех товаров, т. е. затрачиваемое на их производство количество труда, в золоте и серебре. Присмотритесь внимательнее к этому *денежному выражению стоимости* или, что сводится к тому же, — к *превращению стоимости в цену*, и вы найдете, что здесь мы имеем дело с процессом, посредством которого *стоимости* всех товаров получают *самостоятельную и однородную форму*, или посредством которого они выражаются, как количества *одинакового общественного труда*. Цену, поскольку она является лишь денежным выражением стоимости, Адам Смит называл *естественной ценой*, а французские физиократы — *prix nécessaire* [необходимой ценой].

Каково же отношение между *стоимостью* и *рыночными ценами* или между *естественными ценами* и *рыночными ценами*? Все вы знаете, что *рыночная цена* всех товаров одного рода *одинакова*, как бы ни были различны условия производства у отдельных

производителей. Рыночные цены выражают лишь *среднее количество общественного труда*, необходимое при средних условиях производства для того, чтобы снабдить рынок определенным количеством определенных изделий. Они исчисляются применительно ко всей массе товаров данного рода.

Постольку *рыночная цена* товара совпадает с его *стоимостью*. С другой стороны, колебания рыночных цен, то поднимающихся выше стоимости, или естественной цены, то опускающихся ниже нее, зависят от колебаний предложения и спроса. Отклонения рыночных цен от стоимостей наблюдаются постоянно, но, как говорит *Адам Смит*:

«Естественная цена как бы представляет собой центральную цену, к которой постоянно тяготеют цены всех товаров. Различные случайные обстоятельства могут иногда держать их на значительно более высоком уровне, а иногда несколько понижать по сравнению с нею. Но каковы бы ни были препятствия, которые отклоняют цены от этого устойчивого центра, цены эти постоянно тяготеют к нему»¹.

Я не могу сейчас рассмотреть этот вопрос подробно. Достаточно сказать, что *если* предложение и спрос взаимно уравновешиваются, то рыночные цены товаров будут соответствовать их естественным ценам, т. е. их стоимостям, которые определяются количествами труда, необходимыми для производства этих товаров. Но предложение и спрос *должны* постоянно стремиться уравновесить друг друга, хотя они осуществляют это, лишь компенсируя одно колебание другим, повышение — понижением и наоборот. Если, вместо того чтобы рассматривать только ежедневные колебания, вы проанализируете движение рыночных цен за более продолжительные периоды, как это сделал, например, г. Тук в своей «Истории цен», то вы найдете, что колебания рыночных цен, их отклонения от стоимостей, их повышения и понижения взаимно парализуют и компенсируют друг друга; так что, если оставить в стороне влияние монополий и некоторые другие модификации, на которых я сейчас останавливаться не могу, все виды товаров продаются в среднем по их *стоимостям*, по их естественным ценам. Средние периоды, на протяжении которых взаимно компенсируются колебания рыночных цен, для разного рода товаров различны, потому что для одного рода товаров приспособление предложения к спросу достигается легче, а для других — труднее.

Итак, если в общем, в пределах более или менее продолжительных периодов, все виды товаров продаются по своим стоимостям, то было бы нелепо предполагать, будто прибыль — не в отдельных случаях, а постоянная и обычная прибыль в разных

¹ Ср. *Адам Смит*. «Исследование о природе и причинах богатства народов», т. I, гл. VII, Москва, 1935 г., стр. 55. *Ред.*

отраслях промышленности — проистекает из накладки на товарные цены или из того, что товары продаются по ценам, превышающим их *стоимость*. Абсурдность подобного представления станет очевидной, если мы попробуем его обобщить. Все то, что кто-нибудь постоянно выгадывал бы в качестве продавца, он должен был бы постоянно терять в качестве покупателя. Не поможет делу указание на то, что есть люди, которые являются покупателями, не будучи в то же время продавцами, или являются потребителями, не будучи в то же время производителями. То, что эти люди уплачивают производителям, они должны были бы сначала получить от этих последних даром. Если кто-нибудь сначала берет у вас деньги, а потом возвращает их вам, покупая ваши товары, вы никогда не сможете разбогатеть, продавая ваши товары тому же самому человеку по чрезмерно высокой цене. Такого рода торговля может уменьшить убыток, но она отнюдь неспособна принести прибыль.

Следовательно, для того чтобы объяснить *общую природу прибыли*, вы должны исходить из положения, что в среднем товары *продаются по своим действительным стоимостям*, и что *прибыль получается от продажи товаров по их стоимостям*, т. е. от продажи их пропорционально количеству воплощенного в них труда. Если вы не можете объяснить прибыли на основе этого предположения, то вы вообще не можете ее объяснить. Это кажется парадоксальным и как будто противоречит повседневному опыту. Но не менее парадоксально и то, что земля движется вокруг солнца и вода состоит из двух воспиаменяющихся газов. Научные истины всегда парадоксальны, если судить на основании повседневного опыта, который улавливает лишь обманчивую видимость вещей.

7. РАБОЧАЯ СИЛА

После того как мы исследовали, насколько это возможно в столь беглом обзоре, природу *стоимости*, *стоимости всякого товара*, мы должны сосредоточить внимание на специфической *стоимости труда*. И здесь я опять должен поразить вас утверждением, которое покажется вам парадоксом. Все вы уверены, что вы ежедневно продаете именно свой труд, что, следовательно, труд имеет цену, и что, — так как цена товара представляет из себя лишь денежное выражение его стоимости, — наверное должна существовать такая вещь, как *стоимость труда*. Однако такой вещи, как *стоимость труда* в обычном смысле этого слова, в действительности не существует. Мы видели, что количество кристаллизованного в товаре необходимого труда образует его стоимость. Так вот, если бы мы захотели применить это понятие стоимости, как смогли бы мы определить стоимость, скажем, 10-часового, рабочего дня? Сколько труда содержится в этом дне? 10 часов труда.

Если бы мы сказали, что стоимость 10-часового рабочего дня равна 10 часам труда или количеству содержащегося в этом рабочем дне труда, то это было бы тавтологией и даже больше того — бессмыслицей. Разумеется, после того, как мы откроем истинный, но скрытый смысл выражения «*стоимость труда*», мы так же сможем объяснить это иррациональное и, казалось бы, невозможное применение стоимости, как мы можем объяснить видимые движения небесных тел, какими они нам представляются, после того как познали их действительные движения.

То, что продает рабочий, не есть непосредственно его *труд*, а есть его *рабочая сила*, которую он передает во временное распоряжение капиталиста. Это настолько верно, что — не знаю, как английские законы, но во всяком случае — законы некоторых континентальных стран — устанавливают *максимальный срок*, на который разрешается продавать свою рабочую силу. Если бы разрешалось продавать рабочую силу на любой срок, то немедленно восстановилось бы рабство. Если бы подобная продажа охватывала, например, все время жизни рабочего, она тотчас превратила бы его в пожизненного раба его нанимателя.

Уже один из старейших экономистов и оригинальнейших философов Англии, *Томас Гоббс*, в своем «*Левиафане*» инстинктивно уловил этот факт, не замеченный всеми его преемниками. Он говорит: «*Стоимость или ценность человека, как и всех других вещей, есть его цена, т. е. то, что дается за пользование его силой*».

Если мы станем исходить из этой основы, мы сможем определить *стоимость труда*, так же как и стоимость всякого другого товара.

Но, прежде чем сделать это, мы должны спросить, как возникло то странное явление, что мы находим на рынке, с одной стороны, категорию покупателей, владеющих землей, машинами, сырыми материалами и жизненными средствами, т. е. предметами, которые, кроме необработанной земли, все являются *продуктами труда*, а с другой стороны, категорию продавцов, которым нечего продавать, кроме своей рабочей силы, своих рабочих рук и голов; что одни постоянно покупают с целью извлекать прибыль и обогащаться, тогда как другие постоянно продают, для того чтобы заработать на жизнь. Исследование этого вопроса было бы исследованием того, что экономисты называют «*предварительным, или первоначальным, накоплением*», но что следовало бы назвать *первоначальной экспроприацией*. Мы обнаружили бы, что это так называемое *первоначальное накопление* означает не что иное, как ряд исторических процессов, которые привели к *разрушению* существовавшего прежде единства между рабочим человеком и его средствами труда. Однако подобное исследование выходит за пределы поставленной передо мной темы. Это *отделение*

трудящегося человека от средств труда, будучи раз осуществлено, в дальнейшем сохраняется и воспроизводится в постоянно расширяющемся масштабе вплоть до тех пор, пока новая и коренная революция в способе производства вновь не уничтожит его и не восстановит первоначально существовавшего единства в новой исторической форме.

Итак, что же такое *стоимость рабочей силы*?

Подобно стоимости всякого другого товара, стоимость рабочей силы определяется количеством труда, необходимым для ее производства. Рабочая сила человека существует только в его живой личности. Для того чтобы вырасти и поддерживать свою жизнь, человек должен потреблять определенное количество жизненных средств. Однако человек, подобно машине, изнашивается, и его приходится заменять другим человеком. Кроме того количества жизненных средств, которое необходимо для поддержания *его собственного* существования, рабочий нуждается еще в некотором их количестве для того, чтобы воспитать детей, которые должны его заменить на рабочем рынке и увековечить род рабочих. Сверх того, приходится затратить еще известную сумму стоимости для того, чтобы рабочий смог развить свою рабочую силу и приобрести определенную квалификацию. Для нашей цели здесь достаточно рассмотреть только *средний* труд, при котором издержки на воспитание и обучение составляют ничтожно малую величину. Однако, пользуясь случаем, я должен отметить, что, так как издержки на производство рабочих сил различного качества различны, то должны быть различны и стоимости рабочих сил, применяемых в разных отраслях производства. Поэтому требование *равной заработной платы* основано на заблуждении, является бессмысленным желанием, которому никогда не суждено осуществиться. Это требование представляет собой порождение того ложного и поверхностного радикализма, который принимает предпосылки и пытается уклониться от выводов. На основе системы наемного труда стоимость рабочей силы устанавливается так же, как стоимость всякого другого товара, а так как различные виды рабочей силы имеют разные стоимости, т. е. требуют для своего производства разных количеств труда, то и на рабочем рынке они *должны* оплачиваться по разным ценам. Требовать *равной или хотя бы только справедливой оплаты* на основе системы наемного труда — это то же самое, что требовать *свободы* на основе системы рабства. Что вы считаете правильным и справедливым, это к вопросу не относится. Вопрос заключается в том, что является необходимым и неизбежным при данной системе производства.

После всего сказанного ясно, что *стоимость рабочей силы* определяется *стоимостью жизненных средств*, необходимых для того, чтобы произвести, развить, сохранить и увековечить рабочую силу.

8. ПРОИЗВОДСТВО ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ

Теперь предположим, что для производства среднего количества жизненных средств, необходимых рабочему ежедневно, требуется *6 часов среднего труда*. Предположим, кроме того, что эти 6 часов среднего труда воплощаются в количестве золота, равном 3 шилл. Тогда 3 шилл. будут *ценой*, или денежным выражением, *дневной стоимости рабочей силы* этого человека. Работая по 6 часов в день, он ежедневно производит бы стоимость, достаточную для того, чтобы приобрести среднее количество необходимых ему ежедневно жизненных средств, т. е. чтобы поддерживать свое существование как рабочего.

Но этот человек — наемный рабочий. Поэтому ему приходится продавать свою рабочую силу капиталисту. Продавая ее за 3 шилл. в день, или за 18 шилл. в неделю, он продает ее по ее стоимости. Предположим, что он — прядильщик. Если он работает 6 часов в день, то он ежедневно присоединяет к хлопку стоимость в 3 шилл. Эта стоимость, ежедневно присоединяемая им к хлопку, представляет собой точный эквивалент его заработной платы, или ежедневно получаемой им цены его рабочей силы. Однако в этом случае капиталист не получил бы никакой *прибавочной стоимости* или *прибавочного продукта*. Здесь мы наталкиваемся, таким образом, на действительное затруднение.

Покупая рабочую силу рабочего и оплачивая ее стоимость, капиталист, как и все другие покупатели, приобрел право потреблять купленный товар, пользоваться им. Подобно тому, как машину потребляют или используют, приводя ее в движение, так и рабочую силу человека потребляют и используют, заставляя его работать. Оплатив дневную или недельную стоимость рабочей силы рабочего, капиталист тем самым приобрел право использовать эту рабочую силу или заставлять ее работать в течение *всего дня или всей недели*. Рабочий день или рабочая неделя имеют, конечно, известные границы. Но на этом мы подробнее остановимся позже.

Теперь же я хочу обратить ваше внимание на один решающий пункт.

Стоимость рабочей силы определяется количеством труда, необходимым для ее сохранения или воспроизводства, тогда как *пользование* этой рабочей силой ограничено лишь работоспособностью и физической силой рабочего. Дневная или недельная *стоимость* рабочей силы есть нечто, совершенно отличное от ежедневной или еженедельной *затраты* этой силы, так же, как корм, необходимый для лошади, и то время, в течение которого она может нести на себе всадника, представляют собой совсем не одно и то же. То количество труда, которым ограничена *стоимость* рабочей силы рабочего, отнюдь не образует границы того количества труда,

которое способна выполнить его рабочая сила. Возьмем, например, нашего прядильщика. Мы видели, что для ежедневного воспроизводства своей рабочей силы он должен каждый день воспроизводить стоимость в 3 шилл., и это он выполняет, работая ежедневно 6 часов. Однако это не лишает его способности работать ежедневно 10, 12 или больше часов в день. Но, оплатив дневную или недельную стоимость рабочей силы прядильщика, капиталист приобрел право пользоваться его рабочей силой в течение *целого дня* или *целой недели*. Итак; капиталист заставляет прядильщика работать, скажем, 12 часов в день. *Сверх* и *кроме* 6 часов труда, которые необходимы для возмещения его заработной платы, или стоимости его рабочей силы, рабочему приходится работать *еще 6 часов*, которые я назову часами *прибавочного труда*, причем этот прибавочный труд воплотится в *прибавочной стоимости* и *прибавочном продукте*. Если, например, наш прядильщик, работая ежедневно 6 часов, присоединяет к хлопку стоимость в 3 шилл., стоимость, составляющую точный эквивалент его заработной платы, то за 12 часов он присоединит к хлопку стоимость в 6 шилл. и произведет *соответствующее прибавочное количество пряжи*. Так как он продал свою рабочую силу капиталисту, то вся создаваемая им стоимость, или весь создаваемый им продукт принадлежит капиталисту, который на определенное время является собственником его рабочей силы. Следовательно, авансируя 3 шилл., капиталист благодаря этому реализует стоимость в 6 шилл., так как, авансируя стоимость, в которой кристаллизованы 6 часов труда, он взамен получает стоимость, в которой кристаллизованы 12 часов труда. Ежедневно повторяя этот процесс, капиталист ежедневно будет авансировать 3 шилл. и ежедневно класть себе в карман 6 шилл., половина которых снова идет на выдачу заработной платы, а другая половина составляет *прибавочную стоимость*, за которую капиталист не платит никакого эквивалента. Именно на *такого рода обмене между капиталом и трудом* основано капиталистическое производство или система наемного труда, и именно *такого рода обмен* должен постоянно приводить к тому, что рабочий воспроизводится как рабочий, а капиталист — как капиталист.

Норма прибавочной стоимости при прочих равных условиях зависит от соотношения между той частью рабочего дня, которая необходима для воспроизводства стоимости рабочей силы, и *прибавочным временем* или *прибавочным трудом*, выполняемым на капиталиста. Следовательно, она зависит от того, *в какой мере рабочий день продолжается сверх того времени*, в течение которого рабочий воспроизводит своим трудом стоимость своей рабочей силы или возмещает свою заработную плату.

9. СТОИМОСТЬ ТРУДА

Теперь мы должны вернуться к выражению «стоимость, или цена, труда».

Мы видели, что в действительности это — не что иное, как стоимость рабочей силы, измеряемая стоимостью товаров, необходимых для ее сохранения. Но так как рабочий получает свою заработную плату *после* окончания своего труда и так как, кроме того, рабочий знает, что на самом деле он отдает капиталисту именно свой труд, то стоимость, или цена, его рабочей силы неизбежно представляется ему *ценой*, или *стоимостью*, *самого его труда*. Если цена его рабочей силы равна 3 шилл., в которых воплощены 6 часов труда, и если при этом он работает 12 часов, то он неизбежно рассматривает эти 3 шилл. как стоимость, или цену, 12 часов труда, хотя эти 12 часов труда воплощаются в стоимости в 6 шилл. Отсюда вытекают два вывода:

Во-первых: Стоимость, или цена, рабочей силы приобретает видимость *цены*, или *стоимости*, *самого труда*, хотя строго говоря, стоимость, или цена, труда представляют из себя бессмысленные термины.

Во-вторых: Хотя *оплачивается* только часть дневного труда рабочего, а другая часть *остаётся неоплаченной*, и, хотя именно этот неоплаченный, или прибавочный, труд образует тот фонд, из которого образуется *прибавочная стоимость*, или *прибыль*, однако, кажется, будто весь труд является оплаченным трудом.

Эта обманчивая видимость отличает *наемный труд* от других *исторических* форм труда. На основе системы наемного труда даже *неоплаченный* труд представляется *оплаченным* трудом. У раба, наоборот, даже оплаченная часть его труда представляется *неоплаченной*. Для того чтобы работать, раб, разумеется, должен жить, и часть его рабочего дня идет на возмещение стоимости его собственного содержания. Но так как он не заключает со своим господином никаких торговых сделок, так как между обеими сторонами не совершается никаких актов купли и продажи, то весь труд раба кажется безвозмездным.

Возьмем, с другой стороны, крепостного крестьянина, который, можно сказать, еще вчера существовал на всем востоке Европы. Этот крестьянин работал примерно 3 дня на самого себя на своем собственном или предоставленном ему участке, а в течение 3 остальных дней выполнял *принудительный* и *безвозмездный* труд в поместье своего господина. Таким образом, здесь оплаченная часть труда была *осязательно* отделена во времени и пространстве от неоплаченной, и наши либералы преисполнялись моральным негодованием, считая притворноестественной самую мысль заставлять человека работать даром.

А между тем, работает ли человек 3 дня в неделю на себя на своем собственном участке, а 3 дня безвозмездно в поместьи своего господина, или же он работает на фабрике или в мастерской 6 часов в день на самого себя, а 6 часов на своего предпринимателя, дело сводится к одному и тому же, хотя в последнем случае оплаченная часть труда нераздельно слита с неоплаченной, и природа всей сделки совершенно замаскирована тем, что *существует договор* и что в конце недели совершается *платеж*. В одном случае безвозмездный труд представляется трудом добровольным, а в другом случае — принудительным. В этом вся разница.

Если я буду употреблять выражение «*стоимость труда*», то только как обычный ходячий термин, для обозначения «*стоимости рабочей силы*».

10. ПРИБЫЛЬ ИЗВЛЕКАЕТСЯ ПРИ ПРОДАЖЕ ТОВАРА ПО ЕГО СТОИМОСТИ

Предположим, что средний час труда воплощается в стоимости, равной 6 пенсам, или что 12 средних часов труда воплощаются в 6 шилл. Допустим затем, что стоимость труда равна 3 шилл. или продукту 6-часового труда. Если, далее, в сыром материале, израсходованном в процессе производства товара, в сношенных во время этого процесса машинах и т. д. воплощены 24 средних часа труда, то стоимость этих средств производства составляет 12 шилл. Если, кроме того, нанятый капиталистом рабочий присоединяет к этим средствам производства 12 часов своего труда, то эти 12 часов создадут добавочную стоимость в 6 шилл. Итак, *общая стоимость продукта* составит 36 часов овеществленного труда и будет равна 18 шилл. Но так как стоимость труда, или выплаченная рабочему заработная плата, равна только 3 шилл., то за 6 часов прибавочного труда, затраченного рабочим и воплощенного в стоимости товара, капиталист не платит никакого эквивалента. Продавая этот товар по его стоимости, за 18 шилл., капиталист, таким образом, реализует и стоимость в 3 шилл., за которую он не уплатил никакого эквивалента. Эти 3 шилл. составляют его прибавочную стоимость, или прибыль, которую он и кладет себе в карман. Следовательно, капиталист реализует прибыль в 3 шилл. не потому, что он продает свой товар по цене, *превышающей* его стоимость, а потому, что продает его *по его действительной стоимости*.

Стоимость товара определяется *общим количеством* содержащегося в нем *труда*. Но часть этого количества труда воплощена в стоимости, за которую был уплачен эквивалент в форме заработной платы; другая же часть его воплощена в стоимости, за которую *не было* уплачено *никакого эквивалента*. Часть труда,

содержащегося в товаре, представляет собой *оплаченный труд*, другая часть — *неоплаченный*. Следовательно, продавая товар *по его стоимости*, т. е. как кристаллизацию *всего количества труда*, затраченного на товар, капиталист обязательно продаст его с прибылью. Он продает не только то, за что уплатил некоторый эквивалент, но также и то, что ему ничего не стоило, хотя его рабочему это стоило труда. Стоимость товара для капиталиста и действительная стоимость товара — это две различные вещи. Итак, повторяю — нормальная и средняя прибыль получается не от продажи товаров *выше* их действительной стоимости, а при продаже их *по их действительной стоимости*.

11. РАЗЛИЧНЫЕ ЧАСТИ, НА КОТОРЫЕ РАСПАДАЕТСЯ ПРИБАВОЧНАЯ СТОИМОСТЬ

Прибавочную стоимость, или ту часть всей стоимости товара, в которой воплощен *прибавочный*, или *неоплаченный*, труд рабочего, я называю прибылью. Не вся эта прибыль попадает в карман капиталиста-предпринимателя. Монополия на землю дает землевладельцу возможность часть этой *прибавочной стоимости* присваивать себе под названием *ренты*, причем безразлично, используется ли земля для сельского хозяйства, для построек, для железных дорог или для какой-либо другой производительной цели. С другой стороны: обладание *средствами труда* дает капиталисту-предпринимателю возможность производить *прибавочную стоимость* или, что то же самое, *присваивать себе некоторое количество неоплаченного труда*; этот самый факт ведет к тому, что собственник средств труда, полностью или частично сужающий их капиталисту-предпринимателю, словом, *капиталист, сужающий деньги*, получает возможность требовать себе под названием *процента* другую часть этой прибавочной стоимости. Таким образом, капиталисту-предпринимателю *как таковому* остается только то, что называется *промышленной*, или *коммерческой*, прибылью.

Вопрос о том, какими законами регулируется это распределение всей суммы прибавочной стоимости между указанными тремя категориями людей, совершенно не относится к нашей теме. Однако из всего сказанного вытекает следующее:

Рента, процент и промышленная прибыль — это только *различные названия разных частей прибавочной стоимости* товара или *воплощенного в нем неоплаченного труда*, и все они в одинаковой мере *черпаются из этого источника, и только из него одного*. Они не порождаются *землей* как таковой и *капиталом* как таковым, но земля и капитал дают своим собственникам возможность получать соответствующие доли прибавочной стоимости, *выжимаемой капиталистом-предпринимателем из рабочего*. Для

самого рабочего вопрос о том, прикарманивает ли всю эту прибавочную стоимость — результат его прибавочного или неоплаченного труда — капиталист-предприниматель или же этот последний вынужден некоторые ее части под названием ренты и процента выплачивать третьим лицам, имеет второстепенное значение. Предположим, что капиталист-предприниматель пользуется только собственным капиталом и сам является владельцем нужной ему земли. В этом случае прибавочная стоимость целиком шла бы в его карман.

Именно капиталист-предприниматель непосредственно выжимает эту прибавочную стоимость из рабочего, независимо от того, какую ее часть он в конечном счете сможет удержать для самого себя. Таким образом, вся система наемного труда, вся современная система производства, основывается именно на этом отношении между капиталистом-предпринимателем и наемным рабочим. Поэтому некоторые из граждан, принимавших участие в наших прениях, были неправы, когда пытались смягчить положение вещей и представить это основное отношение между капиталистом-предпринимателем и рабочим, как вопрос второстепенный; хотя они были правы, утверждая, что при данных обстоятельствах повышение цен может в весьма неодинаковой степени задеть капиталиста-предпринимателя, землевладельца, денежного капиталиста и, если угодно, взимателя налогов¹.

Из сказанного вытекает еще один вывод.

Та часть стоимости товара, которая представляет только стоимость сырых материалов, машин, словом — стоимость потребленных средств производства, вовсе не образует дохода, а только возмещает капитал. Но даже если оставить этот вопрос в стороне, то неверно, будто другая часть стоимости товара, которая образует доход, или может быть израсходована в виде заработной платы, прибыли, ренты, складывается из стоимости заработной платы, стоимости ренты, стоимости прибыли и т. д. Мы сперва исключим отсюда заработную плату и будем рассматривать только промышленную прибыль, процент и ренту. Мы только что видели, что содержащаяся в товаре прибавочная стоимость или та часть его стоимости, в которой воплощен неоплаченный труд, сама распадается на различные части, которые носят три разных названия. Но было бы совершенно неверно говорить, что стоимость этой части товара складывается, или образуется, путем сложения самостоятельных стоимостей этих трех составных частей.

Если один час труда воплощается в стоимости в 6 пенсов, если рабочий день рабочего составляет 12 часов и если половина этого времени представляет собой неоплаченный труд, то этот

¹ — т. е., повидимому, государство, муниципалитеты и пр. *Ред.*

прибавочный труд присоединяет к товару *прибавочную стоимость* в 3 шилл., т. е. стоимость, за которую не было уплачено никакого эквивалента. Эта прибавочная стоимость в 3 шилл. составляет *весь тот фонд*, который капиталист-предприниматель может поделить, безразлично в какой пропорции, с землевладельцем и лицом, ссужающим деньги. Эта стоимость в 3 шилл. образует собой границу той стоимости, которую они могут между собой поделить. Но дело происходит вовсе не так, что сам капиталист-предприниматель накидывает на стоимость товара произвольную стоимость в качестве прибыли для себя, затем начисляется другая стоимость для землевладельца и т. д., и общая стоимость товара складывается из этих произвольно установленных стоимостей. Таким образом вы видите всю неправильность того ходячего представления, которое смешивает *распадение данной стоимости* на три части с *образованием* этой стоимости путем сложения трех *самостоятельных* стоимостей, превращая тем самым совокупную стоимость, из которой черпается рента, прибыль и процент, в произвольную величину.

Пусть вся реализуемая капиталистом прибыль равняется 100 ф. ст. Рассматривая эту сумму прибыли как *абсолютную* величину, мы называем ее *массой прибыли*. Если же мы вычисляем отношение этих 100 ф. ст. к авансированному капиталу, то эту *относительную* величину мы называем *нормой прибыли*. Очевидно, что эта норма прибыли может быть выражена двояким образом.

Предположим, что капитал, *авансированный на заработную плату*, составляет 100 ф. ст. Если созданная прибавочная стоимость тоже равна 100 ф. ст., то это показывает, что половина рабочего дня рабочего состоит из *неоплаченного* труда и, — если измерять эту прибыль стоимостью капитала, авансированного на заработную плату, — мы скажем, что *норма прибыли* равна 100%, так как авансированная стоимость равна 100, а реализованная стоимость 200.

Если же, с другой стороны, мы примем во внимание не только *капитал, авансированный на заработную плату*, а *весь авансированный капитал*, скажем 500 ф. ст., из которых 400 ф. ст. представляют стоимость сырых материалов, машин и т. д., то мы получим, что *норма прибыли* равна только 20%, так как прибыль, 100 ф. ст., составит только пятую часть *всего* авансированного капитала.

Первый способ выражения нормы прибыли есть единственный способ, который показывает действительное соотношение между оплаченным и неоплаченным трудом, действительную степень *эксплуатации труда* (позвольте мне воспользоваться этим французским словом). Второй способ выражения употребляется обычно, и он в самом деле пригоден для некоторых целей, во всяком слу-

чае весьма удобен для того, чтобы скрыть, в какой степени капиталист выжимает из рабочего даровой труд.

В тех замечаниях, которые мне остается сделать, я буду употреблять слово *прибыль* для обозначения всей массы выжимаемой капиталистом прибавочной стоимости, безотносительно к тому, как распределяется эта прибавочная стоимость между разными категориями лиц; а употребляя выражение *норма прибыли*, я буду всегда измерять прибыль ее отношением к стоимости капитала, авансированного на заработную плату.

12. ОБЩЕЕ СООТНОШЕНИЕ МЕЖДУ ПРИБЫЛЬЮ, ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТОЙ И ЦЕНАМИ

Если вычесть из стоимости товара стоимость, возмещающую сырые материалы и другие, затраченные на него средства производства, т. е. если вычесть стоимость, представляющую содержащийся в товаре *прошлый* труд, то оставшая часть стоимости товара сводится к тому количеству труда, которое присоединено рабочим в *данном* производственном процессе. Если этот рабочий работает 12 часов в день, а 12 часов среднего труда кристаллизуются в количестве золота равном 6 шилл., то эта присоединенная стоимость в 6 шилл. представляет собой *единственную* стоимость, которую создал его труд. Эта, определяемая рабочим временем, данная стоимость представляет из себя единственный фонд, из которого и рабочий и капиталист должны извлекать каждый свою часть, или долю, единственную стоимость, подлежащую делению на заработную плату и прибыль. Очевидно, что сама эта стоимость не изменится, в каких бы разнообразных соотношениях она ни распределялась между этими двумя сторонами. Ничего не изменится также, если вместо одного рабочего взять все рабочее население или вместо одного рабочего дня взять, например, 12 млн. рабочих дней.

Так как капиталист и рабочий могут распределить между собою только эту ограниченную стоимость, т. е. стоимость, измеряемую всем трудом рабочего, то чем больше получает один, тем меньше получает другой, и наоборот. Если дано определенное количество, то всегда одна его часть будет увеличиваться в том же отношении, в каком уменьшается другая. Если заработная плата изменяется, то прибыль изменится в противоположном направлении. Если заработная плата понижается, то прибыль повысится; если заработная плата повышается, то прибыль понизится. Если рабочий получает, как мы предположили раньше, 3 шилл., равные половине созданной им стоимости, т. е., иными словами, если весь его рабочий день состоит наполовину из оплаченного и наполовину из неоплаченного труда, то *норма прибыли* составит 100%, так как капиталист получит тоже 3 шилл.

Если рабочий получает только 2 шилл., или работает на себя только $\frac{1}{3}$ всего дня, то капиталист получит 4 шилл., и норма прибыли составит 200%. Если рабочий получает 4 шилл., капиталист получит только 2, и норма прибыли опустится до 50%. Но все эти изменения не окажут влияния на стоимость товаров. Значит, общее повышение заработной платы повело бы к падению общей нормы прибыли, но не повлияло бы на стоимости товаров.

Но хотя стоимости товаров, которыми в конечном счете должны регулироваться их рыночные цены, определяются исключительно совокупными количествами фиксированного в них труда и не зависят от деления каждого такого количества на оплаченный и неоплаченный труд, однако отсюда никоим образом не следует, что стоимости отдельных товаров или группы товаров, производимых, например, в течение 12 часов, будут оставаться постоянными. Число, или масса, товаров, произведенных в данное рабочее время или с помощью данного количества труда, зависит от *производительной силы* применяемого труда, а не от его *протяженности*, или продолжительности. При одном уровне производительной силы труда прядильщика за 12-часовой рабочий день можно произвести, например, 12 ф. пряжи, а при более низком уровне производительной силы — только 2 ф. Значит, если 12-часовой средний труд воплощается в стоимости в 6 шилл., то в одном случае 12 ф. пряжи стоили бы 6 шилл., а в другом 2 ф. пряжи стоили бы тоже 6 шилл. Таким образом, в одном случае 1 ф. пряжи стоил бы 6 пенсов, а в другом — 3 шилл. Эта разница в цене была бы следствием разницы в производительных силах применяемого труда. При большей производительной силе в 1 ф. пряжи воплощался бы 1 час труда, тогда как при меньшей производительной силе в 1 ф. пряжи воплощалось бы 6 часов труда. Цена 1 ф. пряжи в одном случае равнялась бы только 6 пенсам, хотя бы заработная плата была относительно высока, а норма прибыли низка, в другом случае она равнялась бы 3 шилл., хотя бы заработная плата была низка, а норма прибыли высока. Так было бы потому, что цена фунта пряжи определяется *всем количеством вложенного в него труда*, а не той *пропорцией*, в какой все это количество делится на *оплаченный и неоплаченный труд*. Упомянутый мною раньше факт, что высокооплачиваемый труд может производить дешевые товары, а низкооплачиваемый — дорогие, теряет, таким образом, свой внешне парадоксальный характер. Этот факт является только выражением того общего закона, что стоимость товара определяется количеством вложенного в него труда и что это количество труда всецело зависит от производительной силы применяемого труда и поэтому изменяется с каждым изменением производительности труда.

13. ВАЖНЕЙШИЕ СЛУЧАИ БОРЬБЫ ЗА ПОВЫШЕНИЕ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ ИЛИ ПРОТИВ ЕЕ ПониЖЕНИЯ

Теперь рассмотрим со всей серьезностью важнейшие случаи борьбы за повышение заработной платы или против ее понижения.

1) Мы видели, что *стоимость рабочей силы*, или, употребляя более распространенное выражение, *стоимость труда*, определяется стоимостью жизненных средств или количеством труда, требующимся для их производства. Итак, если в данной стране стоимость жизненных средств, которые в среднем ежедневно потребляет рабочий, составляет 6 часов труда и выражается в 3 шилл., то рабочему, для того чтобы произвести эквивалент своего дневного содержания, нужно работать 6 часов в день. Если весь рабочий день равняется 12 часам, то капиталист, уплатив рабочему 3 шилл., платит ему стоимость его труда. Половина рабочего дня составляет неоплаченный труд и норма прибыли равняется 100%. Но предположим теперь, что вследствие понижения производительности, для того чтобы произвести, скажем, то же самое количество сельскохозяйственных продуктов, требуется больше труда, так что цена среднего количества ежедневно потребляемых рабочим жизненных средств повышается с 3 до 4 шилл. В этом случае *стоимость* труда увеличилась бы на $\frac{1}{3}$, или на $33\frac{1}{3}\%$. Для того чтобы произвести эквивалент дневного содержания рабочего соответственно его прежнему жизненному уровню, потребовалось бы 8 часов труда. Следовательно, прибавочный труд сократился бы с 6 часов до 4, а норма прибыли понизилась бы со 100 до 50%. Но требуя повышения заработной платы, рабочий тем самым требует только, чтобы ему уплатили *возросшую стоимость его труда*, подобно тому как всякий другой продавец товара, когда издержки на его товар увеличиваются, добивается, чтобы была оплачена повышенная стоимость его товара. Если заработная плата не повышается или повышается недостаточно для того, чтобы возместить возросшую стоимость жизненных средств, то *цена* труда опускается *ниже стоимости* труда и жизненный уровень рабочего ухудшается.

Но может произойти изменение также и в противоположном направлении. Вследствие роста производительности труда то же самое количество жизненных средств, в среднем ежедневно потребляемое рабочим, может понизиться в цене с 3 до 2 шилл., другими словами, для того, чтобы воспроизвести эквивалент стоимости этих ежедневно потребляемых предметов, вместо 6 часов рабочего дня потребуется только 4 часа. Теперь рабочий сможет купить за 2 шилл. столько же жизненных средств, сколько раньше он покупал за 3 шилл. В самом деле, *стоимость труда* понизилась бы, но при этой уменьшившейся стоимости труда рабочий располагал бы тем же количеством товаров, что и прежде. При-

быль в этом случае повысилась бы с 3 шилл. до 4, а норма прибыли — со 100 до 200%. Хотя абсолютный уровень жизни рабочего остался прежним, его *относительная* заработная плата и вместе с тем его *относительное социальное положение*, положение его по сравнению с капиталистом, ухудшилось бы: Сопrotивляясь этому понижению относительной заработной платы, рабочий требовал бы только известной доли в том, что дают возросшие производительные силы его собственного труда, и стремился бы только сохранить свое прежнее относительное положение на социальной лестнице. Так, после отмены хлебных законов, английские фабричные лорды, подло нарушив свое торжественное обещание, которое они давали в пору агитации против хлебных законов, понизили заработную плату в общем на 10%. Сопrotивление рабочих на первых порах потерпело неудачу; но потом, вследствие обстоятельств, на которых я не могу сейчас останавливаться подробнее, потерянные 10% были отвоеваны вновь.

2) *Стоимость* жизненных средств, а следовательно и *стоимость труда*, может остаться неизменной, но при этом могут измениться их *денежные цены* вследствие предшествующего *изменения стоимости денег*.

Благодаря открытию более богатых рудников и тому подобным причинам, может случиться, что производство, например, 2 унций золота будет требовать не больше труда, чем раньше требовало производство 1 унции. В этом случае стоимость золота понизилась бы на половину, или на 50%. *Стоимость труда*, как и *стоимости* всех других товаров, стала бы теперь выражаться в удвоенных против прежнего *денежных ценах*. Двенадцать часов труда, выражавшиеся прежде в 6 шилл., стали бы теперь выражаться в 12 шилл. Если бы заработная плата рабочего оставалась попрежнему равной 3 шилл., а не повысилась бы до 6 шилл., то *денежная цена его труда* равнялась бы теперь только *половине стоимости его труда*, и жизненный уровень рабочего чрезвычайно понизился бы. В большей или меньшей мере это имело бы место также и в том случае, если бы заработная плата повысилась, но не в полном соответствии с падением стоимости золота. В рассматриваемом нами примере ничего не изменяется ни в производительных силах труда, ни в предложении и спросе, ни в стоимостях товаров. Не изменяется ничего, кроме *денежных названий* этих стоимостей. Говорится, что в подобном случае рабочий не должен добиваться соответствующего повышения заработной платы, значит говорить, что рабочий должен довольствоваться тем, что ему платят названиями вместо вещей. Вся предшествующая история доказывает, что всякий раз, как происходит подобное обесценение денег, капиталисты спешат воспользоваться этим удобным случаем, чтобы обмануть рабочего. Одна весьма много-

численная школа политико-экономов утверждает, что вследствие открытия новых золотых россыпей, вследствие улучшенной разработки серебряных рудников и более дешевого снабжения ртутью, стоимость драгоценных металлов снова понизилась. Это могло бы объяснить господствующее на континенте всеобщее и одновременно возникшее требование повысить заработную плату.

3) До сих пор мы предполагали, что *рабочий день* имеет определенные границы. Однако сам по себе рабочий день постоянных границ не имеет. Постоянной тенденцией капитала является стремление растянуть рабочий день до его крайней, физически возможной продолжительности, ибо по мере увеличения продолжительности рабочего дня возрастает прибавочный труд, а следовательно, порождаемая им прибыль. Чем больше удастся капиталу удлинить рабочий день, тем большее количество чужого труда он присваивает. В течение XVII века и даже двух первых третей XVIII века 10-часовой рабочий день был нормальным рабочим днем по всей Англии. Во время антиякобинской войны, которая фактически была войной британских баронов против британских трудящихся масс, капитал справлял свои вакханалии и удлинял рабочий день с 10 до 12, 14, 18 часов. *Мальтус*, человек, которого во всяком случае нельзя заподозрить в слезливой сентиментальности, в памфлете, опубликованном около 1815 г., объявил, что если так будет продолжаться и дальше, то жизнь нации будет подорвана в самом своем корне. За несколько лет до повсеместного введения вновь изобретенных машин, около 1765 г., в Англии появился памфлет под заглавием «*Опыт о промышленности*». Анонимный автор, отъявленный враг рабочего класса, разглагольствует о необходимости расширить границы рабочего дня. Среди других средств, ведущих к этой цели, он выдвигает учреждение *рабочих домов*, которые, по его словам, должны быть «*домами ужаса*». И какую же продолжительность рабочего дня предлагает он для этих «*домов ужаса*»? *Двенадцать часов*, — как раз ту же самую продолжительность рабочего дня, которую в 1832 г. капиталисты, политико-экономы и министры объявили не только фактически существующим, но необходимым рабочим временем для детей в возрасте ниже 12 лет.

Продавая свою рабочую силу, — а при современной системе рабочий вынужден это делать, — рабочий предоставляет капиталисту потреблять эту силу, но в определенных разумных границах. Он продает свою рабочую силу для того, чтобы ее сохранить — здесь мы оставляем в стороне ее естественное снашивание, — а не для того, чтобы ее разрушить. При продаже его рабочей силы по ее дневной или недельной стоимости предполагается, что эта рабочая сила не должна подвергаться в один день или в одну неделю такому расходованию, такому изнаши-

ванию, как в 2 дня или 2 недели. Возьмем машину стоимостью в 1 000 ф. ст. Если она служит 10 лет, то ежегодно будет приносить к стоимости товаров, в производстве которых участвует, по 100 ф. ст. Если она служит 5 лет, то прибавляет к стоимости этих товаров по 200 ф. ст. ежегодно. Иными словами стоимость ее ежегодного снашивания обратно пропорциональна срокам, в течение которых она потребляется. Но именно в этом отношении рабочий отличается от машины. Машины снашиваются не в полном соответствии с их потреблением; человек же разрушается в гораздо большей степени, чем это можно было бы думать на основании одних только цифровых данных об удлинении его работы.

Когда рабочие борются за то, чтобы свести рабочий день к его прежним разумным размерам, или, — будучи не в состоянии добиться установления законом нормального рабочего дня, — стремятся предотвратить чрезмерный труд путем повышения заработной платы, повышения не только пропорционального выжимаемому из них добавочному времени, но и превышающего его, они лишь выполняют свой долг по отношению к самим себе и своему роду. Они только ставят пределы тираническим узурпациям капитала. Время есть пространство человеческого развития. Человек, не располагающий ни минутой свободного времени, человек, вся жизнь которого, не считая вызываемых чисто физическими потребностями перерывов на сон, еду и т. д., поглощается работой на капиталиста, — такой человек ниже вьючного животного. Изможденный телесно и огрубевший духовно, он — только машина для производства чужого богатства. Между тем, вся история современной промышленности показывает, что капитал, если его не обуздать, будет бездушно и беспощадно стремиться к тому, чтобы низвести весь рабочий класс до этого состояния крайней деградации.

Удлиняя рабочий день, капиталист может платить *более высокую заработную плату* и тем не менее понижать *стоимость труда*. Это имеет место в том случае, когда повышение заработной платы не соответствует увеличению выжимаемого из рабочего количества труда и ускоряющемуся вследствие этого разрушению рабочей силы. Капиталист может достигнуть этого и другим способом. Например, английские буржуазные статистики скажут вам, что средние заработки рабочих семейств, работающих на ланкаширских фабриках, повысились. Они забывают при этом, что теперь под джагернауту колесницу¹ капитала бросают уже не только взрослого мужчину, главу семейства,

¹ *Джагернаут* — название одного из изображений бога Вишну в Индии. Во время праздника в честь Вишну Джагернаута провозили по улицам в высокой колеснице. Верующие кидались под ее колеса и гибли под ними. *Ред.*

но и его жену и троих или четверых детей и что повышение их общего заработка не соответствует массе всего прибавочного труда, извлекаемого из рабочей семьи.

Даже при определенных границах рабочего дня, которые существуют в настоящее время во всех отраслях промышленности, подчиненных фабричному законодательству, может оказаться необходимым повышение заработной платы хотя бы только для того, чтобы удержать *стоимость труда* на прежнем уровне. Повышение *интенсивности* труда может заставить человека затрачивать в 1 час столько жизненной силы, сколько он раньше тратил в 2 часа. В производствах, подчиненных фабричному законодательству, это уже до известной степени осуществлено путем ускорения работы машин и увеличения количества рабочих машин, обслуживаемых одним человеком. Если повышение интенсивности труда, или массы труда, расходуемой в 1 час, находится в надлежащем соответствии с сокращением продолжительности рабочего дня, то рабочий все-таки выиграет от этого сокращения. Если же эта граница нарушена, он теряет в одной форме то, что выигрывает в другой, и в таком случае 10 часов труда могут оказаться для него столь же разрушительными, как раньше 12 часов. Обуздывая эту тенденцию капитала борьбой за такое повышение заработной платы, которое соответствовало бы повышению интенсивности труда, рабочий только борется против обесценения своего труда и вырождения его рода.

4) Все вы знаете, что, по причинам, на объяснении которых останавливаться сейчас нет необходимости, капиталистическое производство проходит через определенные периодические циклы. Оно проходит через стадию покоя, возрастающего оживления, процветания, перепроизводства, кризиса и застоя. Рыночные цены товаров и рыночные нормы прибыли следуют за этими фазами, то опускаясь ниже своего среднего уровня, то поднимаясь выше него. Рассматривая весь цикл в целом, вы заметите, что одно отклонение рыночной цены компенсируется другим и что в среднем, в пределах всего цикла, рыночные цены товаров регулируются стоимостями их. И вот в фазе понижения рыночных цен и в фазах кризиса и застоя рабочий может быть уверен, что если его не выбросят совсем из производства, то понизят его заработную плату. Чтобы не быть обманутым, он даже и при таком падении рыночных цен должен бороться с капиталистом из-за того, в какой именно мере стало необходимо понижение заработной платы. Если бы во время фаз процветания, когда капиталисты получают сверхприбыль, рабочий не боролся за повышение заработной платы, то в среднем за весь промышленный цикл он не получил бы даже своей *средней заработной платы*, или *стоимости* своего труда. В высшей степени глупо требовать, чтобы рабочий, заработная плата которого в неблагоприятные фазы

цикла неизбежно понижается, отказываясь в благоприятные фазы возмещать свои потери. Вообще *стоимости* всех товаров реализуются только благодаря выравниванию непрерывно меняющихся рыночных цен, происходящему вследствие непрерывных колебаний соотношения предложения и спроса. На основе современной системы труд есть только товар, подобно другим товарам. Значит, и труд должен проходить через те же самые колебания, и только в результате их можно получить среднюю цену, соответствующую его стоимости. Было бы абсурдно, с одной стороны рассматривать труд как товар, а с другой стороны ставить его вне тех законов, которыми регулируются цены товаров. Раб получает постоянное и определенное количество средств существования, наемный же рабочий — нет. Он должен добиваться повышения заработной платы в одном случае, хотя бы только для того, чтобы компенсировать ее падение в другом случае. Если бы рабочий покорно принял волю капиталиста, приказание капиталиста, как высший экономический закон, ему пришлось бы переносить все невзгоды положения раба, не имея при этом той обеспеченности существования, которой пользуется раб.

5) Во всех рассмотренных мною случаях, — а они составляют 99 из 100, — мы видели, что борьба за повышение заработной платы идет лишь следом за *предшествующими* изменениями, что она есть неизбежный результат предшествующих изменений в размерах производства, в производительных силах труда, в стоимости труда, в стоимости денег, в протяженности или интенсивности выжимаемого труда, в колебаниях рыночных цен, обусловленных колебаниями предложения и спроса и соответствующих различным фазам промышленного цикла; словом, эта борьба является противодействием, которое труд оказывает предшествующему действию капитала. Если бы вы стали рассматривать борьбу за повышение заработной платы независимо от всех этих обстоятельств, принимая во внимание только изменения заработной платы и упуская из виду все другие изменения, обуславливающие их, вы исходили бы из ложного предположения с тем, чтобы прийти к ошибочным выводам.

14. БОРЬБА МЕЖДУ КАПИТАЛОМ И ТРУДОМ И ЕЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

1) Я показал, что периодическое сопротивление рабочих понижению заработной платы и их периодические попытки добиться повышения заработной платы неразрывно связаны с системой наемного труда и диктуются именно тем фактом, что труд приравнен к товару и, следовательно, подчинен тем же законам, которые управляют общим движением цен; я показал далее, что общее

повышение заработной платы приводит к понижению общей нормы прибыли, но не влияет ни на средние цены товаров, ни на их стоимости; теперь возникает, наконец, вопрос: насколько в этой непрерывной борьбе между капиталом и трудом последний может добиться успеха?

Я мог бы ответить обобщением и сказать, что *рыночная цена* труда, как и всех других товаров, с течением времени приспособится к его *стоимости*; что, следовательно, несмотря на все повышения и понижения, — что бы рабочий со своей стороны ни предпринимал, — он будет в среднем получать только стоимость своего труда, которая сводится к стоимости рабочей силы, определяемой стоимостью жизненных средств, необходимых для содержания и воспроизводства этой силы; а эта стоимость жизненных средств в свою очередь определяется количеством труда, необходимым для их производства.

Но есть некоторые особые черты, которые отличают *стоимость рабочей силы*, или *стоимость труда*, от стоимости всех других товаров. Стоимость рабочей силы складывается из двух элементов: один из них чисто физический, другой — исторический или общественный. *Нижшая граница* стоимости рабочей силы определяется *физическим* элементом. Это значит, что рабочий класс, для того чтобы себя сохранять и воспроизводить, для того чтобы увековечить свое физическое существование, должен получать абсолютно необходимые для его жизни и размножения жизненные средства. Следовательно, *стоимость* этих необходимых жизненных средств образует нижшую границу *стоимости труда*. С другой стороны, продолжительность рабочего дня тоже имеет свои крайние, хотя и очень растяжимые пределы. Ее высший предел дан физической силой рабочего. Если ежедневное истощение жизненных сил рабочего заходит за известные границы, то становится невозможным повторять такое напряжение изо дня в день. Однако, как я сказал, эти пределы весьма растяжимы. При быстрой смене хилых и недолговечных поколений рабочий рынок может быть обеспечен не хуже, чем при ряде следующих друг за другом сильных и долговечных поколений.

Кроме этого чисто физического элемента, стоимость труда определяется в каждой стране *традиционным уровнем жизни*. Этот уровень включает в себя не только удовлетворение потребностей физической жизни, но и удовлетворение определенных потребностей, порожденных теми общественными условиями, в которых люди находятся и воспитываются. Жизненный уровень англичанина может быть сведен к жизненному уровню *ирландца*, жизненный уровень немецкого крестьянина — к уровню крестьянина-латыша. О той значительной роли, которую в этом отношении играют исторические традиции и общественные привычки, вы можете узнать из работы г. Торнтона «*Перенаселение*»,

в которой автор показывает, что средняя заработная плата в различных сельскохозяйственных округах Англии и теперь еще более или менее различна в зависимости от того, более благоприятными или менее благоприятными были условия, при которых эти округа вышли из крепостного состояния.

Этот входящий в стоимость труда исторический, или социальный, элемент может расширяться или сокращаться или даже совершенно исчезать, так что не останется ничего сверх *физического предела*. Во время *антиякобинской войны*, предпринятой, — как любил говорить неисправимый пожиратель налогов и любитель синекур старый Джордж Роз, — для спасения нашей святой религии от нашествия нечестивых французов, добрые английские фермеры, о которых мы так благодушно говорили на одном из наших предыдущих заседаний, понизили заработную плату сельским рабочим даже *ниже этого чисто физического минимума*; нехватку же жизненных средств, необходимых для физического сохранения рабочих и продолжения их рода, они пополняли при помощи *налогов в пользу бедных*. Это был превосходный способ превратить наемного рабочего в раба, а гордого шекспировского йомена — в паупера.

Если вы сравните уровень заработной платы или стоимости труда в различных странах или в одной и той же стране в различные исторические эпохи, то вы найдете, что сама *стоимость труда* есть величина не постоянная, а переменная, переменная даже при том условии, если стоимости всех других товаров остаются неизменными.

Подобное сравнение показало бы также, что меняются не только *рыночные нормы прибыли*, но и *средние нормы* ее.

Однако для прибыли не существует никакого закона, который определял бы ее *минимум*. Мы не можем сказать, каков крайний предел ее понижения. Почему же мы не можем установить этого предела? Потому, что, хотя мы можем определить *минимум* заработной платы, мы не можем определить ее *максимум*. Мы можем только сказать, что, если даны границы рабочего дня, *максимум прибыли* соответствует *физическому минимуму заработной платы*, а если дана заработная плата, *максимум прибыли* соответствует такому удлинению рабочего дня, какое только допускают физические силы рабочего. Таким образом *максимум прибыли* находит свои границы в *физическом минимуме заработной платы* и в *физическом максимуме рабочего дня*. Очевидно, что между обеими этими границами *максимальной нормы прибыли* возможна громадная скала вариаций. Установление действительной ее высоты достигается лишь путем постоянной борьбы между капиталом и трудом: капиталист постоянно стремится понизить заработную плату до ее физического минимума и удлинить рабочий день до его физического максимума, тогда как рабо-

чий постоянно оказывает давление в противоположном направлении.

Дело сводится к вопросу о соотношении сил борющихся сторон.

2) Что касается *ограничения рабочего дня*, как в Англии, так и во всех других странах, то ограничение это никогда не устанавливалось *без законодательного вмешательства*, а это вмешательство никогда не имело бы места без постоянного давления со стороны рабочих. Во всяком случае ограничения рабочего дня никогда нельзя было достигнуть путем частных соглашений между рабочими и капиталистами. Сама эта необходимость *общего политического действия* служит доказательством того, что в своих чисто экономических действиях капитал является более сильной стороной.

Что касается *границ стоимости труда*, то их действительное установление всегда зависит от предложения и спроса. Я говорю о спросе на труд со стороны капитала и о предложении труда со стороны рабочих. В колониальных странах закон предложения и спроса благоприятствует рабочему. Этим объясняется относительно высокий уровень заработной платы в Соединенных Штатах. Там капитал оказывается в очень затруднительном положении; он не может воспрепятствовать тому, что рабочий рынок постоянно пустеет вследствие постоянного превращения наемных рабочих в независимых самостоятельных крестьян. Для очень значительной части американского народа положение наемного рабочего оказывается лишь переходным состоянием, из которого рабочий рассчитывает наверняка выйти в течение более или менее короткого срока¹. Для того чтобы исправить это положение вещей в колониях, отечески-заботливое британское правительство приняло с недавнего времени так называемую современную теорию колонизации, которая состоит в том, чтобы на землю в колониях устанавливать искусственно высокую цену и препятствовать таким образом слишком быстрому превращению наемных рабочих в независимых крестьян.

Но перейдем к старым цивилизованным странам, в которых капитал господствует над всем процессом производства. Возьмите, например, повышение заработной платы сельскохозяйственных рабочих в Англии за время с 1849 по 1859 г. Каковы были последствия этого повышения? Фермеры не смогли, как

---

¹ См. по этому поводу I том «Капитала», гл. 25, сноску 253: «Здесь речь идет о действительных колониях, о девственной земле, колонизируемой свободными иммигрантами. Соединенные Штаты в экономическом смысле все еще представляют собой колонию Европы. Впрочем, сюда же относятся и такие старинные поселения, в которых уничтожение рабства в корне преобразило все отношения». С тех пор, как земля повсеместно захвачена в частную собственность, и пути для превращения наемных рабочих в колониальных странах в самостоятельных производителей закрыты. *Ред.*

им посоветовал бы наш друг Уэстон, повысить стоимость пшеницы; они не смогли даже повысить ее рыночных цен. Напротив, они вынуждены были примириться с понижением их. Но за эти 11 лет они ввели всевозможные машины, усвоили новые, более научные методы, превратили часть пахотной земли в пастбища, увеличили размеры ферм, а вместе с тем и размеры производства, и, сократив с помощью этих, а также и других мероприятий спрос на труд путем увеличения его производительной силы, снова достигли того, что сельское население стало относительно избыточным. Таков и вообще тот метод, каким капитал в старых, давно заселенных странах быстрее или медленнее реагирует на повышение заработной платы. Рикардо справедливо заметил, что машина постоянно конкурирует с трудом и часто может быть введена лишь при том условии, если цена труда достигла известной высоты; но применение машин есть только один из многих методов увеличения производительных сил труда. То самое развитие, которое, с одной стороны, делает относительно избыточным простой труд, с другой стороны, упрощает труд квалифицированный и таким образом обесценивает его.

Этот же самый закон осуществляется и в другой форме. С развитием производительных сил труда накопление капитала ускоряется, несмотря даже на относительно высокий уровень заработной платы. Отсюда можно было бы заключить, — как это и сделал А. Смит, во времена которого современная промышленность находилась еще в младенческом возрасте, — что это ускоренное накопление капитала должно склонить чашу весов в пользу рабочего, ибо оно обеспечивает все возрастающий спрос на его труд. Разделяя этот взгляд, многие из современных писателей удивлялись тому, что, хотя английский капитал за последние 20 лет возрастал гораздо быстрее, чем население Англии, заработная плата повысилась не столь значительно. Но одновременно с прогрессом накопления происходит *прогрессирующее изменение в строении капитала*. Та часть всего капитала, которая состоит из постоянного капитала, машин, сырья, всевозможных средств производства, прогрессивно возрастает по сравнению с другой частью капитала, которая расходуется на заработную плату, или на покупку труда. Этот закон был более или менее точно установлен г. Бартоном, Рикардо, Сисмонди, профессором Ричардом Джонсом, профессором Рамсеем, Шербюлье и др.

Если первоначальное соотношение этих двух составных частей капитала равнялось 1 к 1, то при дальнейшем развитии промышленности оно становится равным 5 к 1 и т. д. Если из всего капитала в 600, 300 затрачиваются на машины, сырые материалы и т. д. и 300 на заработную плату, то для того, чтобы создать спрос на 600 рабочих вместо 300, нужно удвоить весь капитал. Но если из капитала в 600, 500 затрачиваются

на машины, материалы и т. д. и только 100 на заработную плату, то для того, чтобы создать спрос на 600 рабочих вместо 300, этот же самый капитал должен увеличиться с 600 до 3 600. Поэтому с развитием промышленности спрос на труд не поспекает за накоплением капитала. Правда, он возрастает, но в пропорции, постоянно уменьшающейся по сравнению с ростом всего капитала.

Этих немногих указаний будет достаточно, для того чтобы показать, что само развитие современной промышленности должно все более склонять чашу весов в пользу капиталиста и в ущерб рабочему и что, следовательно, общая тенденция капиталистического производства ведет не к повышению среднего уровня заработной платы, а к понижению его, т. е. в большей или меньшей степени низводит *стоимость труда* до ее *минимального предела*. Но если *положение вещей* при современной системе имеет такую тенденцию, то значит ли это, что рабочий класс должен отказаться от борьбы с грабительскими посягательствами капитала и прекратить свои усилия использовать случайные благоприятные возможности для временного улучшения своего положения. Если бы рабочие так поступили, они выродились бы в безразличную массу надломленных бедняков, которым уже нет спасения. Надеюсь, я показал, что борьба рабочих за уровень заработной платы неразрывно связана со всей системой наемного труда, что стремления рабочих повысить заработную плату в 99 случаях из 100 являются лишь усилиями сохранить существующую стоимость труда и что необходимость бороться с капиталистами за цену труда коренится в положении рабочих, которое вынуждает их продавать самих себя как товар. Если бы рабочие малодушно уступали в своих повседневных столкновениях с капиталом, они несомненно утратили бы способность начать какое-либо более широкое движение.

Вместе с тем, даже если совершенно оставить в стороне то общее закрепощение рабочих, которое связано с системой наемного труда, рабочий класс не должен преувеличивать конечные результаты этой повседневной борьбы. Он не должен забывать, что в этой повседневной борьбе он борется лишь против следствий, а не против причин, порождающих эти следствия; что он лишь задерживает тенденцию, ухудшающую его положение, но не меняет направления этой тенденции; что он применяет лишь паллиативы, а не излечивает болезнь. Поэтому рабочие не должны ограничиваться исключительно этими неизбежными партизанскими схватками, которые непрестанно порождаются никогда не прекращающимися грабительскими похищениями со стороны капитала или изменениями в положении рынка. Они должны понять, что современная система при всей той нищете, которую она с собой несет, вместе с тем создает *материальные условия и общественные формы*, необходимые для экономического переустройства

общества. Вместо консервативного девиза: «Справедливая заработная плата за справедливый рабочий день»¹, рабочие должны написать на своем знамени революционный лозунг: «Уничтожение системы наемного труда».

После этого очень длинного и, боюсь, утомительного изложения, которое я вынужден был дать в интересах освещения основного вопроса, я закончу свой доклад предложением следующей резолюции:

1) Общее повышение уровня заработной платы ведет к понижению общей нормы прибыли, но в целом не влияет на цены товаров.

2) Общая тенденция капиталистического производства ведет не к повышению, а к понижению среднего уровня заработной платы.

3) Тред-юнионы успешно действуют в качестве центров сопротивления притязаниям капитала. В ряде случаев они терпят неудачу вследствие того, что неправильно пользуются своей силой. Вообще же они бьют мимо цели, так как ограничиваются партизанской борьбой против следствий существующей системы, вместо того чтобы одновременно стремиться изменить ее и использовать свои организованные силы в качестве рычага для окончательного освобождения рабочего класса, т. е. окончательного уничтожения системы наемного труда.

Доклад, прочитанный К. Марксом на английском языке 20 и 27 июня 1865 г. на заседаниях Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих (I Интернационала). Впервые напечатан на английском языке в Лондоне, 1898 г.; на немецком языке — в «Neue Zeit», 1897—1898 гг., ч. 2 (номера за апрель 1898 г.). — Маркс и Энгельс, Соч., т. XIII, ч. 1.

¹ См. по этому поводу статью Ф. Энгельса: «Справедливая заработная плата за справедливый рабочий день», К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XV, стр. 557. *Ред.*

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ НЕМЕЦКОМУ ИЗДАНИЮ
«КАПИТАЛА»

Произведение, первый том которого я предлагаю вниманию публики, составляет продолжение опубликованной мною в 1859 г. работы «Zur Kritik der Politischen Oekonomie» [«К критике политической экономии»]. Длительный перерыв между началом работы и ее продолжением вызван многолетней болезнью, которая все снова и снова прерывала работу.

Содержание упомянутого выше более раннего сочинения резюмировано в *первой главе* этого тома¹. Я сделал это не только в интересах большей связности и полноты изложения. Само изложение улучшено. Насколько позволял предмет, многие пункты, которые прежде были едва намечены, получили здесь дальнейшее развитие, и, наоборот, положения, обстоятельно разработанные там, лишь вкратце намечены здесь. Разделы, посвященные *истории теории стоимости и денег*, теперь, разумеется, совсем опущены. Однако читатель, знакомый с прошлой работой, найдет в примечаниях к первой главе новые источники по истории этой теории.

Всякое начало трудно — это относится к каждой науке. Поэтому наибольшую трудность для понимания представит *первая глава*, в особенности тот ее раздел, в котором дается *анализ товара*. Что касается, в частности, *анализа субстанции стоимости и величины стоимостей*, то я сделал его популярным, насколько это возможно².

¹ В первом издании I тома «Капитала» главы соответствовали теперешним отделам, так что глава I охватывала нынешние первые три главы. *Ред.*

² Это казалось тем более необходимым, что существенные недоразумения имеются даже в том разделе работы Ф. Лассалья против Шульце-Делича, в котором, как заявляет автор, он дает «духовную квинт-эссенцию моего исследования по этому предмету. En passant [кстати сказать] — если Ф. Лассаль все общие теоретические положения своих экономических работ, например, об историческом характере капитала, о связи между производственными отношениями и способом производства и т. д., и т. д., почти буквально, вплоть до созданной мною терминологии, позаимствовал из моих сочинений, и притом без указания источника, то это продиктовано, конечно, соображениями пропаганды. Я не говорю, разумеется, о частностях, в которые он пускается, а также о практических применениях теории, с которыми я не имею ничего общего. (Примечание Маркса.)

Форма стоимости, получающая свой законченный вид в *денежной форме*, очень бессодержательна и проста. И тем не менее в течение более чем 2000 лет ум человеческий тщетно пытался постигнуть ее, между тем как, с другой стороны, ему по крайней мере приблизительно удался анализ гораздо более содержательных и сложных форм. Почему так? Потому, что развитое тело легче изучать, чем *клеточку тела*. К тому же при анализе экономических форм нельзя пользоваться ни микроскопом, ни химическими реактивами. И то и другое должна заменить сила абстракции. Но для буржуазного общества *товарная форма* продукта труда, или *стоимостная форма* товара, является *формой экономической клеточки*. Непосвященному анализ ее покажется просто рядом *хитросплетений и мелочей*. И это действительно *мелочи*, но мелочи такого рода, с какими имеет дело, например, *микро-анатомия*.

За исключением отдела о *форме стоимости*, эта книга поэтому не представит трудностей для понимания. Я, разумеется, имею в виду читателей, которые хотят научиться чему-нибудь *новому* и, следовательно, хотят сами подумать.

Физик или наблюдает процессы природы там, где они проявляются в наиболее отчетливой форме и наименее затемняются нарушающими их влияниями, или же, если это возможно, производит эксперименты при условиях, обеспечивающих ход процесса в чистом виде. Предметом моего исследования в настоящей работе является *капиталистический способ производства* и соответствующие ему *отношения производства и обмена*. Классической страной этого способа производства является до сих пор *Англия*. В этом причина, почему она служит главной иллюстрацией для моих теоретических выводов. Но если немецкий читатель станет фарисейски пожимать плечами по поводу тех условий, в которые поставлены английские промышленные и земледельческие рабочие, или вздумает оптимистически успокаивать себя тем, что в Германии дело обстоит далеко не так плохо, то я должен буду ему заметить: *De te fabula narratur!* [Эта история рассказывается о тебе!]

Само по себе дело заключается здесь не в более или менее высокой степени развития тех общественных антагонизмов, которые вытекают из естественных законов капиталистического производства. Дело в *самых этих законах*, в *самых этих тенденциях*, действующих и осуществляющихся с железной необходимостью. Страна, промышленно более развитая, показывает менее развитой стране лишь картину ее собственного будущего.

Но этого мало. Там, где у нас вполне установилось капиталистическое производство, например, на фабриках в собственном смысле этого слова, наши условия *гораздо хуже* английских, так как у нас нет противовеса в виде фабричных законов.

Во всех остальных сферах мы, как и другие континентальные страны Западной Европы, страдаем не только от развития капиталистического производства, но также и от недостаточного его развития. Наряду с современными бедствиями нас гнетет целый ряд унаследованных бедствий, порождаемых тем, что у нас продолжают прозябать древние, изжившие себя способы производства, со всей вереницей сопутствующих им *устарелых* общественных и политических отношений. Мы страдаем не только от живых, но и от мертвых. *Le mort saisit le vif* (Мертвый хватает живого).

По сравнению с английской, социальная статистика Германии и остальных континентальных стран Западной Европы находится в жалком состоянии. Однако она приоткрывает покрывало как раз настолько, чтобы позволить заподозрить под ним голову медузы. Положение наших собственных дел *ужаснуло бы нас*, если бы наши правительства и парламенты периодически назначали, как это делается в Англии, комиссии для обследования экономических условий, если бы эти комиссии были наделены такими же полномочиями для раскрытия истины, как в Англии, если бы удалось найти для этой цели таких же компетентных, беспристрастных и решительных людей, как английские фабричные инспектора, английские врачи, составляющие отчеты о «Public Health» («общественном здравии»), как члены английских комиссий, обследовавших условия эксплуатации женщин и детей, состояние жилищ, питания и т. д. Персей нуждался в шапке-невидимке, чтобы преследовать чудовищ, — мы по уши влезаем в шапку-невидимку, чтобы иметь возможность отрицать самое существование чудовищ.

Нечего предаваться иллюзиям. Подобно тому, как американская война XVIII века за независимость прозвучала набатным колоколом для европейского среднего класса, так американская гражданская война XIX века прозвучала набатом для европейского рабочего класса. В Англии процесс переворота стал уже вполне осязательным. Достигнув известной ступени, он должен перекинуться на континент. Он примет там более жестокие или более гуманные формы, в зависимости от уровня развития самого рабочего класса. Таким образом, независимо от каких бы то ни было мотивов более высокого порядка, собственный насущнейший интерес господствующих ныне классов предписывает убрать все те стесняющие развитие рабочего класса препятствия, которые поддаются контролю законодательства. Потому-то, между прочим, я и уделил в настоящем томе столь значительное место истории, содержанию и результатам английского фабричного законодательства. Всякая нация может и должна учиться у других. Правда, общество, даже если оно напало на след *естественного закона своего движения*, — а конечной целью моего сочинения является

открытие экономического закона движения современного общества, — не может ни перескочить через естественные фазы развития, ни отменить последние декретами. Но оно может сократить и смягчить муку родов.

Несколько слов для того, чтобы устранить возможные недоразумения. Фигуры капиталиста и землевладельца я рисую далеко не в розовом свете. Но здесь о лицах дело идет лишь постольку, поскольку они являются олицетворением экономических категорий, носителями определенных классовых отношений и интересов. Моя точка зрения состоит в том, что я смотрю на развитие экономической общественной формации, как на естественно-исторический процесс; поэтому с моей точки зрения, меньше чем с какой бы то ни было другой, отдельное лицо можно считать ответственным за те условия, продуктом которых в социальном смысле оно остается, как бы ни возвышалось оно над ними субъективно.

В области политической экономии свободное научное исследование встречается не только с теми врагами, с которыми оно имеет дело в других областях. Своеобразная природа материала, с которым имеет дело политическая экономия, вызывает на арену борьбы против свободного научного исследования самые яростные, самые низменные и самые отвратительные страсти человеческой души — вызывает фурий частного интереса. Например, высокая англиканская церковь скорее простит покушение на 38 из 39 статей ее символа веры, чем покушение на $\frac{1}{39}$ ее денежного дохода. В наши дни сам атеизм представляет собой *culpa levis* [небольшое прегрешение] по сравнению с критикой традиционных отношений собственности. Однако и здесь прогресс не подлежит сомнению. Я укажу, например, на опубликованную за последние недели «Синюю книгу»: «Correspondence with Her Majesty's Missions Abroad, regarding Industrial Questions and Trade's Unions». Представители английской короны за границей заявляют здесь самым недвусмысленным образом, что в Германии, Франции, — одним словом, во всех культурных государствах европейского континента, — коренное изменение существующих отношений между капиталом и трудом столь же ощутительно и столь же неустранимо, как в Англии. Одновременно с этим по ту сторону Атлантического океана г-н Уэйд, вице-президент Соединенных Штатов Северной Америки, заявил на публичном митинге: по устранении рабства в порядок дня становится коренное изменение отношений собственности на капитал и землю. Таковы знамения времени. Их не скроешь от глаз ни порфирой, ни черной рясой. Знамения эти не означают, конечно, что завтра произойдет чудо. Но они показывают, что даже среди господствующих классов начинает пробиваться смутное сознание того, что теперешнее общество — не твердый кристалл, а организм,

способный к превращениям и постоянно находящийся в процессе превращения.

Второй том этой работы будет посвящен *процессу обращения капитала* (книга II) и *формам всего процесса в целом* (книга III), *заключительный, третий том* (книга IV) — *истории теории*.

Я буду рад всякому указанию научной критики. Что же касается предрассудков так называемого *общественного мнения*, которому я никогда не делал уступок, то моим девизом попрежнему остаются слова великого флорентийца:

«*Segui il tuo corso, e lascia dir le genti!*»

[«Следуй своей дорогой, и пусть люди говорят что угодно!»]

Лондон, 25 июля 1867 г.

Карл Маркс

*Написано К. Марксом на немецком языке.
Впервые напечатано в 1-м издании 1 тома
«Капитала», вышедшем в Гамбурге в 1867 г.—
Маркс и Энгельс, Соч., т. XVII.*

ИЗ ПОСЛЕСЛОВИЯ КЪ ВТОРОМУ НЕМЕЦКОМУ ИЗДАНИЮ
«КАПИТАЛА»¹

...Метод, примененный в «Капитале», был плохо понят, что видно хотя бы из самых разноречивых оценок его.

Так, например, парижская «Revue Positiviste» упрекает меня, с одной стороны, в том, что я рассматриваю экономию метафизически, а с другой стороны, — отгадайте-ка, в чем? — в том, что я ограничиваюсь одним только критическим анализом данного, а не сочиняю рецептов (контовских?) для кухни будущего. По поводу упрека в метафизике профессор Зибер замечает: «Насколько речь идет собственно о *теории*, метод Маркса есть дедуктивный метод всей английской школы, и недостатки его, как и достоинства, разделяются лучшими из экономистов-теоретиков» [Н. Зибер, «Теория ценности и капитала Д. Рикардо», Киев 1871 г., стр. 170]. Г-н М. Блок — «Les Théoriciens du Socialisme en Allemagne. Extrait du «Journal des Economistes», juillet et août, 1872» — открывает, что мой метод аналитический, и говорит между прочим: «Этой работой г. Маркс доказал, что он является одним из самых выдающихся аналитических умов» [стр. 7]. Немецкие рецензенты кричат, понятно, о гегелевской софистике. Петербургский «Вестник Европы» в статье, посвященной исключительно методу «Капитала» (майский номер за 1872 г., стр. 427—436), находит, что метод моего исследования строго реалистичен, а метод изложения, к несчастью, немецки-диалектичен. Автор пишет: «С виду, если судить по внешней форме изложения, Маркс большой идеалист-философ и притом в «немецком», т. е. дурном, значении этого слова. На самом же деле он бесконечно более

---

¹ Обширную цитату из «Вестника Европы», приводимую Марксом, мы даем в выдержках, как это сделал В. И. Ленин в своей работе «Что такое «друзья народа», и как они воюют против социал-демократов?» (см. Соч. Ленина, т. I, стр. 82—83), причем даем ее в той же редакции, в какой ее дал Ленин.

Приведя эту выдержку, В. И. Ленин замечает: «Вот — описание диалектического метода, которое Маркс выудил из бездны журнальных и газетных заметок о «Капитале» и перевел на немецкий язык потому, что эта характеристика метода, как он сам говорит, совершенно точна». *Ред.*

реалист, чем все его предшественники в деле экономической критики... Идеалистом его ни в каком случае уже нельзя считать». Я не могу лучше ответить автору, как несколькими выдержками из его же собственной критики; к тому же выдержки эти могут представить интерес для некоторых из моих читателей, которым недоступен русский оригинал.

Приведа цитату из моего предисловия к «Zur Kritik der Politischen Oekonomie», Berlin, 1859, стр. IV—VII, где я изложил материалистическую основу своего метода, автор продолжает:

«Для Маркса одно важно, именно — найти закон тех явлений, которые он исследует, и притом особенно важен для него закон изменения, развития этих явлений, перехода их из одной формы в другую, из одного порядка общественных отношений в другой. Поэтому Маркс заботится об одном: показать точным научным исследованием необходимость данных порядков общественных отношений, констатируя со всей возможной полнотой те факты, которые служат для него исходными и опорными пунктами. Для этой цели совершенно достаточно, если он, доказывая необходимость настоящего строя, доказывает вместе с тем и необходимость другого строя, который неизбежно должен вырасти из предыдущего, — все равно, верят ли люди в это или не верят, сознают ли они это или не сознают. Маркс рассматривает общественное движение как естественно-исторический процесс, подчиняющийся законам, не только не зависящим от воли, сознания и намерений людей, а, напротив, определяющим их волю, сознание и намерения. Если сознательный элемент играет столь подчиненную роль в истории культуры, то понятно само собой, что критика, имеющая своим предметом самое эту культуру, менее всего другого может опираться на какую-либо форму или какой-либо результат сознания. Другими словами, исходным пунктом для нее может служить никак не идея, но только внешнее, объективное явление. Критика должна состоять в том, чтобы сравнить и сопоставить данный факт не с идеей, а с другим фактом; для нее важно только, чтобы оба факта были по возможности точно исследованы и чтобы они представляли из себя, один по отношению к другому, различные моменты развития, причем особенно необходимо, чтобы с такой же точностью был исследован весь ряд известных состояний, последовательность их и связь между различными ступенями развития. Маркс отрицает именно ту идею, что законы экономической жизни одинаковы и для прошедшего и для настоящего. Напротив, каждый исторический период имеет свои собственные законы. Экономическая жизнь представляет из себя явление, аналогичное с историей развития в других областях биологии. Прежние экономисты не понимали природы экономических законов, когда сравнивали их с законами физики и химии. Более

глубокий анализ показывает, что социальные организмы так же глубоко разнятся друг от друга, как и организмы животных и растений. Ставя своей задачей с этой точки зрения исследовать капиталистическую экономическую организацию, Маркс этим самым строго научно формулирует ту цель, которую должно преследовать всякое точное исследование экономической жизни. Научное значение такого исследования состоит в выяснении тех особых (исторических) законов, которые регулируют возникновение, существование, развитие и смерть данного общественного организма и замену его другим, высшим организмом».

Автор, очертив так удачно то, что он называет моим действительным методом, и отнесшись так благосклонно к моим личным приемам применения этого метода, тем самым очертил не что иное, как диалектический метод.

Конечно, способ изложения не может с формальной стороны не отличаться от способа исследования. Исследование должно детально освоиться с материалом, проанализировать различные формы его развития, проследить их внутреннюю связь.

Лишь после того, как эта работа закончена, может быть надлежащим образом изображено действительное движение. Раз это удалось и жизнь материала получила свое идеальное отражение, может показаться, что перед нами априорная конструкция.

Мой диалектический метод в основе своей не только отличен от гегелевского, но является его прямой противоположностью. Для Гегеля процесс мышления, который он под названием идеи превращает даже в самостоятельный субъект, есть демиург (творец) действительного, которое составляет лишь его внешнее проявление. Для меня, наоборот, идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней.

Мистифицирующую сторону гегелевской диалектики я подверг критике почти 30 лет тому назад, в то время, когда она была еще в моде. Но как раз, когда я работал над первым томом «Капитала», брюзжащие, заносчивые и весьма посредственные эпигоны, задающие тон в современной образованной Германии, усвоили манеру третировать Гегеля, как некогда, во времена Лессинга, бравый Моисей Мендельсон третировал Спинозу, а именно — как «мертвую собаку». Я поэтому открыто заявил себя учеником этого великого мыслителя и в главе о теории стоимости местами даже кокетничал характерной для Гегеля манерой выражения. Мистификация, которую претерпела диалектика в руках Гегеля, отнюдь не помешала тому, что именно Гегель первый дал всеобъемлющее и сознательное изображение ее всеобщих форм движения. У Гегеля диалектика стоит на голове. Надо ее поставить на ноги, чтобы вскрыть под мистической оболочкой рациональное зерно.

В своей мистифицированной форме диалектика стала немецкой модой, так как казалось, будто она прославляет существующее положение вещей. В своем рациональном виде диалектика внушает буржуазии и ее доктринерам-идеологам злобу и ужас, так как в положительное понимание существующего она вместе с тем включает понимание его отрицания, его необходимой гибели, каждую осуществленную форму она рассматривает в потоке движения, следовательно, также и с ее преходящей стороны, она ни перед чем не преклоняется и является учением в существе своем критическим и революционным.

Полное противоречий движение капиталистического общества всего осязательнее дает себя почувствовать буржуа-практику в колебаниях пробегаемого современной промышленностью периодического цикла, колебаниях, апогеем которых является общий кризис. Кризис снова надвигается, хотя находится еще в своих подготовительных стадиях, и благодаря всесторонности своего охвата и интенсивности своего действия он вдолбит диалектику даже в головы выскочек новой священной прусско-германской империи¹.

Лондон, 24 января 1873 г.

Карл Маркс

---

¹ Во французском издании «Капитала» Маркс делает к этому месту следующую сноску: «Послесловие ко второму немецкому изданию датировано 24 января 1873 г., и уже спустя немного времени после его опубликования предсказанный в нем кризис разразился в Австрии, Соединенных Штатах и Германии. Многие ошибочно думают, что общий кризис, так сказать, исчерпал себя этими страшными, но частичными взрывами. Наоборот, кризис этот стремится к своему апогею. Главный взрыв произойдет в Англии, и отраженные удары его почувствует всемирный рынок». *Ред.*

ИСТОРИЧЕСКАЯ ТЕНДЕНЦИЯ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО НАКОПЛЕНИЯ

Из XXIV главы первого тома «Капитала»

Итак, к чему же сводится первоначальное накопление капитала, т. е. его исторический генезис? Поскольку оно не представляет собой непосредственного превращения рабов и крепостных в наемных рабочих, следовательно, простой смены формы, оно означает лишь экспроприацию непосредственных производителей, т. е. разложение частной собственности, покоящейся на собственном труде.

Частная собственность, как противоположность общественной, коллективной собственности, существует лишь там, где средства труда и внешние условия труда принадлежат частным лицам. Но в зависимости от того, являются ли эти частные лица рабочими или нерабочими, изменяется характер частной собственности. Бесконечные оттенки, которые она представляет на первый взгляд, отражают лишь промежуточные состояния, лежащие между обеими этими крайностями.

Частная собственность работника на его средства производства есть основа мелкого производства, а мелкое производство составляет необходимое условие для развития общественного производства и свободной индивидуальности самого работника. Правда, этот способ производства существует и при рабском, и при крепостном строе, и при других отношениях личной зависимости. Однако он достигает полного расцвета, проявляет всю свою энергию, приобретает адекватную классическую форму лишь там, где работник является свободным частным собственником своих, им самим применяемых условий труда, где крестьянин обладает полем, которое он возделывает, ремесленник — инструментами, которыми он владеет, как виртуоз.

Этот способ производства предполагает раздробление земли и остальных средств производства. Он исключает как концентрацию этих последних, так и кооперацию, разделение труда внутри одного и того же процесса производства, общественное господство над природой и общественное регулирование ее, свободное развитие общественных производительных сил. Он совместим лишь с узкими традиционными границами производства и общества. Стремление увековечить его равносильно, по справедливому замечанию Некёра, стремлению «декретировать всеоб-

щую посредственность». Но на известном уровне развития он сам создает материальные средства для своего уничтожения. С этого момента в недрах общества начинают шевелиться силы и страсти, которые чувствуют себя скованными этим способом производства. Последний должен быть уничтожен, и он уничтожается. Уничтожение его, превращение индивидуальных и раздробленных средств производства в общественно концентрированные, следовательно, превращение карликовой собственности многих в гигантскую собственность немногих, экспроприация у широких народных масс земли, средств к жизни, орудий труда, — эта ужасная и тяжелая экспроприация народной массы образует предисторию капитала. Она включает в себя целый ряд насильственных методов, из которых мы рассмотрели выше лишь те, которые составили эпоху в качестве методов первоначального накопления. Экспроприация непосредственных производителей производится с самым беспощадным вандализмом и под давлением самых подлых, самых грязных, самых мелочных и самых бешеных страстей. Частная собственность, добытая трудом собственника, основанная, так сказать, на срастании отдельного независимого работника с его орудиями и средствами труда, вытесняется капиталистической частной собственностью, которая покоится на эксплуатации чужой, но формально свободной рабочей силы¹.

Когда этот процесс превращения достаточно разложил старое общество вглубь и вширь, когда рабочие уже превращены в пролетариев, а условия их труда — в капитал, когда капиталистический способ производства становится на собственные ноги, тогда дальнейшее обобществление труда, дальнейшее превращение земли и других средств производства в общественно эксплуатируемые и, следовательно, общие средства производства, а потому и дальнейшая экспроприация частных собственников приобретает новую форму. Теперь экспроприации подлежит уже не работник, сам ведущий самостоятельное хозяйство, а капиталист, эксплуатирующий многих рабочих.

Эта экспроприация совершается игрой имманентных законов самого капиталистического производства, путем централизации капиталов. Один капиталист побивает многих капиталистов. Рука об руку с этой централизацией, или экспроприацией многих капиталистов немногими, развивается кооперативная форма процесса труда во все более и более широких, крупных размерах, развивается сознательное техническое применение науки, планомерная эксплуатация земли, превращение средств труда в такие средства труда, которые допускают лишь коллективное употребление, экономизирование всех средств производства путем употребления их

¹ «Мы вступили в совершенно новый общественный строй... мы стремимся отделить всякий вид собственности от всякого вида труда» (*Sismondi*, «Nouveaux Principes de l'Économie Politique», т. II, стр. 424). (*Примечание Маркса.*)

как средств производства комбинированного общественного труда, вплетение всех народов в сеть всемирного рынка, а вместе с тем интернациональный характер капиталистического режима. Вместе с постоянно уменьшающимся числом магнатов капитала, которые узурпируют и монополизуют все выгоды этого процесса превращения, возрастает масса нищеты, угнетения, рабства, вырождения, эксплуатации, но вместе с тем и возмущения постоянно растущего рабочего класса, который обучается, объединяется и организуется механизмом самого процесса капиталистического производства. Монополия капитала становится оковами того способа производства, который вырос при ней и под ней. Централизация средств производства и обобществление труда достигают такого пункта, когда они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Она взрывается. Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют.

Капиталистический способ присвоения, вытекающий из капиталистического способа производства, а следовательно и капиталистическая частная собственность, есть первое отрицание индивидуальной частной собственности, основанной на собственном труде. Отрицание капиталистического производства производится им самим, с необходимостью естественно-исторического процесса. Это — отрицание отрицания. Оно восстанавливает не частную собственность, а индивидуальную собственность на основе приобретений капиталистической эры: кооперации и общинного владения землей и произведенными самим трудом средствами производства.

Превращение основанной на собственном труде раздробленной частной собственности отдельных личностей в капиталистическую, конечно, является процессом гораздо более долгим, трудным и тяжелым, чем превращение капиталистической частной собственности, фактически уже основывающейся на общественном процессе производства, в общественную собственность. Там дело заключалось в экспроприации народной массы немногими узурпаторами, здесь народной массе предстоит экспроприировать немногих узурпаторов¹.

¹ «Прогресс промышленности, невольным носителем которого является буржуазия, бессильная ему сопротивляться, ставит на место разъединения рабочих конкуренцией революционное объединение их посредством ассоциации. Таким образом, с развитием крупной промышленности из-под ног буржуазии вырывается сама основа, на которой она производит и присваивает продукты. Она производит прежде всего своих собственных могильщиков. Ее гибель и победа пролетариата одинаково неизбежны... Из всех классов, которые противостоят теперь буржуазии, только пролетариат представляет собою действительно революционный класс. Все прочие классы приходят в упадок и уничтожаются с развитием крупной промышленности; пролетариат же есть ее собственный продукт. Средние сословия: мелкий промышленник, мелкий торговец, ремесленник, крестьянин — все они борются с буржуазией для того, чтобы спасти свое существование от гибели как средних сословий. Они, следовательно, не революционны, а консервативны. Даже более, они реакционны: они стремятся повернуть назад колесо истории». [Из «Манифеста коммунистической партии»]. (*Примечание Маркса.*)

I

С тех пор как на земле существуют капиталисты и рабочие, не появлялось еще ни одной книги, которая имела бы такое значение для рабочих, как та, которая лежит перед нами. Отношение между капиталом и трудом, та ось, вокруг которой вращается вся наша современная общественная система, здесь впервые исследовано научно, и притом с такой основательностью и остротой, на которую был способен только немец. Как ни ценны сочинения Оуэна, Сен-Симона, Фурье, только немцу удалось достичь тех высот, с которых ясно разворачивается перед глазами вся область современных социальных отношений, подобно тому как перед зрителем, стоящим на самой высокой вершине, открывается расположенная ниже горная местность.

Существовавшая до сих пор политическая экономия учит нас, что труд есть источник всякого богатства и мера всех стоимостей, так что два предмета, на производство которых затрачено одинаковое рабочее время, обладают также одинаковой стоимостью, и так как в среднем обмениваться друг на друга могут лишь равные стоимости, то эти предметы также должны обмениваться один на другой. Но вместе с тем эта политическая экономия учит, что существует особый род накопленного труда, который она называет капиталом; этот капитал, по ее мнению, благодаря содержащимся в нем вспомогательным источникам, повышает производительность живого труда в сотни и тысячи раз и за это требует известного вознаграждения, которое называется прибылью или барышом. Как мы все знаем, дело в действительности

¹ Печатающиеся здесь две статьи Энгельса были им написаны в начале марта 1868 г. со специальной целью познакомить немецких рабочих с содержанием первого тома «Капитала», незадолго перед этим вышедшего в свет. В популярной форме здесь изложена теория прибавочной стоимости, вскрывается значение борьбы рабочего класса и показывается, как в силу действия всеобщего закона капиталистического накопления неизбежной становится пролетарская революция и диктатура пролетариата. Статьи были напечатаны в лейпцигской газете «Demokratisches Wochenblatt» («Демократический Еженедельный Листок»). Редактором этой газеты был В. Либкнехт. *Ред.*

обстоит так, что прибыли накопленного, мертвого труда становятся все огромное, капиталы капиталистов — все колоссальнее, тогда как заработная плата живого труда делается все меньше, масса живущих только на заработную плату рабочих становится все многочисленнее и беднее. Как же разрешить это противоречие? Как может вообще оставаться прибыль капиталисту, если рабочему возмещается полная стоимость труда, которую он придает своему продукту? Ведь раз обмениваются только равные стоимости, то так должно быть и в данном случае. С другой стороны, как могут обмениваться равные стоимости, как может рабочий получать полную стоимость своего продукта, если, как признают многие экономисты, этот продукт делится между ним и капиталистом? Старая политическая экономия беспомощно стоит перед этим противоречием, она пишет или смущенно лепечет ничего не говорящие фразы. До сих пор даже социалистические кригики политической экономии не были в состоянии сделать ничего больше, как только выдвинуть это противоречие; никто его не разрешил, пока, наконец, Маркс не проследил процесса возникновения этой прибыли вплоть до места ее рождения и таким образом не сделал все ясным.

При исследовании капитала Маркс отправляется от того простого и общезвестного факта, что капиталисты увеличивают стоимость своего капитала при посредстве обмена; они покупают товар за свои деньги и продают его затем за большее количество денег, чем он им самим стоил. Например, капиталист покупает хлопок за 1 000 талеров¹ и продает его затем за 1 100 талеров и таким образом «зарабатывает» 100 талеров. Этот избыток в 100 талеров сверх первоначального капитала Маркс называет *прибавочной стоимостью*. Откуда возникает эта прибавочная стоимость? По предположению экономистов, обмениваются лишь равные стоимости, и в области абстрактной теории это также правильно. Следовательно, покупка хлопка и его перепродажа так же не могут доставить прибавочной стоимости, как и обмен одного серебряного талера на 30 зильбергрошей² и обратный обмен разменной монеты на серебряный талер: от такого обмена никто не делается ни богаче, ни беднее. Но прибавочная стоимость не может возникнуть также благодаря тому, что продавцы продают товары выше их стоимости или покупатели покупают их ниже их стоимости, потому что каждый поочередно бывает то покупателем, то продавцом, и таким образом теряет в одном случае то, что выигрывает в другом. Не может она также образоваться и благодаря

¹ *Талер* — серебряная монета стоимостью приблизительно около 1—1,5 руб., существовавшая в Германии и в других западноевропейских странах до конца XIX столетия. *Ред.*

² *Зильбергрош* — серебряная разменная монета, равная $\frac{1}{30}$ части талера, имевшая хождение в Пруссии до 70-х годов прошлого столетия. *Ред.*

тому, что продавец и покупатель обманывают друг друга, так как это не создало бы никакой новой, или прибавочной, стоимости, а лишь иначе распределило бы наличный капитал между капиталистами. Несмотря на то, что капиталист покупает товары и продает их по их стоимости, он все же извлекает больше стоимости, чем вкладывает. Как же это происходит?

При современных общественных отношениях капиталист находит на товарном рынке *товар*, который обладает своеобразным свойством, заключающимся в том, что его *потребление есть источник новой стоимости, есть создание новой стоимости*, и этот товар — *рабочая сила*.

Какова стоимость рабочей силы? Стоимость всякого товара измеряется необходимым для его производства трудом. Рабочая сила существует в образе живого рабочего, который нуждается в определенной сумме жизненных средств как для себя, так и для содержания своей семьи, которая обеспечивает продолжение существования рабочей силы и после его смерти. Таким образом, необходимое для производства этих средств к жизни рабочее время и представляет стоимость рабочей силы. Капиталист оплачивает ее понедельно и тем покупает право пользоваться недельным трудом рабочего. До этого пункта господа экономисты должны будут в общем согласиться с нами в вопросе о стоимости рабочей силы.

И вот капиталист ставит своего рабочего на работу. В течение определенного времени рабочий дает то количество труда, которое представлено в его недельной заработной плате. Если мы допустим, что его недельная заработная плата соответствует трем рабочим дням, то рабочий, начав работу в понедельник, в среду вечером уже *возместит* капиталисту *полную стоимость уплаченной заработной платы*. Но прекращает ли он после этого работу? Ни в коем случае. Капиталист купил его *недельный труд*, и рабочий должен работать еще три остальных дня недели. Этот *прибавочный труд* рабочего сверх того времени, которое необходимо для возмещения его заработной платы, есть *источник прибавочной стоимости*, прибыли, источник постоянно возрастающего разбухания капитала.

Пусть нас не упрекают в том, что допущение, будто рабочий в три дня вырабатывает полученную им заработную плату и остальные три дня работает на капиталиста, является произвольным. Требуется ли ему для возмещения заработной платы именно три дня, или два, или четыре, в данном случае это, конечно, совершенно безразлично и изменяется соответственно обстоятельствам; но основное заключается в том, что капиталист наряду с трудом, который он оплачивает, выколачивает также труд, который он *не оплачивает*, и это — отнюдь не произвольное допущение, ибо в тот самый день, когда капиталист стал бы, как правило, полу-

чать от рабочего столько труда, сколько он ему оплачивает в заработной плате, в этот самый день он закрыл бы свое предприятие, так как вся его прибыль пошла бы тогда прахом.

Здесь мы имеем разрешение всех упомянутых противоречий. Происхождение прибавочной стоимости (значительную часть которой составляет прибыль капиталиста) теперь совершенно ясно и естественно. Стоимость рабочей силы оплачивается, но эта стоимость гораздо меньше той, которую капиталист в состоянии выколотить из рабочей силы, и эта разница, *неоплаченный труд*, как раз и образует долю капиталиста или, точнее говоря, класса капиталистов. Ибо даже и та прибыль, которую торговец хлопком выручил в вышеприведенном примере из хлопка, должна, если только не имело место повышение цен на хлопок, состоять из неоплаченного труда. Торговец продал свой товар хлопчатобумажному фабриканту, который может выручить из своего фабрика, помимо упомянутых 100 талеров, еще прибыль для себя и который, стало быть, делит с торговцем присвоенный неоплаченный труд. Именно за счет неоплаченного труда содержатся вообще все нетрудящиеся члены общества. Из него оплачиваются государственные и коммунальные налоги, поскольку они падают на класс капиталистов, поземельная рента землевладельцев и т. д. На нем покоится весь существующий общественный строй.

С другой стороны, было бы нелепо предполагать, что неоплаченный труд возник лишь при современных отношениях, когда производство ведется, с одной стороны, капиталистами, с другой — наемными рабочими. Напротив. Угнетенный класс во все времена должен был отдавать свой неоплаченный труд. В течение всего продолжительного периода времени, когда господствующей формой организации труда было рабство, рабы были принуждены работать гораздо больше, чем им это возмещалось в форме жизненных средств. При господстве крепостничества вплоть до отмены барщинных повинностей крестьян происходило то же самое; здесь разница между временем, в течение которого крестьянин работает для поддержания своего собственного существования, и прибавочным трудом на помещика выступает даже вполне наглядно, так как последняя работа производится отдельно от первой. Теперь изменилась форма, но существо дела осталось; пока «часть общества обладает монополией на средства производства, рабочий, свободный или несвободный, должен присоединять к рабочему времени, необходимому для содержания его самого, излишнее рабочее время, чтобы произвести жизненные средства для собственника средств производства» (*Marx*, S. 202)¹.

¹ См. «Капитал», т. I, стр. 165, изд. 1935 г.

II

В предыдущей статье мы видели, что каждый рабочий, нанятый капиталистом, выполняет двойной труд. В течение одной части своего рабочего времени он возмещает авансированную ему капиталистом заработную плату, и эту часть труда Маркс называет *необходимым трудом*. Но после этого ему приходится продолжать работу, и в течение этого времени он производит для капиталиста *прибавочную стоимость*, значительную часть которой составляет прибыль. Эта часть труда называется *прибавочным трудом*.

Мы предполагаем, что рабочий три дня в неделю работает для возмещения своей заработной платы и три дня для производства прибавочной стоимости капиталисту. Иначе говоря, это значит, что при двенадцатичасовом ежедневном труде он в шесть часов отработывает свою заработную плату и шесть часов работает для производства прибавочной стоимости. Из недели можно выжать только шесть, а если включить и воскресенье, — семь рабочих дней, но из каждого отдельного дня можно выколотить шесть, восемь, десять, двенадцать, пятнадцать и даже больше рабочих часов. Рабочий продает капиталисту за однодневную заработную плату один рабочий день. Но *что такое рабочий день?* Восемь часов или восемнадцать?

Капиталист заинтересован в том, чтобы сделать рабочий день возможно длиннее. Чем он длиннее, тем больше производится прибавочной стоимости. Верное чутье подсказывает рабочему, что каждый час труда, который он работает сверх возмещения заработной платы, у него незаконно отбирается; он чувствует на собственной шкуре, что значит работать чрезмерно длительное время. Капиталист борется за свою прибыль, рабочий — за свое здоровье, за несколько часов ежедневного отдыха, чтобы иметь возможность не только работать, спать и есть, но проявлять себя в качестве человека и в других отношениях. Заметим еще мимоходом, что от доброй воли отдельных капиталистов совершенно не зависит, желают ли они вступать в эту борьбу или нет, так как конкуренция заставляет даже самых филантропических из них присоединяться к своим коллегам и устанавливать рабочее время такой же продолжительности, как и у них.

Борьба за это установление рабочего дня тянется, начиная с первого выступления на историческую арену свободных рабочих и до настоящего дня. В различных отраслях промышленности господствует различный по своей продолжительности установленный обычаем рабочий день, но в действительности он соблюдается редко. Только там, где рабочий день установлен законом и где следят за его соблюдением, только там и можно сказать, что существует твердый рабочий день. Но до сих пор это имеет

место почти исключительно только в фабричных округах Англии. Здесь установлен десятичасовой рабочий день для всех женщин и мальчиков от 13 до 18 лет ($10\frac{1}{2}$ часов в течение пяти дней, $7\frac{1}{2}$ часов в субботу), а так как мужчины не могут работать без них, то и они подпадают под действие десятичасового рабочего дня. Английские фабричные рабочие завоевали этот закон путем многолетней выдержки, упорнейшей, решительнейшей борьбы с фабрикантами при помощи свободы печати, права коалиций и собраний, а также и искусного использования расколов в самом господствующем классе. Этот закон стал защитой английских рабочих. Постепенно он был распространен на все отрасли крупной промышленности, а в прошлом году — почти на всю промышленность, по крайней мере на все те отрасли, в которых заняты женщины и дети. По истории этого законодательного регулирования рабочего дня в Англии рассматриваемая книга содержит исчерпывающий материал. Предстоящий «Северо-германский рейхстаг»¹ будет обсуждать также промышленный устав, а вместе с тем и регулирование фабричного труда. Мы надеемся, что ни один из проведенных немецкими рабочими депутатами не приступит к обсуждению этого закона, не изучив предварительно книги Маркса. Здесь можно будет многого добиться. Раскол в среде господствующих классов более благоприятен для рабочего класса, чем это когда-либо было в Англии, так как всеобщее избирательное право вынуждает господствующие классы заигрывать с рабочими. Четыре или пять представителей пролетариата являются при этих условиях силой, если только они сумеют использовать свое положение, если они прежде всего будут знать, о чем идет речь, будут знать то, чего не знают буржуа. А книга Маркса дает им для этой цели весь материал в готовом виде.

Мы не касаемся еще целого ряда превосходных исследований, имеющих преимущественно теоретический интерес, и переходим к заключительной главе, в которой идет речь об аккумуляции, или накоплении, капитала. Здесь сначала доказывается, что капиталистический способ производства, т. е. способ производства, предполагающий наличие, с одной стороны, капиталистов, с другой — наемных рабочих, не только постоянно снова производит капитал для капиталиста, но вместе с тем непрерывно вновь производит и нищету рабочих; так что тем самым обеспечено, чтобы всегда на одном полюсе существовали капиталисты, являющиеся собственниками всех жизненных средств, всего сырья и всех орудий производства, а на другом полюсе — огромная масса рабочих, которые вынуждены продавать свою рабочую

¹ «Северо-германский рейхстаг» — представительное учреждение «Северо-германского союза», образовавшегося из 22 немецких государств после победы Пруссии над Австрией летом 1866 г. *Ред.*

силу этим капиталистам за некоторое количество средств к жизни, которых в лучшем случае хватает только на поддержание работоспособности рабочих и на то, чтобы вырастить новое поколение работоспособных пролетариев. Но капитал не просто воспроизводится; он все время увеличивается и разрастается, и вместе с этим растет его власть над лишенным собственности классом рабочих. И в той же степени, в какой он сам воспроизводится во все большем масштабе, современный капиталистический способ производства воспроизводит во все большем масштабе, во все возрастающем числе класс лишенных собственности рабочих. «Накопление капитала воспроизводит капиталистическое отношение в расширенном масштабе, больше капиталистов или более крупных капиталистов на одном полюсе, больше наемных рабочих на другом... Итак, *накопление капитала есть увеличение пролетариата*» (S. 600)¹. Но благодаря развитию машинного производства, улучшениям в земледелии и т. д. для производства одного и того же количества продуктов требуется все меньше рабочих, и это усовершенствование, означающее образование излишка рабочих, идет быстрее, чем даже возрастает капитал. Что же делается с этим все возрастающим количеством рабочих? Они образуют промышленную резервную армию, которая во время плохого или среднего хода дел оплачивается *ниже* стоимости ее труда, бывает занята нерегулярно или попадает под опеку общественной благотворительности, но которая, как это ясно видно в Англии, необходима классу капиталистов во время особо оживленного состояния дел. *При всех обстоятельствах* она служит для того, чтобы сокрушать силу сопротивления регулярно занятых рабочих и держать их заработную плату на низком уровне. «Чем больше общественное богатство... тем больше относительное перенаселение, или промышленная резервная армия... Но чем больше эта резервная армия по сравнению с активной рабочей армией, тем обширнее постоянное перенаселение, или те слои рабочих, нищета которых обратно пропорциональна мукам их труда. Наконец, чем больше нищенские слои рабочего класса и промышленная резервная армия, тем больше официальный пауперизм. *Это — абсолютный всеобщий закон капиталистического накопления* (679)»².

Таковы некоторые из основных законов современной капиталистической общественной системы, доказанные строго научно, и официальные экономисты, конечно, остерегаются даже сделать попытку их опровергнуть. Но все ли этим сказано? Ни в коем случае. С какой остротой Маркс выдвигает дурные стороны капиталистического производства, с такой же ясностью он доказы-

¹ См. «Капитал», т. I, стр. 486, изд. 1935 г. *Ред.*

² См. *там же*, стр. 514. *Ред.*

вает, что эта общественная форма была необходима для того, чтобы развить производительные силы общества до такой высоты, которая сделает возможным одинаковое, достойное человека развитие для *всех* членов общества. Все прежние общественные формы были для этого слишком бедны. Только капиталистическое производство создает необходимые для этого богатства и производительные силы. Но в то же время в лице многочисленных и угнетенных рабочих оно создает общественный класс, который все более становится перед необходимостью взять эти богатства и производительные силы в свои руки, с тем чтобы использовать их не в интересах класса-монополиста, как они используются в настоящее время, а в интересах всего общества.

*Написано Ф. Энгельсом на немецком языке.
Впервые напечатано в «Demokratisches
Wochenblatt», Лейпциг, № 12 и 13, от 21 и
29 марта 1868 г. — Маркс и Энгельс, Соч.,
т. XIII, ч. I.*

ИЗ ПРЕДИСЛОВИЯ КО ВТОРОМУ ТОМУ «КАПИТАЛА» К. МАРКСА

...Что же нового сказал Маркс о прибавочной стоимости? Как это случилось, что теория прибавочной стоимости Маркса произвела такое впечатление, как удар грома из ясного неба, и притом во всех цивилизованных странах, тогда как теории всех его социалистических предшественников, в том числе и Родбертуса, не оказали никакого действия?

История химии может пояснить нам это примером.

Как известно, еще в конце XVIII века господствовала флогистическая теория, согласно которой сущность всякого горения состоит в том, что от горящего тела отделяется другое, гипотетическое тело, абсолютный горючий материал, обозначавшийся названием флогистона. Эта теория была достаточна для объяснения большей части известных тогда химических явлений, хотя в некоторых случаях она объясняла их не без натяжки. Но вот в 1774 г. Пристли обнаружил род воздуха, «который он нашел настолько чистым или настолько свободным от флогистона, что сравнительно с ним обыкновенный воздух представлялся уже испорченным». Он назвал его: дефлогистированный воздух. Вскоре затем, в Швеции, такой же род воздуха обнаружил Шеле и доказал его присутствие в атмосфере. Шеле нашел также, что он исчезает, если в нем или в обыкновенном воздухе сжигать какое-нибудь тело, и назвал его поэтому огненным воздухом (Feuerluft). «Из этих данных он вывел такое заключение, что соединение, образующееся при сочетании флогистона с одной из составных частей воздуха» (следовательно, при горении), «есть не что иное, как огонь или теплота, которая улетучивается через стекло»¹.

Пристли и Шеле обнаружили кислород, но они не знали, что оказалось у них в руках. Они «оставались в плену» флогистических «категорий, которые они нашли у своих предшественников». Элемент, которому суждено было ниспровергнуть все

¹ *Роско-Шорлеммер*, Полный учебник химии, I, стр. 43, 48. Брауншвейг, 1877 г. (Примечание Энгельса.)

флогистические воззрения и революционизировать химию, пропал в их руках совершенно бесплодно. Но Пристли немедленно сообщил о своем открытии в Париж Лавуазье, а Лавуазье, руководясь этим новым фактом, пересмотрел всю флогистическую химию и впервые открыл, что новый вид воздуха был новым химическим элементом, что при горении *не выделяется* из горящего тела таинственный флогистон, а этот новый элемент *соединяется* с телом, и таким образом он впервые поставил на ноги всю химию, которая в своей флогистической форме стояла на голове. И если даже Лавуазье не обнаружил кислорода одновременно с другими и независимо от них, как он утверждал впоследствии, то все же по существу дела *открыл* кислород он, а не те двое, которые только обнаружили его, даже не догадываясь о том, что именно они обнаружили.

В теории прибавочной стоимости Маркс является тем же по отношению к своим предшественникам, чем Лавуазье по отношению к Пристли и Шеле. *Существование* той части стоимости продукта, которую мы называем теперь прибавочной стоимостью, было установлено задолго до Маркса; точно так же с большей или меньшей ясностью было высказано, из чего она состоит, именно: из продукта того труда, за который присвоивший его не заплатил никакого эквивалента. Но дальше этого не шли. Одни — классические буржуазные экономисты — самое большее исследовали количественное отношение, в котором продукт труда распределяется между рабочим и владельцем средств производства. Другие — социалисты — находили это распределение несправедливым и выскивали утопические средства для устранения несправедливости. И те и другие оставались в плену экономических категорий, найденных ими у своих предшественников.

Но вот выступил Маркс. И притом в прямом противоречии со всеми своими предшественниками. Там, где они видели *решение*, он видел только *проблему*. Он видел, что здесь был перед ним не дефлогистированный воздух и не огневой воздух, а кислород, что здесь дело шло не о простом констатировании экономического факта, не о противоречии этого факта с вечной справедливостью и истинной моралью, но о таком факте, которому суждено было произвести переворот во всей политической экономии и который давал ключ к пониманию всего капиталистического производства — тому, кто сумел бы им воспользоваться. Руководствуясь этим фактом, он исследовал все установленные до него категории, как Лавуазье, исходя из найденного уже кислорода, исследовал прежние категории флогистической химии. Для того чтобы знать, что такое прибавочная стоимость, он должен был знать, что такое стоимость. Прежде всего необходимо было подвергнуть критике самую теорию стоимости Рикардо. Итак, Маркс

исследовал труд со стороны его свойства создавать стоимость и впервые установил, *какой* труд, почему и как образует стоимость, установил, что стоимость вообще есть не что иное, как кристаллизованный труд *этого* рода, — пункт, которого до конца дней не понимал Родбертус. Маркс исследовал затем отношение товара и денег и показал, как и почему — в силу существующего ему свойства стоимости — товар и товарный обмен должны порождать противоположность товара и денег. Его основанная на этом теория денег есть первая исчерпывающая теория их, получившая теперь всеобщее молчаливое признание. Он исследовал превращение денег в капитал и доказал, что оно основывается на купле и продаже рабочей силы. Поставив на место труда рабочую силу, свойство создавать стоимость, он разом разрешил одно из затруднений, о которое разбилась школа Рикардо: невозможность согласовать взаимный обмен капитала и труда с рикардовским законом определения стоимости трудом. Установив разделение капитала на постоянный и переменный, он первый достиг того, что до деталей изобразил действительный ход процесса образования прибавочной стоимости и таким образом объяснил его, чего не сделал ни один из его предшественников; следовательно, он установил различие в самом капитале, различие, с которым решительно не в состоянии были справиться ни Родбертус, ни буржуазные экономисты, но которое дает ключ для решения самых запутанных экономических проблем, убедительнейшим доказательством чего здесь опять служит книга II и еще более — как это впоследствии будет показано — книга III. Далее, он исследовал самое прибавочную стоимость, вскрыл обе ее формы: абсолютную и относительную прибавочную стоимость, и показал, какую различную, но в обоих случаях решающую роль играла она в историческом развитии капиталистического производства. Основываясь на теории прибавочной стоимости, он развил первую рациональную теорию заработной платы, какую мы только имеем, и впервые дал основные черты истории капиталистического накопления и изложение его исторических тенденций...

*Написано Ф. Энгельсом на немецком языке
5 мая 1885 г. Впервые напечатано в 1-м
издании II тома «Капитала», вышедшем
в свет в том же году. — Маркс и Энгельс,
Соч., т. XVIII.*

К КРИТИКЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я рассматриваю систему буржуазной экономики в следующем порядке: *капитал, земельная собственность, наемный труд; государство, внешняя торговля, всемирный рынок*. Под первыми тремя рубриками я исследую экономические условия жизни трех больших классов, на которые распадается современное буржуазное общество; взаимная связь трех других рубрик очевидна. Первый отдел первой книги, трактующей о капитале, состоит из следующих глав: 1) товар, 2) деньги или простое обращение, 3) капитал вообще. Первые две главы составляют содержание настоящего выпуска. Весь материал лежит предо мною в форме монографий, которые были написаны с большими перерывами в различные периоды не для печати, а для уяснения вопросов самому себе; систематическая обработка этих монографий по указанному плану будет зависеть от внешних обстоятельств.

Общее введение, которое я было набросал, я опускаю, так как по более основательном размышлении решил, что всякое предвосхищение выводов, которые только еще должны быть доказаны, может помешать; читатель, который вообще захочет следовать за мной, должен решиться восходить от частного к общему. Однако некоторые указания о ходе моих собственных политико-экономических занятий представляются мне здесь уместными.

Моей специальностью была юриспруденция, которую я, однако, изучал лишь как подчиненную дисциплину, наряду с философией и историей. В 1842—1843 гг. мне, как редактору «Рейнской Газеты», пришлось впервые высказываться о так называемых материальных интересах, и это поставило меня в затруднительное положение. Обсуждение в Рейнском ландтаге вопросов о краже леса и дроблении земельной собственности, ведомственная полемика, в которую г. фон-Шапер, тогдашний обер-президент Рейнской области, вступил с «Рейнской Газетой» по вопросу о положении

мозельских крестьян, наконец, прения о свободе торговли и покровительственных пошлинах дали первые толчки моим занятиям экономическими вопросами. С другой стороны, в это время, когда благое желание «итти вперед» во много раз превышало знание предмета, в «Рейнской Газете» послышались отзвуки французского социализма и коммунизма со слабой философской окраской. Я высказался против этого дилетантства, но вместе с тем в полемике с «Всеобщей Аугсбургской Газетой» откровенно признался, что мои тогдашние знания не позволяли мне отважиться на какое-либо самостоятельное суждение о содержании французских направлений. Тем с большей охотой я воспользовался иллюзией руководителей «Рейнской Газеты», которые надеялись более умеренным ведением газеты отстранить вынесенный ей смертный приговор, чтобы удалиться с общественной арены в учебную комнату.

Первой работой, предпринятой для разрешения обуревавших меня сомнений, был критический пересмотр гегелевской философии права; введение к этой работе появилось в издававшемся в 1844 г. в Париже «Немецко-Французском Ежегоднике». Мои исследования привели меня к тому результату, что правовые отношения, так же точно как и формы государства, не могут быть поняты ни из самих себя, ни из так называемого общего развития человеческого духа, что, наоборот, они коренятся в материальных жизненных отношениях, совокупность которых Гегель, по примеру англичан и французов XVIII века, называл «гражданским обществом», и что анатомию гражданского общества следует искать в политической экономии. Начатое мною в Париже изучение этой последней я продолжал в Брюсселе, куда я переселился вследствие приказа господина Гизо о моей высылке из Парижа. Общий результат, к которому я пришел и который послужил затем руководящей нитью во всех моих дальнейших исследованиях, можно кратко формулировать следующим образом. В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание. На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными

отношениями, или — что является только юридическим выражением этого — с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке. При рассмотрении таких переворотов необходимо всегда отличать материальный, с естественнонаучной точностью констатируемый переворот в экономических условиях производства от юридических, политических, религиозных, художественных или философских, короче: от идеологических форм, в которых люди сознают этот конфликт и борются с ним. Как об отдельном человеке нельзя судить на основании того, что сам он о себе думает, точно так же нельзя судить о подобной эпохе переворота по ее сознанию. Наоборот, это сознание надо объяснить из противоречий материальной жизни, из существующего конфликта между общественными производительными силами и производственными отношениями. Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые, высшие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в логе самого старого общества. Поэтому человечество ставит себе всегда только такие задачи, которые оно может разрешить, так как при ближайшем рассмотрении всегда оказывается, что сама задача возникает лишь тогда, когда материальные условия ее решения уже существуют или, по крайней мере, находятся в процессе становления. В общих чертах, азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить, как прогрессивные эпохи экономической общественной формации. Буржуазные производственные отношения, это — последняя антагонистическая форма общественного процесса производства, антагонистическая не в смысле индивидуального антагонизма, а в смысле антагонизма, вырастающего из общественных условий жизни индивидуумов; развивающиеся же в недрах буржуазного общества производительные силы создают вместе с тем материальные условия для разрешения этого антагонизма. Этой общественной формацией завершается поэтому предистория человеческого общества.

Фридрих Энгельс, с которым я со времени появления его гениального очерка критики экономических категорий (в «Немецко-Французском Ежегоднике») поддерживал постоянный письменный обмен мнениями, пришел другим путем к тому же результату, что и я (сравни его «Положение рабочего класса в Англии»); и когда весной 1845 г. он также поселился в Брюсселе, мы решили сообща разработать наши взгляды, противоположные

идеологическим взглядам немецкой философии, в сущности свести счеты с нашей прежней философской совестью. Это намерение было выполнено в форме критики послегегелевской философии. Рукопись — в объеме двух толстых томов в восьмую долю листа — давно уже прибыла на место издания в Вестфалию, когда нас известили, что изменившиеся обстоятельства делают ее печатание невозможным. Мы тем охотнее предоставили рукопись грызущей критике мышей, что наша главная цель — выяснение дела самим себе — была достигнута. Из отдельных разбросанных работ, в которых мы в то время с той или иной стороны излагали наши взгляды публике, я упомяну лишь написанный Энгельсом и мною сообща «Манифест коммунистической партии» и опубликованную мною «Речь о свободе торговли». Решающие пункты наших воззрений были впервые научно изложены, хотя только в полемической форме, в моей работе «Ницета философии», выпущенной в 1847 г. и направленной против Прудона. Печатание написанной по-немецки работы о «Наемном труде», в которой я собрал свои лекции, читанные на эту тему в Брюссельском союзе немецких рабочих, было отложено вследствие февральской революции и последовавшего в связи с ней моего насильственного удаления из Бельгии.

Издание «Новой Рейнской Газеты» в 1848 и 1849 гг. и последующие события прервали мои экономические занятия, и я смог возобновить их только в 1850 г. в Лондоне. Огромный материал по истории политической экономии, собранный в Британском музее, то обстоятельство, что Лондон представляет собою удобный наблюдательный пункт для изучения буржуазного общества, наконец, новая стадия развития, в которую последнее, казалось, вступило с открытием австралийского и калифорнийского золота, — все это побудило меня вновь приняться за изучение предмета *с начала* и приступить к критической обработке нового материала. Эти занятия приводили отчасти сами собой к дисциплинам, казалось бы, лежащим совершенно в стороне, но которыми я должен был более или менее долго заниматься. Однако имевшееся в моем распоряжении время особенно сокращалось из-за необходимости работать для заработка. Мое теперь уже восьмилетнее сотрудничество в «Нью-Йоркской Трибуне», первой англо-американской газете, потребовало чрезвычайного дробления моих занятий, так как собственно газетные корреспонденции я писал только в виде исключения. Статьи о выдающихся экономических событиях в Англии и на континенте составляли настолько значительную часть моей работы, что я принужден был знакомиться ближе с практическими деталями, лежащими за пределами науки политической экономии в собственном смысле.

Этот очерк хода моих занятий в области политической экономии должен лишь показать, что мои взгляды, как бы

о них ни судили, и как бы мало они ни согласовались с эгоистическими предрассудками господствующих классов, составляют результат добросовестных и долголетних исследований. У входа в науку, как и у входа в ад, должно быть выставлено требование:

Qui si convien lasciare ogni sospetto,
Ogni viltà convien che que sia morta.
[Здесь места нет сомненьям никаким,
Здесь да умрет вся суетность боязни.]

Карл Маркс

Лондон, январь 1859 г.

*Написано К. Марксом на немецком языке.
Впервые напечатано в Берлине в 1859 г.—
Маркс и Энгельс, Соч., т. XII, ч. I.*

I

Немцы давно уже доказали, что во всех областях науки они равны остальным цивилизованным нациям, а в большей части этих областей даже превосходят их. Только в одной науке среди ее корифеев не было ни одного немецкого имени: в политической экономии. Причина этого понятна. Политическая экономия есть теоретический анализ современного буржуазного общества и предполагает поэтому наличие развитых буржуазных отношений, отношений, которые в течение столетий со времени войн реформации и крестьянских войн, а особенно со времени Тридцатилетней войны¹, в Германии не могли возникнуть. Отделение Голландии от империи оттеснило Германию от всемирной торговли и с самого же начала свело ее промышленное развитие к самым ничтожным размерам; и в то время как немцы так медленно и с таким трудом оправлялись от опустошений гражданских войн, растрачивали свою гражданскую энергию, которая никогда не была особенно велика, в бесплодной борьбе против таможенных границ и сумасбродных торговых распоряжков, которым каждый мелкий князек и имперский барон подчинял промышленность своих подданных, в то время как имперские города коснели в мелочной цеховщине и патрицианской спеси, — в это время Голландия, Англия и Франция завоевали первые места во всемирной торговле, основывали колонию за колонией и развили мануфактурную промышленность до высшего расцвета, когда, наконец, Англия, благодаря пару, который впервые придал ценность ее залежам угля и железа, стала во главе современного буржуазного развития. Но до тех пор пока приходилось вести борьбу против до смешного заста-

¹ *Тридцатилетней* называется война, которая велась на территории Германии под религиозными лозунгами (католицизм против протестантизма) в первой половине XVII века (закончилась в 1648 г.). Война велась между различными, менявшимися группировками германских княжеств и королевств и имперской властью, причем в ней принимали участие и иностранные государства: на стороне протестантов — главным образом Швеция, на стороне католиков — Франция, Испания. Война эта страшно разорила Германию, еще более усилила ее политическую раздробленность и на долгое время задержала ее экономическое развитие. *Ред.*

релых пережитков средневековья, сковывавших до 1830 г. материальное буржуазное развитие Германии, до тех пор была невозможна немецкая политическая экономия. С основанием таможенного союза¹ немцы впервые достигли такого состояния, при котором они вообще смогли только *понять* политическую экономию. С этих пор действительно начался импорт английской и французской экономии на потребу немецкой буржуазии. Вскоре ученая братия и бюрократия овладели импортированным материалом и обработали его таким способом, который не делает особой чести «немецкому духу». Из среды пестрой компании пописывающих аферистов, купцов, школьных наставников и бюрократов возникла тогда немецкая экономическая литература, которая по своей пошлости, поверхностности, безыдейности, многословности и краже чужих мыслей может быть сравнима только с немецким романом. В кругах людей практического направления образовалась сначала школа протекционистов-промышленников; ее виднейший представитель Лист все еще является самым лучшим из того, что произвела немецкая буржуазная экономическая литература, хотя все его прославленное произведение списано у француза Феррье, теоретического родоначальника континентальной системы². В противовес этому направлению в 40-х годах возникла школа свободной торговли из купцов прибалтийских провинций, в детски-наивном, но своекорыстном символе веры которых звучали отголоски доводов английских фритредеров³. Наконец, среди школьных наставников и бюрократов, обязанностью которых было заниматься теоретической стороной дисциплины, встречались бесплодные, лишенные критической способности коллекционеры, вроде господина Рау, и умничавшие спекулятивные философы, переводившие положения иностранных авторов на неудобоваримый гегелевский язык, вроде господина Штейна, или впадавшие в беллетристику собиратели колосьев в «культурно-исторической» области, вроде господина Рилия. Из всего этого, в конце концов, получилась камералистика, каша из всякой всячины, политая эклектически-экономическим соусом, — то, что подобает знать человеку, готовящемуся к государственному экзамену на должность правительственного чиновника.

¹ *Немецкий таможенный и торговый союз* был заключен 1 января 1834 г. между Пруссией и рядом немецких государств. Австрия оставалась вне этого союза. *Ред.*

² *Континентальная система* — политика запрета ввоза английских товаров на континент Европы, которую проводил Наполеон I. Континентальная система введена декретом Наполеона I в 1806 г. В проведении континентальной системы участвовали Испания, Неаполь, Голландия, позднее Пруссия, Дания, Россия, Австрия и другие страны. *Ред.*

³ *Английские фритредеры* — представители английской буржуазии, сторонники свободы торговли. *Ред.*

В то время как буржуазия, школьные наставники и бюрократия в Германии бились еще над тем, чтобы заучить наизусть и хоть сколько-нибудь понять начала англо-французской политической экономии, относясь к ним как к неприкосновенным догмам, появилась немецкая пролетарская партия. Все содержание ее теории возникло из изучения политической экономии, и с момента ее выступления ведет также свое начало научная, самостоятельная *немецкая политическая экономия*. Эта немецкая политическая экономия основывается по сути дела на *материалистическом понимании истории*, основные черты которого кратко изложены в предисловии к вышеуказанному произведению. Это предисловие ¹ в основной своей части было уже напечатано в «Das Volk» («Народ»), поэтому мы и отсылаем туда читателя. Не для одной только политической экономии, а для всех исторических наук (а исторические науки суть те, которые не являются науками о природе) явилось революционным открытием то положение, что «способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще», что все общественные и государственные отношения, все религиозные и правовые системы, все теоретические воззрения, появляющиеся в истории, могут быть поняты только тогда, когда поняты материальные условия жизни каждой соответствующей эпохи и первые выведены из этих материальных условий. «Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание». Это положение настолько просто, что оно должно было бы быть само собой разумеющимся для всякого, кто не застыл в идеалистическом обмане. Из него вытекают, однако, в высшей степени революционные выводы не только для теории, но и для практики. «На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или — что является только юридическим выражением этого — с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха *социальной революции*. С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке... Буржуазные производственные отношения, это — последняя антагонистическая форма общественного процесса производства, антагонистическая не в смысле индивидуального антагонизма, но антагонизма, вырастающего из общественных условий жизни индивидуумов; развивающиеся же в недрах буржуазного общества производительные силы создают одновременно материальные условия для разрешения этого антагонизма». Таким

¹ См. настоящий том, стр. 326. *Ред.*

образом, при дальнейшем развитии нашего материалистического тезиса и при его применении к современности нам сразу открывается перспектива великой, величайшей революции всех времен.

Положение, что сознание людей зависит от их бытия, а не наоборот, кажется простым; однако при ближайшем рассмотрении немедленно обнаруживается, что это положение уже в своих первых выводах наносит смертельный удар всякому, даже самому скрытому идеализму. Этим положением отрицаются все унаследованные и привычные воззрения на все историческое. Весь традиционный уклад политического мышления рушится. Патристическое благородство с возмущением восстает против такого грубого воззрения. Новое мировоззрение неизбежно наталкивается поэтому на сопротивление не только со стороны представителей буржуазии, но и со стороны массы французских социалистов, которые желают перевернуть мир при помощи магической формулы *liberté, égalité, fraternité* [свобода, равенство, братство]. Но особенно великий гнев вызвала эта теория в среде немецких вульгарно-демократических крикунов. Несмотря на это, эти последние с большим рвением пытались плагиаторски использовать новые идеи, правда, совершенно их не понимая.

Развитие материалистического понимания хотя бы на одном единственном историческом примере было научной работой, требовавшей годы спокойных занятий, ибо ясно, что одними фразами тут ничего не сделаешь и что только массовый, критически проверенный, в совершенстве усвоенный исторический материал дает возможность разрешить такую задачу. Февральская же революция бросила нашу партию на политическую арену и тем самым сделала для нее невозможным преследование чисто научных целей. Несмотря на это, это основное воззрение проходит красной нитью через все литературные произведения партии. В них повсюду, в каждом отдельном случае показывается, каким образом действие всякий раз возникало из прямых материальных побудительных причин, а не из сопутствующих им фраз, каким образом, наоборот, политические и юридические фразы точно так же являются результатом материальных побудительных причин, как и политическое действие и его результаты.

После поражения революции 1848—1849 гг. наступил момент, когда становилось все менее и менее возможным воздействовать на Германию из-за границы; тогда наша партия предоставила поле эмигрантских склок вульгарной демократии, ибо склоки остались единственно возможным действием. И в то время как вульгарная демократия вдоволь занималась этой склокой, сегодня затеяв потасовку, чтобы завтра начать братание, а послезавтра снова стирать свое грязное белье перед всем миром; в то время как эта вульгарная демократия изъездила всю Америку, выключив себе деньги, чтобы вслед за каждой поездкой учи-

нять новые скандалы по поводу раздела нескольких добытых талеров, — наша партия была рада тому, что снова нашла некоторое спокойствие для научных занятий. Ее огромное преимущество состояло в том, что она имела в качестве теоретической основы новое научное мировоззрение, разработка которого доставила ей достаточно занятий. Уже по одному этому она не могла так низко пасть, как «великие люди» эмиграции. Первым плодом этих исследований является лежащая перед нами книга.

II

В сочинении, подобном тому, которое лежит перед нами, не может быть и речи о просто отрывочной критике отдельных глав из политической экономии, о происходящем вне связи рассмотрении тех или других экономических спорных вопросов. Напротив, это сочинение с самого начала построено на систематическом охвате всего комплекса экономических наук, на связном изложении законов буржуазного производства и буржуазного обмена. А так как экономисты являются не чем иным, как истолкователями и апологетами этих законов, то это изложение является в то же время критикой всей экономической литературы.

Со времени смерти Гегеля вряд ли была сделана попытка развить какую-нибудь науку в ее собственной, присущей ей внутренней связи. Официальная гегелевская школа усвоила себе из диалектики учителя только манипуляции простейшими приемами, которые она применяла всюду и везде, и к тому же часто до смешного неуклюже. Все наследие Гегеля ограничивалось для этой школы простым шаблоном, при помощи которого строилась любая тема, и списком слов и оборотов, годных только для того, чтобы во-время вставлять их там, где не хватало мыслей и положительных знаний. Таким образом, получилось, как сказал один боннский профессор, что эти гегельянцы ничего не понимали, но писать могли обо всем. Так это, конечно, и было. У этих господ, несмотря на все их самомнение, настолько сильно было сознание собственной слабости, что они старались держаться по возможности дальше от всяких крупных задач; старая, рутинная университетская наука удерживала свои позиции благодаря своему превосходству в положительных знаниях. И только когда Фейербах объявил несостоятельным умозрительное понятие, гегельянство постепенно угасло, и стало казаться, что в науке снова началось царство старой метафизики с ее неподвижными категориями.

Это явление имело свою естественную причину. После режима гегелевских диадочов¹, который привел к господству чистой

¹ *Диадочи* — полководцы Александра Македонского, оставшиеся наследниками его империи и вступившие в борьбу между собой, что привело к быстрому распаду империи. *Ред.*

фразы, естественно наступила эпоха, в которой положительное содержание науки снова перевесило ее формальную сторону. Но в то же время Германия набросилась с совершенно исключительной энергией на естественные науки, что соответствовало ее мощному буржуазному развитию со времени 1848 г.; и по мере того как стали входить в моду эти науки, в которых спекулятивное направление никогда не достигало сколько-нибудь большого значения, снова распространилась также и старая метафизическая манера мышления, вплоть до самых крайних пределов вольфовской пошлости¹. Гегель был забыт, развился новый естественно-научный материализм, который теоретически почти ничем не отличается от материализма XVIII столетия и имеет большей частью только то преимущество, что располагает более богатым естественно-научным, в особенности химическим и физиологическим, материалом. Мы находим доведенное до величайшей пошлости воспроизведение этого ограниченного филистерского способа мышления докантовского периода у Бюхнера и Фогта; и даже Мошотт, который клянется Фейербахом, каждую минуту забавнейшим образом запутывается в самых простых категориях. Неповоротливый тяжеловоз обыденного буржуазного рассудка, конечно, останавливается в затруднении перед рвом, отделяющим сущность от явления, причину от следствия. Но когда собираются на охоту с гончими по чрезвычайно изрытому рвами полю отвлеченного мышления, тогда как раз нельзя садиться на тяжеловозов.

Таким образом, тут надо было решать другой вопрос, который не имеет отношения к политической экономии как таковой. Вопрос: как поступить с наукой? С одной стороны, имелась гегелевская диалектика в совершенно абстрактном, «спекулятивном» виде, в каком ее оставил после себя Гегель; с другой стороны, имелся обычный, ныне снова ставший модным, по существу вольфовски-метафизический метод, следуя которому и экономисты буржуазии писали свои бессвязные толстые книги. Этот последний метод настолько был теоретически разгромлен Кантом и в особенности Гегелем, что только лепестки и отсутствие другого *простого* метода делали возможным его дальнейшее практическое существование. С другой стороны, гегелевский метод в его *имевшейся* *налицо* форме был совершенно непригоден. Он был по существу идеалистическим, а тут требовалось развитие такого мировоззрения, которое было бы более материалистичным, чем все предыдущие. Он исходил из чистого мышления, а здесь надо было исходить из самых упрямых фактов. Метод, который,

¹ *Хр. Вольф* (1679—1754) — немецкий философ-просветитель. Пример его пошлостей Энгельс приводит в своем введении к «Диалектике природы», где упоминается вольфовское рассуждение о том, что «кошки созданы для того, чтобы пожирать мышей, а мыши для того, чтобы быть пожираемыми кошками, и вся природа для того, чтобы доказать мудрость творца». *Ред.*

по собственному признанию, «от ничего через ничто пришел к ничему», был в этом виде здесь совершенно неуместен. Тем не менее из всего наличного логического материала это было единственное, что можно было по крайней мере использовать. Этот метод не подвергся критике, его никто не преодолел; никто из противников великого диалектика не мог пробить брешь в гордом здании этого метода; он был забыт потому, что гегелевская школа не знала, что с ним делать. Поэтому в первую голову надо было подвергнуть гегелевский метод основательной критике.

Гегелевский способ мышления отличался от способа мышления всех других философов огромным историческим чутьем, которое лежало в его основе. Хотя форма была крайне абстрактна и идеалистична, все же развитие его мыслей всегда шло параллельно развитию всемирной истории, и последняя, собственно, должна была служить только подтверждением первого. Если благодаря этому правильное отношение [между мышлением и действительностью] было перевернуто и поставлено на голову, то все же реальное содержание повсюду проникало в философию, тем более, что Гегель отличался от своих учеников, — он не хвастался, подобно им, невежеством, а был одним из образованнейших людей всех времен. Он первый пытался показать развитие и внутреннюю связь истории, и каким бы странным ни казалось нам теперь многое в его философии истории, все же грандиозность основных его взглядов даже и в настоящее время еще достойна удивления, особенно если сравнить с ним его предшественников или тех, кто после него отваживался пускаться в общие размышления об истории. В «Феноменологии», в «Эстетике», в «Истории философии» — повсюду красной нитью проходит это грандиозное понимание истории, и повсюду материал рассматривается исторически, в определенной, хотя и извращенной, абстрактной связи с историей.

Это составившее эпоху понимание истории было прямой теоретической предпосылкой нового материалистического воззрения, и уже благодаря этому была дана исходная точка также для логического метода. Если эта забытая диалектика, даже «исходя из чистого мышления», привела к таким результатам, если она к тому же как бы играючи покончила со всей прежней логикой и метафизикой, то, значит, в ней было что-то большее, чем просто софистика и возня с пустяками. Но критика этого метода была не легкой задачей, вся официальная философия боялась и теперь еще боится взяться за нее.

Маркс был и остается единственным человеком, который мог взять на себя труд высвободить из гегелевской логики то ядро, которое включает в себе действительные открытия Гегеля в этой области, и восстановить диалектический метод, освобожденный от его идеалистических оболочек, в том простом виде, в котором

он только и становится правильной формой развития мыслей. Выработку метода, который лежит в основе марксовой критики политической экономии, мы считаем результатом, который по своему значению едва ли уступает материалистическому основному воззрению.

Критику политической экономии даже и согласно добытому методу можно было проводить двояким образом: исторически или логически. Так как в истории, как и в ее литературном отражении, развитие в общем и целом идет также от простейших отношений к более сложным, то историческое развитие политико-экономической литературы давало естественную руководящую нить, которой могла следовать критика, и при этом экономические категории в общем и целом появлялись бы в той же последовательности, как и в логическом развитии. Эта форма на первый взгляд имеет преимущество большей ясности, так как тут прослеживается *действительное* развитие, но на деле такая форма была бы только в лучшем случае более популярной. История часто идет скачками и зигзагами, и если бы обязательно было следовать за нею повсюду, то благодаря этому не только пришлось бы принимать во внимание много материала меньшей важности, но и пришлось бы часто прерывать ход мыслей. К тому же нельзя писать историю политической экономии без истории буржуазного общества, а это сделало бы работу бесконечной, так как не сделано никакой подготовительной работы. Таким образом, единственно уместным был логический способ рассмотрения. Но в сущности это не что иное, как тот же исторический способ, только освобожденный от его исторической формы и от нарушающих случайностей. С чего начинается история, с того же должен начинаться и ход мыслей, и его дальнейшее движение будет представлять собой не что иное, как отражение исторического процесса в абстрактной и теоретически последовательной форме; отражение исправленное, но исправленное соответственно законам, которые дает сам действительный исторический процесс, причем каждый момент можно рассматривать в той точке его развития, где процесс достигает полной зрелости и классической формы.

При этом методе мы исходим из первого и наиболее простого отношения, которое исторически, фактически находится перед нами, следовательно, — из исторически первого экономического отношения, которое мы находим. Это отношение мы анализируем. Уже самый факт, что это есть *отношение*, означает, что в нем есть две стороны, которые *относятся друг к другу*. Каждую из этих сторон мы рассматриваем самое по себе; из этого вытекает характер их отношения друг к другу, их взаимодействие. При этом обнаруживаются противоречия, которые требуют разрешения. Но так как мы здесь рассматриваем не абстрактный процесс

мысли, который происходит только в наших головах, а действительный процесс, когда-нибудь совершившийся или все еще совершающийся, то и противоречия эти развиваются на практике и, вероятно, нашли свое решение. Мы будем проследивать, каким образом они разрешались, и найдем, что это было достигнуто установлением нового отношения, и теперь нам надо развивать две противоположные стороны этого нового отношения и т. д.

Политическая экономия начинает с *товара*, с того момента, когда продукты обмениваются друг на друга — отдельными людьми или первобытными общинами. Продукт, вступающий в обмен, является товаром. Но он является товаром только потому, что с этой *вещью*, с этим продуктом, связывается *отношение* между двумя лицами, или общинами, отношение между производителем и потребителем, которые здесь уже более не соединены в одном и том же лице. Здесь перед нами сразу же пример своеобразного факта, который проходит через всю политическую экономию и порождает в головах буржуазных экономистов ужасную путаницу: политическая экономия имеет дело не с вещами, а с отношениями между людьми и в конечном счете между классами, но эти отношения всегда *связаны с вещами и проявляются как вещи*. Эту связь, о которой некоторые экономисты в отдельных случаях, конечно, смутно догадывались, впервые раскрыл Маркс во всем ее значении для всей политической экономии, и благодаря этому труднейшие вопросы он сделал такими простыми и ясными, что понять их смогут теперь даже буржуазные экономисты.

Если мы рассматриваем товар с его различных сторон и к тому же товар в его полном развитии, а не в том состоянии, когда он еще с трудом развивается в первобытной меновой торговле между двумя первобытными общинами, то он нам представляется с двух точек зрения: потребительной стоимости и меновой стоимости. И тут мы тотчас вступаем в область экономических споров. Кому хочется получить яркий пример того, что немецкий диалектический метод на своей теперешней ступени развития, по меньшей мере настолько же превосходит старый доморощенный, пошло-болтливый, метафизический метод, насколько железные дороги превосходят транспортные средства средних веков, тот пусть прочтет у Адама Смита или у какого-либо другого официального экономиста с именем, какие мучения причиняет этим господам меновая стоимость и потребительная стоимость, как трудно им отделить четко одну от другой и понять каждую в ее своеобразной определенности, а затем пусть сопоставит с этим ясное, простое развитие у Маркса.

После того как развиты потребительная и меновая стоимость, товар предстает как непосредственное единство обеих, в том виде, как он вступает в *процесс обмена*. Какие противоречия

тут возникают, читатель найдет на стр. 20—21 ¹. Заметим только, что эти противоречия имеют не только отвлеченный, теоретический интерес, но одновременно отражают и те трудности, которые возникают из природы непосредственного менового отношения, из простой меновой торговли, отражают те невозможности, в которые неизбежно упирается эта первая грубая форма обмена. Разрешение этих невозможностей заключается в том, что свойство представлять меновую стоимость всех других товаров переносится на специальный товар — *деньги*. Деньги или простое обращение рассматриваются затем во второй главе и именно: 1) деньги как *мера стоимости*, причем тут же стоимость, измеряемая в деньгах, *цена*, получает свое ближайшее определение, 2) как *средство обращения* и 3) как единство обоих определений, как *реальные деньги*, как представитель всего материального буржуазного богатства. Этим заканчивается изложение первого выпуска, переход же денег в капитал оставляется до второго выпуска.

Мы видим, что при этом методе логическое развитие вовсе не обязано держаться только в чисто абстрактной области. Наоборот, оно нуждается в исторических иллюстрациях, в постоянном соприкосновении с действительностью. Поэтому здесь приводится много таких разнообразных иллюстраций, с одной стороны, в виде указаний на действительный исторический ход вещей на разных ступенях общественного развития, с другой стороны, в виде указаний на экономическую литературу, имеющих целью проследить с самого начала процесс выработки ясных определений экономических отношений. Критика отдельных, более или менее односторонних или запутанных воззрений в основном уже дана в самом логическом развитии и может быть изложена кратко.

В третьей статье мы перейдем к экономическому содержанию самой книги ².

Напечатано впервые в газете «Das Volk»

№№ 14, 16 от 6 и 20 августа 1859 г. —

Маркс и Энгельс, Соч., т. XI, ч. 2.

¹ Энгельс ссылается тут на немецкое издание книги Маркса «К критике политической экономии», Берлин, 1859 г. [см. стр. 21—22. Госполитиздат, 1939 г.] *Ред.*

² Эта третья статья в печати не появилась, и ее рукопись не найдена. *Ред.*

ИЗ ПИСЕМ
ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ МАТЕРИАЛИЗМЕ ¹

МАРКС — П. В. АННЕНКОВУ

Брюссель, 28 декабря [1846 г.]

...Что же такое общество, какова бы ни была его форма? Продукт взаимодействия людей. Свободны ли люди в выборе той или иной общественной формы? Отнюдь нет. Возьмите определенную ступень развития производительных сил людей, и вы получите определенную форму обмена и потребления. Возьмите определенную ступень развития производства, обмена и потребления, и вы получите определенный общественный строй, определенную организацию семьи, сословий или классов, словом, определенное гражданское общество. Возьмите определенное гражданское общество, и вы получите определенный политический строй, который является лишь официальным выражением гражданского общества...

Излишне прибавлять к этому, что люди не свободны в выборе *своих производительных сил*, которые образуют основу всей их истории, потому что всякая производительная сила есть приобретенная сила, продукт предшествующей деятельности. Таким

---

¹ В дополнение к тому изложению существа исторического материализма, которое Маркс дает в предисловии «К критике политической экономии», здесь собран ряд разъяснений по этому вопросу из писем Маркса и Энгельса. Следует обратить внимание на два отрывка из писем Маркса к Энгельсу по поводу военного дела и особенно на письмо Маркса от 5 марта 1852 г. к И. Вейдемейеру. Здесь Маркс указывает на решающее значение в его теории учения о диктатуре пролетариата.

В письмах Энгельса, адресованных различным лицам, обращавшимся за разъяснениями относительно вопросов исторической теории, даются ценнейшие указания по вопросу об обратном влиянии надстроек на экономическую основу. Энгельс предостерегает против упрощенного, недиалектического понимания исторического материализма и указывает на сложное взаимодействие различных сторон общественной деятельности людей, взаимодействие, происходящее на основе развивающегося общественного производства.

И Маркс и Энгельс постоянно подчеркивают, что их теория не является шаблоном, который легко и просто можно применять ко всем явлениям, но что она требует внимательного изучения фактов действительной истории. Исторический материализм требует изучения исторического развития общества во всей его конкретности. *Ред.*

образом, производительные силы — это результат практической энергии людей, но сама эта энергия определена теми условиями, в которых люди находятся, производительными силами, уже приобретенными раньше, общественной формой, существовавшей до них, которую создали не эти люди, которая является созданием прежних поколений. Благодаря тому простому факту, что каждое последующее поколение находит производительные силы, добытые прежними поколениями, и эти производительные силы служат ему сырым материалом для нового производства, — благодаря этому факту образуется связь в человеческой истории, образуется история человечества, которая в тем большей степени становится историей человечества, чем больше развились производительные силы людей, а следовательно, и их общественные отношения. Отсюда необходимый вывод: общественная история людей есть всегда лишь история их индивидуального развития, сознают ли они это или нет. Их материальные отношения образуют основу всех их отношений. Эти материальные отношения суть лишь необходимые формы, в которых осуществляется их материальная и индивидуальная деятельность.

Г-н Прудон путает идеи и вещи. Люди никогда не отказываются от того, что они приобрели, но это не значит, что они не откажутся от той общественной формы, в которой они приобрели определенные производительные силы. Наоборот. Для того чтобы не лишиться достигнутого результата, для того чтобы не потерять плодов цивилизации, люди вынуждены изменять все унаследованные общественные формы в тот момент, когда способ их сношений (*commerce*) более уже не соответствует приобретенным производительным силам.

Я употребляю здесь слово «*commerce*» в самом широком смысле, в каком по-немецки употребляется слово «*Verkehr*». Пример: привилегии, учреждение цехов и корпораций, весь режим средневековой регламентации были общественными отношениями, единственно соответствовавшими приобретенным производительным силам и ранее существовавшему состоянию общества, из которого эти учреждения вышли. Под защитой корпоративного строя и его регламентации накапливались капиталы, развилась морская торговля, были основаны колонии, и люди лишились бы плодов всего этого, если бы они захотели сохранить формы, под защитой которых созрели эти плоды. Поэтому разразились два громовых удара — революции 1640 и 1688 гг. Все старые экономические формы, соответствующие им общественные отношения, политический строй, бывший официальным выражением старого гражданского общества, — все это в Англии было разрушено. Таким образом, экономические формы, при которых люди производят, потребляют, обменивают, являются формами *преходящими и историческими*. С приобретением новых производительных

сил люди меняют свой способ производства, а со способом производства они меняют все экономические отношения, которые были необходимыми отношениями лишь данного, определенного способа производства.

... Г-н Прудон очень хорошо понял, что люди производят сукно, холст, шелковые ткани, и не велика заслуга понять такие мелочи. Но чего г-н Прудон не понял, так это того, что люди сообразно своим способностям производят также *общественные отношения*, в которых они производят сукно и холст. Еще меньше понял г-н Прудон, что люди, производящие общественные отношения соответственно их материальному производству, создают также и идеи и категории, т. е. отвлеченные, идеальные выражения этих самых общественных отношений. Таким образом, категории так же мало являются вечными, как и те отношения, выражением которых они являются. Это — продукты исторические и преходящие. Для г-на же Прудона, совсем наоборот, первоначальной причиной являются абстракции, категории. По его мнению, это они, а не люди, создают историю. *Абстракция, категория, взятая как таковая*, т. е. оторванная от людей и их материальной деятельности, является, конечно, бессмертной, неизменной, неподвижной. Она представляет собой лишь порождение чистого разума, что обозначает просто-напросто, что абстракция как таковая — абстрактна. Восхитительная *тавтология!*

Таким образом, экономические отношения, рассматриваемые в форме категорий, являются для г-на Прудона вечными формулами, не имеющими ни происхождения, ни развития.

Другими словами, г-н Прудон не утверждает прямо, что *буржуазная жизнь* является для него *вечной истиной*. Он утверждает это косвенно, обожествляя категории, которые в форме идей выражают буржуазные отношения. Коль скоро продукты буржуазного общества представляются ему в форме категорий мышления, он принимает их за возникающие сами по себе (спонтанейно), одаренные собственной жизнью вечные существа. Таким образом, он не выходит за пределы буржуазного горизонта. Так как он имеет дело с буржуазными идеями, считая их вечными истинами, он ищет синтеза этих идей, их равновесия и не видит, что современная форма их равновесия есть единственно возможная.

В сущности он делает то, что делают все добрые буржуа. Все они говорят вам, что конкуренция, монополия и т. д. являются в принципе, т. е. если их взять как отвлеченные понятия, единственными основами жизни, но что на практике они оставляют желать многого. Все они хотят конкуренции без печальных последствий конкуренции. Все они хотят невозможного, т. е. условий буржуазной жизни, без необходимых последствий этих условий.

Все они не понимают, что буржуазный способ производства есть историческая и преходящая форма, подобно тому, как преходящей была форма феодальная. Эта ошибка происходит оттого, что для них человек-буржуа является единственной основой всякого общества, оттого, что они не представляют себе такого общественного строя, в котором человек перестал бы быть буржуа.

Г-н Прудон неизбежно является поэтому *доктринером*. Историческое движение, совершающее переворот в современном мире, сводится для него к задаче открыть правильное равновесие, синтез двух буржуазных мыслей. Таким образом, при помощи ухищрений этот ловкий малый открывает скрытую мысль бога, единство двух отдельных мыслей, которые только потому являются отдельными, что г-н Прудон их отделил от практической жизни, от современного производства, являющегося сочетанием тех реальностей, которые этими мыслями выражены. На место великого исторического движения, рождающегося из конфликта между уже приобретенными производительными силами людей и их общественными отношениями, которые не соответствуют больше этим производительным силам; на место страшных войн, которые готовятся между различными классами одной нации и между различными нациями; на место практической и революционной деятельности масс, которая одна будет в силах разрешить эти столкновения, — на место этого обширного, продолжительного и сложного движения г-н Прудон ставит перистальтическое движение своей собственной головы. Итак, историю делают ученые, люди, способные похитить у бога его сокровенную мысль. А простой народ должен лишь применять на практике их откровения. Вы теперь понимаете, почему г-н Прудон является отъявленным врагом всякого политического движения. Разрешение современных вопросов заключается для него не в общественном действии, а в диалектических вращениях, совершающихся в его голове. Так как для него категории являются движущими силами, то незачем изменять практическую жизнь для того, чтобы изменить категории. Совсем наоборот. Надо изменить категории, и последствием этого явится изменение существующего общества.

Желая примирить противоречия, г-н Прудон совершенно обходит вопрос: а не надо ли ниспровергнуть самую основу этих противоречий? Он во всем походит на политического доктринера, который желает сохранить и короля, и палату депутатов, и верхнюю палату в качестве составных частей общественной жизни как вечные категории. Он лишь ищет новую формулу для того, чтобы уравновесить эти силы, равновесие которых как раз и состоит в их современном движении, где одна из этих сил является то победительницей, то рабыней другой. Так, в XVIII веке множество посредственных голов старалось найти истинную формулу, чтобы уравновесить общественные сословия, короля, парламент

и т. д., а на другой день не оказалось ни короля, ни парламента, ни дворянства. Истинным равновесием этого антагонизма было ниспровержение всех общественных отношений, служивших основой этим феодальным установлениям и основой антагонизма этих феодальных установлений.

Так как г-н Прудон на одну сторону ставит вечные идеи, категории чистого разума, а на другую сторону — людей и их практическую жизнь, являющуюся, по его мнению, применением этих категорий, то вы встретите у него с самого начала *дуализм* между жизнью и идеями, между душой и телом — дуализм, повторяющийся в различных формах. Вы теперь видите, что этот антагонизм, это — только лишь неспособность г-на Прудона понять обыденную историю и происхождение категорий, которые он обожествляет.

МАРКС — И. ВЕЙДЕМЕЙЕРУ

5 марта 1852 г.

Что касается меня, то мне не принадлежит ни та заслуга, что я открыл существование классов в современном обществе, ни та, что я открыл их борьбу между собою. Буржуазные историки задолго до меня изложили историческое развитие этой борьбы классов, а буржуазные экономисты — экономическую анатомию классов. То, что я сделал нового, состояло в доказательстве следующего: 1) что *существование* классов связано лишь с *определенными историческими фазами развития производства*, 2) что классовая борьба необходимо ведет к *диктатуре пролетариата*, 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к *уничтожению всяких классов и к обществу без классов*¹.

¹ Ленин в особом параграфе (3) второй главы книги «Государство и революция» дает следующее разъяснение к этому отрывку из письма Маркса:

«В этих словах Марксу удалось выразить с поразительной рельефностью, во-первых, главное и коренное отличие его учения от учения передовых и наиболее глубоких мыслителей буржуазии, а во-вторых, суть его учения о государстве.

«Главное в учении Маркса есть классовая борьба. Так говорят и пишут очень часто. Но это не верно. И из этой неверности сплошь да рядом получается оппортунистическое искажение марксизма, подделка его в духе приемлемости для буржуазии. Ибо учение о классовой борьбе не Марксом, а буржуазией до Маркса создано и для буржуазии, вообще говоря, приемлемо. Кто признает *только* борьбу классов, тот еще не марксист, тот может оказаться еще невыходящим из рамок буржуазного мышления и буржуазной политики. Ограничивать марксизм учением о борьбе классов — значит урезывать марксизм, искажать его, сводить его к тому, что приемлемо для буржуазии. Марксист лишь тот, кто *распространяет* признание борьбы классов до признания *диктатуры пролетариата*. В этом самое глубокое отличие марксиста от дюжинного мелкого (да и крупного) буржуа. На этом оселке надо испытывать *действительное* понимание и признание марксизма. И неудивительно, что когда история Европы подвела рабочий класс *практически*

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ

25 сентября 1857 г.

История *армии* дает возможность всего нагляднее подтвердить правильность нашего воззрения на связь производительных сил и общественных отношений. Вообще армия важна для экономического развития. Например, заработная плата впервые развилась вполне в армии у древних. Равным образом у римлян *rescuium castrense*¹ явилось первой правовой формой, в которой стали признавать движимую собственность не отцов семейства. Точно так же [впервые при войске возник] цеховой порядок корпораций ремесленников («фабри»). Точно так же здесь впервые встречается в крупных размерах применение машин. Даже особая ценность металлов и употребление их в качестве денег, повидимому, основывалось первоначально на их военном значении, как только миновал гриммовский каменный век. И разделение труда *внутри* одной отрасли промышленности было впервые проведено

к данному вопросу, то не только все оппортунисты и реформисты, но и все «каутскианцы» (колесблющиеся между реформизмом и марксизмом люди) оказались жалкими филистерами и мелкобуржуазными демократами, *отрицающими* диктатуру пролетариата. Брошюра Каутского «Диктатура пролетариата», вышедшая в августе 1918 г., т. е. много спустя после первого издания настоящей книжки, есть образец мещанского искажения марксизма и подлого отречения от него *на деле*, при лицемерном признании его *на словах* (см. мою брошюру: «Пролетарская революция и ренегат Каутский», Петроград и Москва, 1918 г.).

«Современный оппортунизм в лице его главного представителя, бывшего марксиста К. Каутского, подпадает целиком под приведенную характеристику *буржуазной* позиции у Маркса, ибо этот оппортунизм ограничивает область признания классовой борьбы областью буржуазных отношений. (А внутри этой области, в рамках ее ни один образованный либерал не откажется «принципиально» признать классовую борьбу!) Оппортунизм *не доводит* признания классовой борьбы как раз до самого главного, до периода *перехода* от капитализма к коммунизму, до периода *свержения* буржуазии и полного уничтожения ее. В действительности этот период неминуемо является периодом невиданно ожесточенной классовой борьбы, невиданно острых форм ее, а следовательно, и государство этого периода неизбежно должно быть государством *по новому* демократическим (для пролетариев и неимущих вообще) и *по новому* диктаторским (против буржуазии).

«Далее. Сущность учения Маркса о государстве усвоена только тем, кто понял, что диктатура *одного* класса является необходимой не только для всякого классового общества вообще, не только для *пролетариата*, свергнувшего буржуазию, но и для целого *исторического периода*, отделяющего капитализм от «общества без классов», от коммунизма. Формы буржуазных государств чрезвычайно разнообразны, но суть их одна: все эти государства являются так или иначе, но в последнем счете обязательно *диктатурой буржуазии*. Переход от капитализма к коммунизму, конечно, не может не дать громадного обилия и разнообразия политических форм, но сущность будет при этом неизбежно одна: *диктатура пролетариата*» [Ленин, Соч., т. XXI, стр. 392—393. *Ред.*]

¹ лат. — лагерное имущество. *Ред.*

также в армиях. Тут в сжатом, выпуклом виде — вся история буржуазных общественных форм. Если у тебя когда-нибудь будет время, ты должен разработать вопрос с этой точки зрения.

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ

7 июля 1866 г.

Наша теория об определении *организации труда средствами производства* нигде, кажется, так блестяще не подтверждается, как в «человекоубойной промышленности». Право, стоило бы, чтобы ты написал об этом что-нибудь (у меня для этого нехватает знаний), что можно было бы за твоей подписью внести в мою книгу в виде приложений. Подумай об этом. Если это делать, то надо делать для первого тома, где я эту тему исследую подробно. Ты понимаешь, как приятно было бы мне, если бы ты появился в моем главном труде (до сих пор я писал только мелочи) непосредственно в качестве сотрудника, а не только при посредстве цитат.

ЭНГЕЛЬС — КОНРАДУ ШМИДТУ

5 августа 1890 г.

Вообще, для многих молодых писателей в Германии слово «материалистический» служит просто в качестве фразы, которую они применяют к разным вещам, не давая себе труда заняться дальнейшим изучением, т. е. приклеивают этот ярлычок и считают, что этим все исчерпывается. Но наше понимание истории есть главным образом руководство к изучению, а не рычаг для конструирования на манер гегельянства. Всю историю надо начать изучать заново. Надо исследовать в деталях условия существования различных общественных формаций, прежде чем пытаться вывести из них соответствующие им политические, частно-правовые, эстетические, философские, религиозные и т. п. воззрения. В этом отношении сделано до сих пор очень мало, потому что очень немногих людей серьезно этим занималось. В этом отношении нам нужна большая помощь, область бесконечно велика, и тот, кто хочет работать серьезно, может многое создать и отличиться. Но вместо этого у многих немцев из молодого поколения фразы об историческом материализме (все можно ведь превратить в фразу) служат только для того, чтобы возможно скорее систематически сконструировать свои собственные, относительно весьма скудные исторические знания (экономическая история ведь еще в пеленках!) и затем с гордостью смотреть на свой подвиг...

...Вы сами действительно уже кое-что сделали и должны знать, как мало среди молодых литераторов, приставших к партии, таких, которые дают себе труд изучать экономику, экономическую историю, историю торговли, промышленности, земледелия, об-

ществленных форм. Многие ли из них знают о Маурере ¹ больше, чем одно только его имя! Самомнение журналиста должно все преодолеть, а этому соответствуют и результаты. Эти господа сплошь и рядом воображают, что для рабочих все годится. Если бы они знали, как Маркс считал свои лучшие вещи все еще недостаточно хорошими для рабочих, как он считал преступлением предлагать рабочим что-нибудь не самое лучшее.

ЭНГЕЛЬС — ИОСИФУ БЛОХУ ²

Лондон, 21 сентября 1890 г.

...Согласно материалистическому пониманию истории, в историческом процессе определяющим моментом в *конечном счете* является производство и воспроизводство действительной жизни. Ни я, ни Маркс большого никогда не утверждали. Если кто-нибудь это положение извратит в том смысле, что будто экономический момент является *единственно* определяющим моментом, тогда утверждение это превращается в ничего не говорящую, абстрактную, бессмысленную фразу. Экономическое положение, это — базис, но на ход исторической борьбы оказывают влияние и во многих случаях определяют преимущественно *форму* ее различные моменты надстройки: политические формы классовой борьбы и ее результаты — конституции, установленные победившим классом после одержанной победы, и т. п., правовые формы и даже отражение всех этих действительных битв в мозгу участников, политические, юридические, философские теории, религиозные воззрения и их дальнейшее развитие в систему догм. Тут имеется налицо взаимодействие всех этих моментов, в котором, в конце концов, экономическое движение, как необходимое, прокладывает себе дорогу сквозь бесконечное множество случайностей (т. е. вещей и событий, внутренняя связь которых настолько отдаленна или настолько трудно определима, что мы можем забыть о ней, считать, что ее не существует). В противном случае применять теорию к любому историческому периоду было бы легче, чем решать самое простое уравнение первой степени.

Мы делаем нашу историю сами, но, во-первых, мы делаем ее при весьма определенных предпосылках и условиях. Среди них экономические являются в конечном счете решающими. Но и политические условия и т. д., даже традиции, живущие в голо-

¹ См. 2-е примечание Энгельса на стр. 138—139 настоящего тома. *Ред.*

² В этом письме Энгельс разъясняет следующие вопросы: 1) о материальном производстве как основе, определяющей в *конечном счете* все развитие общества; 2) о роли идеологических надстроек в развитии общества, их обратном действии на экономический базис общества; 3) как складывается историческое событие в условиях стихийного развития антагонистического общества, из столкновения противоречивых воль. *Ред.*

вах людей, играют известную роль, хотя и не решающую. Прусское государство возникло и развивалось также благодаря историческим и в конечном счете экономическим причинам. Но едва ли можно, не сделавшись педантом, утверждать, что среди множества мелких государств Северной Германии именно Бранденбург был предназначен для роли великой державы, в которой воплотились экономические различия, различия в языке, а со времени реформации — и религиозные различия между севером и югом, причем это было predetermined именно только экономической необходимостью, а другие моменты не оказывали также влияния (прежде всего тут сказалось то обстоятельство, что Бранденбург, благодаря обладанию Пруссией, был втянут в польские дела и через это в международные политические отношения, которые явились решающими также и при образовании могущества Австрийского дома). Едва ли удастся кому-нибудь, не сделавшись смешным, объяснить экономически существование каждого маленького немецкого государства в прошлом и в настоящее время или объяснить экономически происхождение верхненемецкого передвижения согласных, которое географическое разделение, образованное горной цепью от Судетов до Таунуса, расширило до настоящей третины, проходящей через всю Германию.

Во-вторых, история делается таким образом, что конечный результат получается от столкновений множества отдельных волей, причем каждая из этих волей становится тем, чем она является, опять-таки благодаря массе особых жизненных обстоятельств. Таким образом, имеется бесконечное количество перекрещивающихся сил, бесконечная группа параллелограммов сил, и из этого перекрещивания выходит один общий результат — историческое событие. Этот исторический результат можно опять рассматривать как продукт одной силы, действующей как целое, *бессознательно* и невольно. Ведь то, чего хочет один, встречает препятствие со стороны всякого другого, и в конечном результате появляется нечто такое, чего никто не хотел. Таким образом, история, как она шла до сих пор, протекает подобно естественно-историческому процессу и подчинена, в сущности, тем же самым законам движения. Но из того обстоятельства, что воли отдельных людей, которые хотят каждый того, к чему их влечет их физическая конституция и внешние, в конечном счете экономические, обстоятельства (или свои собственные, личные или общесоциальные), что эти воли достигают не того, чего они хотят, но сливаются в нечто среднее, в одну общую равнодействующую, — из этого не следует заключать, что эти воли равны нулю. Наоборот, каждая воля участвует в равнодействующей и постольку включена в нее.

Далее, я прошу вас изучать эту теорию по первоисточникам, а не из вторых рук — это в действительности гораздо легче. Маркс не написал ничего, в чем бы эта теория не играла роли.

В особенности великолепным образцом ее применения является «18 брюмера Луи Бонапарт», точно так же множество указаний и в «Капитале». Затем я могу, конечно, указать на мои сочинения: «Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом» и «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии», в которых я дал самое подробное, насколько мне известно, из всех существующих изложение исторического материализма.

Маркс и я были виноваты отчасти в том, что молодежь иногда придавала больше значения экономической стороне, чем это следует. Нам приходилось, возражая нашим противникам, подчеркивать главный принцип, который они отрицали, и не всегда находилось достаточно времени, места и поводов отдавать должное и остальным моментам, участвующим во взаимодействии. Но как только дело доходило до изображения какого-либо исторического периода, т. е. до практического применения, дело менялось, и тут уже не могло быть никакой ошибки. К сожалению, сплошь и рядом полагают, что новую теорию вполне поняли и могут ее применять сейчас же, как только усвоены основные положения, да и то не всегда правильно. В этом я могу упрекнуть многих новейших «марксистов»; ведь благодаря этому также возникала удивительная путаница.

ЭНГЕЛЬС — КОНРАДУ ШМИДТУ¹

27 октября 1890 г.

...Это легче всего понять² с точки зрения разделения труда. Общество порождает известные общие функции, без которых оно не может обойтись. Предназначенные для этого люди образуют новую отрасль разделения труда *внутри общества*. Вместе с тем они приобретают особые интересы также и в противоположность тем, кто их уполномочил; они становятся самостоятельными по отношению к ним, и появляется государство. А затем происходит то же, что и при торговле товарами и позднее при торговле деньгами. Новая самостоятельная сила в общем и целом должна следовать за движениями производства, но она, в свою очередь, оказывает воздействие на условия и ход производства в силу при-

¹ В данном письме Энгельс разъясняет формы воздействия политической власти на экономическое развитие, взаимодействие экономики, политики, права, идеологий в развитии общества и устанавливает, что экономика определяет идеологию не всегда прямо, непосредственно, а большей частью через политику, поскольку общество расколото на классы; в философии, например, экономика отражается большей частью косвенно, через политические, юридические и моральные отражения. Письмо заострено против разных упрощенцев, вульгаризирующих и извращающих теорию марксизма. *Ред.*

² Речь в письме шла до сих пор о соотношениях между банковым делом, торговлей и производством. *Ред.*

сущей ей или, вернее, однажды полученной и постепенно развивавшейся дальше относительной самостоятельности. Это есть взаимодействие двух неравных сил: экономического движения, с одной стороны, и, с другой стороны, новой политической власти, стремящейся к возможно большей самостоятельности, политической власти, одаренной также и самостоятельным движением, так как она уже возникла. Экономическое движение в общем и целом проложит себе путь, но оно должно испытывать на себе также и обратное действие от политического движения, которое оно само для себя создало и которое обладает относительной самостоятельностью. На экономическое движение оказывает влияние, с одной стороны, движение государственной власти, а с другой — одновременно с ней порожденной оппозиции. Как в денежном рынке отражается в общем и целом, и с указанными выше оговорками, движение промышленного рынка, и, конечно, отражается *превратно*, так и в борьбе между правительством и оппозицией отражается борьба уже до этого существовавших и борющихся классов — и точно так же превратно: уже не прямо, а косвенно, не как борьба классов, а как борьба за политические принципы, и притом так превратно, что потребовались тысячелетия для того, чтобы мы смогли разгадать, в чем дело.

Обратное действие государственной власти на экономическое развитие может быть тройкого рода. Она может действовать в том же направлении, тогда дело идет быстрее; она может действовать против экономического развития, — тогда в настоящее время у каждого крупного народа она терпит крах через известный промежуток времени; или она может ставить экономическому развитию в определенных направлениях преграды и толкать вперед в других направлениях. Этот случай сводится, в конце концов, к одному из предыдущих. Но ясно, что во втором и третьем случаях политическая власть может причинить экономическому развитию величайший вред и может породить растрату сил и материала в массовом количестве.

Кроме того, имеются еще случаи завоевания и грубого уничтожения экономических ресурсов, в силу чего прежде при известных обстоятельствах могло гибнуть целиком все экономическое развитие данной местности и данной нации. Теперь подобные факты имеют по большей части противоположные результаты, во всяком случае у великих народов. Победенный в итоге выигрывает иногда и в экономическом, и в политическом, и в моральном отношениях более, чем победитель.

С правом то же самое. С возникновением потребности в новом разделении труда, создающем юристов по профессии, сейчас же открывается опять-таки новая самостоятельная область, которая при всей своей общей зависимости от производства и обмена все же обладает особой способностью обратно воздействовать на эти

области. В современном государстве право не только должно соответствовать общему экономическому положению, не только быть его выражением, но также быть его выражением *внутренне согласованным*, которое не било бы само себя по лицу в силу внутренних противоречий. А для того чтобы этого достичь, точность отражения экономических отношений страдает все более и более. Подобное явление встречается тем чаще, чем реже случается, что кодекс законов представляет собою резкое, песнягченное, правдивое выражение господства одного класса. Это противоречало бы «правовой идее». Чистая последовательная правовая идея революционной буржуазии эпохи 1792—1796 гг. уже в Кодексе Наполеона фальсифицирована во многих отношениях, а то, что в нем вошло, должно испытывать ежедневно всяческие смягчения благодаря возрастающей силе пролетариата. Но это не мешает тому, что Кодекс Наполеона является тем сводом законов, который лежит в основе кодификаций всех частей света. Таким образом, ход «правового развития» состоит по большей части только в том, что сначала пытаются устранить противоречия, вытекающие из непосредственного перевода экономических отношений в юридические принципы, и установить гармоническую правовую систему, а затем влияние и принудительная сила дальнейшего экономического развития опять постоянно ломают эту систему и запутывают ее в новые противоречия. (Я здесь говорю пока только о гражданском праве.)

Отражение экономических отношений в виде правовых принципов необходимо является точно так же стоящим вверх ногами. Это отражение совершается так, что этот процесс не доходит до сознания действующего; юрист воображает, что действует с априорными положениями, а это всего лишь экономические отражения. Таким образом, все стоит на голове. А что это извращение, создающее, пока оно еще не раскрыто, то, что мы называем *идеологическим воззрением*, в свою очередь оказывает обратное действие на экономическую основу и может ее в известных пределах изменить, — это мне кажется само собою разумеющимся. Основа наследственного права — экономическая, надо брать одинаковую ступень развития семьи. Несмотря на это, будет очень трудно доказать, что, например, в Англии абсолютная свобода завещаний, а во Франции сильное ее ограничение во всех деталях имели только экономические причины. Но и то и другое очень сильно действует на экономику тем, что оказывает влияние на распределение имущества.

Что же касается тех идеологических областей, которые еще выше парят в воздухе, — религии, философии и т. д., то у них имеется предисторическое содержание, находимое и усваиваемое историческим периодом, содержание, которое мы теперь назвали бы бессмыслицей. Эти различные ложные представления о природе, о существовании самого человека, о духах, волшебных силах

и т. д. имеют по большей части лишь отрицательно-экономическую основу; низкое экономическое развитие предисторического периода имело в качестве своего дополнения, а порой даже в качестве условия и даже в качестве причины, ложные представления о природе. И все же, хотя экономическая потребность была и с течением времени все более становилась главной пружиной движущегося вперед познания природы, — все же было бы педантством искать для всех этих первобытных бессмыслиц экономических причин. История наук это есть история постепенного устранения этой бессмыслицы или замены ее новой, но все же менее нелепой бессмыслицей. Люди, которые этим занимаются, принадлежат к особым областям разделения труда, и им кажется, что они обрабатывают независимую область. И, поскольку они образуют самостоятельную группу внутри общественного разделения труда, постольку их произведения, включая и их ошибки, оказывают обратное влияние на все общественное развитие, даже на экономическое. Но при всем том они опять-таки сами находятся под господствующим влиянием экономического развития. В философии, например, это можно всего легче доказать для ее буржуазного периода. Гоббс был первым современным материалистом (в смысле XVIII века), но он был сторонником самодержавия в то время, когда абсолютная монархия переживала свой период расцвета во всей Европе и в Англии вступила в борьбу с народом. Локк был в религии, как и в политике, сыном классового компромисса 1688 г. Английские деисты и их более последовательные продолжатели — французские материалисты были настоящими философами буржуазии, французы были даже философами буржуазной революции. В немецкой философии от Канта до Гегеля проглядывает немецкий буржуазный обыватель то положительно, то отрицательно. Но, как особая область разделения труда, философия каждой эпохи располагает в качестве предпосылки определенным мыслительным материалом, который передан ей ее предшественниками и из которого она исходит. От этого получается такое явление, что страны, экономически отсталые, в философии все же могут играть первую скрипку: Франция в XVIII веке по отношению к Англии, на философию которой французы опирались, а затем Германия по отношению к первым двум. Но как во Франции, так и в Германии философия и всеобщий расцвет литературы явились в ту эпоху результатом экономического подъема. Преобладание экономического развития в конечном счете также и над этими областями для меня неоспоримо, но оно имеет место в рамках условий, которые предписываются самой данной областью: в философии, например, воздействием экономических влияний (которые опять-таки оказывают действие по большей части только в своем политическом и т. п. одеянии) на имеющийся налицо философский материал, доставленный предшественниками. Эконо-

мика здесь ничего не создает заново, но она определяет вид изменения и дальнейшего развития имеющегося налицо мыслительного материала, но даже и это она производит по большей части лишь косвенным образом, между тем как важнейшее прямое действие на философию оказывают политические, юридические, моральные отражения.

О религии я сказал самое необходимое в последней главе брошюры о Фейербахе.

Следовательно, если Барт полагает, что мы отрицали всякое обратное влияние политических и т. д. отражений экономического движения на само это движение, то он просто сражается с ветряными мельницами. Ему следует заглянуть лишь в «18 брюмера» Маркса, где только почти и идет речь о той *особой* роли, которую играют политические битвы и события, конечно, в рамках их *всеобщей* зависимости от экономических условий: или «Капитал», например отдел о рабочем дне, где так решительно действует законодательство, которое ведь есть политический акт; или отдел, посвященный истории буржуазии (24-я глава). К чему же мы тогда бьемся за политическую диктатуру пролетариата, если политическая власть экономически бессильна? Насилие (т. е. государственная власть) — это есть тоже экономическая сила!

Но у меня уже теперь не остается времени критиковать самую книгу¹. Сначала должен выйти III том [«Капитала»], да к тому же это может сделать отлично, например, Берштейн.

Чего всем этим господам нехватает, так это диалектики. Они постоянно видят здесь причину, там — следствие. Они не видят, что это пустая абстракция, что такие метафизические, полярные противоположности в действительном мире существуют только во время кризисов, что весь великий процесс происходит в форме взаимодействия (хотя взаимодействующие силы очень не равны: экономическое движение среди них является гораздо более сильным, первоначальным, решающим), что здесь нет ничего абсолютного, а все относительно. Для них Гегели не существовало.

ЭНГЕЛЬС — Ф. МЕРИНГУ *

14 июля 1893 г.

...Идеология, это — процесс, который совершает так называемый мыслитель, хотя и с сознанием, но с сознанием ложным.

¹ Речь идет о книге проф. Барта «Философия истории Гегеля и гегелианцев до Маркса и Гартмана». *Ред.*

² Это письмо написано по поводу статьи Меринга «Об историческом материализме», приложенной в конце его книги «Легенда о Лессинге». В этой статье Меринг упоминал о книге Барта «Философия истории Гегеля и гегелианцев до Маркса и Гартмана», стоящего на идеалистической точке зрения. *Ред.*

Истинные побудительные силы, которые приводят его в движение, остаются ему неизвестными, в противном случае это не было бы идеологическим процессом. Он [Барт] создает себе, следовательно, представления о ложных или кажущихся побудительных силах. Так как это — процесс мысли, то он и выводит как содержание, так и форму его из чистого мышления — или из своего собственного, или из мышления своих предшественников. Он имеет дело исключительно с материалом мыслительным; без дальнейших okolичностей он считает, что этот материал порожден мышлением, и не занимается исследованием никакого другого процесса, более отдаленного и от мышления независимого. Такой подход к делу кажется ему само собой разумеющимся, так как для него всякое человеческое действие кажется *основанным* в последнем счете на мышлении, потому что совершается *при участии* мышления.

У исторического идеолога (исторический означает здесь понятие собирательное для понятий: политический, юридический, философский, теологический, — словом, для всех областей, относящихся к обществу, а не просто к природе) в области каждой науки имеется известный материал, который образовался самостоятельно из мышления прежних поколений и проделал ряд ступеней самостоятельного развития в мозгу этих следовавших одно за другим поколений. Конечно, на это развитие могли воздействовать в качестве сопутствующих причин и внешние факты, относящиеся к данной области или к другой, но факты эти, по молчаливому соглашению, считаются опять-таки просто плодами мыслительного процесса, и таким образом мы все время продолжаем оставаться в области чистой мысли, которая как будто переваривает счастливо даже самые твердые факты.

Как раз эта видимость самостоятельной истории государственных конституций, правовых систем, идеологических представлений в любой области прежде всего и ослепляет большинство людей. Если Лютер и Кальвин «преодолевают» официальную католическую религию, а Гегель — Канта и Фихте, если Руссо своим республиканским «Общественным договором» косвенно «преодолеывает» конституционалиста Монтескье, то это — процесс, остающийся внутри теологии, философии, государственной теории, представляющий собой ступень в развитии этих областей мышления и вовсе не выходящий за пределы мышления. А с тех пор как к этому прибавилась буржуазная иллюзия о вечности и абсолютном совершенстве капиталистического производства, — с этих пор даже победа физиократов и Адама Смита над меркантилистами кажется простой победой мысли, не отражением в области мышления изменившихся экономических фактов, а достигнутым, наконец, истинным пониманием неизменно и повсюду существующих фактических условий. Выходит, что если бы Ричард Львиное Сердце и Филипп-Август ввели свободу торговли вместо того, чтобы впутываться в кре-

стовые походы, то можно было бы избежать 500 лет нищеты и невежества.

На эту сторону дела, которой я здесь смог коснуться лишь слегка, мне думается, все мы обратили внимания меньше, чем она того заслуживает. Это старая история: вначале всегда из-за содержания не обращают внимания на форму. Я сам это делал, как уже сказано, и ошибка бросилась мне в глаза уже после.

И я не только, следовательно, далек от того, чтобы упрекать вас за это, — как виновный в том же еще раньше вас, я даже не имею на то права, — а наоборот — я только хотел бы обратить ваше внимание на этот пункт для будущего.

В связи с этим находится также идиотское представление идеологов: так как мы за различными идеологическими областями, играющими роль в истории, не желаем признать самостоятельного исторического развития, то, значит, мы отрицаем за ними всякую *историческую* роль. В основе этого лежит шаблонное, недialeктическое представление о причине и следствии как о двух неизменно противостоящих полюсах, и абсолютно упускается из виду взаимодействие. Эти господа часто намеренно забывают о том, что как только исторический момент произведен на свет другими, в конце концов экономическими фактами, так он тоже действует и на окружающую его среду и даже на породившие его причины может оказывать обратное действие. Так, например, Барт по поводу сословия священников и религии, у вас — стр. 475¹,

ЭНГЕЛЬС — Г. ШТАРКЕНБУРГУ²

Лондон, 25 января 1894 г.

1. Под экономическими отношениями, которые мы считаем определяющей основой истории общества, мы понимаем тот спо-

¹ В том месте этой статьи, на которое ссылается Энгельс, у Меринга приведена выписка из книги Барта «Философия истории Гегеля и гегелианцев до Маркса и Гартмана». Вот эта выписка: «На Востоке религия создала повсюду особое привилегированное сословие жрецов, освобожденное от физического труда и выделенное для умственной деятельности благодаря тому, что другие сословия были обязаны платить дань. Таким образом, потребление части продуктов хозяйства определялось религией. В греко-римской культуре отправление священнической деятельности лишь изредка возлагалось на особые органы. Христианство же привело обратно к восточной дифференциации, создало особое сословие жрецов, щедро их обеспечивало и выделило таким образом часть экономических благ в виде материального субстрата для религиозной деятельности, которая вскоре стала умственной деятельностью вообще». Это идеалистический взгляд на отношение хозяйства и религии.

В противовес ему Меринг приводит место из «Капитала» Маркса, который вскрывает *материальные основы и причины* выдающейся роли жрецов в хозяйстве древнего Египта: «Необходимость следить за периодическими движениями Нила и предвидеть их создала египетскую астрономию, а с ней господство касты жрецов как руководительницы земледелия» («Капитал», т. I). *Ред.*

² В этом письме Энгельс указывает на решающее значение промышленности для развития науки и снова подчеркивает, что экономика является

соб, каким люди определенного общества производят средства к жизни и обменивают между собой продукты (поскольку существует разделение труда). Таким образом, сюда входит *вся техника* производства и транспорта. Эта техника, согласно нашим взглядам, определяет также и способ обмена, затем распределения продуктов, а следовательно, после разложения родового строя также и разделение на классы, следовательно, отношения господства и подчинения и, следовательно, государство, политику, право и т. д. В понятие экономических отношений включается далее и географическая основа¹, на которой эти отношения развиваются, и фактически перешедшие от прошлого остатки прежних стадий экономического развития, которые продолжают сохраняться зачастую только по традиции или благодаря *vis inertiae* [силе инерции], а также, конечно, внешняя среда, окружающая эту общественную форму.

Если, как вы утверждаете, техника в значительной степени зависит от состояния науки, то в гораздо большей мере наука зависит от *состояния* и *потребностей* техники. Если у общества появляется техническая потребность, то она продвигает науку вперед больше, чем десяток университетов. Вся гидростатика (Торичелли и т. д.) вызвана была к жизни потребностью регулировать горные потоки в Италии в XVI и XVII веках. Об электричестве мы узнали кое-что разумное только с тех пор, когда открыта была техническая применимость его. В Германии, к сожалению, привыкли писать историю наук так, как будто бы они свалились с неба.

2. Мы считаем, что экономические условия в конечном счете обуславливают историческое развитие. Раса же сама является экономическим фактором. Здесь, однако, не следует забывать о двух пунктах:

а) Политическое, правовое, философское, религиозное, литературное, художественное и т. д. развитие основано на экономическом развитии. Но все они оказывают влияние друг на друга,

---

решающей лишь в последнем счете, что она не есть единственная активная причина развития общества, что нет какого-то автоматического действия экономики, что политические и идеологические надстройки также играют активную роль, а не являются лишь *пассивными* следствиями экономики, как воображают метафизики и вульгаризаторы-упрощенцы. Затем Энгельс ставит вопрос о необходимости и случайности и о роли выдающихся личностей в истории. *Ред.*

¹ Здесь под экономическими отношениями Энгельс понимает по существу совокупность «*условий материальной жизни*» людей, как более точно и конкретно говорится в сталинском «Кратком курсе истории ВКП(б)» (см. стр. 112—119). Под экономическими отношениями в строгом смысле слова марксизм-ленинизм понимает лишь отношения людей в процессе производства — производственные отношения. *Ред.*

а также и на экономическую основу. Дело обстоит совсем не так, что только экономическое положение является *единственной активной причиной*, а остальное является лишь пассивным следствием. Нет, тут взаимодействие на основе экономической необходимости, в *конечном счете* всегда проявляющейся. Государство, например, оказывает влияние при помощи покровительственных пошлин, свободы торговли, хорошей или дурной финансовой системы. Даже смертельная усталость и бессилие немецких мещан, происходившие из экономически жалкого положения Германии в период с 1648 по 1830 г. и выразившиеся сначала в ханжестве, затем в сентиментальности и в рабском пресмыкательстве перед князьями и дворянством, не остались без влияния на экономику. Это было одним из величайших препятствий для нового подъема, и препятствие это было поколеблено только благодаря тому, что революционные и наполеоновские войны сделали хроническую нищету острой. Следовательно, нет автоматического действия экономического положения, как это для удобства кое-кто себе представляет, а сами люди делают свою историю в определенной, обуславливающей их среде, на основе уже существующих действительных отношений, среди которых экономические условия, как бы сильно ни влияли на них прочие — политические и идеологические, являются в последнем счете все же решающими и образуют ту красную нить, которая пронизывает все развитие и единственно приводит к пониманию.

б) Люди сами делают свою историю, но до сих пор они делали ее, не руководясь общей волей по единому общему плану, даже в рамках определенного, ограниченного, данного общества. Их стремления перекрещиваются, и во всех таких обществах господствует поэтому *необходимость*, дополнением и формой проявления которой является *случайность*. Необходимость, проявляющаяся здесь сквозь всякую случайность, — опять-таки в конечном счете экономическая. Здесь мы подходим к вопросу о так называемых великих людях. То обстоятельство, что вот именно этот великий человек появляется в данной стране, в определенное время, конечно, есть чистая случайность. Но если мы этого человека отвергнем, то появится спрос на то, чтобы заместить его кем-нибудь, и такой заместитель находится, — хорошо или плохо, но с течением времени находится. Что Наполеон, именно этот корсиканец, был тем военным диктатором, который стал необходим Французской республике, истощенной войной, — это было случайностью. Но если бы Наполеона не было, то роль его выполнил бы другой. Это доказывается тем, что всегда, когда такой человек был нужен, он находился: Цезарь, Август, Кромвель и т. д. Если материалистическое понимание истории открыл Маркс, то Тьерри, Минье, Гизо, все английские историки до 1850 г. доказывают, что к этому стремились многие, а откры-

тие того же самого понимания Морганом¹ показывает, что время этого созрело и это открытие *должно* было быть сделано.

Точно так же обстоит дело со всеми другими случайностями и кажущимися случайностями в истории. Чем дальше будет удаляться от экономической та область, которую мы исследуем, чем больше она приближается к чисто абстрактно-идеологической, тем больше будем мы находить в ее развитии случайностей, тем более зигзагообразной является ее кривая. Если вы начертите среднюю ось кривой, то найдете, что чем длиннее изучаемый период, чем больше изучаемая область, тем более параллельно ей она идет.

В Германии величайшим препятствием к правильному пониманию является непростительное пренебрежение в литературе к экономической истории. Очень трудно не только отвыкнуть от представлений об историческом развитии, привитых в школе, но еще труднее собрать материал, необходимый для этого. Кто читал, например, хотя бы старого Г. фон-Гюлиха, который в своем сухом собрании материалов поместил столько ценного для объяснения бесконечного количества политических фактов!

Вообще же я думаю, что тот прекрасный образец, который Маркс дал в «18 брюмера», должен вам дать довольно полный ответ на ваши вопросы как раз потому, что это — практический пример. Большинство вопросов, как мне кажется, затронуты в «Анти-Дюринге», ч. I, гл. 9—11, ч. II, гл. 2—4, а также в ч. III, гл. 1, или во введении, а кроме того и в последней главе «Фейербаха».

Прошу вас обратить внимание на общую связь и не относиться придирчиво к каждому написанному здесь слову: у меня, к сожалению, не было времени изложить вам все это так ясно и четко, как если бы это было предназначено для печати.

---

¹ Книга американского ученого Г. Л. Морган «Древнее общество, или исследование о путях развития человечества от дикости через варварство к цивилизации» вышла в 1877 г. Энгельс в предисловии к своей книге «Происхождение семьи, частной собственности и государства» говорит: «Большая заслуга Морганя — в том, что он открыл и восстановил в главных чертах эту предисторическую основу нашей писанной истории и в родовых объединениях североамериканских индейцев нашел ключ к важнейшим загадкам древнейшей истории, греческой, римской и германской, — к загадкам, которые до сих пор оставались неразрешимыми». Но научное, экономическое обоснование этого открытия с точки зрения диалектического и исторического материализма дано Марксом и Энгельсом. *Ред.*

ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ МАТЕРИАЛИЗМЕ¹

...Я прекрасно знаю, что содержание этой брошюры заденет за живое значительную часть британской читающей публики. Но если бы мы, жители континента, хоть сколько-нибудь считались с предрассудками британской «респектабельности», т. е. британского филистерства, то дело обстояло бы еще хуже, чем сейчас. Предлагаемая брошюра написана в защиту того, что мы называем «историческим материализмом», а слово «материализм» режет слух у подавляющего большинства британских читателей. «Агностицизм»² — еще куда ни шло, но материализм — совершенно недопустимая вещь.

И все же первоначальной родиной всего современного материализма, начиная с XVII столетия, является именно Англия.

«Материализм — родной сын Великобритании. Уже английский схоластик Дунс Скот спрашивал себя: не может ли материя мыслить?»

«Чтобы совершить это чудо, он прибегал к всемогуществу божию, т. е. заставил само богословие проповедывать материализм. К тому же он был номиналистом³. Номинализм является у английских материалистов одним из главных элементов, да и вообще он представляет собою первое выражение материализма.

«Настоящий родоначальник английского материализма — Бэкон. Естествознание для него представляло истинную науку, а физика, опирающаяся на чувственный опыт, — самую важную

¹ См. примечание 2, на стр. 174 настоящего тома. *Ред.*

² *Агностицизм* — от греческих слов: *а* — не, *гносис* — знание. Агностик считает вещи (объективный мир) непознаваемыми. *Ред.*

³ *Номинализм* — от латинского слова *номен* — имя; направление в средневековой философии, признававшее, что общие понятия, это — лишь имена для обозначения сходных предметов, что сами по себе идеи, понятия не имеют самостоятельного существования; в противоположность этому первому выражению материализма, другое направление средневековой философии — реализм — отстаивало тот взгляд, что понятия «реальны», т. е. существуют не только как *отражение* реального мира в сознании людей, но и *вне* сознания, независимо от мира вещей и до вещей; следовательно, средневековый «реализм» представлял собою идеализм. *Ред.*

отрасль естествознания. На Анаксагора с его гомойомериями и на Демокрита с его атомами он часто ссылается как на авторитеты. Согласно его учению, чувства не обманчивы и служат источником всякого знания. Всякая наука есть опытная наука и заключается в том, чтобы применять к чувственно данному рациональный метод. Индукция, анализ, сравнение, наблюдение, эксперимент являются главными условиями рационального метода. Среди прирожденных материи свойств первое и важнейшее, это — движение, не только в смысле механического и математического движения, но еще больше как стремление, жизненный дух, напряжение, — словом, употребляя выражение Якова Беме, мўка (Qual)¹ материи. Первоначальные формы материи, это — живые, прирожденные ей, индивидуализирующие, вызывающие специфические различия, силы, заложенные в ее сущности.

«Материализм у Бэкона, его первого творца, таит еще в себе в наивной форме зародыши всестороннего развития. Материя, окруженная поэтически-чувственным ореолом, приветливо улыбается цельному человеку. Само же учение, изложенное в форме афоризмов, еще кишит, напротив, богословскими непоследовательностями».

«В своем дальнейшем развитии материализм становится односторонним. Гоббс является систематиком бэконовского материализма. Чувственность теряет свой поэтический блеск и превращается в абстрактную чувственность геометра. Физическое движение приносится в жертву механическому или математическому, геометрия объявляется главной наукой. Материализм становится враждебным человеку. Чтобы преодолеть враждебный человеку бесплотный дух в его собственной сфере, материализму приходится самому умертвить свою плоть и стать аскетом. Он выступает как рассудочное существо, но зато он с беспощадной последовательностью развивает все выводы рассудка.

«Если наши чувства являются источником всех наших знаний, — рассуждает Гоббс, отправляясь от Бэкона, — то созерцание, мысль, представления и пр. — все это не что иное, как призраки телесного мира, освобожденного в большей или меньшей степени от своей чувственной формы. Наука может только подобрать названия для этих призраков. Одно и то же название может быть придано нескольким призракам. Возможно даже существование названий самих названий. Но было бы противоречием, с одной

¹ «Qual», это — философская игра слов. «Qual» буквально означает мучение, боль, которая толкает на какое-нибудь действие. В то же самое время мистик Беме вносит в это немецкое слово и нечто от латинского слова qualitas (качество). Его «qual», это — в противоположность боли, причиняемой извне, активное начало, возникающее из самопроизвольного развития вещи, отношения или личности, ему подверженной, а также в свою очередь вызывающее к жизни это развитие». (Примечание Энгельса к английскому тексту.)

стороны, относить происхождение всех идей к чувственному миру, а с другой — утверждать, что слово есть нечто большее, чем только слово, что кроме отражающихся в нашем представлении отдельных существ возможны еще какие-то всеобщие сущности. Бесплотная субстанция — это, напротив, такое же противоречие, как бестелесное тело. Тело, бытие, субстанция — все это одна и та же реальная идея. *Нельзя отделить мышление от материи, которая мыслит.* Материя является субъектом всех изменений. Слово «бесконечный» бессмысленно, если оно не означает способности нашего духа без конца производить сложение. Так как только материальное доступно восприятию, познаваемо, то ничего неизвестно о существовании бога. Только мое собственное существование достоверно. Всякая человеческая страсть есть механическое движение, которое имеет начало и конец. Объекты стремлений — вот то, что мы называем благом. Человек подчиняется тем же законам, что и природа. Моущество и свобода тождественны.

«Гоббс систематизировал Бэкона, но не развил ближе его основной принцип — происхождение знаний и идей из мира чувств.

«Локк дал обоснование принципа Бэкона и Гоббса в своем труде «Опыт о происхождении человеческого рассудка».

«Как Гоббс уничтожил теистические ¹ предрассудки бэконовского материализма, так Коллинз, Додуэлл, Коуард, Гартли, Пристли и т. д. уничтожили последнюю теологическую границу Локкова сенсуализма. Деизм ² — не более чем удобный и легкий способ отделаться от религии — по крайней мере для материалиста» ³.

Так писал Карл Маркс о британском происхождении современного материализма. И если в настоящее время англичане не чувствуют себя особенно польщенными этим признанием заслуг их предков, то об этом можно только пожалеть. И все же нельзя отрицать, что Бэкон, Гоббс и Локк были отцами той блестящей школы французских материалистов, которые, несмотря на все победы, одержанные немцами и англичанами на суше и на море над французами, делают XVIII век преимущественно французским веком; и это —

¹ *Теистические* — т. е. религиозные. *Ред.*

² *Деизм* — философское направление, враждебное положительным религиям с их культом личного бога, но не отказывающееся целиком от идеи бога, оставляющее бога как первопричину всего, как силу, дающую первый толчок. Деисты не порывают с идеей бога окончательно, как это делают последовательные материалисты (являющиеся атеистами — безбожниками). Бог деистов, положивший, по их мнению, начало природе, ограничен законами природы и не может действовать по своему произволу, творить чудеса, идущие вразрез с этими законами. Таким образом, деизм давал возможность в непоследовательной, прикрытой форме признавать выводы материализма. *Ред.*

³ *К. Маркс и Ф. Энгельс, «Святое семейство».* Франкфурт-на-Майне, 1845 г., стр. 201—204. (*Примечание Энгельса.*) См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. III, стр. 157—158. *Ред.*

задолго до той венчающей конец этого века французской революции, результаты которой некоторые из нас как в Англии, так и в Германии все еще стремятся акклиматизировать у себя.

Этого никак нельзя отрицать. Когда образованный иностранец переезжал в середине нашего столетия на жительство в Англию, то более всего его поражали, — иначе он и не мог воспринять это, — религиозное ханжество и тулость английского «респектабельного» среднего класса. Мы были тогда все материалистами или, по меньшей мере, очень радикальными вольнодумцами, и для нас был непонятен тот факт, что почти все образованные люди в Англии верили во всевозможные невероятные чудеса и что даже геологи, как Бекленд и Мантелл, извращали данные своей науки, дабы они не слишком сильно били по мифам моисеевой легенды о сотворении мира. Казалось непостижимым то, что надо было идти к необразованной массе, к «неумытой толпе», как тогда выражались, — к рабочим, особенно к социалистам, последователям Оуэна, для того, чтобы найти людей, осмеливающихся в религиозных вопросах опираться на собственный разум.

Но с того времени Англия «цивилизовалась». Выставка 1851 г. прозвучала похоронным звоном для английской островной замкнутости. Англия постепенно интернационализировалась в пище и питье, в обычаях, в представлениях, она достигла в этом таких успехов, что мне все больше хочется выразить пожелание, чтобы некоторые английские обычаи нашли себе на континенте такое же всеобщее применение, какое нашли в Англии некоторые обычаи континента. Несомненно одно: распространение прованского масла (до 1851 г. известного только аристократии) сопровождалось роковым распространением континентального скептицизма в религиозных вопросах; дошло до того, что агностицизм, хотя он еще и не считается столь благородным, как английская государственная церковь, стоит все же в отношении респектабельности почти на одной ступени с сектой баптистов и во всяком случае рангом выше «Армии спасения». И я не могу освободиться от мысли, что многим, кто всем сердцем сокрушается по поводу этого прогресса неверия и проклинает его, будет утешительно узнать, что эти новоиспеченные идеи не чужеземного происхождения, не носят на себе марки *Made in Germany* — изготовлено в Германии, как множество других предметов повседневно обихода; что они, напротив, старо-английского происхождения и что их британские родоначальники двести лет тому назад заходили гораздо дальше, чем их нынешние потомки.

Действительно, что такое агностицизм, как не стыдливый материализм? Взгляд агностика на природу насквозь материалистичен. Весь естественный мир управляется законами и абсолютно исключает всякое воздействие извне. Но, — предусмотрительно добавляет агностик, — мы не в состоянии доказать существование

или несуществование какого-либо высшего существа вне известного нам мира. Эта оговорка имела ценность в те времена, когда Лаплас на вопрос Наполеона, почему в «*Mécanique Céleste*»¹ этого великого астронома даже не упомянуто имя творца мира, дал гордый ответ: «*Je n'avais pas besoin de cette hypothèse*»². В настоящее же время наше представление о вселенной в ее развитии совершенно не оставляет места ни для творца, ни для вседержителя. Но если захотели бы признать некое высшее существо, исключенное из всего существующего мира, то это само по себе было бы противоречием, и как мне кажется, незаслуженным оскорблением чувств религиозных людей.

Наш агностик соглашается также, что все наше знание основано на тех сообщениях, которые мы получаем через посредство наших чувств. Но, добавляет он, откуда мы знаем, что наши чувства дают нам верные изображения воспринимаемых ими вещей? И далее он сообщает нам, что когда он говорит о вещах или об их свойствах, то он в действительности имеет в виду не самые эти вещи или их свойства, о которых он ничего достоверного знать не может, а лишь те впечатления, которые они произвели на его чувства. Слов нет, это такая точка зрения, которую трудно, повидимому, опровергнуть одной только аргументацией. Но прежде чем люди стали аргументировать, они действовали. «Вначале было дело». И человеческая деятельность разрешила это затруднение задолго до того, как человеческое мудрствование выдумало его. *The proof of the pudding is in the eating*³. В тот момент, когда, сообразно воспринимаемым нами свойствам какой-либо вещи, мы употребляем ее для себя, — мы в этот самый момент подвергаем безошибочному испытанию истинность или ложность наших чувственных восприятий. Если эти восприятия были ложны, то и наше суждение о возможности использовать данную вещь необходимо будет ложно, и всякая попытка такого использования неизбежно приведет к неудаче. Но если мы достигнем нашей цели, если мы найдем, что вещь соответствует нашему представлению о ней, что она дает тот результат, какого мы ожидали от ее употребления, — тогда мы имеем положительное доказательство, что в этих границах наши восприятия о вещи и ее свойствах совпадают с существующей вне нас действительностью. Если же, наоборот, мы найдем, что сделали ошибку, тогда большею частью в скором времени мы умеем находить причину ошибки; мы находим, что восприятие, легшее в основу нашего испытания, либо само было неполно и поверхностно, либо было связано с результатами других восприятий таким образом, который не оправдывается положением дела;

¹ «Небесная механика». *Ред.*

² «У меня не было надобности в этой гипотезе». *Ред.*

³ Проверка пудинга состоит в том, что его съедают. *Ред.*

это мы называем ложным умозаключением. До тех же пор, пока мы как следует развиваем наши чувства и пользуемся ими, пока мы держим свою деятельность в границах, поставленных правильно полученными и использованными восприятиями, — до тех пор мы всегда будем находить, что успех наших действий дает доказательство соответствия наших восприятий с предметной природой воспринимаемых вещей. Нет ни единого случая, насколько нам известно до сих пор, когда бы мы вынуждены были заключить, что наши научно-проверенные чувственные восприятия производят в нашем мозгу такие представления о внешнем мире, которые по своей природе отклоняются от действительности, или что между внешним миром и нашими чувственными восприятиями его существует прирожденная несогласованность.

Но тут является новоkantianский агностик и говорит: да, возможно, что мы в состоянии правильно воспринять свойства вещи, но самой вещи мы никаким, ни чувственным, ни мыслительным процессом постичь не можем. Эта вещь в себе находится по ту сторону нашего познания. На это уже Гегель очень давно дал ответ: если вы знаете все свойства вещи, то вы знаете и самую вещь; тогда остается только голый факт, что названная вещь существует вне нас и, как только ваши чувства удостоверили и этот факт, вы постигли эту вещь всю без остатка, — постигли знаменитую кантовскую непознаваемую вещь в себе. В настоящее время мы можем к этому только прибавить, что во времена Канта наше познание природных вещей было еще настолько отрывочным, что за каждой из них можно было еще допускать существование особой таинственной вещи в себе. Но с того времени эти непостижимые вещи одна за другой, вследствие гигантского прогресса науки, уже постигнуты, проанализированы и даже более того — воспроизведены. А то, что мы сами можем *сделать*, мы уж, конечно, не можем назвать непознаваемым. Подобными таинственными существами для химии первой половины нашего столетия были органические вещества. Теперь нам удается составлять их одно за другим из их химических элементов и без помощи органических процессов. Современная химия утверждает: коль скоро химический состав какого-либо тела известен, оно может быть составлено из его элементов. Нам еще, правда, очень далеко до точного знания состава высших органических веществ, так называемых белковых тел; однако нет никакого основания считать, что мы и спустя столетия не сможем достигнуть этого знания и с его помощью добыть искусственный белок. Если мы этого достигнем, то вместе с тем мы воспроизведем органическую жизнь, ибо жизнь от самых низших до самых высших ее форм есть не что иное, как нормальная форма существования белковых тел.

Но наш агностик, сделав свои формальные оговорки, говорит и действует уже совсем как закоренелый материалист, каким

он в сущности и является. Он, может быть, скажет: насколько нам известно, материю и движение, или, как теперь говорят, энергию нельзя ни создать, ни уничтожить, но у нас нет никакого доказательства того, что и то и другое не было в какой-то неведомый нам момент сотворено. Но как только вы попытаетесь в каком-нибудь определенном случае использовать это признание против него, — он моментально заставит вас замолчать. Если он *in abstracto*¹ допускает возможность спиритуализма, то *in concreto*² он об этой возможности и знать не желает. Он вам скажет: поскольку мы знаем и можем знать, не существует никакого творца или вседержителя вселенной; насколько это нам известно, материю и энергию также нельзя ни создать, ни уничтожить; для нас мышление — только форма энергии, функция мозга; все, что мы знаем, сводится к тому, что материальный мир управляется неизменными законами, и т. д. и т. п. Таким образом, поскольку он человек науки, поскольку он что-либо знает, постольку он материалист; но вне своей науки, в тех областях, которые ему чужды, он переводит свое невежество на греческий язык, называя его агностицизмом.

Во всяком случае несомненно одно: даже если бы я был агностиком, я не мог бы изложенный в этой книжке взгляд на историю назвать «историческим агностицизмом». Религиозные люди высмеяли бы меня, а агностики с негодованием спросили бы: не издаваюсь ли я над ними? И я надеюсь, что и британская «респектабельность», которая по-немецки называется филистерством, не будет чересчур возмущена, если я применю на английском, как и на многих других языках, выражение «исторический материализм» для обозначения того взгляда на ход всемирной истории, который находит конечную причину и решающую движущую силу всех важных исторических событий в экономическом развитии общества, в изменениях способа производства и обмена, в вытекающем отсюда распадении общества на различные классы и в борьбе этих классов между собою.

Может быть ко мне отнесутся еще более снисходительно, если я докажу, что исторический материализм может оказаться полезным даже для респектабельности британского филистера. Я указал на тот факт, что лет сорок или пятьдесят назад каждого образованного иностранца, поселявшегося в Англии, неприятно поражало то, что ему должно было казаться религиозным ханжеством или ограниченностью английского «респектабельного» среднего класса. Я сейчас покажу, что респектабельный английский средний класс того времени был совсем не так глуп, как это казалось интеллигентному иностранцу. Религиозные стремления этого класса имеют свое объяснение.

¹ — вообще, отвлеченно. *Ред.*

² — в конкретном случае. *Ред.*

Когда Европа вышла из средневековья, городская буржуазия, находившаяся в процессе подъема, была в ней революционным элементом. Признанное положение, которое она завоевала себе внутри средневекового феодального строя, стало уже слишком тесным для ее способности к расширению. Свободное развитие буржуазии стало уже несовместимо с феодальной системой, феодальная система должна была пасть.

Но римско-католическая церковь была крупным интернациональным центром феодальной системы. Несмотря на все внутренние войны, она объединяла всю феодальную Западную Европу в одно большое политическое целое, которое находилось в противоречии одинаково как с схизматическим греческим, так и с магометанским миром. Она окружила феодальный строй ореолом божественной благодати. Свою собственную иерархию она установила по феодальному образцу, и в конце концов она была самым крупным феодальным владетелем, потому что ей принадлежало не менее третьей части всего католического землевладения. Прежде чем вступить в борьбу со светским феодализмом в каждой стране в отдельности, необходимо было разрушить эту его центральную священную организацию.

Однако вместе с расцветом буржуазии шаг за шагом шел гигантский рост науки. Возобновились занятия астрономией, механикой, физикой, анатомией, физиологией. Буржуазии для развития ее промышленности нужна была наука, которая исследовала бы свойства физических тел и формы проявления сил природы. До того же времени наука была смиренной служанкой церкви, и ей не позволено было выходить за рамки, установленные верой: короче — она была чем угодно, только не наукой. Теперь наука восстала против церкви; буржуазия нуждалась в науке и приняла участие в этом восстании.

Я коснулся, таким образом, лишь двух пунктов, в которых растущая буржуазия должна была притти в столкновение с существующей церковью. Но этого будет достаточно, чтобы доказать, во-первых, что в борьбе против притязаний католической церкви наибольшее участие принимал именно этот класс — буржуазия; во-вторых, что всякая борьба против феодализма должна была тогда принимать религиозное облачение, направляться в первую очередь против церкви. Но если боевой клич исходил от университетов и деловых людей городов, то сильный отклик он неизбежно находил в массах сельского населения, у крестьян, которые повсюду вели ожесточенную борьбу со своими духовными и светскими феодалами, и притом борьбу за самое существование.

Великая борьба европейской буржуазии против феодализма дошла до высшего напряжения в трех крупных решающих битвах.

Первой была так называемая реформация в Германии. Призыв Лютера к бунту против церкви вызвал два политических восста-

ния: сначала — низшего дворянства под предводительством Франца фон-Зиккингена в 1523 г., а затем — Великую крестьянскую войну 1525 г. Оба они были подавлены главным образом вследствие нерешительности наиболее заинтересованной партии, городской буржуазии, — нерешительности, на причинах которой мы здесь не можем останавливаться. С этого момента борьба выродилась в грызню между отдельными князьями и имперской центральной властью и имела своим последствием то, что Германия на 200 лет была вычеркнута из списка политически активных наций Европы. Лютеранская реформация установила в ней во всяком случае новую религию — именно такую, какая как раз нужна была абсолютной монархии. Не успели крестьяне на северо-востоке Германии принять лютеранство, как они были из свободных людей низведены до состояния крепостных.

Но там, где Лютера постигла неудача, победил Кальвин. Его догма отвечала требованиям самой смелой части тогдашней буржуазии. Его учение о предопределении было религиозным выражением того факта, что в мире торговли и конкуренции удача или банкротство зависят не от деятельности или искусства отдельных лиц, а от обстоятельств, от них не зависящих. «Определяет не воля или действия какого-либо отдельного человека, а милосердие» могущественных, но неизвестных экономических сил. И это было особенно верно во время экономического переворота, когда все старые торговые пути и торговые центры вытеснялись новыми, когда были открыты Америка и Индия, когда даже издревле почитаемый экономический символ веры — ценность золота и серебра — пошатнулся и потерпел крушение. Притом церковный строй Кальвина был насквозь демократичным и республиканским; а где уже и царство божие республиканизировано, могли ли там земные царства оставаться верноподданными королей, епископов и феодалов? Если лютеранство в Германии стало послушным орудием в руках германских мелких князей, то кальвинизм создал республику в Голландии и сильные республиканские партии в Англии и особенно в Шотландии.

В кальвинизме нашло себе готовую боевую теорию второе крупное восстание буржуазии. Это восстание произошло в Англии. Буржуазия городов дала ему первый толчок, а среднее крестьянство (yeomanry) сельских округов привело его к победе. Оригинальное явление: во всех трех великих буржуазных революциях боевой армией являются крестьяне. И именно крестьяне оказываются тем классом, который после завоеванной победы разоряется неизбежно в результате экономических последствий этой победы. Сто лет спустя после Кромвеля английское йоменири почти совершенно исчезло. А между тем исключительно благодаря вмешательству этого йоменири и плебейского элемента городов борьба была доведена до последнего решительного конца, и Карл I уго-

дил на эшафот. Для того, чтобы буржуазия могла заполучить хотя бы те только плоды победы, которые тогда уже вполне созрели для сбора, необходимо было довести революцию значительно дальше этой цели; совершенно то же самое было в 1793 г. во Франции, в 1848 г. в Германии. Повидимому, таков на самом деле один из законов развития буржуазного общества.

За этим избытком революционной деятельности последовала неизбежная реакция, которая в свою очередь тоже зашла дальше цели. После ряда колебаний установился, наконец, новый центр тяжести, который и послужил исходным пунктом для дальнейшего развития. Замечательный период английской истории, который филистеры окрестили «великим бунтом», и следующие за ним битвы завершаются сравнительно незначительным событием 1689 г., которое либеральные историки называют «славной революцией».

Новый исходный пункт был компромиссом между поднимающейся буржуазией и бывшими крупными феодальными землевладельцами. Последние, считавшиеся тогда, как и теперь, аристократией, уже давно были на пути к тому, чтобы стать тем, чем Луи-Филипп во Франции стал лишь спустя долгое время: первыми буржуа нации. К счастью для Англии, старые феодальные бароны перебили друг друга в войнах Алой и Белой роз. Их наследники, большею частью также отпрыски этих старых фамилий, вели однако свой род от столь отдаленных боковых линий, что они составили совершенно новую корпорацию. Их привычки и стремления были гораздо более буржуазными, чем феодальными. Они прекрасно знали цену деньгам и немедленно принялись вздувать земельную ренту, прогнав с земли сотни мелких арендаторов и заменив их овцами. Генрих VIII массами создавал новых ленд-лордов из буржуазии, раздавая и продавая за бесценок церковные имения; к тому же результату приводили непрерывно продолжавшиеся до конца XVII столетия конфискации крупных имений, которые затем раздавались выскочкам или полувыскочкам. Поэтому английская «аристократия» со времени Генриха VII не только не противодействовала развитию промышленности, но, наоборот, старалась извлекать из нее пользу. И точно так же всегда находилась такая часть крупных землевладельцев, которая из экономических или политических побуждений соглашалась на сотрудничество с вождями финансовой и промышленной буржуазии. Таким образом, легко мог осуществиться компромисс 1689 г. Политические *spolia opima*¹ — должности, синекуры, высокие оклады — доставались на долю знатных родов земельного дворянства с условием: в достаточной мере соблюдать экономические интересы финансового, промышленного и торгового среднего класса. Эти экономические интересы уже тогда были достаточно сильны;

¹ — победные трофеи. *Ред.*

в конечном счете они определяли собою общую политику нации. Конечно, существовали раздоры по тому или другому отдельному вопросу, но аристократическая олигархия слишком хорошо понимала, что ее собственное экономическое процветание неразрывно связано с процветанием промышленной и торговой буржуазии.

С этого времени буржуазия стала скромной, но признанной частью господствующих классов Англии. Вместе с ними она была заинтересована в подавлении огромных трудящихся масс народа. Купец или фабрикант по отношению к своим приказчикам, своим рабочим, своей челяди сам занимал положение кормильца-хозяина, или, как еще недавно выражались в Англии, «естественного начальника». Ему нужно было выжимать из них возможно большее количество труда возможно лучшего качества; с этой целью он должен был воспитывать их в надлежащей покорности. Он сам был религиозен; его религия доставила ему знамя, под которым он победил короля и лордов. Скоро он открыл в этой религии также средство для того, чтобы обрабатывать сознание своих естественных подданных и делать их послушными приказам хозяев, которых поставил над ними неисповедимый промысл божий. Короче говоря, английский буржуа с этого времени стал соучастником в подавлении «низших сословий» — огромной производящей народной массы, — и одним из применявшихся при этом средств было влияние религии.

Но сюда присоединилось еще другое обстоятельство, усилившее религиозные склонности буржуазии: расцвет материализма в Англии. Это новое безбожное учение не только приводило в ужас благочестивое среднее сословие, — оно в довершение всего объявило себя философией, единственно подходящей для ученых и образованных людей, в противовес религии, которая достаточно хороша для необразованной большой массы, включая сюда и буржуазию. Вместе с Гоббсом оно выступило на защиту королевского всемогущества и призывало абсолютную монархию к укрощению этого *ruer robustus sed malitiosus*¹, т. е. народа. Также и у последователей Гоббса — Болингброка, Шефтсбери и пр. — новая, действительная форма материализма оставалась аристократическим эзотерическим² учением, и поэтому материализм был ненавистен буржуазии не только за его религиозную ересь, но и за его антибуржуазные политические связи. Вот почему, в противоположность материализму и деизму аристократии, именно протестантские секты, которые доставляли и знамя и бойцов для борьбы против Стюартов, выдвинули также главные боевые силы прогрессивного среднего класса и еще сейчас составляют основной хребет «великой либеральной партии».

¹ — здорovenного, но злонамеренного малого. *Ред.*

² — для посвященных. *Ред.*

Тем временем материализм перекочевал из Англии во Францию, где он застал вторую материалистическую философскую школу, вышедшую из картезианской философии, с которой он и слился. И во Франции он вначале оставался исключительно аристократическим учением. Но его революционный характер вскоре выступил наружу. Французские материалисты не ограничились своей критикой только областью религии: они критиковали каждую научную традицию, каждое политическое учреждение своего времени. Чтобы доказать всеобщую применимость своей теории, они избрали кратчайший путь: они смело применили ее ко всем объектам знания в том гигантском труде, от которого они получили свое имя, в «Энциклопедии». Таким-то образом, в той или иной форме, — как открытый материализм или как деизм, — материализм стал мировоззрением всей образованной молодежи во Франции. И влияние его было так велико, что во время великой революции это учение, рожденное на свет английскими роялистами, доставило французским республиканцам и террористам теоретическое знамя и дало текст для «Декларации прав человека».

Великая французская революция была третьим восстанием буржуазии, но первым, которое совершенно сбросило с себя религиозные одежды и в котором борьба была проведена на открыто политической почве. Она была также первым восстанием, в котором борьба была действительно доведена до полного уничтожения одной из борющихся сторон, именно аристократии, и до полной победы другой, именно буржуазии. В Англии преемственная связь между дореволюционными и послереволюционными учреждениями и компромисс между крупными землевладельцами и капиталистами нашли свое выражение в преемственности судебных прецедентов, равно как в почтительном сохранении феодальных правовых форм. Во Франции, напротив, революция окончательно порвала с традициями прошлого, уничтожила последние следы феодализма и в «Code civil»¹ мастерски приспособила к современным капиталистическим отношениям старое римское право — это почти совершенное выражение юридических отношений, вытекающих из той ступени экономического развития, которую Маркс называет «товарным производством», — и приспособила до такой степени мастерски, что этот революционный французский кодекс законов еще и сейчас во всех других странах, не исключая и Англии, — служит образцом при реформах права собственности. При этом, однако, не следует забывать одного. Если английское право продолжает выражать экономические отношения капиталистического общества на варварски-феодальном наречии, которое столько же соответствует выражаемому им предмету, сколько английская орфография английскому произношению, — пишется

¹ «Гражданский кодекс». *Ред.*

Лондон, а произносится Константинополь, по выражению одного француза, — то зато это же самое английское право является единственным, которое в течение веков сохранило в неискаженном виде и пересадило в Америку и в колонии лучшую часть той личной свободы, местного самоуправления и обеспеченности от всякого постороннего вмешательства, кроме судебного, — словом, тех древне-германских свобод, которые на континенте под властью абсолютных монархий совершенно исчезли и до сих пор нигде еще вновь не завоеваны в полном объеме.

Вернемся, однако, к нашему британскому буржуа. Французская революция дала ему великолепную возможность разрушить с помощью континентальных монархий французскую морскую торговлю, захватить французские колонии и уничтожить последние притязания французов на морское соперничество. Таково было одно из оснований, толкнувших его на борьбу с революцией. Вторым было то, что методы этой революции пришлись ему уж очень не по вкусу, — не только ее «преступный» террор, но даже самая ее попытка довести до крайних пределов господство буржуазии. Да и что бы стал делать британский буржуа без своей аристократии, которая и манерам его обучала (манерам, достойным учителя), и моды для него изобретала, и доставляла ему офицеров для армии, этой охранительницы порядка внутри страны, и для флота, завоевывающего новые колониальные владения и новые рынки? Впрочем, среди буржуазии было все же прогрессивное меньшинство — люди, интересы которых не особенно выигрывали от компромисса. Это меньшинство, состоявшее главным образом из менее зажиточной буржуазии, относилось с симпатией к революции, но в парламенте оно было бессильно.

Таким образом, чем больше материализм становился символом веры французской революции, тем крепче богобоязненный английский буржуа держался своей религии. Разве время террора в Париже не показало, что получается, когда народ утрачивает религию? Чем больше материализм распространялся из Франции на соседние страны и получал подкрепление от родственных теоретических течений, особенно от германской философии; чем больше материализм и вообще свободомыслие в действительности становились на континенте необходимым признаком образованного человека, тем упорнее держался английский средний класс за свои разнообразные религиозные верования. Как бы сильно они ни отличались друг от друга, но все они были ярко выраженными религиозными, христианскими верованиями.

В то время как во Франции революция обеспечила политическое торжество буржуазии, в Англии Уатт, Аркрайт, Картрайт и другие дали первый толчок к промышленной революции, которая совершенно переместила центр тяжести экономических сил. Богатство буржуазии теперь стало расти несравненно быстрее, чем

богатство земельной аристократии. Внутри самой буржуазии финансовая аристократия, банкиры и т. п. все более стали отступать на задний план в сравнении с фабрикантами. Компромисс 1689 г. даже после изменений, постепенно произведенных в пользу буржуазии, уже более не соответствовал соотношению сил участников этого соглашения. Характер участников также изменился: буржуазия 1830 г. очень сильно отличалась от буржуазии предыдущего столетия. Остававшаяся еще в руках аристократии политическая власть, которую она направила против притязаний новой промышленной буржуазии, стала несовместимой с новыми экономическими интересами. Необходимо было возобновить борьбу против аристократии, и эта борьба могла кончиться только победой новой экономической силы. Под влиянием французской революции 1830 г. впервые была проведена, несмотря на все сопротивление, парламентская реформа. Это создало для буржуазии признанное и могущественное положение в парламенте. Затем пришла отмена хлебных законов¹, которая раз навсегда установила перевес буржуазии, особенно ее наиболее деятельной части, фабрикантов, над земельной аристократией. Это была величайшая победа буржуазии, но в то же время и последняя, которую она одержала исключительно в своих собственных интересах. Все ее позднейшие триумфы ей приходилось делить с новой социальной силой, вначале действовавшей в союзе с нею, но затем выступившей в роли ее соперницы.

Промышленная революция создала класс крупных капиталистов-фабрикантов, но вместе с тем также гораздо более многочисленный класс фабричных рабочих. Этот класс непрерывно увеличивался численно по мере того, как промышленная революция захватывала одну отрасль производства за другой. Вместе с его численностью росла также и его сила, и эта сила обнаружила себя уже в 1824 г., когда она принудила упорствующий парламент отменить законы против свободы коалиций. Во время агитации за реформу рабочие составляли радикальное крыло партии реформы. Когда актом 1832 г. они были лишены права голоса, они изложили свои требования в Народной хартии (People's charter) и, в противоположность сильной буржуазной Лиге против хлебных законов, организовались в независимую партию чартистов. Это была *первая рабочая партия* нашего времени.

Затем в феврале и марте 1848 г. вспыхнули революции на континенте, в которых рабочие сыграли такую важную роль и где они, по крайней мере в Париже, выступили с требованиями, решительно недопустимыми с точки зрения капиталистического общества. А за этим последовала всеобщая реакция. Сначала по-

¹ Отмена пошлин на ввоз хлеба в Англию. В 1842 г. хлебные пошлины были снижены. В 1846 г. были сняты ограничения ввоза хлеба, в 1849 г. хлебные пошлины были отменены совсем. *Ред.*

ражение чартистов 10 апреля 1848 г., потом подавление парижского восстания рабочих в июне того же года, далее неудачи 1849 г. в Италии, Венгрии, Южной Германии и, наконец, победа Луи Бонапарта над Парижем 2 декабря 1851 г. Таким образом, удалось хоть на некоторое время отогнать пугало рабочих требований, но чего это стоило! Если британский буржуа еще раньше был убежден в необходимости держать простой народ в религиозной узде, то насколько же сильнее должен был он чувствовать эту необходимость после всего пережитого! И, не обращая ни малейшего внимания на насмешки своих континентальных собратьев, он продолжал тратить из года в год тысячи и десятки тысяч для пропаганды евангелия низшим сословиям. Не довольствуясь собственным религиозным аппаратом, он обратился к «брату Джонатану»¹, величайшему тогда организатору религиозных спекуляций, и импортировал из Америки ревивализм, Муди, Сэнки² и им подобных; наконец, он согласился даже на то, чтобы получать опасную помощь «Армии спасения», которая возрождает приемы пропаганды древнего христианства, обращается к бедным, как к избранникам божьим, борется с капитализмом на свой религиозный лад и таким образом развивает некоторые стороны древне-христианской классовой борьбы, которые в один прекрасный день могут стать весьма роковыми для богатых людей, тратящих теперь на это дело наличные денежки.

Повидимому, можно принять за закон исторического развития, что ни в одной европейской стране буржуазии не удастся — по крайней мере на продолжительное время — завладеть политической властью таким же исключительным образом, как владела ею феодальная аристократия в течение средних веков. Даже во Франции, где феодализм был вырван с корнем, буржуазия как класс в целом только на короткие сроки вполне завладевала правительственной властью. При Луи-Филиппе, с 1830 по 1848 г., господствовала только незначительная часть буржуазии; гораздо большая часть была вследствие высокого ценза лишена избирательных прав. Во время Второй республики, 1848—1851 гг., господствовала буржуазия в целом, но всего только три года; ее неспособность проложила дорогу Второй империи. Только теперь, при Третьей республике, буржуазия как целое двадцать лет продержалась у кормила правления, но уже сейчас она обнаруживает отрадные признаки упадка. Продолжительное господство буржуазии было до сих пор возможно только в таких странах,

¹ «Брат Джонатан» олицетворяет Соединенные Штаты Северной Америки (так же как «Джон Булль» — Англию). Это прозвище впоследствии сменилось кличкой «дядя Сэм». *Ред.*

² *Ревивализм* — религиозное движение прошлого века, пытавшееся укрепить падающее влияние религии. *Муди* и *Сэнки* — американские проповедники, бывшие в числе организаторов этого движения. *Ред.*

как Америка, где феодализма никогда не было и где общество с самого начала создавалось на буржуазном фундаменте. И даже во Франции и Америке уже громко стучатся в двери наследники буржуазии — рабочие.

В Англии буржуазия никогда не обладала нераздельной властью. Даже ее победа в 1832 г. оставила аристократии почти исключительное обладание всеми высокими правительственными должностями. Покорность, с которой богатый средний класс мирился с этим, оставалась мне непонятной до тех пор, пока в один прекрасный день крупный либеральный фабрикант, В. А. Форстер, не произнес речь, обращенную к бредфордской молодежи, умоляя ее ради собственного блага изучать все-таки французский язык. При этом он рассказал, как глупо он себя чувствовал, когда, сделавшись министром, сразу попал в общество, где французский язык был по меньшей мере так же необходим, как английский. И действительно, тогдашние английские буржуа были, как правило, совершенно необразованными выскочками, которые волею-неволею должны были предоставлять аристократии все те высшие правительственные посты, где требовались иные качества, чем островная ограниченность и островное чванство, сдобренные деловой изворотливостью¹. Еще и теперь бесконечные газетные споры на тему о «middleclass education»² обнаруживают, что английская буржуазия все еще считает себя неподготовленной для лучшего воспитания, а ищет для себя чего-нибудь поскромнее. Поэтому казалось вполне естественным, что и после отмены хлебных законов те люди, которые сумели добиться победы, эти Кобдены,

¹ Да и в деловых отношениях национально-шовинистическое чванство — очень плохой советник. До самого последнего времени заурядный английский фабрикант считал унижительным для англичанина говорить на другом языке, кроме своего собственного, и до некоторой степени гордился тем, что «бедняги»-иностранцы селятся в Англии и избавляют его от труда сбывать свои продукты за границей. Он даже не замечал того, что эти иностранцы, большею частью немцы, благодаря этому захватили в свои руки значительную часть английской внешней торговли — ввоз не менее, чем вывоз — и что непосредственная внешняя торговля англичан постепенно стала ограничиваться колониями, Китаем, Соединенными Штатами и Южной Америкой. Еще менее замечал он, что эти немцы торговали с другими немцами за границей, эти последние с течением времени образовали целую сеть торговых колоний по всему свету. Когда же сорок лет тому назад Германия начала серьезно производить на вывоз, эти немецкие торговые колонии сослужили ей прекрасную службу для превращения ее в столь короткий срок из страны, вывозящей хлеб, в перворазрядную промышленную страну. Тогда, наконец, лет десять тому назад, английского фабриканта охватило беспокойство, и он запросил своих послов и консулов, как это случилось, что он не в состоянии удержать своих клиентов. Единогласный ответ был таков: 1) вы не изучаете языка вашего покупателя, а требуете, чтобы он говорил на вашем языке, и 2) вы не только не пытаетесь удовлетворить потребности, привычки и вкусы вашего покупателя, но требуете еще, чтобы он принял ваши, английские. (*Примечание Энгельса.*)

² — «о воспитании среднего класса», т. е. буржуазии, *Ред.*

Брайты, Форстеры и пр., были отстранены от всякого участия в правительстве страны, пока двадцать лет спустя новый акт о реформах не открыл им, наконец, двери министерства. Даже до сих пор английская буржуазия так глубоко проникнута сознанием своего более низкого общественного положения, что она на свои собственные и на народные деньги содержит парадную касту бездельников, которая должна во всех торжественных случаях достойно представлять нацию, причем буржуа считают для себя высшей честью, когда кто-нибудь из них признается достойным получить доступ в эту замкнутую корпорацию, сфабрикованную в конце концов самой же буржуазией.

Таким образом, промышленный и торговый средний класс не успел еще окончательно устранить земельную аристократию от политической власти, как на арену истории выступил новый конкурент, рабочий класс. Реакция, наступившая после чартистского движения и континентальных революций, и присоединившийся сюда небывалый расцвет английской промышленности с 1848 по 1866 г. (этот расцвет обыкновенно объясняют одной только свободой торговли, но он гораздо больше обязан своим возникновением колоссальному развитию железных дорог, океанских пароходов и вообще средств сообщения) снова поставили рабочих в зависимость от либеральной партии, в которой они, как и до чартистского движения, составляли радикальное крыло. Постепенно, однако, притязания со стороны рабочих на избирательные права стали непреодолимыми. Пока виги, руководившие либералами, все еще трусили, Дизраэли доказал свое превосходство; используя благоприятный для ториев момент, он ввел в городских избирательных округах закон об избирательном праве для каждого, кто жил в отдельном доме (household suffrage), и вместе с тем изменение избирательных округов. Вскоре вслед за этим последовало установление тайного голосования (the ballot); далее, в 1884 г. избирательное право домохозяев было распространено на все округа, в том числе и в графствах, и произведено было новое распределение избирательных округов, которое до некоторой степени уравнивало их между собою. Благодаря всему этому сила рабочего класса на выборах настолько возросла, что сейчас рабочие составляют большинство избирателей в 150—200 избирательных округах. Но нет лучшей школы почтительного отношения к традиции, чем парламентская система. Если средний класс, преклоняясь и благоговей, взирал на группу, которую лорд Джон Маннерс в шутку называл «нашим старым дворянством», то и рабочая масса с уважением и почтением смотрела тогда на так называемый в то время «лучший класс», на буржуазию. И действительно, пятнадцать лет назад британский рабочий был образцовым рабочим, и его почтительнейшее отношение к положению его нанимателя, его самоограничение и смирение в тех случаях,

когда он требовал прав для себя, лили целительный бальзам на раны, которые наносили нашим германским катедер-социалистам несправимо-коммунистические и революционные стремления их соотечественников — германских рабочих.

Однако английские буржуа были хорошими дельцами и были дальновиднее германских профессоров. Только под давлением обстоятельств они делили свою власть с рабочими. Во время чартистского движения они научились понимать, на что способен народ, этот *puer robustus sed malitiosus*¹. С того времени буржуазии волей-неволей пришлось принять значительную часть требований Народной хартии, и они стали законом страны. Больше чем когда-либо важно было теперь держать народ в узде моральными средствами. Первым же и важнейшим средством, которым воздействуют на массы, оставалась все та же религия. Отсюда — поповское засилье в школьных управлениях, отсюда — возрастающее самообложение буржуазии для всевозможных способов благочестивой демагогии, начиная от обрядности и кончая «Армией спасения».

И теперь наступило торжество британского респектабельного филистерства над свободомыслием и религиозным индифферентизмом континентального буржуа. Французские и германские рабочие стали бунтовщиками. Они повально были заражены социализмом и при этом, по весьма веским соображениям, вовсе не так уж были озабочены соблюдением законности при выборе средств для завоевания власти. Этот *puer robustus* [здоровенный малый] действительно становился там с каждым днем все более *malitiosus* [злонамеренным]. Что же оставалось делать французскому и германскому буржуа в виде крайнего средства, как не отбросить втихомолку свое свободомыслие, подобно тому как дерзкий мальчишка, чувствуя, что его все более и более одолевает морская болезнь, незаметно бросает зажженную сигару, которой он щеголял на борту корабля. Один за другим богохульники стали принимать внешне благочестивый облик, с почтением говорить о церкви, ее учении и обрядах и стали их соблюдать сами, поскольку нельзя было их обойти. Французские буржуа отказались от мяса по пятницам, а германские буржуа до одурения сидели на своих церковных местах, слушая бесконечные протестантские проповеди. Со своим материализмом буржуа попали в беду. «Религия должна быть сохранена для народа» — таково последнее и единственное средство спасения общества от полной гибели. К несчастью для самих себя, они открыли это только тогда, когда сделали с своей стороны все возможное, чтобы навсегда разрушить религию. И тогда наступил момент, когда британский буржуа в свою очередь мог над ними посмеяться

¹ — здоровенный, но злонамеренный малый. *Ред.*

и крикнуть им: «Глупцы, это я мог бы сказать вам еще двести лет назад!»

Однако я опасаясь, что ни религиозное тупоумие британского буржуа, ни наступившее *post festum*¹ обращение континентального буржуа не смогут сдержать поднимающийся все выше пролетарский поток. Традиция — это великий тормоз, это сила инерции в истории. Но она только пассивна и потому должна погибнуть. Религия тоже долго не может служить оплотом для капиталистического общества. Если наши юридические, философские и религиозные представления являются более близкими или более отдаленными ростками господствующих в данном обществе экономических отношений, то эти представления не могут удержаться продолжительное время после того, как экономические отношения в корне изменились. Либо мы должны поверить в сверхестественное откровение, либо согласиться, что никакие религиозные проповеди не в состоянии спасти гибнущее общество.

И действительно, в Англии рабочие также пришли снова в движение. Несомненно, они скованы различными традициями. Прежде всего буржуазными традициями: так, например, очень распространенным предрассудком, будто возможны только две партии, консервативная и либеральная, и будто рабочий класс должен добиваться своего освобождения при помощи могущественной либеральной партии. Затем традициями рабочих, унаследованными со времени первых неуверенных попыток самостоятельных выступлений рабочего класса: такой традицией во многих старых тред-юнионах является исключение всех тех рабочих, которые не прошли регулярного ученичества; это означает только то, что каждый такой профессиональный союз готовит себе собственных штрейкбрехеров. Но, несмотря на все это, английский рабочий класс движется вперед, как выпужден был с прискорбием сообщить об этом своим катедер-социалистическим братьям сам господин профессор Брентапо. Рабочий класс движется — как все в Англии — медленным, размеренным шагом, то колеблясь, то делая ощутимо неуверенные, порой бесплодные попытки. Он движется местами с чрезмерным недоверием к *слову* социализм, впитывая постепенно в себя его *сущность*. Он движется, и его движение захватывает один слой рабочих за другим. В настоящее время оно пробудило от мертвого сна необученных рабочих лондонского Ист-Энда, и мы видели, какой великолепный толчок дали со своей стороны рабочему классу эти новые силы. И если ход этого движения не поспевает за нетерпеливыми требованиями тех или иных критиков, то пусть эти критики не забывают, что именно рабочий класс сохраняет в себе лучшие стороны английского национального характера и что в Англии каждый шаг вперед, если

¹ Дословно — после праздника, с запозданием. *Ред.*

уж он завоеван, никогда после не пропадет. Если сыновья старых чартистов, по изложенным выше причинам, были не совсем таковы, как можно было бы ожидать, то, по всей видимости, внуки будут достойны своих дедов.

Однако победа европейского рабочего класса зависит не от одной Англии. Она может быть обеспечена только совместными усилиями, по крайней мере, Англии, Франции и Германии. В обеих последних странах рабочее движение значительно опередило английское. В Германии можно даже уже определять время наступления его торжества. Успехи, достигнутые там рабочим движением за последние двадцать пять лет, не имеют себе равных. Оно идет вперед со все возрастающей быстротой. Если немецкая буржуазия показала свое жалкое убожество и отсутствие политических способностей, дисциплины, твердости, энергии, то немецкий рабочий класс показал, что всеми этими качествами он обладает в достаточной мере. Почти четыреста лет тому назад Германия была исходным пунктом первого крупного восстания европейской буржуазии; если судить по теперешнему положению вещей, разве не возможно, что Германия станет также ареной первой великой победы европейского пролетариата?

20 апреля 1892 г.

Фридрих Энгельс

Написано Ф. Энгельсом на английском языке. Впервые напечатано в Лондоне в 1892 г. в введении к «Развитию социализма от утопии к науке». В том же году, в немецком переводе автора, опубликовано в «Neue Zeit», Jg. XI, Bd. I, Heft 1 и 2. — Маркс и Энгельс, Соч., т. XVI, ч. 2; перевод дается с немецкого текста.

ТЕЗИСЫ О ФЕЙЕРБАХЕ ¹

(Написано в Брюсселе весной 1845 г.)

1

Главный недостаток всего предшествовавшего материализма — включая и феербаховский — заключается в том, что предмет, действительность, чувственность, берется только в форме *объекта* или в форме *созерцания*, а не как *человеческая чувственная деятельность, практика*, не субъективно. Поэтому и случилось так, что *действенная* сторона, в противоположность материализму, развивалась идеализмом, но только абстрактно, так как идеализм, разумеется, не знает действительной, чувственной деятельности как таковой. Фейербах хочет иметь дело с чувственными объектами, действительно отличными от мысленных объектов, но он не постигает самую человеческую деятельность как *предметную* деятельность. Поэтому в «Сущности христианства» он рассматривает, как истинно человеческую, только теоретическую деятельность, тогда как практика постигается и утверждается только в грязно-иудейской форме ее проявления. Он не понимает поэтому и значения *революционной*, практически-критической деятельности.

2

Вопрос о том, обладает ли человеческое мышление предметной истинностью, — вовсе не вопрос теории, а практический вопрос. В практике должен доказать человек истинность, т. е. действительность, монд, посюсторонность своего мышления. Спор о действительности или недействительности мышления, изолирующегося от практики, есть чисто схоластический вопрос.

3

Материалистическое учение о том, что люди суть продукты обстоятельств и воспитания, что, следовательно, изменившиеся

---

¹ Перевод дан с текста, опубликованного Энгельсом в 1888 г. в приложении к своей работе «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии». От первоначального текста Маркса (см. «Архив Маркса и Энгельса», т. I, 1930) этот текст отличается некоторыми редакционными изменениями. *Ред.*

люди — это продукты иных обстоятельств и измененного воспитания, — это учение забывает, что обстоятельства изменяются именно людьми и что воспитателя самого надо воспитывать. Оно неизбежно поэтому приходит к тому, что делит общество на две части, одна из которых возвышается над обществом (например у Роберта Оуэна).

Совпадение изменения обстоятельств и человеческой деятельности может быть достигнуто и рационально понято только как революционная практика.

4

Фейербах исходит из факта религиозного самоотчуждения, из удвоения мира на религиозный, воображаемый мир, и действительный мир. И он занят тем, что сводит религиозный мир к его земной основе. Он не замечает, что после выполнения этой работы главное-то остается еще не сделанным. А именно, то обстоятельство, что земная основа отделяет себя от самой себя и утверждает себе самостоятельное царство в облаках, может быть объяснено только саморазорванностью и самопротиворечивостью этой земной основы. Следовательно, последняя, во-первых, сама должна быть понята в своем противоречии, а затем практически революционизирована путем устранения этого противоречия. Следовательно, после того как, например, земная семья раскрыта как тайна святого семейства, первая сама должна быть подвергнута теоретической критике и практически революционно преобразована.

5

Недовольный *абстрактным мышлением*, Фейербах выдвигает *чувственное созерцание*; но он рассматривает чувственность не как *практическую* человечески-чувственную деятельность.

6

Религиозную сущность Фейербах сводит к человеческой сущности. Но сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность общественных отношений.

Фейербах, не занимаясь критикой этой действительной сущности, оказывается поэтому вынужденным:

1) абстрагироваться от хода истории и утверждать религиозное чувство само по себе и предположить абстрактного — *изолированного* — человеческого индивида;

2) поэтому у него человеческая сущность может быть понята только как «род», как внутренняя, немая общность, связующая множество индивидов только *естественными* узами.

7

Поэтому Фейербах не видит, что «религиозное чувство» само есть *общественный продукт* и что абстрактный индивид, подвергаемый им анализу, в действительности принадлежит к определенной общественной форме.

8

Общественная жизнь является по существу практической. Все мистерии, которые увлекают теорию в мистицизм, находят свое рациональное разрешение в человеческой практике и в понимании этой практики.

9

Самое большее, чего может достигнуть *созерцательный* материализм, т. е. материализм, который не постигает чувственность как практическую деятельность, это — созерцание отдельных индивидов в «гражданском обществе».

10

Точка зрения старого материализма есть «*гражданское*» общество; точка зрения нового материализма есть *человеческое* общество, или обобществившееся человечество.

11

Философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его.

*Написано К. Марксом на немецком языке.
Впервые опубликовано (под редакцией
Ф. Энгельса) вместе с произведением
«Людвиг Фейербах» в 1886 г. — Маркс
и Энгельс, Соч., т. IV.*

ЛЮДВИГ ФЕЙЕРБАХ И КОНЕЦ КЛАССИЧЕСКОЙ НЕМЕЦКОЙ ФИЛОСОФИИ

ПРЕДИСЛОВИЕ

В предисловии к своему сочинению «К критике политической экономии», Берлин, 1859 г., Карл Маркс рассказывает, как мы в 1845 г. в Брюсселе поставили своей задачей сообща «уяснить противоположность нашего взгляда», — именно, Марксом разработанного материалистического понимания истории, — «идеологическому воззрению немецкой философии, чтобы на деле свести счеты с нашей прежней философской совестью. Это намерение было выполнено в форме критики послегегелевской философии. Рукопись, — в объеме двух толстых томов в восьмую долю листа, — давно уже прибыла на место издания в Вестфалию, когда нас известили, что изменившиеся обстоятельства делают ее напечатание невозможным. Мы тем охотнее предоставили рукопись грызущей критике мышей, что наша главная цель, — выяснение дела самим себе, — была достигнута».

С тех пор прошло более сорока лет, и Маркс умер. Ни ему, ни мне ни разу не представился случай вернуться к названному предмету. Насчет нашего отношения к Гегелю мы отрывочно высказывались, но нигде не сделали этого со всей полнотой. Что касается Фейербаха, который все же в известном отношении является посредствующим звеном между философией Гегеля и нашей теорией, то к нему мы совсем не возвращались.

Тем временем миросозерцание Маркса нашло приверженцев далеко за пределами Германии и Европы и на всех литературных языках мира. С другой стороны, классическая немецкая философия переживает за границей, особенно в Англии и в Скандинавских странах, что-то вроде возрождения. И даже в Германии, по видимому, начинает всем надоедать та нищенская эклектическая похлебка, которая подается в тамошних университетах под именем философии.

Ввиду этого мне все более и более казалось своевременным изложить в сжатой, систематической форме наше отношение к гегелевской философии, — как мы из нее исходили и как мы с нею порвали. Точно так же я считал, что за нами остается долг чести: полное признание того влияния, которое в наш период бури и

натиска оказал на нас Фейербах в большей мере, чем какой-нибудь другой философ после Гегеля. Поэтому я охотно согласился, по предложению редакции журнала «Neue Zeit», написать критический разбор книги Штарке о Фейербахе. Моя работа появилась в №№ 4 и 5 названного журнала за 1886 г., а теперь выходит отдельным, пересмотренным мною, оттиском.

Прежде чем отправить в печать эти строки, я отыскал и пересмотрел старую рукопись 1845—1846 гг.¹ Отдел о Фейербахе в ней не закончен. Готовую часть составляет изложение материалистического понимания истории; это изложение показывает только, как недостаточны были наши тогдашние познания в области экономической истории. В рукописи не оказалось критики самого учения Фейербаха; она поэтому не могла быть пригодной для данной цели. Но зато в одной старой тетради Маркса я нашел одиннадцать тезисов о Фейербахе, которые и напечатаны в качестве приложения. Это — наскоро набросанные заметки, подлежащие дальнейшей разработке и вовсе не предназначавшиеся для печати. Но они неоценимы как первый документ, содержащий в себе гениальный зародыш нового мировоззрения.

Фридрих Энгельс

Лондон, 21 февраля 1888 г.

¹ В настоящее время эта рукопись «Немецкая идеология» (за исключением только некоторых утерянных глав) издана Институтом Маркса—Энгельса—Ленина в т. V *Marx—Engels, Gesamtausgabe*.

Русский перевод этой работы входит в т. IV Соч. Маркса и Энгельса, *Ред.*

Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии

I

Лежащее перед нами сочинение ¹ возвращает нас к периоду, по времени отстоящему от нас на одно человеческое поколение, но ставшему до такой степени чуждым нынешнему поколению в Германии, как если бы он был отдален от него уже на целое столетие. И все же это был период приготовления Германии к революции 1848 г., а все, происходившее у нас после, явилось лишь продолжением 1848 г., выполнением духовного завещания революции.

Подобно тому как во Франции в XVIII веке, в Германии в XIX веке философская революция служила введением к политическому перевороту. Но как не похожи одна на другую эти философские революции! Французы ведут открытую войну со всей официальной наукой, с церковью, часто также с государством; их сочинения печатаются по ту сторону границы, в Голландии или в Англии, а сами они нередко переселяются в Бастилию. Напротив, немцы — профессора, государством назначенные наставники юношества; их сочинения — одобренные начальством руководства, а система Гегеля, — венец всего философского развития, — до известной степени даже возводится в чин королевско-прусской государственной философии. И за этими профессорами, в их педантически-темных словах, в их неуклюжих, скучных периодах скрывалась революция?! Да разве люди, считавшиеся тогда представителями революции, — либералы, — не были самыми рьяными противниками этой философии, наполнявшей туманом человеческие головы? Однако то, чего не замечали ни правительство, ни либералы, видел уже в 1833 г., по крайней мере, один человек; он назывался, правда, Генрих Гейне ².

---

¹ *Ludwig Feuerbach* von C. N. Starcke, Dr. Phil. Stuttgart, Ferd. Enke, 1885 [*Людвиг Фейербах*. Сочинение д-ра фил. К. Н. Штарке, издание Ферд. Энке.]

² Энгельс, вероятно, имеет в виду произведение знаменитого немецкого поэта Гейне «К истории религии и философии в Германии» (*Г. Гейне*. Собр. соч., т. VII, изд. «Academia», 1936). *Ред.*

Возьмем пример. Ни одно из философских положений не было предметом такой признательности со стороны близоруких правительств и такого гнева со стороны не менее близоруких либералов, как знаменитое положение Гегеля: «Все действительное разумно; все разумное действительно». Ведь оно, очевидно, было оправданием всего существующего, философским освящением деспотизма, полицейского государства, судопроизводства, подчиненного королевским указам, цензуры. Так думал Фридрих-Вильгельм III; так думали его подданные. Но у Гегеля вовсе не все, что существует, является безоговорочно также и действительным. Атрибут¹ действительности принадлежит у него лишь тому, что в то же время необходимо. «В своем разворачивании действительность раскрывается как необходимость». Та или другая правительственная мера, — сам Гегель берет в пример «известное налоговое установление», — вовсе не признается им поэтому без дальних околичностей за нечто действительное. Но в конечном счете необходимое оказывается также и разумным, и в применении к тогдашнему прусскому государству гегелевское положение сводилось, стало быть, только к следующему: это государство настолько разумно, настолько соответствует разуму, насколько оно необходимо. И если оно оказывается негодным, а между тем продолжает существовать, несмотря на свою негодность, то негодность правительства объясняется и оправдывается соответственной негодностью подданных. Тогдашние пруссаки имели такое правительство, какого они заслуживали.

Итак, действительность по Гегелю вовсе не представляет собою атрибута, свойственного данному общественному или политическому порядку при всяких обстоятельствах и во все времена. Напротив. Римская республика была действительна, но действительна была и вытеснявшая ее Римская империя. Французская монархия стала в 1789 г. так недействительна, т. е. до такой степени лишена всякой необходимости, до такой степени неразумна, что ее должна была уничтожить великая революция, о которой Гегель всегда говорит с величайшим воодушевлением. Таким образом, здесь монархия оказалась недействительной, а революция действительной. И совершенно так же, по мере развития, все, бывшее прежде действительным, становится недействительным, утрачивает свою необходимость, свое право на существование, свою разумность. Место отмирающей действительности занимает новая, жизнеспособная действительность, занимает мирно, если старое достаточно рассудительно, чтобы умереть без сопротивления, — насильственно, если оно противится этой необходимости. Таким образом, это гегелевское положение благодаря самой гегелевской

¹ *Атрибут* — основное, существенное свойство предмета, например, движение один из основных атрибутов материи; нет материи без движения. *Ред.*

диалектике превращается в свою противоположность: все действительное в области человеческой истории становится со временем неразумным, оно, следовательно, неразумно уже по самой своей природе, заранее обременено неразумностью; а все, что есть в человеческих головах разумного, определено к тому, чтобы стать действительным, как бы ни противоречило оно существующей кажущейся действительности. По всем правилам гегелевского метода мышления, тезис, провозглашающий разумность всего действительного, превращается в другой тезис: достойно гибели все то, что существует.

Но именно в том и состояло истинное значение и революционный характер гегелевской философии (этим заключительным фазисом философского движения со времени Канта мы должны здесь ограничить наше рассмотрение), что философия Гегеля раз и навсегда разделалась со всяким представлением об окончательном характере результатов человеческого мышления и действия. Истина, которую должна была познать философия, представлялась Гегелю уже не в виде собрания готовых догматических положений, которые остается только зазубрить, раз они открыты; истина теперь заключалась в самом процессе познания, в длительном историческом развитии науки, поднимающейся с низших ступеней знания на высшие, но никогда не достигающей такой точки, от которой она, — найдя так называемую абсолютную истину¹, — уже не могла бы пойти дальше и где ей не оставалось бы ничего больше, как, сложив руки, с изумлением созерцать эту добытую абсолютную истину. И так обстоит дело не только в философском, но и во всяком другом познании, а равно и в области практического действия. История так же, как и познание, никогда не получит окончательного завершения в каком-то совершенном, идеальном состоянии человечества; совершенное общество, совершенное «государство», это — вещи, которые могут существовать только в фантазии. Напротив, все общественные порядки, сменяющие друг друга, представляют собою лишь переходящие ступени бесконечного развития человеческого общества от нижней ступени к высшей. Каждая ступень необходима и, таким образом, имеет свое оправдание в то время и при тех условиях, которым она обязана своим происхождением. Но она становится шаткой и лишается своего оправдания перед лицом новых, высших условий, постепенно развивающихся в ее собственных недрах. Она вынуждена уступить место высшей ступени, которая, в свою очередь, также приходит в упадок и гибнет. Диалектическая философия разрушает все представления об окончательной, абсолютной истине и о соответствующих ей абсолютных состояниях челове-

¹ Энгельс имеет здесь в виду метафизическое понимание абсолютной истины как законченного, исчерпывающего, на все времена неизменного знания. *Ред.*

чества совершенно так же, как буржуазия, посредством крупной промышленности, конкуренции и всемирного рынка, практически разрушает все устоявшиеся, веками освященные учреждения. Для диалектической философии нет ничего раз навсегда установленного, безусловного, святого. На всем и во всем видит она печать неизбежного падения, и ничто не может устоять перед нею, кроме непрерывного процесса возникновения и уничтожения, бесконечного восхождения от низшего к высшему. Она сама является лишь простым отражением этого процесса в мыслящем мозгу. У нее, без сомнения, есть и консервативная сторона: каждая данная ступень развития познания и общественных отношений оправдывается ею для своего времени и своих условий, но не больше. Консерватизм этого способа понимания относительно, его революционный характер абсолютен — вот единственное абсолютное, признаваемое диалектической философией.

Нам нет надобности рассматривать здесь, соответствует ли это мировоззрение полностью нынешнему состоянию естественных наук, которые самой земле предсказывают возможный, а ее обитаемости довольно достоверный конец и тем самым говорят, что у истории человечества будет не только восходящая, но и нисходящая ветвь. Мы находимся, во всяком случае, еще изрядно далеко от той поворотной точки, за которой начнется движение истории общества по нисходящей линии, и мы не можем требовать от гегелевской философии, чтобы она занималась вопросом, еще не поставленным в порядок дня современным ей естествознанием.

Однако необходимо заметить здесь следующее: вышеприведенные взгляды изложены нами гораздо резче, чем они изложены у Гегеля. Это есть вывод, к которому неизбежно приводит его метод, но этот вывод никогда не был сделан им самим с такой ясностью, и по той простой причине, что Гегель вынужден был строить *систему*, а философская система, по истари установившемуся обычаю, должна была завершиться абсолютной истиной того или иного рода. И тот же Гегель, который, особенно в своей «Логике», подчеркивает, что вечная истина на деле есть не что иное, как сам логический, т. е., значит, и исторический *процесс*, — тот же самый Гегель видит себя вынужденным положить конец этому процессу, так как надо же было ему на чем-то закончить свою систему. В «Логике» этот конец он снова может сделать началом, потому что там конечная точка, абсолютная идея, — абсолютная лишь постольку, поскольку он абсолютно ничего не мог сказать о ней, — «отчуждает» себя, т. е. превращается в природу, а потом в духе, — т. е. в мышлении и в истории, — снова возвращается к самой себе. Но в конце всей философии для подобного возврата к началу оставался только один путь. Необходимо было так представить себе конец истории: человечество приходит к познанию именно этой абсолютной идеи и объявляет, что это

познание достигнуто в гегелевской философии. Но это значило провозгласить абсолютной истиной все догматическое содержание системы Гегеля и тем стать в противоречие с его диалектическим методом, разрушающим все догматическое. Это означало задуть революционную сторону под тяжестью непомерно разросшейся консервативной стороны, — и не только в области философского познания, но и по отношению к исторической практике. Человечество, которое в лице Гегеля дошло до познания абсолютной идеи, должно было и в практической области оказаться ушедшим вперед так далеко, что для него уже стало возможным проведение абсолютной идеи в действительность. Абсолютная идея не должна была, значит, предъявлять своим современникам слишком широкие политические требования. Вот почему мы в конце «Философии права» узнаем, что абсолютная идея должна осуществиться в той ограниченной сословным представительством монархии, которую Фридрих-Вильгельм III так упорно и так безрезультатно обещал своим подданным, т. е., стало быть, в ограниченном и умеренном косвенном господстве имущих классов, приспособленном к тогдашним мелкобуржуазным отношениям Германии. И притом нам еще доказывается умозрительным путем необходимость дворянства.

Итак, уже одни внутренние нужды системы достаточно объясняют, почему в высшей степени революционный метод мышления привел к очень мирному политическому выводу. Впрочем, специфической формой этого вывода мы обязаны тому обстоятельству, что Гегель был немец и, подобно своему современнику Гёте, не свободен от некоторого элемента филистерства. Гёте, как и Гегель, был в своей области настоящий Зевс-олимпиец, но ни тот, ни другой не могли вполне отделаться от немецкого филистерства.

Все это не помешало, однако, гегелевской философии охватить несравненно более широкую область, чем какая бы то ни было прежняя система, и развить в этой области еще и поныне поражающее богатство мыслей. Феноменология духа (которую можно было бы назвать параллельно эмбриологии и палеонтологии духа, развитием индивидуального сознания на различных его ступенях, рассматриваемых как сокращенное воспроизведение ступеней, исторически пройденных человеческим сознанием), логика, философия природы, философия духа, разработанная в ее отдельных исторических подразделениях: философия истории, права, религии, история философии, эстетика и т. д., — в каждой из этих различных исторических областей Гегель старается найти и указать проходящую через нее нить развития. А так как он обладал не только творческим гением, но и энциклопедической ученостью, то его появление везде составило эпоху. Само собою понятно, что нужды «системы» довольно часто заставляли его тут прибегать к тем насильственным конструкциям, по поводу кото-

рых до сих пор так ужасно кричат его ничтожные противники. Но эти конструкции служат у него только рамками, лесами возводимого им здания. Кто не задерживается излишне на них; а глубже проникает в грандиозное здание, тот находит там бесчисленные сокровища, до настоящего времени сохранившие свою полную ценность. У всех философов преходящей оказывается как раз «система», и именно потому, что системы возникают из непреходящей потребности человеческого духа: потребности преодолеть все противоречия. Но если бы все противоречия были раз навсегда устранимы, мы пришли бы к так называемой абсолютной истине, — всемирная история была бы закончена и в то же самое время должна была бы продолжаться, хотя ей уже ничего не оставалось бы делать: новое, неразрешимое противоречие. Требовать от философии разрешения всех противоречий значит требовать, чтобы один философ сделал такое дело, какое в состоянии выполнить только все человечество в своем поступательном развитии. Раз мы поняли это, — и этим мы больше, чем кому-нибудь обязаны Гегелю, — то философия в старом смысле слова приходит конец. Мы оставляем в покое недостижимую таким путем и для каждого человека в отдельности «абсолютную истину» и зато устремляемся в погону за достижимыми для нас относительными истинами по пути положительных наук и обобщения их результатов при помощи диалектического мышления. Гегелем вообще завершается философия, с одной стороны — потому, что его система представляет собою величественный итог предыдущего развития философии, а с другой — потому, что он сам, хотя и бессознательно, указывает нам путь, ведущий из лабиринта систем к действительному положительному познанию мира.

Не трудно понять, какое огромное действие должна была произвести гегелевская система в философски окрашенной атмосфере Германии. Это было триумфальное шествие, длившееся целые десятилетия и далеко не прекратившееся со смертью Гегеля. Напротив, именно в промежуток времени от 1830 до 1840 г. достигло апогея исключительное господство «гегельянищины», заразившей более или менее даже своих противников; именно в этот промежуток времени взгляды Гегеля, сознательным или бессознательным путем, в изобилии проликали в самые различные науки и давали закваску даже популярной литературе и ежедневной печати, из которых средний «образованный человек» черпает свои мысли. Но эта победа по всей линии была лишь прологом междоусобной войны.

Взятое в целом, учение Гегеля оставляло, как мы видели, большой простор для самых различных практических партийных воззрений. Практическое значение имели в тогдашней теоретической жизни Германии прежде всего две вещи: религия и политика. Человек, дороживший преимущественно *системой* Гегеля,

мог быть довольно консервативным в каждой из этих областей. Тот же, кто главным считал диалектический *метод*, мог и в политике и в религии принадлежать к самой крайней оппозиции. Сам Гегель, несмотря на нередкие в его сочинениях взрывы революционного гнева, в общем, повидимому, склонялся больше к консервативной стороне: недаром же его система стоила ему гораздо более «тяжелой работы мысли», чем его метод. Но в конце 30-х годов раскол в его школе становился все более и более заметным. В борьбе с правоверными пиэтистами и феодальными реакционерами так называемые молодые гегельянцы — левое крыло — отказывались мало-помалу от того философски-пренебрежительного отношения к жгучим вопросам дня, ради которого правительство терпело их учение и даже покровительствовало ему. А когда в 1840 г. правоверное ханжество и феодально-самодержавная реакция вступили на престол в лице Фридриха-Вильгельма IV, пришлось открыто стать на сторону той или другой партии. Борьба попрежнему велась философским оружием, но уже не ради отвлеченно-философских целей. Речь шла уже об уничтожении унаследованной религии и существующего государства. Если в «Немецких Ежегодниках»¹ практические конечные цели выступали по преимуществу еще в философском одеянии, то в «Рейнской Газете» 1842 г. проповедь младогегельянцев явилась уже прямо философией поднимающейся радикальной буржуазии; философский плащ служил ей лишь для отвода глаз цензуре.

Но путь политики был тогда весьма тернистым, поэтому главная борьба велась против религии. Впрочем, в то время, особенно с 1840 г., борьба против религии косвенно была и политической борьбою. Первый толчок дала книга Штрауса «Жизнь Иисуса», вышедшая в 1835 г. Против изложенной в этой книге теории возникновения евангельских мифов выступил потом Бруно Бауэр, утверждавший, что целый ряд евангельских рассказов сочинены самими авторами евангелий. Спор между Штраусом и Бауэром велся под видом философской борьбы между «самосознанием» и «субстанцией». Вопрос о том, как возникли евангельские рассказы о чудесах, — образовались ли они путем бессознательного мифологического творчества в недрах общины² или их сфабриковали сами евангелисты³, — разросся до вопроса о том, что является главной действующей силой во всемирной истории: «субстанция» или «самосознание». Наконец, явился Штирнер, пророк современного анархизма, — у него очень много заимство-

¹ «Немецкие Ежегодники» — журнал, издававшийся левыми гегельянами А. Руге и Т. Эхтермейером в 1838—1843 гг. *Ред.*

² Как доказывал Штраус. *Ред.*

³ Как доказывал Б. Бауэр, обвинявший Штрауса за недооценку роли сознания и самосознания отдельных личностей — евангелистов. *Ред.*

вал Бакуни, — и перещеголял самодержавное «самосознание» своим самодержавным «единственным»¹.

Мы не станем подробнее рассматривать эту сторону процесса разложения гегелевской школы. Для нас важнее обратить внимание вот на что: практические потребности борьбы против положительной религии привели многих из самых решительных молодых гегельянцев к англо-французскому материализму. И тут они вступили в конфликт со своей школьной системой. В то время как для материалиста действительна одна только природа, в гегелевской системе природа является «отчуждением» абсолютной идеи, как бы ее деградацией; во всяком случае, мышление и его продукт, идея, представляются в этой системе чем-то первичным, а природа — производным, существующим лишь благодаря тому, что идея спизонила до этого. В этом противоречии и путались на разные лады младогегельянцы.

Тогда появилось сочинение Фейербаха «Сущность христианства». Одним ударом рассеяло оно это противоречие, снова и без всяких оговорок провозгласив торжество материализма. Природа существует независимо от какой бы то ни было философии. Она есть основание, на котором выросли мы, люди, сами продукты природы. Вне природы и человека нет ничего, и высшие существа, созданные нашей религиозной фантазией, это — лишь фантастические отражения нашей собственной сущности. Заклятие было снято; «система» была взорвана и отброшена в сторону, противоречие разрешено простым обнаружением того обстоятельства, что оно существует только в воображении. Надо было пережить освободительное действие этой книги, чтобы составить себе представление об этом. Воодушевление было всеобщим: все мы сразу стали фейербахианцами. С каким энтузиазмом приветствовал Маркс новое воззрение и как сильно повлияло оно на него, — несмотря на все критические оговорки, — можно прочесть в «Святом семействе»².

¹ Энгельс имеет в виду вышедшую в 1845 г. книгу Макса Штирнера (псевдоним Каспара Шмидта) «Единственный и его собственность». Критика ее дана Марксом и Энгельсом в их рукописи «Немецкая идеология» (Соч., т. IV). *Ред.*

² Полное заглавие книги Маркса и Энгельса: «Святое семейство, или критика критической критики. Против Бруно Бауэра и К^о». «Святое семейство» — шуточное прозвание философов братьев Бауэров с их последователями. Эти господа проповедывали критику, которая стоит выше всякой действительности, выше партии и политики, отрицает всякую практическую деятельность и лишь «критически» созерцает окружающий мир и происходящие в нем события. Господа Бауэры свысока судили о пролетариате, как о некритической массе. Против этого вадорного и вредного направления решительно восстали Маркс и Энгельс. Во имя действительной человеческой личности — рабочего, унижаемого господствующими классами и государством, они требуют не созерцания, а борьбы за лучшее устройство общества. Силу, способную вести такую борьбу и заинтересованную в ней, они видят, конечно, в пролетариате (*Ленин, Соч., т. I, статья «Фридрих Энгельс»*). *Ред.*

Даже недостатки книги Фейербаха усиливали тогда ее влияние. Беллетристический, местами даже напыщенный слог обещивал книге широкий круг читателей и, во всяком случае, действовал освежающе после долгих лет господства абстрактной и тяжеловесной гегельяницы. То же следует сказать и о непомерном обоготворении любви. Его можно было извинить, хотя и не оправдать, как реакцию против самодержавия «чистого мышления», ставшего совершенно невыносимым. Мы не должны, однако, забывать, что именно за обе эти слабые стороны Фейербаха ухватился «истинный социализм», который, как зараза, распространился с 1844 г. в среде «образованных» людей Германии и который научное исследование заменял беллетристической фразой, а на место освобождения пролетариата путем экономического преобразования производства ставил освобождение человечества посредством «любви», — словом, ударился в самую отвратительную беллетристику и любвеобильную болтовню. Типичным представителем этого направления был г. Карл Грюн¹.

Не забудем еще и вот чего: гегелевская школа разложилась, но гегелевская философия еще не была критически преодолена. Штраус и Бауэр, взяв каждый одну из ее сторон, направили их, как полемическое оружие, друг против друга. Фейербах разбил систему и попросту отбросил ее. Но объявить данную философию ошибочной еще не значит справиться с нею. И нельзя было посредством простого игнорирования устранить такое великое произведение, как гегелевская философия, которая имела огромное влияние на духовное развитие нации. Ее надо было «снять» в ее собственном смысле, т. е. критика должна была уничтожить ее форму и спасти добытое ею новое содержание. Ниже мы увидим, как решена была эта задача.

Тем временем, однако, революция 1848 г. так же бесцеремонно отодвинула в сторону всякую философию, как Фейербах своего Гегеля. А вместе с тем был оттеснен на задний план и сам Фейербах.

II

Великий основной вопрос всей, в особенности новейшей, философии есть вопрос об отношении мышления к бытию. Уже с того весьма отдаленного времени, когда люди, еще не имея никакого понятия о строении своего тела и не умея объяснить сновидений²,

¹ Характеристику немецкого «истинного» социализма см. в «Манифесте коммунистической партии». *Ред.*

² Еще и теперь у дикарей и варваров низшей ступени повсеместно распространено то представление, что являющиеся им во сне человеческие образы суть души, на время покинувшие тело; при этом на действительного человека возлагается ответственность за те его поступки, которые снились видевшему сон. Это заметил, например, Имтури в 1884 г. у индейцев Гвианы. (*Примечание Энгельса.*)

пришли к тому представлению, что их мышление и ощущения не есть деятельность их тела, а какого-то особого начала — души, обитающей в этом теле и покидающей его при смерти, — уже с этого времени они должны были задумываться об отношении этой души к внешнему миру. Если она в момент смерти отделяется от тела и продолжает жить, то нет никакого повода придумывать для нее особую смерть. Так возникло представление о ее бессмертии, которое на той ступени развития не заключало в себе ничего утешительного, казалось непреодолимой судьбой и очень часто, например у греков, считалось подлинным несчастьем. Не религиозная потребность в утешении приводила всюду к скучному вымыслу о личном бессмертии, а то простое обстоятельство, что, раз признавши существование души, люди, в силу беспомощности, вытекавшей из общей ограниченности, не могли объяснить себе, куда же девается она после смерти. Подобным же образом, вследствие олицетворения сил природы, возникли первые боги, которые в ходе дальнейшего развития религии принимали все более и более облик сверхестественных сил, пока, в силу процесса отвлечения, — я чуть было не сказал процесса дестилляции, — совершенно естественного в ходе умственного развития, в головах людей не возникло, наконец, из многих более или менее ограниченных и ограничивающих друг друга богов представление о едином, исключительном боге монотеистических религий.

Высший вопрос всей философии, вопрос об отношении мышления к бытию, духа к природе, имеет свои корни. стало быть, не в меньшей степени, чем всякая религия, в ограниченных и невежественных представлениях людей периода дикости. Но он мог быть со всею резкостью поставлен, мог приобрести все свое значение лишь после того, как европейское человечество пробудилось от долгой зимней спячки христианского средневековья. Вопрос об отношении мышления к бытию, — о том, что является первичным: дух или природа, — этот вопрос, игравший, впрочем, большую роль и в средневековой схоластике, на зло церкви принял более острую форму: создан ли мир богом или он существует от века.

Философы разделились на два больших лагеря сообразно тому, как отвечали они на этот вопрос. Те, которые утверждали, что дух существовал прежде природы, и которые, следовательно, в конце концов, так или иначе признавали сотворение мира, — а у философов, например у Гегеля, сотворение мира принимает еще более запутанный и нелепый вид, чем в христианстве, — составили идеалистический лагерь. Те же, которые основным началом считали природу, примкнули к различным школам материализма.

Ничего другого первоначально и не означают выражения: идеализм и материализм, и только в этом смысле они здесь и упо-

требляются. Ниже мы увидим, какая путаница получается в тех случаях, когда им придают какое-либо другое значение.

Но вопрос об отношении мышления к бытию имеет еще и другую сторону: как относятся наши мысли об окружающем нас мире к самому этому миру? В состоянии ли наше мышление познавать действительный мир, можем ли мы в наших представлениях и понятиях о действительном мире составлять верное отражение действительности? На философском языке этот вопрос называется вопросом о тождестве мышления и бытия. Громадное большинство философов утвердительно решает этот вопрос. Так, например, у Гегеля утвердительный ответ на этот вопрос подразумевается сам собою: в действительном мире мы познаем именно его разумное содержание, именно то, благодаря чему мир оказывается постепенным осуществлением абсолютной идеи, которая от века существовала где-то независимо от мира и прежде него. Само собою понятно, что мышление может познать то содержание, которое заранее является содержанием мысли. Не менее понятно также, что доказываемое положение здесь молчаливо уже было включено в самую посылку. Но это никоим образом не мешает Гегелю делать из своего доказательства тождества мышления и бытия тот дальнейший вывод, что так как *его* мышление признает правильной его философию, то, значит, она есть единственно правильная философия и что, в силу тождества мышления и бытия, человечество должно немедленно перенести эту философию из теории в практику и заново устроить весь свет на гегелевских началах. Эта иллюзия свойственна ему вместе почти со всеми другими философами.

Но рядом с этим существует ряд других философов, которые оспаривают возможность познания мира или по крайней мере исчерпывающего познания. К ним принадлежат среди новейших философов Юм и Кант, и они играли очень значительную роль в философском развитии. Решающее для опровержения этого взгляда сказано уже Гегелем, насколько это можно было сделать с идеалистической точки зрения. Добавочные материалистические возражения Фейербаха более остроумны, чем глубоки. Самое же решительное опровержение этих, как и всех прочих, философских вывертов заключается в практике, именно в эксперименте и в промышленности. Если мы можем доказать правильность нашего понимания данного явления природы тем, что мы сами его производим, вызываем его из его условий, заставляем его к тому же служить нашим целям, то кантовской неуловимой¹ «вещи в себе» приходит конец. Химические вещества, образующиеся в телах животных и растений, оставались подобными «вещами в себе», пока органическая химия не стала готовить их одно за дру-

¹ Или непостижимой—unfassbaren. (См. *Ленин*, Соч., т. XIII, стр. 82.) *Ред.*

гпм; тем самым «вещь в себе» превращалась в вещь для нас, как, например, ализарин, красящее вещество марены, которое мы теперь получаем не из коры марены, выращиваемой в поле, а гораздо дешевле и проще из каменноугольного дегтя. Солнечная система Коперника в течение трехсот лет оставалась гипотезой, в высшей степени вероятной, но все-таки гипотезой. Когда же Лаверрье, на основании данных этой системы, не только доказал, что должна существовать еще одна, неизвестная до тех пор, планета, но и определил посредством вычисления место, занимаемое ею в небесном пространстве, и когда после этого Галле действительно нашел эту планету¹, система Коперника была доказана. И если неокантианцы в Германии стараются воскресить взгляды Канта, а агностики в Англии — взгляды Юма (никогда не вымиравшие там), несмотря на то, что и теория и практика давно уже опровергли и те и другие, то в научном смысле это представляет собою понятное движение, а на практике представляет лишь стыдливую манеру тайком протаскивать материализм, публично отрекаясь от него².

Однако в продолжение этого длинного периода, от Декарта до Гегеля и от Гоббса до Фейербаха, философов толкала вперед вовсе не одна только сила чистого мышления, как это они воображали. Напротив. В действительности их толкало вперед мощное, все более быстрое и более бурное развитие естествознания и промышленности. У материалистов это прямо бросалось в глаза. Но и системы идеалистов все более и более наполнялись материалистическим содержанием, стремясь пантеистически³ примирить противоположность духа и материи. В гегелевской системе дело дошло, наконец, до того, что она, и по методу и по содержанию,

¹ Речь идет о Нептуне. *Ред.*

² См. выше — *Энгельс*, «Об историческом материализме», стр. 349—367. «Основная черта философии Канта, — писал Ленин, — есть примирение материализма с идеализмом, компромисс между тем и другим, сочетание в одной системе разнородных, противоположных философских направлений. Когда Кант допускает, что нашим представлениям соответствует нечто вне нас, какая-то вещь в себе, — то тут Кант материалист. Когда он объявляет эту вещь в себе непознаваемой, трансцендентной [т. е. оказывающейся недоступной пониманию человеческого разума. *Ред.*], потусторонней, — Кант выступает как идеалист. Признавая единственным источником наших знаний опыт, ощущения, Кант направляет свою философию по линии сенсуализма, а через сенсуализм, при известных условиях, и материализма. Признавая априорность [т. е. независимость от опыта. *Ред.*] пространства, времени, причинности и т. д., Кант направляет свою философию в сторону идеализма. За эту половинчатость Канта с ним беспощадно вели борьбу и последовательные материалисты и последовательные идеалисты (а также «чистые» агностики, юмисты)» (*Ленин*, «Материализм и эмпириокритицизм», Соч., т. XIII, стр. 162). Эту двойственную философию и воскрешали неокантианцы (Коген, Натерп и др.). Неокантианство является в настоящее время философским знаменем ревизионизма (Макс Адлер и др.). *Ред.*

³ *Пантеизм* — мировоззрение, отождествляющее бога с природой. *Ред.*

представляет собой лишь идеалистически на голову поставленный материализм.

После всего сказанного понятно, почему Штарке в своей характеристике Фейербаха прежде всего исследует его позицию в основном вопросе — об отношении мышления к бытию. После краткого введения, — в котором взгляды прежних философов, начиная с Канта, излагаются излишне тяжелым философским языком и в котором автор совсем не отдает должного Гегелю, с излишним формализмом останавливаясь на некоторых отдельных местах его сочинений, — подробно излагается ход развития фейербаховской «метафизики», как это развитие последовательно отражалось в относящихся сюда сочинениях этого философа. Изложение сделано старательно и отличается ясностью построения. Только ему, как и всей книге Штарке, вредит вовсе не неизбежный балласт философских выражений. Этот балласт тем более неудобен, что автор не придерживается выражений, принятых какой-нибудь одной школой или хотя бы самим Фейербахом, а перемешивает выражения, принятые разными школами, и преимущественно теми направлениями, которые, под именем философских, распространяются ныне, подобно заразе.

Ход развития Фейербаха есть ход развития гегельянца, — правда, вполне правоверным гегельянцем он не был никогда, — к материализму. На известной ступени этого развития он пришел к полному разрыву с идеалистической системой своего предшественника. С неудержимой силой овладело им, наконец, сознание того, что гегелевское предвечное существование «абсолютной идеи», «предсуществование логических категорий»¹ до возникновения мира есть не более, как фантастический остаток веры в потустороннего творца; что тот вещественный, чувственно воспринимаемый мир, к которому принадлежим мы сами, есть единственный действительный мир и что наше сознание и мышление, каким бы

¹ Гегель в своей «Логике» разбирает основные отвлеченные понятия, как то: бытие, становление, качество, количество, мера, сущность, явление, возможность, случайность, необходимость, действительность и т. д., называемые логическими категориями. По Гегелю, эти категории имеют самостоятельное, «предвечное» существование, независимо от человека (объективный идеализм). В действительности же понятия и умозаключения являются лишь отражениями в мозгу человека процессов, происходящих в материальном мире. «Моменты познания (= «идеи») человеком природы — вот что такое категории логики. «... практика человека, миллиарды раз повторяясь, закрепляется в сознании человека фигурами логики. Фигуры эти имеют прочность предрассудка, аксиоматический характер именно (и только) в силу этого миллиардного повторения» («Ленинский сборник» IX, стр. 212 и 248). «Логические категории» — это и есть как раз то самое идеальное, о котором Маркс говорит в послесловии ко второму изданию первого тома «Капитала»: «Идеальное есть не что иное, как материальное, пересаживаемое в человеческую голову и преобразованное в ней». *Ред.*

сверхчувственным оно ни казалось, является продуктом вещественного, телесного органа, мозга. Материя не есть продукт духа, а дух сам есть лишь высший продукт материи. Это, разумеется, чистый материализм. Но, дойдя до этого, Фейербах вдруг останавливается. Он не может преодолеть обычного философского предрассудка, предрассудка не против самого существа, а против слова «материализм». Он говорит: «Для меня материализм есть основа здания человеческой сущности и знания; но он для меня не то, что для физиолога, для естествоиспытателя в тесном смысле, например для Молешотта, и чем он не может не быть для них сообразно их точке зрения и их специальности, т. е. он для меня не само здание. Идя назад, я целиком с материалистами; идя вперед, я не с ними».

Фейербах смешивает здесь материализм как общее мировоззрение, основанное на определенном понимании отношения материи и духа, с той особой формой, в которой выражалось это мировоззрение на известной исторической ступени, именно в XVIII веке. Мало того, он приписывает материализму вообще тот опошленный, вульгарный вид, который принял теперь материализм XVIII века в головах врачей и естествоиспытателей и в котором его преподносили странствующие проповедники — Бюхнер, Фогт и Молешотт в 50-х годах. Но материализм, подобно идеализму, прошел ряд ступеней развития. С каждым, составляющим эпоху, открытием даже в естественно-исторической области материализм неизбежно должен изменять свою форму. А с тех пор, как и истории было дано материалистическое объяснение, здесь также открывается новый путь для развития материализма.

Материализм прошлого [XVIII] века был преимущественно механическим, потому что из всех естественных наук к тому времени достигла известной законченности только механика, и именно только механика твердых тел (земных и небесных), короче — механика тяжести. Химия имела еще детский вид, в ней придерживались еще теории флогистона. Биология была еще в пеленках: растительный и животный организм был исследован лишь внешне, его объясняли чисто механическими причинами. В глазах материалистов XVIII века человек был машиной так же, как животное в глазах Декарта. Исключительное приложение масштаба механики к процессам химической и органической природы, — в области которых механические законы хотя и продолжают действовать, но отступают на задний план перед другими, высшими законами, — составляет первую своеобразную, но неизбежную тогда ограниченность классического французского материализма.

Вторая своеобразная ограниченность этого материализма заключается в неспособности его понять мир как процесс, как материю, которая находится в непрерывном историческом развитии. Это соответствовало тогдашнему состоянию естествознания и сви-

занному с ним метафизическому, т. е. антидиалектическому, методу философского мышления. Природа находится в вечном движении; это знали и тогда. Но, по тогдашнему представлению, это движение также вечно вращалось в одном и том же круге и, таким образом, оставалось, собственно, на том же месте: оно всегда приводило к одним и тем же последствиям. Такое представление было тогда неизбежно. Кантовская теория возникновения солнечной системы¹ тогда только что появилась и казалась пока лишь простым курьезом. История развития земли, геология, была еще совершенно неизвестна. Мысль о происхождении нынешних живых существ путем продолжительного развития, ведущего от простого к сложному, не могла вообще тогда еще быть научно установлена. Неисторический взгляд на природу был, следовательно, неизбежен. И этот недостаток тем меньше можно поставить в вину философам XVIII века, что его не чужд даже Гегель. У Гегеля природа, как простое «отчуждение» идеи, не способна к развитию во времени; она может лишь разворачивать свое многообразие в пространстве, и, таким образом, осужденная на вечное повторение тех же процессов, она выставляет одновременно и одну рядом с другой все заключающиеся в ней ступени развития. И эту бессмыслицу развития в пространстве, но вне времени, — которое является основным условием всякого развития, — Гегель навязывал природе как раз в то время, когда уже достаточно были разработаны и геология, и эмбриология, и физиология растений и животных, и органическая химия, и когда, на основе этих новых наук, уже повсюду зарождались гениальные догадки, предвосхищавшие позднейшую теорию развития (например Гёте и Ламарк). Но так повелевала система, и ради системы метод должен был изменить самому себе.

В области истории — то же отсутствие исторического взгляда на вещи. Здесь приковывала взор борьба с остатками средневековья. На средние века смотрели как на простой перерыв в ходе истории, причиненный тысячелетним всеобщим варварством. Никто не обращал внимания на большие успехи, сделанные в течение средних веков: расширение культурной области Европы, великие жизнеспособные нации, образовавшиеся там в соседстве друг с другом, наконец, огромные технические успехи XIV и XV столетий. Вследствие этого становился невозможным правильный взгляд на великую историческую связь, а история, в лучшем случае, являлась не более, как готовым к услугам философа сборником иллюстраций и примеров.

Вульгаризаторы, взявшие на себя в 50-х годах в Германии роль разносчиков материализма, не вышли ни в чем за пределы учений

¹ Теория, объясняющая происхождение солнца и планет из первобытной туманности. *Ред.*

своих учителей. Все новые успехи естественных наук служили им лишь новыми доводами против существования творца вселенной. Они не помышляли даже о том, чтобы развивать дальше теорию. Идеализм, премудрость которого к тому времени уже окончательно истощилась и который был смертельно ранен революцией 1848 г., получил, таким образом, удовлетворение в том, что материализм в это время пал еще ниже. Фейербах был совершенно прав, отклоняя от себя всякую ответственность за этот материализм; он только не имел права смешивать учение странствующих проповедников с материализмом вообще.

Впрочем, здесь надо иметь в виду два обстоятельства. Во-первых, при жизни Фейербаха естествознание находилось в том процессе сильнейшего брожения, который получил относительное, вносящее ясность завершение только в последние пятнадцать лет. Собрана была небывалая до сих пор масса нового материала для познания, но лишь в самое последнее время стало возможно установить связь, а стало быть, и порядок в этом хаосе нагромождавшихся открытий. Правда, Фейербах был современником трех важнейших открытий — открытия клетки, учения о превращении энергии и теории развития, названной по имени Дарвина. Но могли ли пребывавший в деревенском уединении философ в достаточной степени следить за наукой, чтобы быть в состоянии в полной мере оценить такие открытия, которые сами-то естествоиспытатели отчасти еще оспаривали, отчасти же не умели надлежащим образом использовать? Вины тут единственно жалкие немецкие порядки, благодаря которым философские кафедры замещались исключительно мудрствующими эклектическими крохоборами¹, между тем как Фейербах, бывший бесконечно выше всех этих крохоборов, вынужден был окрестничать и прозябать в деревенском захолустье. Не Фейербах, следовательно, виноват в том, что ставший теперь возможным исторический взгляд на природу, устраняющий все односторонности французского материализма, остался для него недоступным.

Во-вторых, Фейербах был совершенно прав, когда говорил, что исключительно естественно-научный материализм «составляет основу здания человеческого знания, но еще не самое здание», ибо мы живем не только в природе, но и в человеческом обществе, которое не в меньшей мере, чем природа, имеет свою историю развития и свою науку. Задача, следовательно, состояла в том, чтобы согласовать науку об обществе, т. е. всю совокупность так называемых исторических и философских наук, с материалистическим основанием и перестроить ее соответственно этому основанию. Но Фейербаху не суждено было сделать это. В этом отношении он, несмотря на материалистическую основу, еще не

¹ Flohknacker — буквально: ущемитель блох. *Ред.*

освободился от старых идеалистических пут, что признавал он сам, говоря: «Идя назад, я целиком с материалистами; идя вперед, я не с ними». Но именно здесь, в области общественной, сам Фейербах «вперед», дальше своей точки зрения 1840 или 1844 гг., и не пошел, и опять-таки главным образом вследствие своего отшельничества, в силу которого он, по своим наклонностям гораздо больше всех других философов нуждавшийся в обществе, вынужден был разрабатывать свои мысли в полном уединении, а не в дружеских или враждебных встречах с другими людьми своего калибра. Ниже мы подробнее рассмотрим, в какой высокой степени он оставался идеалистом в указанной области.

Заметим еще, что Штарке видит идеализм Фейербаха не в том, в чем он действительно заключается. «Фейербах — идеалист; он верит в поступательное движение человечества» (стр. 19). «Основой, фундаментом всего остается все-таки идеализм. Реализм только предохраняет нас от заблуждений в то время, когда мы следуем своим идеальным склонностям. Разве сострадание, любовь и служение истине и праву не идеальные силы?» (стр. VIII).

Во-первых, здесь идеализмом называется не что иное, как стремление к идеальным целям. Но эти цели имеют обязательное отношение разве только к кантовскому идеализму с его «категорическим императивом»¹. Однако сам Кант назвал свою философию «трансцендентальным идеализмом» вовсе не потому, что в ней речь идет, между прочим, и о нравственных идеалах. Это произошло по совершенно другим основаниям, неизвестным, конечно, Штарке. Предрассудок относительно того, что вера в нравственные, т. е. общественные, идеалы составляет будто бы сущность философского идеализма, возник вне философии, у немецких филистеров, которые подбирали потребные им крохи философского образования в стихотворениях Шиллера. Гегель резче, чем кто бы то ни было, критиковал бессильный кантовский «категорический императив» (бессильный потому, что требует невозможного, следовательно, никогда не приходит ни к чему действительному); он злее всякого другого осмеивал насажденную Шиллером филистерскую наклонность пометчать о неосуществимых идеалах (см., например, «Феноменологию»). А между тем Гегель был совершенный идеалист.

Во-вторых, никак не избежать того обстоятельства, что все, что побуждает человека к деятельности, должно проходить через

¹ *Категорический императив* (буквально — безусловное веление) в философии Канта — высший моральный закон, который гласит: человек должен действовать так, чтобы принципы его поведения могли одновременно рассматриваться как всеобщий закон. Этот «вечный», «неизменный» моральный закон, по Канту, вытекает не из опыта, а дан до него и независимо от него, а priori — «чистым разумом». На деле этот «вечный закон» был лишь выражением классовой морали буржуазии на определенной ступени исторического развития. *Ред.*

его голову: даже за еду и питье человек принимается под влиянием страдившихся в его голове ощущений голода и жажды, а перестает есть и пить потому, что в его голове отражается ощущение сытости. Воздействия внешнего мира на человека запечатлеваются в его голове, отражаются в ней в виде чувств, мыслей, побуждений, проявлений воли, словом — в виде «идеальных стремлений», и в этом виде они являются «идеальными силами». И если данный человек оказывается идеалистом вследствие только того обстоятельства, что у него есть «идеальные стремления» и что он подчиняется влиянию «идеальных сил», то всякий мало-мальски нормально развитой человек — идеалист от природы, и непонятным остается одно: как могут быть на свете материалисты?

В-третьих, убеждение в том, что человечество, — по крайней мере в данное время, — подвигается в общем и целом вперед, не имеет абсолютно ничего общего с противоположностью материализма и идеализма. Французские материалисты почти фанатически держались этого убеждения, — не меньше деистов Вольтера и Руссо, — и приносили ему часто величайшие личные жертвы. Если кто-нибудь посвятил всю свою жизнь «служению истине и праву» — в хорошем смысле этих слов, — то таким человеком был, например, Дидро. И когда Штарке объявляет все это идеализмом, он доказывает только то, что слово «материализм», а с ним вместе и вся противоположность обоих направлений утратили здесь у него всякий смысл.

И действительно, Штарке делает, — хотя, может быть, бессознательно, — непростительную уступку филистерскому предубеждению против названия «материализм», предубеждению, укоренившемуся у филистера под влиянием долголетней гнусной поповской проповеди. Под материализмом филистер понимает обжорство, пьянство, тщеславие и плотские наслаждения, жадность к деньгам, скупость, алчность, погоню за барышом и биржевые плутни, короче — все те грязные пороки, которым он сам предается втайне. Идеализм же означает у него веру в добродетель, любовь ко всему человечеству и вообще веру в «лучший мир», о котором он кричит перед другими, но в который он сам начинает веровать лишь тогда, когда у него голова болит с похмелья или когда он обанкротился, словом — когда ему приходится переживать неприятные последствия своих обычных «материалистических» излишеств. Любимая поговорка филистера гласит: Что такое человек? Полузверь, полуангел.

В остальном же Штарке усердно старается защитить Фейербаха от нападений и ученых тех доцентов, которые шумят теперь в Германии под именем философов. Для людей, интересующихся выродившимся потомством классической немецкой философии, это, конечно, важно; для самого Штарке это могло казаться необходимым. Но мы пощадим читателя.

III

Действительный идеализм Фейербаха выступает наружу тотчас же, как мы подходим к его этике и философии религии. Фейербах вовсе не хочет упразднить религию; он хочет усовершенствовать ее. Сама философия должна быть поглощена религией. «Периоды человечества отличаются один от другого лишь переменами в религии. Данное историческое движение только тогда достигает своей глубокой основы, когда оно глубоко проникает в сердце человека. Сердце — не форма религии, так что нельзя сказать, что религия должна быть *также* и в сердце; оно — *сущность* религии» (цитировано у Штарке, стр. 168). По учению Фейербаха, религия есть эмоциональное, сердечное отношение между человеком и человеком, которое до сих пор искало свою истину в фантастическом отражении действительности, — при посредстве бога или нескольких богов, этих фантастических отражений человеческих свойств, — а теперь непосредственно и прямо находит его в любви между «я» и «ты». В конце концов у Фейербаха выходит, что половая любовь есть одна из самых высших, если не самая высшая форма исповедания его новой религии.

Основанные на чувстве отношения между людьми, особенно между людьми разного пола, существовали с тех самых пор, как существует человечество. Что касается половой любви, то она в течение последних восьми столетий приобрела такое значение и завоевала такое место, что стала осью, вокруг которой обязательно вращается вся поэзия. Существующие положительные религии ограничиваются тем, что дают высшее освящение государственному регулированию половой любви, т. е. законодательству о браках; они могут хоть завтра совершенно исчезнуть, и в практике любви и дружбы не произойдет ни малейшего изменения. Во Франции, в промежуток времени от 1793 до 1799 г., христианская религия действительно до такой степени исчезла, что самому Наполеону не без труда и не без сопротивления удалось ввести ее снова¹. Однако в течение этого времени никто не почувствовал, что ее надо заменить чем-нибудь вроде новой религии Фейербаха.

Идеализм Фейербаха состоит здесь в том, что он половую любовь, дружбу, сострадание, самоотвержение и т. д., все основанные на взаимной склонности отношения людей не решает оставить в том виде, какой они имеют сами по себе, помимо связи их с какой-нибудь особой религиозной системой, которая и по его мнению принадлежит прошлому. Он утверждает, что полное свое значение эти отношения получают только тогда, когда их освя-

¹ Имеется в виду восстановление Наполеоном во Франции католической церкви, которая была уничтожена якобинским Конвентом. *Ред.*

тят словом «религия». Для него главное дело не в том, что существуют такие чисто человеческие отношения, а в том, чтобы на них смотрели как на новую, истинную религию. Он соглашается признать их полноценными только в том случае, если к ним будет приложена печать религии. Существительное *религия* происходит от глагола *religare* и означало первоначально *связь*. Следовательно, всякая взаимная связь двух людей есть религия. Подобные этимологические фокусы представляют собой последнюю лазейку идеалистической философии. Словам приписывается не то значение, какое получили они путем исторического развития их действительного употребления, а то, какое они должны были бы иметь в силу своей этимологической родословной. Чтобы не исчезло из употребления дорогое по старой идеалистической привычке слово «религия», в сан религия возводятся половая любовь и отношения между полами. Так именно говорили в 40-х годах парижские реформисты направления Луи Блана¹, которым человек без религии представлялся каким-то чудовищем; они заявляли нам: *Donc, l'athéisme c'est votre religion*². Стараясь построить истинную религию на основе материалистического по сути дела понимания природы, Фейербах уподоблялся человеку, который решил бы, что современная химия есть истинная алхимия. Если возможна религия без бога, то возможна и алхимия без философского камня. Впрочем, существует очень тесная связь между алхимией и религией. Философский камень обладает многими богоподобными свойствами, и египетско-греческие алхимики первых двух столетий по нашему летоисчислению тоже приложили свою руку при выработке христианского учения, как это показывают данные, приводимые Бертелло и Коппом.

Совершенно неверным является утверждение Фейербаха, что «периоды человечества отличаются один от другого лишь переменами в религии». Только там, где речь идет о трех доныне существовавших мировых религиях: о буддизме, о христианстве и об исламе, можно сказать, что великие исторические повороты *сопровождались* переменами в религии. Старые стихийно возникшие племенные и национальные религии не имели пропагандистского характера и лишались всякой силы сопротивления, как только бывала сломлена независимость данных племен или народов. У германцев для этого достаточно было даже простого соприкосновения с разлагавшейся Римской мировой империей и с ее мировой христианской религией, тогда только что принятой Римом и соответствовавшей его экономическому, политическому и духовному состоянию. Только по поводу этих, более или менее искусственно возникших мировых религий, особенно по поводу

¹ См. примечание 3 Энгельса на стр. 166 настоящего тома. *Ред.*

² Но атеизм и есть ваша религия. *Ред.*

христианства и ислама, можно сказать, что общие исторические движения принимают религиозную окраску. Но даже в сфере распространенная христианства революции, действительно имевшие общее значение, принимают эту окраску лишь на первых ступенях борьбы буржуазии за свое освобождение, от XIII до XVII века включительно. И это объясняется не свойствами человеческого сердца и не религиозной его потребностью, как думает Фейербах, но всей предыдущей историей средних веков, знавших только одну форму идеологии: религию и богословие. Но когда в XVIII веке буржуазия достаточно окрепла для того, чтобы создать свою собственную идеологию, соответствующую ее классовому положению, она совершила свою великую и законченную революцию — французскую, апеллируя исключительно к юридическим и политическим идеям, думая о религии лишь постольку, поскольку эта последняя загораживала ей дорогу. Но при этом ей и в голову не приходило, что надо заменить старую религию какой-то новой. Известно, какую неудачу потерпел здесь Робеспьер¹.

В обществе, в котором мы вынуждены жить теперь и которое основано на противоположности классов и на классовом господстве, возможность проявления чисто человеческих чувств в отношениях к людям и без того достаточно жалка, у нас нет ни малейшего основания делать ее еще более жалкой, превращая эти чувства в религию. Точно так же надо сказать, что ходячая историография уже достаточно затемнила нам, особенно в Германии, понимание великих исторических классовых битв, и нам нет надобности делать его совершенно невозможным, низводя историю этой борьбы на степень простого придатка к истории церкви. Уже из этого видно, как далеко ушли мы теперь от Фейербаха. Теперь просто невозможно даже читать те «прекраснейшие» места его сочинений, в которых превозносится новая религия любви.

Фейербах основательно исследовал только одну религию — христианство, эту основанную на монотеизме мировую религию Запада. Он показал, что христианский бог есть лишь фантастическое отражение человека. Но этот бог, в свою очередь, является продуктом длительного процесса отвлечения, концентрированной квинт-эссенцией множества старых племенных и национальных богов. Соответственно этому и человек, отражением которого является этот бог, представляет собою не действительного человека, но подобную же квинт-эссенцию множества действительных людей; это — абстрактный человек, т. е., стало быть, опять-таки только мысленный образ. И тот же самый Фейербах, кото-

¹ Имеется в виду попытка Робеспьера установить религию «верховного существа» — разума. *Ред.*

рый на каждой странице проповедует чувственность, приглашает нас погрузиться в конкретный, действительный мир, становится до крайности абстрактным, как только ему приходится говорить не о половых, а о каких-либо других отношениях между людьми.

Во всех отношениях между людьми он видел только одну сторону — мораль. И здесь нас опять поражает удивительная бедность Фейербаха в сравнении с Гегелем. У Гегеля этика, или учение о нравственности, есть философия права и охватывает: 1) абстрактное право, 2) моральность, 3) область нравственности, к которой, в свою очередь, относится: семья, гражданское общество, государство. Насколько идеалистична форма, настолько же реалистично содержание. Наряду с моралью оно заключает в себе всю область права, экономики и политики. У Фейербаха — как раз наоборот. По форме он реалистичен, за точку отправления он берет человека; но о мире, в котором живет этот человек, у него нет и речи, и потому его человек остается тем же абстрактным человеком, который фигурирует в религии. Этот человек появился на свет не из чрева матери: он, как из куколки, вылетает из бога монотеистических религий. Поэтому он живет не в действительном, исторически развившемся и исторически определенном мире. Хотя он находится в общении с другими людьми, но каждый из них столь же абстрактен, как и он. В философии религии мы все-таки еще имели дело с мужчиной и женщиной. Но в этике исчезает и это последнее различие. Правда, у Фейербаха попадаются изредка такие, например, положения: «Во дворцах мыслят иначе, чем в хижинах». — «Если у тебя от голода и по бедности нет питательных веществ в теле, то и в голове твоей, в твоих чувствах и в твоём сердце нет пищи для морали». — «Политика должна стать нашей религией» и т. д. Но он совершенно не умеет пользоваться этими положениями, они остаются у него голой фразой, и даже Штарке вынужден признать, что политика для Фейербаха недоступная область, а «наука об обществе, социология, — terra incognita¹».

Столь же плоским является он, по сравнению с Гегелем, и там, где рассматривает противоположность между добром и злом. «Некоторые думают, — замечает Гегель, — что они высказывают чрезвычайно глубокую мысль, говоря: человек по своей природе добр; но они забывают, что гораздо больше глубокомыслия в словах: человек по своей природе зол». У Гегеля зло есть форма, в которой проявляется движущая сила исторического развития. В этом заключается двойкий смысл. С одной стороны, каждый новый шаг вперед необходимо является оскорблением какой-нибудь святыни, бунтом против старого, отживающего, но освященного привычкой порядка. С другой стороны, с тех пор как

¹ — неведомая страна. *Ред.*

возникла противоположность общественных классов, рычагами исторического развития сделались дурные страсти людей: жадность и властолюбие. История феодализма и буржуазии служит этому непрерывным доказательством. Но Фейербаху и в голову не приходит рассмотреть историческую роль морального зла. Историческая область для него вообще неудобна и неуютна. Даже его изречение: «Когда человек вышел из рук природы, он был дитя природы, а вовсе не человек. Человек, это — произведение человека, культуры, истории», — даже это изречение остается у него совершенно бесплодным.

После всего сказанного понятно, что насчет морали Фейербах сообщает нам нечто чрезвычайно тощее. Стремление к счастью прирождено человеку, поэтому оно должно быть основанием морали. Но стремление к счастью подвергается двойкой поправке. Во-первых, со стороны естественных последствий наших поступков: за опьянением следует похмелье, за вошедшим в привычку излишеством — болезнь. Во-вторых, со стороны их общественных последствий: если мы не уважаем в других того же стремления к счастью, они оказывают сопротивление и мешают нашему стремлению к счастью. Отсюда следует, что если мы хотим удовлетворить свое стремление к счастью, мы должны научиться правильно взвешивать последствия наших поступков и кроме того уважать равным образом законность того же самого стремления и у других. Разумное самоограничение в отношении самих себя и любовь — вечно любовь! — в сношениях с другими — таковы, стало быть, основные правила фейербаховской морали, из которых выводятся все остальные. И ни остроумнейшие рассуждения Фейербаха, ни усиленные похвалы Штарке не в состоянии скрыть убогость и пустоту этих двух-трех положений.

Занимаясь самим собой, человек только в очень редких случаях, и далеко не с пользой для себя и для других, удовлетворяет свое стремление к счастью. Он должен иметь сношения с внешним миром, средства для удовлетворения своих потребностей: пищу, человека другого пола, книги, беседы, споры, деятельность, предметы потребления и обработки. Одно из двух: или фейербаховская мораль заранее предполагает, что все эти средства и предметы несомненно имеются у каждого человека, или она дает только благие, но неприменимые советы, и тогда она не стоит выеденного яйца для людей, лишенных вышеуказанных средств. И сам Фейербах говорит об этом в скупых словах: «Во дворцах мыслят иначе, чем в хижинах. Если у тебя от голода и по бедности нет питательных веществ в теле, то и в голове твоей, в твоих чувствах и в твоём сердце нет пищи для морали».

Лучше ли обстоит дело с равным правом всех людей на счастье? Фейербах безусловно требует его, считает обязательным во все времена и при всяких обстоятельствах. Но с каких пор оно

признано всеми? Заходила ли когда-нибудь в древности между рабами и их владельцами или в середине века между крепостными крестьянами и их баронами речь о равном праве всех людей на счастье? Не было ли стремление угнетенных классов к счастью безжалостно и «на законном основании» приносимо в жертву такому же стремлению господствующих классов? Было, но это было безнравственно; теперь же признано равноправие. Признано на словах, с тех пор как буржуазия вследствие борьбы против феодализма и развития капиталистического производства вынуждена была уничтожить все сословные, т. е. личные, привилегии и ввести юридическое равноправие личности сперва в области частного, а затем постепенно и в области государственного права. Но для стремления к счастью идеальные права являются крайне недостаточной миной. Оно питается больше всего материальными средствами, а с этой стороны капиталистическое производство заботится о том, чтобы огромное большинство равноправных лиц имело лишь самое необходимое для самой скудной жизни. Таким образом, капитализм вряд ли оказывает больше уважения равному праву большинства на счастье, чем оказывало рабство или крепостничество. Обстоит ли дело лучше с духовными средствами счастья, со средствами к образованию? Разве сам «школьный учитель, победивший при Садовой¹⁾», — не мифическая личность?

Более того. Но фейербаховской теории морали выходит, что биржа есть храм высшей нравственности, если только спекулируют с умом. Если мое стремление к счастью заводит меня на биржу и если я там умею правильно взвесить последствия моих действий, так что эти действия приносят мне одни только приятности и никакого ущерба, т. е. если я постоянно выигрываю, то предписание Фейербаха исполнено. И заметьте, что при этом я вовсе не стесняю моего ближнего в его стремлении к счастью. Мой ближний так же добровольно пришел на биржу, как и я. Вступая со мной в деловое соглашение, он совершенно так же следует своему стремлению к счастью, как я следую моему. А если он теряет свои деньги, то этим доказывается безнравственность его действия, последствия которого были им плохо взвешены. Заставляя его нести заслуженное наказание, я могу даже стать в гордую позу современного Радаманта²⁾. На бирже царствует также и любовь, поскольку она не просто сентиментальная фраза; ибо каждый удовлетворяет свое стремление к счастью при

¹⁾ Выражение, ставшее употребительным в немецкой буржуазной публицике после поражения австрийцев при Садовой (в прусско-австрийской войне 1866 г.) и заключавшее в себе ту мысль, что в данном сражении победила прусская система образования. *Ред.*

²⁾ *Радамант*, согласно греческому мифу, был за свою справедливость назначен судьей в аду. *Ред.*

помощи другого, а именно это и нужно для любви, в этом заключается ее практическое осуществление. Следовательно, если я хорошо предусматриваю последствия своих операций, т. е. если я играю с успехом, то я строжайшим образом исполняю все требования фейербаховской морали, а вдобавок еще и богатею. Иначе сказать, каковы бы ни были намерения и ожидания Фейербаха, его мораль оказывается скроенной по мерке нынешнего капиталистического общества.

Но любовь! — Да, любовь всегда и везде является у Фейербаха чудотворцем, долженствующим выручать из всех трудностей практической жизни, — и это в обществе, разделенном на классы с диаметрально противоположными интересами! Таким образом, из его философии улетучиваются последние остатки ее революционного характера и остается лишь старая песенка: любите друг друга, лобызайтесь все, без различия пола и звания, — всеобщее примирительное опьянение!

Коротко говоря, с моралью Фейербаха случилось то же, что со всеми ее предшественницами. Она выкроена для всех времен, для всех народов, для всех состояний и именно потому она не приложима нигде и никогда. По отношению к действительному миру она так же бессильна, как категорический императив Канта. В действительности каждый класс и даже каждая профессия имеют свою собственную мораль, которую они притом же нарушают всякий раз, когда могут сделать это безнаказанно. А любовь, которая должна бы все объединять, проявляется в войнах, ссорах, тяжбах, домашних сварах, разводах и в максимальной эксплуатации одних другими.

Но каким образом могло случиться, что для самого Фейербаха остался совершенно бесплодным тот могучий толчок, который он дал умственному движению? Просто потому, что Фейербах не нашел дороги из царства столь ненавистных ему абстракций в живой, действительный мир. Он изо всех сил хватается за природу и за человека. Но и природа и человек остаются у него только словами. Он не может сказать ничего определенного ни о действительной природе, ни о действительном человеке. Чтобы перейти от фейербаховского абстрактного человека к действительным, живым людям, необходимо было изучать этих людей в их исторических действиях. Но Фейербах упирался против этого, и потому не понятый им 1848 год означал для него полный разрыв с действительным миром, переход к совершенному отшельничеству. Винаваты в этом главным образом все те же немецкие общественные отношения, которые привели его к такому жалкому положению.

Но шаг, которого не сделал Фейербах, все-таки надо было сделать. Надо было заменить культ абстрактного человека, это ядро новой религии Фейербаха, наукой о действительных людях

и их историческом развитии. Это дальнейшее развитие фейербаховской точки зрения, выходящее за пределы философии Фейербаха, начато было в 1845 г. Марксом в книге «Святое семейство».

IV

Штраус, Бауэр, Штирнер, Фейербах были отпрысками гегелевской философии, поскольку они еще не покидали философской почвы. После своей «Жизни Иисуса» и «Догматики» Штраус отдался философской и церковно-исторической беллетристике на манер Ренана. Бауэр сделал нечто значительное лишь в области истории возникновения христианства. Штирнер остался простым курьезом даже после того, как Бакунин сочетал его с Прудоном и окрестил эту смесь «анархизмом». Один Фейербах был выдающимся философом. Но он не только не успел перешагнуть за пределы философии, выдававшей себя за некую науку наук, парящую над всеми отдельными науками, связывающую их воедино, — эта философия оставалась в его глазах неприкосновенной святыней, — но даже как философ он остановился на полдороге, был материалист внизу, идеалист сверху. Он не одолел Гегеля оружием критики, а просто отбросил его в сторону как нечто негодное к употреблению; в то же время он сам не был в состоянии противопоставить энциклопедическому богатству гегелевской системы ничего положительного, кроме напыщенной религии любви и тощей, бессильной морали.

Но при разложении гегелевской школы образовалось еще иное направление, единственное, которое действительно принесло плоды. Это направление главным образом связано с именем Маркса¹.

Разрыв с философией Гегеля произошел и здесь путем возврата к материалистической точке зрения. Это значит, что люди этого направления решились понимать действительный мир — природу и историю таким, каким он сам дается всякому, кто

¹ Я позволю здесь себе одно личное объяснение. В последнее время не раз указывали на мое участие в выработке этой теории. Поэтому я вынужден сказать здесь несколько слов, исчерпывающих этот вопрос. Я не могу отрицать, что я и до и во время моей сорокалетней совместной работы с Марксом принимал известное самостоятельное участие как в обосновании, так и в особенности в разработке теории, о которой идет речь. Но огромнейшая часть основных руководящих мыслей, особенно в экономической и исторической области, и, еще больше, их окончательная резкая формулировка принадлежит Марксу. То, что внес я, Маркс мог легко сделать и без меня, за исключением, может быть, двух-трех специальных областей. А того, что сделал Маркс, я никогда не мог бы сделать. Маркс стоял выше, видел дальше, обозревал больше и скорее всех нас. Маркс был гений, мы, в лучшем случае, — таланты. Без него наша теория далеко не была бы теперь тем, что она есть. Поэтому она справедливо называется его именем. (*Примечание Энгельса.*)

подходит к нему без предвзятых идеалистических выдумок; они решились без сожаления пожертвовать всякой идеалистической выдумкой, которая не соответствует фактам, взятым в их собственной, а не в какой-то фантастической связи. И ничего более материализма вообще не означает. Новое направление отличалось лишь тем, что здесь впервые действительно серьезно отнеслись к материалистическому мировоззрению, что оно было последовательно проведено — по крайней мере в основных чертах — во всех решительно областях знания.

Гегель не был просто отброшен в сторону. Наоборот, была подхвачена указанная выше революционная сторона его философии, диалектический метод. Но этот метод в его гегелевской форме был непригоден. У Гегеля диалектика есть саморазвитие понятия. Абсолютное понятие не только существует — неизвестно где, — от века, но и составляет истинную, животворящую душу всего существующего мира. Оно, развиваясь, углубляется в себя, проходя все те ступени, которые заключаются в нем самом и которые подробно рассмотрены в «Логике». Затем оно «отчуждает» себя, превращаясь в природу, где оно, не сознавая самого себя, приняв вид естественной необходимости, прodelьывает новое развитие, и в человеке, наконец, снова приходит к самосознанию. А в истории это самосознание опять выбивается из грубого состояния, пока, наконец, абсолютное понятие не приходит опять полностью к самому себе в гегелевской философии. Обнаруживающееся в природе и в истории диалектическое развитие, т. е. причинная связь того поступательного движения, которое, сквозь все зигзаги и сквозь все кратковременные попятные шаги, пробивается от низшего к высшему, — это развитие является у Гегеля просто отпечатком самодвижения понятия, вечно совершающегося неизвестно где и, во всяком случае, совершенно независимо от всякого мыслящего человеческого мозга. Надо было устранить это идеологическое извращение. Вернувшись к материалистической точке зрения, мы снова увидели в человеческих понятиях снимки с действительных вещей, вместо того чтобы в действительных вещах видеть снимки с абсолютного понятия, находящегося на известной ступени развития. Диалектика сводилась этим к науке об общих законах движения как внешнего мира, так и человеческого мышления: два ряда законов, которые по сути дела тождественны, а по своему выражению различны лишь постольку, что человеческая голова может применять их сознательно, между тем как в природе — до сих пор большей частью и в человеческой истории — они пролагают себе дорогу бессознательно, в форме внешней необходимости, среди бесконечного ряда кажущихся случайностей. Таким образом, диалектика понятий сама становилась лишь сознательным отражением диалектического движения действительного мира. Вместе с этим

гегелевская диалектика была перевернута, а лучше сказать — поставлена на ноги, так как на голове стояла она прежде. И замечательно, что не одни мы открыли эту материалистическую диалектику, которая вот уже много лет является нашим лучшим орудием труда и нашим острейшим оружием; немецкий рабочий Иосиф Дицген вновь открыл ее независимо от нас и даже независимо от Гегеля¹.

Тем самым революционная сторона гегелевской философии была восстановлена и одновременно освобождена от тех идеалистических обшивок, которые у Гегеля затрудняли ее последовательное проведение. Великая основная мысль, — что мир состоит не из готовых, законченных *вещей*, а представляет собой совокупность *процессов*, в которой *вещи*, кажущиеся неизменными, равно как и делаемые головой мысленные их снимки, понятия, находятся в непрерывном изменении, то возникают, то уничтожаются, и что поступательное развитие, при всей кажущейся случайности и вопреки временным отливам, в конечном счете пробивает себе дорогу, — эта великая основная мысль со времени Гегеля до такой степени вошла в общее сознание, что едва ли кто-нибудь станет оспаривать ее в ее общем виде. Но одно дело признавать ее на словах, другое дело — применять ее в каждом отдельном случае и в каждой данной области исследования. Если же мы при исследовании постоянно держимся этой точки зрения, то в наших глазах раз навсегда утрачивает всякий смысл требование окончательных решений и вечных истин; мы никогда не забываем, что все приобретаемые нами знания по необходимости ограничены и обусловлены теми обстоятельствами, при которых мы их приобретаем. Мы не смущаемся также и противоположностью между истиной и заблуждением, между добром и злом, между тождеством и различием, между необходимостью и случайностью. С этой противоположностью никак не может справиться старое, еще и поныне очень распространенное метафизическое мышление. Но мы понимаем относительное значение этой противоположности: то, что ныне признается истиной, имеет скрытую теперь ошибочную сторону, которая со временем выступит наружу; и совершенно так же то, что признано теперь заблуждением, имеет истинную сторону, в силу которой оно могло считаться прежде истиной; то, что утверждается как необходимое, слагается из чистых случайностей, а так называемое случайное представляет собою форму, за которой скрывается необходимость, и т. д.

¹ См. «Das Wesen der Kopfarbeit, von einem Handarbeiter». Hamburg. Meissner, 1869. [«Сущность умственного труда человека, изложенная представителем физического труда». Гамбург, Мейснер, 1869.] (*Примечание Энгельса.*)

Старый метод исследования и мышления, который Гегель называл «метафизическим», который имел дело преимущественно с *вещами* как с чем-то совершенно готовым и законченным и остатки которого до сих пор еще крепко сидят в головах, имел в свое время великое историческое оправдание. Надо было исследовать вещи, прежде чем можно было приступить к исследованию процессов. Надо сначала знать, что такое данная вещь, чтобы можно было заняться теми изменениями, которые в ней происходят. Так шло дело в естественных науках. Старая метафизика, считавшая вещи законченными, выросла из естествознания, которое изучало эти мертвые и живые вещи как законченные. Когда же это изучение отдельных вещей подвинулось так далеко, что можно было сделать новый решительный шаг вперед, т. е. приступить к систематическому исследованию изменений, которые происходят с этими вещами в природе, тогда и в философской области пробил смертный час старой метафизики. И на самом деле, до конца последнего столетия естествознание было преимущественно *собирающей* наукой, наукой о законченных вещах; в нашем же веке оно стало в сущности *упорядочивающей* наукой, наукой о процессах, о происхождении и развитии этих вещей и о связи, соединяющей эти процессы природы в одно великое целое. Физиология, которая исследует процессы в растительном и животном организме; эмбриология, изучающая развитие отдельного организма из зародышевого состояния до зрелости; геология, изучающая постепенное образование земной коры, — все эти науки суть детища нашего века.

Познание взаимной связи процессов, совершающихся в природе, двинулось гигантскими шагами вперед, особенно благодаря трем великим открытиям:

Во-первых, благодаря открытию клетки, этой единицы, из размножения и дифференциации которой развивается все тело растения и животного. Это открытие не только убедило нас, что развитие и рост всех высших организмов совершаются по одному общему закону, но, показав способность клеток к изменению, оно обозначило также путь, ведущий к видовым изменениям организмов, изменениям, вследствие которых организмы могут совершать процесс развития, представляющий собою нечто большее, чем развитие только индивидуальное.

Во-вторых, благодаря открытию превращения энергии, показавшему, что все так называемые силы, действующие прежде всего в неорганической природе, — механическая сила и ее дополнение, так называемая потенциальная энергия, теплота, лучеиспускание (свет и лучистая теплота), электричество, магнетизм, химическая энергия, — представляют собой различные формы проявления универсального движения, которые переходят одна в другую в определенных отношениях меры, так что, когда

исчезает некоторое количество одной, на ее место появляется определенное количество другой, и все движение в природе сводится к непрерывному процессу превращения из одной формы в другую.

Наконец, в-третьих, благодаря впервые представленному Дарвином связному доказательству того, что все окружающие нас теперь организмы, не исключая и человека, возникли в результате длинного процесса развития из немногих первоначально одноклеточных зародышей, а эти зародыши, в свою очередь, образовались из возникшей химическим путем протоплазмы или белка.

Благодаря этим трем великим открытиям и прочим громадным успехам естествознания мы можем теперь обнаружить не только ту связь, которая существует между процессами природы в отдельных ее областях, но также в общем и целом и ту, которая объединяет эти отдельные области. Таким образом, с помощью данных, доставленных самим эмпирическим естествознанием, можно в довольно систематической форме дать общую картину природы как связанного целого. Дать общую картину было прежде задачей так называемой натурфилософии, которая могла это делать только таким образом, что заменяла не известные еще ей действительные связи явлений идеальными, фантастическими связями и замещала недостающие факты вымыслами, пополняя действительные пробелы лишь в воображении. При этом ею были высказаны многие гениальные мысли и предугаданы многие позднейшие открытия, но не мало также было наговорено и вздора. Иначе тогда и быть не могло. Теперь же, когда нам достаточно взглянуть на результаты изучения природы диалектически, т. е. с точки зрения их собственной связи, чтобы составить удовлетворительную для нашего времени «систему природы», и когда сознание диалектического характера этой связи проникает даже в метафизические головы естествоиспытателей вопреки их воле, — теперь натурфилософии пришел конец. Всякая попытка воскресить ее не только была бы излишней, *а была бы шагом назад.*

Но то, что применимо к природе, которую мы понимаем теперь как исторический процесс развития, применимо также ко всем отраслям истории общества и ко всей совокупности наук, занимающихся вещами человеческими (и божескими). Подобно философии природы, философия истории, права, религии и т. д. состояла в том, что место действительной связи, которую следует обнаруживать в событиях, занимала связь, измышленная философами; что на историю, — и в ее целом и в отдельных частях, — смотрели как на постепенное осуществление идей и, разумеется, всегда только любимых идей каждого данного философа. С этой точки зрения выходило, что история бессознательно, но необходимо работала на осуществление известной идеальной, заранее поставленной цели; у Гегеля, например, такую целью являлось

осуществление его абсолютной идеи, и неуклонное стремление к этой абсолютной идее составляло, по его мнению, внутреннюю связь в исторических событиях. На место действительной, еще не известной связи ставилось, таким образом, новое, бессознательное или постепенно достигающее сознания таинственное провидение. Здесь надо было, значит, совершенно так же, как и в области природы, устранить эти вымышленные, искусственные связи, открыв связи действительные. А эта задача, в конце концов, сводилась к открытию тех общих законов движения, которые в качестве господствующих действуют в истории человеческого общества.

Но история развития общества в одном пункте существенно отличается от истории развития природы. Именно: в природе (поскольку мы оставляем в стороне обратное влияние на нее человека) действуют одна на другую лишь слепые, бессознательные силы, и общие законы проявляются во взаимодействии этих сил. Здесь нигде нет осознанной, желаемой цели: ни в бесчисленных кажущихся случайностях, видимых на поверхности, ни в окончательных результатах, подтверждающих наличие закономерности внутри этих случайностей. Наоборот, в истории общества действуют люди, одаренные сознанием, поступающие обдуманно или под влиянием страсти, ставящие себе определенные цели. Здесь ничто не делается без осознанного намерения, без желаемой цели. Но как ни важно это различие для исторического исследования, — особенно отдельных эпох и событий, — оно нисколько не изменяет того факта, что ход истории подчиняется внутренним общим законам. В самом деле, и в этой области, на поверхности явлений, несмотря на сознательно желаемые цели всех отдельных людей, царствует, в общем и целом, повидимому, случайность. Желаемое совершается лишь в редких случаях; по большей же части цели, поставленные людьми перед собой, приходя в взаимные столкновения и противоречия или оказываются недостижимыми частью по самому своему существу, частью по недостатку средств для их осуществления. Столкновения бесчисленных отдельных стремлений и отдельных действий приводят в области истории к состоянию, совершенно подобному тому, которое господствует в неодушевленной природе. Действия имеют известную желательную цель; но результаты, на деле вытекающие из этих действий, вовсе не желательны. А если вначале они, повидимому, и соответствуют желаемой цели, то, в конце концов, они несут с собою далеко не то, что было желательно. Таким образом, кажется, что в общем и целом случайность одинаково господствует и в исторической области. Но где на поверхности происходит игра случайности, там сама эта случайность всегда оказывается подчиненной внутренним, скрытым законам. Все дело лишь в том, чтобы открыть эти законы.

Каков бы ни был ход истории, люди делают ее так: каждый преследует свои собственные, сознательно поставленные цели, а общий итог этого множества действующих по различным направлениям стремлений и их разнообразных воздействий на внешний мир — это именно и есть история. Вопрос сводится, стало быть, также к тому, чего хочет это множество отдельных лиц. Воля определяется страстью или размышлением. Но те рычаги, которыми, в свою очередь, непосредственно определяются страсть или размышление, бывают самого разнообразного характера. Отчасти это могут быть внешние предметы, отчасти — идеальные побуждения: честолюбие, «служение истине и праву», личная ненависть или даже чисто индивидуальные прихоти всякого рода. Но, с одной стороны, мы уже видели, что действующие в истории многочисленные отдельные стремления в большинстве случаев влекут за собой не те последствия, которые были желательны, а совсем другие, часто прямо-таки противоположные тому, что имелось в виду, так что и эти побуждения, следовательно, имеют по отношению к конечному результату лишь подчиненное значение. А с другой стороны, возникает новый вопрос: какие движущие силы скрываются, в свою очередь, за этими побуждениями, каковы те исторические причины, которые в головах деятелей приняли форму данных побуждений?

Старый материализм никогда не задавался таким вопросом. Взгляд его на историю, — поскольку он вообще имел такой взгляд, — был существенно прагматический: он судил обо всем по мотивам действий, делил исторических деятелей на честных и плутов и находил, что честные, как правило, оказывались в дураках, а плуты торжествовали. Из этого обстоятельства для него вытекал лишь тот вывод, что в истории очень мало назидательного, а для нас вытекает тот вывод, что в исторической области старый материализм изменяет самому себе, считая действующие там идеальные побудительные силы последними причинами событий, вместо того чтобы исследовать, что за ними кроется, каковы побудительные силы этих побудительных сил. Непоследовательность заключается не в том, что признается существование *идеальных* побудительных сил, а в том, что останавливаются на них, не идут дальше к движущим причинам. Напротив, философия истории, особенно в лице Гегеля, признавала, что как выставленные напоказ, так и действительные побуждения исторических деятелей вовсе не представляют собою последних причин исторических событий, что за этими побуждениями стоят другие движущие силы, которые и надо изучать. Но философия истории искала эти силы не в самой истории; напротив, она приносила их туда извне, из философской идеологии. Так, например, вместо того чтобы объяснять историю Греции из ее собственной внутренней связи, Гегель просто-напросто объявляет, что эта история

есть не что иное, как выработка «форм прекрасной индивидуальности», осуществление «художественного произведения» как такового. По этому случаю он делает много прекрасных, глубоких замечаний о древних греках, но тем не менее нас в настоящее время уже не удовлетворяют подобные объяснения, представляющие собою одни только фразы.

Когда, стало быть, речь заходит об исследовании движущих сил, стоящих за побуждениями исторических деятелей, — осознано это или нет, и притом очень часто не осознано, — об исследовании сил, образующих в конечном счете подлинные движущие силы истории, то надо иметь в виду в первую очередь не побуждения отдельных лиц, хотя бы и самых выдающихся. Прежде всего следует иметь в виду те побуждения, которые приводят в движение большие массы людей, целые народы, а в каждом данном народе, в свою очередь, целые классы. Да и здесь важны не кратковременные взрывы, не скоропреходящие вспышки, а продолжительные движения, причиняющие великие исторические перемены. Исследовать движущие причины, которые ясно или неявно, непосредственно или в идеологической, может быть даже в фантастической форме отражаются в виде сознательных побуждений в головах массы и ее вождей, так называемых великих людей, — значит вступить на единственный путь, ведущий к познанию законов, господствующих в истории вообще и в ее отдельных периодах или в отдельных странах. Все, что приводит людей в движение, неизбежно должно пройти через их голову; но какой оно вид принимает в этой голове, в очень большой мере зависит от обстоятельств. Рабочие не разрушают теперь машин, как они делали это еще в 1848 г. на Рейне. Но это вовсе не значит, что они примирились с капиталистическим применением машин.

Между тем как во все предшествующие периоды исследования этих движущих причин истории было почти невозможно вследствие того, что связи этих причин с их следствиями были запутаны и прикрыты, в наше время связи эти до такой степени упростились, что решение загадки стало, наконец, возможным. Со времени введения крупной промышленности, т. е. по крайней мере со времени европейского мира 1815 г., в Англии ни для кого уже не было тайной, что центром тяжести всей политической борьбы в этой стране являлись стремления к господству двух классов: землевладельческой аристократии (landed aristocracy), с одной стороны, и буржуазии (middle class) — с другой. Во Франции тот же самый факт дошел до сознания вместе с возвратом туда Бурбонов. Историки периода реставрации, от Тьерри до Гизо, Минье и Тьера, постоянно указывают на него как на ключ к пониманию французской истории, начиная с средних веков. А с 1830 г. в обеих этих странах рабочий класс, пролетариат, признан был третьим борцом за господство. Отношения

так упростились, что только люди, умышленно закрывавшие глаза, могли не видеть, что в борьбе этих трех больших классов и в столкновениях их интересов заключается движущая сила всей новейшей истории, по крайней мере в двух самых передовых странах.

Но как возникли эти классы? Если на первый взгляд происхождение крупного, некогда феодального землевладения могло быть приписано, по крайней мере ближайшим образом, политическим причинам, насильственному захвату, то по отношению к буржуазии и пролетариату это было уже немислимо. Слишком очевидно было, что происхождение и развитие этих двух больших классов определялось чисто экономическими причинами. И столь же очевидно было, что борьба между землевладением и буржуазией, точно так же, как и борьба между буржуазией и пролетариатом, велась прежде всего ради экономических интересов, для защиты которых политическая власть служила простым средством. Буржуазия и пролетариат одинаково возникли вследствие перемен в экономических отношениях, точнее говоря — в способе производства. Эти два класса развились благодаря переходу сначала от цехового ремесла к мануфактуре, а затем от мануфактуры к крупной промышленности, вооруженной паром и машинами. На известной ступени развития новые, пущенные в ход буржуазией производительные силы, — прежде всего разделение труда и соединение в одном общем мануфактурном предприятии многих частичных рабочих, — и развившиеся благодаря им условия и потребности обмена стали несовместимыми с существующим, исторически унаследованным, освященным законом строем производства, т. е. с цеховыми и прочими бесчисленными личными и местными привилегиями (которые для непривилегированных сословий были столь же бесчисленными оковами), свойственными феодальному общественному строю. В лице своей представительницы, буржуазии, производительные силы восстали против строя производства, представленного феодальными землевладельцами и цеховыми мастерами. Исход борьбы известен. Феодальные оковы были разбиты: в Англии постепенно, во Франции одним ударом, в Германии с ними все еще не разделались. Но подобно тому как мануфактура, на известной ступени своего развития, пришла в конфликт с феодальным строем производства, так и крупная промышленность вступила теперь уже в конфликт с пришедшим ему на смену буржуазным строем. Связанная в силу этого порядка узкими рамками капиталистического способа производства, она, с одной стороны, ведет к непрерывно растущей пролетаризации всей огромной массы народа, а с другой — создает все увеличивающуюся массу продуктов, не находящих сбыта. Перепроизводство и массовая нищета, — одно является причиной другого, — таково то нелепое противоречие, к которому при-

ходит крупная промышленность и которое необходимо требует избавления производительных сил от их нынешних оков посредством изменения способа производства.

Таким образом, по крайней мере для современной истории, было доказано, что всякая политическая борьба есть борьба классовая и что всякая борьба классов за освобождение, невзирая на ее неизбежно политическую форму, — так как всякая классовая борьба есть борьба политическая, — ведется, в конечном счете, из-за освобождения *экономического*. Итак, несомненно, что, по крайней мере в новейшей истории, государство, политический порядок, является подчиненным, а гражданское общество, царство экономических отношений, — решающим элементом. По старому взгляду на государство, разделявшемуся также и Гегелем, оно было, наоборот, определяющим, а гражданское общество — определяемым элементом. Видимость этому соответствует. Подобно тому как у отдельного человека, для того чтобы он стал действовать, все побудительные силы, вызывающие его действия, неизбежно должны пройти через его голову, должны превратиться в побуждения его воли, точно так же и все потребности гражданского общества, — независимо от того, какой класс в данное время господствует, — неизбежно проходят через волю государства, чтобы в форме законов получить всеобщее значение. Это — формальная сторона дела, которая сама собой разумеется. Но, спрашивается, каково же содержание этой только формальной воли, — все равно, отдельного лица или целого государства, — откуда это содержание берется и почему желают именно этого, а не чего-либо другого? Ища ответа на этот вопрос, мы находим, что в новейшей истории государственная воля определяется в общем и целом изменяющимися потребностями гражданского общества, господством того или другого класса, а в последнем счете — развитием производительных сил и отношений обмена.

Но если даже в наше, новейшее время, с его могучими средствами производства и сообщения, государство не составляет самостоятельной области и не развивается самостоятельно, но и в существовании своем и в развитии зависит, в конце концов, от экономических условий общественной жизни, то тем более это имеет силу по отношению к прежним временам, когда еще не было таких богатых средств производства материальной жизни людей и когда, следовательно, необходимость этого производства неизбежно должна была в еще большей степени господствовать над человечеством. Если даже теперь, в эпоху крупной промышленности и железных дорог, государство, в общем и целом, является лишь выражением в концентрированной форме экономических потребностей класса, господствующего в производстве, то еще неизбежнее была для него такая роль в то время,

когда всякое данное поколение людей должно было тратить гораздо большую часть приходящегося на его жизнь времени для удовлетворения своих материальных потребностей и когда оно, стало быть, зависело от них гораздо больше, чем зависим мы теперь. Изучение истории прежних эпох убедительнейшим образом доказывает это, как только оно обращает серьезное внимание на эту сторону дела. Но, разумеется, здесь мы не можем пускаться в подобное исследование.

Если государство и государственное право определяются экономическими отношениями, то само собой понятно, что то же приходится сказать и о гражданском праве, роль которого в сущности сводится к тому, что оно санкционирует существующие, при данных обстоятельствах нормальные, экономические отношения между отдельными лицами. Но форма, в которой дается эта санкция, может быть очень различна. Можно было, например, удержать большую часть форм старого феодального права, вложив в них буржуазное содержание и даже прямо придав буржуазный смысл феодальному наименованию, как это случилось в Англии сообразно со всем ходом ее национального развития. Можно было так же, как это произошло в континентальной Западной Европе, принять за основу первое всемирное право общества товаропроизводителей, т. е. римское право, с его тончайшей разработкой всех существенных правовых отношений простых товаровладельцев (покупатель и продавец, кредитор и должник, договор, обязательство и т. д.). При этом можно, — для пользы и блага мелкобуржуазного, еще полуфеодального общества, — или просто судебной практикой низвести это право до уровня этого общества (общеймперское право), или же с помощью будто бы просвещенных, морализирующих юристов переработать его в особый свод законов, приспособленный к указанному общественному состоянию, свод законов при данных обстоятельствах скверный также и юридически (прусское земское право). Можно, наконец, после великой буржуазной революции создать, на основе все того же римского права, такой образцовый свод законов буржуазного общества, как французский *Code civil*¹. Если, стало быть, гражданские правоопределения представляют собою лишь юридическое выражение экономических условий общественной жизни, то они, смотря по обстоятельствам, выражают их иногда хорошо, а иногда и плохо.

В государстве выступает перед нами первая идеологическая сила над человеком. Общество создает орган для защиты своих общих интересов от внутренних и внешних нападений. Этот

---

¹ *Гражданский кодекс* — изданный при Наполеоне I сборник гражданских законов, служивший образцом для законодательства других стран. *Ред.*

орган есть государственная власть. Едва возникнув, он приобретает самостоятельность по отношению к обществу и тем более успевает в этом, чем более он становится органом одного определенного класса и чем более прямо он осуществляет господство этого класса. Борьба угнетенного класса против класса угнетающего неизбежно становится политической борьбой, борьбой прежде всего против политического господства этого класса. Сознание связи этой политической борьбы с ее экономической основой ослабевает, а иногда и пропадает совсем. Если же оно не совсем исчезает у борющихся, то почти всегда отсутствует у историков. Из древних историков, которые описывали борьбу, происходившую в недрах Римской республики, только Аппиан говорит нам ясно и отчетливо, из-за чего она велась: из-за земельной собственности.

Но сделавшись самостоятельной силой по отношению к обществу, государство немедленно порождает новую идеологию. А именно, у политиков по профессии, у теоретиков государственного права и у юристов, занимающихся гражданским правом, связь с экономическими фактами теряется окончательно. Чтобы получить санкцию закона, экономические факты должны в каждом отдельном случае принять форму юридического мотива. При этом приходится, разумеется, считаться со всею системою уже существующего права. Вот почему кажется, что юридическая форма — это все, а экономическое содержание — ничто. Государственное и частное право рассматриваются как самостоятельные области, которые имеют свое независимое историческое развитие, которые поддаются самостоятельному систематическому изложению и требуют такой систематизации путем последовательного искоренения всех внутренних противоречий.

Идеологии еще более высшего порядка, т. е. еще более удаляющиеся от экономической основы, принимают форму философии и религии. Здесь связь представлений с их материальными условиями существования еще более запутывается, еще более затемняется промежуточными звеньями. Но все-таки она существует. Как вся эпоха возрождения, начиная с середины XV века, так и вновь пробудившаяся с тех пор философия были в сущности плодом развития городов, т. е. бюргерства. Философия лишь по-своему выражала те мысли, которые соответствовали развитию мелкой и средней буржуазии в крупную. Это ясно выступает у англичан и французов прошлого [XVIII] века, которые часто были столько же экономистами, сколько и философами. Относительно гегелевской школы мы показали это выше.

Бросим, однако, беглый взгляд на религию, которая всего дальше отстоит от материальной жизни и, повидимому, всего более чужда ей. Религия возникла в самые первобытные времена из самых невежественных, темных, первобытных представлений

людей о своей собственной и об окружающей их внешней природе. Но, раз возникнув, всякая идеология развивается в связи со всей совокупностью существующих представлений, подвергая их дальнейшей переработке. Иначе она не была бы идеологией, т. е. не имела бы дела с мыслями как с самостоятельными сущностями, которые развиваются независимо из самих себя и подчиняются только своим собственным законам. Тот факт, что материальные условия жизни людей, в головах которых совершается этот процесс мышления, в конце концов определяют его собою, остается неизбежно у этих людей неосознанным, ибо иначе пришел бы конец всей идеологии. Первоначальные религиозные представления, по большей части общие каждой данной родственной группе народов, после разделения таких групп своеобразно развиваются у каждого отдельного народа, смотря по выпавшим на его долю жизненным условиям. У одного ряда таких групп народов, именно у арийского (так называемого индо-европейского), процесс развития религиозных представлений подробно исследован сравнительной мифологией. Боги, созданные таким образом у каждого отдельного народа, были национальными богами, власть которых не переходила за границы охраняемой ими национальной области, по ту сторону которых безраздельно правили другие боги. Все эти боги жили в представлении лишь до тех пор, пока существовала создавшая их нация, и падали вместе с ее гибелью. Старые национальности пали под ударами мировой Римской империи, экономических условий возникновения которой мы не можем здесь рассматривать. Старые национальные боги пришли в упадок, этой участи не избегли даже римские боги, скроенные по узкой мерке города Рима. Потребность дополнить мировую империю мировой религией ясно обнаруживается в том, что Рим пытался ввести у себя поклонение, наряду с местными, всем сколько-нибудь почетным чужеземным богам. Но подобным образом, императорскими декретами нельзя создать новую мировую религию. Новая мировая религия, христианство, уже возникла незаметно из смеси обобщенного восточного, в особенности еврейского, богословия и вульгаризированной греческой, в особенности стоической, философии. Лишь путем кропотливого исследования можем мы узнать теперь, каков был первоначальный вид христианства, потому что оно передано нам уже в том официальном виде, какой придал ему Никейский собор, приспособивший его к званию государственной религии. Но, во всяком случае, тот факт, что уже через 250 лет оно стало государственной религией, достаточно показывает, до какой степени соответствовало оно обстоятельствам того времени. В средние века, в той же самой мере, в какой развивался феодализм, христианство принимало вид соответствующей ему религии с соответствующей феодаль-

ной иерархией. А когда окрепло бюргерство, в противоположность феодальному католицизму развилась протестантская ересь, сначала у альбигойцев¹, в Южной Франции, в эпоху высшего расцвета тамошних городов. Средние века присоединили к богословию и превратили в его подразделения все прочие формы идеологии: философию, политику, юриспруденцию. Вследствие этого всякое общественное и политическое движение вынуждено было принимать религиозную форму. Чувства массы вскормлены были исключительно религиозной пищей; поэтому, чтобы вызвать бурное движение, необходимо было собственные интересы этой массы представлять ей в религиозной одежде. И подобно тому как бюргерство с самого начала создало себе придаток в виде неимущих городских плебеев, поденщиков и всякого рода прислуги — предшественников позднейшего пролетариата, — не принадлежавших ни к какому определенному сословию, в соответствии с этим и религиозная ересь уже очень рано разделилась на два вида: бюргерско-умеренный и плебейски-революционный, ненавистный даже и бюргерским еретикам.

Неистребимость протестантской ереси соответствовала непобедимости усиливавшегося бюргерства. Когда это бюргерство достаточно окрепло, его борьба с феодальным дворянством, имевшая до тех пор местный характер, начала принимать национальные размеры. Первое крупное выступление произошло в Германии — так называемая реформация. Бюргерство не было еще достаточно сильно и развито, чтобы объединить под своим знаменем все прочие мятежные сословия — плебеев в городе, низшее дворянство и крестьян в деревне. Прежде всех потерпело поражение дворянство; тогда поднялось крестьянское восстание, представляющее собою высшую точку революционного движения того времени. Но города не поддержали крестьян, и революция была подавлена войсками владетельных князей, которые и воспользовались всеми ее выгодными последствиями. С тех пор на целых три столетия Германия исчезает из среды наций, самостоятельно и активно действующих в истории. Но кроме немца Лютера был еще француз Кальвин. С чисто французской резкостью выдвинул он на первый план буржуазный характер реформации, придав церкви республиканский, демократический характер. Между тем как лютеранская реформация в Германии вырождалась, ведя эту страну к гибели, кальвинистская реформация послужила знаменем республиканцам в Женеве, в Голландии и в Шотландии, освободила Голландию от владычества Испании и Германской империи и доставила идеологический костюм для второго акта буржуазной революции,

¹ Альбигойцы (от города Альби, на юге Франции) — религиозная секта, возглавлявшая движение XII—XIII веков, направленное против католической римской церкви. *Ред.*

происходившего в Англии. Здесь кальвинизм явился подлинной религиозной маскировкой интересов тогдашней буржуазии, поэтому он и не добился полного признания после революции 1689 г., окончившейся сделкой между частью дворянства и буржуазией. Восстановлена была английская государственная церковь, но уже не в прежнем своем виде, не в виде католицизма, с королем, играющим роль папы: теперь она была сильно окрашена кальвинизмом. Старая государственная церковь праздновала веселое католическое воскресенье и преследовала скучное воскресенье кальвинистов. Новая, проникнутая буржуазным духом, ввела именно это последнее, еще и поныне украшающее Англию.

Во Франции в 1685 г. кальвинистское меньшинство было подавлено, обращено в католичество или изгнано. Но к чему это повело? Уже тогда свободный мыслитель Пьер Бэйль был в расцвете своей деятельности, а в 1694 г. родился Вольтер. Благодаря насильственным мерам Людовика XIV французской буржуазии легче было придать своей революции нерелигиозную, исключительно политическую форму, которая одна только и соответствовала развитому состоянию буржуазии. Вместо протестантов в Национальных собраниях заседали свободные мыслители. Это означало, что христианство вступило в свою последнюю стадию. Оно уже не в состоянии было впредь поставлять идеологическую одежду для стремлений какого-нибудь прогрессивного класса; оно все более и более становилось исключительным достоянием господствующих классов, пользующихся им просто как средством управления, как уздой для низших классов. При этом каждый из господствующих классов использует свою особую религию: землевладельцы-дворянчики — католический иезуитизм или протестантскую ортодоксию; либеральные и радикальные буржуа — рационализм. Вдобавок на деле оказывается совершенно безразличным, верят или не верят сами эти господа в свои религии.

Мы видим, стало быть, что, раз возникнув, религия всегда сохраняет известный запас представлений, унаследованный от прежних времен, так как во всех вообще областях идеологии традиция является великой консервативной силой. Но изменения, происходящие в этом запасе представлений, определяются классовыми, т. е. экономическими, отношениями людей, делающих эти изменения. И этого здесь достаточно.

В своем изложении мы могли дать только общий очерк исторической теории Маркса и, самое большее, пояснить ее некоторыми примерами. Доказательства истинности этой теории могут быть заимствованы только из истории, и я в праве сказать здесь, что в других сочинениях приведено достаточное количество таких доказательств. Но историческая теория Маркса наносит

философии смертельный удар в области истории, точно так же, как диалектический взгляд на природу делает ненужной и невозможной всякую натурфилософию. Теперь задача заключается не в том, чтобы придумывать связи из головы, а в том, чтобы открывать их в самих фактах. За философией, изгнанной из природы и из истории, таким образом, остается еще только царство чистого мышления, поскольку оно еще остается: учение о законах самого процесса мышления, логика и диалектика.

* * *

После революции 1848 г. «образованная» Германия распрощалась с теорией, взявшись за практическую деятельность. Основанные на ручном труде мелкий промысел и мануфактура уступили место настоящей крупной промышленности. Германия снова появилась на мировом рынке. Новая малогерманская империя¹ устранила, по крайней мере, самые вопиющие из всех препятствий, которые создавались на пути этого развития существованием множества мелких государств, остатками феодализма и бюрократией. Но по мере того как спекуляция, покидая кабинеты философов, воздвигала себе новый храм на бирже, образованная Германия теряла тот великий интерес к теории, который составлял славу Германии даже во время самого сильного политического упадка, — интерес к чисто научному исследованию, независимо от того, будет ли полученный результат практически выгоден или нет, противоречит он полицейским предписаниям или нет. Правда, официальное немецкое естествознание стояло еще на высоте своего времени, особенно в области частных исследований. Но, по справедливому замечанию американского журнала «Science» [«Наука»], решительные успехи в деле исследования великой связи между отдельными фактами и в деле обобщения их в законы достигаются теперь преимущественно в Англии, а не в Германии, как прежде. Что же касается исторических наук, до философии включительно, то здесь вместе с классической философией совсем исчез старый дух ни перед чем не останавливающегося теоретического исследования. Его место заняли скудоумный эклектизм, боязливая забота о местечке и доходах, вплоть до самого низкопробного карьеризма. Официальные представители этой науки стали откровенными идеологами буржуазии и существующего государства, но в то время, когда оба открыто враждебны рабочему классу.

Только в среде рабочего класса продолжает теперь жить полностью немецкий интерес к теории. И здесь уже его ничем

¹ Термин, обозначающий германскую империю (без Австрии), возникшую в 1871 г. под гегемонией Пруссии. *Ред.*

не вытравившь. Здесь нет никаких соображений о карьере, о наживе и о милостивом покровительстве сверху. Напротив, чем смелее и решительнее выступает наука, тем более приходит она в соответствие с интересами и стремлениями рабочих. Найдя в истории развития труда ключ к пониманию всей истории общества, новое направление с самого начала обращалось преимущественно к рабочему классу и встретило с его стороны такое сочувствие, какого оно не искало и не ожидало со стороны официальной науки. Немецкое рабочее движение является наследником классической немецкой философии.

Написано Ф. Энгельсом на немецком языке в 1886 г. Впервые напечатано в журнале «Neue Zeit» в том же году, №№ 4 и 5. Первое отдельное издание — в 1888 г., Штутгарт. — Маркс и Энгельс, Соч., т. XIV.

УКАЗАТЕЛЬ ВАЖНЕЙШИХ ИМЕН

А

- Август Октавиан* (63 до нашей эры — 14 нашей эры) — первый римский император. — 358.
- Александр Македонский* (356—323 до н. э.) — царь македонский, величайший полководец древности, основатель огромной империи, быстро распавшейся, но послужившей началом для сближения культур Греции и Востока и возникновения так называемого эллинизма. — 231.
- Анаксагор* (500—428 до н. э.) — древнегреческий философ-материалист, считавший основой мира бесконечное множество первоначальных, качественно различных, мельчайших частиц материи — гомомерий (как назвал их Аристотель), из которых механически складываются вещи. — 175, 361.
- Аппенков Павел Васильевич* (1812—1887) — русский помещик, либеральный литератор; был в переписке с Марксом. — 341.
- Аппиан Александрийский* (II век н. э.) — римский наместник в Египте, автор «Истории Рима». — 421.
- Аристотель* (384—322 до н. э.) — великий греческий философ, по выражению Маркса — «Гегель древнего мира», ученый-энциклопедист, давший много нового во всех областях знания — в учении о природе, в логике, экономике, политике и поэтике. Для философии Аристотеля характерны колебания между идеализмом и материализмом. — 107, 187.
- Аркрайт Ричард* (1732—1792) — изобретатель прядильной машины, в молодости цырюльник; стал владельцем основанной им прядильной фабрики. — 372.

Б

- Бабеф Франсуа-Ноэль*, по прозвищу Гракх (1760—1797) — французский утопический коммунист, выдвигавший идею социального равенства и пытавшийся осуществить свои идеи путем заговора и восстания против Директории — контрреволюционного буржуазного правительства Франции. — 164, 177.
- Базаров В. (В. А. Руднев)* (р. 1874) — русский махист; примыкал к социал-демократии; в годы реакции, войны и после Октября 1917 г. — меньшевик; участвовал в контрреволюционной вредительской, шпионской меньшевистской организации, ставившей целью реставрацию капитализма в СССР. — 46, 67.
- Бакунин М. А.* (1814—1876) — идеолог анархизма, ярый враг марксизма; вел бешеную фракционную борьбу против Генерального Совета I Интернационала, возглавляемого Марксом; был исключен из рядов Интернационала за дезорганизаторскую деятельность. — 15, 132, 135, 392, 410.
- Бальзак Оноре* (1799—1850) — французский писатель, выдающийся представитель буржуазного реализма в художественной литературе. — 89, 93.
- Барт Пауль* (1858—1922) — немецкий буржуазный социолог, выступавший против марксизма. — 354—356.
- Бартон Джон* (писал в конце XVIII века) — английский буржуазный экономист. — 300.
- Бауэр Бруно* (1809—1882) — левый гегельянец, автор работ по истории христианства, идеолог ради-

- кальной немецкой буржуазии в 40-е годы XIX столетия. — 2, 13, 391, 393, 410.
- Беккер** Иоганн-Филипп (1809—1886) — немецкий революционер, участник революции 1848 г., друг Маркса и Энгельса. — 97, 100.
- Бекленд** Вильям (1784—1856) — английский геолог, автор работы «Замечания об органических остатках, сохранившихся в пещерах, а также о других геологических явлениях, свидетельствующих о фактах всемирного потопы». — 363.
- Бем-Баверк** Евгений (1851—1914) — буржуазный экономист, теоретик австрийской школы; выступал против марксизма с субъективно-идеалистической теорией «предельной полезности». — 46, 48.
- Беме** Яков (1575—1624) — немецкий философ-мистик. — 361.
- Бернс** Роберт (1759—1796) — шотландский поэт. — 89.
- Берштейн** Эдуард (1850—1932) — немецкий социал-демократ, представитель крайнего оппортунизма, выступивший после смерти Энгельса с ревизией марксизма по всем вопросам теории и тактики. — 45, 49, 354.
- Бертело** Марселен (1827—1907) — выдающийся французский химик и политический деятель; главная научная заслуга — синтеза органических веществ. — 404.
- Бизли** Эдвард-Спенсер (1831—1915) — английский мелкобуржуазный демократ; председательствовал на учредительном собрании I Интернационала. — 95.
- Бисмарк** Отто-Эдуард (1815—1898) — первый канцлер Германской империи (1871—1890), представитель прусского юнкерства; осуществлял объединение Германии реакционным путем; ввел исключительный закон против социалистов. — 38, 100, 206.
- Блан** Луи (1811—1882) — французский мелкобуржуазный социалист, журналист и историк, сторонник кооперативной организации труда с помощью буржуазного государства; проповедывал «примирение» классов, труда и капитала; член временного правительства 1848 г. — 114, 115, 166, 167, 404.
- Блок** Морис (1816 — 1901) — французский экономист и статистик, автор статьи о «Капитале». — 308.
- Богданов** А. (А. А. Малиновский) (1873—1928) — русский социал-демократ; примыкал в период 1905 г. к большевикам, в период реакции возглавил антиленинские группы «бойкотистов», «ультиматистов», «впередовцев»; в философии последователь махизма — субъективно-идеалистического реакционного буржуазного течения. — 46, 67.
- Болинброк** Генри Сент-Джон (1678—1751) — английский государственный деятель, консерватор; в философии — материалист-деист. — 370.
- Бонапарт** — см. *Наполеон*.
- Брайт** Джон (1811—1889) — английский хлопчатобумажный фабрикант, сторонник свободы торговли; вместе с Кобденом возглавлял «Лигу борьбы против хлебных законов»; в 1868—1880 гг. занимал ряд министерских постов. — 376.
- Брентано** Луйо (1844—1931) — немецкий буржуазный профессор политической экономии, «катедер-социалист»; ожесточенно нападал на Маркса в органе «Союза немецких фабрикантов». — 378.
- Брукер** Луи (р. 1870) — бельгийский социалист, один из реакционных вождей II Интернационала. — 49.
- Бэйль** Пьер (1647—1706) — французский писатель и философ-скептик, критиковавший метафизику XVII века и религию с позиций буржуазного свободомыслия. — 424.
- Бэкон** Френсис (1561—1626) — английский философ, родоначальник английского материализма и опытных наук нового времени, политический деятель и историк. — 188, 360—362.
- Бюффон** Жорж-Луи (1707—1788) — французский естествоиспытатель. — 108.
- Бюгнер** Людвиг (1824—1899) — немецкий физиолог и философ, вульгарный материалист. — 18, 336, 398.

В

- Вандервельде* Эмиль (1866—1938) — лидер бельгийской рабочей партии, один из оппортунистических, реакционных вождей II Интернационала. — 49.
- Вейдемейер* Иосиф (1818—1866) — немецкий коммунист, публицист, друг Маркса; эмигрировал в 1851 г. в Америку. — 345.
- Вейтлинг* Вильгельм (1808—1871) — выдающийся немецкий утопический коммунист; находился под влиянием фюреризма; сторонник идеи уравнительности; разошелся с Марксом и Энгельсом, упорно отстаивая свои утопические взгляды. — 136, 186.
- Вестфален* Людвиг (1770—1842) — отец жены Маркса. — 101, 127.
- Вестфален* Женни (Женни) — см. *Маркс* Женни, ур. фон-Вестфален.
- Вестфален* Фердинанд (1799—1876) — сводный брат Женни фон-Вестфален; в 1850—1858 гг. прусский министр внутренних дел, реакционер. — 2, 14, 97.
- Вестфален* Эдгар (1819—1890) — брат Женни Маркс, школьный товарищ Маркса. — 124, 127.
- Вико* Дживованни (1668—1744) — итальянский философ и историк, автор теории так называемых общественных круговоротов, утверждавший, что история народов совершается закономерно, проходя один и тот же круг развития. — 92, 93.
- Виллих* Август (1810—1878) — прусский офицер, командир корпуса волонтеров во время баденского восстания 1849 г., член ЦК «Союза коммунистов» и глава фракции «левых», выступавшей против Маркса после революции 1848 г. — 37.
- Вольтер* Франсуа-Мари (Аруз) (1694—1778) — наиболее яркий представитель старшего поколения французских просветителей XVIII века, философ-деист, публицист, поэт, драматург, историк. — 127, 402, 424.
- Вольф* Вильгельм (1809—1864) — немецкий публицист, коммунист, один из вернейших друзей Маркса

и Энгельса, которому Маркс посвятил первый том «Капитала». — 88.

Г

- Гакстаузен* Август (1792—1866) — прусский чиновник и писатель, путешествовавший по России в 1843—1844 гг. и описавший остатки общинного строя в земельных отношениях России. — 138.
- Галле* Иоганн-Готфрид (1812—1910) — немецкий астроном, открывший в 1846 г. планету Нептун. — 67, 396.
- Ганзман* Давид-Юстус (1790—1864) — один из вождей рейнской либеральной буржуазии; во время революции 1848 г. министр финансов в кабинете Кампгаузена. — 1.
- Гартли* Давид (1705—1757) — английский философ, врач, материалистический последователь Локка, деист. — 362.
- Гегель* Георг-Фридрих-Вильгельм (1770—1831) — великий немецкий философ, диалектик, основатель системы объективного, абсолютного идеализма. — 13, 16—19, 40, 46, 59, 62, 88, 91, 170, 171, 175, 176, 183, 187, 191—193, 310, 327, 335—337, 353—355, 365, 383—391, 393—397, 399, 401, 406, 410—414, 416, 419.
- Гейне* Генрих (1797—1856) — немецкий революционный поэт. — 88, 97, 385.
- Гексли* Томас-Генри (1825—1895) — английский естествоиспытатель, друг и последователь Дарвина. — 18, 113.
- Генрих VII* Тюдор (1457 — 1509) — с 1485 г. английский король. — 369.
- Генрих VIII* Тюдор (1491—1547) — с 1509 г. английский король. — 369.
- Гераклит* (ок. 535—475 до н. э.) — великий философ древней Греции, представитель античного материализма и диалектики; учил, что «все течет, все изменяется». — 65, 188.
- Гете* Иоганн-Вольфганг (1749—1832) — великий немецкий поэт. — 88, 109, 389, 399.

- Гизо** Франсуа-Пьер (1787—1874) — французский буржуазный историк и государственный деятель периода реставрации и царствования Луи-Филиппа, вождь крупной финансовой буржуазии. — 2, 22, 138, 327, 358, 417.
- Гиффен** Роберт (1837—1910) — английский буржуазный экономист и статистик, автор работ по вопросам денежного обращения. — 212.
- Гоббс** Томас (1588—1679) — великий английский философ, механический материалист, атеист, в понимании общества — идеалист, рассматривавший государство как результат сознательного соглашения между людьми для выхода из дикого первобытного состояния, в котором, по взгляду Гоббса, «человек человеку волк». — 280, 353, 361, 362, 370, 396.
- Гоголь** Николай Васильевич (1809—1852) — великий русский писатель. — 90.
- Голюк** Джордж-Якоб (1817—1906) — английский социалист и кооперативный деятель. — 37.
- Гомер** (прибл. IX век до н. э.) — древнегреческий поэт, которому приписывается создание героических поэм «Илиада» и «Одиссея». — 127.
- Гонкур** Эдмон (1822—1896) — французский писатель, один из создателей импрессионистского стиля. — 93.
- Грахи**, братья, Тиберий (162—133 до н. э.) и Кай (153—121 до н. э.) — вожди аграрного революционного движения в интересах мелкого крестьянства в древнем Риме. — 96.
- Гримм**, братья, Яков (1785—1863) и Вильгельм (1786—1859) — немецкие языковеды, знаменитые собиратели и издатели немецких народных сказок. — 107.
- Грюн** Карл-Теодор (1817—1887) — немецкий публицист, один из представителей так называемого «истинного социализма». — 163, 393.
- Гумбольдт** Александр (1769—1859) — немецкий натуралист и путешественник, основоположник современной физической географии. — 2, 101.
- Гюго** Виктор (1802—1885) — знаменитый французский поэт и романист. — 112.
- Гюлих** Густав (1791—1847) — немецкий историк-экономист, автор работы «История торговли, промышленности и сельского хозяйства важнейших государств нашего времени». — 359.

Д

- Данте** Алигьери (1265—1321) — великий итальянский поэт. — 1, 89, 109, 111.
- Дарвин** Чарльз (1809—1882) — великий английский естествоиспытатель, основатель современного учения о происхождении и развитии видов растений и животных (дарвинизма). — 11, 61, 89, 113, 114, 117, 134, 170, 190, 400, 414.
- Декарт** Рене (1596—1650) — великий французский мыслитель, математик; в философии — дуалист и метафизик-рационалист, в физике — механический материалист. — 187, 396, 398.
- Демокрит** (ок. 460—370 до н. э.) — великий греческий философ-материалист, основоположник атомной теории. — 361.
- Демут** Елена (Ленхен) (1823—1890) — домашняя работница в доме Маркса, близкий друг семьи. — 16, 97—99, 104, 114, 119—122, 124—129.
- Депре** Марсель (1843—1918) — французский инженер, известный своими работами по электричеству. — 12.
- Джонс** Ричард (1790—1855) — английский экономист, один из критиков классической школы в политической экономии; рассматривал капиталистическое хозяйство как особую, исторически преходящую форму процесса производства. — 300.
- Дидро** Дени (1713—1784) — великий французский просветитель, материалист, писатель и поэт, основатель и редактор «Энциклопедии», идеолог революционной буржуазии XVIII века. — 187, 402.
- Дизраэли** Бенджамин (лорд Биконсфильд) (1804—1881) — английский государственный деятель, консерватор, министр финансов и премьер-министр. — 376.

Диккенс Чарльз (1812—1870) — знаменитый английский писатель. — 105.

Дицген Иосиф (1828—1888) — немецкий рабочий, социал-демократ, философ-материалист, исходивший из учения Фейербаха и самостоятельно пришедший к диалектике. Маркс, Энгельс, Ленин дали ему высокую оценку, указав вместе с тем на ряд неправильных, неточных положений в его философии. — 412.

Додуэлл Генри (ум. 1784) — английский философ-деист, материалистический последователь Локка. — 362.

Дуис Скот (1265 или 1274 — 1308) — францисканский монах, выдающийся средневековый философ, номиналист, предшественник английского материализма. — 360.

Дюма Александр (отец) (1803—1870) — известный французский романист. — 89.

Дюринг Евгений (1833—1921) — немецкий вульгарный, метафизический материалист и позитивист, представитель реакционного мещанского «уравнительного социализма». — 45, 46, 62, 172.

З

Зибер Николай Иванович (1844—1888) — русский экономист, один из первых популяризаторов экономического учения Маркса в России, не воспринявший, однако, революционного существа марксизма — его революционного метода. — 308.

Зибель Генрих (1817—1895) — немецкий реакционный буржуазный историк, выступавший против марксизма и революционного рабочего движения. — 170.

Зиккинген Франц (1481—1523) — немецкий рыцарь, примкнувший к реформации, предводитель восстания мелкого дворянства против крупных князей в Германии. — 368.

Золя Эмиль (1840—1902) — известный французский писатель, представитель буржуазного реализма и теоретик так называемого натуралистического движения в литературе. — 93.

Зорге Фридрих-Альберт (1828—1906) — немецкий социалист, участник баденского восстания 1849 г.; после перенесения Генерального Совета в Нью-Йорк — генеральный секретарь I Интернационала; друг Маркса и Энгельса. — 38.

К

Кабэ Этьен (1788—1856) — французский утопический коммунист, автор «Путешествия в Икарию». — 136, 166.

Кальвин Жан (1509—1564) — идеолог реформации в Швейцарии, основатель кальвинизма — разновидности протестантизма. — 355, 368, 423.

Кампаузен Лудольф (1803—1890) — крупный рейнский капиталист, министр-президент Пруссии в 1848 г., вождь либеральной буржуазии. — 1.

Кант Иммануил (1724—1804) — родоначальник классической идеалистической немецкой буржуазной философии. Основной чертой его философии является попытка примирить материализм с идеализмом. Признавая существование «вещей в себе», считает их абсолютно непознаваемыми. — 17, 45, 67, 170, 171, 183, 190, 336, 353, 355, 365, 387, 395—397, 401, 409.

Карл I (1600—1649) — английский король (1625—1649) из династии Стюартов; казнен во время английской буржуазной революции (30 января 1649 г.). — 368.

Карлейль Томас (1795—1881) — писатель, историк, представитель «феодалного социализма» в Англии. — 179.

Картрайт Эдмунд (1743—1823) — английский механик, изобретатель первого механического ткацкого станка. — 372.

Коббет Вильям (1762—1835) — английский демократ, предшественник чартистов. — 89.

Кобден Ричард (1804—1865) — манчестерский фабрикант, защитник свободы торговли, основатель «Лиги борьбы против хлебных законов». — 375.

Ковалевский Максим Максимович (1851—1916) — русский социолог

- буржуазно-демократического направления, историк и юрист; известен исследованиями первобытно-родовых отношений. — 173, 174.
- Кок** Поль (1794—1871) — французский романист и драматург. — 89.
- Коллингз** Антони (1676—1729) — выдающийся представитель английского деизма и свободомыслия, материалистический последователь Локка. — 362.
- Коперник** Николай (1473—1543) — великий астроном, выдвинувший научную гипотезу о том, что не солнце движется вокруг земли, как учили до него, а земля и планеты движутся вокруг солнца и вокруг своей оси. — 67, 396.
- Копп** Герман-Франц (1817—1892) — немецкий химик. — 404.
- Коуард** Вильям (1657—1725) — английский философ-материалист, последователь сенсуализма Локка, врач. — 362.
- Кромвель** Оливер (1599—1658) — вождь английской буржуазной революции XVII века, с 1653 г. — лорд-протектор Англии. — 358, 368.
- Кугельман** Людвиг (1830—1902) — ганноверский врач, участник революции 1848 г.; находился в дружеской переписке с Марксом, выполняя поручения I Интернационала в Германии. — 38.
- Кювье** Жорж (1769—1832) — французский естествоиспытатель, основатель сравнительной анатомии и палеонтологии. — 89.
- Л**
- Лабриола** Антонио (1843—1904) — итальянский литератор и философ, представитель марксизма в Италии. — 50.
- Лавуазье** Антуан (1743—1794) — французский ученый, основатель современной химии. — 324.
- Лагардель** Ибер (1875—1914) — деятель французского рабочего движения, анархо-синдикалист. — 50.
- Ламарк** Жан-Батист (1744—1829) — французский естествоиспытатель, эволюционист. — 399.
- Ламартин** Альфонс (1790—1869) — французский поэт и умеренно-либеральный политический деятель, фактический глава временного правительства 1848 г. — 3.
- Лаплас** Пьер-Симон (1749—1827) — французский математик и астроном, давший физико-математическое обоснование гипотезы Канта о происхождении солнечной системы из первоначальной туманности. — 170, 191, 364.
- Лассаль** Фердинанд (1825—1864) — видный деятель немецкого рабочего движения в период 1862—1864 гг.; положил начало реформистскому течению (лассальянству); находился в связи с реакционным правительством Бисмарка. — 38, 135, 169, 303.
- Лафарг** Лаура — см. *Маркс* Лаура.
- Лафарг** Поль (1842—1911) — французский социалист, один из основателей французской социалистической партии, член Генерального Совета I Интернационала, друг Маркса и Энгельса. — 86, 129, 169, 173.
- Лаверрье** Жан-Жозеф (1811—1877) — знаменитый французский астроном. — 67, 396.
- Ледрю-Роллен** Александр-Огюст (1807—1874) — французский политический деятель, в 1848 г. член временного правительства, один из вождей мелкобуржуазной демократии. — 166, 167.
- Лессинг** Готтольд-Эфраим (1729—1781) — великий немецкий просветитель, поэт, критик и драматург. — 109, 310.
- Лесснер** Фридрих (1825—1910) — немецкий рабочий, член «Союза коммунистов», участник революции 1848 г., друг Маркса и Энгельса. — 130.
- Либих** Юстус (1803—1873) — немецкий ученый, основоположник агрономической химии. — 113.
- Либкнехт** Вильгельм (1826—1900) — один из основателей и вождей германской социал-демократии и II Интернационала. — 38, 104.
- Линней** Карл (1707—1778) — шведский естествоиспытатель, создатель классификации растений и животных. — 192.
- Лист** Фридрих (1789—1846) — немец-

- кий буржуазный экономист, сторонник протекционизма. — 332.
- Локк Джон* (1632—1704) — выдающийся английский философ-сенсуалист, оказавший большое влияние на французских материалистов XVIII века; выступал также как экономист. — 189, 353, 362.
- Лонгэ Женни* — см. *Маркс Женни*.
- Лонгэ Шарль* (1833—1903) — французский социалист, находившийся под влиянием прудонизма, член Парижской коммуны и редактор ее официального органа. — 118.
- Луи-Филипп* (1773—1850) — французский король (1830—1848). — 89, 369, 374.
- Людовик XIV* (1638—1715) — французский король (1643—1715). — 424.
- Лютер Мартин* (1483—1546) — вождь протестантизма в Германии, основатель лютеранской церкви. — 355, 367, 368, 423.

М

- Мабли Габриэль-Бонно*, аббат (1709—1785) — французский утопический коммунист, выдвигавший идею социального равенства. — 177.
- Мадзини Джузеппе* (1805—1872) — итальянский революционер, глава буржуазно-демократической организации «Молодая Италия», борющейся за национальную независимость и объединение Италии. — 15.
- Мак-Келлох Джон-Рамсей* (1789—1864) — английский экономист, апологет капиталистического строя, вольгаризатор Рикардо. — 113.
- Мальтус Томас-Роберт* (1766—1834) — английский экономист, апологет капитализма, автор реакционной теории народонаселения, оправдывающей нищету трудящихся масс при капитализме вечными законами природы. — 293.
- Маншерс Джон* (1818—1906) — английский политический деятель, консерватор. — 376.
- Машелл Гедеон* (1790—1852) — английский геолог. — 363.
- Маркс Женни*, ур. фон-Вестфален (1814—1881) — жена Маркса. — 2, 14, 16, 88, 90, 93—102, 104, 114—116, 119—122, 124, 126—130.
- Маркс Женни* (Лонгэ) (1844—1883) — старшая дочь Маркса, жена Ш. Лонгэ. — 88—90, 95—100, 103, 104, 117, 118, 120—123, 125, 126, 129, 130.
- Маркс Лаура* (Лафарг) (1845—1911) — вторая дочь Маркса, жена П. Лафарга. — 88—90, 95—99, 104, 117, 118, 120—122, 126, 129, 130.
- Маркс Элеонора* (Эвелинг) (Тусси) (1855—1898) — младшая дочь Маркса, жена Э. Эвелинга. — 88—90, 95—99, 116—118, 120, 123, 129, 130.
- Маурер Георг-Людвиг* (1790—1872) — немецкий историк, выдающийся исследователь общественного строя древней и средневековой Германии. — 138, 348.
- Мах Эрнст* (1838—1916) — австрийский физик и философ-эмпириокритик; создал субъективно-идеалистическую, эклектическую школу в философии и естествознании (махизм). — 67.
- Мендельсон Моисей* (1729—1786) — поверхностный немецкий философ-деист, идеалист-эклектик — 310.
- Менший Агриппа* (ум. 493 до н. э.) — патриций в древнем Риме; согласно легенде, поучал народ служить своим эксплуататорам так же, как органы тела (желудок, ноги, руки и т. д.) служат организму. — 256.
- Меринг Франц* (1846—1919) — немецкий социал-демократ, литературовед и историк германской социал-демократии, один из вождей ее левого крыла, член коммунистического союза «Спартак». — 354.
- Меттерних Клеменс-Венцель* (1773—1859) — реакционнейший австрийский государственный деятель, один из организаторов «Священного союза» — союза всех реакционных сил Европы против революционного движения. — 138, 206.
- Мишье Франсуа-Огюст* (1796—1884) — французский буржуазный историк, вместе с Тьерри и Гизо объяснявший французскую буржуазную революцию классовую борьбой «третьего сословия» (буржуазии и крестьянства) против дворянства. — 22, 358, 417.
- Молешиотт Яков* (1822—1893) — известный физиолог, родом из Гол-

- ландии, представитель вульгарного материализма. — 18, 113, 336, 348.
- Монтескье Шарль-Луи** (1689—1755) — французский историк и писатель, идеолог либерализма и конституционной монархии, представитель старшего поколения просветителей XVIII века. — 355.
- Морган Льюис-Генри** (1818—1881) — американский буржуазный ученый, этнограф и историк, давший своими работами ключ к разрешению ряда важнейших вопросов истории первобытного общества. — 139, 359.
- Морелли** — представитель утопического уравнительного коммунизма во Франции XVIII века, автор «Кодекса законов природы», в котором рассматривает частную собственность как источник всех зол и бедствий человечества и признает соответствующим «природе человека» и «истинным законам природы» лишь общественную собственность. — 177.
- Мортон Джон-Чалмерс** (1781—1864) — английский агроном. — 262.
- Мост Иоганн** (1846—1906) — немецкий социал-демократ, сторонник вульгарно-материалистической философии Дюринга; позже анархист. — 38.
- Моттлер Юлиус** (1838—1908) — немецкий социал-демократ, один из основателей эйзенхаусской партии, член рейхстага. — 130.
- Мюльбергер Артур** (1847—1907) — немецкий врач, прудонист. — 45.
- Мюццер Томас** (1490—1525) — немецкий утопический коммунист времен реформации, выдающийся вождь крестьянского восстания 1525 г. в Германии. — 177.

Н

- Наполеон I Бонапарт** (1769—1821) — французский император (1804—1814 и 1815); знаменитый полководец; во время французской буржуазной революции — офицер; в 1793 г. примыкал к якобинцам; опираясь на буржуазию и армию, совершил 18 брюмера (9 ноября) 1799 г. государственный переворот и стал военным диктатором французской рес-
- публики. — 181, 185, 206, 352, 358, 364, 403.
- Наполеон III** (Луи Бонапарт) (1808—1873) — французский император (1852—1870). — 5, 89, 112, 115, 374.
- Наполеон Жозеф** (Плон-Плон), принц (1822—1891) — двоюродный брат Наполеона III; считался вождем «левых» бонапартистов. — 5.
- Ньюмарч Вильям** (1820—1882) — английский экономист и статистик; вместе с Т. Туком издавал «Историю цен». — 261.
- Ньютон Исаак** (1642—1727) — великий английский ученый, математик и физик, основатель классической механики. — 190, 192.

О

- Оуэн Роберт** (1771—1858) — великий английский утопический коммунист, основатель кооперативного движения. — 164, 166, 171, 177, 179, 184—186, 261, 315, 363, 381.

П

- Пальмерстон Генри-Джон** (1784—1865) — английский государственный деятель, либерал, министр иностранных дел (1830—1841 и 1846—1851), внутренних дел (1852—1855) и премьер-министр (1855—1858 и 1859—1865). — 4.
- Плеханов Георгий Валентинович** (1856—1918) — основатель первой русской марксистской группы «Освобождение труда», выдающийся представитель марксизма в России; первый выступил против народников и нанес сокрушительный удар их реакционными теориями; за период 1883—1903 гг. дал много ценных работ по философии марксизма; в период 1903—1918 гг. стоял, в основном, на позициях меньшевизма. — 46.
- Пристли Джозеф** (1733—1804) — английский естествоиспытатель, философ-материалист, последователь сенсуализма Локка. — 323, 324, 362.
- Прудон Пьер-Жозеф** (1809—1865) — французский писатель-публицист, идеолог мелкой буржуазии и представитель так называемого «бур-

жуазного социализма». — 2, 14, 15, 163, 329, 342—345, 410.

Пушкин Александр Сергеевич (1799—1837) — великий русский поэт. — 90.

Р

Рамсей Джордж (1800—1871) — английский философ и экономист; приближался к пониманию переходящего характера эпохи капитализма. — 300.

Рау Карл (1792—1870) — немецкий вильгельмовский экономист и статистик; по выражению Маркса — «немецкий Сэй». — 332.

Ренап Эрнест (1823—1892) — французский писатель и историк, автор исследований по истории христианства. — 410.

Рикардо Давид (1772—1823) — выдающийся представитель классической английской буржуазной политической экономии. — 29, 41, 113, 218, 221, 271, 300, 324, 325.

Риль Вильгельм-Генрих (1823—1897) — немецкий реакционный публицист. — 332.

Ричард Львиное сердце (1157—1199) — английский король (1189—1199). — 355.

Робеспьер Максимилиан (1758 — 1794) — выдающийся деятель французской буржуазной революции 1789 г., вождь якобинцев, глава революционного правительства (1793—1794), последователь учения Руссо. — 260, 405.

Родбертус (Ягцов) Иоганн-Карл (1805—1875) — прусский помещик, экономист, теоретик так называемого «государственного социализма». — 29, 323, 325.

Рузэ Арнольд (1802—1880) — немецкий радикальный публицист, левый гегельянец, издатель «Deutsche Jahrbücher» и «Deutsch-Französische Jahrbücher»; в 1866 г. перешел на сторону Бисмарка. — 2, 14.

Руссо Жан-Жак (1712—1778) — выдающийся французский просветитель, идеолог революционной мелкобуржуазной демократии; его идеи народного суверенитета и равенства, критика абсолютизма, теория «общественного договора» и т. д. сыграли большую роль

в идеологической подготовке французской буржуазной революции XVIII века; в философии — идеалист. — 127, 176, 178, 187, 355, 402.

С

Сен-Симон Анри (1760—1825) — великий французский утопический социалист. — 164, 171, 177, 179—182, 191, 315.

Сениор Вильям-Нассау (1790—1864) — английский экономист, апологет капитализма. — 260, 261.

Сервантес Мигуэль (1547—1616) — великий испанский писатель, автор знаменитого романа «Дон-Кихот». — 89, 109.

Сисмонди Жан-Шарль-Симон (1773—1842) — швейцарский экономист, мелкобуржуазный критик капитализма. — 160, 300, 313.

Скот Дунс — см. *Дунс Скот*.

Скотт Вальтер (1771—1832) — известный английский романист. — 89.

Смит Адам (1723—1790) — один из основоположников английской классической буржуазной политической экономии. — 26, 41, 113, 271, 277, 278, 300, 339, 355.

Спиноза Бенедикт (1632—1677) — великий голландский философ, материалист и атеист. Его учение, заключавшее в себе элементы диалектики, выступало еще, однако, в теологической форме. — 187, 310.

Струве Густав (1805—1870) — немецкий адвокат и публицист, один из руководителей баденского восстания 1849 г. — 104.

Т

Тацит Публий-Корнелий (ок. 55—120 н. э.) — римский историк. — 109.

Торичелли Евангелиста (1608—1647) — итальянский математик и физик. — 357.

Трейчке Генрих (1834—1896) — немецкий реакционный буржуазный историк, шовинист, антисемит. — 170.

Тум Томас (1774—1858) — английский экономист и статистик, автор «Истории цен». — 261, 278.

Тьер Луи-Адольф (1797—1877) — французский буржуазный историк и политический деятель, палач Парижской коммуны. — 22, 417.
Тьерри Огюстен (1795—1856) — французский либеральный историк (см. *Минье*). — 22, 358, 417.

У

Уатт Джеймс (1736—1819) — английский физик, инженер, изобретатель, один из самых выдающихся творцов современной паровой машины. — 372.
Уркарт Давид (1805—1877) — английский дипломат и публицист. — 263.
Уэстон Джон — английский рабочий, оуэнист, член Генерального Совета I Интернационала. — 252—256, 259—264, 266—268, 270, 271, 300.

Ф

Фейербах Людвиг (1804—1872) — выдающийся немецкий философ-материалист, подвергший критике идеализм Гегеля и провозгласивший учение материализма. — 13, 16—18, 40, 59, 60, 335, 336, 354, 380—385, 392, 393, 395—398, 400—410.
Феррье Франсуа (1777—1861) — французский публицист и политический деятель. — 332.
Филипп II Август (1165—1223) — французский король (1180—1223). — 355.
Фильдинг Генри (1707—1754) — английский романист. — 89.
Фихте Иогани-Готтлиб (1762—1814) — выдающийся представитель немецкой классической философии, субъективный идеалист, диалектик. — 171, 355.
Флабер Гюстав (1821—1880) — известный французский писатель. — 93.
Флокон Фердинанд (1800—1866) — французский публицист и мелкобуржуазный политический деятель, член временного правительства 1848 г., редактор парижской газеты «Реформа». — 3.
Фогт Карл (1817—1895) — немецкий вульгарный материалист, агент Луи Бонапарта. — 5, 18, 336, 393.
Форстер Вильям-Эдуард (1818—

1886) — английский либерал, ярый противник гомруля — самоуправления Ирландии, борьба за которое возникла в 70-х годах XIX века. — 375, 376.

Франклин Вениамин (1706—1790) — американский политический деятель и ученый; играл видную роль в борьбе северо-американских колоний Англии за независимость. — 81, 274.
Фридрих-Вильгельм III (1770—1840) — прусский король (1797—1840). — 1, 206, 386, 389.
Фридрих-Вильгельм IV (1795—1861) — прусский король (1840—1861). — 391.
Фукидид (ок. 455—396 до н. э.) — крупнейший греческий историк. — 413.
Фурье Шарль (1772—1837) — великий французский утопический социалист. — 164, 166, 171, 177, 179, 182, 183, 201, 204, 315.

Ц

Цезарь Кай-Юлий (100—44 до н. э.) — знаменитый римский государственный деятель, полководец и писатель. — 358.

Ш

Шаннер Карл (1813—1870) — немецкий социалист, один из вождей «Союза справедливых» и «Союза коммунистов»; во время раскола «Союза коммунистов» в 1850 г. один из лидеров «левых», вместе с Виллихом выступавший против Маркса; в 1865 г. избран в Генеральный Совет I Интернационала, но активной роли уже не играл. — 37.
Швейцер Жан-Батист (1833—1875) — франкфуртский адвокат и писатель; после смерти Лассалья вождь лассальянцев; в 1864 г. основал газету «Sozial-Demokrat»; поддерживал политику Бисмарка. — 100.
Шекспир Вильям (1564—1616) — великий английский поэт и драматург. — 88, 109, 122, 127.
Шеле Карл-Вильгельм (1742—1786) — шведский химик; в 1774 г. одновременно с Пристли в состав

воздуха обнаружил кислород. — 323, 324.

Шербюлье Антуан-Элизе (1797—1869) — швейцарский экономист, сторонник Сисмонди, мелкобуржуазный критик капитализма. — 300.

Шефтсбери Антони (1671—1713) — английский философ, занимающий видное место в истории этических учений, последователь Локка, материалист-деист. — 370.

Шиллер Фридрих (1759—1805) — великий немецкий поэт. — 401.

Шмидт Конрад (1863—1932) — немецкий социал-демократ, ревизионист, неокантианец. — 347, 350.

Шорлеммер Карл (1834—1892) — выдающийся английский химик, родом из Германии, коммунист, друг Маркса и Энгельса. — 323.

Штейн Лоренц (1815—1890) — немецкий юрист, государствовед и экономист. — 20, 332.

Штирнер Макс (1806—1856) — немецкий философ, левый гегельянец, теоретик анархизма. — 391, 410.

Штраус Давид (1808—1874) — немецкий философ, левый гегельянец, автор книги «Жизнь Иисуса», в которой дана историческая критика евангелия. — 391, 393, 410.

Щ

Щедрин (Салтыков) Михаил Евграфович (1826—1889) — великий русский писатель-сатирик, просветитель. — 90.

Э

Эвелинг Элеонора — см. *Маркс* Элеонора.

Эпикур (ок. 341—270 до н. э.) — великий греческий просветитель, материалист. — 13.

Эсхил (525—456 до н. э.) — великий греческий драматург. — 88, 107.

Ю

Ювенал Децим (ок. 60—140 н. э.) — знаменитый римский поэт-сатирик. — 109.

Юм Давид (1711—1776) — английский философ-агностик, историк и экономист. — 17, 395, 396.

Юр Эндрью (1778—1857) — английский химик и экономист. — 260, 261.

Юшкевич П. С. (р. 1873) — русский социал-демократ, меньшевик, махист. — 67.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	Стр.
Предисловие	III
Ф. ЭНГЕЛЬС. КАРЛ МАРКС	1
Ф. ЭНГЕЛЬС. РЕЧЬ НА МОГИЛЕ МАРКСА	11
В. И. ЛЕНИН. КАРЛ МАРКС	13—38
Учение Маркса	16
Философский материализм	16
Диалектика	18
Материалистическое понимание истории	20
Классовая борьба	21
Экономическое учение Маркса	23
Стоимость	23
Прибавочная стоимость	25
Социализм	32
Тактика классовой борьбы пролетариата	35
В. И. ЛЕНИН. ТРИ ИСТОЧНИКА И ТРИ СОСТАВНЫХ ЧАСТИ МАРКСИЗМА	39—43
I	39
II	41
III	42
В. И. ЛЕНИН. МАРКСИЗМ И РЕВИЗИОНИЗМ	44
В. И. ЛЕНИН. ИСТОРИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ УЧЕНИЯ КАРЛА МАРКСА	51—53
I	51
II	52
III	52
И. В. СТАЛИН. ИЗ БЕСЕДЫ С ПЕРВОЙ АМЕРИКАНСКОЙ РАБОЧЕЙ ДЕЛЕГАЦИЕЙ 9 сентября 1927 г.	54
И. В. СТАЛИН. О ДИАЛЕКТИЧЕСКОМ И ИСТОРИЧЕСКОМ МАТЕРИАЛИЗМЕ	59
ПОЛЬ ЛАФАРУ. ВОСПОМИНАНИЯ О МАРКСЕ	86—103
I	86
II	95
III	99
В. ЛИБКНЕХТ. ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О МАРКСЕ	104—130
1. Первая встреча с Марксом	104
2. Первая беседа	104
3. Маркс — учитель и воспитатель революционеров	106
4. Стиль Маркса	108
5. Маркс как политик, ученый и человек	112
6. Маркс за работой	115
7. Маркс и дети	117
8. Ленхен	119
9. Прогулки с Марксом	120
10. Болсзнь и смерть Маркса	123
11. Нужда и лишения	127
12. Могила Маркса	127

	Стр-
К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС. МАНИФЕСТ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ	131—168
Предисловие к немецкому изданию 1872 года	131
Предисловие к русскому изданию 1882 года	132
Предисловие к немецкому изданию 1883 года	134
Из предисловия к немецкому изданию 1890 года	135
Манифест коммунистической партии	138
I. Буржуа и пролетарии	138
II. Пролетарии и коммунисты	149
III. Социалистическая и коммунистическая литература	157
1) Реакционный социализм	157
а) Феодальный социализм	157
б) Мелкобуржуазный социализм	159
в) Немецкий, или «истинный», социализм	160
2) Консервативный, или буржуазный, социализм	163
3) Критически-утопический социализм и коммунизм	164
IV. Отношение коммунистов к различным оппозиционным партиям	166
Ф. ЭНГЕЛЬС. РАЗВИТИЕ СОЦИАЛИЗМА ОТ УТОПИИ К НАУКЕ	169—215
Предисловие к первому немецкому изданию	169
Предисловие к четвертому немецкому изданию	171
Введение к английскому изданию	172
Развитие социализма от утопии к науке	175
I	175
II	187
III	195
К. МАРКС. НАЕМНЫЙ ТРУД И КАПИТАЛ	216—251
Введение Ф. Энгельса	216
Наемный труд и капитал	225
I	225
II	230
III	235
IV	240
V	245
К. МАРКС. ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА, ЦЕНА И ПРИБЫЛЬ	252—302
(Предварительные замечания).	252
1. [Производство и заработная плата]	253
2. [Производство, заработная плата, прибыль]	256
3. [Заработная плата и деньги]	264
4. [Предложение и спрос]	267
5. [Заработная плата и цены]	269
6. [Стоимость и труд]	271
7. Рабочая сила	279
8. Производство прибавочной стоимости	282
9. Стоимость труда	284
10. Прибыль извлекается при продаже товара по его стоимости	285
11. Различные части, на которые распадается прибавочная стоимость	286
12. Общее соотношение между прибылью, заработной платой и ценами	289
13. Важнейшие случаи борьбы за повышение заработной платы или против ее понижения	291
14. Борьба между капиталом и трудом и ее результаты	296

	Стр.
К. МАРКС. ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ НЕМЕЦКОМУ ИЗДАНИЮ «КАПИТАЛА»	303
К. МАРКС. ИЗ ПОСЛЕСЛОВИЯ КО ВТОРОМУ НЕМЕЦКОМУ ИЗДАНИЮ «КАПИТАЛА»	308
К. МАРКС. ИСТОРИЧЕСКАЯ ТЕНДЕНЦИЯ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО НАКОПЛЕНИЯ. Из XXIV главы первого тома «Капитала»	312
Ф. ЭНГЕЛЬС. «КАПИТАЛ» МАРКСА	315—322
I	315
II	319
Ф. ЭНГЕЛЬС. ИЗ ПРЕДИСЛОВИЯ КО ВТОРОМУ ТОМУ «КАПИТАЛА» К. МАРКСА	323
К. МАРКС. К КРИТИКЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ. Предисловие	326
Ф. ЭНГЕЛЬС. КАРЛ МАРКС «К КРИТИКЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ»	331—340
I	331
II	335
К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС. ИЗ ПИСЕМ ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ МАТЕРИАЛИЗМЕ	344—359
Маркс — П. В. Анненкову, 28 декабря 1846 г.	341
Маркс — И. Вейдемейеру, 5 марта 1852 г.	345
Маркс — Энгельсу, 25 сентября 1857 г.	346
Маркс — Энгельсу, 7 июля 1866 г.	347
Энгельс — Конраду Шмидту, 5 августа 1890 г.	347
Энгельс — Иосифу Блоху, 21 сентября 1890 г.	348
Энгельс — Конраду Шмидту, 27 октября 1890 г.	350
Энгельс — Ф. Мерингу, 14 июля 1893 г.	354
Энгельс — Г. Штаркенбургу, 25 января 1894 г.	356
Ф. ЭНГЕЛЬС. ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ МАТЕРИАЛИЗМЕ	360
К. МАРКС. ТЕЗИСЫ О ФЕЙЕРБАХЕ	380
Ф. ЭНГЕЛЬС. ЛЮДВИГ ФЕЙЕРБАХ И КОНЕЦ КЛАССИЧЕСКОЙ НЕМЕЦКОЙ ФИЛОСОФИИ	383—426
Предисловие	383
I	385
II	393
III	403
IV	410
Указатель важнейших имен	427

К. Маркс. Избранные произведения, т. I.
Государственное издательство политической литературы, 1940 г.
Индекс КЛ/М. Изд. № 1781. Леноблгорлит № 3629.

Технический редактор В. Чуфаринова.
Корректора: Б. Вайнтрауб, Е. Николаева, З. Окунь и З. Патеревская.
Переплет худож. Н. Седелыксова.

Подписано к печати с матриц 3/VIII 1940 г. Формат 60×121¹/₁₆. Объем 28³/₄ печ. л., бум. л. 16³/₈, уч.-авт. л. 29,60, тип. знаков в 1 печ. л. 46850. Тираж 300 тыс. экз. (250 001 — 300 000).
Бумага фабрики «Сокол». Заказ № 470.

Цена книги в переплете 7 руб.